СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

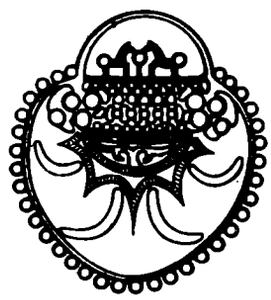
1

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1971

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадгер, *С. Н. Бибиков*, *В. Д. Блаватский*, *М. К. Каргер*,
Е. И. Крупнов, *В. М. Массон*, *Р. М. Мунчаев*, *Б. Б. Пиотровский*,
С. А. Плетнева, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов* (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *И. С. Каменецкий*

Адрес редакции:
Москва, Ж-127, ул. Осипенко, д. 52

Статьи

Л. Г. МАЦКЕВОЙ

ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ МИКРОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ КРЫМА (МЕЗОЛИТ — НЕОЛИТ)

В настоящее время накоплен значительный материал по мезолиту и неолиту Крыма. Это и позволяет создать для указанной территории типолист (номенклатурный список).

Основы типологического метода в археологии были заложены еще во второй половине XIX в. О. Монтелиусом и другими исследователями [1]. Затем в 20-е годы В. А. Городцов, обобщив предшествующий опыт, начал широко применять методы типолого-статистического анализа материалов раскопок [2]. Значительные успехи в этом направлении достигнуты и Г. А. Бонч-Осмоловским [3]. В послевоенные годы большой вклад в разработку новых методов статистической обработки материалов и составлении типо-листа палеолитических орудий сделан Ф. Бордом [4]. Для позднего палеолита наиболее общепризнанным является обоснование, а затем и типолист Д. Сонневиль-Борд и Ж. Перро [5].

Успешно применяется статистический метод и для изучения орудий мезолита и последующих эпох. Для южной Скандинавии С. Альтеном предложен список, включающий 31 тип [6]. Для мезолита Северного Средиземноморья М. Фонтоном и А. Люмлеем дается список из 84 типов [7]. Первоначальный набросок типо-листа для мезолита Франции и Бельгии сделан в работе Ж. Розуа [8]. Им предлагается 115 типов орудий. Из других разрабо-

[1] O. Montelius. Die älteren Kulturperioden im orient und in Europa, T. 1. Stockholm, 1903, Die Methode, 1903.

[2] В. А. Городцов. Типологический метод в археологии. Рязань, 1927; его же. Техника и типологическая классификация резцов Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 годов. Тр. СА РАНИОН, 5, 1930, стр. 15—44.

[3] Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Кийк-Коба. Палеолит Крыма, I, М.— Л., 1940.

[4] F. Bordes. Principes d'une methode d'étude des techniques et de la typologie du Paléolithique ancien et moyen. L'Anthropologie, LIV, 1950, 1—2, стр. 19—34; F. Bordes et M. Bourgon. Le complexe moustérien. L'Anthropologie, LV, 1951, 1—2; стр. 1—23. В советской литературе о методе Ф. Борда см. В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических орудий. МИА, 131, 1965, стр. 7—76.

[5] D. de Sonneville-Bordes et J. Perrot. Essai d'adaptation des methodes statistiques au Paléolithique supérier. Premiers résultats. Bull. SPF, L., 1953. 5—6, стр. 323—333; их же. Lexique typologique du Paléolithique supérieur. Bull. SPF, LI, 1954, 7, стр. 323—335, LII; 1955, 1—2, стр. 76—80; LIII, 1956, 7—8, стр. 408—412; 9, стр. 547—559; D. de Sonneville-Bordes. L'Evolution Paléolithique supérieur en Europe Occidentale et sa signification. Bull. SPF, 1966, 1, стр. 3—34; А. П. Черныш. О номенклатуре позднепалеолитических орудий. КСИА, АН СССР, 111, 1967, стр. 3—11.

[6] A. Althin. A View of the Mesolithic Material in Southern Scandinavia. Bull. soc. royale de Lund. Lund, 1953—1954.

[7] M. Escalon de Fonton et H. de Lumley. Quelques civilisation de la Méditerrance septentrionale et leurs intercurrences. Bull. SPF, LII, 1955, 7, стр. 379—396.

[8] J. G. Rozoy. Essai d'adaptation des méthodes statistiques à l'Epipaléolithique («Mesolithique»). Liste-tipe provisoire et premiers résultats. Bull. SPF, LXIV, 1967, 1, стр. 209—226.

ток отметим работы Г. Лаплас-Жореча и Ж. Тиксье. Первым дано 50 типов изделий для территории Северной Африки и Юго-Западной Франции [9], вторым выработан список из 112 номеров для территории Магриба [10].

Д. А. Крайнов на основании анализа материалов пещерной стоянки Таш-Аир, которую он предлагает взять за основу для периодизации послепалеолитических культур Крыма, выработал для этой территории список из 49 типов кремневых изделий [11]. Типологические списки для верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа составлены Н. О. Бадером. Для этих территорий им выделено 5 типов нуклеусов и соответственно 33 и 36 названий кремневых орудий и составных частей орудий. В типологический ряд, в отличие от многих других авторов, им включена керамика и частично изделия более поздних эпох [12].

В данной работе сделана попытка дать предварительный типологический список для микролитических комплексов Крыма, охватывающий мезолит и неолит. Список включает следующие классы: А. Кремневые гальки и желваки (1—2); Б. Нуклеусы (1—7); В. Отщепы (1—3); Г. Пластины, пластинки и микропластинки (1—3); Д. Орудия и составные части орудий (1—105); Е. Отходы кремневого производства (1—6); Ж. Другие изделия и формы из камня (1). В свою очередь класс кремневых орудий и составных частей орудий состоит из 15 групп типов (разделов): I. Трапеции (1—23); II. Сегменты (24—35); III. Треугольники (36—41); IV. Прямоугольники и другие типы (42—44); V. Вкладыши кукрекского типа (45—49); VI. Пластинки с притупленным ретушью краем (50—51); VII. Скребки (52—69); VIII. Пластинки с приостряющей ретушью (70—75); IX. Пластинки с выемками и микровыемками (76—80); X. Пластинки со скошенным и притупленным ретушью концом (81—82); XI. Резцы (83—88); XII. Острия (89—96); XIII. Наконечники стрел и дротиков (97—102); XIV. Отжимники и отбойники (103—104); XV. Другие орудия и составные части орудий (105). Кроме того, орудия можно классифицировать и по следующим признакам: 1) вкладыши сложных орудий и некоторые близкие им типы (1—51); 2) скребки, скобели и некоторые другие близкие им орудия (52—80); 3) резцы и другие близкие им типы (81—102); 4) другие орудия и составные части орудий (103—105). Возможны и иные группировки кремневых изделий по различным признакам. В работе, кроме того, дается дополнительная характеристика нуклеусов, распределение орудий по типам заготовок, внешнее состояние кремня, количество и качество заготовок, характер ретуши на трапециях и сегментах.

Подсчитав процентное соотношение типов и другие показатели, есть возможность при помощи методов и различных диаграмм, предложенных в статье Д. Форда и других авторов [13], решать многие вопросы интерпретации комплексов.

Данная сводка может быть использована для выяснения процентного соотношения типов на различных стоянках. Такие подсчеты дадут осно-

---

[9] G. Laplas-Jauretche. Typologie statistique et évolution des complex à lames et lamelles. Bull. SPF, LIII, 1956, 5—6, стр. 271—291.

[10] J. Tixier. Typologie de l'Epipaléolithique du Maghreb, 2. Paris, 1963.

[11] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир-I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, 1960.

[12] Н. О. Бадер. О соотношении культуры верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа. СА, 1961, 4, стр. 9—25.

[13] Д. А. Форд. Количественный метод установления археологической хронологии. СЭ, 1962, 1, стр. 32—43; О. П. Черниш. Про статистичний метод у вивченні палеоліту та мезоліту. МДА ПВ, II. Київ, 1959, стр. 29—39; R. Parent. Le gisément tardénoisien de l'allée Tortue a fere-en Tardénois (Aisne). Bull. SPF, LXIV, 1967, 1, стр. 187—209; I. G. Clark. Blade and Trapeze Industries of the European Stone Age. PPS, New Ser. XXIV, 2, 1958, стр. 24—43; G. Laplace. Essai de tipologie systématique. Universita degli studi di Ferrara, 1964; M. N. Brézillon. La denomination des objets de pierre. Taille IVe — Supplement à «Gallia préhistoire». Paris, 1968; I. R. Sackett. Quantative Analysis of Upper Paleolithis Stone Tools. American Anthropologist, 2, 68, 2, 1966, стр. 356—394.

вания судить и о хозяйственной направленности определенных групп населения.

В список, в отличие от многих разработок типолистов для других территорий, кроме орудий со следами вторичной обработки внесены гальки и желваки, нуклеусы, пластины, пластинки и микропластинки, отщепы, а также различные отходы кремневого производства. Территория Крыма относительно невелика и в какой-то степени изолирована. В связи с этим принимается исходное положение, что при близком качестве сырья и техники обработки соотношение этих находок для определенных хронологических и культурных групп в достаточной степени стабильно. Поэтому, имея определенное соотношение типов, полученное на опорных памятниках, мы можем датировать и подъемный материал.

При выделении определенных типов, разделов (групп типов) и классов, прежде всего учитывалась морфология, а затем технология изготовления и функциональное назначение изделий. Например, по форме могут быть близки трапеции симметричные высокие с притупляющей ретушью и высокие со струганой спинкой. В данном случае морфология не дает оснований выделять два типа, хотя эти изделия хронологически и по назначению могут быть весьма далеки. В таких случаях используются данные технологического анализа. При незначительных морфологических и технологических отличиях изделий, критерием для отнесения к тому или иному типу служили, прежде всего, данные функционального анализа, разработанного С. А. Семеновым [14].

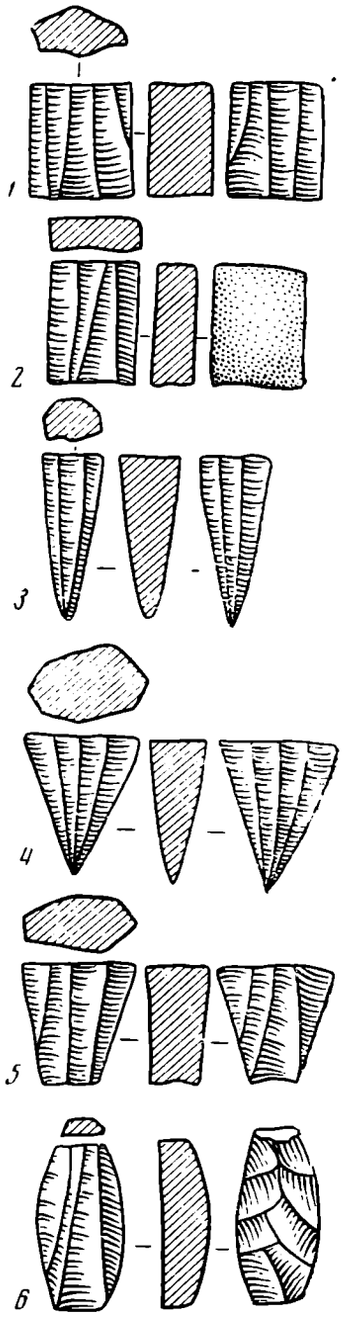


Рис. 1. Нуклеусы

Большинство выделенных типов характерно для опорных горнокрымских памятников, типичных для Крыма в целом, раскопанных К. С. Мережковским [15], Г. А. Бонч-Осмоловским [16], С. Н. Бибиковым [17], О. Н. Бадером [18], Д. А. Крайновым [19], Б. С. Жуковым [20] и др. Это прежде всего Шан-Коба, Фатьма-Коба, Мурзак-Коба, Таш-Аир, Буран-Кая, Ат-Баш и Юсуповский бассейн. В список включены и такие изделия, как иволистные наконечники стрел и вкладыши кукрекского типа, которые отмечены лишь на отдельных памятниках (Сюрень II и Кукрек,

---

[14] С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, 54, 1957; его же. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

[15] К. С. Мережковский. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму. ИРГО, XVI, СПб. 1880 (1881), стр. 106—146.

[16] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Тр. АИЧПЕ, V, М.— Л., 1934, стр. 117—184.

[17] С. Н. Бибиков. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и гроте Мурзак-Коба в Крыму. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 126—130.

[18] О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита Крымской Яйлы. СА, 5, 1940, стр. 93—100.

[19] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир-I...

[20] Б. С. Жуков. Раскопки и обследования стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской Яйле в июне 1927 года. «Крым», 1927, 2 (4), Симферополь, стр. 99—107; B. Schukov. Tardenoisien in der Krim, Neolithikum im Wolgegebiet. Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Bericht über die Hundertjahrfeier. Berlin. 1929, 1930, ср. 281—286.

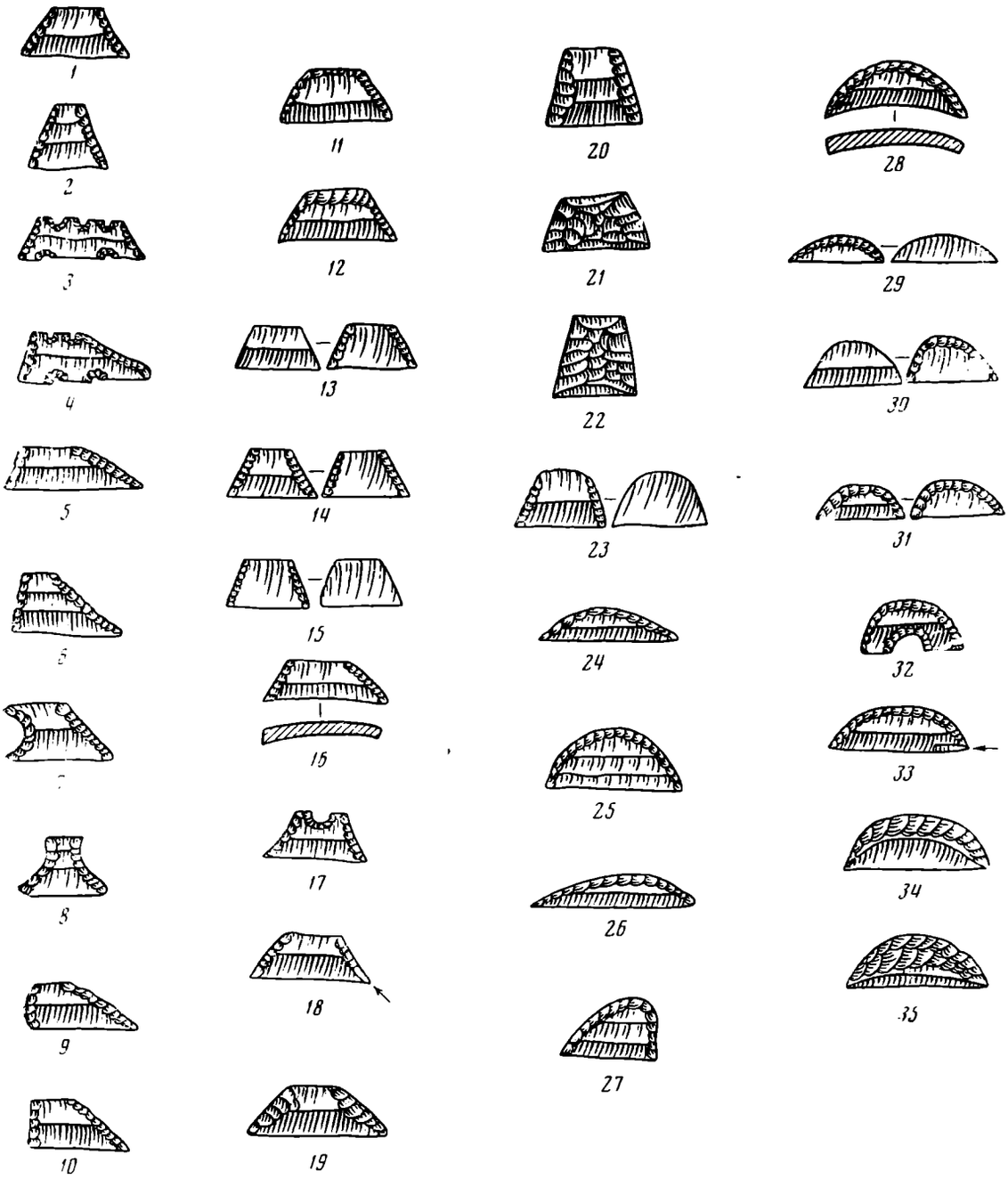


Рис. 2 а. Кремневые орудия и их составные части

раскопки Е. А. Векиловой[21] и Г. А. Бонч-Осмоловского[22]). Эти изделия будто бы не характерны для большинства крымских памятников. А между тем в единичных экземплярах они отмечены на многих крымских стоянках. Таким образом, их наличие на поселениях может служить определенным показателем взаимосвязи крымских этнокультурных групп на определенных этапах. В список включены и другие типы, отмеченные в сериях на стоянках, раскопанных А. Д. Столяром[23], А. А. Щепинским и А. А. Формозовым[24] в послевоенные годы в горном Крыму (Алимовский навес и Кая-Арасы); на территории Керченского полуострова (Фронтовое, Ленинское

---

[21] Е. А. Векилова. К вопросу о свидерской культуре в Крыму (Сюрень-II). КСИА АН СССР, 82, 1961, стр. 143—150.

[22] Г. А. Бонч-Осмоловский. Предварительные данные о раскопках Крымской экспедиции зоологического музея АН СССР в 1927 году. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927, стр. 41—44.

[23] А. Д. Столяр. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму. КСИА АН СССР, 84, 1961, стр. 38—44.

[24] А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, 102, 1962, стр. 89—123.

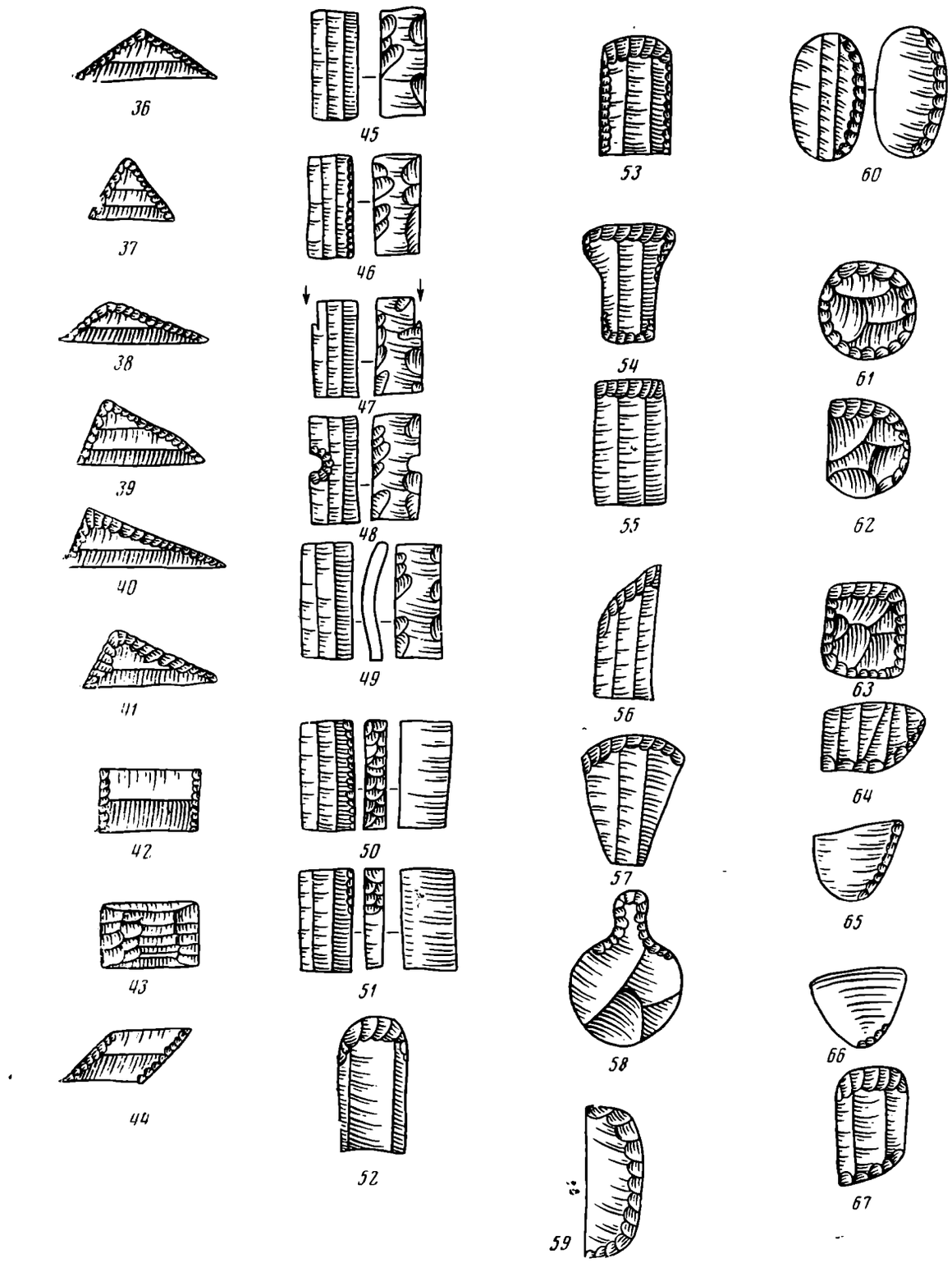


Рис. 2 б. Кремневые орудия и составные части орудий

и Луговое), раскопки Ю. Г. Колосова [25] и Л. Г. Мацкевого [26], а также другие памятники.

При составлении сводки использованы типы, выделение которых было сделано многими исследователями микролитических индустрий Крыма.

Данные разработки, видимо, будут в полном объеме использованы только для коллекций, насчитывающих около 1000 изделий, и в том числе не менее 100—150 орудий. Для комплексов, включающих меньшее количество

---

[25] Ю. Г. Колосов. Досліджения пам'яток неолітичного часу на Керченському півострові. «Археологія», XIV, 1962, стр. 156—166.

[26] Л. Г. Мацкевой. Мезолитические стоянки и местонахождения на Керченском полуострове. СА, 1966, 3, стр. 125—132; его же. Мезолитические стоянки Восточного Крыма. КСИА АН СССР, 117, 1969, стр. 44—53.

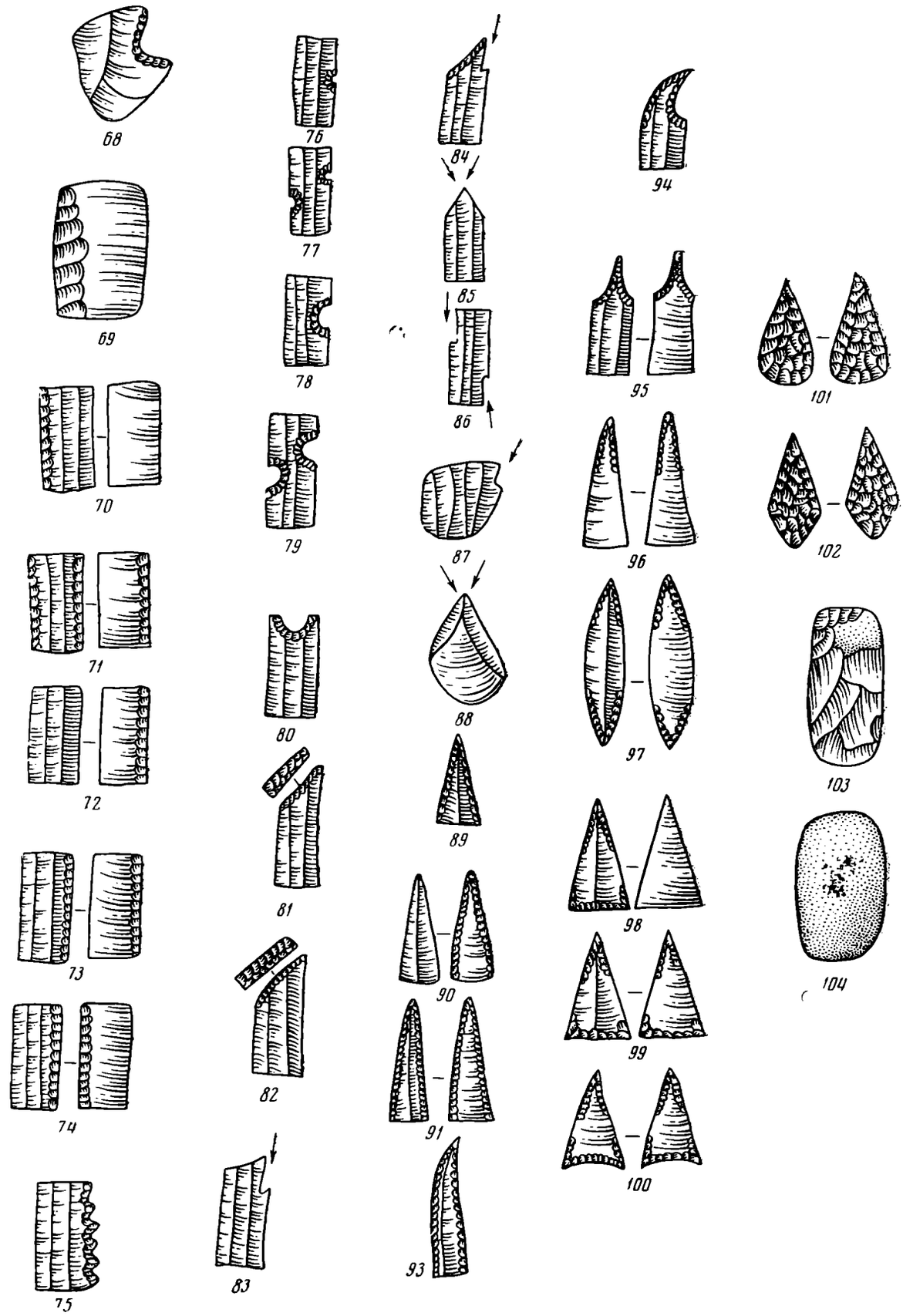


Рис. 2 в. Кремневые орудия и их составные части

находок, они могут использоваться лишь частично. Эти разработки рассматриваются как рабочие построения, которые возможно дадут толчок другим попыткам создания типо-листов для мезолита и неолита.

При разработке списка учтены коллекции из Крыма, которые находятся в музеях и научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Киева, Керчи и других городов.

Ниже предлагается предварительный опыт построения типо-листа или номенклатурного списка для мезолита и неолита Крыма.

А. Кремневые гальки и желваки

1. Галька кремневая	Более $^1/_2$ поверхности окатано
2. Желваки и крупные обломки кремня	Размеры более 4 × 3 × 2 *см*. Менее $^1/_2$ поверхности окатано.

Б. Нуклеусы (рис. 1)

1. Нуклеус призматический.	По внешней форме близки к призме, однако ширина не более чем в три раза превышает толщину изделий.
2. Нуклеус плиткообразный.	По форме напоминают призму, ширина которой более чем в три раза превышает толщину изделий.
3. Нуклеус карандашевидный.	По форме близки призме или пирамиде, длина их более чем в два раза превышает ширину и толщину, которые, как правило, равны. Следы скалывания пластин по кругу.
4. Нуклеус пирамидальный (конусовидный).	Традиционно такие нуклеусы называются конусовидными [27], хотя по форме они более близки к пирамиде или клину.
5. Нуклеус усеченно-пирамидальный (трапециевидный).	По форме напоминают усеченную пирамиду. Плоское изображение близко трапеции.
6. Нуклеус ладьевидный.	Высота более чем в 1,5 раза превышает ширину. Нижнее и верхнее основания заужены.
7. Нуклеусы аморфные и другие.	Тыльная сторона чаще всего обработана поперечными сколами. Выделен Г. А. Бонч-Осмоловским [28].

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НУКЛЕУСОВ

Все нуклеусы по наличию на них следов сколов подразделяются на односторонние и двухсторонние. По соотношению ширины и толщины — на плоские и все прочие. При этом к плоским отнесены нуклеусы, у которых наибольшая ширина более чем в два раза превосходит наибольшую толщину. Нуклеусы, кроме того, подразделяются по количеству площадок на одноплощадочные, двухплощадочные, трех-и более площадочные.

В. Отщепы

1. Отщеп треугольный.	К классу отщепов отнесены сколы с ударной площадкой и бугорком. Длина изделий менее чем в 2 раза превышает ширину. Размеры от 1×1×0,2 до 4×3×2 *см*.
2. Отщеп пластинчатый.	Плоское изображение отщепов треугольного типа близко треугольнику.
3. Другие отщепы.	Только пропорции (длина менее чем в 2 раза превышает ширину) не дают оснований относить их к пластинкам (пластинам и микропластинкам).

---

[27] М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы. Археологический сборник ГЭ, 1. 1959, стр. 55, рис. 24, *2*.

[28] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения..., стр. 158, табл. VIII, *10*.

Г. Пластины, пластинки и микропластинки

1. Пластина. — К классу пластин, пластинок и микропластинок отнесены сколы, длина которых в 2 раза превышает ширину, а последняя — в 2 раза толщину.

Длина пластин более 2,4 *см*, ширина больше 1,2 *см*. Аналогичные соотношения размеров этих изделий приняты многими специалистами [29].

2 Пластинка. — Длина изделий не меньше 1,4 *см*, ширина от 0,7 до 1,2 *см*, наибольшая толщина не более 0,6 *см*.

3. Микропластинка. — Ширина меньше 0,7 *см*, толщина менее 0,35 *см*.

Д. Кремневые орудия и составные части орудий (рис. 2а, б, в)

I. Трапеции и трапециевидные формы — Разделы (группы типов) I—IV (№ 1—44), а также в какой-то мере и V—VI (45—51) состоят из геометрических микролитов, которые в большинстве случаев употреблялись как составные части сложных вкладышевых орудий.

1. Трапеция симметричная низкая. — Ретушь притупляющая или приостряющая лишь на боковых сторонах, которые равны. Нижнее основание в 2 и более раз превышает высоту изделий.

2. Трапеция симметричная высокая. — Ретушь притупляющая или приостряющая лишь на боковых сторонах, которые равны. Нижнее основание менее чем в 2 раза превышает высоту.

3. Трапеция симметричная с зубчиками. — Выемки (зубчики) на основаниях трапеций создают пилообразный край.

4. Трапеция асимметричная с зубчиками. — Выемки (зубчики) на верхнем и нижнем основаниях. По предположению С. Н. Бибикова, эти изделия служили в качестве блесен для ловли рыбы [30].

5. Трапеция асимметричная низкая. — Ретушь притупляющая или приостряющая только на боковых сторонах. Нижнее основание в 2 раза и более превышает высоту изделий.

6. Трапеция асимметричная высокая. — Ретушь притупляющая или приостряющая только на боковых сторонах. Нижнее основание менее чем в 2 раза превышает высоту изделий.

7. Трапеция асимметричная с вогнутой стороной. — Одна из боковых граней вогнута и обработана ретушью.

8. Трапеция долотовидная (выемчатая). — Боковые грани вогнуты, верхнее основание часто сведено до минимума. Большинство использовалось в качестве наконечников стрел.

9. Трапеция с выпуклой (округлой) стороной. — Одна из боковых граней выпукло закруглена ретушью.

---

[29] J. Tixier. Tipologie de l'Epipaléolithique..., стр. 38; M. N. Brezillon. La dénomination, стр. 100.

[30] С. Н. Бибиков. Раскопки в навесе Фатьма-Коба в 1956 году. КСИА, 8, 1959, стр. 119.

10. Трапеция прямоугольная.	Нижнее, а иногда и верхнее основание образуют с одной из боковых сторон прямой угол.
11. Трапеция с притупляющей ретушью основания.	Одно из оснований, чаще всего верхнее, покрыто приостряющей ретушью.
12. Трапеция с приостряющей ретушью основания.	Одно из оснований, чаще верхнее, покрыто приостряющей ретушью.
13. Трапеция с ретушью только с брюшка.	Брюшко изделий покрыто приостряющей, реже уплощающей или сострагивающей ретушью.
14. Трапеция с ретушью с брюшка и со спинки.	Трапеции покрыты приостряющей ретушью с брюшка и со спинки.
15. Трапеция без граней на спинке.	Боковые стороны покрыты ретушью. Как брюшко, так и спинка граней не имеют.
16. Трапеция на изогнутой пластинке.	Отсутствие следов от употребления и кривизна изделий позволяют предполагать, что они употреблялись в качестве зубцов или стабилизаторов метательных орудий.
17. Трапеция с выемкой на основании.	На нижнем, иногда на верхнем основании, налицо только одна выемка, чаще всего обработанная ретушью.
18. Трапеция с резцовым сколом.	Конец изделий, как правило, нижнего основания, приострен резцовым сколом. Иногда приострены 2 конца трапеции. Этот тип выделен Г. А. Бонч-Осмоловским [31].
19. Трапеция низкая с уплощающей ретушью, заходящей на спинку.	Спинка менее чем на $^1/_3$ покрыта уплощающей ретушью. Нижнее основание более чем в 2 раза превышает высоту.
20. Трапеция высокая с уплощающей ретушью, заходящей на спинку.	Спинка менее чем на $^1/_3$ покрыта уплощающей ретушью. Нижнее основание менее чем в 2 раза превышает высоту.
21. Трапеция низкая со струганой спинкой.	Спинка более чем на $^1/_3$ покрыта плоской сострагивающей ретушью. Нижнее основание более чем в 2 раза превышает высоту.
22. Трапеция высокая со струганой спинкой.	Спинка более чем на $^1/_3$ покрыта плоской сострагивающей ретушью. Нижнее основание менее чем в 2 раза превышает высоту.
23. Трапеция сегментовидная.	Переходный тип. Чаще всего со спинки производит впечатление трапеции, а с брюшка — сегмента. Иногда ретушь не только по краям, но и на верхнем основании изделия.
II. Сегменты	
24. Сегмент низкий симметричный.	Ретушь притупляющая или приостряющая по дуге сегментов. Основание более чем в 2 раза превышает высоту.
25. Сегмент высокий симметричный.	Ретушь притупляющая или приостряющая по дуге сегментов. Основание менее чем в 2 раза превышает высоту.

[31] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения..., стр. 160.

26. Сегмент низкий асимметричный. Ретушь притупляющая или приостряющая по дуге сегментов. Основание более чем в 2 раза превышает высоту.

27. Сегмент высокий асимметричный. Ретушь притупляющая или приостряющая по дуге сегментов. Основание менее чем в 2 раза превышает высоту.

28. Сегмент на изогнутой пластинке. Как и трапеции на изогнутой пластинке, чаще всего применялись для оснащения метательных орудий.

29. Сегмент без граней на спинке. Близкие типы отмечены большими сериями в каспийской и гелуанской культурах, где носят наименование «апельсиновые дольки» [32]. В Крыму наибольшей серией пока представлены в верхнем культурном слое стоянки Сюрень-II [33].

30. Сегмент с ретушью только с брюшка. Покрыты приостряющей ретушью с брюшка по дуге сегментов.

31. Сегмент с ретушью с брюшка и спинки. Покрыты приостряющей ретушью со спинки и с брюшка по дуге сегментов.

32. Сегмент с выемкой на основании. Выемка, как правило, имеет ретушь на всем протяжении.

33. Сегмент с резцовым сколом. Конец основания сегментов приострен резцовым сколом. Иногда приострены оба конца. Тип выделен Г. А. Бонч-Осмоловским [34].

34. Сегмент с уплощающей ретушью по дуге. Уплощающая ретушь занимает часто до $^1/_3$ площади спинки изделия.

35. Сегмент со струганой спинкой. Плоской сострагивающей ретушью покрыто более $^1/_3$ площади спинки.

III. Треугольники

36. Треугольник низкий симметричный. Боковые стороны, обработанные притупляющей или приостряющей ретушью, равны. Основание более чем в 2 раза превышает высоту.

37. Треугольник высокий симметричный. Боковые стороны, обработанные притупляющей или приостряющей ретушью, равны. Длина основания менее чем в 2 раза превышает высоту.

38. Треугольник низкий асимметричный. Боковые стороны, обработанные притупляющей или приостряющей ретушью, разной длины. Основание более чем в 2 раза превышает высоту.

39. Треугольник высокий асимметричный. Боковые стороны, обработанные притупляющей или приостряющей ретушью, различной длины. Величина основания менее чем в 2 раза превышает высоту.

40. Треугольник прямоугольный. Стороны треугольника, обработанные притупляющей или приостряющей ретушью, образуют прямой угол.

41. Треугольник с уплощающей ретушью. К этому типу условно отнесены и треугольники с плоской сострагивающей ретушью, отмечаемые крайне редко.

---

[32] А. Алиман. Доисторическая Африка. М., 1960, стр. 88, 125.

[33] Е. А. Векилова. К вопросу о свидерской культуре в Крыму (Сюрень-II), стр. 144.

[34] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения..., стр. 160.

IV. Прямоугольники и другие типы	
42. Прямоугольник с притупляющей или приостряющей ретушью.	Ретушь, как правило, только на боковых сторонах.
43. Прямоугольник с плоской сострупивающей ретушью.	Иногда сострупивающая ретушь покрывает почти всю спинку, чаще — лишь часть ее.
44. Параллелограмм и другие близкие ему типы.	Отмечаются достаточно редко.
V. Вкладыши Кукрекского типа.	
45. Вкладыш кукрекского типа с ретушью только с брюшка.	Ретушь плоская, сострупивающая, редкими фасетками.
46. Вкладыш кукрекского типа с ретушью с брюшка и спинки.	Ретушь с брюшка плоская, сострупивающая. Со спинки, как правило, приостряющая.
47. Вкладыш кукрекского типа с резцовым сколом.	Один из концов вкладыша приострен резцовым сколом.
48. Вкладыш кукрекского типа с выемкой.	На одном из краев вкладыша находится выемка, обработанная ретушью. Диаметр выемки не менее 0,5 *см*.
49. Вкладыш кукрекского типа на изогнутой пластинке.	Часто по краю имеют некоторое количество выемок. Диаметр выемок менее 0,5 *см*.
VI. Пластинки с притупленным краем	В эту группу условно отнесены также пластины и микропластинки с притупленным ретушью краем.
50. Пластинка с полностью притупленным ретушью краем.	Край пластинки (пластины, микропластинки) притуплен более чем на $^1/_2$ ее длины.
51. Пластинка с частично притупленным ретушью краем.	Край пластинки (пластины, микропластинки) подправлен менее чем на $^1/_2$ ее длины.
VII. Скребки	
52. Скребок концевой с дугообразным рабочим краем.	Изготовлены на пластинках (микропластинках), которые иногда усекались.
53. Скребок концевой с краевой ретушью на пластинке.	От № 52 отличается краевой ретушью боковых сторон основания скребка. К этому типу условно отнесены и изделия на пластинах и микропластинках. Подработанная нижняя часть основания служила скорее всего для закрепления орудий в костяных или деревянных рукоятках.
54. Скребок с подработкой основания.	

55. Скребок концевой с прямым рабочим краем.	Ретушью покрыт чаще всего усеченный конец пластинок (пластин, микропластинок), который и являлся рабочим краем.
56. Скребок концевой со скошенным рабочим краем.	Ретушь косоусеченного конца пластинок (пластин, микропластинок) нанесена под углом в отличие от пластинок с притупленным ретушью краем.
57. Скребок веерообразный.	Ширина рабочего края более чем в 1,5 раза превышает ширину основания. Иногда применяется термин «языковидный».
58. Скребок с выступом.	Изготовлен на отщепах или на пластинках. Имеет выступающий, специфически вытянутый рабочий край (à museau по Д. Сонневиль-Борд [35] и другим авторам [36]).
59. Скребок боковой (сегментовидный).	По форме близки к низким сегментам или овалам. Микроформы отличаются от сегментов характером следов употребления. От пластинок с приостряющей ретушью отличаются закругленностью концов.
60. Скребок двусторонний.	Имеют по 2 лезвия, каждое из которых близко к боковым скребкам. Иногда одно лезвие с брюшка, а другое со спинки на противолежащих сторонах заготовки.
61. Скребок дисковидный.	Край орудий более чем на $^2/_3$ близок к окружности и покрыт ретушью.
62. Скребок подокруглый.	Край орудий более чем на $^1/_2$, но менее чем на $^2/_3$ близок к окружности и покрыт ретушью.
63. Скребок подквадратный.	Ретушью покрыты 3, а иногда и 4 края подквадратного по форме отщепа или усеченной пластинки.
64. Скребок нуклевидный.	Изготовлены на продольном, реже на поперечном сколе с нуклеуса.
65. Скребок простой на отщепе.	Ретушью покрыто более $^1/_2$ предполагаемой рабочей поверхности.
66. Отщеп с ретушью.	Ретушью покрыто менее $^1/_2$ предполагаемой рабочей поверхности. Функционально близки к скребкам.
67. Скребок двойной.	На концах пластинок, реже пластинчатых отщепов изготовлено 2 скребковых лезвия, иногда разных типов.
68. Скребок выемчатый.	Изготовлены не на пластинках (пластинах, микропластинках). С выемчатым рабочим краем. Диаметр выемки более 0,5 *см*. По данным функционального анализа такие изделия выполняли функции скобеля.
69. Скобель.	Чаще всего на массивном отщепе с грубой ретушью. Имеет специфические следы, свидетельствующие об употреблении.
VIII. Пластинки с приостряющей ретушью	Согласно данным С. А. Семенова [37] и Г. Ф. Коробковой [38], эти изделия служили, как правило, строгальными и мясными ножами, боковыми скребками, скобелями, а также дру-

[35] D. de Sonneville-Bordes et J. Perrot. Lexique tipologique..., стр. 333, рис. 3, 13, 14.

[36] J. Tixier. Typologie de l'Epipaléolithique..., стр. 159, № 6.

[37] С. А. Семенов. Первобытная техника..., стр. 132, рис. 44 и стр. 135.

[38] Г. Ф. Коробкова. Применение метода микроанализа к изучению функций каменных и костяных орудий. МИА, 129, 1965, стр. 194—195.

гими орудиями. К этой группе типов условно отнесены также пластины и микропластинки с приостряющей ретушью.

70. Пластинка с ретушью только со спинки. — Ретушь приостряющая и покрывает один или оба края спинки пластинок.

71. Пластинка с ретушью с брюшка и со спинки. — Ретушь приостряющая, которая покрывает оба края спинки или брюшка и один край спинки или брюшка.

72. Пластинка с ретушью только с брюшка. — Ретушь приостряющая. Отличается от вкладышей кукрекского типа характером ретуши.

73. Пластинка с противолежащей ретушью. — Приостряющая ретушь нанесена по одному краю со спинки, по другому — с брюшка.

74. Пластинка со встречной ретушью. — Ретушь приостряющая с обеих сторон по одному краю.

75. Пластинка с зубчатой ретушью (пилочка). — Выемки (зубчики), как правило, с одной стороны. Их более трех.

IX. Пластинки с выемками и микровыемками

По данным С. А. Семенова и Г. Ф. Коробковой, эти изделия выполняли роль скобелей. В эту группу условно отнесены также пластины с выемками и микровыемками и микропластинки с микровыемками.

76. Пластинка с микровыемкой. — Диаметр выемки, обработанной ретушью, менее 0,5 *см*.

77. Пластинка с микровыемками. — Как правило, не более двух, реже трех микровыемок с одной стороны.

78. Пластинка с выемкой. — Диаметр выемки, обработанный ретушью, превышает 0,5 *см*.

79. Пластинка с выемками. — Как правило, имеет две выемки на противолежащих краях.

80. Пластинка с выемкой на конце. — Диаметр выемки, как правило, превышает 0,5 *см*.

X. Пластинки со скошенным и притупленным ретушью концом

Следы от употребления (видны под микроскопом) свидетельствуют о том, что большинство этих изделий служило в качестве боковых резцов и резчиков. В эту группу типов условно отнесены также пластины и микропластинки со скошенным и притупленным ретушью концом.

81. Пластинка с прямоскошенным концом. — Косоусеченный конец пластинки обработан притупляющей ретушью.

82. Пластинка с округлоскошенным концом. — Косоусеченный конец пластинки закруглен притупляющей ретушью.

XI. Резцы

83. Резец угловой. — Рабочий конец на углу сломанной пластинки образован резцовым сколом с края пластинки (пластины или микропластинки).

84. Резец боковой. — Отличается от угловых наличием ретуши края для упора при работе.

85. Резец срединный. — Изготовлен, как правило, путем косонаправленных сколов с конца пластинки (пластины или микропластинки).

86. Резец многолезвийный. — Имеет два и более рабочих конца (лезвия), как правило, на противолежащих концах пластинки (пластины или микропластинки).

87. Резец нуклевидный. — Изготовлен на части нуклеуса, иногда на целом экземпляре.

88. Резец кукрекского типа. — Изготовлены на массивных отщепах (сколах). Сюда могут быть условно отнесены и другие резцы на отщепах, процент которых очень незначителен. Этот тип выделен Г. А. Бонч-Осмоловским [39].

XII. Острия

89. Острие симметричное. — Приостряющей и уплощающей ретушью покрыто менее $^1/_3$ спинки острия, которое симметрично.

90. Острие с ретушью с брюшка. — Приостряющей и уплощающей ретушью покрыто менее $^1/_3$ брюшка острия, которое симметрично.

91. Острие двухстороннее. — Ретушью покрыто менее $^1/_3$ спинки и брюшка острия, которое симметрично.

92. Острие со струганой спинкой. — Спинка острия покрыта плоской сострупивающей ретушью, занимающей более $^1/_3$ площади спинки.

93. Острие косое (асимметричное). — Ретушь приостряющая и плоская. Изготовлены, как правило, на пластинке.

94. Острие клювовидное. — Имеет специфическую изогнутость лезвия, которое в большинстве случаев тщательно оретушировано.

95. Проколка (шило). — Имеет специфически вытянутое лезвие. иногда под микроскопом видна заполированность рабочего края.

96. Сверло. — По внешней форме лишь в незначительной степени отличаются от шильев и проколок. Под микроскопом видны поперечные линии на рабочем конце орудия.

XIII. Наконечники стрел и дротиков

Отличаются от острий отсутствием следов от употребления, а также подработкой основания

97. Наконечник иволистный. — По форме близки к свидерским. Большой серией в Крыму пока представлены только на стоянке Сюрень-II [40].

98. Наконечник треугольный с прямым основанием (односторонний). — Близки по форме к симметричным остриям, однако имеют подработку основания.

99. Наконечник треугольный с прямым основанием (двусторонний). — На ранних экземплярах отмечено покрытие плоской ретушью лишь незначительной площади изделий.

---

[39] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги пзучения..., табл. IX, *14*.

[40] Е. А. Векилова. К вопросу о связях населения на территории Крыма в эпоху мезолита. МИА, 126, 1966, стр. 145, рис. 1, *1—6*.

100. Наконечник треугольный с вогнутым основанием.	**Покрыта чаще всего ретушью лишь незначительная часть поверхности изделий.**
101. Наконечник треугольный с округлым (выпуклым) основанием.	В большинстве случаев покрыты двусторонней ретушью более чем на $^1/_3$ площади.
102. Наконечник ромбовидный с укороченным нижним концом (основанием).	Ретушью, как правило, покрыто более $^1/_3$ обеих сторон. Нижняя половина чаще всего резко заужена и укорочена.
XIV. Отжимники и отбойники	Чаще всего могут быть выделены лишь на основании применения функционального метода С. А. Семенова.
103. Отжимник	Как правило, изготовлены из кремня.
104. Отбойник	Кроме кремня, для их изготовления применялась и необработанная галька, следы использования которой видны под микроскопом.
105. XV. Другие орудия и составные части орудий	

Е. Отходы кремневого производства

1. Скол краевой	Преимущественно отходы при подправке орудий, часто с остатками ретуши.
2. Скол резцовый.	Отходы при производстве резцов. Ряд специалистов именуют их «краевыми отщепами резцов» [41].
3. Скол треугольный.	В сечении близки к треугольнику. Ширина менее чем в 2 раза превышает толщину, а длина более чем в 2 раза больше ширины. Некоторые специалисты именуют это изделие «реберчатой пластинкой».
4. Скол с нуклеуса.	Преимущественно поперечные («оживления»). Продольные гораздо более редки.
5. Чешуйка.	Часто без выделенной площадки. Отличаются миниатюрными размерами, не превышающими 1×1×0,2 *см*.
6. Обломок.	Размеры от 1×1×0,2 до 4×3×2 *см*.

ДОПОЛНЕНИЯ К ТИПОЛОГИЧЕСКОМУ СПИСКУ

1. Внешнее состояние кремня

1. Количество кремня, побывавшего в огне; 2. Кремень с патиной; 3. Кремень с желвачной коркой; 4. Кремень с галечной коркой.

II. Количество заготовок

1. Количество пластинок всех типов, в том числе со вторичной обработкой и сечений; 2. Количество всех отщепов и орудий на них.

II. Распределение орудий по типам заготовок

1. Орудия на пластинах; 2. Орудия на пластинках; 3. Орудия на микропластинках; 4. Количество орудий на отщепах.

[41] П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, 40, 1953, стр. 131.

IV. Характер ретуши на геометрических микролитах

1. Ретушь встречная.	Еще достаточно нестойкая, грубая. Отмечена преимущественно на изделиях раннемезолитического возраста, в последующие эпохи чрезвычайно редка.
2. Ретушь притупляющая.	Нанесена под углом 80—90 градусов к плоскости изделий.
3. Ретушь приостряющая.	Нанесена, как правило, под углом 60—30 градусов к плоскости изделий. Ретушь под углом от 80 до 60 градусов чрезвычайно редка. Ретушь не заходит на спинку.
4. Ретушь уплощающая, частично заходящая на спинку.	Нанесена обычно под углом менее 30 градусов. Частично заходит на спинку и покрывает не более одной трети ее.
5. Ретушь плоская, сострогивающая.	Нанесена, как правило, под углом менее 30 градусов. Покрывает более $^1/_3$ спинки изделия. Термин «сострогивающая» или «трапеция со струганой спинкой» применяется условно, по традиции. По данным С. А. Семенова, термин «строгание» к кремню не применим.
6. Ретушь двух и более типов.	Чаще всего отмечена на трапециях, когда боковые стороны их покрыты притупляющей ретушью, а одно из оснований — приостряющей.

L. G. Matskévoi

L'ESSAI D'UNE CLASSIFICATION TYPOLOGIQUE DES INDUSTRIES MICROLITHIQUES DE LA CRIMÉE (MÉSOLITHIQUE-NÉOLITHIQUE)

Résumé

En se basant sur l'analyse des matériaux provenant des fouilles des monuments découverts en Crimée et datant des époques mésolithique et néolithique l'auteur tient à dresser un répertoire provisoire typologique se rapportant à la région précité. En établissant la liste-type tout premièrement on tenait compte de la morphologie de l'objet ainsi que la technique de son exécution; ensuite a été appliquée la méthode traçologique (méthode basée sur l'analyse fonctionnelle) élaborée par S. A. Sémionov.

Le réportoire typologique comprend: A — pierres à briquet et nodules (1—2); B — nucléus (1—7). C — éclats (1—13); D — lames, lamelles et microlamelles (1—3), E — outils et les parties d'outils (1—105); F — déchets de production (1—6); G — d'autres objets et formes en pierre (1). Outre cela on donne plusieurs compléments à la classification.

La liste des noms d'objets ne comprend que les types qui sont représentés par les séries déterminées. Les formes uniques composent un groupe à part.

С. А. СЕМЕНОВ, В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

МИКРОМЕТРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛЕДОВ РАБОТЫ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ОРУДИЯХ

Трасологическое и экспериментальное изучения первобытных каменных и костяных орудий основываются на анализе следов изнашивания и обработки и служат для определения их функционального назначения, способов изготовления и использования.

В настоящее время в Лаборатории первобытной техники ЛОИА проводятся работы, которые являются новым шагом в развитии методов трасологических и экспериментальных исследований. Основное внимание при этом уделяется разработке приемов не только качественной, но и количественной оценки изнашивания рабочих частей каменных орудий. Исходным материалом исследований служат кремневые орудия из раннепалеолитических коллекций и опытные модели, изготовленные по археологическим образцам.

Трасологические исследования при помощи бинокулярной и монокулярной оптики показывают, что в процессе труда на орудиях возникают следы изнашивания, которые нередко изменяют первоначальную форму рабочей части. Характер следов изнашивания обычно зависит от производимой операции и от физических свойств обрабатываемого материала (камня, дерева, кости).

Наиболее распространенными следами изнашивания являются залощение, грубое истирание, смятость, зазубренность и выщербленность лезвий. Эти признаки работы орудиями часто дополняются системой линейных следов, которые имеют вид царапин и борозд и обычно обнаруживаются лишь под микроскопом. Линейные следы показывают направление движений орудий в процессе работы, позволяя восстанавливать ее кинематику [1].

Моделирование простейших процессов работы показывает, что скорость и качество обработки сырья опытными орудиями постепенно снижаются по мере затупления или износа рабочих лезвий. В конечном итоге, у каждого орудия изнашивание лезвия достигает такого предела, при котором орудие становится непригодным для продолжения работы. Его нужно либо подправлять решутью, либо выбрасывать.

Подобная зависимость изнашивания рабочих лезвий характерна и для палеолитических орудий. Поэтому наблюдения над изнашиванием опытных орудий являются существенной частью исследования орудий из археологических коллекций. Следы изнашивания на древних орудиях сопоставляются со следами износа на опытных орудиях. Такая всесторонняя оценка следов изнашивания орудий требует определения степени износа в точных величинах. Определение и расчет износа являются сложным процессом и заключаются в микроскопических измерениях микронеровностей на поверхности каменных орудий, фотографировании их, в графической обработке профилограмм, в математических расчетах. Для этих целей в Лабора-

[1] С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, 54, 1957, стр. 22—30.

тории первобытной технологии применен двойной микроскоп МИС-11, которым неровности микрорельефа поверхности изучаются и измеряются методом светового сечения. Данный метод разработан акад. Линником В. П. для определения чистоты обработанных поверхностей металлических изделий [2].

Двойной микроскоп состоит из световой трубы с узкой и короткой щелью для освещения изучаемой поверхности тонкой полоской света и тубуса для наблюдения получаемого очертания профиля. Микроскопы установлены друг относительно друга так, что оси их тубусов составляют с перпендикуляром на плоскость угол 45°, а между собой — угол 90°.

Измерение высоты неровностей на профилограмме производится при помощи окулярного винтового микрометра, который располагается в верхней части тубуса наблюдательного микроскопа. В фокальной плоскости окуляра микрометра имеются: неподвижная шкала с делениями от 0 до 8 *мм* (цена деления шкалы — 1 *мм*), подвижное перекрестие и индекс в виде двух рисок. Неподвижная шкала служит для отсчета полных оборотов барабана винта, т. е. полных миллиметров перемещения перекрестия. Барабан по окружности разделен на 100 частей; поворот барабана на одно деление соответствует перемещению перекрестия на 0,01 *мм*. Полный отсчет по шкалам окулярного микрометра складывается из отсчета по неподвижной шкале и отсчета по шкале барабана винта.

Фотографирование профилограмм, если это необходимо, производится тем же микроскопом. При фотографировании с микроскопа снимается окулярный микрометр и на его место вставляется микрофотонасадка (МФН-9 или МФН-12) с малоформатной камерой.

Настройка и фокусировка микроскопа перед работой производится на любом плоском предмете. После этого изучаемый предмет закрепляется на предметном столике микроскопа так, чтобы интересующая поверхность или участок поверхности были приблизительно параллельны горизонтальной плоскости предметного столика микроскопа. Часто после закрепления исследуемого предмета на столике для придания большей четкости световому профилю, производится дополнительная фокусировка микроскопа.

Если на изучаемой поверхности имеются впадины или выступы, каждая неровность вызывает искривление световой полоски, пропорциональное величине неровности и соответствующее ее направлению. При этом увеличение размеров по глубине профиля составляет $N\sqrt{2}$, а вдоль длины профиля равно N (увеличению объектива микроскопа).

Чтобы измерить глубину какой-либо неровности на поверхности предмета, горизонтальная нить подвижного перекрестия окулярного микрометра вращением барабана винта последовательно совмещается сначала с верхним краем изображения неровности, а затем с нижним. В каждом случае производятся соответственно отсчеты по неподвижной шкале и по шкале барабана винта. Разность отсчетов дает величину $a = b\sqrt{2}$, где b — высота (глубина) изображения неровности; $\sqrt{2}$ — множитель, обусловленный тем обстоятельством, что направление перемещения нити подвижного перекрестия микрометра и измеряемый отрезок составляют угол 45°.

Высота изображения неровности, таким образом, равна: $b = \frac{a}{\sqrt{2}}$.

Реальная высота (глубина) неровности определяется по формуле:

$$h = \frac{b}{N\sqrt{2}} = \frac{Q}{2N}.$$

---

[2] Подробное описание принципа действия, конструкции и методики работы с микроскопом см.: «Инструкция к пользованию микроскопом»; В. А. Б а р у н. Микрогеометрия обработанной металлической поверхности и ее измерения. М.— Л., 1948, стр. 125—127.

где h — реальная высота неровности; N — увеличение объектива микроскопа [3].

Полное представление о глубине микрорельефа (чистоте) поверхности можно получить, если на профилограмме измерить высоту пяти наибольших неровностей и вывести среднее арифметическое значение этих высот по формуле:

$$R_z = \frac{h_1 + h_2 + h_3 + h_4 + h_5}{5}.$$ [4]

Приведенный выше способ измерения глубины отдельных микронеровностей в наших исследованиях кремневых орудий принят без изменений. Способ же определения глубины микрорельефа в целом для поверхности, предлагаемый инструкцией, для наших целей оказался непригодным из-за недостаточной точности и надежности получаемых результатов. Каменные орудия, в особенности палеолитические, изготовленные скалыванием из изотропных горных пород и минералов, отличающихся раковистым изломом, не имеют правильных геометрических форм, обладают неоднородным составом, содержат различные включения. Глубина микронеровностей на поверхности каменных орудий менее постоянна и устойчива, в отличие от обработанных на станке металлических изделий. Поэтому, чтобы получить достаточно надежные данные по глубине микрорельефа на поверхности того или иного каменного орудия, необходимо произвести как можно больше измерений.

В то же время, не снижая точности получаемых результатов, мы стремились по возможности сократить время измерений и расчетов.

Для выбора наиболее оптимального способа определения глубины микрорельефа кремневых орудий мы всесторонне исследовали поверхность свежесколотых отщепов из светло-серого и темно-серого (мелового) кремня.

На поверхностях отщепов было сделано большое количество профилей и измерены глубина многочисленных микронеровностей. Каждая поверхность отщепа условно разделялась на две части, которые, в свою очередь, делились на квадраты с длиной стороны 1—2 *мм*. В пределах каждого третьего из этих квадратов делалось от одного до восьми, а иногда и до десяти профилей (в последовательности: 1; 3; 5; 8; 10 профилей), которые располагались близко друг к другу (0,2 *мм*) [5]. На каждой профилограмме измерялось от трех до пяти наибольших неровностей. При каждом способе обследования глубины микрорельефа из всех измеренных на квадрате наибольших неровностей высчитывалось среднее арифметическое значение.

Как показал эксперимент, средние арифметические значения глубин микронеровностей на большинстве квадратов у отщепов из одной разновидности кремня оказывались весьма близкими в том случае, если в квадратах сделано пять или больше профилей и в каждом из них измерено три или больше наиболее крупных неровностей.

Следовательно, чтобы получить глубину микрорельефа на каком-либо участке кремневого орудия, необходимо на нем сделать не менее пяти профилей на расстоянии не более 0,2 *мм* один от другого, измерить и вычислить в каждой профилограмме глубину не менее трех наибольших неровностей и из получившихся 15 замеров вывести среднее арифметическое значение [6]. При выборе места для микрометрических замеров нужно всячески избегать различных макронеровностей на поверхности, которые могут привести к крупным ошибкам при измерении.

---

[3] Чтобы получить высоту неровности h в микронах, следует величину a, измеряемую в делениях барабана винта, при подстановке в формулу умножить на 10.

[4] Приведенные формулы для расчетов взяты из инструкции к пользованию микроскопом.

[5] Постановка профилей на любом расстоянии друг от друга производится с помощью микрометрических винтов на предметном столике микроскопа.

[6] Определение глубины микрорельефа по 3—4 профилям нам представляется не совсем надежным, хотя в некоторых случаях и допустимым.

Выведенный эмпирически данный способ определения глубины микрорельефа на поверхности каменных орудий, по нашему мнению, вполне применим для исследования небольших поверхностей.

Микрометрические исследования рельефа поверхности свежесколотых отщепов показали, что глубина «первичных» неровностей на отщепах из светло-серого и темно-серого кремня не одинакова [7].

Средние глубины микрорельефа отщепа из светло-серого кремня оказались 8,8; 7,7; 7,2 и 5,8 *мк*. В целом же для отщепа средняя глубина микрорельефа составляет — 7,4 *мк* (рис. 1). Глубина микрорельефа у отщепов из темно-серого кремня значительно меньше: 2,8; 2,7; 2,6 и 2,3 *мк*. Общая средняя глубина составляет — 2,6 *мк* (рис. 2). Проведенные исследования позволяют утверждать, что определенные значения средней глубины микронеровностей являются такими же неотъемлемыми признаками кремневого (каменного) сырья, как его состав, структура и зернистость, и являются количественным выражением последних.

Предлагаемые приемы определения степени износа палеолитических каменных орудий исходят из того, что в процессе работы у орудий обязательно изменяются микрорельеф поверхности и форма кромки рабочих лезвий. От работы глубина «первичных» неровностей на лезвиях орудий уменьшается или наоборот, появляются новые, более глубокие неровности. Задача состоит в том, чтобы обнаружить и зафиксировать эти возникшие изменения.

Для определения величины износа на участке кремневого орудия со следами изнашивания нужно прежде всего измерить и высчитать среднюю глубину его микрорельефа. Измерения следует производить в том месте, где изнашивание особенно сильное. Затем определяется средняя глубина микрорельефа на участке того же орудия, но без каких-либо следов изнашивания. Очень важно при этом, чтобы участок без следов изнашивания не отличался по минералогическому составу от изучаемого изношенного участка и не содержал макронеровностей. Кроме того, если износ определяется на краевом участке орудия, то и выбранный участок без следов изнашивания должен располагаться ближе к краю. Отмеченные условия связаны с тем, что наблюдениями устанавливается некоторое увеличение глубины микронеровностей ближе к краю отщепов.

Величиной (степенью) износа изучаемого участка является разность средних глубин микрорельефа участка без следов изнашивания и изношенного участка.

На рис. 3 и 4 изображены кремневые орудия из отщепов со следами изнашивания с мустьерской стоянки Носово I. Участки с признаками износа охватывают орудия с двух сторон, распространяясь на ударных площадках, возле углов ударной площадки и на самих углах и прилегающих к ним лезвиях.

Средняя глубина микронеровностей рельефа орудия на участке без следов изнашивания (рис. 3, *а*) равна — 4,8 *мк*, на участке слабо изношенном (рис. 3, *в*) — 3,1 *мк*, а на наиболее изношенном участке (рис. 3, *б*, *г*) — 1,4 и 1,1 *мк*. Износ на участке *г*, следовательно, равен: 4,8 *мк* — 1,1 *мк* = 3,7 *мк*, (0,0037 *мм*), на участке *б*: 4,8 *мк* — 1,4 *мк* = 3,4 *мк* (0,0034 *мм*), а на участке *в*: 4,8 *мк* — 3,1 *мк* = 1,7 *мк* (0,0017 *мм*).

У другого орудия (рис. 4) средняя глубина микронеровностей рельефа участка без следов изнашивания (*а*) равна 4,1 *мк*, а на изношенном участке (*б*) — 1,4 *мк*. Износ на участке *б* следовательно равен: 4,1 *мк* — 1,4 *мк* = 2,7 *мк* (0,0027 *мм*). В нерабочей части орудия неизношенный участок *в*, расположенный на вогнутой части, имеет среднюю глубину

[7] Для каждого участка отщепов величины глубин 15 наибольших неровностей в микронах от 5 профилей выражены в виде графика, на котором прямой прерывистой линией показана средняя глубина микрорельефа. Слева от графиков воспроизводятся точные копии сделанных профилей. Последние сняты с фотографических негативов и увеличены в 276 раз. Измерение глубин микронеровностей производилось при увеличении в 517 раз.

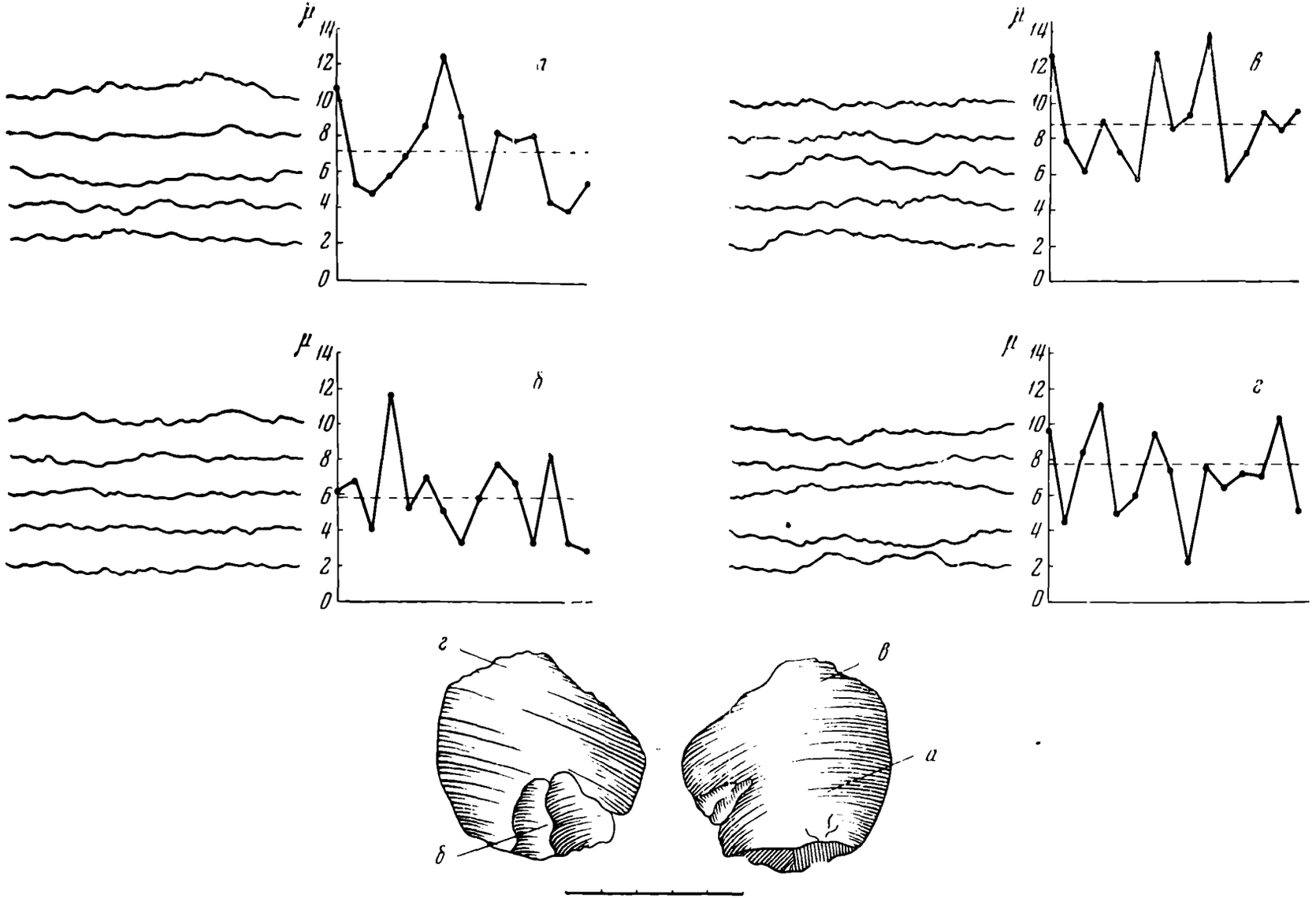


Рис. 1. Микрорельеф поверхности опытного свежеколотого кремневого отщепа грубой структуры. Профили поверхности увеличены в 276 раз

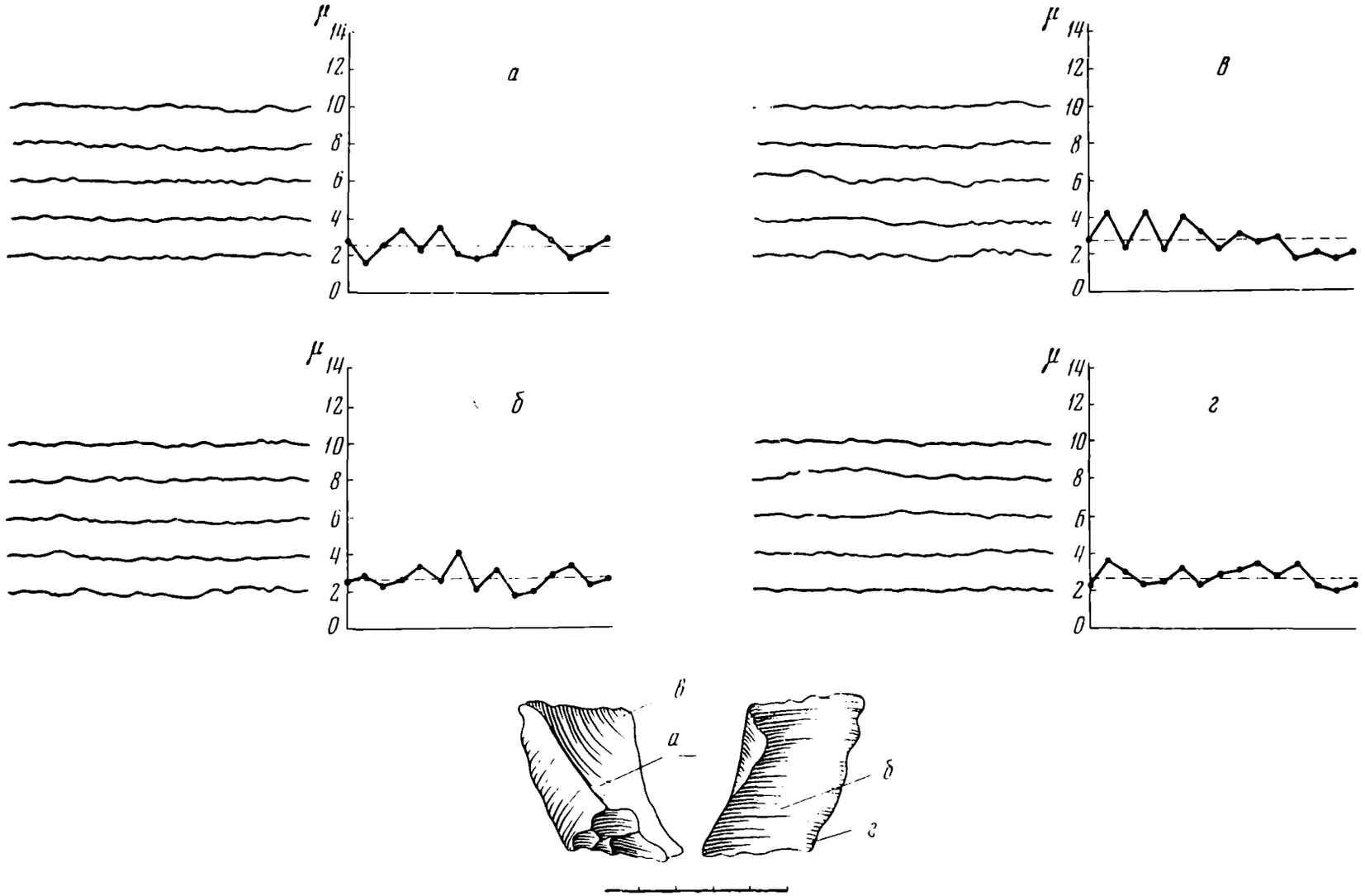


Рис. 2. Микрорельеф поверхности опытного свежесколотого кремневого отщепа тонкой структуры. Профили поверхности увеличены в 276 раз

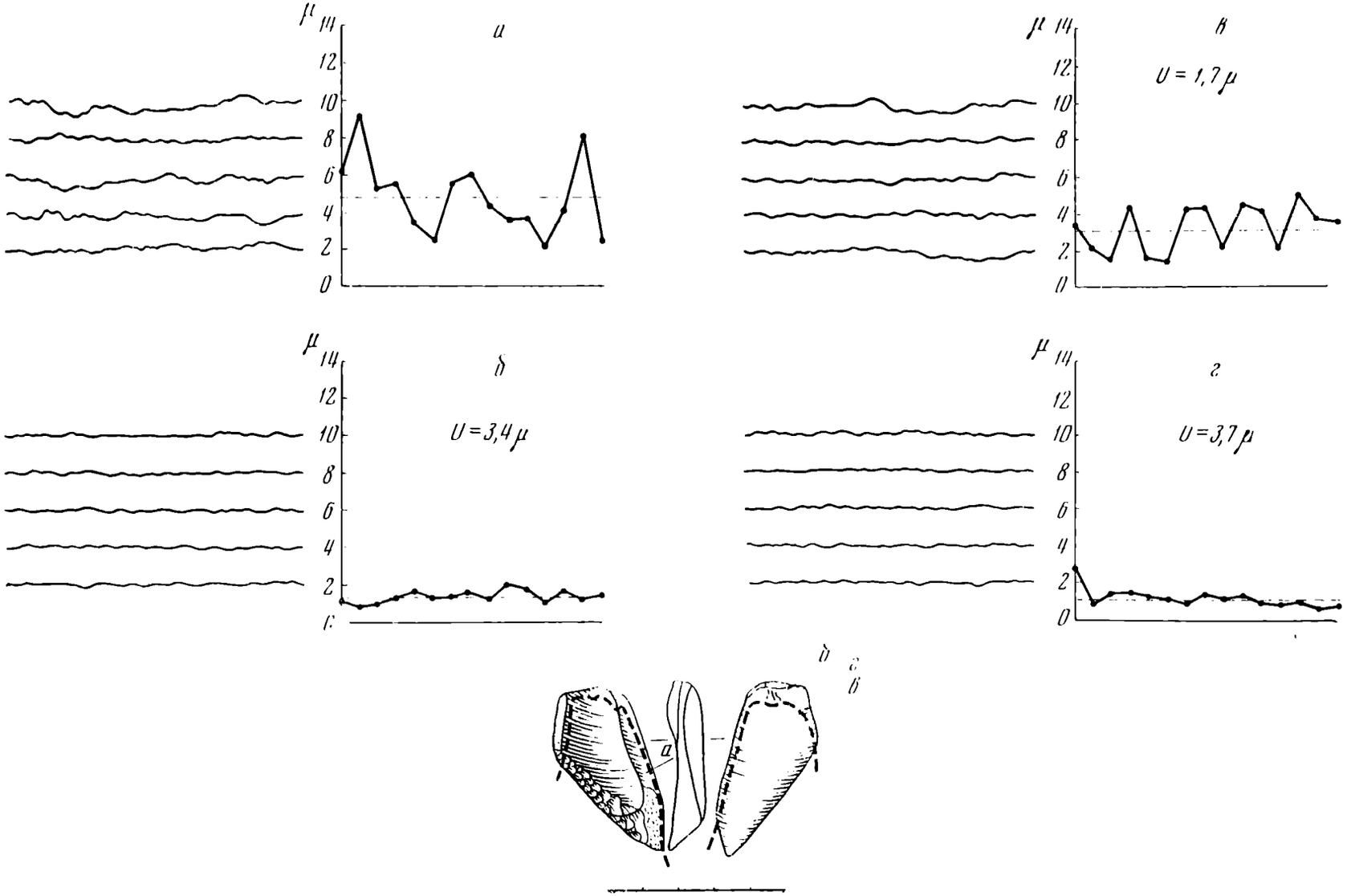


Рис. 3. Микрорельеф поверхности мустьерского орудия со следами изнашивания (стоянка Носово 1) в разных точках. Профили поверхности увеличены в 276 раз. Пунктиром даны границы износа

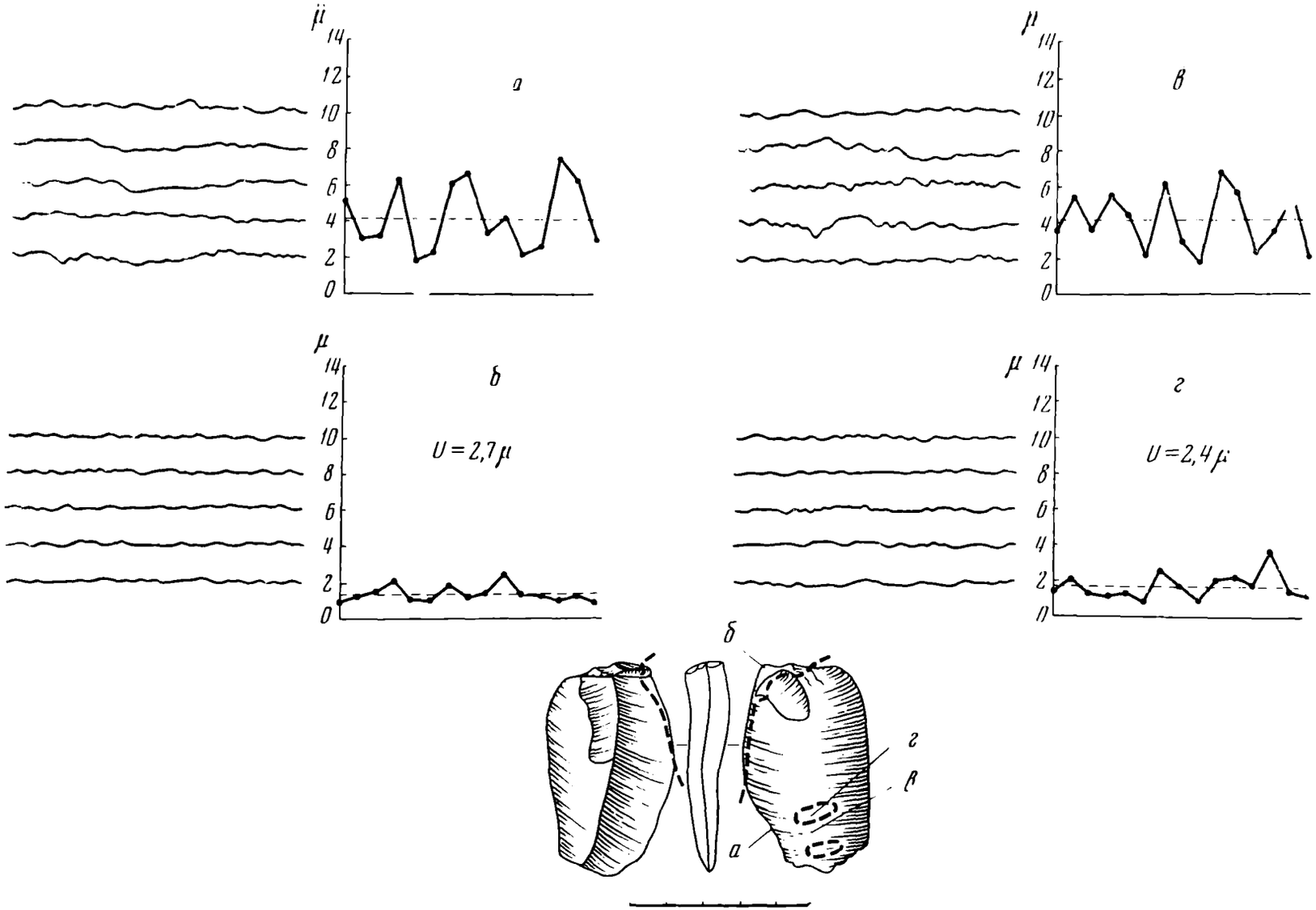


Рис. 4. Микрорельеф поверхности мустьерского орудия со следами изнашивания (стоянка Носово I) в разных точках. Профили поверхности увеличены в 276 раз. Пунктиром даны границы износа

микронеровностей 4,1 *мк*, а участок *г*, расположенный рядом на выпуклости и изношенный от длительного трения о руку человека —1,7 *мк*. Износ на этом участке равен 2,4 *мк* (0,0024 *мм*).

Наиболее сильное изнашивание на изучаемых мустьерских орудиях отмечается, однако, на самих углах (кромках) лезвий, измерение которых раскрывает перед нами новый аспект микрометрического анализа. Определение степени износа кромки рабочих лезвий кремневых палеолитических орудий производится с помощью того же двойного микроскопа. Изучаемое орудие ставится «на ребро» и закрепляется на предметном столике микроскопа так, чтобы световая полоска рассекала изношенный участок кромки лезвия под прямым углом. Световое поперечное сечение рабочего лезвия с помощью микрофотонасадки фотографируется на пленку, проявляется, проектируется через фотоувеличитель и зарисовывается на бумагу с желаемым увеличением например, × 30.

Кромка лезвий орудий, не использованных в работе, отличается большой остротой. Эта острота исчезает в процессе утилизации орудий. В поперечном сечении на изношенных участках лезвий отчетливо видна сглаженность и закругленность кромки. Исходя из этого, на увеличенном изображении поперечного сечения изношенного участка лезвия (имеющем вид угла с закругленной вершиной) мы имеем право графически «восстановить» изношенную верхнюю заостренную часть (рис. 5 и 6). Такое «восстановление» производится путем продолжения линий боковых сторон изображения разреза (профиля) изношенного лезвия. Наносятся прямые линии, так как лезвие в поперечном сечении обычно образовано прямыми, если брать его вблизи кромки. Точка пересечения их является восстановленной вершиной заострения поперечного сечения лезвия.

Восстановленная таким образом изношенная часть рабочего лезвия, если рассматривать его в поперечном сечении, может быть выражена в виде площади геометрической фигуры, а высчитанное цифровое значение ее принято в качестве показателя степени износа. Мы обозначили этот показатель износа символом *Su* (площадь износа рабочего лезвия в поперечном сечении).

Для определения площади износа восстановленная часть изображения поперечного сечения лезвия разделяется на треугольники. У каждого из них высчитывается площадь, и после суммирования величина ее делится на квадрат увеличения изображения (на 900). Полученная величина соответствует действительной величине площади износа рабочего лезвия в поперечном сечении.

Результаты определения степени износа кромки рабочих лезвий мустьерских орудий показаны на рис. 5 и 6. Справа на рисунках даны поперечные сечения рабочих лезвий изучаемых орудий на участках без признаков износа или с минимальным износом. Слева показаны разрезы изношенных участков лезвий и площадь износа (*Su*) в разных точках.

У приведенных орудий сильный износ кромки обнаруживается на очень коротких участках лезвий и, как правило, возле углов ударной площадки. Вследствие этого поперечные сечения измерялись в разных точках, но на небольшом расстоянии друг от друга. Точки *а*, *б*, *в* и т. д. поэтому оказались на рисунках чрезвычайно сближенными. Степень износа для каждого орудия определяется по наибольшему значению *Su*.

Исследованные орудия определяются как орудия для обработки шкур и кожи. Столь характерные и близкие к ним следы изнашивания наблюдаются на орудиях и из других мустьерских местонахождений. В этом отношении техника обработки кожи в мустьерскую эпоху существенно отличалась от позднепалеолитической. Насколько можно судить по орудиям из Рожка I, Носово I и Сухой Мечетки (Волгоградская) в это время еще не было выработано определенных приемов выделки скребков для работы по коже. Не только использовались отщепы различной формы и размера, в этих отщепах рабочей частью служили различные части кромки, нередко очень малой протяженности. Если в позднем палеолите такими орудиями

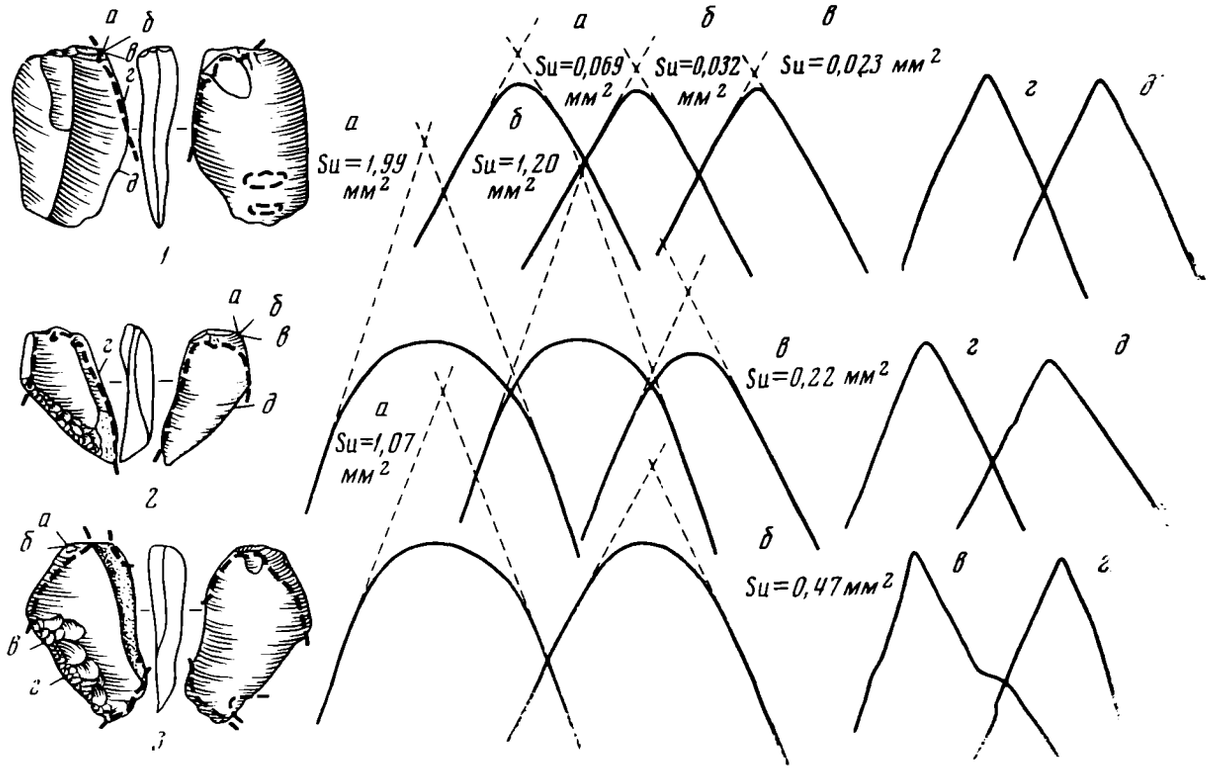


Рис. 5. Измерение степени износа кромки углов рабочих лезвий мустьерских орудий (стоянка Носово I). Поперечные сечения лезвий увеличены в 30 раз. Пунктиром даны границы износа

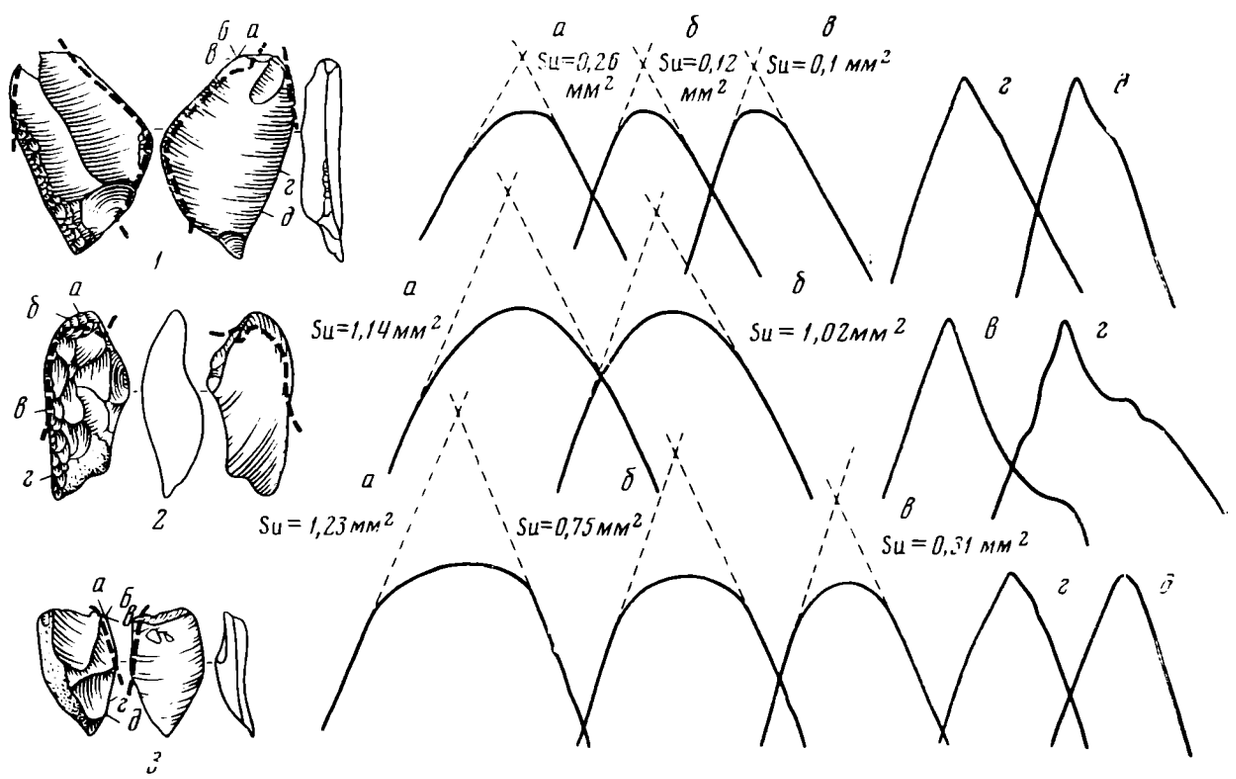


Рис. 6. Измерение степени износа кромки углов рабочих лезвий мустьерских орудий (*1* — Носово I; *2* — Сухая Мечетка; *3* — опытный сбразец). Поперечные сечения увеличены в 30 раз. Пунктиром даны границы износа

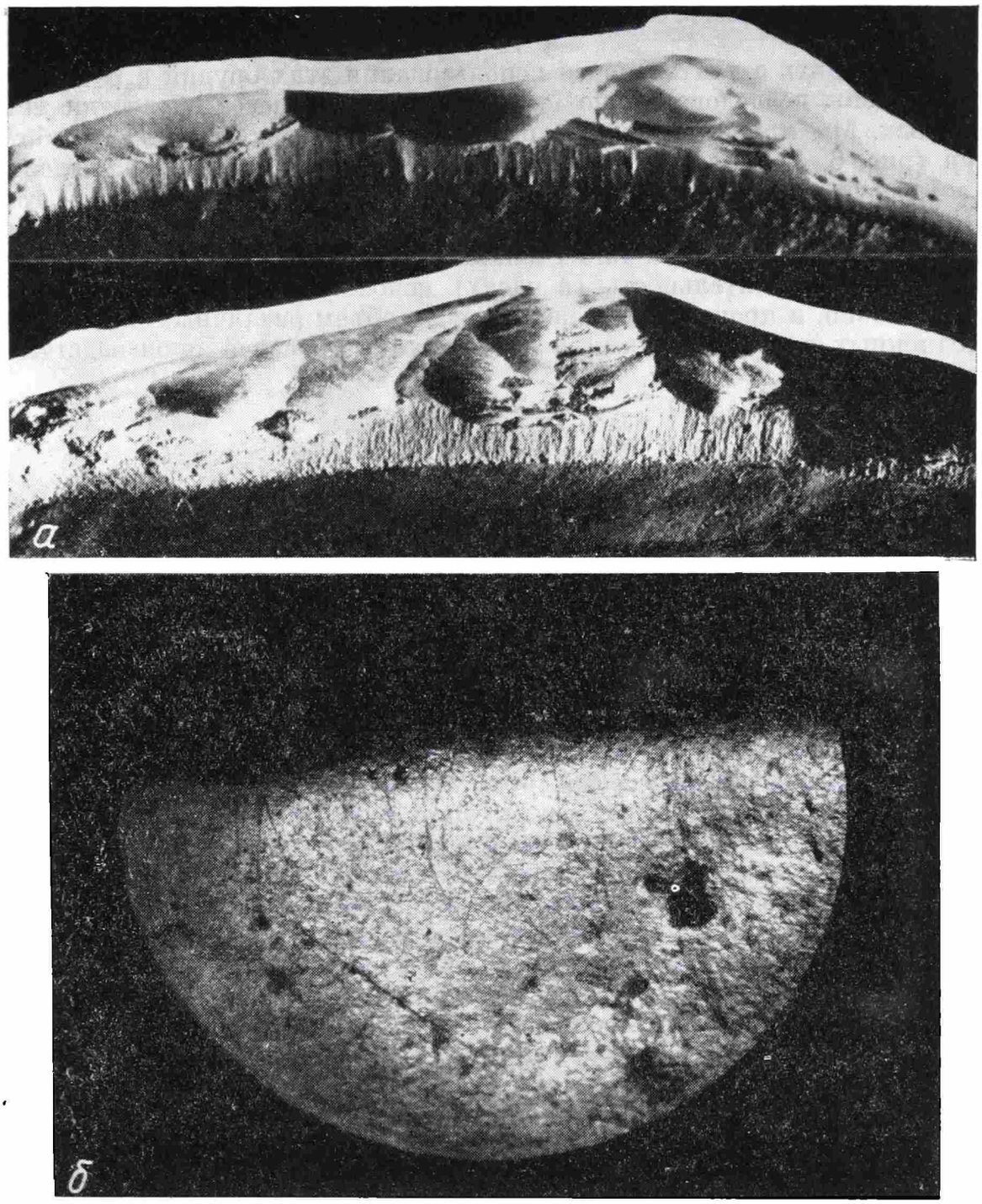


Рис. 7. Линейные следы изнашивания на позднепалеолитических (*а* — Типовка; × 12) и мустьерском (*б* — Носово 1; × 60) скребках для обработки шкур

были концевые скребки, у которых один конец призматической пластинки оформлялся четко выраженной ретушью, и рабочая часть приобретала полукруглое очертание, то в названных стоянках нередко использовался угол ударной площадки (рис. 5 и 6) и прилегающие к нему участки лезвия. Именно такие углы несут на себе основную рабочую нагрузку. Характер износа показывает также, что у мустьерского человека еще только формировалась техника обработки шкур и кожи в кинематическом плане. Движения руки не были определенными, рассчитанными. Навыки такой работы складывались очень медленно, отличаясь от ясно выраженных способов обработки, скалывания и ретуширования самих кремневых орудий. Если на концевых скребках из стоянок позднего палеолита (рис. 7, *а*) следы изнашивания говорят о строго определенной установке орудия на обрабатываемом материале с почти вертикальным положением оси скребка к плоскости обработки, то на скребках мустьерских мы не имеем таких четких признаков. Линейные следы изнашивания здесь нередко пересека-

ются, что указывает на лабильность установки и случайность приемов (рис. 7, *б*).

Чтобы судить о длительности использования этих орудий в работе, нами проведены исследования по моделированию процесса обработки шкур животных. Мы приводим здесь одно из опытных орудий для обработки шкур (рис. 6, *3*). Орудием за 2 часа (чистое рабочее время) выделано 0,5 $м^2$ высушенной бараньей шкуры.

На основе точных величин износа орудий открывается возможность более углубленного изучения таких важных вопросов древнейшего производства, как продолжительность (в часах) использования орудий в работе, следовательно, и производительность труда, объем различных видов работ, выполненных этими орудиями и соотношение отраслей производства на палеолитических стоянках.

S. A. Sémionov, V. E. Chtchélinsky

L'ÉTUDE MICROMÉTRIQUE DES TRACES DU TRAVAIL SUR LES OUTILS PALÉOLITHIQUES

Résumé

Au cours de l'étude des outils paléolithiques en pierre comportant les traces d'usure il paraît indispensable d'estimer l'usure en question non seulement qualitativement mais aussi quantitativement. La détermination du degré d'usure d'un outil permet d'obtenir de nouvelles données sur la destination de ce dernier, d'étudier le problème concernant la durée de son service, de définir la productivité de travail et les corrélations des industries diverses aux stations paléolithiques. Dans l'article sont brossés deux modes de détermination du degré d'usure qui sont basés sur le fait que pendant le travail modifient les valeurs stables dites primaires des inégalités microscopiques du relif de la surface et de la forme des bords des lames de travail des outils. L'emploi d'un microscope double et de la méthode graphique de mesure offre la possibilité d'étudier les inégalités microscopiques du relief et les profils des lames des parties usées et peu usées et de déterminer les indices essentiels d'usure.

Т. Г. МОВША

О СЕВЕРНОЙ ГРУППЕ ПОЗДНЕТРИПОЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ *

Во второй половине III тысячелетия до н. э. на территории юго-восточной Европы находилось несколько крупных культурно-исторических общностей, среди которых наиболее значимое место занимали культуры позднего Триполья, типа нижнего слоя Михайловки и древнеямной.

III тысячелетие до н. э. на юго-востоке Европы было временем продвижения поздних трипольцев на юг, юго-восток, северо-восток и север, а степных пастухов-скотоводов — в лесостепь на север, северо-запад и юго-запад. В этой сложной исторической обстановке и происходило формирование позднетрипольских племен.

До Великой Отечественной войны позднему Триполью уделялось много внимания Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевским. Т. С. Пассек проследила различия между позднетрипольскими памятниками лесостепи и степи [1] и выделила этап С-II для северной лесостепной группы и II — для южной степной группы. Е. Ю. Кричевский [2], а позднее Т. С. Пассек [3], анализируя материалы из Городска, пришли к выводу об исчезновении всех основных признаков трипольской культуры и перерастании Триполья в культуры медного и раннебронзового века Правобережья и Левобережья Днепра и Десны, в частности о перерастании в среднеднепровскую культуру [4]. Однако, как показали последние исследования, керамические комплексы в Городске, Ерминках, Кирилловских землянках были разновременными и разнокультурными.

В настоящее время исследованиями Т. С. Пассек [5], Е. Ф. Лагодовской [6], Ю. Н. Захарука [7], В. Н. Даниленко [8] намечено шесть локальных позднетри-

---

* Расширенный доклад, прочитанный на секции неолита и бронзы на 12 археологической конференции в Киеве в 1964 г.

[1] Т. С. Пассек. Трипільська культура. Київ, 1941, стр. 22.

[2] Е. Кричевский. К вопросу исчезновения трипольской культуры. МИА, 2, 1941, стр. 245—253.

[3] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949, стр. 160—166.

[4] Там же, стр. 161.

[5] Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре. ИМФ АН СССР, 5 (25), Кишинев, 1955, стр. 15—29.

[6] О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки Усатівського типу. «Археологія», VIII, Київ, 1953, стр. 95—108.

[7] Ю. М. Захарук. До питання про обряд поховання населення трипільської культури в Середньому Подніпров'ї Наукові записки Інституту суспільних наук АН УРСР, I, Київ, 1953, стр. 153—161.

[8] В. Н. Даниленко. К вопросу о месте Киевотрипольской культуры в этногенетическом процессе. КСИА, 2, 1953, стр. 81—83.

польских племенных групп, отличающихся своеобразными чертами: городсковолынская, усатовская, южно-бугская, верхнеднестровская, среднеднестровская, софиевская.

Большинство советских археологов в племенах позднего Триполья видит потомков трипольцев. Однако А. Я. Брюсов[9], Т. Сулимирский[10], В. Думитреску[11], М. Гимбутас[12], Р. Вулпе[13] считают, что памятники городского и усатовского типа генетически не связаны с трипольской культурой и ведут свое начало от иных культур.

Таким образом, в настоящее время отсутствует единая точка зрения о позднетрипольской культуре, и вопрос о памятниках городского и усатовского типов по-прежнему остается дискуссионным. Для его окончательного решения необходимо углубленное изучение локальных вариантов позднего Триполья.

Одна из задач этой статьи — выявление своеобразных черт материальной и духовной культуры памятников северо-восточной и северо-западной периферии позднего Триполья.

Длительное время главным источником для характеристики северо-восточных и северо-западных позднетрипольских — лесостепных — памятников служили поселения Городск и Городищтя. За последние десятилетия стали известны новые важные позднетрипольские памятники на коренной трипольской земле, в бассейне Среднего Днестра, объединенные Т. С. Пассек в Средне-Днестровский локальный вариант[14]. Несколько позднетрипольских поселений открыто и частично исследовано в Верхнем Поднестровье и в бассейне Горыни экспедицией Львовского института общественных наук[15]. Проводились раскопки на позднетрипольских памятниках Южного Буга[16] и Тетерева[17]. В начале 1960-х годов автор статьи обследовал ряд позднетрипольских поселений на Каменец-Подольщине. На двух из них были произведены раскопки[18]. Памятники позднего этапа Триполья стали недавно известны и на левом берегу Прута в Молдавии[19], а также в Черновицкой области.

Сопоставление комплексов керамики из позднетрипольских памятников Среднего Поднестровья в настоящее время позволяет наметить три

---

[9] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 228—250, 256, 257.

[10] T. Sulimirski. The problem of the Tripolye Culture, PPS. Cambridge, 1950, XLI, стр. 42—51.

[11] Vladimir Dumitrescu si colabaratori. Hă băsesti, Bucuresti, 1954, стр. 531; его же. Originea si evolutia culturi Cucuteni-Tripolie (II), Sciv. XIV, 2, 1963, стр. 285—307.

[12] M. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe. American School to Prehistoric Research Plaloolu Museum, Harvard, 20, 1956, с р. 105—110.

[13] R. Vulpe. Izvoare. Bucuresti, 1957, с р. 361.

[14] Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре, стр. 15—29.

[15] В. П. Кравец. Изучение позднетрипольских памятников в Верхнем Поднестровье. КСИА, 4, 1955, стр. 133—135.

[16] О. Ф. Лагодовська. Пізньотрипільське поселення у с. Сандраках. АП, VI, Київ, 1956, стр. 118—129; Е. К. Черныш. Многослойный памятник у с. Печоры на Южном Буге. Археологический сборник ГЭ, I, Л., 1959, стр. 187—201.

[17] Ю. М. Захарук. Пізньотрипільське поселення у верхівях р. Случі АП. VI, Київ. 1956, стр. 130—134; Т. Д. Белановская и Н. М. Шмаглий. Позднетрипольское поселение у с. Троянова Житомирской области. КСИА, 8, 1959, стр. 125—128.

[18] Т. Г. Мовша. Новое позднетрипольское поселение Цвикловцы в Среднем Поднестровье. СА 1, 1964, стр. 131—145; ее же. Скарб прикрас з пізньотрипільського поселення в с. Цвіклівці. «Археологія», XVIII, Київ, 1965, стр. 161—170; ее же. Позднетрипольское поселение Жванец. КСИА АН СССР, 123, 1970.

[19] Н. М. Кетрару. Позднетрипольское поселение Кубань в Молдавии. МИАО Молд. ССР. Кишинев, 1964, стр. 81—90; его же. Археологические разведки в долине р. Чугур. Там же, стр. 267—270.

хронологические последовательные позднетрипольские группы памятников.

Наиболее ранняя локально-хронологическая группа, следующая значительно позднее верхнего слоя Поливанова Яра и несколько позднее Кошиловцев-Обоз, представлена поселением Жванец возле г. Каменец-Подольский.

Комплексы находок из Жванца, а также близких ему памятников на левобережье Прута, соединяют в себе черты, характерные для поселений этапа С-I и этапа II по Т. С. Пассек. Поселение у с. Жванец является тем новым звеном, которое еще несколько лет назад отсутствовало в схеме развития трипольской культуры (между поселениями фазы Кукутень В и Выхватинцами).

Поселение Жванец (Каменец-Подольский район Хмельницкой области) находится на «Щовбе» — высоком останце и примыкающей к нему части плато — «Лысой горе», омываемой с двух сторон водами Жванчика и его притока Кармелитки. Близкие к нему по времени поселения Костешти II и Кубань расположены на высоких останцах плато, а Костешти IV и Варатик I — на высоких мысах плато [20]. В Жванце раскопаны полуземлянка и наземное жилище. Полы и основания стен оказались сложенными из камня. В Костештах II и Кубани выявлены полуземлянки, пол в которых также был настлан из камня. Кроме того, в Кубани прослежены выходы глинобитной площадки.

Керамику из Жванца можно разделить на три группы, тогда как в названных поселениях северной Молдавии имеется всего две группы.

К первой, преобладающей группе, относится тонкостенная богато орнаментированная черной и красной красками или только черной краской посуда. Роспись нанесена по оранжевому, темно-желтому и палевому хорошо лощеному фону. Узоры состоят из широких лент, иногда обрамленных волнистыми зубцами или «личинками». Внутри ленты проведена волнистая полоса, но чаще — несколько узких линий. Ленты образуют полуовалы, геометрические фигуры, сходящиеся под углом или крестообразно пересекающиеся. Среди орнаментальных сюжетов встречаются сплошь закрашенные треугольники, зубцы, солнечные знаки, ряды восьмерок, изображение человека, птиц и змей. Сосуды типа кувшинов близки по форме и орнаментальным сюжетам к гончарным изделиям из Выхватинцев и Усатово. Крупные двухконусные сосуды с отогнутым краем венчика и выпуклыми плечиками с налепными ручками, характерные также и для поселений этапов В-II и V-I. Шаровидные сосуды типа «амфор» с высокой цилиндрической шейкой, представленные в Кошиловцах-Обоз, и наиболее поздних поселениях Триполья (Цвикловцы, Гусятин I и др.). Полусферические крышки с двумя коническими бугорками на вершине типичны для памятников выхватинского типа. Округлые горшочки с невысокой шейкой и слегка отогнутым наружу краем венчика. Глубокие конические миски с прямыми стенками, широко распространенные в поселениях предшествующих этапов — Великая Мукша, Кошиловцы-Обоз и др., почти исчезнувшие в наиболее поздних трипольских памятниках. Значительную группу составляют чаши с наклонным внутри округлым краем венчика, ничем не отличающиеся по форме и орнаментальным сюжетам от выхватинских чаш.

Вторая группа посуды из поселения Жванец менее значительна. Она изготовлена из глиняной массы серовато-коричневато-желтоватого цвета с примесью измельченных раковин. Обнаружены как тонкостенные, так и толстостенные сосуды. Поверхности их хорошо заглажены и не имеют полосчатого сглаживания. Они украшены коническими налепами, небольшими ручками с горизонтальными отверстиями, оттисками штампов, ногтевым и веревочным орнаментом, расположенным одним-двумя опоясываю-

---

[20] Там же, стр. 81, 267, 270.

щими рядами. Представлены глубокие толстостенные конические миски с закругленным и слегка наклоненным внутрь краем венчика, типичные для поселений предшествующего времени; крупные чаши полусферической формы, украшенные коническими налепами; сосуды типа горшков, широко распространенные в памятниках позднего Триполья, с большим диаметром горловины, отогнутым наружу краем, почти прямой высокой шейкой и слегка вздутыми низкими плечиками, на которых расположены ряды штамповых оттисков, конические налепы, ушки-ручки. Имеются единичные находки шаровидных сосудов с невысокой шейкой, узким горлом и обломки крупных корчаг, близких к корчагам из Цвикловцев. На донъях некоторых сосудов сохранились отпечатки тканей, циновки, плетенной по кругу.

К третьей группе керамики относится несколько фрагментов тонкостенных серолощеных сосудов, изготовленных из глины с примесью мелкого песка.

Пряслица конической формы с накольчатым и углубленным рисунком, расходящимся от центра лучами, типичными для пряслиц поздних поселений трипольской культуры. Характерной лишь для позднетрипольских памятников лесостепи оказалась и антропоморфная пластинка с плоской головкой, обрамленной мелкими дырочками в виде нимба.

Из приведенного описания вытекает вывод, что в топографии и комплексе керамических находок из Жванца отчетливо прослеживаются черты, присущие позднетрипольским памятникам как этапа V-I, так и этапов V-II, C-II. Следовательно, Жванц в микрорайоне Среднего Днестра в культурно-хронологическом отношении занимает промежуточное положение между Кошиловцами-Обоз, которые старше его, и памятниками выхватинского типа. Близкими к нему, хотя и с некоторыми иными элементами, являются поселения Кубань, Костешты II, Костешты IV, Варатик I и др. в северной Молдавии на левобережье Прута.

Следующую, вторую локально-хронологическую позднетрипольскую группу в бассейне Среднего Днестра составляют памятники выхватинского типа. Они расположены на берегах среднего течения Днестра в пределах Черновицкой области УССР и северной Молдавии. Северная граница их в настоящее время проходит где-то возле г. Хотина, южная — в районе г. Рыбница. Сведения о поселениях основаны лишь на данных разведок или небольших раскопок [21]. О погребальном обряде известно значительно больше благодаря тщательно исследованному Т. С. Пассек могильнику с. Выхватинцы [22]. Это лишает нас необходимости повторений. Отметим только, что керамика из могильника представлена более разнообразными формами, чем керамика из поселений. Кроме того, основываясь на материалах Солончены II, можно заключить, что в поселениях кухонная посуда преобладает над росписной.

Многие сосуды из Выхватинцев и близких к нему поселений, орнаментальные сюжеты и мотивы типичны для позднетрипольских памятников предыдущего времени района Среднего Днестра, что указывает на преемственность линии развития и генетическое родство. Но сосуды некоторых форм, широко бытовавшие ранее, почти исчезли. Генетическая линия развития наблюдается и в пластике. Преобладают изящные фигурки с плоской головкой, окруженной мелкими отверстиями. Исключение составляют три антропоморфные фигурки из Выхватинцев, характерные для степных памятников усатовской группы.

---

[21] Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре, стр. 15—29; Т. Г. Мовша. Многослойное трипольское поселение Солончены II. КСИА, АН СССР, 105, 1965, стр. 91—100.

[22] Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, 84, 1961, стр. 146—177.

Памятники выхватинского типа сохраняют трипольские традиции в орудиях труда, расписной посуде, антропоморфной пластике, частично в типах жилищ. Но связи позднетрипольского населения Среднего Поднестровья с их юго-восточными соседями, степными пастушескими племенами, ставшие более интенсивными, чем в предыдущее время, не могли не отразиться на их материальной и духовной культуре. Особенно интенсивными были связи со среднестоговскими племенами на позднем этапе их развития. Наблюдаются контакты с собственно майкопскими племенами. В результате связей со степью происходит дальнейшее изменение кухонной керамики, впервые пришедшей от среднестоговских племен на среднем этапе Триполья (этап В-I) [23], появляются новые погребальные сооружения — курганы, кромлехи, распространяется обычай посыпать покойного охрой, класть в погребение кости животных.

В связи с тем, что памятники выхватинского типа в настоящее время нам известны лишь в районе Среднего Днестра, будет правомерным отнесение их к среднеднестровскому локальному варианту [24]. Однако мы предлагаем сохранить этот термин только за памятниками выхватинского типа. Все остальные поселения Среднего Поднестровья — Митков, Дарабаны II, Мерешовка, Барсуки и аналогичные им, включенные также в Среднеднестровский позднетрипольский локальный вариант, следует исключить из него. По ярко выраженной сумме признаков эти поселения отличаются культурным своеобразием, они младше выхватинцев и занимают земли далеко за пределами Днестра. Они составляют, по нашему мнению, третью, наиболее позднюю, хронологическую группу позднетрипольских памятников в этом районе.

Наиболее поздние поселения расположены в лесостепной, в основном северной, северо-западной и северо-восточной части трипольской земли. Преобладающее количество их (на сегодняшний день) связано с бассейном Днестра. Это Дарабани II [25], Митков, Мерешовка, Барсуки [26], Гусятин [27], Малы Вирмены, Патринцы (урочище Цыпли), Отроков [28], Цвикловцы [29], Звенячин [30], Кашперовцы [31], Кошиловцы-Товдры [32]. Аналогичные поселения имеются и в верховьях Горыни — Листвин и Жорнов [33]. На Пруте к ним относятся поселения Цецино в Черновицах, Валява (урочище

---

[23] Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века. СА, 1961, 2, стр. 186—199.

[24] Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре, стр. 28.

[25] Geslav Ambrojevici. L'epoque néolithique de la Bessarabie du Nord-Ouest. Dacia, III—IV, Bucuresti, 1933; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 113, 116, рис. 63, 64.

[26] Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре, стр. 15—29.

[27] П. І. Борисковський. Деякі доповнення до археологічної карти Середньої Наддністрянщини. «Археологія», IV, Київ, 1950, стр. 118—120.

[28] Коллекции Киевского исторического музея из разведок М. Я. Рудинского в 1928 г. и Т. Г. Мовша в 1960 г.

[29] Т. Г. Мовша. Новое позднетрипольское поселение Цвикловцы в Среднем Поднестровье, стр. 131—145.

[30] Поселение открыто Б. А. Тимощуком, раскопки произведены Ю. Н. Захаруком, о результатах которых им был сделан доклад «Раскопки позднетрипольского поселения у с. Звенячин Черновицкой области» на секции неолита и бронзы пленума ИИМК АН СССР в 1955 г. в Москве.

[31] Кашперовцы включены Е. Ф. Лагодовской в среднеднестровский локальный вариант. Е. Ф. Лагодовская. Трипольское поселение в с. Сандраки Винницкой области и некоторые вопросы позднего Триполья. КСИА, 1953, 2, стр. 76.

[32] В. П. Кравец. Изучение позднетрипольских памятников в Верхнем Поднестровье. КСИА, 1955, 4, стр. 135.

[33] Ю. М. Захарук. До питання про співвідношення і з'вязки між культурою лійчастого посуду та трипільською культурою. МДАПВ, II, Київ, 1959, стр. 54—72.

Никулиха) и Костянцы [34] в Черновицкой области, а также давно известное поселение Городиштя [35] в Румынии. Идентичные перечисленным памятники имеются и в бассейне Южного Буга — Печера [36]. Нельзя не отметить большого сходства материалов всех этих поселений с материалами позднетрипольских памятников Волыни — Городска [37], Новой Чертории [38] и Сандрак [39]. Нанесение на археологическую карту керамических комплексов наиболее поздних трипольских поселений лесостепи позволяет прийти к выводу, что территория, включавшая бассейны Верхнего и Среднего Днестра, Прута, Южного Буга, верховья Горыни, а, возможно, верховья Случи и Тетерева, была заселена родственными племенами, близкими по культуре и этносу.

В настоящее время известно 20 однотипных поселений (с Городском, Новой Черторией и Сандраками 23) (рис. 1), которые по мере их открытия были выделены в четыре племенные позднетрипольские группы, а именно: городско-волынскую, южнобугскую, верхнеднестровскую и среднеднестровскую. Изучение материалов этих поселений указывает на общность признаков и незначительность отличительных элементов. Для Городска в значительной степени свойственны местные традиции позднетрипольских поселений предшествующего времени, таких как Траянов и Колодяжное на Волыни, а также курганов у с. Колодистое на Южном Буге. Картографирование однородных комплексов названных памятников показывает, что поселения находятся в одинаковых физико-географических условиях. Территория, занятая ими, обширна. В нее входит лесостепь и полесье Правобережной Украины, лесостепная часть северной Молдавии и северо-восток Румынии. Границей на северо-западе являются Прут и верховья Горыни, на юге среднее течение Днестра (наиболее южный пункт из известных — Барсуки в Шолданештском районе МолдССР), на северо-востоке — Тетерев и верховья Случи (рис. 1).

Все поселения расположены в одних и тех же топографических условиях — на высоких мысах, окруженных оврагами (Печера, Сандраки, Городск, Новая Чертория), мало доступных останцах, часто омываемых водами рек (Цвикловцы) или высоких мысах (Гусятин I, Малы Вирмены). На поселениях открыты полуземлянки и небольшие глинобитные площадки — Цвикловцы, Городск — или только небольшие площадки — Сандраки, Печера. Для обитателей поселений этой группы характерны одни и те же формы хозяйства. Лишь на некоторых поселениях костные остатки диких животных преобладают над костными остатками домашних животных. Во всех поселениях найдены одинаковые группы керамики, аналогичные по составу теста, технике изготовления, формам и орнаментации, аналогичные пряслица и антропоморфная пластина (последняя за исключением Печеры).

В основном представлены две группы посуды — кухонная и расписная и только на некоторых поселениях встречается еще посуда с серо-лощеной поверхностью, представленная незначительным количеством экземпляров [40].

---

[34] Коллекция Черновицкого исторического музея. Разведки Б. А. Тимощука. За возможность ознакомления с материалами выражаю ему благодарность.

[35] H. Dumitrescu. La station préhistorique de Horodistea, sur le Pruth. Dacia, IX—X, Bucuresti, 1945, стр. 127—163.

[36] Е. К. Черныш. Многослойный памятник у с. Печоры на Южном Буге, стр. 187—202.

[37] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 160—167.

[38] Ю. М. Захарук. Пізньотрипільське поселення у верхів'ях Случі. АП УРСР, VI, стр. 130—133.

[39] О. Ф. Лагодовська. Пізньотрипільське поселення у с. Сандраках, стр. 118—129.

[40] Комплекс керамики из Звенячина нами не учтен, так как он не опубликован.

К первой, преобладающей группе относится кухонная керамика, изготовленная из глиняной массы с примесью измельченных раковин (Гусятин I, Малые Вирмены, Цвикловцы, Городиштя, Печера), реже с примесью песка или дресвы и растений. Цвет посуды серых, серовато-коричневых и желтых тонов. Поверхности хорошо заглажены (кроме крупных корчаг), орнаментированы оттисками веревочки, углубленными линиями или штампами, не имеют следов полосчатого сглаживания. Представлены

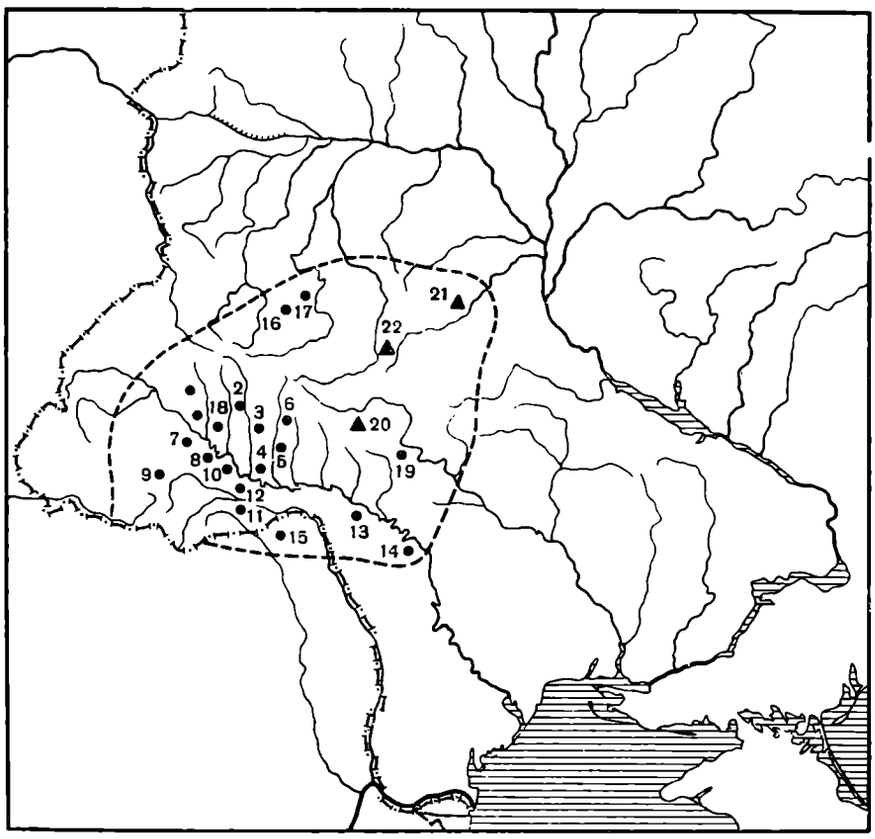


Рис. 1. Карта распространения памятников северного локального варианта и близких к ним памятников Волыни

1 — Кошиловцы-Товдры, *2* — Гусятин I, *3* — Малые Вирмены, *4* — Цвикловцы, *5* — Патринцы, *6* — Отроков, *7* — Митков, *8* — Звенячин, *9* — Костянцы, *10* — Дарабаны II, *11* — Черновицы — гора Цецино, *12* — Валява, *13* — Мерешовка, *14* — Барсуки, *15* — Городиштя, *16* — Листвин, *17* — Жорнов, *18* — Кашперовцы, *19* — Печера, *20* — Сандраки, *21* — Городск, *22* — Новая Чертория

довольно разнообразными формами. К ним в первую очередь относятся шаровидные сосуды — «амфоры» — с высокой цилиндрической шейкой, курильницы и чаши.

Шаровидные тонкостенные «амфоры» с высокой цилиндрической шейкой, вздутыми высокими плечиками и узким дном. Наружные поверхности их хорошо заглажены, украшены на шейке и плечиках пятью-шестью рядами оттисков тонкоперевитого шнура. После находок в Цвикловцах (рис. 2, *1*) нами были выделены среди материалов Печеры (рис. 5, *1*, *2*), а также Городска (рис. 6, *1*) и Сандрак. По форме, характеру обработки поверхности они близки к шаровидным сосудам из нижнего слоя Михайловки, особенно к сосуду из второго жилища [41]. Вместе с тем нельзя не отметить некоторого их сходства с расписными «амфорами» из Кошиловцев-Обоз.

Чаши с утолщенным краем венчика составляют значительный процент находок в Цвикловцах (рис. 2, *2*, *3*), Малых Вирменах (рис. 4, *1*, *2*), Мерешовке, Гусятине I, Печере (рис. 5, *3*), Городиштя и других пунктах.

[41] О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1960, стр. 28, рис. 28.

Представлены они также в Городске (рис. 6, *2*, *3*) и в Сандраках, но наибольшее количество их имеется в Цвикловцах. Лишь в полуземлянке № 2 обнаружены фрагменты 52 чаш.

Чаши среднего размера и небольшие, края их венчиков косо срезаны, стенки полусферические, дно плоское. Края венчиков и верхние части стенок орнаментированы. По краям венчиков нанесены отрезки лент из

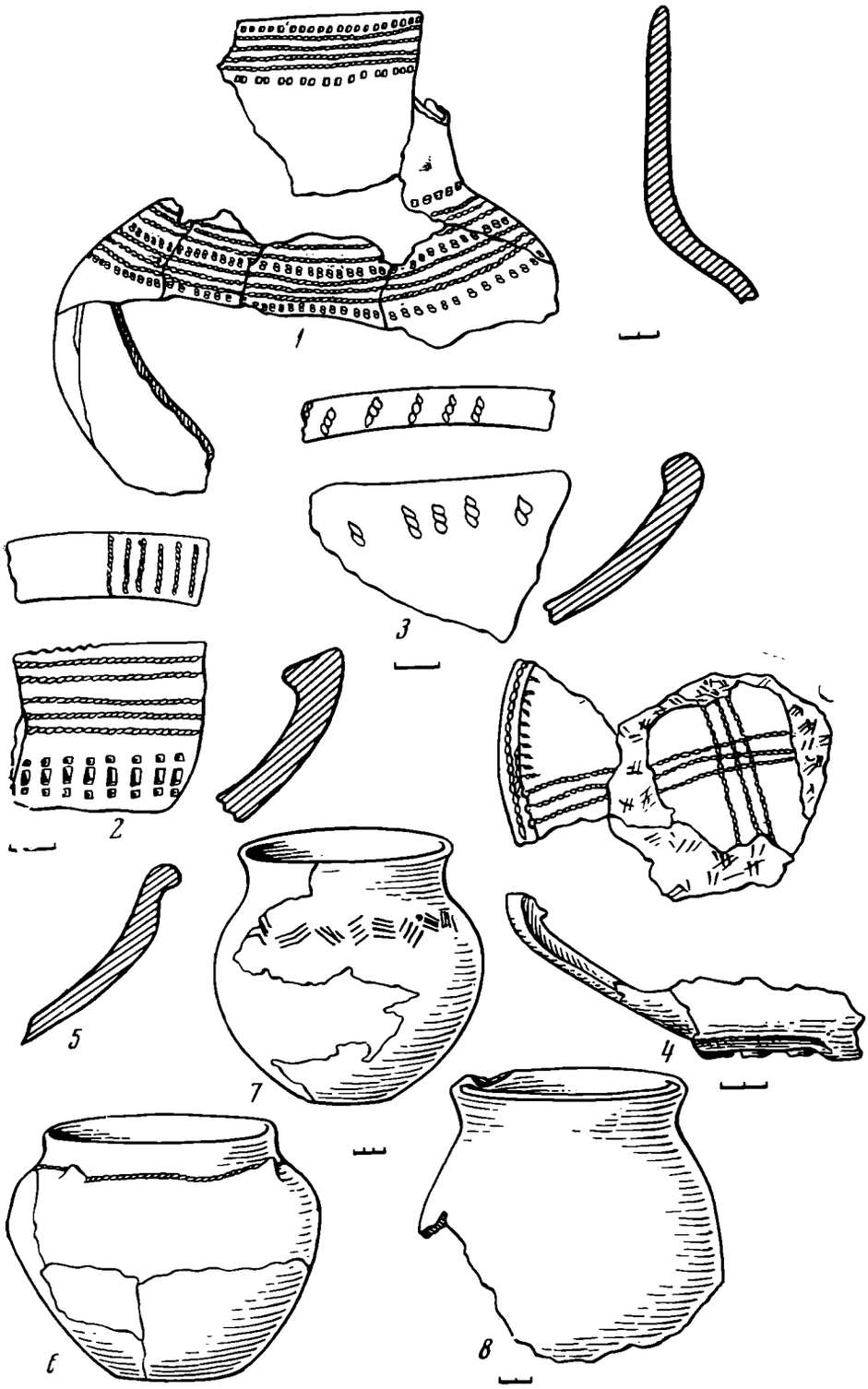


Рис. 2. Керамика из Цвикловцев

оттисков тонкоперевитой веревочки, сходящиеся под углом, вертикально и горизонтально расположенные. Опоясывающие оттиски веревочки покрывают и верхние части стенок. Иногда они с одной или двух сторон подчеркнуты слегка изогнутыми серпочками, штамповыми наколами (рис. 2, *2*). Последние, как и прочерченный орнамент, изредка выступают самостоятельно, но штампового орнамента значительно меньше чем вере-

вочного. Иногда оттиски веревочки образуют косую сетку (рис. 4, *2;* рис. 5, *3;* рис. 6, *3*).

Совершенно исключительное место занимают две чаши на шести столбчатых ножках — курильницы из Цвикловцев (представлены в обломках, рис. 2, *4*). Края венчиков их так же, как и в описанных чашах,

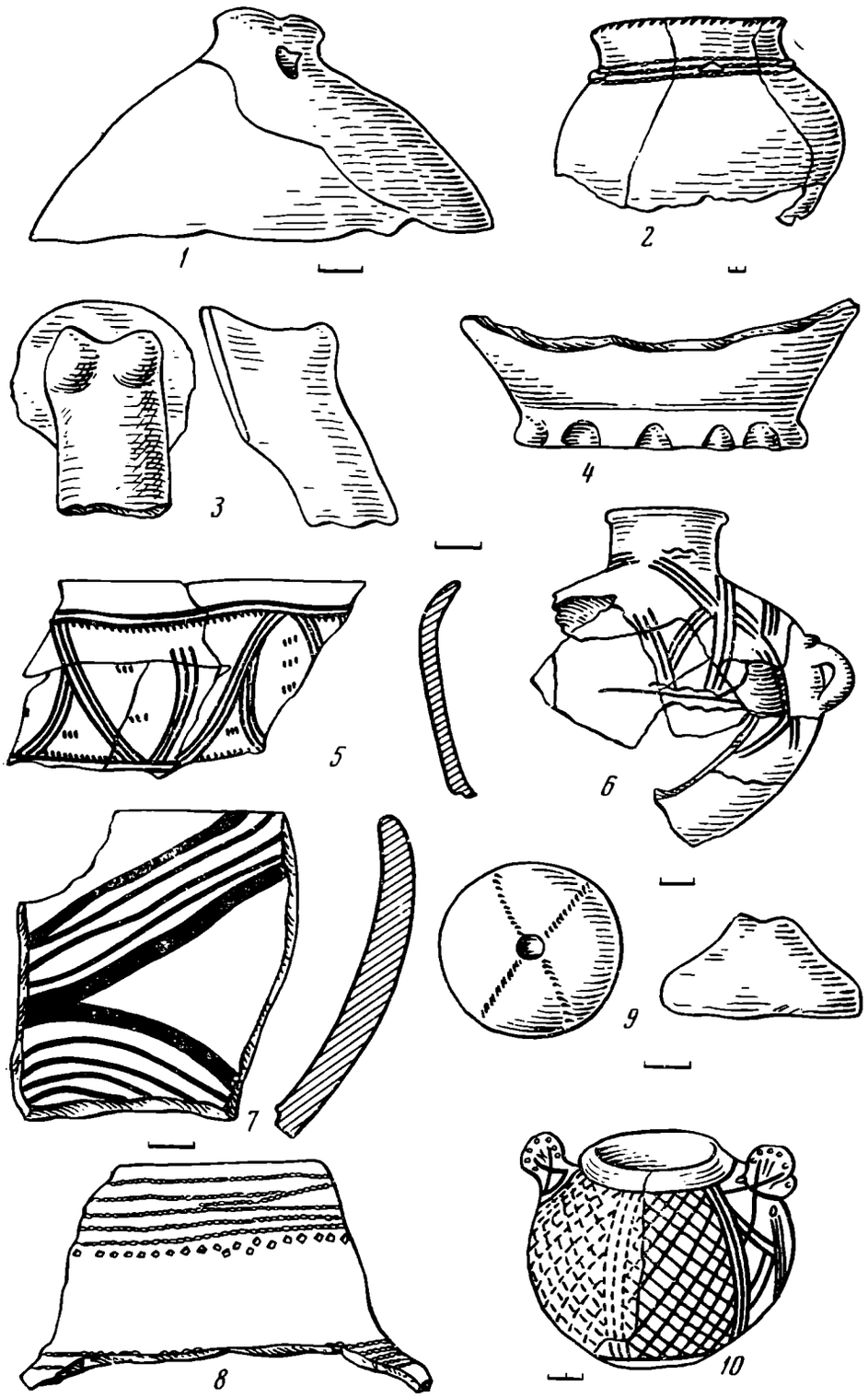


Рис. 3. Керамика из Цвикловцев

утолщены и косо срезаны. Наружные стенки курильницы, изображенной на рис. 2, *4*, возле венчика опоясаны рядами перевитой веревочки. Оттиски веревочки тремя рядами располагаются и на внутренней поверхности, образуя солнечный знак — крест. Чаши с изображением аналогичного знака, но с плоским дном, обнаружены в Малых Вирменах (рис. 4, *3*) и Сандраках.

Некоторой аналогией чашам на ножках из Цвикловцев могут служить курильницы из нижнего слоя Михайловки[42]. Остальные чаши из

[42] Там же, стр. 33, табл. II, *4*.

северных позднетрипольских памятников от курильницы из нижнего слоя Михайловки отличаются лишь плоским дном.

Курильницы так же, как и чаши в позднетрипольских поселениях лесостепной зоны и Полесья, появляются внезапно. Однако, учитывая более ранний возраст памятника, представленного нижним слоем Михайловки,

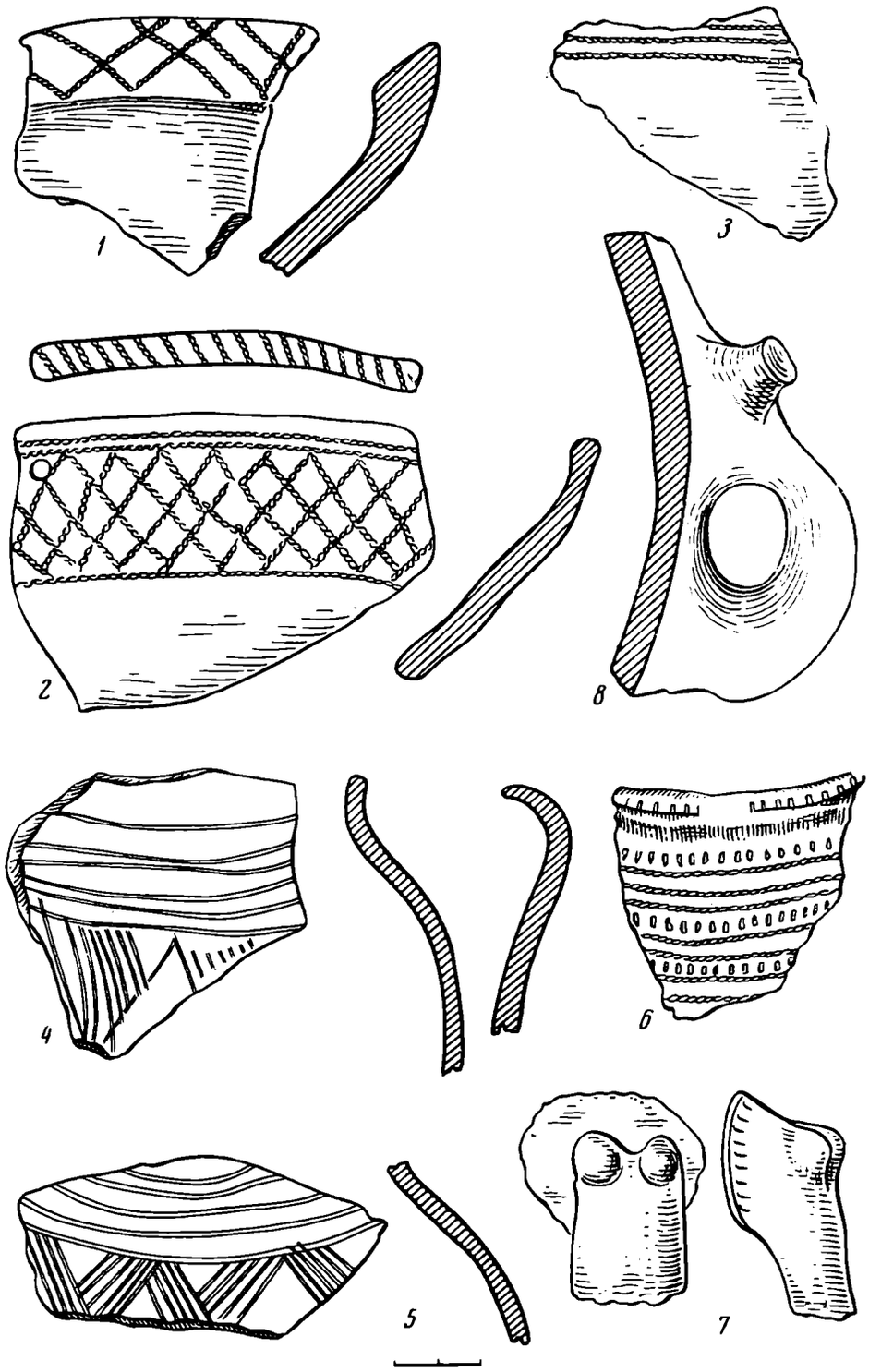


Рис. 4. Керамика из Малых Вирмен

следует предположить, что трипольскому населению памятников этапа V-I, C-I, подобные чаши могли быть уже известны.

Кроме чаш с утолщенным краем венчика в интересующих нас поселениях найдены небольшие неглубокие чашки с горизонтальным верхом края, слегка отогнутым наружу над небольшим изгибом у венчика или прямыми стенками. Как правило, они не орнаментированы или украшены лишь по краю венчика и на месте изгиба к плечику. Представлены в единичных экземплярах (Цвикловцы (рис. 2, *5*), Печера), несмотря на до-

вольно широкое распространение в Среднеднестровских поселениях начальной поры позднего Триполья (Поливанов Яр).

Среди массовых находок имеются тонкостенные сосуды типа горшка с широким горлом, сильно отогнутым краем венчика, высокими плечиками, на которых расположены налепные бугорки, ряды оттисков наискось

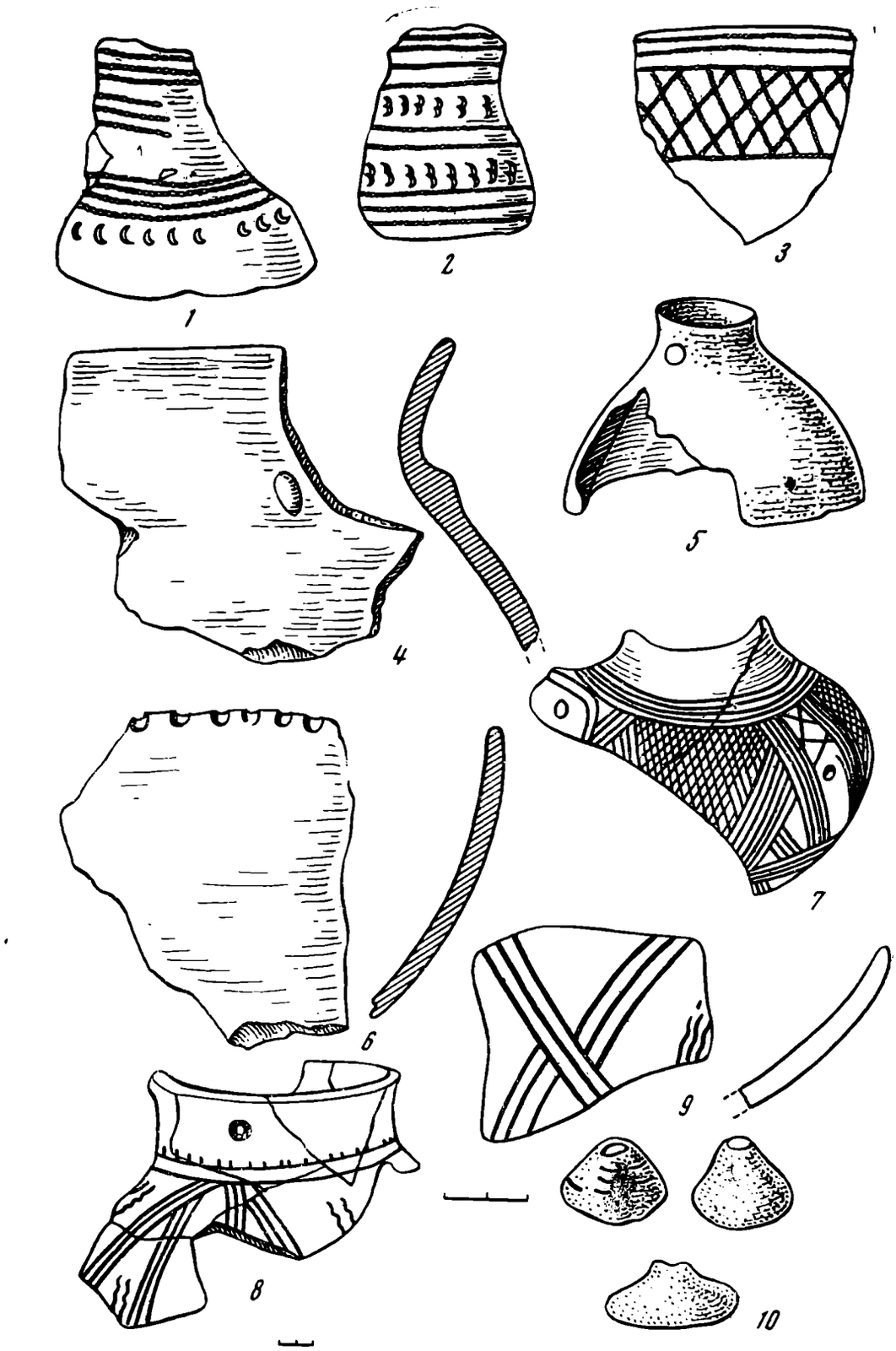


Рис. 5. Керамика из Печеры

перевитой мелкой веревочки, ногтевые защипы, отпечатки различных штампов (рис. 2, *6*; рис. 4, *6*; рис. 5, *4*; рис. 6, *4*). Распространены они также и на памятниках выхватинского типа.

Разновидностью горшков являются сосуды с округлым телом, широким горлом и почти прямым венчиком, украшенные по краю оттисками штампов. На плечиках иногда есть конические выступы.

Найдены крупные толстостенные сосуды с высокой шейкой, низкими плечиками, с обеих сторон которых расположены большие выступающие ручки. Изредка украшены у основания шейки рядом ногтевых защипов.

Имеются сосуды с высокой конической шейкой, слегка отогнутым наружу краем венчика, опоясанного рядами неправильно-овальных наколов, вздутыми плечиками, покрытыми углубленными линиями в виде незамкнутых треугольников (рис. 2, *7*; рис. 4, *4*, *5*). Встречены обломки неорнаментированных сосудов (рис. 2, *8*). Представлены небольшие сосудики

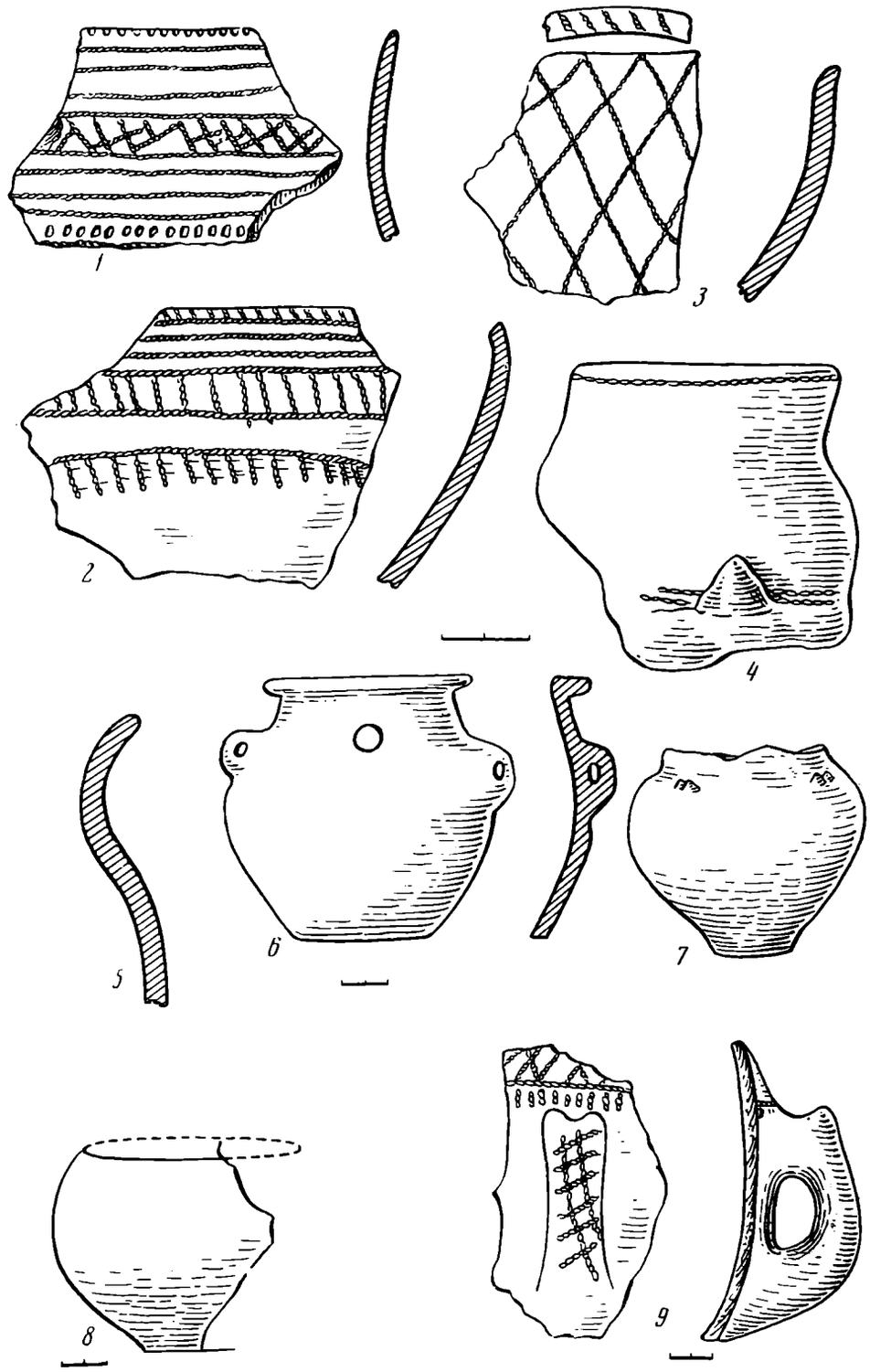


Рис. 6. Керамика из Городска

с сильно оттогнутым краем венчика и ручками на плечиках (рис. 6, *6*).

Найдены конические крышки со слабо выпуклыми стенками и невысоким коническим верхом, несколько напоминающие крышки из поселений типа Коломийщина I (рис. 3, *1*; рис. 5, *5*).

В Цвикловцах так же, как и Городске, обнаружены крупные толстостенные пифосы со вздутыми плечиками и сильно суживающейся ко дну

нижней частью (рис. 3, *2;* рис. 6, *7*). Плечики их украшены оттисками опоясывающей веревочки.

Встречаются глубокие миски со слегка выпуклыми стенками и почти вертикальным краем, с небольшими ручками или без них (рис. 5, *6*; рис. 6, *8*).

Найдены крупные ручки с парными или реже одиночным коническими выступами. Аналогичные ручки расположены на плечиках расписных

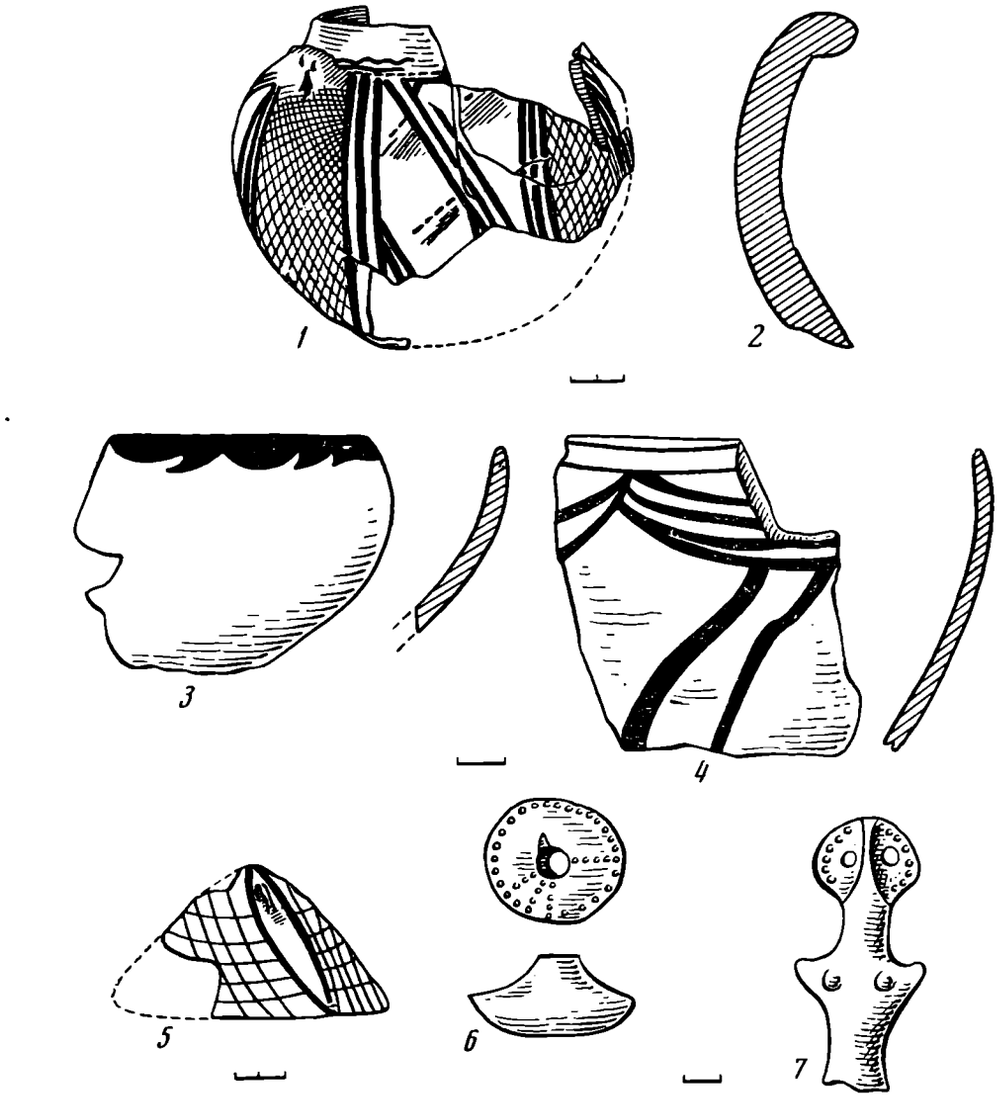


Рис. 7. Керамика из Городска

шаровидных амфор с высокой цилиндрической шейкой, описание которых приводится ниже (рис. 3, *3*; рис. 4, *7*; рис. 6, *9*).

Во многих поселениях обнаружены донышки сосудов с изображением креста, крупной сетки, отпечатков вязания, цыновки, плетенной по кругу, цыновки, переплетенной крупным шнуром, свитым из двух веревочек. В Цвикловцах донья некоторых сосудов по краю имеют защипы (рис. 3, *4*).

Вторую группу керамики составляет расписная посуда, представленная незначительным процентом находок — около 4—5% и даже 1%. Посуда украшена черной краской, иногда в сочетании с красной, нанесенной на желтую или красноватую лощенную поверхность. Роспись состоит из нешироких лент, внутри которых проведены две или даже одна узкие полосы из отрезков лент, сходящихся под углом, в виде овалов или полуовалов. Часто поле между лентами заполнено косой сеткой. Отметим ряд форм.

Шаровидные сосуды с узким горлом, невысоким венчиком. На плечиках помещены овальные или подпрямоугольные ручки-ушки с вертикальным отверстием, а на тулове иногда ручки-ушки с горизонтальным отверстием (рис. 5, *7*; рис. 7, *1*).

Шаровидные «амфоры» с высокой цилиндрической шейкой и узким горлом, наружная поверхность которых расписана сходящимися под углом отрезками лент (рис. 3, *5, 6*; рис. 5, *8*). Представлены на этой территории и в поселениях предшествующего этапа (Кошиловцы-Обоз, Жванец). Однако в отличие от последних они украшены ручками с парными коническими налепами (рис. 3, *6*; рис. 4, *8*; рис. 7, *2*).

Конические чаши со слегка выпуклыми стенками, наклоненным внутрь краем венчика, типичные также для памятников выхватинского типа и поселений старших за них — Жванец, Кубань (рис. 3, *7*; рис. 5, *9*; рис. 7, *3, 4*).

Крышки полусферические с двумя коническими выступами или ушками — наиболее распространенная форма посуды в памятниках выхватинского типа (рис. 5, *5*; рис. 7, *5*).

Миски глубокие крупные. Встречаются очень редко. Характерны для трипольской культуры этапов V-I, C-I.

При сопоставлении керамики оказалось, что почти на всех поселениях обнаружены отмеченные формы сосудов.

Третья группа керамики с серолощенной поверхностью найдена лишь в Цвикловцах и то в незначительном количестве. Она изготовлена из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка, содержащей едва заметные блестки слюды. По обломкам восстанавливаются шаровидные сосуды с узким горлом и высокой цилиндрической шейкой, украшенные по краю венчика и на плечиках опоясывающими рядами тонкоперевитого шнура (рис. 3, *8*). По форме они близки к шаровидным «амфорам» первой группы керамики, следовательно, к шаровидным «амфорам» нижнего слоя Михайловки.

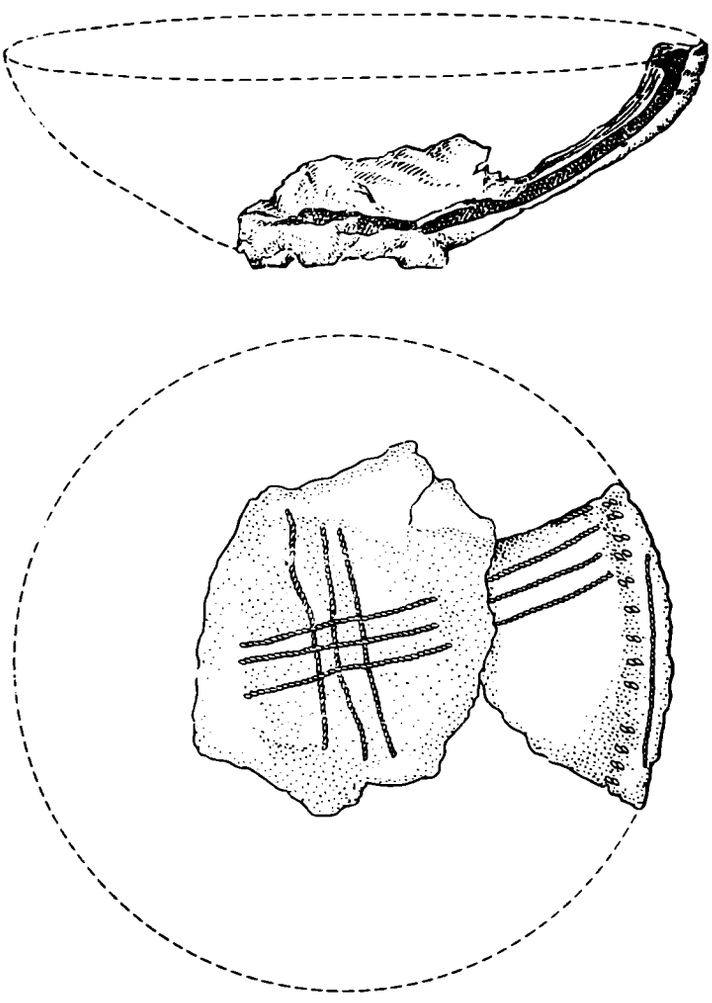


Рис. 8. Курильница из Цвикловцев

Для наиболее поздних трипольских поселений лесостепи и Полесья типичны глиняные пряслица конической формы с вмятиной у основания или биконические, как правило, украшенные наколчатым или углубленным орнаментом в виде расходящихся от центра лучей (рис. 3, *9*; рис. 5, *10*; рис. 7, *6*). Однако пряслица могут служить лишь хронологическим показателем памятника и не являются критерием для выделения локального варианта.

В коллекциях с некоторых поселений представлены антропоморфные фигурки. Все они изображают женщину с сильно схематизированными чертами, с плоской головкой, окруженной мелкими дырочками по краю — Городище, Городск (рис. 7, *7*), слегка удлиненным туловищем, с ножка-

ми, вылепленными каждая в отдельности — Городск, Сандраки. В Цвикловцах обнаружен шаровидный сосуд с двумя налепными на плечиках антропоморфными головками (рис. 3, *10*). В Сандраках имеется фигурка бычка.

Статуэтки, как и пряслица, чаще всего изготовлены из глиняной массы с примесью измельченных раковин, т. е. из массы, характерной для основной группы керамики.

Таковы постоянно повторяющиеся особенности керамических комплексов сопоставляемых наиболее поздних поселений лесостепного Триполья, Среднего и Верхнего Днестра, Прута, Серета, Южного Буга, а, возможно, и Волыни, позволяющие объединить их в единую локальную позднетрипольскую племенную группу. В них мы видим преобладание общих признаков, указывающих на тесную связь населения этой территории между собой, на их этническую и культурную общность. Керамические комплексы из двух поселений противоположно крайних территорий — Городска и Городиштя — настолько однотипны, что В. Думитреску совершенно справедливо между ними поставил знак равенства [43].

Однако несмотря на преобладание общих признаков, некоторые из памятников имеют и индивидуальные черты. Последние прежде всего прослеживаются в разном составе керамических примесей, добавляемых в глину, предназначенных для изготовления так называемой кухонной посуды, что зависело от качества местных глин. Например, почти во всех поселениях Поднестровья — Мерешовка, Цвикловцы, Малы Вирмены, Гусятин I и др., а также в Печере на Южном Буге «кухонная» посуда вылеплена из глины с примесью измельченных раковин и изредка шамота. В поселениях Волыни (Городск) имеется аналогичная посуда, глина которой содержит примесь измельченных раковин, кварца и растений. Кроме того, здесь, как и в Сандраках, есть керамика, сплошь покрытая красной или белой краской. В Городске, Цвикловцах, Малых Вирменах много шнурового орнамента. Причем в первом наблюдаются сложные композиции. Обилие шнурового орнамента служит ярким показателем наиболее позднего возраста памятника в его сравнении с теми поселениями, в которых преобладает посуда, украшенная оттисками различных штампов, защипов или прочерченными линиями.

Таким образом, сопоставление керамических комплексов из многих однотипных поселений лесостепи и Полесья с ярко выраженными своеобразными чертами позволяет объединить их в одну обширную позднетрипольскую локальную группу, которую по занимаемой территории предлагаем называть северной [44].

Следовательно, в северную локальную группу наиболее поздних трипольских поселений, по нашему мнению, входят памятники, ранее относимые к среднеднестровскому, верхнеднестровскому, частично южнобугскому (Печера) и, возможно, городско-волынскому вариантам. Однако несмотря на тождество многих керамических форм, мотивов орнамента, орнаментальных сюжетов, пластики, как это видно из таблиц, окончательное решение о памятниках городского типа — дело будущего. Оно зависит от новых дополнительных материалов и более тщательного изучения уже имеющихся. Сказанное в одинаковой мере относится и к Сандракам, тяготеющим к памятникам городского типа больше, чем к Печере.

Данные более чем 20 поселений позволяют прийти к выводу, что в конце этапа С-II, по периодизации Т. С. Пассек, огромная территория, в которую входила бывшая Подолия, Северная Молдавия, Буковина, частично северо-восточная Румыния, и, возможно, Волынь, была заселена

---

[43] V. Dimitrescu. Originea si evolutia culturi cucutem-Tripolie (II).

[44] В докладе, прочитанном на XII конференции в Киеве, эта локальная группа в рабочем порядке нами была названа Волыно-Подольской. В нем мы предлагали тогда включить и памятники городского типа.

несколькими родственными племенами, составляющими большую культурно-историческую общность. Основные черты материальной и духовной культуры, характерные для этих племен, объясняются общностью их происхождения, а незначительные различия, прослеживаемые в некоторых памятниках, по всей вероятности, результатом контактов как с племенами иных культур, так и с позднетрипольскими племенами иных локальных вариантов.

В каком из названных районов и когда произошло окончательное сложение северного локального варианта, установить затруднительно. За исключением верховий Южного Буга, где Е. Ф. Лагодовской были выделены Сандраки, как одно из ранних поселений в ряду позднетрипольских памятников [45], на всей земле, занятой племенами этой группы, в настоящее время еще не обнаружены памятники, непосредственно предшествующие им. Действительно, лишь Сандраки соединяют более ранние черты, в частности характерные для местной южнобугской керамики из кромлехов в Колодистом и керамики заключительного периода, выраженной в Городске. Не исключена возможность, что обитатели Сандрак или какого-либо другого нам еще неизвестного, но аналогичного ему поселения продвинулись на Волынь и основали здесь поселения городского типа.

В Среднем Поднестровье, где прежде всего благодаря широким полевым работам Т. С. Пассек известно наибольшее число поселений этого времени и круга, памятников, непосредственно предшествующих им, мы пока не знаем. Между Выхватинцами и Солончены II (верхний слой), с одной стороны, и Мерешовкой, Цвиловцами, Барсуками и Кошиловцами — Товдры —, с другой, существует значительный хронологический разрыв. Лишь будущие полевые исследования в этом районе помогут ответить на данный вопрос и на не менее важный вопрос, в каком из направлений продвигалось население этой локальной группы: с Днестра на Тетерев или из Южного Буга на Тетерев и, возможно, Днестр и Прут — исконно трипольские земли. В настоящее время можно лишь констатировать, что занимая новые территории, племена северного варианта налаживали тесные связи, в том числе и непосредственные как с позднетрипольскими племенами иных локальных вариантов, ранее живших здесь или на смежной территории, так и с племенами других культур и впитывали их черты. Последние более отчетливо проявляются на окраинах трипольской земли.

Исследователями неоднократно делались попытки установления этих контактов и взаимовлияний. Т. С. Пассек постоянно рассматривала Триполье в связи с другими энеолитическими культурами Балкано-Дунайских стран, Восточного Средиземноморья и Малой Азии [46]. В частности, Т. С. Пассек и Е. К. Черныш прослежены взаимоотношения раннего Триполья и культуры Гумельница (вариант Алдень II) [47].

В обстоятельной теоретической работе «Памятники усатовского типа» Е. Ф. Лагодовская установила особенности исторического развития усатовских племен и их связи со степными племенами Левобережья, с населением Эгеиды и Малой Азии [48]. Нами в специальной статье племена трипольской культуры рассматривались во взаимосвязи с древнейшими пастушескими племенами среднестоговского типа и затем собственно ямной культуры. Причем было высказано мнение о степном происхождении в Триполье так называемой кухонной керамики с примесью измельченных раковин и приемов ее орнаментации гусеничкой, жемчужинами и веревочкой. Находки степных импортов в трипольских поселениях фазы Ку-

---

[45] Е. Ф. Лагодовская. Трипольское поселение в с. Сандраки..., стр. 77.

[46] Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, стр. 185.

[47] Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Открытие культуры Гумельницы в СССР. КСИА, АН СССР, 100, 1965, стр. 17—18.

[48] О. Ф. Лагодовська. Памятки усатівського типу. «Археологія». VIII. Київ, 1953.

кутень. А.-В. позволили синхронизировать последние со Средним Стогом II [49].

Ю. Н. Захаруком были установлены контакты поздних трипольцев Верхнего Поднестровья с племенами культуры воронковидных кубков [50].

Во взаимодействии с окружавшими культурами освещал Триполье В. Н. Даниленко [51].

Процесс формирования племен северного локального варианта проходил в сложной исторической обстановке. В это время и несколько предшествующее ему происходил пересмотр территориальных границ больших культурно-исторических общностей. Прежде всего, пересмотр границ Триполья и пастушеских племен, проникновение которых в лесостепь относится еще к ранним этапам трипольской культуры. Это было время сложения в южной зоне памятников типа нижнего слоя Михайловки, по всей вероятности, с одной стороны, близких к Триполью этапа ВП-С I и одновременных ему, с другой стороны — близких к ранней фазе майкопской культуры.

На границе степи и лесостепи в бассейне Среднего Днепра (по Тясмину), а также в южной зоне лесостепи слагается ранняя степная пастушеская культура, выделенная В. Н. Даниленко [52]. Здесь возникают памятники типа Чигирин, которым в Надпорожье соответствует очень древнее захоронение у Балки Квитяной. Позднее, по В. Н. Даниленко, происходит сложение памятников собственно среднестоговских.

Все среднестоговские памятники без хронологического членения были включены Н. Я. Мерпертом во второй этап намеченной им схемы относительной хронологии древнеямной культуры [53]. По В. Н. Даниленко, памятники собственно среднестоговского типа относятся ко второму периоду древнеямной культуры, а к первому периоду — памятники типа Чигирин и Балки Квитяной.

Следовательно, на юго-востоке трипольцы граничили со степными пастушескими племенами медного века и ранней поры бронзового века — с племенами этапов древнеямной культуры типа Чигирин и собственно среднестоговскими, занимавшими северную часть степи и лесостепь (в Среднем Приднепровье), а еще позднее с племенами древнеямной культуры круга памятников типа среднего слоя Михайловки.

На северо-западе ближайшими соседями позднетрипольских племен северного локального варианта были племена культуры воронковидных кубков. С племенами культуры воронковидных кубков трипольское поселение постоянно поддерживало тесные отношения.

Исходя из находок импортов позднетрипольской расписной керамики в периферийных поселениях культуры воронковидных кубков (Грудек Надбужный, Зимно и др.), Ю. Н. Захарук синхронизирует западнобугскую группу памятников культуры воронковидных кубков с Трипольем этапа С-II [54]. Выводы Ю. Н. Захарука представляют интерес, но нуждаются в в некотором уточнении. Если синхронизировать с этапом С-II, значит нельзя сопоставлять с довольно ранним в группе позднетрипольских па-

[49] Т. Г. Мовша. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом трупоположения. МИА Ю-З СССР и РНР, Кишинев, 1960, стр. 64, 67, 72; ее же. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века. СА, 1961, 2, стр. 186—199.

[50] Ю. М. Захарук. До питання про співвідношення і зв'язки між культурою..., стр. 54—72.

[51] В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных восточно-европейских культур шнуровой керамики. КСИА, 1953, 2, стр. 81—83; его же. Археологические исследования 1956 г. в Чигиринском районе. КСИА, 1959, 8, стр. 16—17.

[52] В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1969.

[53] Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы европейской части СССР. L'Europe à la fin de l'age de la pierre. Actes du symposium consacre aux problemes du Neolithique européen. Praha, 1961, стр. 167, 168.

[54] Ю. М. Захарук. До питання про співвідношення і зв'язки між культурою..., стр. 68.

мятников поселением Кошиловцы-Обоз. Вместе с тем следует отметить, что сопоставляемые Ю. Н. Захаруком чаши имеются не только в Городске и Сандраках, но и в хронологически предшествующих им памятниках — Выхватинцы. Солончены II и даже Жванец. Это является важным фактом при уточнении вопроса синхронизации памятников разных культур.

В плане выявления тесных связей и непосредственных контактов между носителями названных культур Ю. Н. Захарук приводит интересное погребение с сожжением из Зимно, сопоставляя его с погребальным обрядом позднетрипольских племен Среднего Поднепровья (Софиевской локальной группы). Однако и в ближайшем районе, здесь же в Верхнем и Среднем Поднестровье, известны остатки сожжений. Так, в Кунисовцах и Кошиловцах-Обоз были найдены небольшие горстки пережженных человеческих костей, а в Цвикловцах захоронение с сожжением в сопровождении большого погребального инвентаря [55].

В наиболее раннее время соседями трипольцев на юго-востоке в конце раннего или в начале среднего Триполья были племена позднего этапа днепро-донецкой культуры. Как показали раскопки Никольского могильника (второй этап культуры по Д. Я. Телегину) [56], в котором при одном из погребений был найден каннелированный сосудик, близкий сосудам из трипольского поселения Борисовка, в тесном контакте с населением Надпорожья, видимо, были трипольцы Южного Буга. Вероятно, они и жившие одновременно с ними трипольцы Среднего Поднестровья (Озаринцы) являлись теми посредниками, через которых племена днепро-донецкой культуры получали металл. Спектральные анализы металла Никольского могильника, проведенные в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР, позволили Е. Н. Черных прийти к выводу о его большой близости к металлу Карбунского клада и тем самым к мысли о том, что трипольцы могли быть передатчиками металла племенам днепро-донецкой культуры.

До недавнего времени было принято считать начало установления контактов трипольских племен со степью на среднем этапе Триполья. На это указывали находки трипольской полихромной керамики в Среднем Стоге II, Стрильчей Скеле, а также степной среднестоговской керамики в трипольском поселении фазы Кукутень А-В Солончены II [57]. Новые данные позволяют несколько удревнить взаимосвязи трипольского мира со степью и отнести ко времени, предшествовавшему собственно среднестоговскому. Доказательством тому служит разрушенное при земляных работах погребение с охрой в малом кургане возле станции Кайнары в Молдавии [58], сочетающее яркие черты обеих культур. Малый курган, сильная окрашенность охрой скелета и части инвентаря, крупные ножевидные пластины и подвески из раковин Unio, близкие к аналогичным находкам из ряда могильников среднестоговского типа (Чаплинский, Петрово-Свистуново и др.). Наряду с перечисленным инвентарем типичный для ранних этапов Триполья сосуд с небольшим с вмятиной донышком (густо окрашен охрой), а также медные шейная гривна и браслет с крупными перламутровыми подвесками, химический состав металла которых, по определению Е. Н. Черныха, сближается с основной группой медных изделий Карбунского клада. Сосуд, являющийся надежной датировкой, аналогичный сосудам типа Сабатиновки I, позволяет захоронение из Кайнары от-

---

[55] Т. Г. Мовша. Трипільське поховання в с. Цвіклівці. «Археологія», XVI, Київ. 1964, стр. 213—222.

[56] Д. Я. Телегин. Никольский могильник эпохи неолита и меди в Надпорожье. КСИА, 1961, 11, стр. 26.

[57] В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных восточно-европейских культур шнуровой керамики. КСИА, 1955, 4, стр. 126; Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века..., стр. 186—199.

[58] Т. Г. Мовша, Г. Ф. Чеботаренко. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии. КСИА АН СССР, 1969, 115.

нести ко времени конца раннего этапа трипольской культуры или начала среднего этапа.

Древнейшие курганы в степи и южной полосе Среднеднепровской правобережной лесостепи восходят к очень раннему времени медного века. Они содержат погребения ранних фаз древнеямной культуры с сосудами собственно среднестоговского типа и предшествующего ему. Это курган из Гадючей Балки в Надпорожье [59], курган у с. Веселый Кут возле Смелы в Правобережной лесостепи [60], курганы на территории Азовстали в Мариуполе и др. Им и может соответствовать курганное захоронение из Кайнары, видимо, той же культурной принадлежности.

Пастушеские племена уже на ранних этапах Триполья постепенно проникают в лесостепь. Так, в Среднем Поднепровье они заселяют южную полосу лесостепи, где основная часть открытых здесь степных памятников тяготеет к району р. Тясмин. Это Чигирин, Сунки (возле Смелы), Мокрая Калыгирка, Веселый Кут, Молюхов Бугор II, III, Тетянино [61] (на юго-восток от Смелы) и Дереивка [62] ниже Кременчуга. Кроме сезонных поселений (Молюхов Бугор, Тетянчино), грунтовых могильников (Дереивка) здесь следует предположить открытие в ближайшие годы и курганов. Указанием на это служит упомянутый сосуд из раскопок кургана у с. Веселый Кут. В верхнем слое Молюхова Бугра были обнаружены импорты гринольской керамики, датируемые В. Н. Даниленко этапом С-I [63] и позволившие ему синхронизировать Молюхов Бугор III с поселениями типа Коломийщина I.

В настоящее время в бассейне Среднего Днепра, на Черкащине, в совершенно новом районе — Смелы, Корсунь-Шевченковского, Богуслава — обнаружены прежде здесь неизвестные поселения среднего и начального этапа позднего Триполья [64]. Они позволяют передвинуть границу распространения памятников трипольской культуры значительно южнее, почти в область обитания представителей групп древних пастушеских племен. Таким образом, намечается район взаимопроникновения древнеземледельческой и пастушеской культур.

Итак, уже во время ранних этапов трипольской культуры отдельные группы степного населения в поисках сезонных пастбищ проникают в среднеднепровскую лесостепь, в область, которую, как об этом свидетельствуют недавно открытые памятники на Черкащине, заселяли трипольцы. Это приводит к усилению взаимосвязей и взаимовлияний между носителями обеих культур.

Близость некоторых типов кремневых орудий — ножей, треугольной формы наконечников стрел с вогнутым или ровным основанием, «кухонной» посуды в обеих культурах, видимо, объясняется не только заимствованиями и влияниями, но и этническими связями. Можно предположить, что древнее пастушеское население, обитавшее в южной полосе правобережной лесостепи, в отличие от среднестоговских племен Левобережья получало кремень через посредство трипольцев Среднего Поднепровья из Волыни.

В позднетрипольское время взаимосвязи трипольцев с их юго-восточными соседями становятся еще более тесными. Ярким свидетельством тес-

[59] П. Козар. Звіт про науково-археологічні досліди на території Дніпрельстану и порожистій частині Дніпра. Фонды ВУАК, Дн. 18, п. 18.

[60] Коротке звідомлення за археологічні досліди 1925 р. Київ, 1926, стр. 164, рис. XXIV.

[61] В. Н. Даниленко. Археологические исследования 1956 г. в Чигиринском районе. КСИА, 1959, 8, стр. 13—21.

[62] Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г. КСИА, 12, 1962, стр. 14.

[63] В. Н. Даниленко. Археологические исследования 1956 г. в Чигиринском районе, стр. 19.

[64] Поселения открыты директором музея Корсунь-Шевченковской битвы Н. Д. Гупало, за возможность ознакомления с которыми, пользуясь случаем, выражаю благодарность.

ных связей поздних трипольцев со среднестоговскими племенами могут служить пять погребений Выхватинского могильника в ином положении, чем все остальные погребения могильника, на спине с согнутыми и поднятыми в коленях ногами. Т. С. Пассек их правильно считала более ранними. Десять лет назад они, как и захоронение из Незвиско, были сопоставлены нами со среднестоговскими погребениями Виноградного острова [65]. В настоящее время после раскопок могильника в Александрии [66], когда стало очевидным, что подобное положение погребенных является наиболее характерным для обитателей памятников среднестоговского типа, высказанная нами ранее мысль нашла свое новое подтверждение. Степными чертами, перенесенными в мировоззрение трипольцев, как об этом мы уже писали, является обычай посыпать покойного охрой, сооружать кромлехи, курганы [67].

Кроме названных черт степной культуры в позднем Триполье наблюдается и значительное изменение керамики. Почти исчезает роспись. Кухонные сосуды с примесью измельченных раковин, пришедшие, по нашему мнению, в Триполье со степи на среднем этапе, становятся более разнообразны по форме. Появляются новые формы. Совершенно отмирает трипольская традиция, передаваемая на протяжении многих веков, украшения посуды скульптурными головками животных [68].

Приведенные данные указывают не только на контакты и непосредственные связи поздних трипольцев Среднего (Выхватинцы) и Нижнего Днестра (тираспольская группа курганов), полосы Северного Причерноморья (Усатово), Нижнего Прута и Дуная (Стойкань, Фолтешть, Браилица) с племенами пастушеских древнеямных, а также энеолитических племен Северного Кавказа майкопской культуры (памятники собственно майкопского типа). Можно предположить пребывание первых в среде позднетрипольского населения названных территорий, в данном случае у обитателей памятников выхватинского и усатовского типов. Проникновение их в бассейн Днестра восходит еще к самому началу среднего этапа Триполья или даже несколько раньше. Указанием этому служит курган из Кайнары в Молдавии.

Историческая судьба обитателей памятников выхватинского типа пока мало известна. Факты для ее освещения очень ограничены. Вероятно, их население явилось одним из основных компонентов формирования памятников усатовского локального варианта. Еще задолго до открытия Выхватинцев Т. С. Пассек отмечала, что усатовские племена продвинулись с северных земель Триполья. Сейчас можно предположить, что этой землей было Среднее Поднестровье. Однако, видимо, не все население выхватинского типа в силу каких-то причин продвинулось на юг, юго-запад, выйдя к берегам Черного моря, в понизовья Днестра, Прута, на Дунай. Часть его осталась на прежних издавна родных местах. Наличие трех стилизованных фигурок усатовского типа в Выхватинцах служит тому доказательством, указанием частичной синхронности Выхватинцев, видимо, в поздний их период и Усатово в раннее время. Позже, по всей вероятности, связи усатовского населения с поздними трипольцами Среднего Поднестровья прекращаются.

В наиболее позднее время трипольские племена северного локального варианта подвергаются сильному воздействию носителей культуры, оставивших памятники того же круга, что и Михайловка (нижний слой),

---

[65] Т. Г. Мовша. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом трупоположения, стр. 64.

[66] Д. Н. Телегин. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия. КСИА, 1960, 9, стр. 17—18.

[67] Т. Г. Мовша. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом трупоположения, стр. 72.

[68] Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века, стр. 186—199.

Осокоровка и древнеямных племен, оставивших поселения типа среднего слоя Михайловки, Стрильчей Скели, хутора Репина.

Процесс формирования степных племен в это время достигает своего расцвета. Наличие больших поселений, расположенных так же, как и позднетрипольские лесостепные и полесские, в головах останцов, указывают на накопление значительных богатств, среди которых скот был основным. Увеличение поголовья скота требовало новых пастбищ. В их поисках носители степных культур заходят в глубь лесостепи, интенсивно проникая в позднетрипольскую среду. Об этом ярко свидетельствуют данные, полученные при раскопках Цвикловцев, позволившие по-новому интерпретировать долгое время остававшиеся вне поля зрения археологов некоторые материалы из ранее открытых синхронных ему поселений — Печера, Городск или несколько предшествующих им — Стена (поселение № 1) и Сандраки. В поселениях интересующей нас группы в результате проникновения обитателей степей появляются новые, не свойственные Триполью важные черты степной культуры, позволяющие осветить вопрос об истории взаимосвязей двух культур. В северных поселениях выявлены сосуды новых форм, характерные для памятников степного юга — чаши с утолщенным краем венчика, курильницы на столбчатых ножках (Цвикловцы) и шаровидные амфоры с высокой цилиндрической шейкой — Цвикловцы, Печера, Сандраки, Городск и другие поселения. Эти новые формы сосудов получают распространение в основном лишь в памятниках лесостепи и Полесья.

Плоскодонные чаши с утолщенным краем венчика и особенно курильницы не имеют генетических корней в трипольской среде. Чаши, предшествующие им, распространенные в памятниках выхватинского типа и в более древних поселениях типа Поливанов Яр, совсем иные. Они продолжают бытовать одновременно с чашами с утолщенным краем венчика (Цвикловцы). Поэтому преемственность этих чаш от трипольских совершенно исключена.

По форме, орнаментальным приемам и сюжетам, составу глиняной массы и частично обработке поверхности курильницы из Цвикловцев имеют значительное сходство с курильницами из нижнего и среднего слоя Михайловки[69]. Все остальные чаши отличаются лишь формой дна.

Шаровидные сосуды с высокой цилиндрической шейкой из Цвикловцев, Печеры, Сандрак, Городска и других пунктов также сопоставляются с шаровидными амфорами из нижнего слоя Михайловки, прежде всего с амфорой, украшенной оттисками шнура[70]. Однако ни шаровидные сосуды, ни курильницы из пунктов северного локального варианта нельзя рассматривать как импорты. По технологическим признакам они ничем не отличаются от остальной нерасписной керамики. Да и наружные поверхности их не так тщательно обработаны, отсутствует характерное для посуды нижнего слоя Михайловки лощение. Видимо, данные находки являются местным подражанием изделиям степных культур. Чаши с утолщенным краем венчика представляют собой всего лишь видоизмененную форму курильниц. Исходя из того, что интересующие нас позднетрипольские поселения позднее, чем нижний слой Михайловки, можно предположить наличие особого типа памятников, занимавших в культурном и хронологическом отношении промежуточное положение между нижним и средним слоем Михайловки.

В связи с культурной близостью поселений северной позднетрипольской племенной группы с нижним слоем Михайловки не лишне вспомнить точку зрения В. Н. Даниленко о культурно-историческом положении Осокоровки — Михайловки I, которые, по его мнению, с одной стороны,

---

[69] О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Ук. соч., стр. 33, табл. II, 4.

[70] Там же, стр. 28, рис. 10.

близки к памятникам северокавказского энеолита (Майкоп — Новосвободная), с другой стороны — с синхронными поселениями Триполья (этап С-I) [71]. Сейчас, благодаря разработанной А. А. Формозовым периодизации майкопской культуры [72], можно говорить о близости позднего Триполья и ранних памятников майкопской культуры и собственно самого Майкопа. В свою очередь, наиболее поздние поселения трипольской культуры синхронизируются с памятниками древнеямной культуры типа среднего слоя — Михайловки. Доказательством этому служат не только типологическая близость курильниц, а прежде всего наличие импортной позднетрипольской керамики в жилых комплексах среднего слоя Михайловки. Так, в жилище № VIII были найдены обломки расписной посуды, сопоставляемые Е. Ф. Лагодовской и О. Г. Шапошниковой с керамикой из Печеры, Сандрак и поселения № 1 в Стене [73]. На основании этих данных авторы пришли к выводу о культурных взаимосвязях ямных племен на раннем этапе их развития с племенами позднего Триполья [74].

Раскопками О. Г. Шапошниковой в 1964 г. в этом же слое поселения были обнаружены новые образцы трипольской посуды, важные для хронологии и синхронизации памятников. Кроме крупного обломка амфоры, орнамент на котором имеет ближайшее сходство с амфорами из Гусятина I [75] и Цвикловцев [76], была найдена ручка с двумя роговидными налепами. Подобные, но несколько уже ручки обнаружены во многих позднетрипольских поселениях, включенных нами в северный вариант, а также в почти тождественных им памятниках городско-волынского типа. Как показали раскопки Цвикловцев, эти ручки расположены с обеих сторон максимального диаметра шаровидных амфор с высокой цилиндрической шейкой [77].

Таким образом, синхронность наиболее поздних поселений Триполья, лесостепи и Полесья со средним слоем Михайловки и аналогичных ему памятников вполне вероятна. Исходя из этого, вряд ли вызывает сомнение высказанная нами выше мысль о степном происхождении курильниц и чаш, отличающихся от первых лишь плоским дном, а также шаровидных амфор с высокой цилиндрической шейкой. По всей вероятности, они были привнесены инородным степным населением в позднетрипольскую среду и явились следствием их пребывания в поселениях северной группы. Однако следует отметить факт наличия подобных шаровидных амфор, но расписных и с ручками уже в более раннее трипольское время — Кошиловцы-Обоз. Но это не исключает предположения о появлении сосудов в обеих культурах — трипольской и несколько близкой к ней культуры типа нижнего слоя Михайловки благодаря тесным связям между ними.

Возвратимся теперь к вопросу о взаимодействии между Трипольем и древнеямной культурой, которые установились еще в конце раннего и в начале среднего этапа Триполья — Кайнары. В фазу Кукутень А — В активные связи наблюдаются с собственно среднестоговскими племенами. В позднетрипольское время они становятся еще более тесными — Михайловка (средний слой), Цвикловцы и др., в результате чего у трипольских племен почти совсем исчезает традиция изготовления расписной посуды. В Новой Чертории, Цвикловцах она составляет около 5%, а в Городищя — 1%. Процесс замены одной группы керамики другой был длитель-

---

[71] В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных восточно-европейских культур шнуровой керамики, стр. 128.

[72] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 74—84.

[73] О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Ук. соч., стр. 96, рис. 3—6, стр. 97.

[74] Там же, стр. 97.

[75] Из разведок автора. Коллекция Киевского исторического музея.

[76] Т. Г. Мовша. Трипільське поховання в с. Цвіклівці, стр. 216, рис. 32, 3, стр. 219.

[77] Там же.

ным и происходил не одновременно на всей территории позднего Триполья. В наиболее восточных районах трипольской земли — в Среднем Поднепровье, на участке от Киева до Ржищева кухонная керамика над расписной преобладала еще на этапах В-II, С-I. Но здесь еще нет того разнообразия форм, которое наблюдается в позднетрипольских памятниках, особенно северо-западной и северо-восточной периферии. Сосуды становятся более тонкостенны, наружные поверхности их тщательно обрабатываются, исчезают зооморфные налепы и уже в поселениях, предшествующих Выхватинцам, не имеют следов полосчатого сглаживания. Появляются сосуды новых отмеченных форм, широко распространяется веревочный орнамент, нередко сложный.

В результате длительного контакта трипольцев на разных этапах их развития с племенами степного юга постепенно меняется весь облик материальной и духовной культуры Триполья. В выхватинской и усатовской группах памятников это удается проследить не только в керамике, но и в погребальных памятниках — в наличии кромлехов, курганов, закладок, в различном положении скелетов, в обычае посыпать умершего охрой и т. д. Разнообразие форм погребального обряда, с нашей точки зрения, служит указанием на неоднородный этнический состав населения трипольской культуры [78], получившем свое подтверждение в антропологических материалах.

Разница в облике культуры трипольцев на позднем их этапе (усатовской — причерноморской группы, выхватинской и северной с ее некоторыми особенностями городско-волынских памятников) и культуры степных пастушеских племен становится все менее разительна. Более интенсивное проникновение обитателей степей в позднетрипольскую среду в конце концов приводит к постепенной ассимиляции древних земледельцев пастушеским населением древнеямной культуры.

Однако даже в наиболее поздних из трипольских памятников северного локального варианта еще сохраняются многие трипольские черты и традиции. Мы их наблюдаем и в типах жилищ (продолжают встречаться глинобитные площадки — Печеры, Цвикловцы и др.), и в наличии глинобитных культовых вымосток (Цвикловцы, Сандраки), и в орудиях труда, и в системе орнаментации расписной керамики. Наблюдаются черты преемственности и в идеологии, прослеживаемые в антропоморфной и зооморфной пластике (Городищя, Цвикловцы), в обычае жертвенных захоронений с многочисленным инвентарем, совершаемых на поселениях (Цвикловцы).

Наличие черт, характерных как для Триполья, так и для культур степных племен, подтверждает наше предположение о неоднородности этнического состава населения северного локального варианта. В формировании его памятников принимали участие местные племена трипольской культуры и пришлые обитатели степей времени ранней бронзы. Последние были теми новыми этническими компонентами, которые вошли в состав поздних трипольцев северной лесостепной группы.

Таким образом, сложение северного локального варианта проходило в процессе длительного взаимодействия трипольского и степного пастушеского населения не только в культурном, но и в этническом отношении.

Исторический путь племен северного варианта был иным, чем путь трипольских племен других территорий, иной была их судьба в дальнейшем. Занимая обширную область, они не только сохранили тесные связи между собой, но и поддерживали самые тесные отношения с племенами других локальных вариантов позднего Триполья. Памятники городского типа на Волыни и Сандраки на Южном Буге служат тому веским доказательством. С одной стороны, в материальной культуре их наблюдаются

---

[78] Т. Г. Мовша. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом трупоположения, стр. 72.

традиции предшествующих позднетрипольских племен Волыни (Колодяжное, Траянов), с другой стороны, у них настолько разительно сходство с поселениями северного варианта, что, на первый взгляд, нельзя заметить разницу.

Многое в истории носителей северного локального варианта остается неизвестным. Недостаточно данных и для хронологического расчленения памятников, хотя уже в настоящее время намечаются более ранние и более поздние среди них. Так, к наиболее ранним следует отнести близкие к северному варианту Сандраки, а к более поздним — Цвикловцы, Малы Вирмены. В них, так же как и в Городске, имеется значительный процент керамики, украшенной шнуром. Совершенно неизвестны могильники, поэтому не установлен погребальный обряд, а также этнический состав населения. Продвижение пастушеских племен древнеямной культуры на север и запад постепенно ассимилировали поздних трипольцев. Но трипольский этнический элемент бесследно не исчез.

Из приведенного вытекает вывод: позднетрипольские поселения северной группы нельзя рассматривать как итог эволюционного развития Триполья предшествующего этапа на этой территории. Поэтому представления о позднем Триполье как культуре племен, сохраняющих единую трипольскую генетическую линию исторического развития, должны быть коренным образом пересмотрены. Однако было бы ошибкой видеть в нем и памятники совершенно новых культур.

Дальнейшие полевые исследования позволяют ответить на ряд важных вопросов, в том числе и на вопрос об исторической судьбе наиболее поздних трипольских племен лесостепи и Полесья (северной группы). Но и в настоящее время их значительное участие в сложении культур шнуровой керамики на территории Восточной Европы очевидно. Проблему позднетрипольских памятников северной группы следует рассматривать как важную составную часть большой проблемы сложения культуры шнуровой керамики. Северные позднетрипольские памятники являются основным звеном в происхождении ее наиболее раннего восточного варианта — прикарпатской культуры.

T. G. Movcha

A PROPOS DU PROBLÉME DU GROUPE SEPTENTRIONAL DES MONUMENTS DE TRIPOLIÉ TARDIF

Résumé

Dans la seconde moitié du IIIe millénaire avant notre ère, sur le territoire de l'Europe du Sud-Est, il y avait plusieurs grandes communautés historico-culturelles: les cultures de Tripolié tardif, du type de la couche inférieure de Mikhaïlovka et celle ancienne des sépultures en fosses.

Le processus de la formation des tribus de Tripolié tardif avait plusieurs aspects. Contrairement à l'opinion de la majorité des explorateurs, il n'y avait pas de ligne unique d'évolution.

Dans les bassins des cours moyen et supérieur du Dniestr et du Prout, plusieurs groupes culturels et chronologiques des monuments s'entraperçoivent: a) du type Jvanetz; b) du Dniestr moyen comprenant les monuments du type Vykhvatinizi; c) du nord qui se divise, du point de vue chronologique, en étapes CII_2 et CII_3.

L'aspect particulier des stations se rapportant au groupe nord est dû, à notre avis, aux relations qui embrassaient tous les domaines de la vie et existaient depuis des siécles entre les tribus de Tripolié peuplant les régions du Dniestr et du Boug du sud et ceux des steppes, ainsi qu'à la pénétration de ces derniers dans le milieu Tripolié. C'étaient les tribus de la couche moyenne de Stog II, de la couche inférieure de Mikhaïlovka, de l'étape initiale de la culture de Maïkop et de celle ancienne des sépultures en fosses.

Dans le groupe nord, on voit la naissance des éléments d'une nouvelle culture, notamment, de celle de la céramique cordée de la culture de la région des Carpates et de son groupe de Podolie.

О. Н. БАДЕР

ПОГРЕБЕНИЯ НА ВЛАДЫЧИНСКОЙ СТОЯНКЕ И ВОПРОС О ФАТЬЯНОВСКОЙ БРОНЗЕ

Сорок лет назад, в 1928 г., во время раскопок богатейшей Владычинской стоянки, мне удалось вскрыть остатки двух погребений, при одном из которых оказались замечательные бронзовые украшения, уникальные для этих территорий.

Материалы раскопок до сих пор не были опубликованы. Лишь краткие сведения о них проникли в печать. Так, в одной из статей 1939 г. я упомянул об этих вещах, указав на находку похожего браслета в Мытищинском могильнике фатьяновской культуры и на аналогии этим браслетам в среднеевропейской унетицкой культуре [1]. Значительно позднее на владычинский браслет и «комок согнутой, круглой в сечении проволоки» из того же погребения сослалась О. А. Кривцова-Гракова, полагавшая, что браслет имел унетицкое происхождение [2]. Видимо отчасти пользуясь данными О. А. Кривцовой-Граковой, владычинский браслет, «скрученную бронзовую проволоку» и два перстня упоминает А. Я. Брюсов, который считал их привозными вещами унетицкого типа из южной Моравии или из южной Австрии. Основываясь на этом, А. Я. Брюсов относит Владычинскую стоянку, а вместе с ней второй этап рязанской культуры и второй этап волосовской культуры «к раннему унетицу, т. е. к концу первой или началу второй четверти II тысячелетия до н. э.» [3]. На мой взгляд, указанная датировка стоянки неосновательна. Она может быть принята только в том случае, если погребение относится ко времени существования стоянки, на что нет никаких указаний. Вероятнее всего, стоянка древнее могилы, вырытой в ее культурном слое; другими словами, дата погребения представляет для стоянки terminus ante quem.

И. К. Цветкова использует Владычинское погребение с найденной там, якобы одной бронзовой «манжетой» — браслетом для датировки первого этапа волосовской культуры не позднее второй четверти II тысячелетия до н. э. [4], а в более поздней работе — для датировки первого этапа рязанской культуры. На этот раз И. К. Цветкова относит владычинское погребение к первому этапу рязанской культуры, т. е. связывает его с комплексом ямочно-гребенчатой керамики на стоянке или несколько позже [5].

Все названные авторы, исходя из аналогий манжетовидным браслетам в унетицкой культуре, пытаются использовать Владычинское погребение для датировки древних окских культур и тем самым подчеркивают боль-

[1] О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла. ВДИ, 1939, 3, стр. 115.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 32.

[3] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 64.

[4] И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Тр. ГИМ, XXII, М., 1953. стр. 33.

[5] И. К. Цветкова. Стоянка Черная Гора. КСИИМК, 75, 1959, стр. 121.

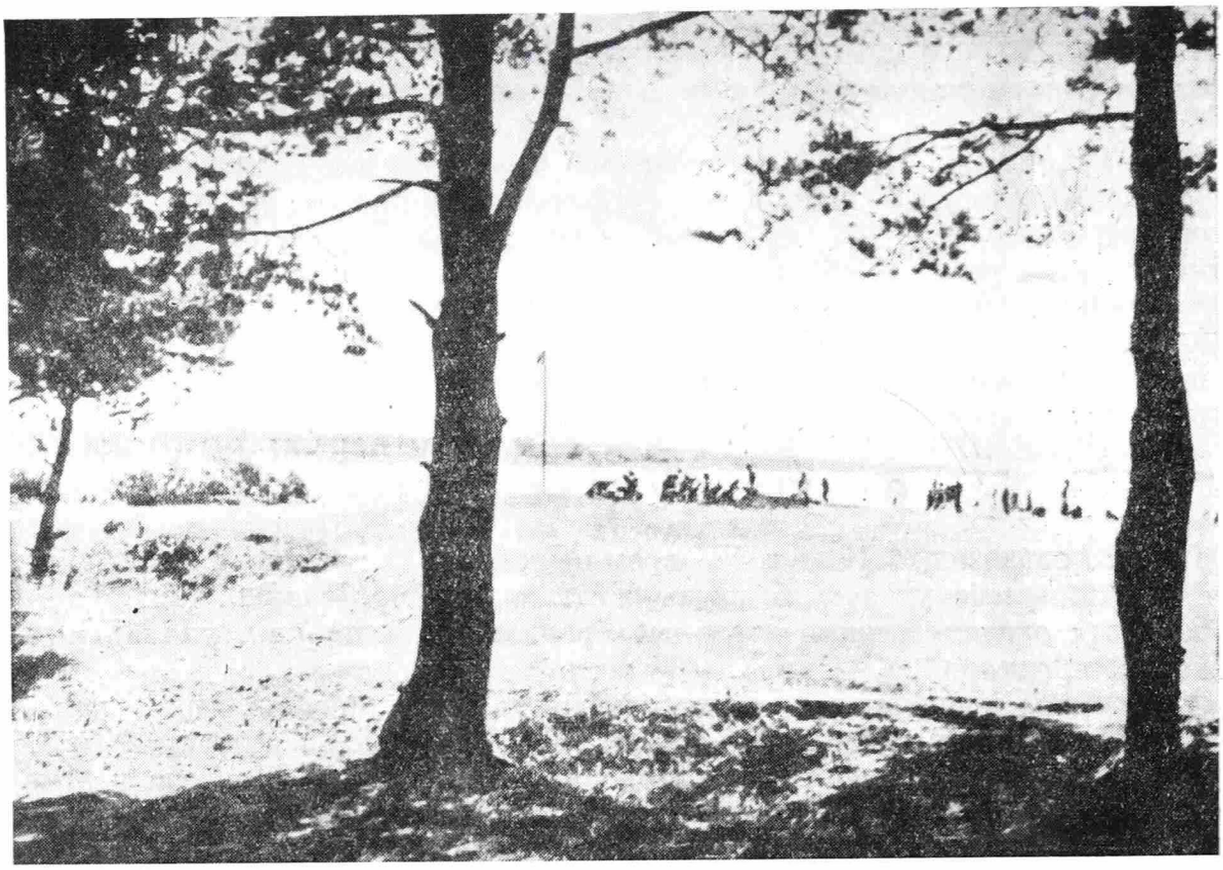


Рис. 1. Общий вид раскопок Владычинского могильника в 1967 г.

шое значение данной находки. Но, к сожалению, они не использовали материал во всей его полноте и не представляли себе ни культурной стратиграфии Владычинской стоянки, ни соотношения ее культурных горизонтов с погребением.

Владычинская стоянка находится на расстоянии немного более полукилометра на юго-запад от дер. Владычино тогдашней Спас-Клепиковской волости Рязанского уезда и губернии. Расположена она на обширном низком полуострове, ограниченном с трех сторон озерами, вернее — в конце его, у Мартыновского озера, на левом берегу небольшого протока между озерами (река Пра), у Фоминского перевоза. На противоположном берегу протока находится еще одна богатая стоянка — «Черная гора», открытая мною еще в 1928 г. и в настоящее время широко исследуемая И. К. Цветковой (рис. 1) [6].

Владычинская стоянка получила предварительную характеристику в печати в 1929 г. [7] Основная часть памятника, где были обнаружены также и упомянутые погребения, располагается на невысокой береговой песчаной террасе. Но большое количество древних предметов лежит и под ней, на пологом склоне к водоему, и даже уходит под воду.

Мощные культурные отложения стоянки содержат три различных по возрасту комплекса материальной культуры [8]:

1) внизу, на песке, залегает толстый, буро-коричневый песчаный слой с вкраплениями светлого песка и черными углистыми пятнами; этот слой уходит под современный уровень озерного протока (рис. 2) и густо насыщен культурными остатками эпохи неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, множеством кремневых и костяных орудий и других поделок; нижняя часть слоя отличается более темной окраской;

---

[6] И. К. Цветкова. Стоянка Черная Гора. КСИИМК, 75, 1959, стр. 114 и 115.

[7] O. Bander. Zur Erforschung der neolitischen Wohnplätze im Okatale, ESA, Helsinki, 1929, рис. 1 (карта), *3* (местоположение Владычинской стоянки) и *6* (образцы материальной культуры).

[8] Там же.

2) верхнем горизонте того же слоя, отчасти смешанные с неолитическими остатками, преобладают материалы волосовской культуры с типичной для нее керамикой, хорошо отличающейся от ямочно-гребенчатой;

3) наконец, сверху залегает более светлый и менее гумусированный песчаный слой, частью совпадающий с пахотным слоем; он имеет мощность не более полуметра и содержит смешанный материал; но именно в нем и немного ниже найдены сравнительно немногочисленные остатки керамики с текстильными отпечатками («сетчатая» керамика) древнего, додьяковского типа, которая на десятках стоянок бассейна Оки и Верхней Волги (и, в частности, на противоположном берегу озерного протока) встречается вместе с кремневым инвентарем.

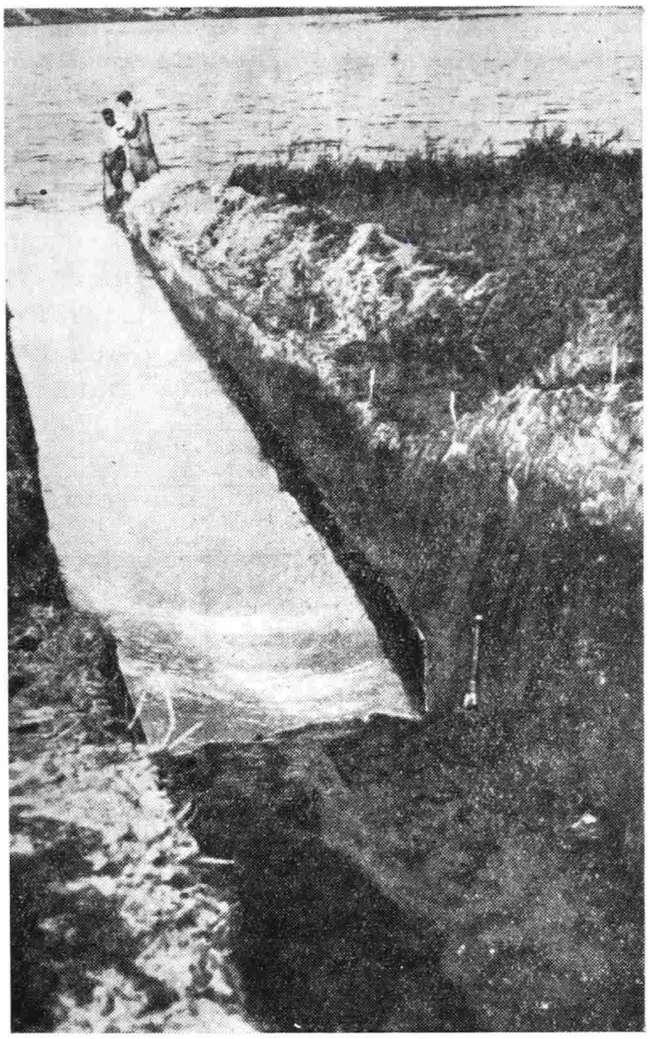


Рис. 2. Вид нижней части траншеи XI—XII 1928 г. от места находки погребения с мощным культурным слоем, уходящим под воду

Представление о залегании описанных культурных напластований дает разрез нескольких участков ряда XI, у пункта находки погребения (рис. 3). Общая мощность культурных отложений стоянки местами достигает 3 *м*.

Владычинская стоянка не содержит фатьяновских, поздняковских и абашевских комплексов эпохи бронзы, но все они очень распространены на окских стоянках и легли в основу культурно-стратиграфических представлений, сложившихся у нас в 20-х годах и изложенных в упомянутой работе [9].

Оба погребения были обнаружены случайно при вскрытии культурного слоя стоянки в 1928 г. [10] Они находились на краю береговой террасы, т. е. в более высоком районе стоянки, на расстоянии 25 *м* друг от друга.

Погребение 1 найдено в траншее XI—XII, в квадратах XI—24, 25, 26. Скелет лежал горизонтально, в вытянутом на спине положении, на глубине 77 *см* от современной поверхности, в буро-коричневом культурном слое (рис. 3). Никаких следов могильной ямы не замечено. Кости довольно плохой сохранности: череп раздавлен; длинные кости ног и таз — в обломках, кисти и стопы не сохранились. Но в целом положение скелета удалось зафиксировать достаточно хорошо (рис. 4).

Он лежал в вытянутом на спине положении, головой к реке, на З-Ю-З, лицом к северу. Кисти обеих рук соединялись на лобке (рис. 4).

Под нижней челюстью, на шее, обнаружена медная или бронзовая гривна с пластинчатым расширением на конце. На груди, заходя кон-

[9] Там же.

[10] В раскопках кроме автора приняли участие А. А. Мансуров (Рязанский музей), Л. С. Китицына (Костромской музей), М. А. Розанова и Л. Н. Бадер.

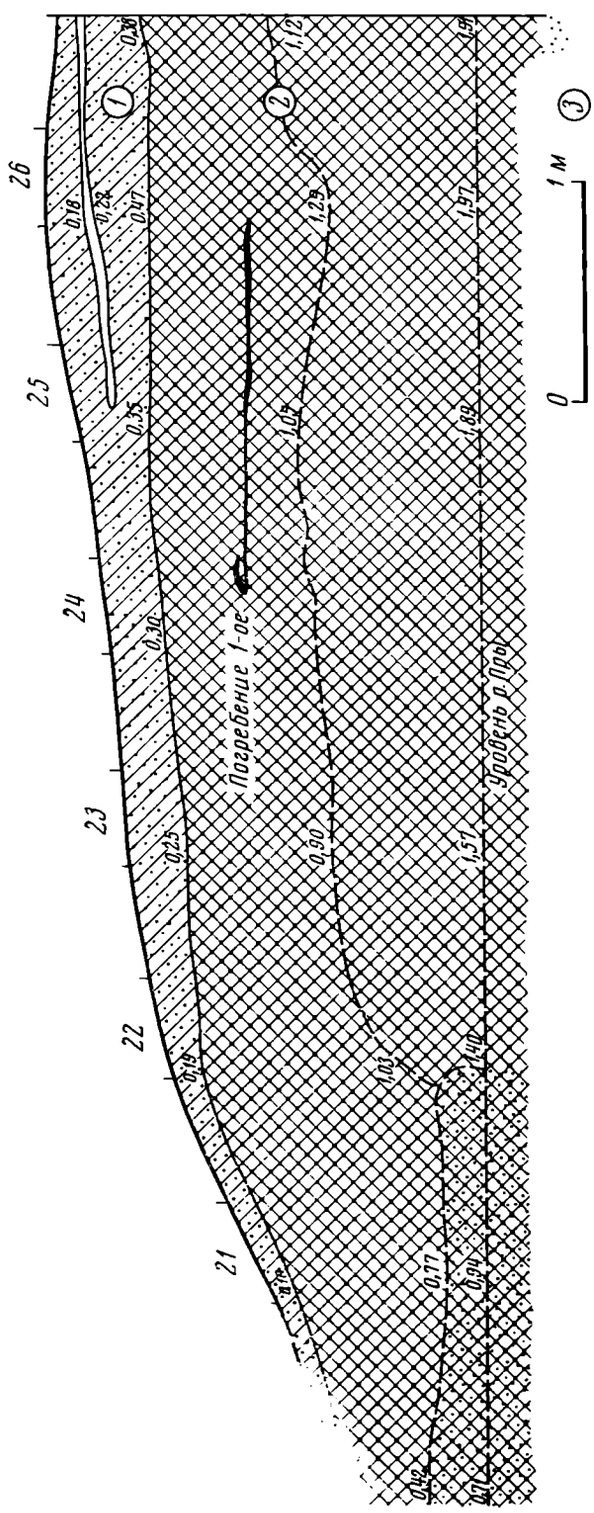


Рис. 3. Разрез слоев по северной стенке квадратов 20—26 ряда XI

1 — песчаный светлый культурный слой с песчано-глинистой прослойкой; *2* — буро-коричневый культурный слой со светлыми и черными пятнами, в нижней половине более темный; *3* — речной песок без культурных остатков. Место погр. 1 обозначено на средней глубине 0,77 *м* от современной поверхности

цами под гривну,— две крупные прямоугольные бронзовые бляхи. На каждой руке, у кисти,— по широкому, манжетовидному браслету с несомкнутыми краями. Наконец, после снятия скелета в области таза были найдены два бронзовых перстня с несомкнутыми концами; уже на базе экспедиции, в деревне, один из перстней через несколько дней исчез.

Погребение 2 обнаружено в аналогичных условиях, в соседнем раскопе, в квадратах VII—IX—34—36, в том же культурном слое, на глубине 0,71 *м* от современной поверхности. Скелет оказался совершенно разрушенным (рис. 5). Череп лежал на боку, лицом на север. Никаких вещей, которые можно было бы связать с погребением, не найдено. Но его связь и одновременность с первым погребением весьма вероятна как по близкому соседству и почти одинаковой глубине, так и по степени сохранности костей. В целях отыскания других захоронений нами совместно с И. К. Цветковой была в 1967 г. вскрыта вытянутая вдоль края террасы прямоугольная площадь в 88 $м^2$. На уровне двух первых погребений не было обнаружено более или менее отчетливых остатков новых могил; лишь в нескольких пунктах удалось найти отдельные обломки человеческих костей.

Из условий залегания обоих погребений вытекает, что связь погребений с одним из описанных культурных слоев или культурных комплексов весьма проблематична. Можно допустить, что они вообще связаны не с поселением, а с какой-то иной культурой, например с фатьяновской, в погребениях которой были обнаружены такие же бронзовые браслеты и аналогичные кольца.

Уникальность найденных в погр. 1 вещей не определяла его культурной принадлежности, поскольку эти вещи в глухом Мещерском крае были, вероятнее всего, импортными.

Связывать погребения со всем культурным комплексом Владычинской стоянки и по ним датировать последнюю, как это делает А. Я. Брюсов [11], невозможно хотя бы потому, что мы имеем здесь дело не с одной, а с тремя разновременными стоянками.

К основному, неолитическому слою стоянки погребения не могут иметь отношения потому, что залегали над ним.

Принадлежность погребений к волосовской культуре, на которой настаивает И. К. Цветкова [12], не исключена, хотя пока и не доказана. Положение скелетов и самый факт захоронений на поселении как будто типичны для волосовской культуры (Языково, Володары). Впрочем, на каждом из названных поселений принадлежность погребений к волосовской культуре не является бесспорной, поскольку они могли быть введены сверху на соответствующий уровень позднее.

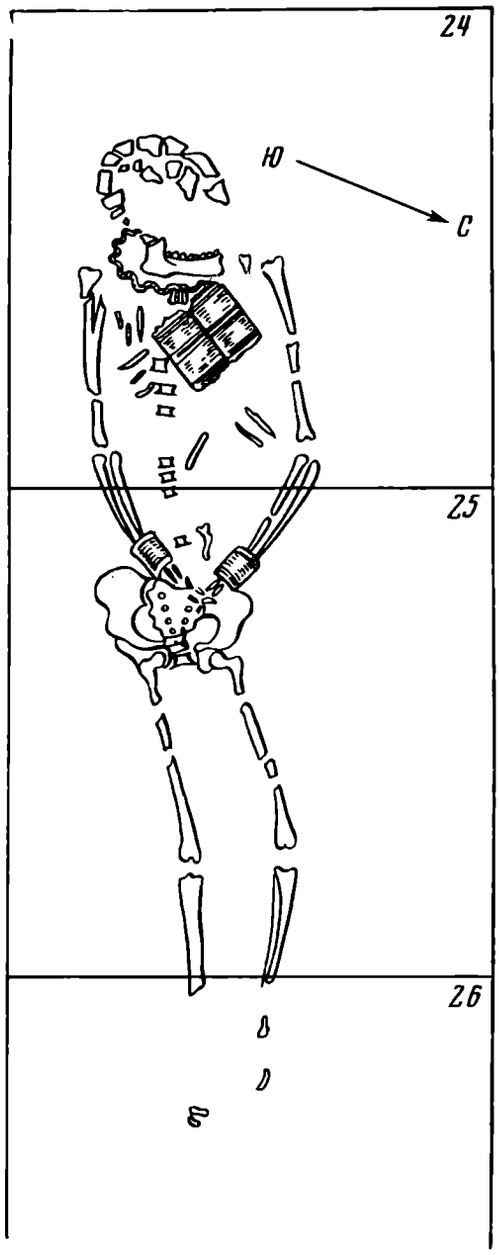


Рис. 4. Погребение 1. Положение скелета и бронзовых вещей

Исходя из наибольшей вероятности помещения погребений все же в неглубоких могилах, а не на поверхности, я в свое время счел возможным связывать владычинские погребения с представленным в верхнем горизонте стоянки культурным комплексом с сетчатой, текстильной керамикой [13]. При этом было принято во внимание, что синхронность и даже связь поселений с текстильной керамикой с фатьяновской культурой установлена во многих случаях (главным образом на Верхней Волге), а такой же, как во Владычине, бронзовый браслет был найден и в Мытищинском могильнике фатьяновского типа [14].

Безоговорочному отнесению владычинского погребения к фатьяновской культуре мешает вытянутое на спине положение скелета, не свойственное фатьяновским могильникам.

Мы остановились на возможности отнесения владычинского погребения или к волосовскому слою, или к слою с текстильной керамикой. Еще более поздней датировке препятствует характер вещей. Справедливость первого или второго допущения не может быть убедительно решена на самой Владычинской стоянке. Но в последние годы были установлены некоторые факты, которые проливают известный свет и на поставленный здесь вопрос. Я имею в виду наблюдения В. М. Раушенбах при раскопках стоянки Николо-Перевоз на р. Дубне, где горизонт с фатьяновской (балановской) керамикой составляет тонкую прослойку внутри культурного слоя волосовской культу-

---

[11] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен...

[12] И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена, стр. 47.

[13] О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Повольжье в эпоху металла, стр. 115.

[14] О. Н. Бадер. Мытищинский могильник фатьяновского типа. КСИИМК, 75, 1959.

шириной 15 *мм*, с несколько уплощенным на конце черешком. Внутренняя сторона перстня плоская; наружная также имеет две продольные ложбинки, образующие как бы утолщения по средней линии и по краям. Эти утолщения несут следы насечки.

3,4. Две нагрудные бляхи (рис. 7) сделаны из широких тонких листов бронзы (толщиною всего около 1 *мм*) без следов ковки. Обе бляхи вполне аналогичны, но неодинаковой сохранности. Размеры лучше сохранившегося экземпляра 12,4×6,7 *см*.

Обе бляхи представляют прямоугольные накладки на широкие ремни или другие части одежды, с загнутыми внутрь длинными краями для

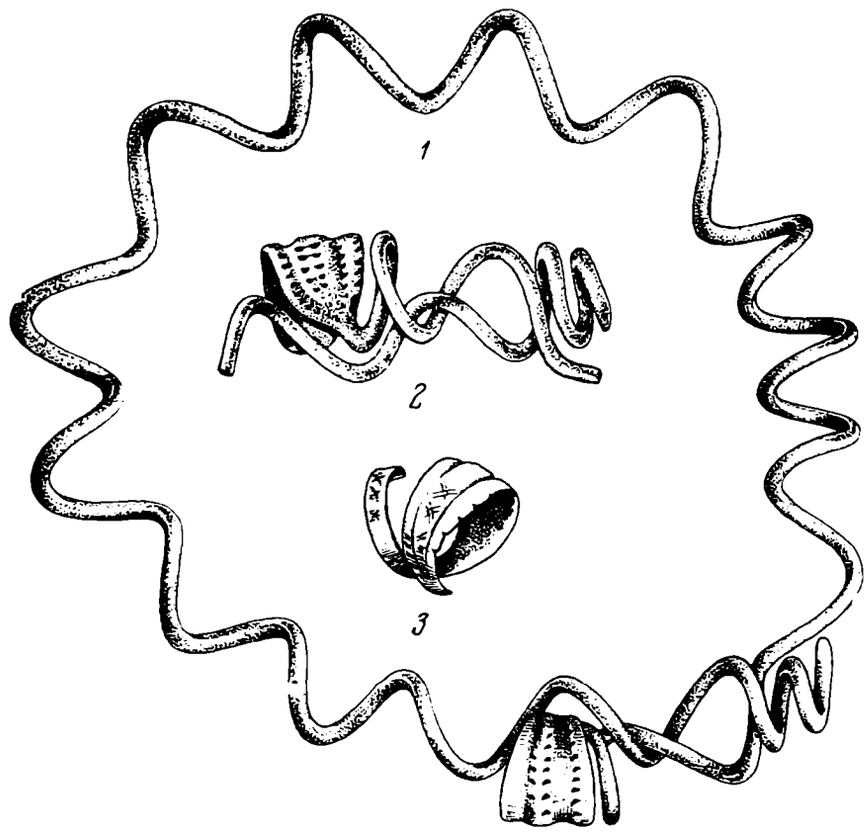


Рис. 6. Бронзовая гривна (*1*), ее концы с обратной стороны (*2*) и перстень (*3*)

охвата краев основы, толщина которой не превышала 5 *мм*. Они имеют одинаковый орнамент в виде очень тонких поперечных, параллельных линий, располагающихся тремя группами на концах и в центре. Эти линии заходят частью и на загнутые поверхности, что указывает на нанесение их на бронзовые листы до того, как была произведена формовка блях.

5,6. Бронзовые манжетовидные браслеты с несомкнутыми краями (рис. 8). Оба сделаны из тонких, продолговатых, бронзовых тщательно прокованных пластинок и отличаются от аналогичного им браслета из Мытищ несколько большей массивностью, в особенности браслет с правой руки (рис. 8, *1*).

Этот браслет сделан из почти прямоугольной пластинки длиной до 16,3 и шириной 6,5 *см*. Он покрыт сложным и очень тонким чеканным орнаментом в виде многочисленных параллельных линий, обрамленных полосами из очень мелкой решетки, рядов косых линий, елочек и треугольников, как это показано на рис. 8.

Браслет с левой руки сделан из аналогичной пластинки со слегка сужающимися концами и скругленными углами; длина ее 15,8 и ширина 6,6 *см*. Тонкий орнамент на внешней стороне вполне аналогичен, хотя и не тождествен орнаменту первого браслета (рис. 8, *2*).

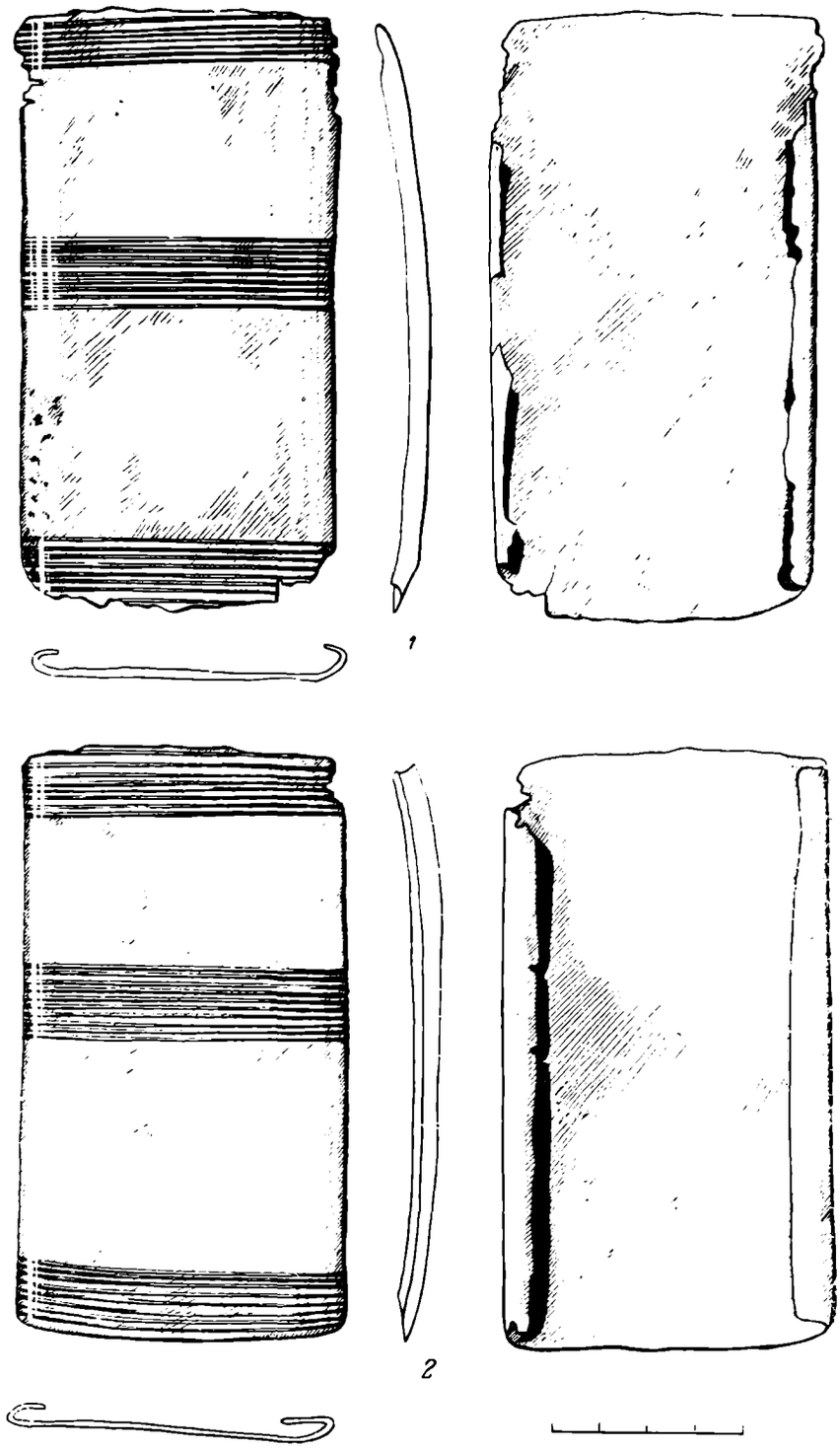


Рис. 7. Бронзовые бляхи с правой стороны (*1*) и с левой стороны (*2*) груди

Судя по небольшому внутреннему диаметру манжетовидных браслетов, они предназначались для тонких женских рук.

Химический состав металла браслетов был определен в спектроаналитической лаборатории Института археологии АН СССР Е. Н. Черных.

Химический состав браслетов из Владычина, в %

Браслеты	Медь	Свинец	Олово	Железо	Серебро	Марганец	Фосфор	Никель
С правой руки	Основа	0,006	0,001	0,1	0,025	0,01	<0,1	0,006
С левой руки	»	0,001	0,0005	0,03	0,02	<0,01	—	0,003

Следовательно, оба браслета сделаны из меди с естественными примесями; искусственные примеси не зафиксированы. По Е. Н. Черных, металл принадлежит к группе медистых песчаников Среднего Поволжья.

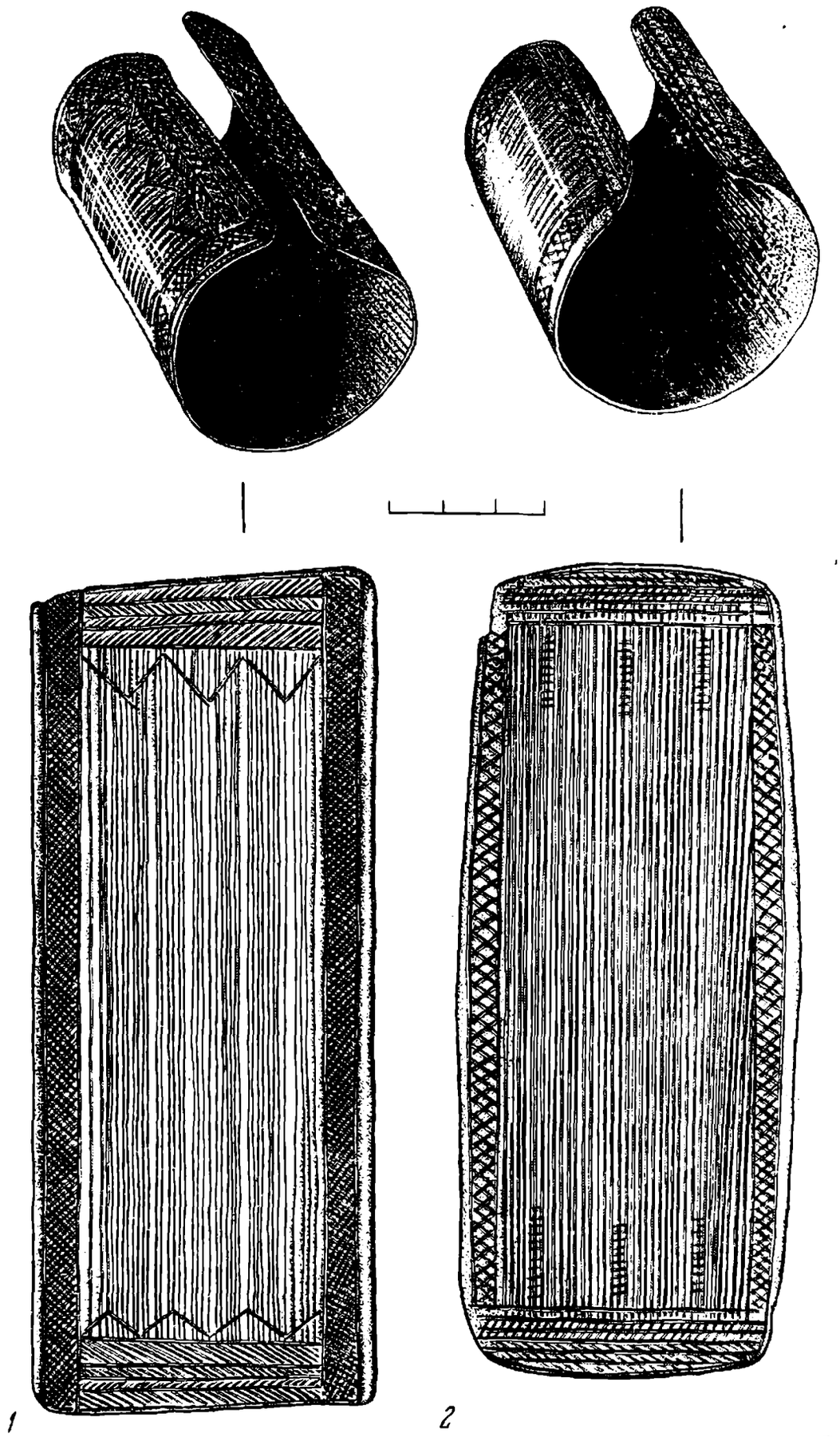


Рис. 8. Бронзовые браслеты с правой руки (*1*) и с левой руки (*2*)

Все вещи из погребения во Владычине имеют редкий, а то и уникальный характер. Поэтому вопрос об их происхождении и датировке достаточно сложен.

В момент находки близких аналогий им не было. Вскоре же А. А. Спицын указал мне на некоторое сходство их с вещами, случайно вырытыми в 1888 г. у местечка Бакшишки Мариампольского уезда Сувалкской губ.[17], и предметами из с. Жукин Остерского уезда Черниговской губ.[18]. Но манжетовидные браслеты из Бакшишек имеют не цилиндрическую, а бочковидную форму, иной орнамент и сопровождаются вещами среднего железного века, хотя связь браслетов с последними и не вполне ясна. Витая гривна из Жукина имеет простые, слабо сплющенные концы и в комплексе с сопровождающими вещами еще более заметно отличается от предметов из Владычина. То же самое следует сказать и о кольцах из Wiska[19] (Калининградская область). Более близкие аналогии владычинским кольцам можно найти в инвентаре окских древнефинских могильников. Таковы кольца из Максимовского[20] и Кошибеевского могильников (парный убор кос)[21]. Но все приведенные аналогии не идут дальше приблизительного сходства отдельных предметов и ни в какой мере не демонстрируют тождественности комплексов.

Трудный вопрос о датировке Владычинского погребения прояснился в ноябре того же 1928 г., когда на руке погребенного во вновь открытом Мытищинском могильнике в Тейковском районе Ивановской обл. оказался бронзовый манжетовидный браслет, почти полностью тождественный владычинским[22]. Вместе с ним в том же погребении найдены круглодонные глиняные сосуды, клиновидный шлифованный топор и другие типично фатьяновские вещи[23]. Мытищинский могильник датируется второй четвертью II тысячелетия до н. э.

В принадлежности мытищинского и владычинских браслетов к одному и тому же древнему центру металлообработки не может быть сомнений: их объединяет единство формы, техники и почти аналогичный орнамент (рис. 8 и 10, *7*, *8*).

Очень важно, что в третьем погребении того же Мытищинского могильника Д. А. Крайновым в 1966 г. было найдено медно-бронзовое листовидное кольцо[24], близкое таким же кольцам из Владычинского погребения (рис. 10, *1*).

Четвертый манжетовидный браслет владычинского типа, по сообщению бывшего сотрудника Ярославского музея краеведения С. Н. Рейпольского, найден в Ворокском могильнике Некрасовского р-на Ярославской области[25]. Сейчас этот могильник полностью разрушен. На соседней Ворокской стоянке раскопками Верхневолжской экспедиции в 1961 г. об-

---

[17] ОАК за 1882—1888 г. СПб., 1891, стр. CCCXXXI; А. С. Мелкие сообщения. ЗРАО, X, 1 и 2, СПб., 1898, стр. 359, табл. 1, *6* и *7*.

[18] ДП, VI, Киев, 1907, табл. XXII, *515*; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, 22, СПб., 1907, стр. 49.

[19] А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. ЗОРСА, V, 1, СПб., 1903, рис. 178.

[20] Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 26, 1901, табл. XXVI, *8* и *9*. См. также кольцо табл. XV, *2* и табл. XXV, *9*.

[21] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. МЭ, III, I, Л., 1926, рис. 6, *6*.

[22] О. Н. Бадер. Мытищинский могильник фатьяновского типа. КСИИМК, 75, 1959.

[23] Сообщение Д. А. Крайнова о находке второго такого же браслета во втором погребении Мытищинского могильника (Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, XII, М., 1941, стр. 128) основано на недоразумении.

[24] Д. А. Крайнов. Работы Верхне-Волжской археологической экспедиции в 1966 г. Доклад в секторе неолита и бронзы ИА АН СССР, 11, II, 1967 г.; О. С. Гадзяцкая. Фатьяновские могильники в Костромской и Ивановской областях. КСИА, АН СССР, 115, 1968.

[25] Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 128.

наружен мощный культурный слой с сетчатой и фатьяновской керамикой и кремневым инвентарем [26].

Еще три манжетовидных браслета встретились в 1965 г. в г. Бирске, в Башкирии, в разрушенном строительством могильнике. К. В. Сальников, доследовавший эти погребения, затрудняется с уверенностью определить их происхождение. Поскольку в Северобирском могильнике ман-

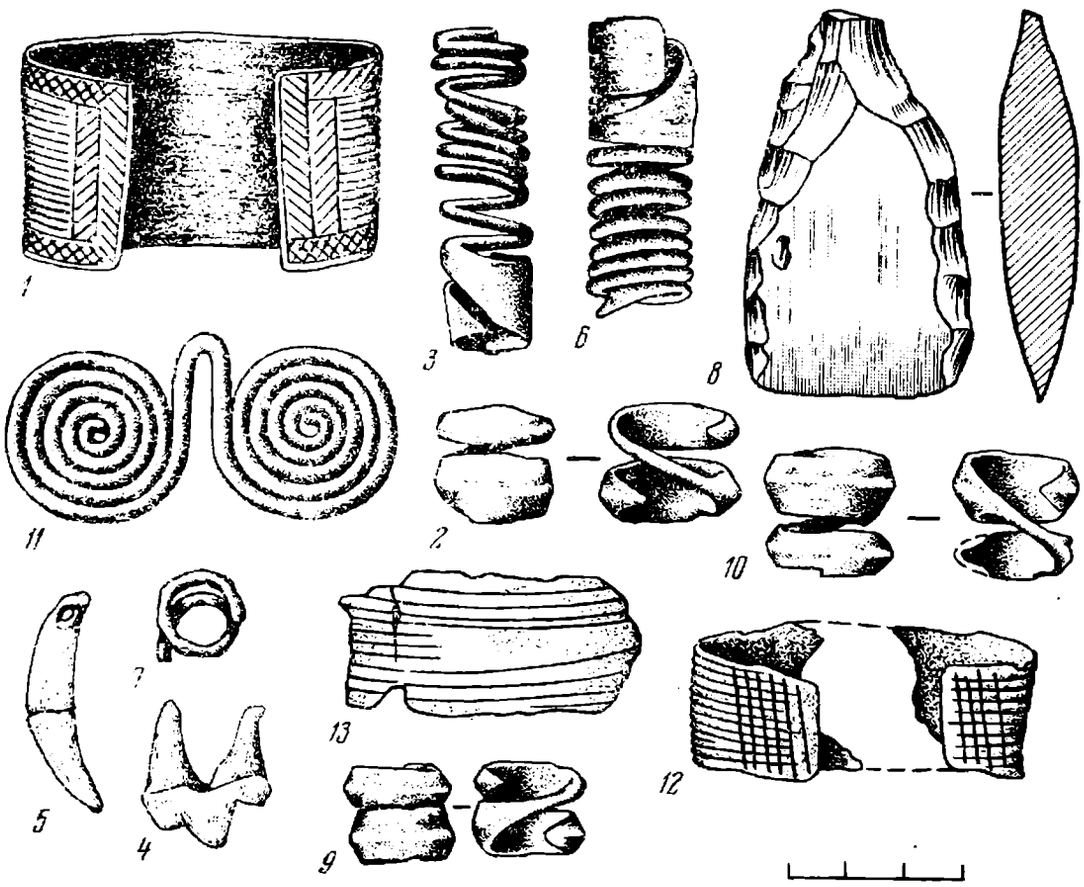


Рис. 9. Инвентарь первого (*1—8*) и третьего (*9—13*) погребений Северобирского могильника

жетовидные браслеты сопровождаются другими металлическими изделиями и составляют вместе с ними своеобразный комплекс, приводим краткую характеристику находки, используя при этом последнюю монографию К. В. Сальникова [27].

Погребение в первой могиле было полностью разрушено, а вещи пришлось собирать в земляном отвале. В другой — два скелета лежали рядом в одной яме, головой на восток; при этом южный, мужской скелет лежал на спине со свалившимися влево ногами, а соседний (подростка) был скорчен на левом боку.

Под скелетами сохранился толстый слой черного тлена от подстилки, состоявшей, судя по остаткам на бронзовых предметах, из коры и травы.

Из первого погребения происходят: бронзовый манжетовидный браслет (рис. 9, *1*), спиральное проволочное колечко в 1,5 оборота (рис. 9, *7*), второе такое же колечко в обломках, два спиральных кольца в 1,5 оборота из ребристых пластинок (рис. 9, *2*, *10*), крупная спираль из круглой проволоки, крайний виток которой с одного конца раскован в виде пластинки (рис. 9, *3*), небольшой шлифованный кремневый (?) топор (рис. 9, *8*) и пять зубов собаки (?) с просверленными концами (рис. 9, *4*, *5*).

[26] Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-калининская группа. САИ. ВІ-20, М., 1964, стр. 51.

[27] К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

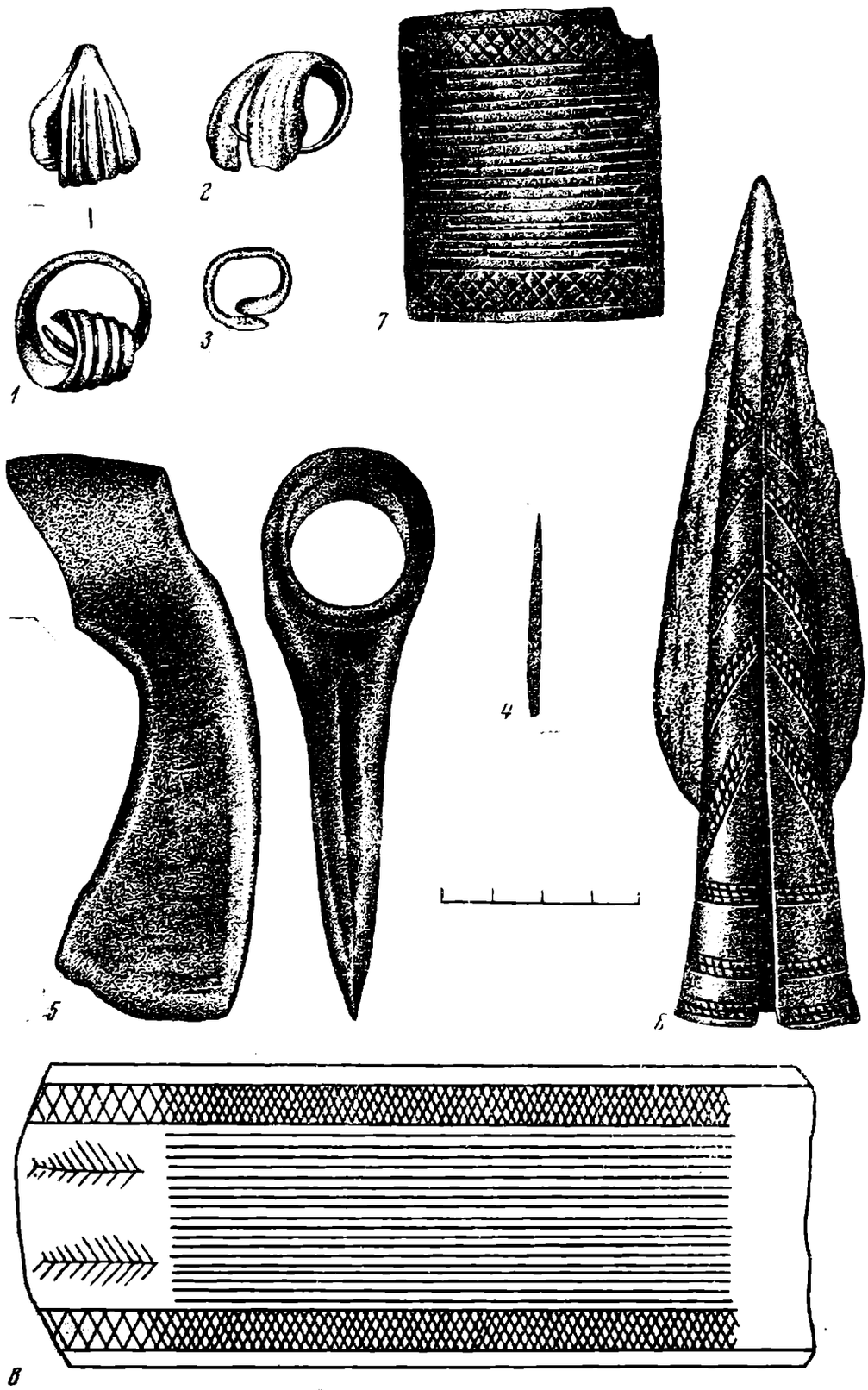


Рис. 10. Некоторые бронзовые вещи из прочих памятников фатьяновского типа

1, 3, 7 — Мытищинский могильник; *2* — поселение Дикариха; *4, 6* — Волосово-Даниловский могильник; *5* — Вауловский могильник

При втором скелете вещей не обнаружено.

На кисти обеих рук третьего скелета были надеты манжетовидные браслеты плохой сохранности (рис. 9, *12*, *13*), у шеи лежали очковидная привеска (рис. 9, *11*) и крупная спираль из круглой проволоки с одним раскованным концом (рис. 9, *6*) наконец, в области черепа найдено спиральное кольцо в 1,5 оборота из ребристой пластинки (рис. 9, *9*).

Керамики при раскопках не обнаружено.

Все три манжетовидные браслета отличаются от описанных ранее небольшой шириной, но очень близким им по орнаментации, а браслет из погр. 1 имеет орнамент, почти тождественный орнаменту первого владычинского браслета (см. рис. 8, *1* и 9, *1*).

Хотя некоторые вещи из Северобирского могильника, например, спиральные проволочные украшения с раскованным концом, уникальны, весь комплекс в целом явно тяготеет к фатьяновской культуре. Особенно следует это сказать о такой специфичной форме, как манжетовидные браслеты.

В комплексе вещей из Северобирского могильника есть предмет, позволяющий установить надежную дату всего комплекса; это довольно крупная очковидная подвеска, свернутая из круглой в сечении проволоки. Как известно, подобные же подвески, сделанные из квадратной в сечении проволоки, появляются еще в III тысячелетии и существуют примерно до середины II тысячелетия до н. э. Очковидные подвески из круглой проволоки появляются лишь около середины II тысячелетия до н. э. На этом основании и по совокупности других вещей Северобирский могильник можно отнести к XVI—XV вв. до н. э. Как известно, К. В. Сальников датирует могильник временем не позже начала второй четверти II тысячелетия, т. е. считает его более ранним.

Аналогичная очковидная подвеска из круглой проволоки, по сообщению Д. А. Крайнова, найдена им недавно в Волосово-Даниловском фатьяновском могильнике Ярославской обл. Оттуда же происходят несомкнутое кольцо с расплющенным концом и кованое бронзовое копье с несомкнутой втулкой, сквозными отверстиями на ней для гвоздя и орнаментом на втулке и стержне (рис. 10, *6*).

В Никульцинском фатьяновском могильнике, по сообщению Д. А. Крайнова, в 1964 г. найдены два металлических пластинчатых витых кольца с расширениями, близкие владычинским.

Приведенный перечень медно-бронзовых предметов из фатьяновских памятников не претендует на полноту; в неопубликованных материалах из последних раскопок Д. А. Крайнова и его сотрудников безусловно имеются и другие интересные находки.

Еще недавно из всех культур с бомбовидной керамикой и боевыми сверленными топорами в Восточной и Центральной Европе фатьяновская культура представлялась чрезвычайно бедной металлом, причиной чего было, прежде всего, отсутствие на ее территории месторождений меди. Долгое время фатьяновские могильники давали нам лишь единичные находки мало выразительных, широко распространенных и в других культурах бронзовых боевых топоров с вислым обухом, небольших граненых обоюдоострых острий-шильев, простых спиральных проволочных колечек. Теперь же металлические вещи из фатьяновских могильников вместе с вещами из Владычинского погребения выглядят как уже достаточно обширный и безусловно неповторимый комплекс, своеобразие которого и отличие даже от балановского еще раз подчеркивает специфику фатьяновской культуры во всех ее звеньях, включая и металлические изделия.

В то же время несомненно и использование металлических изделий фатьяновских типов и другими, аборигенными племенами Волго-Окского края, ярким примером чего служат погребения на Владычинской стоянке. На стоянке Дикариха у Плещеева озера, где, как и во Владычине, представлена и волосовская и текстильная керамика [28], также найдено несомкнутое кольцо с расплющенным концом, близкое унетицким (рис. 10, *2*).

В связи с этим правомерно поставить вопрос, не являются ли металлические вещи типа владычинских и из Дикарихи, продуктом нефатья-

[28] А. Л. Никитин. Дикариха. МИА, 110, 1963.

повского, местного производства? При решении этого вопроса нужно иметь в виду, что волосовская культура, так же как и культура с текстильной керамикой, принадлежала предкам волгоокских финнов, а первая из них имеет несомненную связь с Приуральем. Поэтому в этих культурах мы вправе ожидать наличие металлических предметов совершенно иного, уральского облика. Владычинский же комплекс металлических изделий не имеет никаких общих черт с Уралом, но обнаруживает связи с металлом из фатьяновских погребений и вместе с ними с металлом центральноевропейских культур, преимущественно унетицкой. Туда же ведут и приемы орнаментации владычинских прямоугольных блях [29].

Это сходство дало ряду авторов основание утверждать об унетицком происхождении металлических вещей рассматриваемого комплекса, и в первую очередь манжетовидных браслетов. Более того, некоторые из специалистов, основываясь на указанных находках, даже допускают проникновение в Волгокамье отдельных групп среднеевропейского населения в первой половине II тысячелетия до н. э. 20 лет назад А. Я. Брюсов, указывая на находки манжетовидных браслетов из Мытищ и Владычина, «характерных для далекой Моравии», отмечал, что в большинстве подобного рода случаев «мы не можем установить, имеем ли мы дело с непосредственным привозом издалека той или иной вещи или же с явлением так называемого этапного обмена» [30]. Но затем тот же автор счел владычинские браслеты и некоторые сопровождающие их предметы привозными унетицкими вещами из южной Моравии или из прилегающей части южной Австрии [31]. По мнению О. А. Кривцовой-Граковой [32], унетицкие формы попали в Восточную Европу через посредство комаровской культуры, по мнению Т. С. Пассек — в более раннее время. А недавно К. В. Сальников, описывая вещи из Северобирского могильника, рассматривал их не только как указание на связи со Средней Европой, но и как свидетельство «проникновения выходцев из Средней Европы глубоко в восточном направлении вплоть до Приуралья» [33].

В противоположность этим мнениям я пришел к выводу, что манжетовидные браслеты, так же как и некоторые другие вещи рассматриваемого комплекса, имеют лишь общее сходство с унетицкими и среднеевропейскими и не являются привозными, а изготовлены в волго-окском крае населением фатьяновской культуры [34].

Детальное сопоставление мытищинского и владычинских браслетов с унетицкими, как по литературным данным, так и при личном знакомстве с материалами Народного музея в Праге и Моравского музея в Брно, привели меня к выводу, что широко распространенное у нас мнение об унетицком происхождении наших манжетовидных браслетов является ошибочным и что те и другие имеют лишь общее формальное сходство. Унетицкая культура, охватывающая территории Силезии, частью Познань и Бранденбург, Чехословакию, Нижнюю Австрию и саксоновские области, включает в комплекс своих металлических изделий манжетовидные браслеты и спиральные кольца [35], близкие, но не тождественные фатьяновским.

---

[29] F. Hampel. Ein fruhbronzezeitlicher Grabfund aus Hiederrussbach. N. O. «Archaeologia Austriaca», 19/20, стр. 122—128.

[30] А. Я. Брюсов. Краткий обзор археологических работ в Карело-Финской ССР. «Материалы Юбилейной сессии Ученого совета Н.-и. ин-та культуры Карело-Финской ССР». Петрозаводск, 1947, стр. 43, 44.

[31] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 64.

[32] О. А. Кривцова-Гракова. Унетицкая культура. Доклад в секторе неолита и бронзы. ИИМК АН СССР, 4, III, 1950.

[33] К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала, стр. 120, 121.

[34] О. Н. Бадер. Фатьяновский металл и его среднеевропейские связи. «Sbornik Narodnicho Musea v Praze». Řada A. Svazek XX, čislo 1/2. Praha, 1966.

[35] RE, I, Aunjetitzen Kultur, табл. 53, *9*, *10*, *11* (из Северной Чехии). См. также Schlesien, XI (стр. 275, табл. 81).

И. Схранил подразделяет унетицкие браслеты на два типа: 1) из металлических пластин, с орнаментом и 2) литые, массивные, иногда открытые сбоку [36]. Первый, боротицкий тип, по Схранилу, имеет орнамент, напоминающий орнамент унетицкой керамики [37]. В Чехословакии браслеты боротицкого типа, по указанию К. Тихелки, известны в основном в Моравии (в девяти пунктах, в могилах и кладах) [38] и распространяются в восточную Австрию. В Австрии браслеты этого типа найдены в пяти местах: в трех по два экземпляра и в двух по три и четыре экземпляра; все браслеты очень похожи друг на друга по форме и орнаменту и, возможно, изготовлены в одной мастерской [39]. В последней известной мне сводке Я. Ондрачек указывает 18 местонахождений браслетов боротицкого типа (11 в Моравии и 7 в Нижней Австрии, из них 10 в кладах и 5 в погребениях) [40]. Этот тип манжетовидных браслетов — единственный на указанной территории и представляет собой, таким образом, хорошо выраженный узколокальный вариант данного рода украшений.

При общем сходстве формы этих браслетов с фатьяновскими из Владычина и Мытищ отождествлять их нельзя. Различается и орнаментация. Я. Ондрачек также отмечает ряд отличий фатьяновских браслетов от боротицких [41].

Следовательно, фатьяновские манжетовидные браслеты не совпадают с унетицкими и не могут рассматриваться у нас в качестве импортных.

На этой же точке зрения стоит и М. Гимбутас, рассматривающая в своей большой монографии весь комплекс вещей Мытищинского и Фатьяновского могильника и в том числе медный манжетовидный браслет [42].

Пожалуй, более близкое сходство с унетицкими имеют некоторые найденные у нас несомкнутые кольца с расплющенными концами; таково, например, кольцо из третьего погребения Мытищинского могильника (рис. 10, ф. 1) и золотое унетицкое кольцо из могилы в Леднице [43]. Более общее сходство с унетицкими имеют кольца из северобирских и владычинских погребений.

Остальные вещи из фатьяновских комплексов Волго-Камья, вместе с вещами из Владычина и Дикарихи, еще более заметно отличаются от унетицких. Общий облик нашего фатьяновского комплекса своеобразен, самостоятелен и имеет местное, восточноевропейское происхождение.

Тем не менее он имеет некоторое сходство с древним металлом Средней Европы. Принимая во внимание принадлежность соответствующих культур Средней и Восточной Европы к одной и той же широкой историко-культурной области и исторически обусловленные связи между отдельными входившими в нее культурами, такое сходство отдельных элементов их культуры вполне естественно. Оно распространяется не только на унетицкую культуру, но и на другие среднеевропейские культуры эпохи бронзы от Дуная до Балтийского моря, Верхней Волги и Камы. Медные пластинчатые браслеты известны в культуре одиночных могил в Шлезвиг-Гольштейне [44], а спиральную гривну из Владычина

---

[35] J. Schránil. Die Vorgeschichte Böhmens und Mährens. Berlin, 1928, стр. 103.

[37] Там же, табл. XXIII, *25*.

[38] K. Tihelka. Moravská únětická pohřebiště. «Pam. arch.», XXIV, 1953, стр. 262.

[39] H. Mitscha-Märheim. Drei frühbronzezitliche Depotfunde aus dem pol. Bezirk Mistebach, N. Ö. «Archaeologia Austriaca», 7, Wien, 1950, стр. 1—14, рис. 7—8.

[40] Jaromir Ondráček. K chronologickému zařazeni manžetovitych náramků borotického typu, SA, IX, 1961, стр. 49.

[41] Там же.

[42] M. Gimbutas. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europa. Paris — London, 1965, стр. 587.

[43] K. Tihelka. Укр. соч., рис. 21, *3*.

[44] G. Schwantes. Der neolithische Urnenfriedhof von Sande. Festschift zur Mundertjahrfeier des Museums Vorgeschichtlicher Altertümer in Kiel, Heumünster, 1935, стр. 82.

можно сопоставлять с украшениями (с так называемым «ивовым листом») поздних шнуровых культур мпржановицко-нитранского типа, западной границей которых является р. Морава [45].

Наибольшее сходство с кольцами из Владычина имеют кольца из могильника Сараца-Монтеору в Румынии [46]. Отсюда происходит целая серия несомкнутых колец с расплющенным и орнаментированным листовидным концом; особенно близко расплющенному листовидному концу владычинской гривны кольцо из могилы 35 четвертого могильника Монтеору [47]. Следует особо отметить как бы рифленую поверхность и орнаментальное сходство сравниваемых колец, покрытых рядами точек. На некоторых кольцах из Монтеору даже орнамент в виде смежных параллельных лент, заполненных косой штриховкой, тождествен орнаменту на концах обоих владычинских браслетов [48]. Отсюда же имеются весьма близкие и даже буквальные аналогии кольцу из третьего погребения Мытищинского могильника [49]. Кстати, и вся проволочная гривна из Владычина с листовидным расплющенным концом имеет известную близость с золотыми проволочными украшениями (хотя и не спиральными) с расплющенным концом из Зинтана-Арад из того же района [50]. Э. Дернер, публикующий эти вещи, приводит и карту распространения листовидных золотых украшений, охватывающую левобережье Нижнего Подунавья и включающую и Сараца-Монтеору [51].

Указанные совпадения форм и орнаментации колец с расплющенными листовидными концами из Монтеору и аналогичных вещей из Владычина и Мытищ допускают возможность проникновения готовых металлических изделий в Волго-Окский край из Нижнего Подунавья. Вопрос может быть решен химическими анализами металла.

Несомкнутые проволочные кольца с расплющенными листовидными концами, служившие для украшения волос (Lockeninge), по словам Е. Захариа, появляются в начале бронзового века, наиболее часто употребляются в средней и поздней бронзе и исчезают в начале галльштадтского времени. Наиболее близкие нашим фатьяновским кольца из Сараца-Монтеору относятся к типу «С», по классификации Е. Захариа, и принадлежат II ступени развития культуры Монтеору. Эта культура по времени укладывается в третью четверть II тысячелетия до н. э. и около XII в. сменяется культурой Ноа.

Если исходить из этих датировок, то время Владычинского погребения, Мытищинского и Северобирского могильников должно быть несколько более поздним и определяться как примерно XIV в. до н. э.

Почти 30 лет назад Д. А. Крайнов высказал мнение о местном фатьяновском производстве металлических вещей; при этом он основывался на сходстве орнаментации мытищинского браслета с орнаментом на фатьяновской керамике [52]. Я. Ондрачек, указав на сходство элементов орнамента фатьяновской и среднеднепровской керамики и сопоставив его с орнаментацией браслетов владычинско-мытищинского типа, также счел возможным говорить о местном происхождении этих браслетов [53]. Но для доказательства существования металлообработки у фатьяновских племен к настоящему времени накопилось уже достаточно иных фактов.

Металлические предметы фатьяновской культуры, судя по спектральным анализам Е. Н. Черных, сделаны из чистой меди с незначительным

---

[45] A. Točik. Die Nitra-Gruppe. AR, XV, 1963, стр. 716.

[46] Eugenia Zaharia. Die Lockenringe von Sărata-Monteoru und ihre typologischen und chronologischen Beziehungen. «Dacia», III, Bucarest, 1959.

[47] Там же, стр. 123, рис. 10, *7*.

[48] Там же, рис. 10, *1* и *1a*.

[49] Там же, рис. 10, *2*, *10*, а также рис. 12, *3* и др.

[50] Egon Dörner. Der Goldfund von Sîntana-Arad. «Dacia», IV, Bucarest, 1960.

[51] Egon Dörner. Ук. соч., стр. 478, рис. 9.

[52] Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 128.

[53] J. Ondráček. Ук. соч.

количеством естественных примесей. При этом медные изделия могильников фатьяновского типа по химическому составу не отличаются от изделий из Балановского могильника. В тех и других обязательно присутствие примесей серебра, никеля и железа, иногда встречаются примеси свинца, олова, марганца и в единичных случаях — мышьяка. Все примеси в очень низких концентрациях (от десятых до сотых долей процента). Особо следует подчеркнуть, что металл манжетовидного браслета из Мытищинского могильника ничем не отличается от металла прочих изделий фатьяновских и балановских памятников [54].

Сравнение химического состава фатьяновского и балановского металла с геохимической картой медистых песчаников Среднего Поволжья и Приуралья позволило Е. Н. Черных с уверенностью говорить о местном происхождении балановской и фатьяновской меди. На этом основании и с учетом типологии вещей тот же автор приходит к выводу, что указанные племена «в конце III — начале II тыс. до н. э. на базе местных медистых песчаников Среднего Поволжья независимо от Кавказа создают собственную металлургию меди. Фатьяновские племена не вступают в заметный контакт в области металлургического производства с более южными культурами типа ямной и катакомбной и сохраняют своеобразие своего металлического инвентаря на протяжении многих сотен лет» [55]. Принимая эти положения, необходимо подчеркнуть значение тесных культурных связей фатьяновских и балановских племен с родственными им племенами среднеднепровской и других культур юго-запада; эти связи нашли свое выражение не только в общих формах материальной культуры, погребального ритуала и т. д., но и в сходстве многих изделий из металла.

Но нельзя нераздельно объединять и отождествлять фатьяновскую и балановскую металлургию, как это делают Д. А. Крайнов и Е. Н. Черных. Химическое сходство металла этих культур объясняется общностью рудных источников: ими служили медистые песчаники Среднего Поволжья, включая сюда и месторождения Вятско-Ветлужского междуречья. Но эти месторождения находились, по-видимому, исключительно на балановской территории. Поэтому фатьяновцы Верхнего Повольжья, надо полагать, получали металлургическое сырье оттуда. В то же время они лишь в очень незначительной мере пользовались балановскими готовыми изделиями и имели собственную развитую металлообработку, включавшую, помимо ковки, литье меди в закрытых формах, наиболее ярким доказательством чего являются захоронения металлургов с литейными формами для отливки вислообушных топоров, обнаруженные в Волосово-Даниловском могильнике [56].

Фатьяновский очаг металлообработки создал свой оригинальный набор металлических изделий, имеющих, как и балановский комплекс, явные унетицкие и более широкие среднеевропейские корреспонденции. В него входят: манжетовидные разомкнутые браслеты (их найдено уже семь), прямоугольные нагрудные бляхи, спиральные гривны, несколько типов колец (перстни и головные), общей чертой которых являются спиралевидность и один расплющенный, часто листовидный конец, а иногда и два расплющенных конца, простые проволочные спиральные колечки, очковидные подвески, четырехгранные обоюдоострые «шильца», вислообушные топоры, своеобразные копья; все основные типы медных

---

[54] Е. Н. Черных. Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов; О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, приложение.

[55] Е. Н. Черных. История древнейшей металургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 77.

[56] Д. А. Крайнов. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (фатьяновские племена II тысячелетия до н. э.). Автореф. докт. дис., М., 1967, стр. 20.

фатьяновских вещей изображены на таблицах рисунков, приложенных к этой статье.

Достаточно сравнить их с металлом из Балановского могильника [57], чтобы сделать вывод о несовпадении, своеобразии этих комплексов.

Установленное таким образом местное, волго-окское происхождение браслетов владычинско-мытищинского типа лишает твердых оснований и их датировку по унетицким аналогиям. Но к общему сходству их с унетицкими, точнее с боротицкими, для целей датировки все же прибегать можно. Время манжетовидных браслетов боротицкого типа, по Схранилу и Митша-Мерхейму, определяется ранним этапом унетицкой культуры, по Ондрачеку — временем ее расцвета. Переводя эти определения на язык абсолютных цифр, получаем, по Я. Филипу и другим авторам, вторую четверть II тысячелетия до н. э., предпочтительно конец второй четверти. Гораздо более близкие аналогии фатьяновским спиральным кольцам с расплющенным листовидным концом, имеющиеся в Нижнем Подунавье в культуре Монтеору, дают более позднюю дату — около XIV в. до н. э. Таким образом, хронологические пределы расцвета фатьяновской металлургии определяются временем XVI—XIV вв. до н. э. Этот период в своих крайних пределах, возможно, несколько шире.

Есть основания полагать, что фатьяновская металлургия, впервые принесшая в Верхнее Поволжье навыки обработки меди, на поздних этапах своего развития была воспринята местными волосовскими племенами [58] и, конечно, населением, изготовлявшим керамику с текстильными отпечатками. Яркой иллюстрацией этому служит богатый и разнообразный набор медных украшений Владычинского погребения с местным погребальным ритуалом и фатьяновским металлическим инвентарем.

O. N. Bader

LES SÉPULTURES DE LA STATION DE VLADYTCHINO ET LE PROBLÈME DES BRONZES DE FATIANOVO

Résumé

Certains auteurs font les tentatives de dater les anciennes cultures d'Oka en se référant à la sépulture de Vladytchino découverte en 1928 vu son analogie avec les bracelets en forme de manchettes appartenant à la culture d'Ounétitsa sans utiliser entièrement tout le matériel et ne tenant pas compte de la stratigraphie de la station de Vladytchino et des rapports de ses couches avec la sépulture en question.

Les données stratigraphiques et les observations faites à la station de Nikolo-Pérévoz et à celles qui on t été étudiées dans le cours supérieur de la Volga permettent d'attribuer avec le plus de certitude les sépultures de Vladytchino à l'époque de la culture de Volossovo, notamment à son étape tardive quand dans les régions de la Volga — Oka est signalée l'apparition de la céramique dite réticuliée, c'est-à-dire à la couche la plus haut placée de la station de Vladytchino.

L'auteur est d'avis que les bracelets en forme de manchettes aussi que certains autres objets du complexe analysé n'ont qu'une affinité générale avec ceux d'Ounétitsa et d'Europe Moyenne; ils ne sont pas importés mais produits dans les régions de la Volga — Oka par la population appartenant à la culture de Fatianovo.

On a lieu à croire que la métallurgie de Fatianovo qui avait apporté les premières connaissances de travailler le cuivre dans les régions situées au cours supérieus de la Volga fut adaptée aux étapes tardives de son évolution par les tribus locaux de Volossovo et par la population produisant les poteries aux empreintes réticulées.

---

[57] О. Н. Бадер. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы, рис. 115, 122, 123.

[58] Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы, стр. 77.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

КУЛЬТОВАЯ СИМВОЛИКА ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ РИСУНКОВ В КУЛЬТУРЕ РАННЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Наскальные изображения принадлежат к тем памятникам, которые с наибольшей полнотой отразили бытовые и религиозные стороны жизни общинных коллективов эпохи бронзы [1]. Одухотворенные космические стихии, звери-предки, герои-родоначальники слились в едином мифологическом истоке, питавшем творчество мастеров этого наиболее массового вида искусства данной эпохи.

Хотя для культур сибирской бронзы характерно разнообразие видов художественного творчества, петроглифика занимает среди них одно из ведущих мест [2]. На смену рисункам сибирского неолита — «идущим лосям» Прибайкалья, Енисея и Томи — приходит новое направление в живописи, для которго характерно сочетание абстрактной и образной символики, совершенствование способов изображения фигуры животного и компановки рисунков на плоскости. Художественная манера южносибирских наскальных изображений стимулировалась сложением определенного цикла культово-космогонических представлений, дальнейшим абстрагированием в осмыслении явлений окружающего мира, что в конечном счете базировалось на прогрессивном развитии качественно нового вида экономики — пастушеского скотоводства. Для долин Среднего Енисея — отдаленной восточной окраины евразийского степного пояса — этот процесс был связан со сложением окуневской культуры раннего бронзового века, сформировавшейся, по-видимому, в первой половине II тысячелетия до н. э. на базе местного неолита при взаимодействии с энеолитической афанасьевской культурой. Синкретизмом своей идеологии, где классические переднеазиатские мотивы переплелись с традиционным миропониманием сибирских охотников и рыболовов, окуневские племена были во многом обязаны афанасьевским племенам. Выделение окуневских наскальных изображений из общей массы енисейских петроглифов стало возможным в связи с комплексным изучением сложного художественного наследия этой культуры [3]. Окуневские рисунки располагаются не только непосредственно на прибрежных скалах, но и на массивных плитах девонского песчаника, вырубленных в близлежащих холмах и помещенных в могилы в качестве стенок или покрытия погребений [4]. Рисунки на плитах из могильных комплексов являются

[1] H. Kühn. Die Felsbilder Europas. Stuttgart, 1952; F. Behn. Zur Problematik der Felsbilder. Berlin, 1962.

[2] И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Тр. XVI АС, 1, М., 1910; А. П. Окладников. Петроглифы Ангары. М.—Л., 1966; А. Мартынов. Лодки — в страну предков. Кемерово, 1966; К. В. Вяткина. Шалаболинские наскальные изображения. Сб. МАЭ, XII, 1949.

[3] М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, 1950; История Сибири. I, Л., 1968, гл. 4.

[4] Э. Б. Вадецкая. О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине. СА, 1965, 4.

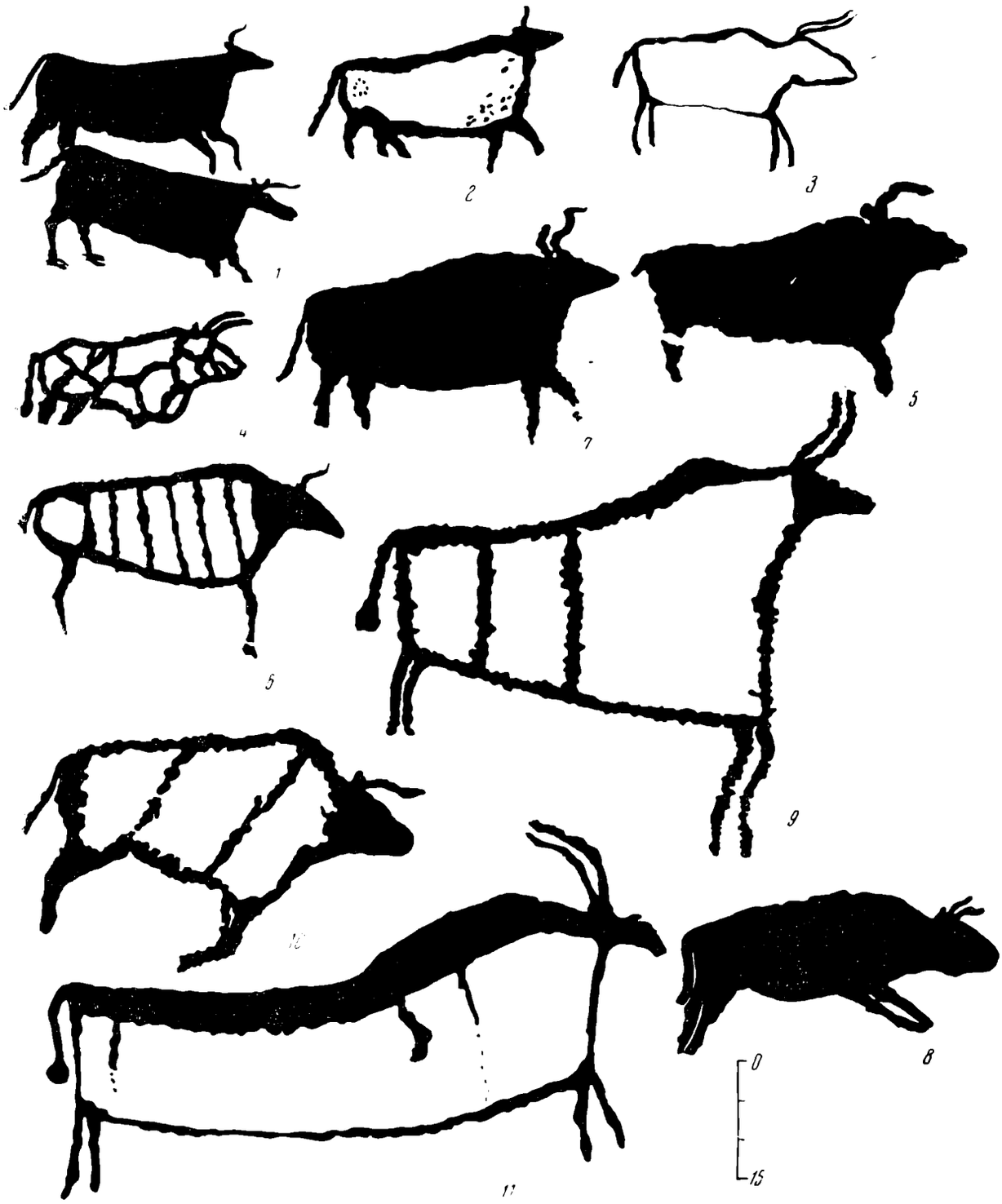


Рис. 1. Изображения быков на петроглифах эпохи бронзы из Хакасско-Минусинской котловины

опорной точкой при интерпретации прочих петрографических изображений этой культуры — как затерянных среди насыщенных фигурами енисейских писаниц, так и нанесенных непосредственно на каменные изваяния и столбы, неоднократно употреблявшиеся людьми тагарской эпохи для оформления могил своих соплеменников [5].

При рассмотрении окуневских рисунков, выполненных в точечной технике либо прочерченных острым орудием, привлекает внимание обилие фигур быков, изображенных обычно в движении, слева — направо (рис. 1, *4*, *8*). Представлены, по-видимому, две породы: тучное, ко-

[5] H. Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Künstdenkmäler. Helsingfors, 1931; М. Грязнов, Е. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, IV, 2, Л., 1929; М. П. Завитухина. Раскопки тагарских курганов под горой Барсучиха. АО. 67, М., 1968, стр. 178.

рогконогое животное с массивной головой и животное с телом удлиненных пропорций и вытянутой мордой [6]. Характерны пара острых, устремленных вперед рогов, схематичный рисунок контура тела быка при особом внимании к точности изображения головы, символы и знаки на теле в виде косых крестиков. Манера изображения контурная или силуэтная. Любопытно разнообразие приемов разработки туловища: это — либо «отсеченная голова», либо «скелетный» или «ажурный» стиль — разбивка тела на ряд геометрических фигур тех или иных очертаний, зрительно облегчающих рисунок грузной туши быка и т. д. Аналогии стилю окуневских изображений быков встречаются как в ближайших, восточносибирских, так и отдаленных — скандинавских, центральноевропейских культурах бронзового века, причем некоторые из этих приемов восходят еще к графике евразийского неолита [7].

Некоторые характерные особенности изображения быков в окуневской графике дают возможность выделить их из общей массы енисейских петроглифов эпохи бронзы и присоединить к ним, помимо названных, еще некоторые рисунки на писаницах и изваяниях Хакасско-Минусинской котловины [8]. К окуневской же культуре следует отнести и прекрасную по своему лаконизму фигуру стоящего быка (рис. 1). Окуневская манера изображения животных — примитивно-реалистичная, стремящаяся к передаче выразительности через движение и тщательную моделировку головы, еще более отчетливо выступает при сравнении со стилем изображения другой группы быков, относящейся, по-видимому, к более поздней поре эпохи бронзы Минусинского края (рис. 1). Здесь выразительность достигается четким единообразием в изображении деталей статично поставленной модели, поперечные полосы чисто орнаментальны, заметно стремление к передаче обобщенного образа — подчеркнуто четырехугольная форма тела, схематичная треугольная голова и т. д.

Неоднократная повторяемость именно бычьих фигур позволяет предполагать особую роль, отводившуюся быку в идеологии южносибирских племен эпохи ранней бронзы. Не исключено, что эта роль заключалась, прежде всего, в понимании образа быка как тотемного прародителя племени, одновременно ассоциировавшегося с солнцем. Подобная трактовка символики скрытого подтекста окуневских рисунков подтверждается некоторыми выразительными особенностями прочих памятников изобразительного искусства этого времени. К ним относятся такие моменты, как придание бычьих черт (рога, уши, иногда ноздри) центральным личинам фигурных стел, изображавших женщину-прародительницу, мать «всего сущего», образ которой сохранился в фольклоре сибирских аборигенов, а в представлениях людей эпохи бронзы мыслился, по-видимому, в форме тотемной супруги Быка — родоначальника племени [9]. Чрезвычайно показательно изображение на этих же стелах солярных знаков, обрамленных бычьими рогами [10]. Изображение «рогатого солнца» представляет собою характерный образец абстрактного символиз-

---

[6] Э. Б. Вадецкая. О каменных стелах..., рис. 5; История Сибири..., рис. на стр. 169.

[7] E. Bakka. To helleristninger fra steinalderen i Hardanger. «Viking», XXX, 1966, рис. 1, *7—9*, *11—25*; M. Uyanik. Türkiyenin güneydoğusunda prehistorik arastirmalar. Belleten ug ayda biz cikar. 1968, 125, Ankara, табл. 1, 2, 4.

[8] И. Т. Савенков. Ук. соч., табл. I, X, *2*; II, XXII, *5*; III, XII, *4*, *10*, *13*, *20*; IV, IX, *2*, XII, *2*; VI, *2*, I; VII, *2*, *12* — петроглифы Кулака, Петрошилова, Теси на Тубе, Трифонова, Оглахты; К. В. Вяткина, Ук. соч., табл. (VI—7*в*, I; H. Appelgren-Kivalo. Ук. соч., рис. 136, 145, 250, 265 (?).

[9] Э. Б. Вадецкая. Древние идолы Енисея. Л., 1967, рис. 7, 10, табл. 21; А. Ф. Анисимов. Космологические представления народов Севера. М.— Л., 1959, стр. 22—29; его же. Этапы развития первобытной религии. М.— Л., 1967, стр. 82—85; А. Золотарев. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934, стр. 49, 50.

[10] Э. Б. Вадецкая. Древние идолы..., рис. 18, 20.

ма, имевшего широкое распространение в искусстве евразийской бронзы [11]. Отметим, наконец, скульптурные изображения головы быка, помещенные на концах каменных стерженьков, предметах, по-видимому, фаллического характера [12]. Отметим, далее, и то обстоятельство, что быки на окуневских рисунках изображены, за редким исключением в движении в определенном направлении — по ходу солнца. Некоторые из фигур прямо отмечены косым крестиком, знаком, сопровождавшим в петроглифах эпохи бронзы персонажи, так или иначе связанные с космическими стихиями [13]. Таким образом, в образе быка и, в частности, в петроглифических вариантах этого образа, были сфокусированы и органически переплетены некоторые ведущие религиозно-культовые представления племен ранней минусинской бронзы, связанные с культом Солнца, культом плодородия [14]. Формирование образа быка-тотема можно связать с процессом проникновения на сибирско-азиатскую периферию из областей Среднего Востока в III тысячелетии до н. э. одомашненных животных, коров и овец, что для Южной Сибири связывается с проникновением афанасьевской культуры, известной своими ямно-катакомбными реминисценциями Культ быка, составившего основной костяк стад эпохи бронзы, распространялся параллельно с распространением меди, «солнечного металла», перекликаясь с почитанием Солнца [15]. Аналогичный процесс наблюдается в культурах западноевропейской бронзы по мере распространения из балкано-среднеземноморских областей производящих форм хозяйства. Образ быка становится одной из ведущих фигур петроглифики племен II тысячелетия до н. э. [16].

С одним из аспектов культа быка (сопоставление его с другой животворной силой — солнцем) связана еще одна примечательная особенность сюжетов окуневских петроглифов — мотив повозки, влекомой парой быков. Наиболее известна повозка на Знаменской стеле (рис. 2, *3*), выбитая на боковой грани монумента [17]. Менее известен другой, несравненно более выразительный рисунок на плите из улуса Красный Камень, где пара упряжных быков изображена как бы бегущими по небесной сфере [18]. Многочисленные рисунки бычьих упряжек в окуневском стиле обнаружены также в Центральной Туве, где они сопровождаются характерными «солярными личинами» [19]. Все эти сцены передают чрезвычайно популярный в наскальных изображениях Евразии мотив пары быков под дышлом [20]. Однако подобные рисунки передают обычно сцены пахоты; изображение же повозок на бычьей тяге приходится признать редким сюжетом. Принимая во внимание одну из характерных черт изобрази-

---

[11] Emm. Anati. La civilization du Val Camonica, Paris, 1960, табл. 30; F. Behn. Die bronzezeit in Nordeuropa. Stuttgart, 1967, рис. 10 и др.

[12] История Сибири..., рисунок головы быка на стр. 169; М. Д. Хлобыстина. Южносибирская торевтика в карасукских бронзах. Сб. «Древняя Сибирь», 3. Новосибирск, 1970, рис. 2.

[13] Emm. Anati. La civilization..., рис. 65, 74; F. Gudnitz. Bronce alderens monumental kunst (De skandinaviske helleristninger). 1962, рис. на стр. 65, 79.

[14] М. Д. Хлобыстина. Энтокультурные соответствия в древней истории Южной Сибири. Тезисы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969.

[15] B. Brentjes. Von Schanidar bis Akkad. Leipzig, 1968, рис. на стр. 66, 67, 70, 71, 75, 79.

[16] В. С. Титов. Древнейшие земледельцы в Европе. Сб. «Археология Старого и Нового света». М., 1966; Emm. Anati. Ук. соч., стр. 173, 174, 199, рис. 63, 70; его же. La grande roche de Naquane. Mémoires de l'Institute de paleontologie humaine. Paris, 1960.

[17] М. П. Грязнов. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакасии. КСИИМК, 80, 1960, рис. 20.

[18] H. Appelgren-Kivalo. Ук. соч., рис. 131.

[19] А. А. Формозов. Наскальные изображения в Центральной Туве. АО, 66, М., 1967, стр. 134.

[20] В. М. Гладилин. До питання про вік наскельних рисунків Кам'яної Могили. «Археологія», XVI, 1964; Emm. Anati. La civilization... рис. 27, 36, 37, 58; A. Hirigoyen. Les pétrogliphes du Monte Bego, Alpes-Maritimes. IPEK, 20, 1963, табл. 23, *6*.

тельного искусства эпохи бронзы — заключение во внешне реалистичном сюжете ирреалистичного содержания [21], можно предположить, что в рисунках окуневских повозок, запряженных парой быков, мы впервые в сибирском искусстве встречаемся с азиатским вариантом мотива солнечной колесницы. Мифологическая трактовка «знаменского сюжета», отражающего, в таком случае, широко распространенное представление о «езде» Солнца по небу [22], подкрепляется рисунком солнечной колесницы и небесной охоты из Южной Гоби [23]. Несомненная реалистичность

Рис. 2. Петроглифы окуневской культуры из Хакасско-Минусинской котловины

1 — «писаница Адрианова»; *2* — плита из могильника Черновая VIII; *3* — стела из погребения в дер. Знаменка; *4* — плита из могильника Тас-Хазаа

изображенных предметов — повозки с крытым верхом на сплошных дисках колес [24] — дает возможность сделать ценные наблюдения относительно деталей повседневного быта древних скотоводов минусинских степей.

Образом, по своей идейной сущности антиподальным быку, было хищное существо синкретичного характера и подчеркнутой космической окраски. Наиболее выразительно его барельефное изображение, выбитое на плите из могильника Черновая VIII: поджарое туловище хищника имеет голову, похожую на медвежью; конечности — в виде птичьих когтистых лап. Оскал пасти, ощетинившаяся шкура, поднятый хвост подчеркивают агрессивность этого химерического существа [25]. Петроглифическое изображение того же хищника, более грубое и обобщенное по исполнению, известно по эстампажу, снятому Адриановым с одной из енисейских писаниц [26]. Наконец, еще один рисунок, также на могильной плите из Черновой [27], помогает раскрытию семантики образа фантастического зверя, неизменно изображавшегося идущим или бегущим в

---

[21] В. И. Равдоникас. К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. СА, I, 1936; его же. История первобытного общества. Л., 1947; К. Д. Лаушкин. Северный фольклор и наскальные изображения. Тезисы докладов IV Всес. конференции по истории скандинавских стран. М., 1968.

[22] А. Н. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950, гл. VII; М. Э. Матье. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956.

[23] А. Н. Окладников. Олень — золотые рога. М.—Л., 1964, рис. к стр. 210; Н. М. Кожин. Гобийская квадрига. СА, 1968, 3, стр. 39—41.

[24] S. Piggot. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence. PPS for 1968, XXXIV.

[25] Э. Б. Вадецкая. Изображение зверя-божества из Хакасии. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, рис. 1.

[26] М. Грязнов, Е. Шнейдер. Древние изваяния..., рис. 9.

[27] История Сибири..., рис. на стр. 169.

западном направлении: конечной целью его погони всегда оказывался «солнечный бык» (рис. 2, *2*). Серия подобных изображений может быть дополнена еще несколькими рисунками, представляющими собой варпации образа зверя, преследующего солнце — быка: бегущий хищник на боковой грани стелы из улуса Красный Камень и три неполные фигуры, одна на камне ограды тагарского кургана, другая — на писанице Большие Бояры, третья на плите из тагарской могилы у Есинской МТС [28].

Образ зверя, охотящегося за солнцем, известен также на восточносибирских Шишкинских писаницах и в Западной Сибири [29], где он также относится к эпохе бронзы. В западноевропейской петроглифике этой эпохи как будто неизвестен образ мифического «пожирателя солнца» — там мы находим чрезвычайно развитую галерею антропоморфных существ демонологического характера и соответственно образ «солнечного охотника» [30]. Судя по образам окуневской петроглифики, у древних скотоводов енисейской степи можно предполагать бытование более древнего варианта известного евразийского мифа о космической охоте, погони тьмы за светом, одной небесной стихии за другой, одного зверя-тотема за другим. Подобные представления, восходящие к мировоззрению охотников каменного века, были распространены у сибирских аборигенов от эвенкийской тайги до чукотского Заполярья, причем в роли солнца выступал «солнечный» лось, или олень [31]. В южносибирской интерпретации этого мифа есть такой вариант, где фигурируют и степной персонаж — бык и персонаж сложного характера, возможно, навеянный представлениями о существе типа древнеегипетской Хамамат [32]. Любопытно, что в позднейшем эвенкийском фольклоре встречается «кялир» — дикий олень с лосиными рогами и рыбьим хвостом, сочетающий в себе, подобно своему окуневскому аналогу, символические атрибуты различных стихий, которые расширяют сферу его действий [33]. Таким образом, разработка в искусстве сибирской бронзы представлений о космической погони поднимает широкий круг вопросов — от проблемы взаимосвязи древневосточных и местных древнесибирских космологических и культовых представлений до времени и места появления некоторых легенд, получивших творческую разработку и широкое распространение в преданиях сибирских аборигенов. Перспективность подобной постановки вопроса тем более вероятна, что, как известно, формирование некоторых, впоследствии исторически зафиксированных этнических общностей, в частности самодийской, приходится, по-видимому, на начало бронзового века [34].

Образ женщины занимает одно из центральных мест в искусстве ранней минусинской бронзы, будучи представленным в разнообразных иконографических вариантах, соответствующих его культовой направленности: на фигурных стелах-мегалитах — это быкоподобная мать-прародительница, родоначальница племени; на каменных стержнях и костных плакетках — женщина-покровительница [35]. Резьба по камню донесла до

[28] М. А. Дэвлет. Большая Боярская писаница. СА. 1965. 3. рис. 12; H. Appelgren-Kivalo. Ук. соч., рис. 130; раскопки А. Н. Липского, 1956 г.

[29] А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М.—Л., 1959, табл. XXVI, *608*; А. Мартынов. Лодки — в страну предков..., табл. IX, *19*.

[30] Emm. Anati. La grande roche..., табл. XXI.

[31] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950, стр. 295—297; А. Ф. Анисимов. Религия эвенков..., стр. 73 и др.

[32] М. Э. Матье. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956. стр. 62.

[33] А. Ф. Анисимов. Религия эвенков..., стр. 75, 76; его же; Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемические истоки идеологии шаманства. Сб. МАЭ, XIII. 1951.

[34] Л. Р. Кызласов. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь. СА, 1962. 2, стр. 122; Л. П. Хлобыстин. О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). Тезисы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969.

[35] М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы..., стр. 155, 156; Э. Б. Вадецкая. Древние идолы..., рис. 6, 12, 13, табл. 14—16.

нас еще один вариант почитания женщины-матери, связанный с культом плодородия. Примитивна по исполнению, но чрезвычайно выразительна в этом смысле схематичная фигура женщины среди стада быков на писанице с правобережья Енисея (Усть-Тесь). Причем как характерная поза женского персонажа, так и расположение его относительно фигур животных не вызывают сомнения в его причастности именно к понятию плодородия[36]. Аналогичная фигура, также в окружении животных, известна на писанице из северо-западной Монголии[37]. Так в примитивных рисунках сибирско-азиатских петроглифов была выражена одна из наиболее древних, глубинных идей зависимости продолжения рода от единения женщины и зверя-предка, представленная в изображениях эпохи бронзы, по-видимому, уже в трансформированном виде и получившая на ранних стадиях развития скотоводства форму покровительства со стороны женщины преумножению стад.

Однако по мере развития представлений об антропоморфных покровителях образ женщины-прародительницы начинал играть все более самостоятельную роль; тотем-бык отступал на второй план; появлялись одиночные женские изображения; формы их почитания приобрели более конкретный вид; обобщенная идея плодородия уступала место идее покровительства рождению детей. Вероятно, именно в этой области следует искать семантическую значимость женских изображений, вырезанных на каменных плитах, найденных в окуневских могильниках Сыда и Черновая VIII[38].

Отметим значительное распространение в петроглифах культур эпохи бронзы аналогичных окуневским рисунков женских фигур, как примитивно-реалистичных, так и упрощенно-схематических, низведенных до знака-символа: они известны на Белом море, Онежском озере, в шведском Богуслене, других областях Европейского материка и далее, вплоть до Африки[39]. Представление о женщине-покровительнице, помощнице при родах, вообще охранительнице жизни имело большую значимость в повседневной жизни людей бронзовой эпохи, связанной с постоянной потерей населения в связи с тяжелыми условиями существования, что отмечено палеодемографическими подсчетами, в частности и для Южной Сибири[40].

В окуневской петроглифике, насыщенной эмоционально-выразительными мифологическими образами, фигурировало также значительное число животных и пернатых существ, принимавших иногда антропоморфный облик. Семантическая интерпретация этих рисунков бывает осложнена их уникальностью. На плитах могильника Тас-Хазаа встречены фигуры птицеголовых антропоморфных существ, манера изображения которых заставляет обратиться к некоторым древним аналогиям[41]. Не менее примечательна человекоподобная фигура с головой коня, связанная, безусловно, с культом плодородия[42]. Фантастические существа из Тас-Хазаа позволя-

---

[36] Работы Каменского отряда Красноярской археологической экспедиции.

[37] В. В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, рис. *1*, *6*; В. П. Алексеев. Современное состояние краниологических исследований в расоведении. Вопросы антропологии, 3, 1968, стр. 36; R. Andrews. The New Conquest of Central Asia. I, New York, 1932, рис. 9.

[38] М. П. Грязнов, М. Н. Комарова. Раскопки могильников в Западной Сибири. АО, 65, М., 1966, стр. 15. Хранятся в коллекции ОИПК Гос. Эрмитажа. См. также: И. Т. Савенков. Ук. соч., табл. IX. XVI.

[39] W. Schultz. Die Felsbilder Skandinaviens und Nordafrikas. 1931, рис. 41, 42; F. Gudnitz. Bronce alderens..., рис. на стр. 119; H. Savory. Spain and Portugal. The prehistory of the Iberian Peninsula. London, 1968, рис. 16 — схематичный неолитический вариант; Ю. А. Савватеев. Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967, стр. 82, 83.

[40] М. П. Грязнов. Работы Красноярской экспедиции. КСИА АН СССР, 100, 1965.

[41] А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре. ВИСДВ, Новосибирск, 1961, рис. 2; А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, 1957, 1, рис. 12.

[42] А. Н. Липский. Ук. соч., стр. 275.

ют еще раз обратить внимание на семантику антропо-зооморфных персонажей, изображавших в одних случаях замаскированных в магических целях людей, в других — реальных, по первобытным представлениям, существ [43]. Вероятно, некоторые из них мыслились как тотемные первопредки (рис. 2, *4*).

В окуневском искусстве тас-хазинские изображения относятся, по-видимому, к наиболее архаичным образцам, представляя для идеологии скотоводческих племен бронзового века пережиточное явление. Существование этих образов, олицетворявших, иногда тотемы, следует относить за счет разнохарактерности и сложности культовых воззрений начала бронзового века. Это был период последнего яркого взлета тотемистической идеологии древности, время подчас синхронного бытования синкретичных образов древности и антропоморфных образов духов-покровителей. Так, тотемы быка, коня следует, скорее всего, причислить к категории позднейших, хотя и созданных в прежних идейных канонах, тогда как тотемы птицы, волка, медведя, присутствие костей которых в погребениях подчеркивает их культовую роль, принадлежали к исконным, древнейшим объектам почитания племен сибирской бронзы.

Не менее поразительно дважды встреченное — в эстампаже с «писаницы Андрианова» и на плите из могильника Черновая VIII — изображение стоящего на задних лапах и повернутого вправо зверя, возможно, из породы кошачьих; на плите из Черновой его тело покрыто густой пятнистой шерстью, как у леопарда [44]. В обоих случаях на голове этого существа изображены разветвленные рога, придающие всему образу синкретичный характер. По общему силуэту и постановке фигуры оба изображения напоминают классические древневосточные «сцены предстояния». «Пятнистый зверь» из Черновой ассоциируется с многочисленными изображениями существ кошачьей породы на иранской и среднеазиатской керамике конца IV— начала III тысячелетия до н. э. [45]. Так, в малоазийском неолите известен яркий пример поклонения быку и леопарду, имевший, по-видимому, далеко не узколокальный характер [46]. Известны «сцены предстояния» с участием леопардов.

Проблемы, связанные с динамикой развития и содержанием петроглифического искусства эпохи бронзы, чрезвычайно многообразны даже для такой области, как Южная Сибирь. Яркий взлет изобразительного искусства в начале бронзового века у племен Среднего Енисея, охвативший как монументальные, так и прикладные его формы, может быть объяснен переломностью исторического момента, мобилизовавшего духовные силы племени, обострившего внимание к вопросам идеологии. Мифологичность содержания наскальной живописи бронзового века подчеркивалась символичностью образов, причем преобладание их над реалистичными столь значительно, что можно говорить о своеобразном символизме в искусстве бронзовой эпохи. Мистифицируется не только содержание, но и форма изображаемого объекта, отсюда сложность, синкретизм изображений, несущих сложную идейную нагрузку.

Заимствование или конвергентность, влияние или случайное сходство, проистекающее из общности основ социально-духовного и экономического развития,— это один из основных вопросов, возникающий при обнаружении некоторых поразительных соответствий в наскальных изображениях эпохи бронзы даже на чрезвычайно удаленных территориях. Заметим в этой связи, что если в основе древней евразийской мифологии, составляв-

---

[43] А. П. Окладников. Утро искусства. Л., 1967, стр. 80—82; H. Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte. VI, München, 1966.

[44] Коллекция ОИПК, Гос. Эрмитаж; М. Грязнов, Е. Шнейдер. Древние изваяния..., рис. 9.

[45] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, гл. 5.

[46] В. М. Массон. Неолит Южной Турции. Сб. «Археология Старого и Нового Света». М., 1966, стр. 163, 170, 171.

шей содержание петроглифического искусства в его основной массе, и лежат местные, аборигенные мотивы, то на стадии распространения скотоводства из азиатско-балканских центров они окрашиваются красками переднеазиатских преданий, часто превалирующими в конечном итоге над древнейшими представлениями. Это подтверждается тем, что на неолитический пласт наслаиваются новые петроглифы времени распространения скотоводства, чего нет в других районах, где и в это время сохраняется неолитическая традиция.

Следует подчеркнуть, что развитие петроглифического искусства ранней сибирской бронзы, а также и последующих веков II тысячелетия до н. э., протекало в исходных художественно-стилистических и идеологических рамках с такими областями, как Скандинавия, Северная Италия, с их концентрацией памятников наскального рисунка [47]. Сложение скотоводческого хозяйства в Европе также вызвало к жизни культ Быка, культ Солнца, находившиеся в тесной взаимозависимости и проявлявшиеся во всех этих областях в близких иконографических интерпретациях. Однако для Южной Сибири имеется целый ряд специфических проблем развития изобразительного искусства, связанных с вопросами культурно-этнических инфильтраций, неоднократно происходивших на протяжении эпохи бронзы и усложнявших путь его развития. Рассмотрение пестрой мифологической основы изобразительного искусства минусинской бронзы, изучение такой обширной ее области, как петроглифика, может способствовать раскрытию своеобразной истории южносибирских племен, поскольку «следы мифологических заимствований ведут нас по путям антропологических смешений» [48].

M. D. Khlobystina

VALEUR SYMBOLIQUE CULTURALE DES DESSINS PÉTROGLYPHIQUES DANS LA CULTURE DU BRONZE ANCIEN DE LA SIBÉRIE DU SUD

Résumé

L'art de l'époque du Bronze ancien en Sibérie du Sud (début du IIe millénaire avant notre ère) se caractérise par la diversité des thèmes et des styles, ce qui est exprimé par la représentation de personnages concrets liés aux thèmes traditionnels totémiques et mythologiques et à l'ensemble des concepts chamanistes, à l'époque en voie de formation. Les dessins gravés sur les dalles de la sépulture de Taz — Khaza sont les plus archaïques. D'après la position et la type de certains personnages représentant des ancêtres totémiques (demi — hommes — demianimaux), ils sont associés aux spécimens graphiques du Paléolithique supérieur de la région Franco — Cantabrienne. Là, des figures identiques sont aussi souvent accompagnées de dessins d'oiseaux réels. Probablement, le caractère conservateur de l'économie dite «accapareuse» et du mode primitif était favorable à la conservation de telles réminiscences artistiques et idéologiques. A l'age de l'ancien Bronze de la Sibérie méridionale sont également typiques les représentations du mariage totémique du Boeuf et de la Femme — ancêtre, de la poursuite cosmique du «Boeuf — Soleil» s'éloigant vers l'ouest, d'un fauve fantastique, du combat entre le Soleil et les serpents et du charriot Solaire. Toute une série de thèmes affins sont connus d'après les pétroglyphes de la Scandinavie, des Alpes et des Pyrénées. Au stade de l'expansion de l'élevage à partir des foyers d'Asie Antérieure, il y a prolifération dans les régions septentrionals, des mythes qui, s'amalgamant aux motifs néolithiques aborigènes, ont conduit à l'apparition des nuances syncrétiques dans l'art de l'âge du Bronze qui succéda au réalisme primitif de l'époque du Néolithique.

---

[47] H. Kühn. Die Künst Alt-Europas. Stuttgart, 1958.

[48] А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, стр. 280.

М. И. АРТАМОНОВ

КОМПОЗИЦИИ С ЛАНДШАФТОМ В СКИФО-СИБИРСКОМ ИСКУССТВЕ

В Сибирской коллекции золотых вещей Эрмитажа особое внимание привлекают парные ажурные застежки со сценами отдыха путников под деревом и охоты в лесу. Еще М. И. Ростовцев усмотрел в них изображения эпизодов героических сказаний [1]. Но нас в данном случае интересует не связь их с иранским или тюркским эпосом, а наличие в композициях ландшафта в виде деревьев, органически включенных в повествование. На одной паре застежек изображены путники, расположившиеся на отдых под кроной высокого дерева с опущенными вниз листьями и развешанным на его стволе оружием (рис. 1). Один персонаж лежит, положив голову на колени сидящей женщины, а другой держит в поводу пару оседланных лошадей [2]. На следующей паре представлен дремучий лес со скалами, по которому мчится всадник, преследующий кабана. Лошадь второго охотника повержена свирепым зверем на землю, а сам он спасается от него на дереве. Здесь же виден козел, скрывающийся от охотников в скалах [3] (рис. 2).

На других предметах Сибирской коллекции с изображениями отдельных животных или сцен борьбы между ними также встречаются элементы растительности, но в значительно сокращенном или до неузнаваемости стилизованном виде. Например, на небольших золотых застежках со сценой нападения тигра на верблюда над головами животных полукружием поднимается изогнутый ствол дерева с купами листьев на ветках [4]. На паре застежек с изображением волка такое же полукружие над головой зверя состоит из головок грифов с листообразным ухом [5]. Аналогичная деталь представлена и над головой фантастического зверя на застежке из Верхнеудинска [6].

На паре золотых четырехугольных застежек Сибирской коллекции изображено стилизованное дерево, переплетающееся с двумя фантастическими зверями. Все свободное пространство заполнено листьями [7]. Таким же лиственным орнаментом украшены поясные бляшки, но без центрального дерева и с упрощенными фигурами геральдически расположенных зверей [8].

---

[1] M. I. Rostovtseff. The Great Hero Hunter of Middle Asia and his Exploits. «Artibus Asiae», IV, 2—3, 1930—1932.

[2] С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. Археология СССР. САИ, ДЗ — 9. М.— Л., 1962, табл. VII, *1*, *7*.

[3] Там же, табл. I, *5*; IV, *5*.

[4] Там же, табл. V, *1—3*.

[5] Там же, табл. VIII, *3*, *4*.

[6] Там же, табл. IV, *2*.

[7] Там же, табл. II, *9*; IX, *6*.

[8] Там же, табл. II, *2*; IX, *7*, *8*.

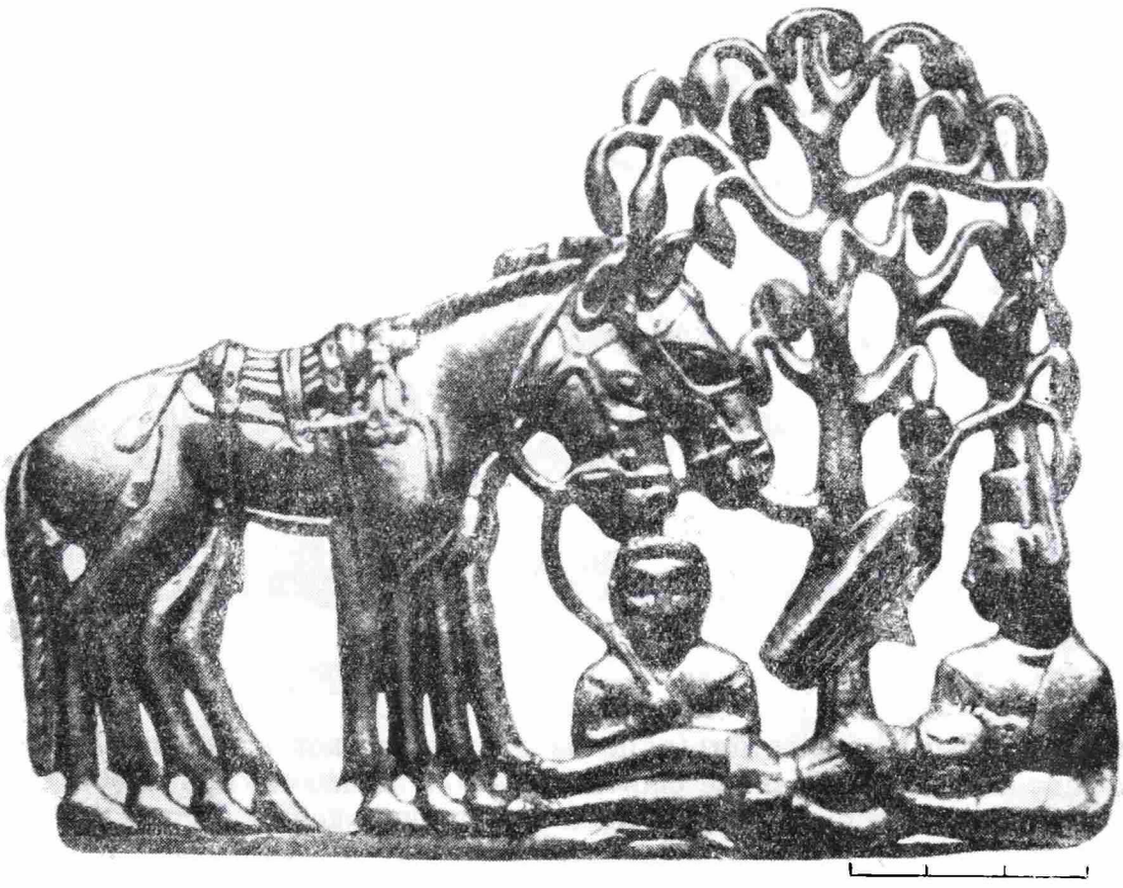


Рис. 1. Поясная застежка из Сибирской коллекции Петра I со сценой отдыха в пути

Лиственный орнамент встречается на многих произведениях скифо-сибирского искусства и, на первый взгляд, не имеет ничего общего с изображениями деревьев в жанровых композициях на застежках. Однако сопоставление различных застежек показывает, что этот орнамент ведет свое происхождение от реалистических сцен с ландшафтом типа «Отдых в пути» и «Охоты в лесу» из Сибирской коллекции.

Типологически застежки с реалистическими и стилизованными деревьями относятся к разным периодам в истории скифо-сибирского искусства, причем несомненно, что позднейшими по времени являются не первые, а вторые из них. Они по большей части четырехугольные по форме, тогда как первые имеют В- или Р-образные очертания.

Наряду со сравнительно немногочисленными золотыми застежками Сибирской коллекции имеется значительное число таких же предметов из бронзы, найденных главным образом в Минусинской котловине, в Забайкалье и, особенно, в Северном Китае (Ордос). Изредка встречаются они в Западной Сибири и в степях Волго-Донского междуречья. О том, что эти бронзовые застежки — копии золотых оригиналов, можно судить по имеющимся на них ячейкам для цветных инкрустаций, которые широко применялись в золоте, но отсутствуют в бронзе. Конечно, далеко не все бронзовые застежки делались непосредственно с золотого оригинала. Многие из них являются копиями с копий и в процессе многократных воспроизведений далеко отошли от первоначального образца. Да и сами золотые застежки в ряде случаев не были оригинальными произведениями; они тоже были копиями, у которых некоторые черты оригинала оказались утраченными, измененными или даже извращенными. Некоторые бронзовые воспроизведения, видимо, стоят даже ближе к подлинникам, чем дошедшие до нас золотые предметы. Так, в сцене схватки тигра, волка и грифа на золотой застежке Сибирской коллекции фигура грифа с его сжатым, утратившим пропорциональность туловищем и неправильно

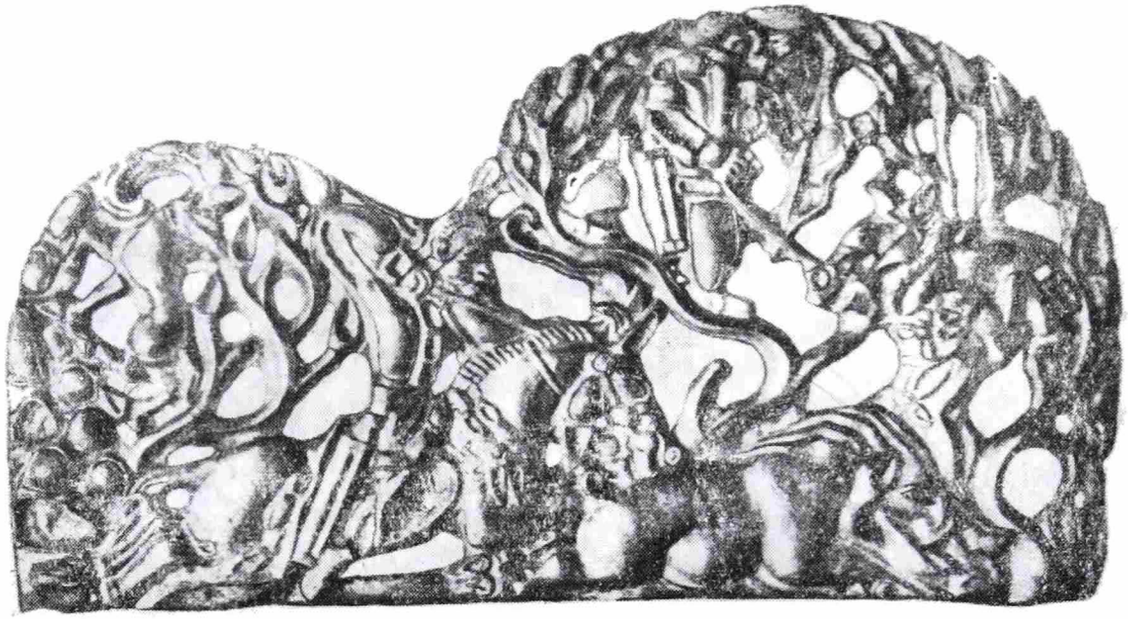


Рис. 2. Застежка со сценой охоты из Сибирской коллекции Петра I

расположенными крыльями (одно из них вырастает из головы) [9] во многом уступает образу той же фантастической птицы на бронзовой застежке из Ордоса, где она представлена терзающей козла. Перед туловищем жертвы находится низкое дерево с двумя ветвями, покрытыми листьями [10].

Копирование производилось главным образом по оттиску оригинала в глине, заполненному воском. Отливка по полученной восковой модели обрабатывалась штихелем или резцом. При воспроизведении с золотого оригинала инкрустации вынимались из гнезд. Матрицы для отливки оригинальных произведений готовились другим способом — они делались в виде оттиска с деревянной модели, но затем тоже заливались воском. В некоторых случаях модель могла лепиться из воска [11]. По-видимому, к этому способу прибегали иногда и при копировании, причем именно тогда и допускались значительные отклонения от оригинала.

Деревья изображены как на В- и Р-образных, так и на четырехугольных застежках. У Р-образных, как мы видели, они превращаются в стилизованные грифоньими головками рога, а у четырехугольных — в лиственный орнамент. Превращение деревьев в лиственный орнамент, равно как и всей композиции в орнаментальную схему, особенно хорошо может быть показано на примере ордосских застежек с изображениями горных козлов. На одной из них, из собрания В. М. Мейера в Вашингтоне, представлено три животных этого вида: одно в центре, в фас, с прямо стоящими передними ногами, а два других по сторонам в профиль. Головы всех животных даны в высоком рельефе en face. Раскинутые в стороны рога козлов повторяют друг друга и соприкасаются между собой. Они включены в ритмический рисунок ветвей и листьев, массив которых раскинут над головами животных по верхнему краю застежки и образует крону деревьев с изогнутыми стволами. Сплошными массивами листвы обрамлены и узкие стороны застежки и ее нижний край так, что в целом получается четырехугольник, хотя и без особо выделенной рамки [12]. Декоративность этой композиции в ее золотом оригинале была усилена многочисленными цветными инкрустациями, от которых в бронзовом повторении сохранп-

[9] Там же, табл. III, *5*; V, *5*.

[10] I. G. Andersson. Hunting Magic in the Ammal Style, BMFEA, 4, 1932, табл. XXXII, 1.

[11] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 25, 26.

[12] V. Griessmaier. Entwicklungsfragen der Ordkskunst, «Artibus Asiae», v. 7, 1—4, 1937, рис. 14.

лись только ячейки, показывающие, что вставками были заполнены не только листья, копыта, уши, глаза и прочие мелкие части изображений, но и рога и туловища животных.

Две других бронзовых застежки — одна из того же вашингтонского собрания, а другая, хранящаяся в Венском музее — представляют упрощенные воспроизведения той же композиции [13]. Здесь исчез центральный козел: от него сохранились только превратившиеся в восьмерку рога, а кроме того, на второй застежке исчезли еще и стволы деревьев. Своим орнаментально-декоративным характером с подчеркнутой симметрией построния они сближаются с четырехугольными застежками сибирского и ордосского происхождения, и с золотой застежкой из Сибирской коллекции с фантастическими зверями по сторонам стилизованного растения (рис. 3). Однако в начальном своем варианте они, несомненно, древнее последних и стоят в одном ряду с такими изделиями Сибирской коллекции, как застежки со сценой отдыха в пути и охоты в лесу.

Строго симметричное построение композиции характерно для застежек в четырехугольной рамке. Одна из них из Ордоса изображает двух верблюдов, поставленных друг против друга по сторонам дерева, ветки которого с листьями раскинулись над их опущенными головами. Того же рода бронзовая застежка, найденная в Минусинской котловине, отличается более грубой работой и тем, что ствол дерева между верблюдами исчез, а остались только ветви с листьями над их головами. Похожие сюжеты встречаются и на других бронзовых застежках [14]. Намеки на дерево над дерущимися лошадьми усматриваются на застежке из Дэрестуйского могильника в Забайкалье [15]. В других случаях остатками деревьев являются листья в верхней части рамки [16].

Подавляющее большинство застежек относится к случайным находкам, не связанным с датированными комплексами. Типологическая расстановка застежек может дать представление о процессе их видоизменения и о последовательности возникновения имеющихся вариантов, но она сама по себе не решает проблемы хронологии каждого из них в отдельности. Некоторые указания на время тех или других видов застежек можно получить путем сопоставления их с другими памятниками, хотя памятников, пригодных для этой цели, очень мало.

Большой интерес представляет находка в могиле близ г. Чананя в провинции Шэнси бронзовой застежки со сценой единоборства двух «богатырей» [17], уже известной по трем случайным экземплярам из Ордоса [18]. Погребение датировано китайскими археологами последней четвертью III в. до н. э. Позади каждого из богатырей стоит по оседланной лошади. Над их головами парит птица с распростертыми крыльями. Фон же за каждой лошадью заполнен ветвистыми деревьями (рис. 4).

Некоторыми деталями эти экземпляры сближаются с золотóй застежкой Сибирской коллекции («Охота в лесу»). Гнезда для цветных вставок у них не ограничиваются мелкими деталями изображений, а занимают бóльшие части фигур, такие как штаны у борющихся богатырей или преувеличенных размеров кисти, свешивающиеся по бокам лошадей. Вместе с тем северокитайские застежки в отличие от сибирской золотой не В-образной, а четырехугольной формы, хотя и без рамки, из чего следует, что в соответствии с общей типологией этих предметов они представляют переход

---

[13] Там же, рис. 15, 16.

[14] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XXI, *13*, *14*, *15*, *16*.

[15] Ю. Талько-Грынцевич. Древние памятники Западного Забайкалья. Тр. XII АС, I, М., 1905, стр. 497, рис. 64.

[16] I. G. Andersson. Ук. соч., табл. XXI, *1*.

[17] Каогу, 1959, 10, рис. на стр. 527.

[18] A. Salmony. Sino — Siberian Art in Collection of C. T. Loo. Paris, 1933, табл. XXI, 1, 2; K. Jettmar. Die frühen Steppenvölker. Baden — Baden, 1964, рис. на стр. 237.

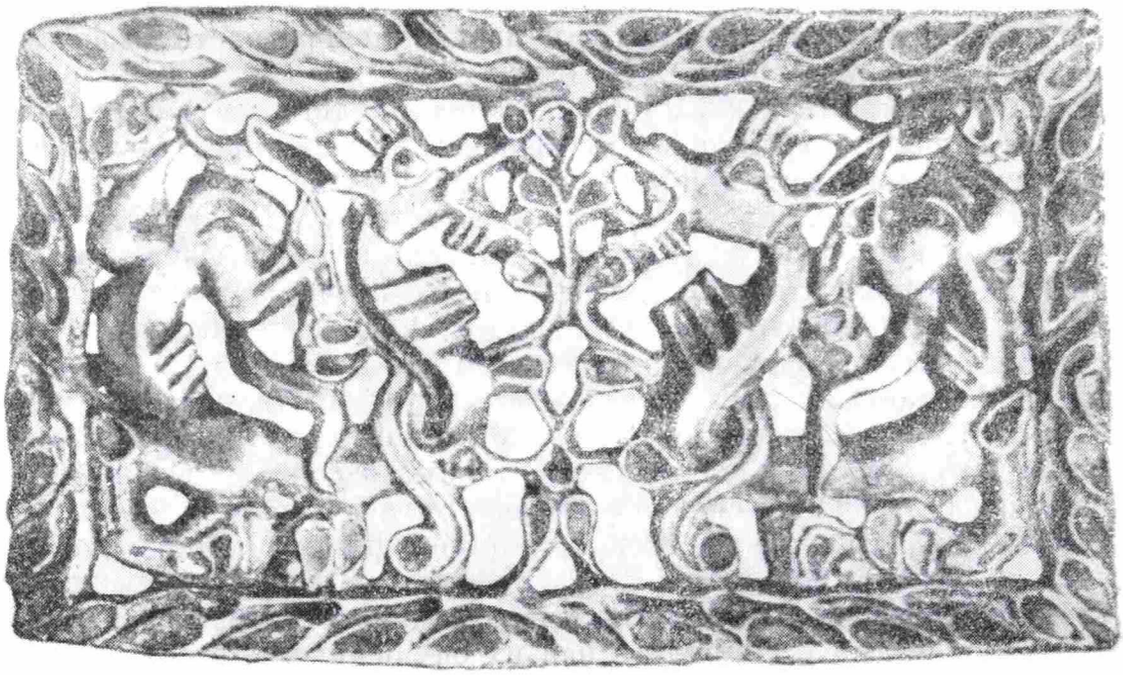


Рис. 3. Поясная застежка из Сибирской коллекции Петра I с изображением геральдически расположенных зверей

от первой формы ко второй и по времени позже сибирской застежки с охотой в лесу. Если согласиться с датировкой чаньской находки последней четвертью III в. до н. э., а для возражений как будто бы нет оснований, то появление застежек с ландшафтом повествовательного содержания следует относить к еще более раннему времени — к раннему III или даже IV в. до н. э. Четырехугольные застежки без рамки с декоративными композициями с ландшафтом возникают в более позднее время, но надо полагать в III в. до н. э.

Еще М. И. Ростовцев отметил, что в Северном Причерноморье известны золотые нашивные бляшки, изображающие единоборство двух скифов, представленных в том же положении, что и богатыри на северокитайских застежках, но без лошадей и деревьев [19]. Они датируются IV в. до н. э., что свидетельствует о возможности появления подобных изображений в восточной области распространения скифо-сибирского искусства примерно в то же время. Мотив борьбы богатырей, но без деревьев, встречается в сасанидском искусстве [20], унаследовавшем многие сюжеты и формы от ахеменидского периода, что, вместе со скифскими бляшками, позволяет считать этот мотив не специфически северокитайским, а, скорее всего, общеиранским, известным по широкой области распространения иранского искусства, включающей и Северный Китай.

На IV—III вв. до н. э. указывают и некоторые детали в сцене охоты в лесу. Так, еще В. Гинтерс обратил внимание на сарматский способ ношения меча у охотника в этой сцене и на то, что самый меч с длинной рукояткой, брусчатым навершием и прямым перекрестьем с закругленными концами относится к типу, датируемому IV—III вв. до н. э. [21].

Рассматривая вопросы хронологии золотых сибирских застежек, С. Руденко выделил в число ранних группу с изображениями, отличающимися манерой передачи шерсти животных врезанными волнистыми или зигзагообразными линиями, а перьев — налегающими одна на другую че-

[19] М. И. Ростовцев. Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929, стр. 23.

[20] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. LVIII.

[21] W. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928, стр. 81.

Рис. 4. Бронзовая застежка из Чананя со сценой борьбы богатырей

шуйками [22]. К ней относятся застежки Р-образной формы — одна со сценой борьбы тигра с фантастическим зверем с волчьей мордой, вдоль спины которого протянут рог, составленный из грифоньих головок [23], и другая с более сложной уже отмеченной композицией борьбы хищников из-за добычи. Фигуры тигров на этих застежках с большой головой, когтистыми лапами и длинным хвостом с загибающимся кончиком, с их разделкой шерсти волнистыми линиями близко сходны с изображениями тех же животных на колоде-саркофаге из второго Башадарского кургана на Алтае [24]. Последний относится, по данным радиоуглеродного анализа, к VI—V вв. до н. э. (от 650 до 390 гг.) [25].

Теми же чертами характеризуется и ряд других застежек Сибирской коллекции. На одной из них представлен гриф, терзающий яка, висящая шерсть которого трактована так же, как шкура тигра на предшествующих образцах. Лохматой шерстью покрыто и тело маленького хищника, вцепившегося в хвост птицы [26]. Следует обратить внимание на положение крыльев у грифа. В данном случае они правильно размещены одно позади другого на теле птицы и этим существенно отличаются от сбитого рисунка крыльев в вышеуказанной сцене борьбы грифа, тигра и волка за добычу, где одно из крыльев вырастает из головы птицы.

Сюда же относятся застежки меньшей величины со сценой нападения покрытого волнистой шерстью тигра на верблюда. Завершающее край этих застежек полукружие представляет собой схематическое изображение дерева со стволом, ветками и листьями. Эти застежки отличаются грубыми, не детализированными формами и явно относятся к позднейшим образцам Р-образных композиций с деревом [27].

Сравнивая перечисленные застежки между собой, нетрудно заметить, что, хотя трактовкой шерсти они и сближаются между собой, по ряду других признаков между ними наблюдаются существенные различия. Ввиду этого возникновение их оригиналов не может быть одновременным.

Другим признаком раннего возраста сибирских золотых вещей, в том числе и застежек, С. И. Руденко считает «точки, запятые, полупод-

---

[22] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 31.
[23] Там же, табл. VI, *3*, *4*.
[24] С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, табл. XXVI—XXXI.
[25] Там же, стр. 335.
[26] С. И. Руденко. Сибирская коллекция, табл. I, *4*; IV, *3*.
[27] Там же, табл. V, *1—3*.

ковки» и прочие геометрические фигуры, помещенные на бедре, плече и других частях животных [28]. Примером изображений с такого рода условными фигурами может служить Р-образная застежка со сценой нападения иранского львиноголового грифона на лошадь [29]. Оба животных гладкошерстные, с перевернутой задней частью туловища, на плече у лошади кружок с криволинейным треугольником, а на бедре так же, как и на бедре грифона, похожий кружок с двумя криволинейными треугольниками по сторонам. Эти фигуры на теле животных представляют собой гнезда для цветных вставок.

На сибирских золотых застежках такие условные фигуры встречаются еще только в одном случае, а именно, на застежке с изображением полосатого тигра, напавшего на лошадь [30].

Условные геометрические фигуры для обозначения выпуклостей, ребер и некоторых других деталей на теле животных встречаются в персидском искусстве V—IV вв. и хорошо представлены ювелирными изделиями Амударьинского клада [31]. Особенно же часто они применялись в аппликациях из войлока, кожи и других материалов, во множестве имеющихся на вещах из алтайских курганов, где в этой технике выполнены многочисленнные композиции борьбы зверей, сходные с изображениями на сибирских золотых застежках [32]. Сближение золотых застежек с мотивами аппликаций и других произведений из алтайских курганов может быть подкреплено не только общим характером композиций, но и сходством отдельных персонажей, например грифона, напавшего на лошадь в композиции на застежке из Сибирской коллекции с многочисленными изображениями того же фантастического зверя в различных памятниках Алтая: грифон на конской маске, в аппликациях на седельных покрышках и на наконечниках шейной гривны [33].

Застежка со сценой терзания лошади грифоном особенно тесно сближается с алтайскими изображениями с мотивом перевернутой задней части туловища животных. Однако эта близость сама по себе не имеет решающего значения, так как прием передачи сильного движения путем перекручивания тела животного не укладывается в ограниченные хронологические рамки. Не известный в ахеменидском искусстве, он изредка встречается в Северном Причерноморье в V—IV вв. [34], но зато в Сибири и Северном Китае распространен со времени алтайских курганов до позднейшей поры, представленной ордосскими бронзами с элементами китайской орнаментации ханьского времени. Но так как стилистически застежка со сценой терзания лошади грифоном относится не к поздним, а к ранним образцам скифо-сибирского искусства, ее следует датировать как и Пазырыкские курганы на Алтае, т. е. по крайней мере IV в. до н. э.

С. И. Руденко обратил внимание на различия в формах носа, уха и когтей у волков, изображенных на многих предметах Сибирской коллекции [35], но не распространил свои наблюдения на те же детали у других животных тех же произведений. А, между тем, такого рода детали могут быть использованы в качестве отправного пункта для важных заключений.

В сцене терзания лошади грифоном на застежке, уже выделенной в число ранних образцов сибирских произведений, обращает на себя внимание необычная форма уха у обоих животных — длинного, острого с

[28] Там же, стр. 32—33.
[29] Тм же, табл. VIII, *7*, *8*.
[30] Там же, табл. VIII, *3*, *4*.
[31] O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus with other Examples of Early Oriental Metal-Work. London, 1964, рис. 46, 60; табл. I, *23*, *116*; VI, *11*, *12*; VIII, *14*; X, *24*; XII, *28*; XX, *136*.
[32] С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953. табл. CIX—CXI.
[33] Там же, табл. LXXI, *2*; CX, *1*; XXIX, *1*, *2*.
[34] Сокровища скифских курганов..., Текст М. И. Артамонова. Л., Прага, 1964, рис. 60, 61.
[35] С. И. Руденко. Сибирская коллекция..., стр. 32.

кружком в основании. Это ухо восходит к приставному уху на ложке, которое припаивалось к голове животных в скульптурных и рельефных изображениях, таких, например, как грифон на ахеменидской гривне [36], граф с козлом в когтях [37] или некоторые статуэтки на подставках [38] в Сибирской коллекции. Такого рода уши встречаются на многих произведениях Амударьинского клада [39]. Они же представлены в таких ранних памятниках, как костромской олень [40] или бляшка из Чиликтинского кургана [41].

Другая форма уха — широкого сердцевидного с завитком в основании — находится у животных в сцене борьбы грифа с яком. Она ближе всего стоит к ушам деревянных резных изображений из алтайских курганов, относящихся к V—IV вв. [42], и-может, как и ухо на ножке, свидетельствовать о соответственно раннем времени застежек с такой трактовкой ушей.

У некоторых зверей на застежках изображается ухо с изогнутым верхним концом. Такое ухо имеется у грифа и волка в сцене схватки их с тигром из-за добычи и у фантастического зверя в борьбе с тигром [43]. Тигр в в этих композициях представлен с ушами в форме полукружий. Полукруглое ухо имеют тигры и в сценах борьбы их с верблюдом или с фантастическими животными, как на четырехугольной застежке с рамкой [44]. Таким образом, ухо с изогнутым верхним концом и ухо полукруглое встречаются как вместе, так и отдельно, объединяя наибольшее число застежек как В- и Р-образной, так и четырехугольной формы в одну группу.

В алтайских курганах нет изображений животных с полукруглым ухом. как нет и ушей с изогнутым верхним концом, из чего следует, что современными с алтайскими курганами могут быть только В- и Р-образные застежки со сценами терзания лошади грифоном и нападения грифа на яка. Последнюю из этих застежек уже В. Грисмейер, хотя и с оговорками, отнес к середине I тысячелетия до н. э. [45]. Все остальные застежки Сибирской коллекции со сценами битвы зверей или с изображениями отдельных животных должны датироваться позже алтайских курганов, т. е. не раньше III в. до н. э. Вопрос может стоять только относительно хронологии застежек с ландшафтом в композициях «Отдых в пути» и «Охота в лесу».

В- и Р-образные застежки появляются еще до III в. В их числе могли быть, следовательно и застежки с ландшафтом. В дополнение к приведенным выше аргументам в пользу раннего появления композиции отдыха в пути можно указать на сходство ее с культовой композицией, представляющей сидящую богиню и всадника перед ней на войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана [46]. Монументальность композиции на ковре выражена сильнее, чем на застежке, но и та и другая — одного стиля, построена по одному принципу. Фигуры на ковре и застежке иконографически близки между собой и одинаково динамичны. Вследствие различий в технике изображения на ковре плоскостнее, чем на застежке, пропорции их удлинение, и они расставлены свободнее по отношению друг к другу, но формы их в целом и в деталях близки друг к другу, а приемы передачи одни и те же. Если, несмотря на необычную деталь одежды,

---

[36] С. И. Руденко. Сибирская коллекция..., табл. XVII.
[37] Там же, табл. XIX, *1*, *2*.
[38] Там же, табл. XXII, *10*, *12*.
[39] O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus..., табл. I, *23*, *116*; V, *10*; VI, *11*.
[40] Сокровища скифских курганов..., табл. 62, 64.
[41] С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., 1965, табл. XI.
[42] С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая, табл. LXII—LXIV; его же. Культура населения Центрального Алтая, табл. L; LI; LXVII, *1*; LCIX; XCV, *2*, *3*; XCVIII, *1*, *5*.
[43] С. И. Руденко. Сибирская коллекция, табл. VI, *3*, *4*.
[44] Там же, табл. II, *5*; VIII, *1*.
[45] V. Griessmaier. Entwicklungsfragen der Ordoskunst.
[46] С. И. Руденко. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968, рис. 46, 47, 50.

в виде плаща у всадника на ковре, пятый Пазырыкский курган датировать в соответствии с показаниями радиоуглеродного анализа IV в., то застежка «Отдых в пути» относится к тому же времени.

Хотя в ахеменидско-персидском искусстве сцены борьбы зверей довольно однообразны и представляют, главным образом, нападения льва на быка [47], значительно более сложные и динамичные мотивы того же рода в скифо-сибирском искусстве восходят к персидским образцам. Вероятно, и жанровые композиции с изображениями людей и деревьев того же происхождения. В скифо-сибирском искусстве они появляются в готовом, выработанном виде, что заставляет искать их прототипы за пределами ареала распространения этого искусства, однако не в ювелирных изделиях, а в монументальных памятниках, так как в композициях на застежках в большей или меньшей степени сохряются черты монументального стиля. Они могли возникнуть на настенных рельефах и росписях или же на больших коврах и в этом своем виде послужить оригиналами для украшений поясов, претерпев, конечно, при этом некоторые изменения. В частности, неправильные, укороченные пропорции сидящих людей в сцене отдыха в пути могли явиться в результате неудачного копирования с оригинала, у которого этого недостатка не было.

Особенностью застежки со сценой отдыха в пути является отсутствие у нее инкрустаций. Даже листья, в других случаях превращенные в гнезда для цветных вставок, не имеют соответствующих выемок. Пригодными для вставок гнездами оформлены только уши у лошадей, но и они, видимо, оставались без инкрустаций. На этом основании можно предположить, что оригиналом для застежки послужило изображение, еще не прошедшее переработку в тканом ковре или в ювелирном изделии, для которых характерны геометризованные условные фигуры для обозначения тех или иных частей реального образа. Технологическая необходимость в таких фигурах возникает в тканых коврах. Выделенные цветом, они воспроизводятся в наборных изразцах и аппликациях, а в ювелирных изделиях превращаются в инкрустации. Значит, в основе этой композиции лежит рельеф или роспись.

Другая застежка Сибирской коллекции с изображением охоты в лесу в отличие от рассмотренной, усыпана многочисленными инкрустациями. Особенно много вставок из бирюзы на фигурах людей и на лошадиной сбруе. Ими выделены различные части одежды, бирюзой же обозначено туловище козла, листья на деревьях и отдельные камни в скале. Эти вставки отнюдь не схематизируют реальные формы, а по возможности соответствуют им и этим существенно отличаются от условных, геометрических фигур на теле животных в алтайских аппликациях и на некоторых украшениях Сибирской коллекции, включая сюда застежку со сценой терзания лошади грифоном. Трудно оценить все значение указанного отличия, но как хронологический признак его необходимо принять во внимание, так как обилие инкрустаций характерно для сравнительно поздних застежек Сибирской коллекции.

О том же говорит и близкое сходство золотой застежки «Охота в лесу» с бронзовыми застежками, представляющими, судя по числу найденных экземпляров, одну из наиболее популярных сцен — единоборство богатырей. Бронзовые застежки с этой сценой характеризуются обилием гнезд для инкрустаций, украшавших их золотой оригинал. Золотая застежка Сибирской коллекции отличается от них своей В-образной формой и по этому признаку может датироваться более ранним временем, т. е. не последней четвертью III в., как датирована одна из бронзовых застежек с единоборством богатырей, а по крайней мере первой половиной III в. до н. э.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на различие содержания композиций, у обеих застежек Сибирской коллекции много общего. Их

[47] Там же, рис. 86.

объединяет друг с другом жанровый характер композиций и участие в повествовании ландшафта. Действие развертывается не просто на фоне природы, а в органическом слиянии людей с природным окружением. Деревья и скалы включены в композиции в качестве важнейших элементов содержащегося в них рассказа, как бы «сплетены» с другими элементами — людьми и животными. Они передают не только обстановку действия, но и соучаствуют в изображаемом событии. Конечно, в композициях много условностей, но они не мешают их правдивости и выразительности. Даже такая деталь, как расположение листьев на деревьях, в одном случае как бы взъерошенных ветром в соответствии с бурным движением, пронизывающим всю драматическую сцену охоты в лесу, а в другом неподвижно висящих на ветках — в сцене отдыха в пути, выражает и подчеркивает содержание каждой из этих композиций. Возможно, что это изображения одного цикла, хотя и представленного экземплярами разного, не слишком отдаленного друг от друга времени, к тому же созданными в местной среде, о чем свидетельствуют физический тип персонажей и включенные в них туземные бытовые детали вроде головного убора женщины в сцене отдыха в пути, соответствующего найденному в пятом Пазырыкском кургане [48].

Некоторые сомнения в правильности полученных датировок может вызвать жанровый характер композиций, в особенности же внесение в них элементов ландшафта, что в античном искусстве характерно только для позднеэллинистического и римского периодов. Однако отдельные случаи изображений жанровых сцен и деревьев встречаются в античном искусстве и более раннего времени. В Северном Причерноморье жанровые композиции представлены на таких античных памятниках IV в., как чертомлыкская ваза, кульобский и воронежский кубки [49], а на последних двух есть и ландшафт в виде камней и травы на земле, на которой развертывается действие. На Востоке отдельные деревья, разделяющие группы приносящих дары, находятся на парадной лестнице в Персеполе [50], а настоящий ландшафт известен по развернутым композициям в ассирийском Куюнджике [51]. Традиция изображений с ландшафтом в скифо-сибирском искусстве может восходить к ассирийскому искусству VII в. до н. э. Через ахеменидскую Персию такого рода композиции могли появиться в Сибири и Центральной Азии, начиная с V в. до н. э., когда влияние ахеменидской Персии пронизывает варварский мир Евразии от Дуная до Хуанхе.

М. И. Ростовцев полагал, что композиции с людьми и деревьями на сибирских и северокитайских застежках изображают эпизоды иранских героических сказаний [52]. М. П. Грязнов связывает их с тюркским эпосом [53]. Однако памятники этого рода возникают в областях с ираноязычным населением, и в тюркскую среду проникают вместе со скифо-сибирским искусством звериного стиля в порядке культурного заимствования. Историк при дворе Александра Македонского Харит Митиленский в передаче позднейшего античного автора Афинея сохранил содержание пользовавшегося большой популярностью иранского эпического романа о Зариадре и Одатиде, в котором повествовалось о том, как брат мидийского царя Гистаспа Зариадр, переодевшись скифом, похитил полюбившуюся ему дочь царя живших за Танаисом (Сырдарьей) марафов. Картины с изображениями сцен из этого романа помещались, по словам автора, в храмах и домах [54]. Эпизоды из него и других того же рода литературных произведений мог-

[48] М. П. Грязнов. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. Археологический сборник, 3, Л., 1961, стр. 22 сл.

[49] Сокровища скифских курганов..., табл. 162—176; 195, 196, 198; 226—229; 232, 233.

[50] R. Ghirshman. Perse. Photo-iraniens Medes et Achemenides. Paris, 1964, рис. 211.

[51] С. И. Руденко. Древнейшие в мире художественные ковры, рис. 67.

[52] M. I. Rostovtzeff. The Great Hero Hunter...

[53] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 7 сл.

[54] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. 1, СПб., 1893, стр. 628—630.

ли послужить сюжетами для композиций, в конце концов перешедших со стен на ювелирные изделия, в том числе и на поясные застежки. Вполне вероятно, что вместе с повествовательными сюжетами деревья появились не только с изображениями людей, но и животных, видимо, обусловив В- и Р-образную форму застежек, а в дальнейшем после перехода к четырехугольной форме, примерно во II в. до н. э., породив лиственный орнамент на рамке. Последнее доказывается соответствующими находками в гуннских могилах Забайкалья.

M. I. Artamonov

COMPOSITIONS AUX PAYSAGES DANS L'ART SCYTHO—SIBÉRIEN

Résumé

Dans la collection de Sibérie il y a plusieurs agrafes d'or comportant les images des scènes et des animaux sur le fond des arbres ou avec les éléments de végétation. Les plus anciennes de ces agrafes sont en forme de P ou de B et n'ont pas de cadres.

Le groupe qui'est plus récent se caractérise par la forme rectangulaire et la présense de cadre décoré parfois d'ornement de feuilles. Un grand nombre d'agrafes en bronze reproduisant leurs originales d'or proviennent de la steppe de Minoussinsk et d'Ordos. Parmi ces agrafes on connait quatre aux scènes des combats singuliers des athlètes sur le fond des arbres feuillus.

Il est indispensable de rattacher les agrafes d'or originales en forme de P et de B aux scènes du repos sous les arbres et de la chasse dans les bois aux époques un peu plus anciennes que celles des agrafes à la composition de la lutte des athlètes. La confrontation de certains détails des images faites sur les agrafes aux indices propres aux oeuvres d'art iranien et de celui scytho—sibérien des V—IV siècles avant notre ère permet de mettre un accent particulier sur quelques agrafes dont les originales apparurent déja au IV ou au debut de III siècle avant potre ére. Plus tard les arbres représentés sur les agrafes en forme de P ou de B comportant les images des animaux se transforment en cornes arboriformes dont les branches et les feuilles sont remplacées parfois par les têtes des griffons. Sur les agrafes rectangulaires les éléments de paysage sont concentrés dans la partie supérieure de la composition. Ensuite ils n'occupent que la partie supérieure du cadre et, enfin, ce n'est plus qu'un ornement de feuilles. Les incrustations sur les images à l'intérieur du cadre prennent aussi la forme de feuille. Les agrafes du dernier type sont fréquentes dans les monuments des II—I siècles avant notre ère. On les connaît d'après les trouvailles des sépultures des Huns découvertes en Trans—Baïkalie. Les thèmes et les formes de l'art né dans le milieu de la langue iranienne se diffusent chez la population de la Sibérie Orientale et l'Asie Centrale parlant les langues turques et se mêlent aux éléments des arts locaux et à ceux d'origine chinoise.

А. В. ДАВЫДОВА

К ВОПРОСУ О ХУННСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ БРОНЗАХ

Сибирским золотым и бронзовым пластинам с изображениями в «зверином стиле» посвящена обширная литература. И хотя они имеются во всех крупных музеях мира и в частных собраниях, как правило, происхождение их неизвестно.

Отсутствие документации приводило к длительным и неразрешимым спорам не только о датировке и этнической принадлежности этих вещей, но и об их назначении. Так, И. И. Толстой и Н. С. Кондаков считали такие пластины принадлежностью конского убора [1], М. И. Ростовцев, Г. Боровка, А. Сальмони — поясными пряжками [2], Н. Феттих — накладками на ножны мечей [3]. В работе С. И. Руденко, вышедшей в 1962 г., говорится: «...детальное ознакомление с этими парными пластинами привело... к заключению, что они не были украшением конского убора, не служили поясными пряжками, и тем более накладками на ножны мечей. Их... можно рассматривать только как застежки, а затем украшения верхней плечевой одежды» [4]. Не меньше разногласий существует и во всех остальных вопросах. Изучение стиля изображений этих пластин, а оно-то и было единственно указующей для специалистов нитью, позволило в общих чертах правильно выделить в сибирском «зверином стиле» более ранние, скифские, памятники и более поздние — гунно-сарматские. Но для дальнейшей работы над ними требовались хорошо документированные материалы, полученные археологами при научных раскопках.

Еще в 1900—1901 гг. Ю. Д. Талько-Грынцевичем на левом берегу р. Джиды, в 17—20 *км* от ее устья, около Дэрестуйских улусов был исследован могильник на песчаных выдувах [5].

Большая часть могил оказалась разрушенной и разграбленной, и тем не менее они дали интересный материал, послуживший для Ю. Д. Талько-Грынцевича, а затем и для Г. П. Сосновского основанием для выделения особого типа хуннских погребений, названного по имени могильника «дэрестуйским».

В могилах 7, 9, 10, 14, 21 и 22 Дэрестуйского могильника среди прочего погребального инвентаря было обнаружено в общей сложности 17 брон-

---

[1] И. И. Толстой и Н. С. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. 3. СПб., 1890.

[2] M. Rostovtzeff. The Animal Style South Russia and China. Princeton Monographs in Art and Archaeology, XIV, 1929; G. Borovka. Scythian art, London, 1928; A. Salmony. Sarmation Gold, Collected by Peter the Great. Gazette des Beaux-art, VI sér. XXXI—XL.

[3] N. Fettich. Zur chronologie der Sibirischen Goldfunde der Ermitage. ААН, II, 4, 1952.

[4] С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ, Д. 3—9, М.—Л., 1962, стр. 13.

[5] Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Тр. ТКО ПОРГО, III, 2 и 3, Иркутск, 1902, стр. 9—32; IV, 2, М., 1902, стр. 32—41; Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник. ПИДО, 1935, 1—2, стр. 168—176.

зовых и 1 золотой предмет с изображениями, выполненными в «зверином стиле»: 1) 4 бронзовые прямоугольные пластины с изображением дерущихся лошадей (могилы 8 и 10) [6]; 2) 2 бронзовые ажурные бляхи со сценой борьбы трех животных (могила 7) [7]; 3) золотая бляха неправильной формы с оттиснутой фигурой горного барана, на которого напал гриф (могила 21) [8]; 4) 2 бронзовые пряжки с изображением головы быка, с прямоугольными прорезями и шпеньком (могила 14); 5) 6 бронзовых бляшек-пуговиц с изображением головы горбоносого кошачьего хищника (могила 22)[9]; 6) 2 ажурных бронзовых круга (могила 10)[10].

Находка этих предметов в погребальных комплексах Дэрестуйского могильника имела большое значение для определения аналогичных пластин, находившихся в различных музейных собраниях и частных коллекциях. Так, прямоугольные пластины с изображением дерущихся лошадей имеются в коллекции Лоо [11] и в Гос. Эрмитаже среди случайных находок, сделанных в разное время в Минусинском крае [12]. Ажурные бронзовые бляхи со сценой борьбы травоядного, хищника и грифа есть и в коллекции Лоо [13]. Бронзовые пряжки с изображением головы быка также встречаются в ряде собраний [14].

Заслуживает внимания то, что пластины и пряжки не уникальны, а находят себе многие повторения. Стилистические особенности дэрестуйских находок позволяют выделить хуннский пласт среди многих сибирских художественных бронз, выполненных в «зверином стиле», и датировать их III — I вв. до н. э. География распространения этих предметов полностью соответствует той территории, над которой хунну установили в конце III в. до н. э. свой контроль — Забайкалье, Монголия, Ордос, Минусинская котловина, Тува [15].

Но при всей своей значимости дэрестуйские находки не смогли разрешить вопрос о назначении пластин. В полевых дневниках Ю. Д. Талько-Грынцевича относительно местоположения ажурных пластин со «звериными» изображениями отмечено, что в каждой могиле их было по две и они «...на внутренней поверхности длинных досок гроба, по середине, на месте почти соответствующем тазовым костям, оказались прибитыми...» [16].

Г. П. Сосновский счел это описание достаточным для интерпретации пластин в качестве украшений гроба. И тем не менее остальные исследователи не согласились с такой интерпретацией. Недаром, издавая книгу о хуннской культуре, С. И. Руденко писал о них, как о плечевых застежках [17].

В полевые сезоны 1963 и 1966 гг. в двух могилах Иволгинского могиль-

---

[6] Там же, стр. 174, рис. 6, *3*.
[7] Там же, стр. 174, рис. 6, *2*.
[8] Там же, стр. 173, рис. 5.
[9] Ю. Д. Талько-Грынцевич. Ук. соч. Тр. ТКО ПОРГО, IV, 2. М., 1902, стр. 40, табл. II.
[10] Ю. Д. Талько-Грынцевич. Ук. соч. Тр. ТКО ПОРГО, III, 2 и 3, табл. III.
[11] A. Salmony. Sino-Siberian Art., Paris, 1933, табл. XXVII, *1*.
[12] Гос. Эрмитаж, № 5531/1388 — обломок пластины из с. Шушенского Минусинского края и № 1126/215 — пластина из д. Означенной того же края.
[13] M. Rostovtzeff. The Animal Style in South Russia and China. Leipzig, 1929, табл. XXVI, *2*.
[14] А. В. Давыдова. Иволгинское городище. СА, XXV, 1956, стр. 288, рис. 19, *2*; G. Andersson. Hunting Magic in the Animal Style. BMFEA, 4, 1932, табл. XXIV, *2*.
[15] В Туве хуннские художественные бронзы обнаружены в последние годы работами Саяно-Тувинской археологической экспедиции, опубликована только часть этих материалов. Д. Г. Савинов. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве. КСИА АН СССР, 119, 1969, стр. 104—109.
[16] Ю. Д. Талько-Грынцевич. Ук. соч. Тр. ТКО ПОРГО, III, вып. 2 и 3, стр. 23.
[17] С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.—Л., 1962, стр. 13.

Рис. 1. Бронзовая пряжка из могилы 138

ника[18] (№ 100 и 138) были найдены бронзовые предметы, выполненные в «зверином стиле».

В ограбленной могиле 138 обнаружена пряжка подпрямоугольной формы, с двумя скругленными углами и с внутренним фигурным вырезом (в виде скобки) (рис. 1.). На верхней кромке, отделенной от изображения прямой линией, помещены четыре отверстия: два прямоугольных — по бокам, два круглых — в центре. Еще одно маленькое отверстие расположено в нижней части пряжки. Округлая часть ее занята изображением двух тигров. Лапы зверей изображены двумя рельефными линиями; шеи их сильно вывернуты: сильная мускулатура подчеркнута фигурными скобками на суставах и удлиненным вырезом; морды с высоко поднятыми ушами изображены обобщенно.

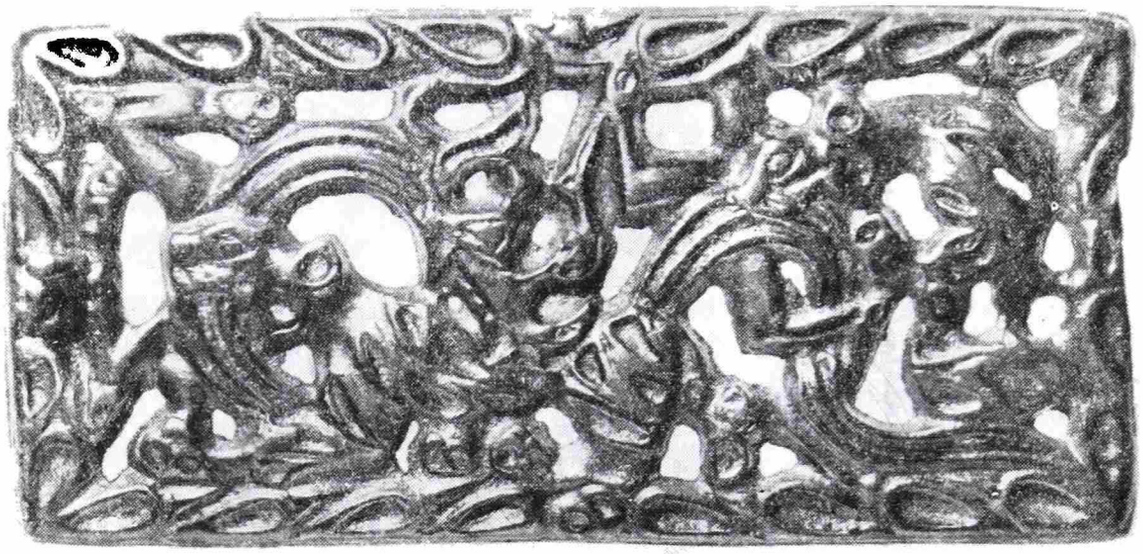
Между головами животных в верхней части пряжек рельефными линиями нанесено изображение, сюжет которого неясен. Центром его является ломаная линия с закругленными, но неравными по величине углами: боковые зигзаги небольшие, плавные, от центрального высокого выступа отходят две острые вершины. Вторая линия внизу мягко дублирует нижний край ломаной линии. Неясно, имеет ли данный сюжет чисто орнаментальное или смысловое значение. Не исключено, конечно, что ломаная линия может изображать линию гор, и тогда этот сюжет можно рассматривать как попытку изобразить горный пейзаж. Аналогии такому «пейзажу» нам неизвестны. На ноин-улинских пластинах с изображением быка, стоящего между двух сосен на вершине горы, пейзаж изображен иначе[19].

Форма найденной в могиле 138 пластины убеждает в том, что это лишь часть ее, о чем убедительно говорят отверстия по верхнему краю (прямоугольные отверстия имеют следы стертости). Способ прикрепления данной части к другой, утраченной, и форма целой пряжки — неясны. В изданном материале можно найти лишь некоторые черты сходства. Так, в коллекции Лоо имеется пластина — тоже, видимо, часть пряжки[20], на нижнем краю которой помещены два прямоугольных отверстия, расположенных аналогично отверстиям на нашей пряжке (с одной оговоркой;

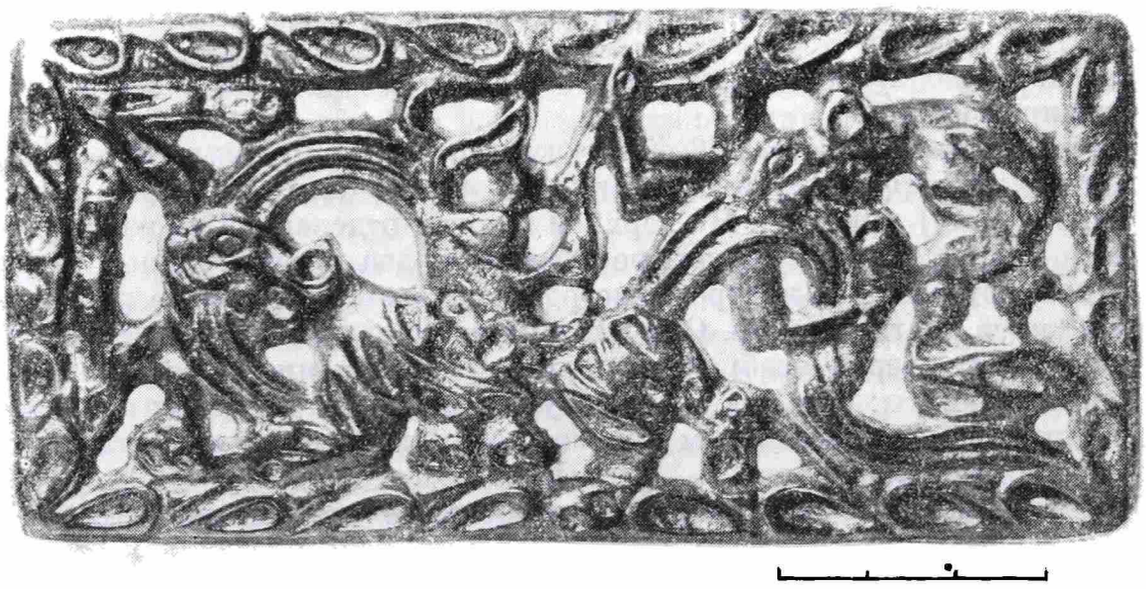
[18] Раскопки этого могильника, относящегося к одноименному городищу, начались в 1956 г.; в итоге нескольких полевых сезонов, проводившихся под руководством автора настоящей статьи, там исследовано 216 грунтовых могил.

[19] С. И. Руденко. Культура хуннов..., табл. XXXVI, XXXVII.

[20] A. Salmony. Sino-Siberian Art, табл. XXIV, 7.



1



2

Рис. 2. Бронзовые пряжки из могилы 100;
1 — пряжка со шпеньком, *2* — пряжка без шпенька

на пластине Лоо отверстия находятся в нижней части пряжки, на иволгинской — в верхней). Форма же пластины Лоо и стиль изображения отличны от нашей. Обе пластины сближает лишь их конструкция и характер прямоугольных отверстий для соединения с утраченной частью.

Вторая могила Иволгинского могильника — № 100, давшая две бронзовые пластины с изображением в «зверином стиле», избегла печальной участи первой, т. е. не была ограблена. На пластинах отражена сцена борьбы между двумя тиграми и драконом. Вся сцена заключена в прямоугольную рамку размером 12,0 × 6,1 *см,* образованную лепестками удлиненных ячеек (рис. 2). Центр композиции — извивающееся тело дракона, образующее два завитка. Дракон раскрыл пасть и вонзил зубы в спину тигра, который, в свою очередь, схватил клыками туловище дракона. Второй тигр, помещенный вдоль правой, короткой стороны пластинки, кусает дракона за хвост. Ноги у этого тигра отсутствуют; для них на пластине не хватило места. Полосатость шкуры тигров показана удлиненными ячеями, а извивающееся туловище дракона изображено тремя рельефными параллельными линиями.

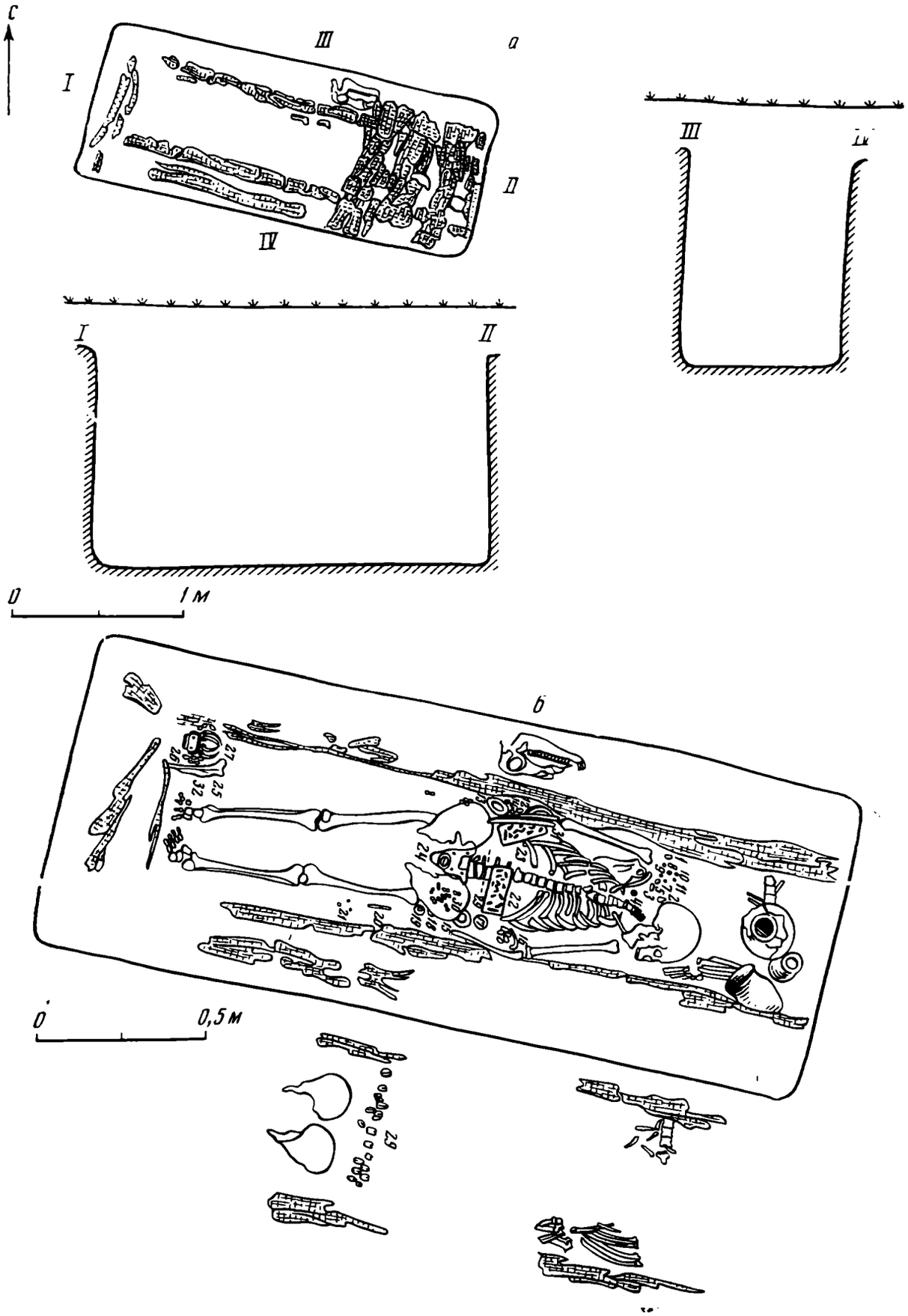


Рис. 3. Планы и разрезы могилы 100

а — план с остатками покрытия гробовища, *б* — план погребения с остатками стенок гробовища

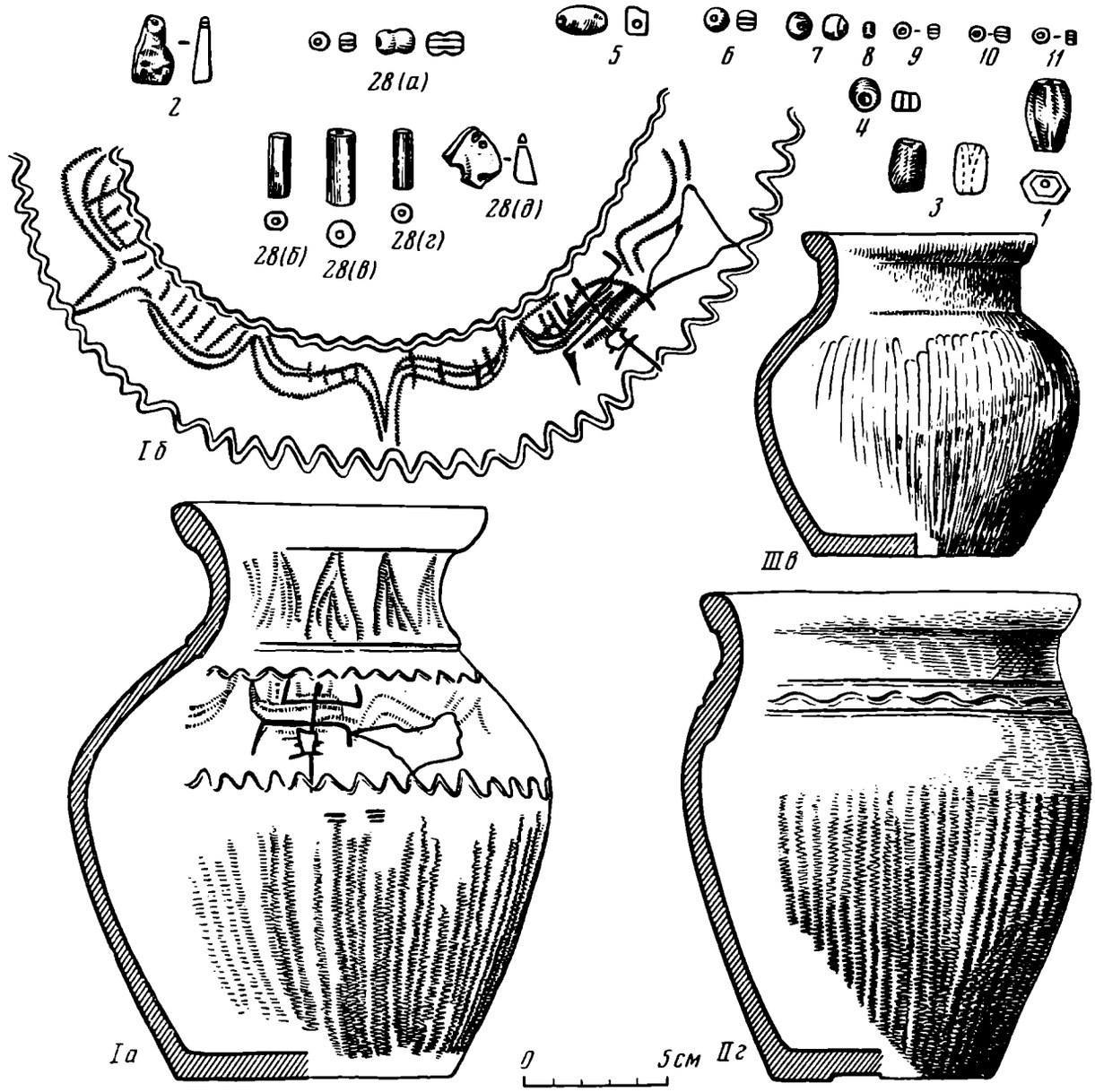


Рис. 4. Вещи из погребения 100, найденные у черепа погребенной

Iа, IIг, IIIв — глиняные сосуды; *2, 28(д)* — подвески из бирюзы; бусы: *1* — из флюорита, *3, 28 (б), (в, г)* — из гагата, *4* — из нефрита, *5* — из глинистого известняка, *6—11, 28 (а)* — из стекла

Находка этих интересных предметов, связанных с кругом хуннских художественных бронз, имеет тем бо́льшее значение, что она была сделана не только в непотревоженном погребении, в котором удалось проследить все детали погребального инвентаря, но и потому, что она связана по времени со всем Иволгинским комплексом — городищем и могильником.

Могила 100 — грунтовая яма, в плане прямоугольная, ориентирована на восток-юго-восток, размер 2,30 × 0,95 *м*, глубина — 1,65 *м* (рис. 3). На дне могильной ямы обнаружено деревянное гробовище размером 2,05 × × 0,55 *м*, сооруженное из толстых грубо подтесанных лесин, прикрытое сверху поперечными плахами (рис. 3, *а*). На крышке гробовища у середины северной стенки лежал череп барана. Внутри обнаружен скелет женщины 40—45 лет, лежавший на спине, с вытянутыми ногами, головой на восток-юго-восток. За черепом у восточной стенки гроба найдены три глиняных сосуда (рис. 4, *Iа, IIг, IIIв*) и кости барана. Погребенная имела богатый набор украшений на одежде и головном уборе, которые были расшиты подвесками из бирюзы, бусами из разных материалов — нефрита, флюорита, глинистого известняка, красной яшмы, гагата и стекла (рис. 5, 6). На поясе женщины лежали две бронзовые ажурные пряжки с

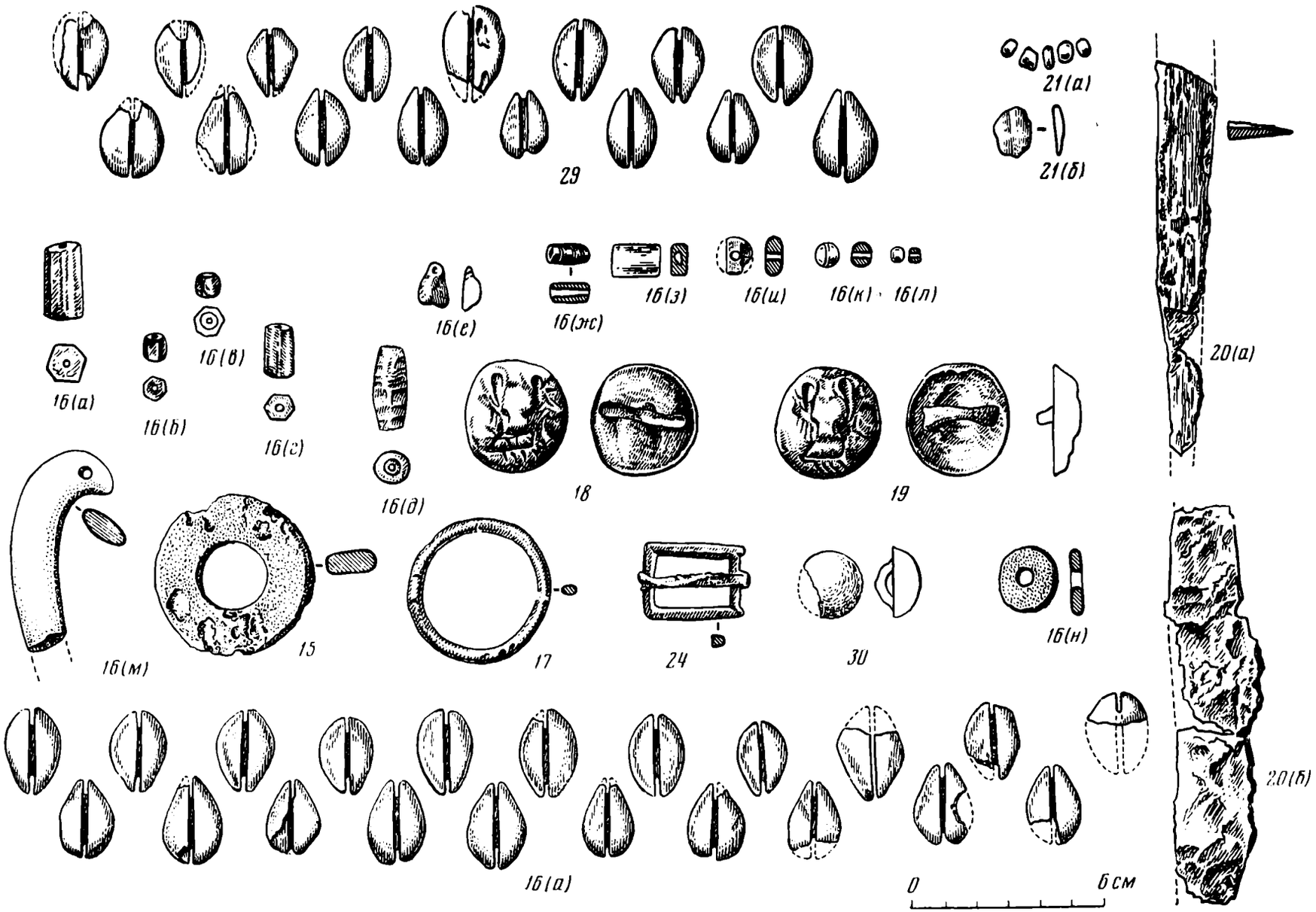


Рис. 5. Вещи из погребения 100

20 (*а* и *б*) — обломки железных ножей; *21*, *29*, *16* (*а*) — нашивки-имитации каури из глинистого известняка (*29* — найдены под скелетом на линии пояса, *16* — у кистей рук); *16* (*а* — *л*), *21* (*а*) — бусы, найденные у рук и у тазовых костей, *16* (*а*, *г*, *д*) — флюорит, *16* (*б*) — яшма, *16* (*в*) — сердолик, *16* (*е*) — подвеска из бирюзы, *16* (*ж*, *з*, *к*, *л*), *21* (*а*) — стекло, *16* (*и*, *л*, *о*) — гл. известняк, *16* (*м*) и *15* — коготевидная подвеска и кольцо из гл. известняка — найдены у левой локтевой кости, *17* — бронзовое кольцо — там же, *24* — бронзовая пряжка с железным язычком — найдена на крестце, *30* — железная пуговица — под тазовой костью

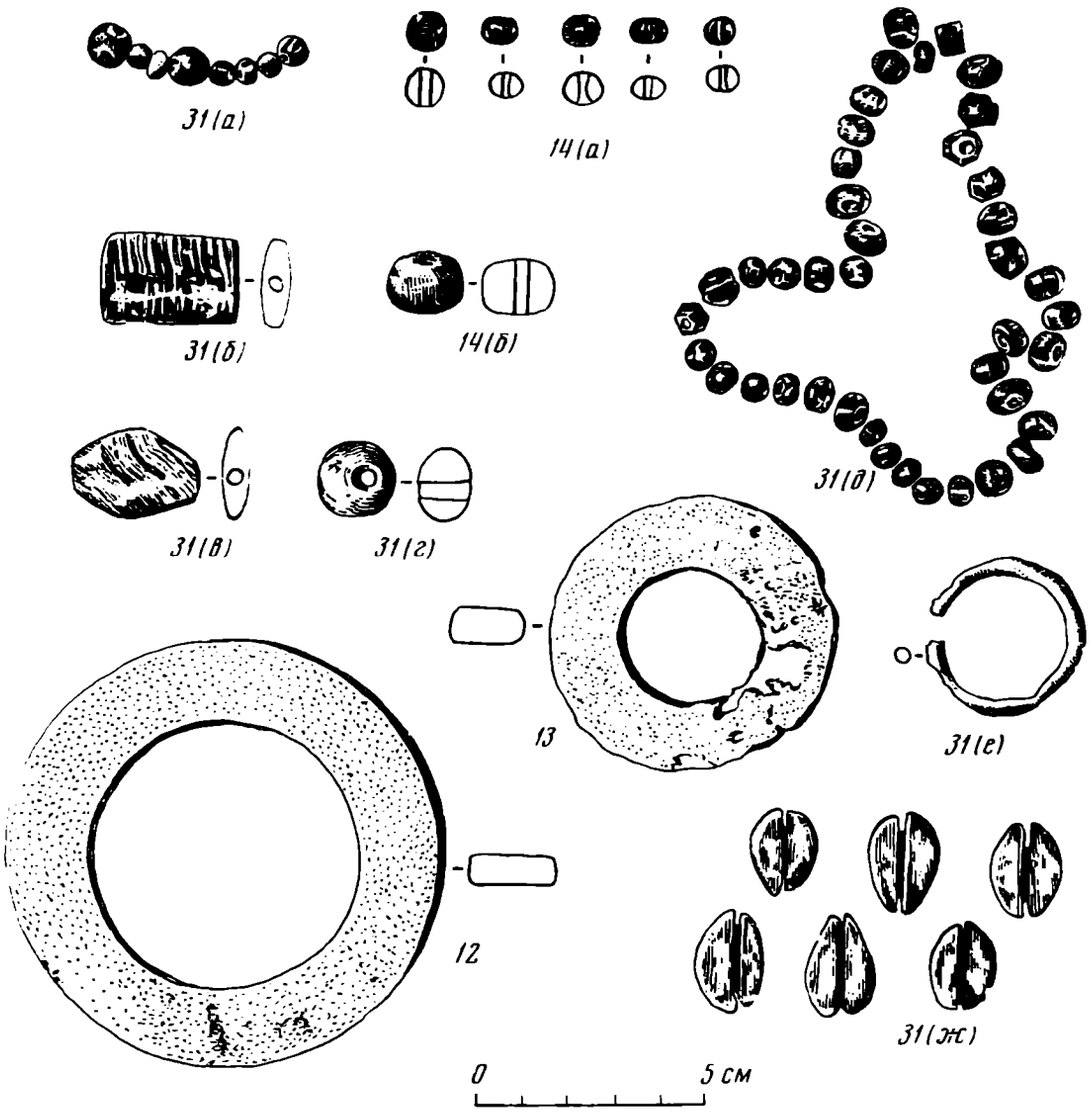


Рис. 6. Вещи из погребения 100, найденные у кистей рук

12, *13* — кольца из глинистого известняка; *31(е)* — обл. бронзового кольца; *31(ж)* — раковины каури — имитации из глинистого известняка; бусы — *31(д)*, *14(а)* — сердолик, *31(б)* и *(в)* — серпентин, *14(б)* и *31(г)* — гагат, *31(а)* — стекло, *14(б)*, *31(г)* — известняк

изображением борьбы двух тигров и дракона (рис. 7). Набор украшений из бус, когтевидных подвесок, каменных колец, нашивок-имитаций раковин каури сохранился у локтевых костей обеих рук (рис. 7, рис. 5, *6*). Под левой половиной тазовой кости рядом с ней найдены три пуговицы — одна железная (рис. 5, *30*) и две бронзовых с изображением медведя (рис. 5, *18*, *19*). На крестце лежала маленькая бронзовая четырехугольная пряжка с железным язычком (рис. 5, *24*).

Под скелетом, на линии пояса, обнаружены нашивки из глинистого известняка, лежавшие в два ряда, острыми концами они были обращены друг к другу, а лицевой стороной — к доскам гроба, это их положение не оставляет сомнения в их назначении как нашивок на одежду, видимо, на пояс.

В северо-западном углу гроба найден ряд предметов, положенных здесь как бы «про запас» — пять маленьких плиточек из глинистого сланца (рис. 8, *26 а—д*); из глинистого известняка — коромыслообразная подвеска (рис. 8, *27 о*), кольцо (рис. 8, *27 н*), три когтевидные подвески (рис. 8, 27 *в*, *и*, *л*), большая овальная бусина (рис. 8, *27 а*); когтевидные подвески — из халцедона (рис. 8, *27 к*) и из стенки речной раковины (рис. 8, *27 м*); подвеска из бирюзы (рис. 8, *27 б*), бусы из сердолика (рис. 8, *27 з*), четыре бусины из флюорита сиреневого тона (рис. 8, *27 г — ж*), а также железное шило (рис. 8, *32*) и орудие, изготов-

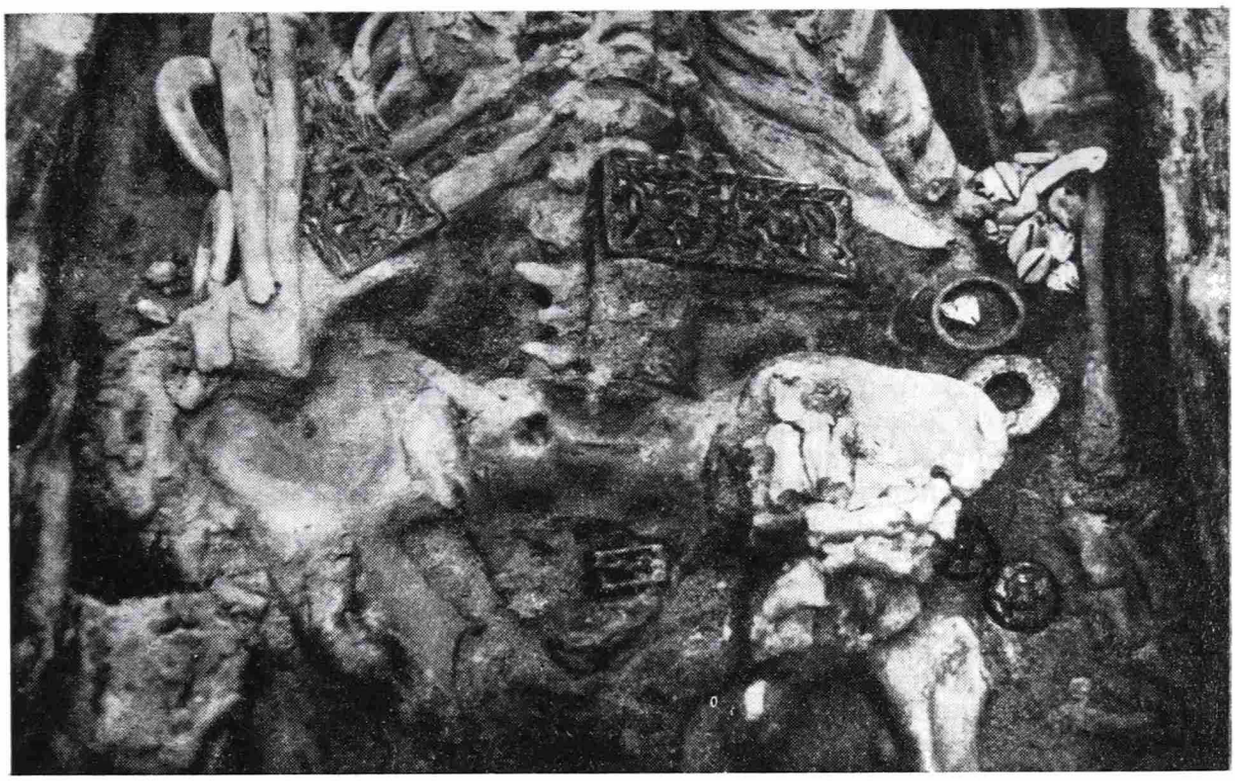


Рис. 7. Фото могилы 100, деталь

ленное из лопатки барана (рис. 8, *25*). Два железных ножа лежали у левой бедренной кости погребенной (рис. 5, *20 а — б*). Имеющиеся данные позволяют выделить в богато украшенной одежде женщины весьма существенную деталь — наличие двух поясов. Один пояс — на нижней одежде; он застегивался маленькой бронзовой пряжкой с железным язычком (рис. 7 и 5, *24*) и имел практическое назначение. Второй пояс был на верхней одежде типа шубы или толстого халата; вот этот-то пояс и украшали большие прямоугольные бронзовые пластины (рис. 2).

Многочисленные предметы, которые лежали у кистей рук и под тазовыми костями,— каменные кольца, когтевидные подвески, пуговицы, бусы, нашивки-имитации каури — все они, конечно, прикреплялись к этим двум поясам (полная реконструкция этих поясов должна стать темой особой работы). В данном случае нам хотелось бы обратить внимание на назначение и значение бронзовых пластин (рис. 2).

Их назначение ясно — они являются поясными пряжками, это неопровержимо доказывается их положением на скелете погребенной (рис. 7), и то, что одна из пластин (без шпенька) заходит одним краем под локтевую кость правой руки — вполне объяснимо: она сползала туда по мере того, как истлевала шуба или халат, на котором сверху лежал роскошный пояс с пластинами.

Вопрос о значении пластин — более сложный и может быть освещен, исходя из данных всего погребального инвентаря. Но следует также обратить внимание и на способ прикрепления пластин к основе-поясу. Сама эта основа не сохранилась и мы можем только предполагать, что она могла быть толстой кожей, может быть с прослойкой из ткани [21].

Поскольку на наших пластинах-пряжках нет скобок с обратной стороны, то, видимо, они прикреплялись к ремню-основе за прорези, имеющиеся в ажурном узоре рисунка. Соединение концов пояса, украшенных

---

[21] Прикрепление пластин сначала на тонкую деревянную дощечку, как прослежено в могиле 2 кургана 1 могильника Урбюн III в Центральной Туве, объясняется сильной изношенностью урбюнской пластины. Д. Г. Савинов. Погребение с бронзовой бляхой..., стр. 106.

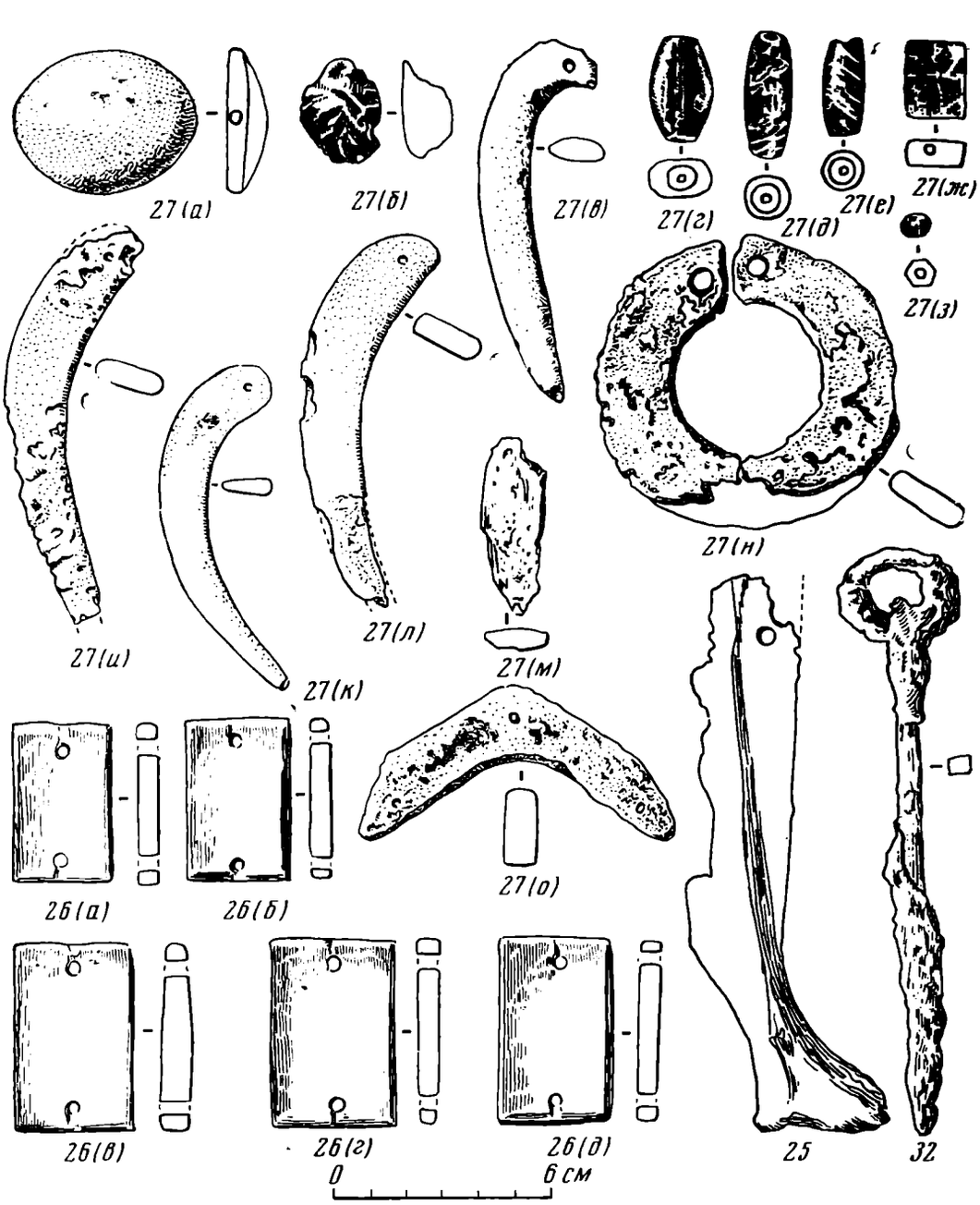


Рис. 8. Вещи, найденные в северо-западном углу могилы 100

27(а), *27(г — з)* — бусы, *27(б)* — подвеска, *27 (в)*, *(и — м)* — когтевидные подвески, *27(н)* — кольцо, *27(о)* — коромыслообразная подвеска, *26(а — д)* — плиточки из глинистого сланца, *25* — орудие из лопатки барана, *32* — железное шило, *27(а)*, *27(в, и, л)* — *27(о)* — глинистый известняк, *27(к)* — халцедон, *27(м)* — стенка речной раковины, *26(б)* — бирюза, *27(г — ж)* — флюорит, *27(з)* — сердолик

такими пластинами, осуществлялось, видимо, прикрепленной к концу левой пластины ременной петлей, которая накидывалась на шпенек правой пластины. Непосредственное соединение пластин через шпенек представить невозможно, так как на левой пластине нет соответствующего углубления для шпенька правой пластины.

Если принять это положение, то значение пластин будет состоять не только в том, чтобы служить пряжкой. Подобная пластина-пряжка была связана с особым положением погребенного в обществе, она была как бы специальным знаком этого положения. Видимо, сейчас мы не в состоянии определить содержание этого «особого» положения — оно могло быть связано или с социальным отличием, или с особой ролью в культе, или с принадлежностью к определенному роду. Дело будущего избрать эти или другие предположения, одно из них или целый их комплекс. Сейчас же можно сказать лишь одно: погребенная из могилы 100 Иволгинского могильника занимала какое-то особое положение в обществе, и признаком, указывающим на это, был ее пояс с бронзовыми пластинами. Наличие же

пластин с повторяющимися изображениями говорит о том, что была группа лиц, объединенных этим общим признаком: их узнавали именно по этому знаку. В самом деле, пластин, аналогичных иволгинским — с изображением двух тигров и дракона [22], известно несколько: одна находится в коллекции Лоо [23], обломок такой же пластины куплен в 1894 г. А. Б. Адриановым в Минусинском округе бывшей Енисейской губернии, ныне хранится в Гос. Эрмитаже [24].

Та же тенденция к повторению сюжетов была уже нами отмечена при перечислении аналогий дэрестуйским пластинам, наблюдается она и с другими сценами [25]. Видимо, круг этих аналогий значительно увеличится, если учесть все имеющиеся сейчас в изданиях и музеях материалы, но и из приведенного далеко не полного перечня ясно, что изображения на пластинах достаточно часто повторялись. И их, с нашей точки зрения, нельзя считать полюбившимися мотивами, которые использовались просто для украшения не менее популярного предмета одежды. Это знак для обозначения людей одного и того же ранга.

Подобная попытка объяснения пластин как особых эмблем была уже предпринята Андерсоном в 1932 г. По его мнению, евразийские бронзовые и золотые предметы с изображениями в «зверином стиле» служили клановыми и тотемными эмблемами [26]. К такому выводу он пришел на основании мнения об исключительном значении охоты в жизни кочевников. Попытка Андерсона представляется интересной и заслуживающей внимания. С ней можно было бы согласиться, если бы мы все еще продолжали пользоваться только случайными находками. Но те могилы Дэрестуйского и Иволгинского могильников, в которых найдены бронзовые пластины-пряжки, оказались женскими. Это обстоятельство, не снимая интерпретации пластин как особых эмблем, видимо, изменяет вопрос о содержании эмблем, оставляя его пока открытым. Столь же очевидно, что положение женщины в обществе хунну придется в свете этих находок пересмотреть, хотя ряд авторов уже отмечал, что несмотря на наличие патриархальной семьи, положение женщины у хунну не было приниженным.

Вернемся к погребальному инвентарю могилы 100 Иволгинского могильника. Особое положение погребенной может быть подтверждено также и тем, что на крышке гробовища была положена голова барана. Ее нельзя рассматривать как заупокойную пищу. Как показывают данные других могил Иволгинского могильника, еда — мясные части туш барана и еда растительного происхождения в глиняных сосудах — ставилась рядом с головой умершего, и в могиле 100 этот обычай также соблюден: пища положена на своем обычном месте — за головой погребенной. Здесь обна-

---

[22] С. И. Руденко, правда, считает существо на пластине не драконом, а змеей с головой волка. S. J. Roudenko. The Mythological Eagle, the Gryphon, the Wingen Lion and the Wolf in the Art Northern Nomads. «Artibus Asiae», XXI, *2*, 1958, стр. 119—121, рис. 10.

[23] A. Salmony. Sino-Siberian Art, табл. XXII, *3*.

[24] Гос. Эрмитаж, № 1126/216.

[25] 8 пластин с вписанными в рамку ломаными линиями (A. Salmony, Sino-Siberian Art, табл. XXIX, *6*; Гос. Эрмитаж, инв. № 5531/1387 и 1126/214; Н. В. Нащекин. Косогольский клад. сб. «Археологические открытия 1966 года», М., 1967, стр. 164; Martin. L'âge du bronze au musée de Minoussinsk. Stockholm, 1893, табл. 30, *16*, *18*, *20*); 7 пластин с изображениями двух быков, наклонивших головы (A. Salmony. Sino-Siberian Art, табл. XXVI, *3*; Гос. Эрмитаж, инв. № 5531/1390 и 1126/212; Н. В. Нащекин, Косогольский клад, стр. 164); 9 пластин с изображением извивающихся змей (Гос. Эрмитаж, № 5531/1389; Н. В. Нащекин. Косогольский клад, стр. 164; Г. П. Сосновский, Нижне-Иволгинское городище. ПИДО, 7—8, 1934, стр. 155; Martin. L'âge du bronze au musée de Minoussinsk, табл. 30, *17*, *19)*; 5 пластин с изображением пасущихся лошадей (A. Salmony. Sino-Siberian Art, табл. XXV, 6; Гос. Эрмитаж, инв. № 5531/1550 и 1126; Лондон, коллекция G. Eumorphopoulos'a, по M. Rostovtzeff. The Animal Style in South Russia and China, табл. XXVIII, *5*; K. Jettmar. Art of the Steppes. London, 1967, стр. 79, табл. 13, *1*).

[26] G. Andersson. Hunting magic in the animal Style, стр. 315.

ружено три глиняных сосуда, а также ребра и позвонки барана. Голова же барана положена на крышку гробовища, т. е. там, где еду мертвому не клали. Кроме того, голова — это опять-таки символ, знак, отмечающий особое положение погребенной.

Характерно, что и в других хуннских могилах, где найдены пластины с изображениями в «зверином стиле», также были положены не мясные части животного — в могиле 9 Дэрестуйского могильника обнаружено четыре черепа баранов и четыре черепа куланов. Материал, которым мы располагаем, еще слишком мал, всего лишь четыре потревоженных могилы Дэрестуйского могильника, раскопанных еще в начале века, и две могилы Иволгинского могильника, из которых одна грабленая. Тем не менее предварительные заключения о значении пластин-пряжек как знаков, отражавших какую-то особую роль умершего в обществе [27], представляется необходимым сделать сейчас, так как полноценные документированные данные накапливаются чрезвычайно медленно.

Погребальный инвентарь Иволгинского могильника, подчиняясь в общих чертах определенной культовой практике, тем не менее далеко не одинаков для всех могил и достаточно красноречиво отражает имущественное расслоение жителей Иволгинского городища. Что касается упомянутых выше могил, где обнаружены бронзовые пластины-пряжки, то они, безусловно, относятся к разряду богатых. Это сказывается в большем, чем в других могилах, количестве мясной пищи, глиняных сосудов и украшений, среди которых немалый процент дорогих привозных изделий из бирюзы, стекла, раковин каури [28].

Таким образом, бронзовые пластины-пряжки со «звериными» изображениями связаны с материальным достатком погребенного, и если все-таки их находят отнюдь не в каждом богатом погребении, то это объясняется тем, что их главное назначение — служить не отражением богатства погребенного, а выражать какую-то другую идею, связанную с особым положением их владельца.

Дата найденных в Иволгинском могильнике пластин-пряжек прежде всего определяется их принадлежностью к Иволгинскому комплексу, который датируется всей суммой археологических находок — концом III в. до н. э. — началом нашей эры [29].

Необходимо отметить следы потертости в центре коротких сторон пластин, что говорит об их длительном использовании. На плохое качество формы, в которой производилась отливка пластин, указывают нечеткость и сглаженность некоторых деталей изображения, так, зубы в пастях дракона и одного из тигров только намечены, тогда как на аналогичной пластине из коллекции Лоо зубы отлиты четко [30].

Есть и еще одна особенность у наших пластин. Пластины-пряжки более раннего времени обычно парные [31], причем каждую пару объединяет идентичность формы и сюжета изображения. Иволгинские пластины тоже парные, и их также объединяет и одинаковая форма и один и тот же мотив изображения. Но пара пластин Сибирской коллекции Петра I образует композицию, состоящую из пары зеркальных изображений, центром которой является место соединения обеих пластин. Иволгинские же пластины абсолютно идентичны друг другу, так что при их соединении получаются две одинаковые сцены, следующие одна за другой. Подобное

---

[27] Интересно, что такое же предположение высказал и Д. Г. Савинов, издавший бляшку из Центральной Тувы. Д. Г. Савинов. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве, стр. 107.

[28] Для сравнения — в могиле 100 Иволгинского могильника только бусин обнаружено 102 штуки, тогда как в бедной могиле 102 — того же могильника — всего одна бусина.

[29] A. I. Davydova. The Ivolga Gorodische. AAH, 20, Budapest, 1968, стр. 24.

[30] A. Salmony. Sino-Siberian Art, табл. XXII.

[31] С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I, табл. VI, *3*, *4*; VII, *1*, *7*; VIII, *3—8*; IX, *1—2*; XII, *4—5*.

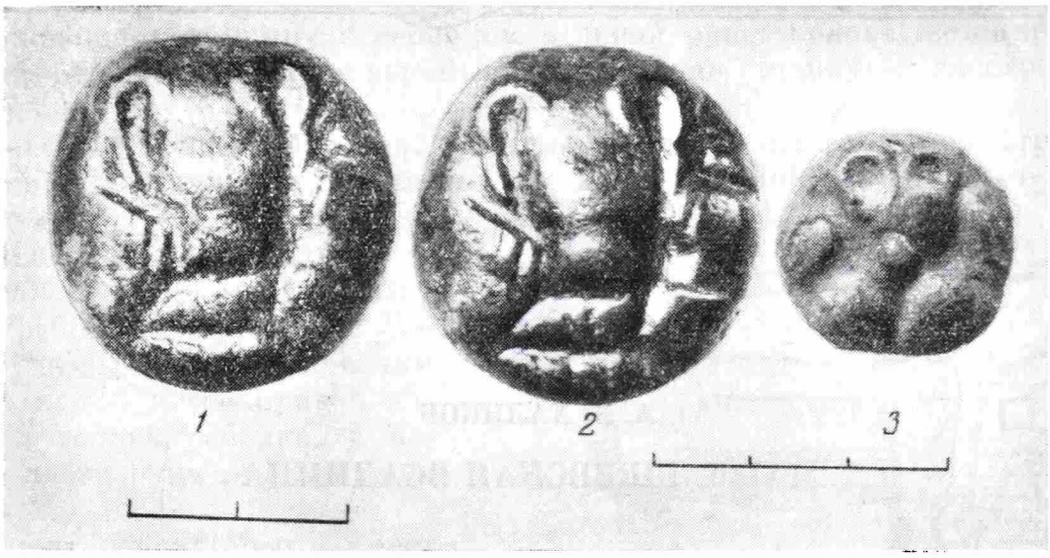


Рис. 9. Бронзовые пуговицы

1, 2 — из могилы 100, *3* — из могилы 138

механическое усвоение оригинала свидетельствует прежде всего о более позднем времени существования иволгинских пластин.

В манере изображения на пряжках из могил Иволгинского могильника — 100 (рис. 2) и 138 (рис. 1) — существует некоторое различие. На всех пряжках изображены тигры, но на пластинах из могилы 100 их туловища покрыты удлиненными ячеями, которые в бóльшей степени отражают полосатость шкуры, чем фигурные вырезы на пряжке могилы 138, к тому же в первом случае изображения более реалистичны.

То же самое можно сказать и про изображение медведя на бронзовых пуговицах, найденных в тех же могилах (рис. 9). Мотив свернувшегося медведя с выставленными вперед лапами — чисто местный сибирский. Стиль же этого изображения претерпевал определенные изменения во времени. Изображения из могилы 100 дано более четко, здесь видно и крутолобую голову зверя, и когти на лапах. Аналогичный мотив на пуговице из могилы 138 дан более обобщенно, обращенные вперед лапы показаны в виде бугорков со слабой проработкой деталей. Больший схематизм говорит, видимо, за более позднюю дату.

Таким образом, разница во времени между 100 и 138 могилами есть, хотя и трудно, видимо, сейчас определить, сколь она велика. И если их общая дата определяется датой Иволгинского комплекса как концом III в. до н. э. — началом нашей эры, то имеющиеся сейчас представления о стилистических особенностях изображений позволяют отнести их ко II в. до н. э., а указанная выше разница между пластинами дает возможность пряжки из могилы 100 считать более ранними, чем находки из могилы 138.

A. V. Davydova

A PROPOS DES BRONZES ARTISTIQUES DE LA CULTURE DES HUNS

Résumé

L'article est consacré à la publication des plaques-boucles en bronze dont l'ornementation est du style dit fauve, trouvées dans les tombeaux de la sépulture d'Ivolghino (RSS de Bouriatie, culture des Huns).

La trouvaille des plaques in situ permet de les classer comme boucles de ceinture que l'on portait sur un vêtement de dessus (genre de surtout épais piqué ou de pelisse). L'auteur attire l'attention sur les thèmes représentés sur les plaques boucles qui, à son avis, permettent de considérer ces objets comme des indices désignant la situation particulière du défunt dans la société. Dans ces tombeaux il a été trouvé aussi des crânes et des cornes d'animaux de pouillés de leur chair. Ce qui indique également la situation particulière des personnes ensevelies. Les plaques-boucles de la sépulture d'Ivolghino sont datées du IIe siècle avant notre ère.

А. Х. ХАЛИКОВ

МАКЛАШЕЕВСКАЯ ВСАДНИЦА

Для средневековой истории народов Среднего Поволжья и Приуралья особое значение имеет вопрос о времени и характере появления здесь тюркоязычных племен, т. е. вопрос, теснейшим образом связанный с проблемой этногенеза тюркоязычных народов этой части Восточной Европы. Поэтому каждая находка, имеющая непосредственное отношение к древ-

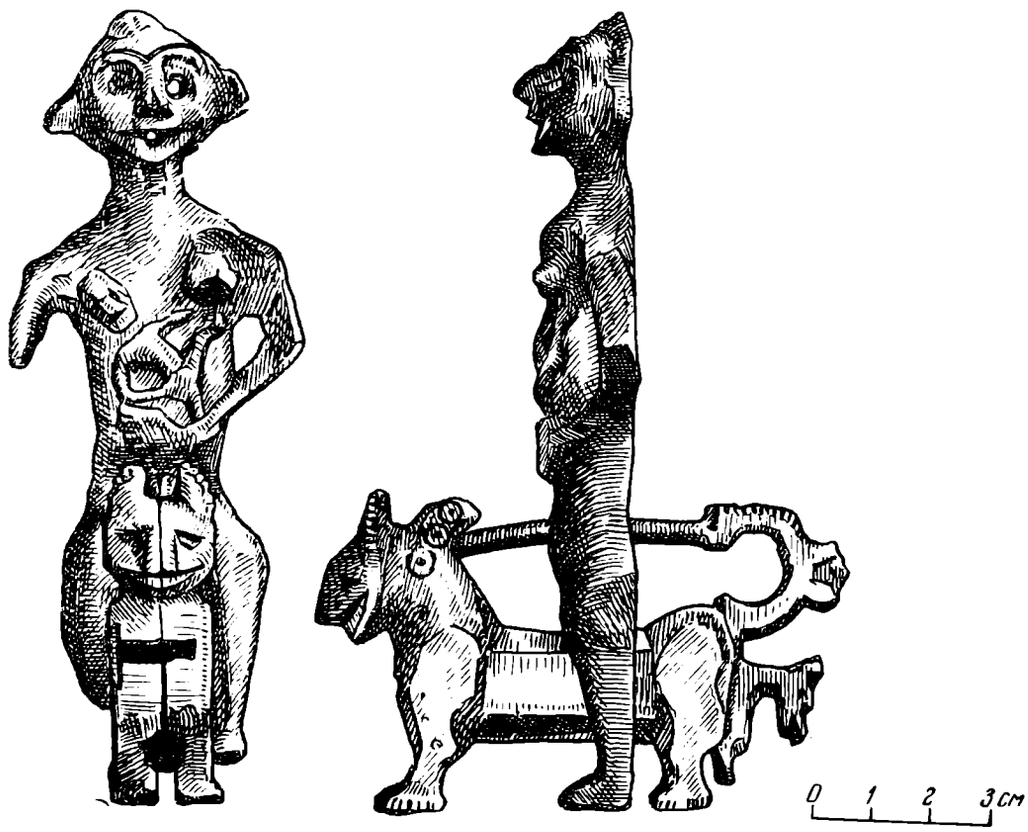


Рис. 1. Маклашеевская всадница. Бронза

ней культуре тюркоязычных племен, вызывает значительный интерес, тем более, что их не так уж и много.

Летом 1966 г. в Куйбышевском районе ТАССР, у бывшей д. Маклашеевки, в размыве мыса, занятого II Маклашеевским городищем именьковской культуры, была обнаружена бронзовая женская статуэтка. Не исключено, что она выпала из культурного слоя городища, самые поздние отложения которого датируются по находкам раннебулгарской сероглиняной керамики тарханского типа и железному трехлопастному наконечнику стрелы VII—VIII вв. [1].

[1] П. Н. Старостин. Памятники именьковской культуры. САИ, Д1—32, М., 1967, стр. 29.

Статуэтка отлита из бронзы. Основная ее часть — полая фигурка, изображающая женщину с ребенком в левой руке. Голова женщины конически сужается вверх, вероятно, изображая шапку с заостренным верхом.

У статуэтки длинная шея, покатые плечи и относительно стройное туловище. Нижняя часть правой руки, опущенной вниз, отсутствует. Так же испорчена и правая нога. Левая рука, согнутая в локтевом суставе, прижата вместе с ребенком к животу. Левая грудь выдается коническим бугорком. На месте правой находится голова ребенка, у которого левая рука также изуродована.

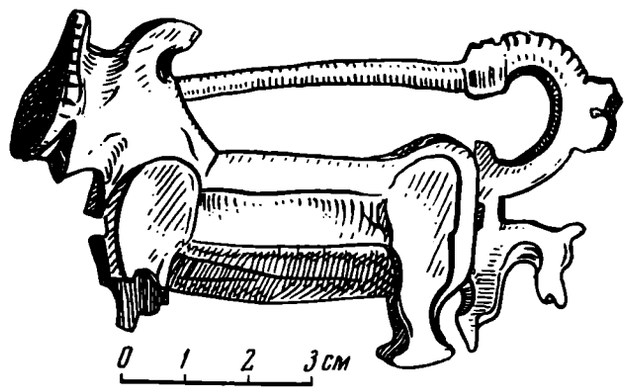


Рис. 2. Бронзовый замок из Билярска

Пупок женщины имеет сквозное отверстие, в которое продета дужка фигурного замка. Ноги изогнуты, как при посадке верхом. В промежности треугольный вырез. Задняя сторона фигуры полая, имеет довольно ровные края, но с литейными наплывами в некоторых местах. Вероятно, существовала и другая половина фигурки.

Вторая часть маклашеевской всадницы — бронзовый замок, на котором сидит верхом женщина. Замок объемный, в виде фигурки рогатого барса, состоит из двух сомкнутых, но не скрепленных наглухо половинок. Основная часть замка изображает фигуру фантастического животного с длинным туловищем, короткими, но подчеркнуто мускулистыми ногами, с широкими, округлой формы лапами, обрамленными по краю насечками. Округлая голова животного завершается широкой пастью. Сзади при переходе к шее — изогнутый выступ, очевидно, имитирующий уши. На них сбоку местами сохранились следы циркульного орнамента.

В передней части туловища имеется Т-образный разрез, служивший отверстием для ключа. Механизм замка состоял из железного пластинчатого запора, скрепленного с одним концом сложной дужки.

Происхождение замка не вызывает сомнения. Абсолютные аналоги ему известны из Биляра — столицы Волжской Булгарии домонгольского периода, где их насчитывается до десятка[2]. Один из них (рис. 2) был, очевидно, отлит в той же форме, что и маклашеевский. Н. Ф. Калинин[3] и А. П. Смирнов[4] считают, что эти замки выполнены в виде фигурок баранов. А. П. Смирнов полагает также, что прообразом для них послужили херсонесские замки IX—X вв.[5] Следует заметить, что последние отличаются от билярских более высокой фигурой и иными очертаниями морды[6]. Они скорее изображают лошадей, как и более поздние булгарские замки золотоордынского времени, изготовлявшиеся в Булгаре. Билярские же замки, на мой взгляд, изображают не баранов, а каких-то хищных животных: фантастических рогатых барсов или других хищников кошачьей породы. Об этом говорят форма их туловища, четко выраженная мускулатура короткопалых лап и особенно округлое очертание

---

[2] Коллекции ГМТР, 5427—130, 134, 136, 137, 176; С. Z.— 3744; ГИМ — 34861.

[3] Н. Ф. Калинин. Булгарское искусство в металле. Казань, 1945.

[4] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 118.

[5] Там же, стр. 118.

[6] ОАК за 1891 г., стр. 4, рис. 1. Н. Третесский. О древних херсонесских замках и ключах. ИАК, 42, СПб, 1911, стр. 131—132. В раскопках Н. В. Пятышевой 1960 г. в Херсонесе найден замок в виде фигурки лошади, но с оформлением задней части дужки, как у билярского замка. Херсонесский замок, датируемый Н. В. Пятышевой XIV в., более поздний, чем билярско-маклашеевские. Пользуюсь случаем принести благодарность Н. В. Пятышевой за консультацию.

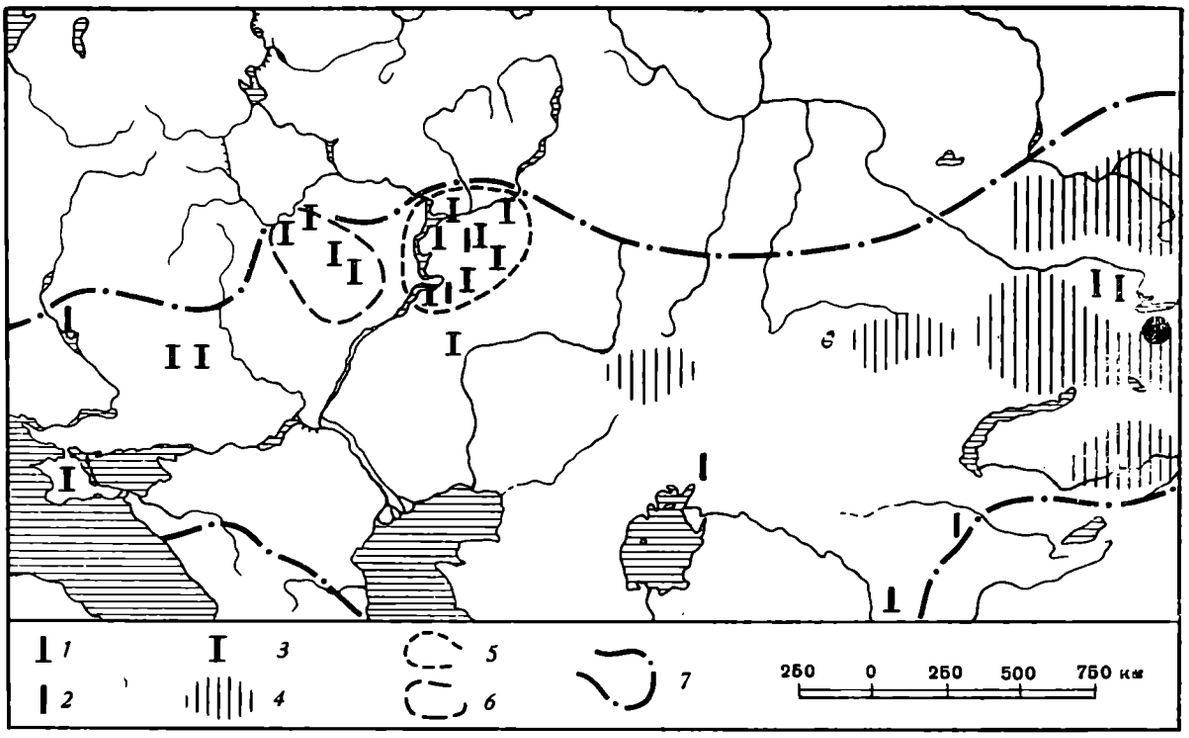


Рис. 3. Схема распространения бронзовых статуэток «уродцев»

1 — статуэтки «всадников»; *2* — статуэтки «уродцев»-мужчин; *3* — статуэтки многоликих «уродцев»; *4* — распространение сибирских тюркских каменных статуй (по Я. А. Шер); *5* — пределы Булгарии в X в.; *6* — пределы Бургасии в X в.; *7* — территориальный ареал древнетюркских племен в IX—X вв.

морды с широкой пастью, очень близкое очертанию морды рогатых кошачьих головок из третьего Пазырыкского кургана на Алтае. Как считает С. И. Руденко, «изображений кошек или барсов из горноалтайских курганов очень много, и они чрезвычайно разнообразны... Почти во всех изображениях голов кошек подчеркнуты огромные размеры алчной, клыкастой пасти со ртом, доходящих почти до ушей»[7]. Видимо, имитацией пятнистой шкуры является и нанесенный на поверхности некоторых фигурок циркульный орнамент (рис. 1, 2).

Итак, перед нами достаточно оригинальное произведение раннебулгарских мастеров домонгольского времени — фигура изуродованной женщины с ребенком, сидящей верхом на фантастическом хищнике, скорее всего рогатом барсе. Если замки в виде фигурки барса в массовом виде производились в Биляре[8], то бронзовые человеческие фигурки с изуродованными частями тела под названием «уродцев» или «уродливых медных статуэток» в свое время были учтены А. Ф. Лихачевым[9] и А. А. Спицыным[10]. Позднее к ним обратился в одной из своих статей А. Л. Монгайт[11], а недавно — Л. М. Рутковская[12]. Почти все эти исследователи связывают нахождение подобных статуэток с распространением тюркоязычных племен. Действительно, как мы увидим ниже, места нахождения уродливых фигурок локализуются в землях, которые и по другим данным были заселены раннетюркскими племенами (рис. 3).

---

[7] С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, стр. 280—282.

[8] Очевидно, не позже XI—XII вв. Близкого типа замки в последние годы найдены в Московском кремле (Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. Археологические работы в Московском кремле. СА, 1963, 1, стр. 270, 271) и Новгороде (1954 г.) в слоях XI—XII вв.

[9] А. Ф. Лихачев Бытовые памятники Волжской Болгарии. СПб., 1876, стр. 18, 46 сл.

[10] А. А. Спицын. Уродливые медные статуэтки. ИАК, 29. СПб., 1909, стр. 142—152; его же. Несколько статуэток. ИАК, 53, СПб., 1914.

[11] А. Л. Монгайт. Бронзовая статуэтка из Старой Рязани. КСИИМК, XLI, 1951, стр. 130—133.

[12] Л. М. Рутковская. Бронзовая статуэтка из Беговата. СА, 1968, 1.

Показательно, что в Европейский части СССР подобные находки в основном локализованы лишь в двух районах — в лесостепной полосе Среднего Поволжья и Прикамья (13 находок) и в бассейне р. Донца [13]. Единичные находки известны у Киева [14] и в Крыму (Херсонес) [15]. В Азиатской части СССР две находки встречены на Алтае [16], по одной — в Западном и Восточном Казахстане [17] и Южном Узбекистане (Беговат) [18]. Как мы видим, большинство находок подобного рода дает область Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья.

Несмотря на значительную разбросанность и разнообразие форм, все эти находки объединяет ряд общих черт, отображающих, по удачному выражению Л. И. Ремпеля, «образы безруких или безногих героев —осколок каких-то забытых или полузабытых легенд древнетюркского, видимо, происхождения» [19].

Какие же это черты? В первую очередь, насильственное уродство: отсутствие некоторых членов человеческого тела. Во-вторых, большинство фигурок связаны с изображением ребенка, актом рождения или беременностью. В-третьих, в ряде случаев фигурки, судя по характерной позе раздвинутых ног, очевидно, сидели на каких-то животных. Объединяет их также и техника исполнения (медное или бронзовое литье из двух частей) и характерная устойчивая иконография.

Следы уродства имеются на многих подобных статуэтках. Так, правый глаз и часть правой руки отсутствуют у пяти абсолютно аналогичных друг другу фигурок из Билярска (Балынгуз) [20], Самарского уезда [21], Пермского [22], Узбекского исторического [23] и Джамбульского [24] музеев (рис. 4). Все они изображают одноглазого и однорукого мужчину с конической шлемовидной головой, приоткрытым ртом, моделировка которого близка к очертаниям рта маклашеевской фигурки. На груди их имеются пробитые насквозь отверстия, левая нога у большинства отсутствует, правая (короткая) нога цела (кроме статуэтки из Самарского уезда). Л. М. Рутковская считает, что фигурки этого типа «не связаны с кругом тюркского искусства, а скорее иранского и более раннего времени» [25]. Находки большинства абсолютно подобных друг другу статуэток со шлемовидными головами в районах,

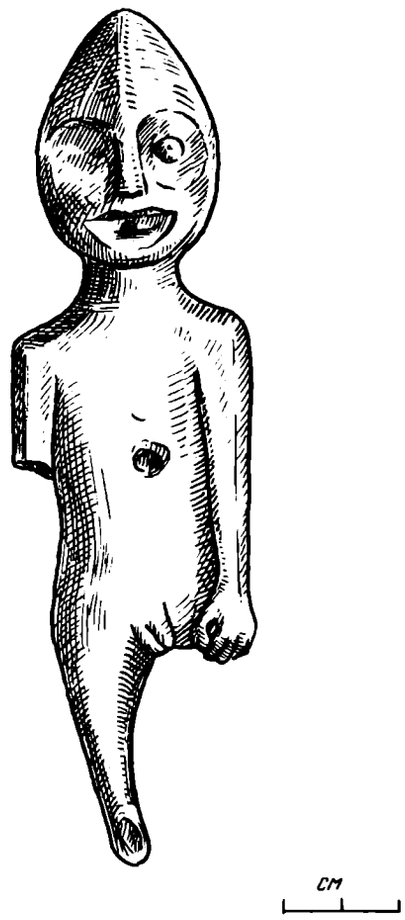


Рис. 4. Бронзовая статуэтка из урочища «Балынгуз» у с. Билярска Татарской АССР

[13] А. Федоровский. Две бронзовые статуэтки Харьковского археологического музея. «Наука на Украине», 1922, 4, Харьков, стр. 286—297. Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 326.

[14] Д. Я. Телегин. Бронзовый идол, найденный на Труханове острове в Киеве. Сб. «Археологические открытия 1966 года», М., 1967, стр. 250—252.

[15] А. А. Спицын. Уродливые медные статуэтки, стр. 147.

[16] Там же.

[17] Л. М. Рутковская. Ук. соч.

[18] Там же.

[19] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана. М., 1965, стр. 155.

[20] А. А. Спицын. Уродливые медные статуэтки, рис. 11.

[21] Там же, рис. 10.

[22] Там же, рис. 146.

[23] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Ук. соч., стр. 155, рис. 137.

[24] Там же, стр. 155.

[25] Л. М. Рутковская. Ук. соч., стр. 259.

связанных с тюркским этносом (Среднее Поволжье и Прикамье, Западный и Восточный Казахстан), а также близость их по сюжету к остальным «тюркским» статуэткам заставляют считать ошибочным мнение Л. М. Рутковской и полагать, что данная группа статуэток относится к тому же древнетюркскому кругу. Эти статуэтки сближаются с маклашеевской не только общими чертами уродства, но и техникой исполнения. Все они представляют часть полых фигур; близки разрезы полуовального рта, имеющего в центре сквозное отверстие; близки очертания коротких ног, завершенных прямой ступней. Поэтому эти находки следует рассматривать не только как близкие по семантике и технике, но и по времени. Об этом же говорит и находка одной из таких фигурок на Балынгузе у Биляра.

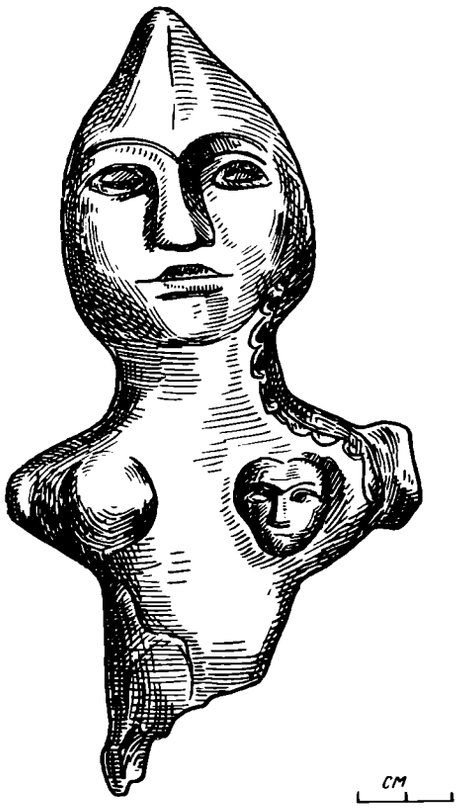


Рис. 5. Бронзовая статуэтка из д. Грязнуха Сердобского района Пензенской области

Следующая группа находок сближается с маклашеевской изображением женщины, на груди которой виднеется лицо ребенка. К числу таких можно отнести обломок половины статуэтки из д. Грязнуха Сердобского района Пензенской области [26], изображающей женщину с заостренной головой, двумя выпуклыми грудями, из которых на левой имеется изображение детского лица (рис. 5). Руки отсутствуют. Нижняя часть статуэтки обломана.

А. А. Спицын предполагал, что это половинка фигуры, изображающей гермафродита [27]. Возможно, что это и так, ибо в ряде мест Среднего Поволжья найдены целые статуэтки, одна сторона которых изображает мужчину, а другая — женщину. Наиболее хорошо сохранившейся и выраженной в этом отношении является крупная медная статуэтка (длиной в 25 *см*) из Рязанской области (рис. 6), достаточно подробно описанная А. А. Спицыным [28]. Близкого типа фигурка из двух половинок происходит из Билярска, где она была найдена при раскопках в 1883 г. (рис. 7) [29]. Обе половинки соединяются при помощи конической шапки. Мужская часть не имеет правой руки и ноги. Левый глаз прищурен и производит впечатление вытекшего. Левая рука поднята и завершена шишкообразным утолщением, наподобие головки на рязанской статуэтке. Женская половина имеет руки и ноги, отлитые менее чем наполовину. На левой груди женщины — лицо младенца.

Лицо младенца имеется также на правой стороне груди четырехликого идольчика, обнаруженного в 1888 г. при раскопках в Старой Рязани [30]. Очевидно, такого же характера были и четырехликие идольчики, у которых левая рука отсутствует, а правая расширяется в виде головки младенца, из Красного Оскола [31], Булгара [32] и Самарской губернии [33]. Все они, к сожалению, сохранившиеся лишь наполовину, имеют те или иные следы уродства и прямой срез головы, так же, как и у гермафро-

---

[26] А. А. Спицын. Уродливые медные статуэтки, стр. 143. рис. 17.
[27] Там же, стр. 143, рис. 17.
[28] Там же, стр. 144, рис. 2, 3, 7.
[29] Там же, стр. 144—145, рис. 4.
[30] А. Л. Монгайт. Ук. соч., рис. 46.
[31] А. С. Федоровский. Две бронзовые статуэтки Харьковского археологического музея. «Наука на Украине», 1922, 4.
[32] А. А. Спицын. Уродливые медные статуэтки, рис. 4.
[33] Там же, стр. 146.

дита из Биляра. Очевидно, на их головы должны были надеваться такие же конические шапки, как и в последнем случае.

Голова младенца на левом плече имеется и у женской статуэтки из сибирской коллекции Исторического музея[34]. У этой статуэтки, сохранившейся лишь наполовину, левая рука обломана, а правая, согнутая в локте, положена на выпуклый, характерный для беременности, живот.

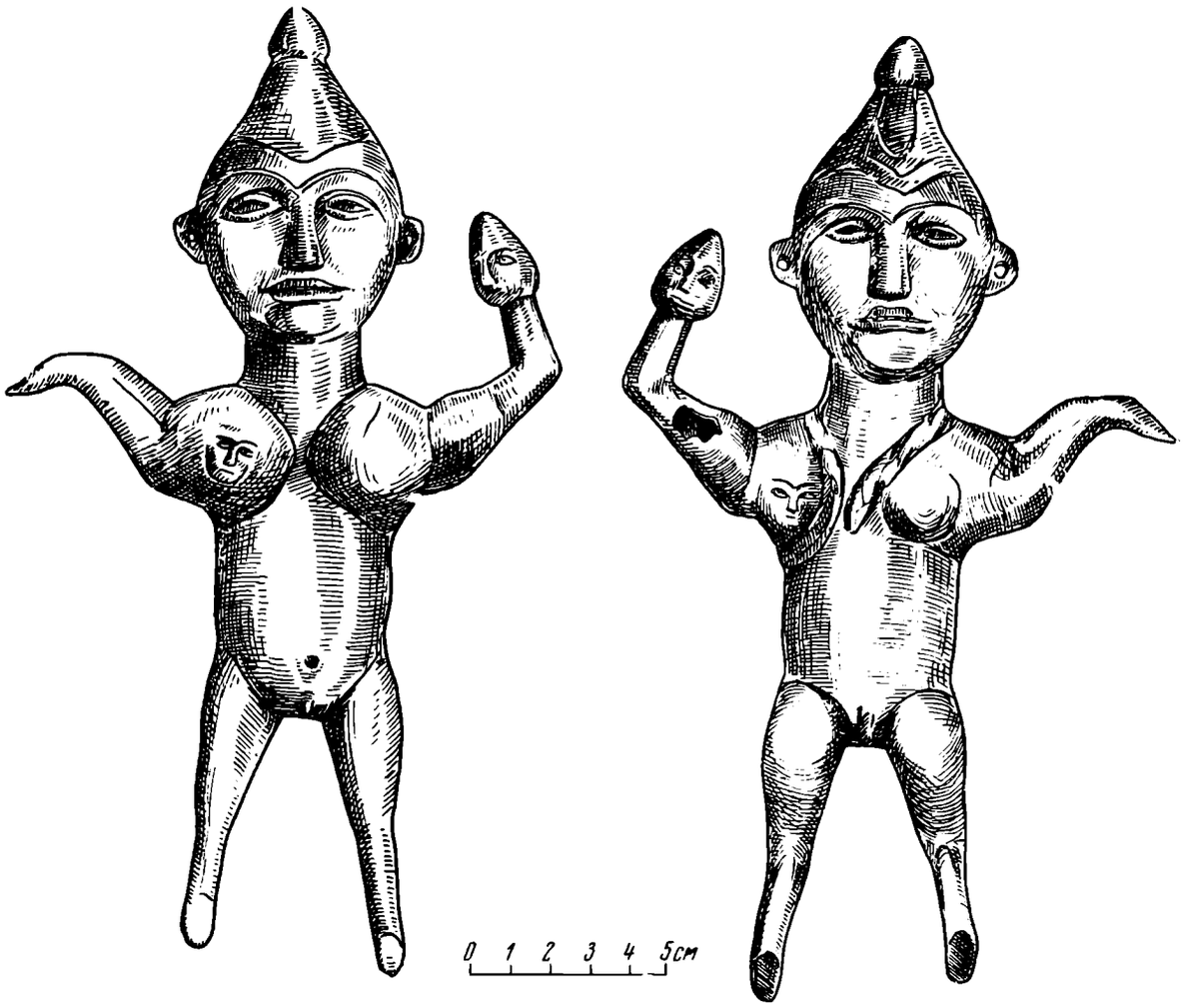


Рис. 6. Бронзовая статуэтка из Рязанской области

Такая же поза (рука на выпуклом животе) наблюдается и у статуэтки гермафродита из ГМТР (рис. 8), происходящего из с. Змиево-Городище Чистопольского района ТАССР[35]. Она имеет голову в виде усеченного неправильного конуса. Мужская сторона имеет округлое лицо с опускающейся клинышком бородкой. Правая часть лица и туловища деформированы: отсутствует ухо, правая нога. Левая рука упирается в бок, а правая положена на верх выпуклого живота. У женской половины соответственно деформирована левая сторона головы и туловища, левая рука положена на верх живота, а правая упирается в бок. С обеих сторон намечены небольшие округлые груди.

По положению рук к последней близки статуэтки из Синих гор Новоузенского района Саратовской области[36] и Алтая[37]. Правда, здесь сохранились лишь половины, изображающие мужчин; левая рука у них деформирована, а правая упирается в бок. Так же упирается в бок и правая рука у оригинальной женской односторонней статуэтки (рис. 9), найденной у с. Елань Пензенской области[38]. Она изображает роженицу с

[34] Там же, стр. 143, рис. 14.

[35] Коллекции ГМТР, 5441; А. Н. Островский. Об уродцах из Билярска и с. Змиева Чистопольского уезда. Казань, 1896.

[36] А. А. Спицын. Уродливые медные статуэтки, стр. 145.

[37] Там же, стр. 146, рис. 12.

[38] Там же, стр. 142, 143, рис. 16, 18.

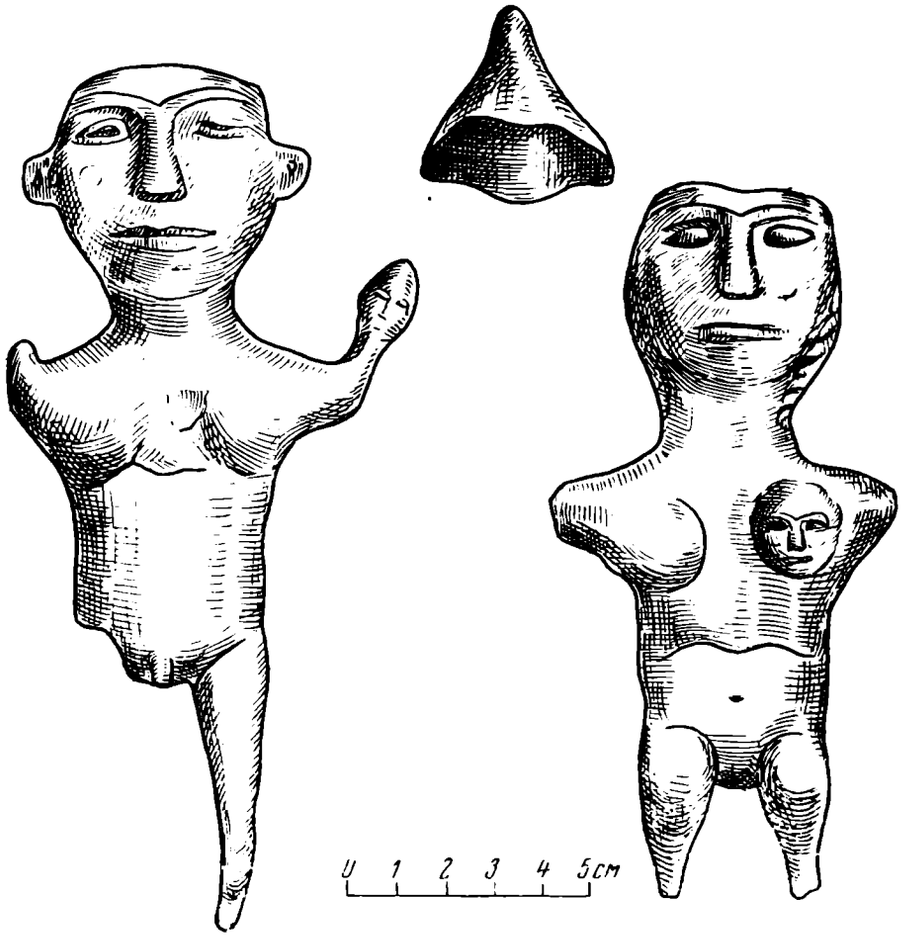


Рис. 7. Бронзовая статуэтка из Билярска

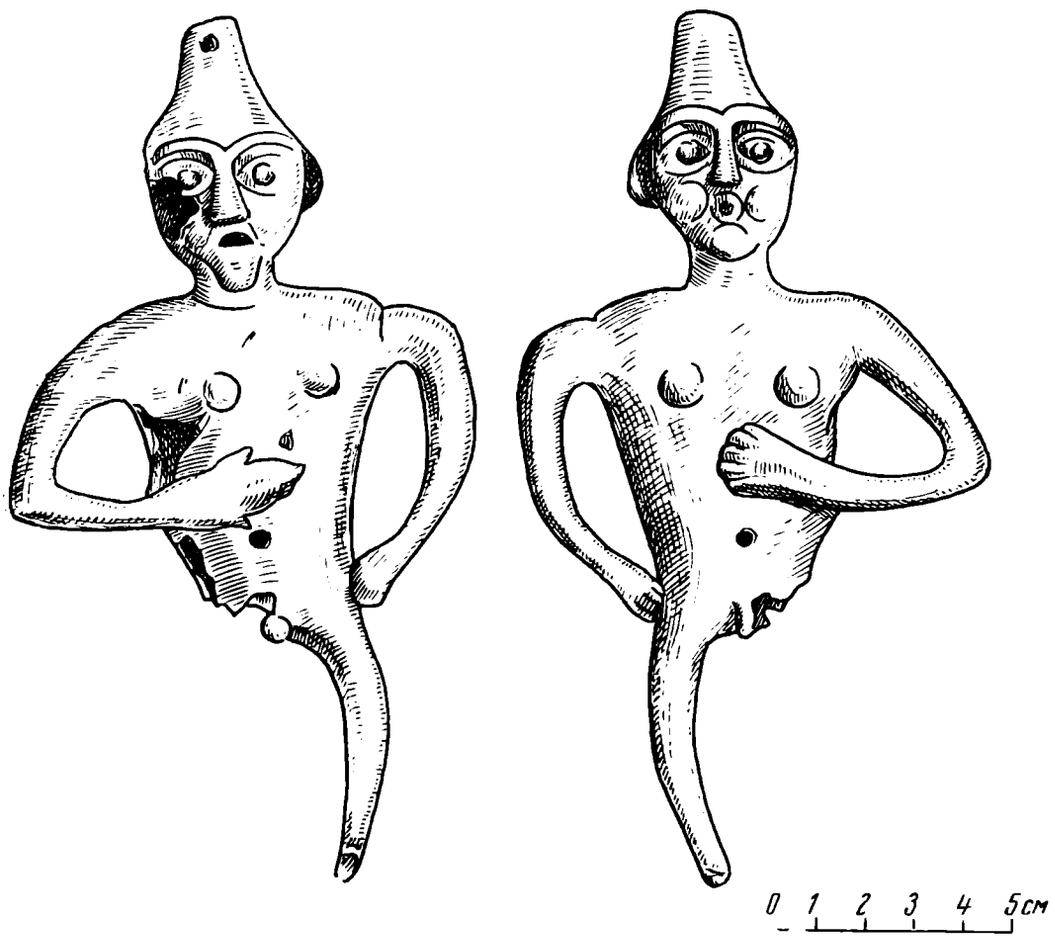


Рис. 8. Бронзовая статуэтка из с. Змиево-Городище Чистопольского района Татарской АССР

приподнятой левой рукой, завершенной расширением в виде головки ребенка. Вторая головка виднеется между ног. Правая сторона лица имеет следы деформации: отсутствует ухо, глаз слабо выражен. Верх головы плоский, как и у большинства многоликих фигур.

Итак, есть основания полагать, что все отмеченные выше бронзовые фигурки связаны между собой как техникой исполнения, так и своим ритуальным назначением. Вероятно, они близки и по времени изготовления, и по принадлежности одному и тому же этнокультурному кругу. Рассмотрим эти особенности.

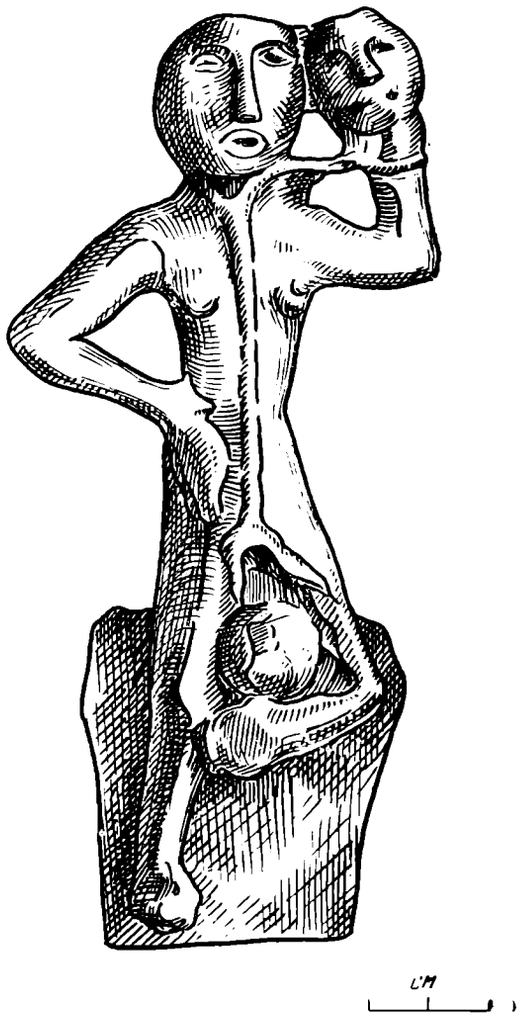


Рис. 9. Бронзовая статуэтка из с. Елань Пензенской области

Все фигурки имеют или имели (для многоликих фигурок) конически завершенные головы, в некоторых случаях (рис. 1, 4—7) достаточно четко выраженные конические шапки. Эта черта более характерна для западнотюркских племен, ибо почти все половецкие каменные статуи, изображающие мужчин, имеют такие шапки [39], тогда как для сибирских (алтайских [40], тувинских [41] и семиреченских [42]) конические завершения голов крайне редки. Головные уборы с коническим завершением известны с глубокой древности. Они имелись у ананьинцев [43], скифов [44], хунну [45]. Сохранялись такие шапки у булгар [46], казанских татар [47] и башкир [48].

Западнотюркской же чертой, очевидно, можно считать наличие на некоторых статуэтках (рис. 6, 7) одинарных или двойных кос, наподобие кос половецких каменных баб. Традиция заплетания волос в одну или две косы в отличие от многоплеточных кос среднеазиатских и сибирских женщин сохраняется и до сих пор у всех групп татар Поволжья [49] и башкир [50].

Ряд каменных изваяний Алтая (№ 9—12, 17, 19 по Л. Е. Евтюховой) [51] и Семиречья (№ 27, 30, 43, 70 по Я. А. Шер) [52] также имеет конически суженные вверх головы, причем головной убор алтайского изваяния № 10 [53] близок головному убору (усеченный конус с вогнутыми краями) медной статуэтки из Змиева (рис. 8).

[39] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, 1958, стр. 209; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 165.

[40] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952, стр. 102 сл.

[41] А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.

[42] Е. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М., 1966.

[43] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952.

[44] С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960.

[45] С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.— Л., 1962.

[46] А. П. Смирнов. Волжские булгары, рис. 121.

[47] Сб. «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 138.

[48] С. И. Руденко. Башкиры. М.— Л., 1965, стр. 160.

[49] Сб. «Татары Среднего Поволжья»..., стр. 140.

[50] С. И. Руденко. Башкиры..., стр. 187.

[51] Л. А. Евтюхова. Ук. соч.

[52] Я. А. Шер. Ук. соч.

[53] Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 74, рис. 3.

По мнению А. Я. Шера, тюркской по происхождению следует считать стилизацию бровей на лицах южносибирских изваяний, которые обычно изображаются в виде широкой полосы с суженными и загнутыми концами, чаще в едином рельефе с носом [54]. Точно такая же манера изображения бровей в одном рельефе с носом характерна и для большинства наших статуэток (рис. 1, 5—9).

К южносибирским, особенно алтайским, образцам [55] близко также изображение глаз и рта двойным контуром у большинства медных статуэток (рис. 6, 8). Наконец, с южносибирскими наши статуэтки сближает и изображение грудей: округлые, как у немногочисленных каменных «баб» Семиречья [56] и Тувы [57], а не отвисшие, как у половецких статуй [58].

Приведенные данные позволяют считать, что медные статуэтки, так называемые уродцы, одновременны или близки по времени древнетюркским изваяниям Алтая, Семиречья и Тувы и являются изделиями тюркского мира, скорее всего его западных районов. Как известно, общая дата древнетюркских каменных баб Южной Сибири ограничена рамками VI—XI вв. [59], дата половецких каменных изваяний южнорусских степей определяется XII — началом XIII в. [60] По мнению Я. А. Шера, южносибирские изваяния со стилизованными изображениями бровей нельзя датировать позже VIII—IX вв. [61] Очевидно, это время мы должны принять и для большинства наших медных статуэток. О времени не позднее IX—X вв. свидетельствует и то, что большинство их найдено в пределах Волжской Булгарии, где уже с начала X в. официальной религией стал ислам, запрещавший изображение живых существ, а тем более предметов языческого культа [62]. Показателен и факт нахождения Маклашеевской всадницы на памятнике, поздние слои которого относятся к VIII в. Правда, такой ранней дате противоречит замок билярского типа. Но, как показали наши раскопки Билярского городища, проведенные в 1967—1968 гг., булгарское поселение здесь возникло, очевидно, в IX—X вв., и замки билярского типа, ограниченные в изготовлении только домонгольским Биляром, могли производиться и в это время. Об этом свидетельствует и отмеченная выше архаика фигуры рогатого барса, уводящая нас в глубокую древность Южной Сибири. Ко времени VI—VIII вв. современные исследователи относят большинство находок бронзовых «уродцев» в Сибири и Средней Азии [63].

Приведенные данные заставляют отказаться от высказанного А. А. Спицыным мнения, что эти статуэтки «относятся именно ко времени Золотой Орды» [64]; следует полагать, что они представляют изделия более раннего периода — VI—IX вв., периода, предшествовавшего образованию Великой Булгарии. Неверно также мнение А. А. Спицына, что эти статуэтки «представляют собой монгольские онгоны» [65]. Последние, достаточно хорошо изученные по находкам в Поволжье Г. А. Федоровым-Давыдовым [66], резко отличаются от описанных выше медных статуэток и техникой исполнения (вырезаны из бронзового листка силуэтом), и своим назначением (вместилища души). Все они относятся к золотоордынскому времени и действительно связаны с шаманистским культом онгонов.

[54] Я. А. Шер. Ук. соч., стр. 66, 67.
[55] Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 1, 2, 5 сл.; Я. А. Шер. Ук. соч., рис. 3, 9, 10, 14 сл.
[56] Там же, рис. 122, 123, 124—127.
[57] Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 32, 41.
[58] Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч.
[59] Я. А. Шер. Ук. соч., стр. 39.
[60] Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч., стр. 186.
[61] Я. А. Шер. Ук. соч., стр. 46.
[62] История Татарской АССР. Казань, 1968, стр. 53.
[63] Л. М. Рутковская. Бронзовая статуэтка из Беговата, стр. 257.
[64] А. А. Спицын. Уродливые медные статуэтки, стр. 152.
[65] Там же, стр. 147.
[66] Г. А. Федоров-Давыдов. Бронзовые фигурки человека из средневековых памятников Поволжья. МИА, 130, 1965, стр. 275—277.

Назначение же наших статуэток было, очевидно, иное. Они скорее всего связаны с культом тотемной генеалогии тюркских племен, т. е. являются отголоском полузабытых легенд древнетюркского происхождения.

Как уже отмечалось выше, все медные статуэтки имеют следы увечий: отсутствует нога или рука или нет одновременно руки и ноги, иногда обеих ног, нередко выбит глаз и т. п. Среди таких изувеченных «уродцев» следует выделить две основные группы: «уродцы» — мужчины с островерхой головой, одной ногой, одним глазом и одной рукой (рис. 4, 7, *а*, 8, *а*) и «уродцы» — женщины с ребенком на руках или изображением младенческого лица на груди, в приподнятой руке или же с признаком беременности (рис. 1, 5, 6, 7, *б*, 8, *б*, 9). Для последних обычна поза с расставленными ногами, характерная для всадников. Внутри последней группы следует отметить фигурки двуполые и многоликие.

Естественно, трудно раскрыть семантику всех этих изображений. Общую для них черту — изувеченность, очевидно, следует связывать с древнейшей тюркской легендой, по которой хуннские предки собственно тюрков, жившие на краю большого болота, или «Западного моря» (Аральское и Каспийское), были истреблены врагами рода хунну. Уцелел лишь один десятилетний мальчик, брошенный с отрубленными ногами и руками в болото. Его спасла волчица. Но враги узнали об этом и убили юношу [67]. Тогда «волчица удалилась в окруженную со всех сторон непроходимыми горами долину (Алтая) и родила там десять сыновей, от которых произошли тюрки — тюгу» [68]. В другой легенде говорится, что то же произошло не с мальчиком, а с дочерью хуннского шаньюя, родившей от волка сына — прародителя телеских племен [69].

Прекрасной иллюстрацией первой генеалогической легенды является бронзовая статуэтка из Беговата, изображающая мужчину с изувеченной правой стороной (нет уха, глаза, отрублены рука и нога), сидящего верхом на волке вместе с фигуркой младенца или женщины [70]. По ряду деталей — изувеченная правая сторона, ребенок на руках, всадница верхом на фантастическом барсе — статуэтка из Маклашеевки близка беговатской и отображает, очевидно, тот же легендарный сюжет, но лишь происходящий с женщиной и с барсом. Да и остальные фигурки с расставленными ногами, со следами изувеченности и лицом младенца на теле, вероятно, связаны с подобной легендой.

Как известно, культ волка [71], собаки [72] и в меньшей степени барса и других хищников характерен для собственно тюркских племен. Лучшие части тюркской кавалерии назывались «буре» («фули» — по китайским источникам) [73], на знамени предводителя тюрков Ашина красовалась волчья голова [74].

В X—XII вв. у ряда западных тюрок, особенно огузо-кыпчаков, как отмечает Михаил Сириец, главным тотемом был сивый волк [75]. Следы этого культа сохранились и у тюркоязычных народов Среднего Поволжья и

---

[67] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I, М.— Л., 1950, стр. 220.

[68] Н. И. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности. «Живая старина», III—IV, 1896, стр. 281.

[69] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 214, 215.

[70] Л. М. Рутковская. Бронзовая статуэтка из Беговата, стр. 256.

[71] А. П. Потапов. Волк в народных поверьях и приметах узбеков. КСИЭ, XXX, 1948; В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк». ИАН СССР, отд. лит. и языка, IV, 4, 1947.

[72] Г. А. Федоров-Давыдов. Тигашевское городище. МИА, 111, 1962, стр. 86; его же. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 192.

[73] Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 67.

[74] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 221.

[75] Р. А. Гусейнов. Значение «хроники» Михаила Сирийца для изучения этнической истории огузов. Всесоюзное совещание по этногенезу туркменского народа. Ашхабад, 1967, стр. 16.

Приуралья, прежде всего татар и башкир. Так, у татар в сказках «Ак буре» («Белый волк»), «Аучы егет» («Парень-охотник»), «Марьям» [76] фигурирует волшебный волк, который помогает героям сказок, превращает их врагов в каменных идолов и т. п. В некоторых эпических произведениях, например «Алпамыш», возникновение которого относится к общетюркской эпохе [77], прародителем героев является волк (Бай буре — отец Алпамыша).

В несомненно тюркских памятниках Поволжья и Приуралья VIII—IX вв., т. е. совпадающих по времени с анализируемыми статуэтками, нередки следы культа волка или собаки. Так, на серебряных накладках конской узды Ишимбайского кургана, раскопанного в 1963 г. Н. А. Мажитовым [78], изображены волки и их схватка с лошадьми и другими животными. Серебряные рельефы в виде волчьих голов известны на накладках ремней Хусаиновских курганов [79]. В IX—X вв. начинается упоминание и башкир, имя которых, по мнению В. Н. Татищева, означает «главный волк» [80].

Клыки волка в виде амулетов встречены в некоторых погребениях Б. Тарханского [81] и Танкеевского могильников. Здесь же отмечено несколько случаев погребения собаки, а также положение черепов собаки в могилы [82]. Ритуальное положение расчлененного тела собаки было прослежено в слоях X в. Тигашевского городища [83]. Из сообщения Ибн-Фадлана известно о гадании булгар по лаю собаки — завывание ее они считали хорошим предзнаменованием [84]. Культ собаки сохранился и в легенде татар о постройке Казани, при закладке которой под стены была зарыта живая собака [85]. У казанских татар до недавнего времени сохранялся интересный обычай, связанный с рождением ребенка. Новорожденному надевали рубашку, называвшуюся «кочек кулмэге» («рубашка кутенка»). У татар же, как и у некоторых других тюркских народов, бытовали легенды и предания о происхождении отдельных племен и родов от собаки [86]. Вероятно, эта традиция была свойственна для западных (кыпчацко-огузских) тюрков, ибо и у собственно кипчаков и печенегов существовали легенды о связи происхождения их родов с собакой [87].

Не исключено, что и в названии ранних тюркских насельников Среднего Поволжья отразились древние генеалогические имена, связанные с волком, собакой и барсом. Такова, возможно, семантика названия «буртас» («бурдтас» по Гаркави), которое можно перевести как «буре тас», или «каменный волк». Не исключено, что и название «булгар» («бурджан» по З. Казвини) связано с волком (буре, були-фули). Татарские предания даже название р. Итиль (Идель, Волга) связывают с собакой — «Ит-ель» (собачья сторона), «ет-тиле» (собачий язык) [88].

Важно отметить и то, что в IX—X вв. области Среднего Поволжья на востоке назывались страной собачьих печенегов (ит бечене) [89], а населе-

---

[76] М. А. Васильев. Памятники народной словесности. Сказки и легенды. Казань, 1924; Сб. «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 419.

[77] В. М. Жирмунский. Некоторые итоги изучения эпоса народов Средней Азии. Сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958. стр. 41.

[78] Н. А. Мажитов. Башкортстан археологияһы. Уфа, 1968, стр. 143, 144.

[79] Там же, стр. 155.

[80] В. Н. Татищев. История Российская. I, М.— Л., 1962, стр. 237.

[81] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 56.

[82] Там же, стр. 25.

[83] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1951, стр. 145.

[84] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков. 1956, стр. 72.

[85] С. Г. Вахидов. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края. Вестник научного о-ва татароведения. 4, Казань, 1926, стр. 59.

[86] Сб. «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 353.

[87] В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк».

[88] С. Г. Вахидов. Татарские легенды..., стр. 84.

[89] А. Джекиев. Народные предания о происхождении туркмен. Всесоюзное совещание по этногенезу туркменского народа. Ашхабад, 1967, стр. 17.

ние Булгарии X в., по Ибн-Фадлану, именовалось сакалабами [90], что по-печенежски переводится как вскормленные собакой [91].

С несколько иными представлениями, очевидно, связаны фигурки изувеченных мужчин с островерхой шлемовидной головой (рис. 4), найденные на Балынгузе, у ст. Аральское море и др. Как уже отмечалось выше, эти фигурки изображают одноглазых, одноруких и одноногих мужчин. Но такими же одноглазыми и одноногими существами представляют башкиры лесных духов — «шурэле» (у горных и зауральских башкир) или «ярымтык» (у западных башкир). У башкир же распространены легенды о возникновении некоторых родов в результате сожительства людей с шурэле-ярымтыком или в результате подмены детей, когда «духи» (шайтаны) кладут на их место своих уродов [92].

Наконец, двусторонние фигурки, так же как и фигурки рожениц с двумя детьми-близнецами, распространенные только в Поволжье (Змиево, Елань, Старая Рязань, Биляр и др.), могут быть связаны с бытовавшими у татар Поволжья и их предков-булгар легендами о сыновьях Алпа или Кемара (Кимара), двух братьях — Булгаре и Буртасе. Эта легенда, зафиксированная еще в X в. Мирхондом в книге «Раузат-эс сафа» [93] и отмеченная в XII в. Хамид аль-Гарнати [94], дожила и до наших дней в устных преданиях казанских татар [95]. В связи с последней легендой хотелось бы отметить и то, что интересующие нас фигурки найдены на территории, где в IX—X вв. были размещены две известные в восточной литературе области — булгарская и буртасская земли [96] (рис. 3), что заставляет нас внимательно отнестись к вышеотмеченным фактам.

Просмотренные материалы позволяют утверждать, что Маклашеевская всадница и близкие ей медные статуэтки «уродцев», найденные преимущественно в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье, следует увязывать с распространением в крае тюркоязычных племен в период формирования здесь первого на северо-востоке Европы государственного образования — Волжской Булгарии. Непосредственная семантическая связь этих статуэток с собственно тюркской (тюркютской и огузокипчакской) мифологией позволяет считать эти предметы еще одним доказательством в утверждении значительной роли древних тюркских племен в процессах сложения этнического состава и культуры населения Волжской Булгарии [97].

A. Kh. Khalikov

«FEMME — CAVALIÈRE TROUVÉE A LA GORODICHTCHÉ DE MAKLACHÉEVO»

Résumé

En 1966 on a découvert, dans le démantèlement du cap II (la gorodichtché de Maklachéevo), une statuette de bronze représentant une femme à côté droit estropié tenant un enfant dans son bras gauche. On en trouve les analogies les plus proches parmi les statuettes de bronze dites monstres qui datent du haut Moyen Age et sont découvertes, en grande partie, dans le cours moyen de la Volga. La femme fixée en position «à cheval» à un cadenas représentant une panthére. De tels cadenas sont connus pour l'essentiel comme provenant de Bilar se rapportent à l'époque prémongole.

En se basant sur toute une série de comparaisons, il est à supposer que toutes les statuettes en bronze représentant hommes ou femmes estropiés par la violence sont l'attribut des légendes turques généalogiques et datent des VIIe—Xe siècles, c'est-à-dire de l'époque de l'expansion maximale des tribus de langues turques en Europe Orientale.

[90] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары..., стр. 171, 172.
[91] А. М. Щербак. К вопросу о языке и письменности печенегов. МИА, 75, 1959.
[92] С. И. Руденко. Башкиры..., стр. 318, 319.
[93] Материалы по истории Татарии. Казань, 1948, стр. 108.
[94] Древняя татарская литература. Казань, 1963, стр. 26 (на тат. яз.).
[95] С. Г. Вахидов. Татарские легенды..., стр. 83, 84.
[96] Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962, стр. 26—28, 230 сл.
[97] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары..., стр. 175, 176. См. также: История Татарской АССР. Казань, 1968, стр. 35 сл.

Е. Б. ПРУГЕР

БИРЮЗА ИЛАКА И «ИЛАКСКИЙ РУДНИК» БИРЮЗЫ

Бирюза — один из наиболее любимых народами Востока камней-самоцветов. Стоившая сравнительно недорого [1], она была наиболее доступна широким слоям населения. С ней связывалось много поверий. В частности, носящему ее была обеспечена жизнь в благоденствии, и он был гарантирован от укуса змей и скорпионов. Созерцание бирюзы по утрам сохраняло и обостряло зрение. Ношение ее укрепляло сердце, устраняло страх, предохраняло от потопления и удара молнии и обеспечивало победу над врагом [2].

Широкое использование бирюзы в древности подтверждается как археологическими, так и письменными источниками. Основную группу находок составляют бусы. Они обнаружены на Афрасиабе [3], в Мерве [4], в Хорезме при раскопках городища Кюзели-гыр [5], поселения близ Дингильдже [6], караван-сарая Ак-Яйла [7], у гробницы святого Наринджан-баба [8] и в других местах. Из бирюзы делали вставки в кольца [9], ею инкрустировали украшения [10], конскую сбрую [11], оружие [12]. Бируни пишет о золотом столе, инкрустированном куском бирюзы, и о чаше из бирюзы емкостью в три «ратля» [13]. В последнем случае речь идет об изделии, сделанном, вероят-

[1] В качестве примера можно сослаться на цены бирюзы и других драгоценных и полудрагоценных камней для времени Бируни, приводимые им в соответствующих разделах «Минералогии». См.: Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Перевод А. М. Беленицкого, М., 1963.

[2] А. А. Семенов. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов. «Мир ислама», 1, СПб., 1912, 3, стр. 298.

[3] С неопубликованными материалами нас любезно ознакомил кандидат исторических наук С. К. Кабанов.

[4] Г. Я. Дресвянская. Каменные бусы с городищ Старого Мерва. Тр. ТашГУ, 295, Археология Средней Азии. VII, Ташкент, 1966, стр. 57—60.

[5] М. Г. Воробьева. Керамика с городища Кюзели-гыр. Тр. ХАЭЭ, II, М., 1958, стр. 344, 345.

[6] М. Г. Воробьева. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже. МХЭ, 1, М., 1959, стр. 73, 74.

[7] О. А. Вишневская. Раскопки караван-сараев Ак-Яйла и Талайхан-ата. Тр. ХАЭЭ, I, М., 1958, стр. 440.

[8] И. В. Пташникова. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. Тр. ХАЭЭ, I, М., 1952, стр. 115—116.

[9] К. Кацурис, Ю. Буряков. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-Калы. Тр. ЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1963, стр. 134, 154; Насколько ценился перстень с бирюзовым камнем см.: Ал-Бируни. Ук. соч., стр. 160.

[10] М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло и Е. Е. Неразик. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. МХЭ, 6, М., 1963, стр. 174; С. С. Черников. Золотой курган Чиликтинской долины. КСИА, АН СССР, 98, 1964, стр. 29, 30.

[11] М. Е. Массон. Из истории горной промышленности Таджикистана. Л., 1934, стр. 69.

[12] С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. МХЭ, 6, стр. 52.

[13] Ал-Бируни. Ук. соч., стр. 159.

но, из одного крупного куска самоцвета. Поэт Иоанн Шавтели называет среди драгоценностей царицы Тамары чашечки из бирюзы и лалов [14]. И. Ф. Бларамберг, описывая бирюзовые разработки в Нишапуре (Персия), сообщает о небольшой чаше, сделанной из одного куска бирюзы [15].

В настоящее время в Средней Азии известны если не все, то по крайней мере подавляющее большинство месторождений бирюзы, разрабатывавшихся в древности. Изредка при геологосъемочных и поисковых работах обнаруживаются новые объекты, в основном в районе Центральных Кызылкумов. В других местах, обследованных значительно лучше, почти все древние рудники бирюзы уже взяты на учет. Всего в Средней Азии насчитывается теперь около 30 месторождений бирюзы, расположенных в основном на территории Узбекистана.

Ряд средневековых авторов, приводя перечень полезных ископаемых, добывавшихся в разных районах Средней Азии, очень кратко упоминают бирюзу, без указания на отдельные ее месторождения (Ибн Хаукаль, Фахрэддин Мубаракшах, Ибн Мансур и др.) [16]. Исключение составляет Бируни, знававший несколько рудников бирюзы и районов ее добычи [17]. Особый интерес представляет его сообщение об «Илакском руднике» бирюзы. Анализируя цены на бирюзу, он приводит слова одного из ювелиров: «Я видел илякскую бирюзу, которая весила двести дирхемов, и оценил я ее тогда в пятьдесят динаров, но сейчас ее цена двести динаров, так как Илякский рудник иссяк и заброшен» [18].

Таким образом, в данном случае он, на наш взгляд, прямо пишет о специализированном руднике бирюзы средневекового Илака — области, основной территорией которой являлась долина р. Ангрен. Она граничила с Ферганой, горным округом Чаткал, областью Шаш и р. Сырдарья. Граница с Ферганой определялась Илакскими горами, соответствующими современным горам Кара-Мазар [19].

В пределах названной территории в разное время обнаружено несколько месторождений ювелирной бирюзы. Все они находятся в горах Кара-Мазар. За последние же 40 лет здесь не открыто ни одного древнего рудника бирюзы, если не считать двух мелких объектов [20]. Это обстоятельство позволяет поставить вопрос об идентификации средневекового «Илакского рудника» бирюзы с одним из уже известных на территории Илака. Решение его стало возможным в результате постановки специальных гео-

---

[14] М. Г. Джанашвили. Драгоценные камни, их названия и свойства, СМОМПК, 24, Тифлис, 1898, стр. 13, 14.

[15] И. Ф. Бларамберг. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И. Ф. Бларамбергом в 1841 году. ЗИРГО, VII, СПб., 1853, стр. 239.

[16] Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн Хаукаля. Тр. САГУ, нов. сер. CXI; Исторические науки, 25; Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 27; Ta'rikh-i Fakhrud'-Dun Mubarakshah. London, 1927 («James G. Forlong Fund». Series, 4), стр. 38, 39; И. Умняков. «История» Фахрэддина Мубаракшаха. ВДИ, 1938, 1, стр. 111; Отрывки из «Минералогии» Мухаммеда Ибн Мансура в русском переводе Соколова (с нем. перев. И. Хаммера) см.: «Горный журнал», 1828, 1, стр. 10 и др.

[17] Ал-Бируни. Ук. соч., стр. 158, 159. Следует отметить, в частности, сообщение Бируни о безымянном руднике бирюзы, вблизи которого «находится рудник с подобным ей камнем, очень обильный. Из этого (камня) вытачивают ложки и тому подобные предметы; он мягок и быстро изменяется от соприкосновения с (растительным) маслом». Г. Г. Леммлейн предполагает, что под камнем, подобным бирюзе, Бируни имел в виду тальк. Сочетание расположенных вблизи друг от друга рудников талька и бирюзы имеется только в Хорезме и Иране. В первом случае расстояние между ними немногим более 10 *км*, во втором около 90 *км*, и, следовательно, термин «вблизи» здесь менее применим. Таким образом, не исключено, что наиболее раннее сообщение о добыче бирюзы в Хорезме принадлежит Бируни, а не Мухаммеду Ибн Мансуру. См.: А. В. Виноградов, С. В. Лопатин, Э. Д. Мамедов. Кызылкумская бирюза. СЭ, 2, 1965, стр. 115.

[18] Ал-Бируни. Ук. соч., стр. 159.

[19] М. Е. Массон. Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 33, 34.

[20] Устное сообщение геологов В. И. Киреева и Е. А. Краснова об одном из них на таджикской части гор Кара-Мазар. Второй обнаружен автором статьи на северных склонах гор Кара-Мазар в 1968 г.

лого-археологических работ [21]. Нами, в частности, проведено археологическое обследование почти всех древних рудников бирюзы в Илаке (рис. 1).

1. Древний рудник Унгурли-кан. Находится на северных склонах гор Кара-Мазар, по Унгурли-Саю, 10—12 *км* к югу от р. Ангрен. Обнаружен геологом О. А. Гвоздецким в 1928 г. В этом же году месторождение и древние выработки изучались Б. Н. Наследовым, вместе с

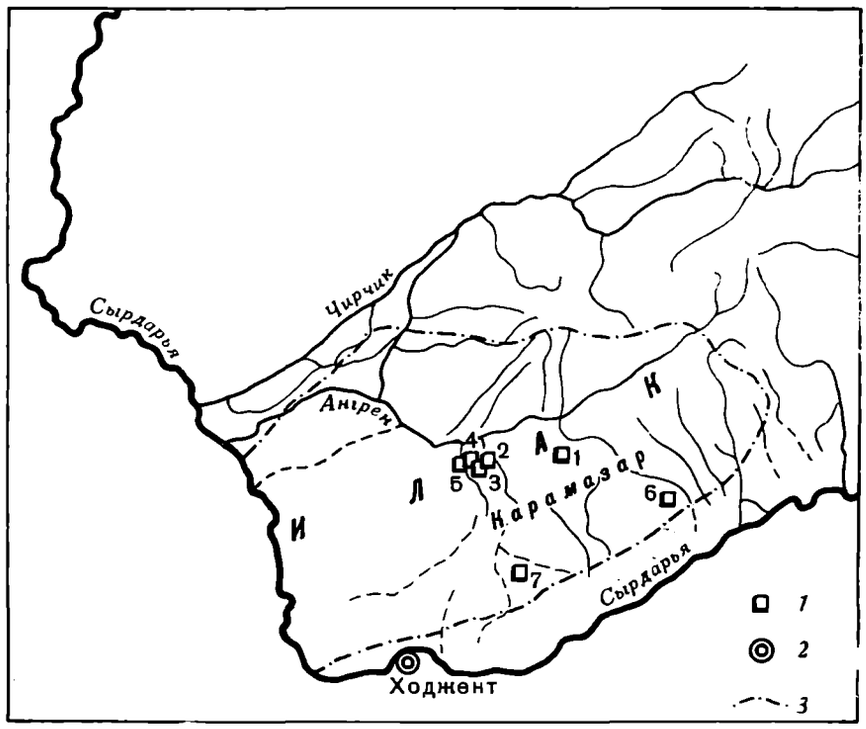


Рис. 1. Схематическая карта древних рудников бирюзы на территории Илака

1 — Унгурли-кан; *2* — Ак-Турпак; *3* — Тогап; *4* — Гольдуран; *5* — Кальмакыр; *6* — Кызыл-Таш; *7* — Фирюза-кан

П. И. Князевым. В 1933 г. рудник был обследован А. Баталовым. В 1936 г. месторождение вторично посетил Б. Н. Наследов [22]. Он отметил, что особенностью Унгурли-кана, по сравнению с другими древними рудниками Кара-Мазара, является загадочность добывавшихся там руд [23]. Указав на крупный масштаб древних работ и отсутствие следов добычи каких-либо других полезных ископаемых, кроме бирюзы, автор все же высказывает сильное сомнение, что горные породы Унгурли-кана разрабатывались в древности только для получения бирюзы [24].

На территории древнего рудника, занимающего площадь приблизительно 0,5 $км^2$, отмечено около 30 древних выработок типа карьеров и разносов, переходящих в подземные разработки в виде стволов, лазов, камер. Подземные выработки обнаружены в ходе геологоразведочных работ, Особенно интересны в этом отношении результаты, полученные при проходке одной из штолен, в которой было вскрыто пять древних камер объемом от $4 \times 1{,}5 \times 2$ *м* до $11 \times 5 \times 4$ $м^3$, соединенных между собой узкими лазами сечением до 1,5 $м^2$. Подземные выработки выявлены и в

[21] Комплексные геолого-археологические исследования проводятся партией «Ревизия древних горных работ» Ревизионно-тематической экспедиции треста «Ташкентгеология» (начальник партии геолог В. И. Киреев, начальник археологического отряда — Е. Б. Пругер).

[22] Б. Н. Наследов. Древний рудник Унгурликан. Изв. УзФАН СССР, 1940, 2, 3, стр. 55.

[23] Там же, стр. 55, 61; его же. Кара-Мазар. Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г., XIX. Материалы экспедиции, Л., 1935, стр. 225.

[24] Б. Н. Наследов. Древний рудник Унгурликан..., стр. 61; его же. Кара-Мазар..., стр. 226.

других местах, но, видимо, это еще далеко не все, что пройдено древними рудокопами ниже горизонта открытых разработок.

Месторождение отработано в древности на глубину около 50 *м*. Геологи Н. Н. Низаметдинходжаев, В. П. Спирина и В. С. Рогожин, проводившие здесь разведочные работы [25], отмечают, что на всю глубину развития древних выработок никакой другой минерализации, кроме бирюзы, на месторождении Унгурли-кан не установлено. Цвет бирюзы небесно-голубой.

По подсчетам Б. Н. Наследова, площадь открытых древних выработок рудника равна 3150 *м* , а объем вынутой породы — 16 000 $м^3$ [26]. Последняя цифра в целом для рудника, с учетом подземных отработок, в настоящее время должна быть признана заниженной. Если предположить, что площадь подземных выработок приблизительно равна хотя бы одной трети площади карьеров и разносов, то при глубине около 50 *м*, на которую месторождение выработано, объем извлеченной древними горняками породы составит, как нам кажется, примерно 80 000 $м^3$. Этому не противоречат и расположенные рядом с выработками отвалы, содержащие много бирюзовой крошки красивого небесно-голубого цвета.

Археологический материал, собранный нами на Унгурли-кане, очень немногочислен. Он состоит из нескольких фрагментов неглазурованной керамики, изготовленной на гончарном круге, и одного фрагмента донца с выступающим поддоном, покрытого темно-зеленой поливой хорошего качества, и с подглазурным процарапанным орнаментом. Эти находки позволяют говорить о том, что рудник функционировал по крайней мере в IX—XI вв.

Обследование древнего рудника Унгурли-кан за последние годы показало, что здесь добывали бирюзу небесно-голубого цвета, а также других оттенков. Работы на месторождении были прекращены из-за того, что оно полностью исчерпалось.

2. Древний рудник Ак-Турпак. Расположен на северных склонах гор Кара-Мазар, вблизи города Алмалыка. Открыт С. Ф. Машковцевым в 1925 г. при выполнении им 10-верстной геологической съемки гор Кара-Мазар в составе Алмалыкской группы месторождений [27]. В 1927 г. он изучался Б. Н. Наследовым [28], в 1928 г.— Г. Г. Гудалиным [29]. В начале 30-х годов проводились учет и исследование древних горных выработок на Ак-Турпаке, чему более других уделил внимание А. Д. Каленов [30]. Краткое археологическое обследование древнего рудника, как, впрочем, и всей Алмалыкской группы месторождений, провел в 1929 и в 1934 гг. М. Е. Массон [31].

В эти годы высказывались противоречивые мнения о характере руд, добывавшихся древними рудокопами. Г. Г. Гудалин и А. Д. Каленов считали, что предметом добычи была только бирюза [32]. Несколько иную позицию занимал А. В. Королев, по словам которого бирюза была главным объектом эксплуатации на Ак-Турпаке [33]. К совершенно противоположному выводу пришел Б. Н. Наследов. Считая, что бирюза могла явить-

---

[25] Стационарные работы по изучению месторождения Унгурли-кан проводились Шаугазской поисково-разведочной партией Алмалыкской геологоразведочной экспедиции треста «Ташкентгеология» (начальник партии — геолог Н. Н. Низаметдинходжаев).

[26] Б. Н. Наследов. Древний рудник Унгурликан..., стр. 55: его же. Кара-Мазар..., стр. 225.

[27] М. Е. Массон. К истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка. Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г., XXXVII, Труды экспедиции. М.— Л., 1936, стр. 19.

[28] Там же, стр. 20.

[29] Там же, стр. 23.

[30] Там же, стр. 20.

[31] Там же, стр. 12.

[32] Там же, стр. 23, 24.

[33] Б. Н. Наследов. Древний рудник Унгурликан..., стр. 61.

ся только некоторым побудителем для начала древними рудознатцами горнодобычных работ, он вместе с геологом Ф. Д. Полкопиным полагал, что многочисленные выработки древнего рудника — остатки работ по добыче меди[34]. К 1940 г., в процессе почти 10-летних полевых исследований, были получены новые данные, позволившие ему считать, будто в основном здесь в древности добывалось золото[35]. Это, собственно говоря, подтвердилось и геологоразведочными работами последних лет[36].

На месторождении отмечено около 90 древних выработок. Они расположены преимущественно на горе Ак-Турпак, где их насчитывается 46. Судя по столь плотной насыщенности и мощным отвалам, эта площадь особенно привлекала внимание древних рудокопов.

Месторождение характеризуется золоторудной и бирюзовой минерализацией. Последняя, в совокупности с золотом, типична только для горы Ак-Турпак, где бирюза наблюдается по стенкам и в отвалах 17 выработок. Цветовая гамма самоцвета довольно разнообразная; от светло- до ярко-голубого, иногда с зеленоватым оттенком, и от светло- до ярко-зеленого. Вместе с тем высокое содержание золота по древним выработкам и отвалам свидетельствует о том, что здесь добывали и бирюзу, и золото. Последнее подтверждается и фрагментами сфероконических сосудов — симабкузача, в которых привозили и держали ртуть. Из золотосодержащей руды путем амальгамации ее ртутью получали золото. Таким образом, гора Ак-Турпак разрабатывалась в древности как золото-бирюзовый объект.

Месторождение отработано в основном щелеобразными выработками, переходящими в подземные камеры; карьерами, развивавшимися в подземные разработки; штольнями, уклонками, шурфами-дудками. Во время геологоразведочных работ один из шурфов вскрыл древнюю выработку с обширными камерами на глубине 50 *м*. Ниже шла забутовка. Штольня, пройденная почти на уровне подошвы северо-западной части горы Ак-Турпак, вскрыла древнюю выработку больших размеров. По рельефу разность абсолютных отметок устьев древних выработок составляет 70 *м*. Если еще учесть, что древние выработки подсечены одной из штолен на глубине 80 *м* и ниже продолжается завал, то не исключена отработанность месторождения приблизительно на 90—100 *м*.

Таким образом, месторождение отрабатывалось в древности как золото-бирюзовое, в основном для добычи золота, в меньшей степени — бирюзы. Бирюза выработана на всю глубину ее развития, которая, судя по аналогии древних рудников Ак-Турпак и Унгурли-кан[37], составляет около 50 *м*. Возможно, до этого горизонта добывали параллельно золото и бирюзу, но ниже — только золото.

На площади древних выработок — в завалах и отвалах — нами найдена керамика, преимущественно неглазурованная, чаще она изготовлена на гончарном круге, реже лепная. Иногда покрыта процарапанным или резным орнаментом. Встречена также глазурованная посуда. Судя по этим находкам, рудник функционировал в IX— первой половине XI в.

3. Древний рудник Тогап. Находится на северных склонах гор Кара-Мазар, в 1 *км* южнее горы Ак-Турпак, на правом берегу р. Накпай, у ее слияния с р. Кыз-Ата. Состоит примерно из 10 выработок для добычи золота. В 1968 г. автором статьи обнаружена выработка, в которой получали бирюзу. В современном состоянии она представляет собой провал, частично окруженный отвалом с включением большого количества бирюзовой крошки разных цветов: от небесно- до бледно-голубого и

---

[34] М. Е. Массон. К истории добычи меди..., стр. 23.

[35] Б. Н. Наследов. Ук. соч., стр. 61.

[36] Стационарные работы на объекте проводятся Актурпакской геологоразведочной партией Алмалыкской геологоразведочной экспедиции треста «Ташкентгеология» (начальник партии — геолог И. И. Дабижа).

[37] М. Е. Массон. К истории добычи меди..., стр. 38.

от ярко- до светло-зеленого. Таким образом, древний рудник Тогап был объектом комплексной добычи золота и, в меньшей мере, бирюзы.

В отвалах выработок нами найдены два невыразительных фрагмента керамики, идентичной собранной на горе Ак-Турпак. Последнее позволяет предположить, что оба объекта функционировали примерно в одно время.

4. Древний рудник Гольдуран. Расположен на северных склонах гор Кара-Мазар, вблизи г. Алмалыка, рядом с древним рудником Ак-Турпак. Открыт С. Ф. Машковцевым в 1925 г.[38]. В 1927 г. Б. Н. Наследовым отмечено там около 150 древних выработок[39]. Археологически обследован М. Е. Массоном в 1929 и 1934 гг.[40]. В настоящее время месторождение как неперспективное завалено отвалом Алмалыкского рудника.

Исследователи, изучавшие Гольдуран, по-разному определяли характер руд, добывавшихся древними рудокопами. Б. Н. Наследов и Ф. Д. Полкопин считали, что главным объектом добычи была медь. А. В. Королев видел в нем точную аналогию с древним рудником Унгурли-кан[41]. По мнению Г. Г. Гудалина и А. Д. Каленова, в древних выработках Гольдурана разрабатывалась бирюза. По их данным, мелкие обломки бирюзы (в 1 *г* и менее) встречались почти во всех отвалах рудника[42]. Полевые исследования второй половины 30—40-х годов позволили охарактеризовать его как золоторудный, что подтверждалось высоким содержанием золота по древним выработкам и отвалам. Позднее С. Т. Бадалов высказал предположение, что месторождение является серебряным, а не золотым. По мнению же Е. Б. Ачкасовой и ряда других геологов, удельный вес серебряной минерализации здесь невелик.

Таким образом, месторождение Гольдуран разрабатывалось в древности вероятнее всего как золото-бирюзовое. Время функционирования древнего рудника сейчас установить невозможно. Если учесть, что по материалам, собранным М. Е. Массоном, горные работы в районе г. Алмалыка велись начиная с VIII в., но в основном в IX—XII вв.[43], то можно предположить, что и Гольдуран действовал приблизительно в это время.

5. Древний рудник Кальмакыр. Находится на северных склонах гор Кара-Мазар, западнее горы Ак-Турпак, на горе Большой Кальмакыр. Открыт С. Ф. Машковцевым в 1925 г.[44]. В археологическом отношении обследован М. Е. Массоном[45]. В настоящее время уничтожен действующим рудником.

По сведениям Б. Н. Наследова, месторождение было затронуто древними работами в незначительной степени[46]. Южные склоны почти не отрабатывались. На юго-восточных склонах им отмечено несколько неглубоких, небольших по сечению древних выработок. Северные склоны разрабатывались относительно крупными карьерами, причем один из них занимал площадь около 500 $м^2$. На западных склонах сколько-нибудь значительных древних выработок, кроме намеков на разведку, не установлено. Восточные склоны и вершина горы отрабатывались неглубокими ямами и разносами. На вершине же была расположена шахтообразная выработка сечением 1,5 × 1 *м*, глубиной до завала около 4—5 *м*. Место-

---

[38] М. Е. Массон. К истории добычи меди..., стр. 38.

[39] Б. Н. Наследов. Кара-Мазар..., стр. 206; См. также: Н. И. Лебедева. Бирюза. Сб.: «Минеральные ресурсы Узбекистана». Ташкент, 1937, стр. 57; М. Е. Массон. К истории добычи меди..., стр. 22.

[40] Там же, стр. 12.

[41] Там же, стр. 38.

[42] Там же, стр. 23, 24.

[43] Там же, стр. 27.

[44] Там же, стр. 19.

[45] Там же, стр. 12.

[46] Б. Н. Наследов. Кара-Мазар..., стр. 204.

рождение отрабатывалось древними рудокопами как медное. Вместе с тем в древних выработках встречалась и бирюза, в большинстве случаев зеленовато-голубого, зеленого, буровато-зеленого, иногда чисто голубого цветов [47]. Не исключено, что параллельно с медью продуктом добычи могли быть и хорошие образцы бирюзы. Исходя из аналогии с близлежащими древними рудниками, объект функционировал, вероятно, в IX—XII вв.

6. Древний рудник Кызыл-таш [48]. В южной части гор Кара-Мазар, юго-восточнее известного древнего рудника Кан-и-Мансур. Открыт А. М. Ракитиным, обследован Б. К. Брешенковым. Цепь небольших заваленных щелеобразных выработок тянется на 100 *м*. Ширина их в среднем равна 0,5 *м*. Подавляющее большинство выработок предназначалось для добычи золото-серебряных руд. На вершине холма, в 10 *м* к востоку от крайней юго-западной выработки, встречена бирюза в виде примазок и прожилок. В отвале одной из выработок найдены отходы бирюзы зеленовато-голубого цвета. Возможно, выработка была пройдена специально для добычи бирюзы. Таким образом, месторождение разрабатывалось в древности вероятнее всего как золото-серебряно-бирюзовое. Время его отработки неизвестно.

7. Древний рудник Фирюза-кан. Находится в южных отрогах гор Кара-Мазар, в 40 *км* к северо-востоку от г. Ленинабада. Месторождение открыто в 1874 г. известным исследователем Туркестана Г. Д. Романовским [49]. Впоследствии оно неоднократно описано в работах И. В. Мушкетова [50], А. Андреева [51], В. Н. Вебера [52], А. Е. Ферсмана [53], Б. Н. Наследова [54], М. Е. Массона [55], А. Ф. Соседко [56]. Начиная с 1963 г. на месторождении ведутся геологоразведочные работы с попутной добычей бирюзы.

На поверхности месторождения отмечены четыре древние выработки типа карьеров, переходящие в подземные разработки. В них добывалась только высококачественная небесно-голубая и голубовато-зеленая бирюза. Никакой другой минерализации, которая могла бы интересовать древних рудознатцев, здесь не обнаружено. Первая выработка самая большая: ее длина 110, ширина 15 *м*. Три других выработки гораздо меньших

---

[47] Н. И. Лебедева. Ук. соч., стр. 57.

[48] Описание приводится по Б. Н. Наследову в свою очередь изложившему его по А. М. Ракитину. См.: Б. Н. Наследов. Кара-Мазар..., стр. 325, 326.

[49] Г. Романовский. О произведенных им исследованиях месторождений некоторых общеполезных минералов, находящихся в Сырдарьинской области. ЗИРГО, 2, СПб., 1875, стр. 15; его же. О нахождении бирюзы в горах Кара-Мазар. Зап. Минералогического общества, 1875, 10. Протокол заседания 29 октября 1874 г., СПб., 1875, стр. 221.

[50] И. В. Мушкетов. Краткая петрографическая характеристика важнейших типов массивнокристаллических пород, собранных во время работ 1874 г. Собр. соч. И. В. Мушкетова. Зап. ИРГО по общей географии, XXXIX, 1, СПб., 1910, стр. 106: его же. Краткий отчет о геологическом путешествии по Туркестану в 1875 г. Там же, стр. 223; его же. Путешествие на Алтай и Памир в 1874 году. Там же, стр. 1—3; T. V. Moushketov. Les Richesses minerales du Turkestan Russe. Там же, стр. 333; его же. О месторождениях графита, соли, гипса, серы, нашатыря, железного купороса, квасцов, минерала, близкого к агальматолиту, строительных камней и бирюзы в Туркестанском крае. «Туркестанские Ведомости», 7, 1878, стр. 27; Описание месторождения в последней статье дается по выдержке из рапорта горного инженера Романовского Туркестанскому генерал-губернатору. Вероятно, по этой причине при переиздании статьи в 1910 г. (в Зап. ИРГО по общей географии, XXXIX, 1) этот абзац был выпущен, несмотря на сохранение общего названия статьи; его же. Туркестан, I, СПб., 1886, стр. 348, 349; его же. Туркестан, II, СПб., 1906, стр. 326, 327.

[51] А. Андреев. Каталог полезных ископаемых Русского Туркестана. Ташкент, 1912, стр. 108.

[52] В. Вебер. Полезные ископаемые Туркестана. СПб., 1913, стр. 154.

[53] А. Е. Ферсман. Драгоценные и цветные камни СССР. Избр. труды, VII, М., 1962, стр. 113, 114.

[54] Б. Н. Наследов. Кара-Мазар..., стр. 298.

[55] М. Е. Массон. Из истории горной промышленности..., стр. 79.

[56] А. Ф. Соседко. Бирюза. Сб.: «Неметаллические ископаемые СССР». II. М.— Л., 1943, стр. 160.

размеров. Одна из них округлой формы, диаметром приблизительно 15 *м;* другая овальная, длиной 30, шириной 15 *м;* последняя, четвертая, выработка в плане округлая, диаметром 12—15 *м*. Рядом с ними мощные отвалы, содержащие много бирюзовой крошки. Месторождение было отработано в древности на глубину свыше 20 *м*.

Между выработками в ложбине видны остатки трех однокомнатных домиков-жилищ древних горнорабочих, сложенных из кусков рваного камня. Расположены они по линии север — юг, с коридорообразным входом-пристройкой в юго-восточном углу. Длина коридора 2,4—2,8 *м* при ширине 1,4—1,6 *м*. Наружные размеры стен строений колеблются в пределах 5,6—9,6 *м*. Снаружи и изнутри стены оштукатурены глиной со значительной примесью щебенки. В одном из жилищ есть лежанка-суфа шириной 1,6 *м*, протянувшаяся по всему внутреннему периметру помещения.

В этом домике при расчистке стены нами найдены фрагменты глиняного котла, покрытые копотью. На площадке собраны: фрагмент сероглиняной керамики со штампованным орнаментом, фрагмент с процарапанным линейным орнаментом и несколько других, менее выразительных фрагментов. В древней выработке № 1, в месте ее подсечения рассечкой на глубине около 20 *м*, обнаружены фрагменты толстостенной лепной керамики, покрытые красным ангобом с вертикальным лощением. Собранный керамический материал позволяет нам отнести время функционирования древнего рудника Фирюза-кан в IX—XII вв.

Из обзора древних рудников Илака, бывших местом добычи бирюзы, только два представляются как специализированные — Унгурли-кан и Фирюза-кан. Остальные были объектами комплексной разработки полезных ископаемых: золота, серебра, меди, бирюзы.

Фирюза-кан, расположенный почти на границе Илака с Ферганой, вблизи средневекового города Ходжента, больше тяготел, видимо, к этому крупному центру, нежели к самой области Илак. В связи с этим становится понятным сообщение Бекрана (XII — начало XIII в.), что на средневековых базарах была известна «ходжентская бирюза», под которой шла и бирюза из Исфары [57]. Его сообщение свидетельствует, во-первых, о том, что в период расцвета горного промысла в районе Ходжента в числе других полезных ископаемых широко добывали бирюзу,— факт, подтвержденный и археологическим путем; во-вторых, что высококачественная ходжентская бирюза была в ту пору своего рода эталоном этого самоцвета на средневековых базарах. Называя же бирюзу из-под Исфары «ходжентской», он, видимо, имел в виду их качественную близость, главным образом по цвету. Поскольку в районе Ходжента известно только одно относительно крупное по сравнению с двумя другими незначительными объектами месторождение бирюзы — Фирюза-кан, нужно полагать, что прежде всего именно его бирюза была известна на средневековых рынках под термином «ходжентская бирюза».

Становится понятным и сообщение Бабура (XVI в.) о том, что «К северу от крепости (Ходжента) и реки (Сейхун — Сырдарья) стоит гора, называемая Мутугиль; говорят на этой горе находятся бирюзовые россыпи и другие рудники...» [58].

В отличие от Фирюза-кана, древний рудник Унгурли-кан находится в центре области Илак, всего в 10—12 *км* от р. Илака, т. е. Ангрен, и представляет собой гораздо более крупное горнорудное предприятие как по площади, так и по количеству выработок. В X—XI вв. месторождение

---

[57] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. 1, Тексты. СПб., 1898, стр. 11.

[58] Бабур-намэ. Перевод М. Салье. Ташкент, 1948, стр. 12; Н. Н. Пантусов переводит несколько иначе: «Крепость ходжентская расположена на высоком месте. Река Сейхун обтекает ее с севера... На севере от крепости и реки находится гора по имени „Матугаль". Говорят, что в этой горе есть бирюзовые и другие залежи». См.: Н. Н. Пантусов Фергана по «Запискам султана Бабура». СПб., 1884, стр. 21.

было выработано на всю глубину развития бирюзовой минерализации до горизонта 40—50 *м*. Древние рудокопы прекратили отрабатывать его только потому, что почти вся бирюза оказалась выработанной. Никаких других материалов, свидетельствующих о добыче здесь этого самоцвета в более раннее или более позднее время, пока нет. Все вышесказанное позволяет, на наш взгляд, выдвинуть предположение об идентификации древнего рудника Унгурли-кан с «Илакским рудником», о котором очень коротко упоминает в своей «Минералогии» Бируни.

E. B. Prougher

LA TURQUOISE ET LES CARRIÈRES D'ILAK

Résumé

La turquoise est une pierre de couleur les plus estimées des peuples de l'Orient. Sa large utilisation dans l'antiquité est confirmée tant par l'archéologie que par les documents écrits. Birouni cite plusieurs carrières de turquoise et quelques régions de son extraction. Sa communication sur la carrière de turquoise d'Ilak est d'un intérêt tout particulier.

Dans les limites de la région médiévale d'Ilak, à différents périodes il a été découvert plusieurs gîtes de turquoise d'ornement exploités par les anciens carriers. Tous situés dans les monts d'Ilak (aujourd'hui les monts de Kara—Mazar), ils étaient pour l'essentiel exploités de façon complexe aux fins de l'extraction non seulement de la turquoise mais aussi d'autres minerais. Il n'y avait que deux mines — celle d'Oungourli-kan (IX-première moitié du XI ss.) et celle de Firuzakan (IX—XII ss.) d'où l'on extrayait exlusivement la turquoise. Presque sur la frontière de l'Llak et du Ferghana, non loin de la ville médiévale de Khodjent, la carrière de Firuza-kan «tendait» plutôt vers cette grande ville que vers la région d'Ilak dont elle faisait partie. Par contre, celle d'Oungourli-kan se trouve au centre de l'Ilak et est une exploitation plus importante. Les résultats des investigations géologiques et archéologiques permettent d'identifier l'ancienne carrière d'Oungourli-kan à la «carrière de turquoise à Ilak» dont il est question dans la «Minéralogie» de Birouni.

Н. С. ГРАЖДАНКИНА, Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

ВЛИЯНИЕ ХОРЕЗМА НА КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА МАДЖАРА

Наличие торгово-ремесленных связей между Средней Азией и золотоордынскими городами Поволжья отмечали многие исследователи [1]. Особенно выделяется здесь Хорезм, где ко времени монгольского завоевания сложилась крупная керамическая и архитектурная школа по производству бытовой и облицовочной керамики. Л. П. Матвеева утверждает даже, что облицовочная керамика завозилась в Болгары непосредственно из Хорезма [2]. С последним трудно согласиться; скорее всего, здесь, как и в Новом Сарае, работали хорезмийские мастера.

Бытовая керамика

В исследованной нами глазурованной фаянсовой [3] и штампованной глиняной керамике с городища Маджар выделяются по меньшей мере шесть основных типов, которые связаны с Хорезмом.

Тип I. Керамика с бесцветной прозрачной глазурью, полихромной подглазурной росписью и подглазурным рельефом. Тесто — желтоватый, иногда светло-розовый, слегка пористый фаянс. Основные ведущие формы — сосуды типа «каса» и пиалы на кольцевом поддоне. Орнаментация внешней стороны этих сосудов однообразна: в основном это белый рельефный узор в виде арок, края которых обведены зеленоватыми или темно-зелеными линиями, а поверхность расцвечена крупными темно-синими точками. Пространство между арками обычно украшено косыми или прямыми линиями (рис. 1). Более богато орнаментирована внутренняя сторона, основным принципом орнаментации которой является деление всей поверхности на ряд поясов, с заполнением каждого из них соответствующим рисунком. Среди маджарской керамики этого типа намечаются два ведущих мотива. Первый мотив — пояс с диагональной сеткой из синих линий следует непосредственно от края венчика, а ниже его идет

---

[1] А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. ИГАИМК, 1931, VII, 2—3, стр. 28—47; его же. Столица Золотой Орды Сарай-Берке. Л., 1932, стр. 36—40; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 140—150; Э. К. Кверфельд. Керамика Ближнего Востока, Л., 1947, стр. 86—88; К. Н. Папа-Афанасопуло. Декоративная керамика золотоордынской архитектуры. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников архитектуры. ТССР, IV, Казань, 1930, стр. 15; Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964, 1, стр. 265 и 268.

[2] Л. П. Матвеева. Поливные изразцы из Болгар. СА, 1959, 2, стр. 225—226.

[3] Древний фаянс многие археологи называют «кашином». Наименование является производным от «каши», «кашани». Так на Востоке называют отдельные элементы архитектурного декора из глазурованной керамики равно и на фаянсовом и на обычном глиняном основании. Фаянс же — термин, который обозначает керамический материал, выполненный из смеси дробленого кварца, глины и извести.

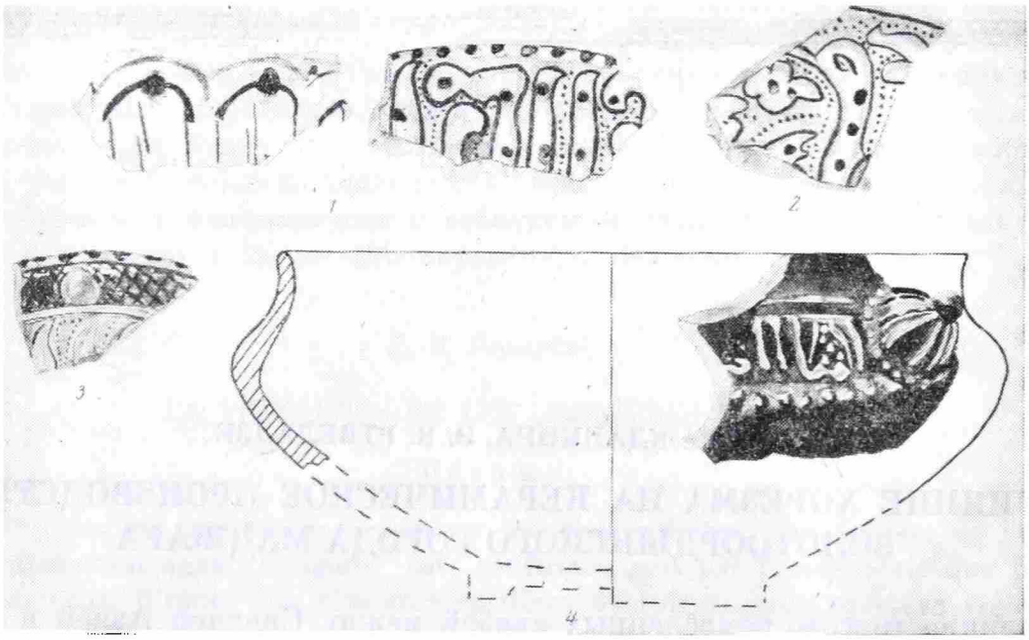


Рис. 1. Фаянсовая глазурованная керамика с городища Маджар

1—3 — фрагменты керамики с полихромной подглазурной росписью; *4* — фрагмент сосуда с ультрамариновой и бирюзовой глазурью, с подглазурным рельефом

пояс с рельефно выполненным арабским словом الاقبال —«успех» (рис. 1, *3*). Второй мотив — пояс с словом الاقبال идет сразу же от венчика (рис. 1, *1*), а ниже его располагается другой пояс с рельефно выполненными миндалинами, расцвеченными синими точками. Совершенно аналогичная по технике исполнения, орнаментации и глазури керамика найдена в Куня-Ургенче [4] и Шемаха-Кала [5].

К числу характерных особенностей керамики этого типа относится изображение на донце фигуры утки в окружении стилизованных бутонов и листьев. Такие изображения, идентичные найденным в Шемаха-Кала [6], Новом Сарае (Сарае-Берке), встречены и в Маджаре (рис. 1, *2*). А. Ю. Якубовский считал, что керамика этого типа изготовлена под влиянием керамической школы Ургенча и даже допускал возможность вывоза в первые годы из Ургенча как самой посуды, так и мастеров [7].

Тип II. Керамика с прозрачной бирюзовой глазурью и черной подглазурной росписью. Тесто — фаянс розоватого, желтоватого, иногда светлого цвета, пористый. Керамика этого типа составляет значительный процент среди находок с городища Маджар. Основные формы — крупные чаши и небольшие кувшинчики без ручек. Поверхность сосудов гладкая. Иногда внешняя сторона слегка рифленая. На донце часто помещался шестилепестковый цветок, обведенный кругом черного цвета; вокруг него разбросаны черные точки и запятые (рис. 2, *3*). Внешняя сторона, обычно до венчика, украшена орнаментом из трехлепестковых бутонов, ограниченных черными линиями (рис. 2, *1*). В орнаментальный мотив входят также различные сочетания растительных побегов, прямых и косых линий (рис. 2, *3*, *4*). Керамика подобного типа в XIII—XIV вв. была широко распространена в Средней Азии и в странах Ближнего и Среднего Востока. Однако орнаментация маджарской керамики этого типа особенно

---

[4] А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности..., стр. 33—35, рис. 9—10, 11—12.

[5] Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX—XVIII вв.). Тр. ХЭ, IV, М., 1959, стр. 323, рис. 35, *3—4*.

[6] Там же, стр. 318, рис. 29, *1*.

[7] А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 36, 37.

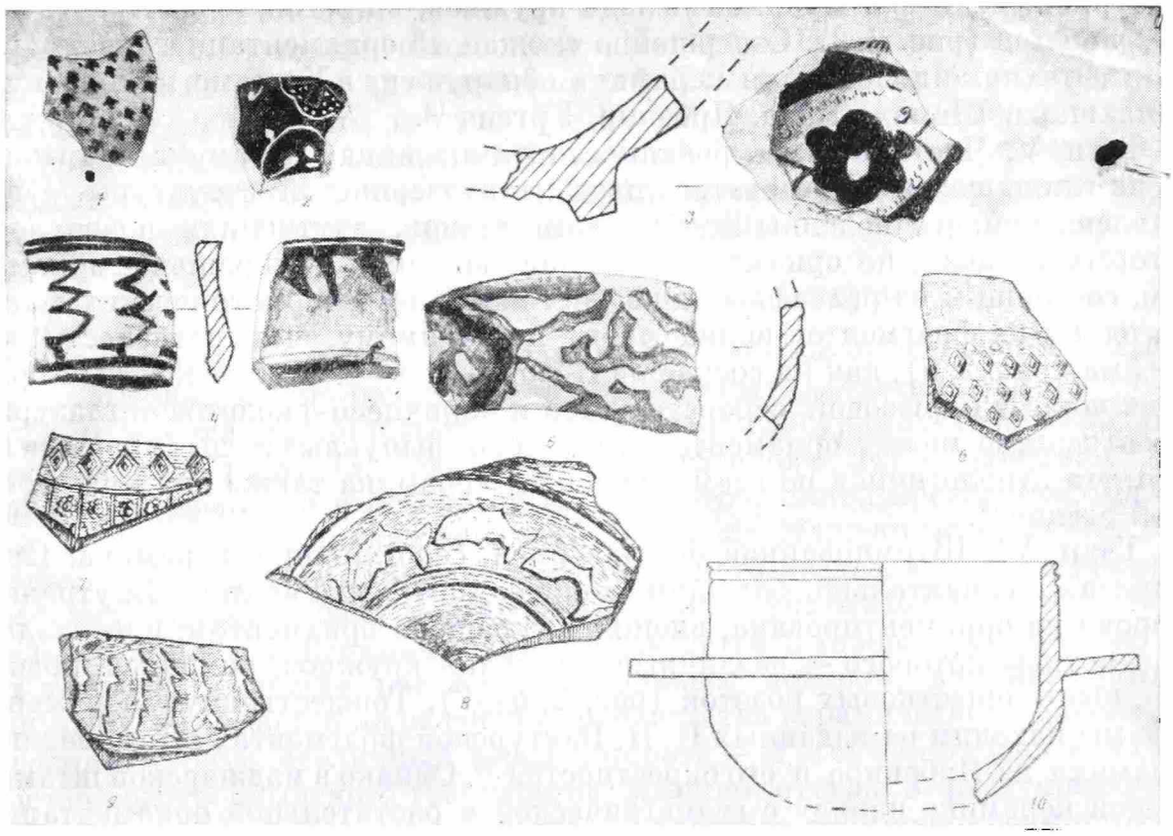


Рис. 2. Фаянсовая глазурованная и штампованная глиняная керамика с городища Маджар

1, 3, 4 — фрагменты сосудов с прозрачной бирюзовой глазурью и черной подглазурной росписью: *2* — фрагмент сосуда с полихромной надглазурной росписью; *5* — частично глазурованная штампованная керамика с выпуклым рельефом; *6, 7, 8, 9* — фрагменты стенок и донца штампованной глиняной керамики; *10* — чашечка из талькохлорита

близка посуде, найденной в Новом Сарае, в Куня-Ургенче [8] и Шемаха-Кала [9].

Тип III. Керамика этого типа с внешней стороны покрыта темно-синей (ультрамариновой), а с внутренней — бирюзовой прозрачной поливой. Тесто — фаянс той же структуры и цвета, что и у предыдущих типов. Основная форма — крупные чаши. Внутренняя поверхность — гладкая, не орнаментированная, на внешней — орнаментальный пояс, состоящий обычно из рельефно повторяющегося арабского слова الاقبال, располагается по шейке сосуда, оконтуренной снизу белыми рельефными точками. Плечи сосуда оформлены несколькими выступающими рифлеными шишечками, основания которых окружены белыми рельефными точками (рис. 1, *4*). Подобные выступы имеются на сосуде из Куня-Ургенча, изданного Г. А. Пуганченковой [10].

Аналогичный с маджарским по технике исполнения, орнаментации и по цвету глазури фрагмент сосуда найден на Шемаха-Кала [11]. Есть такая посуда и на городище Маджар [12].

Тип IV. Керамика с синей глухой щелочно-оловянной глазурью и полихромной надглазурной росписью, на фаянсовой основе. Тип более редкий, чем предыдущие, представлен небольшими фрагментами тонкостенных сосудов, внешняя поверхность которых, как правило, украшена орнаментом

---

[8] Там же, стр. 39, рис. 17—20.

[9] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., стр. 323, рис. 34, *1*.

[10] Г. А. Пугаченкова. Орнаментированный сосуд из Куня-Ургенча. Тр. ТашГУ, 182, Ташкент, 1960, стр. 197.

[11] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., стр. 324, рис. 35, *5*.

[12] Н. М. Булатов. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов. СА, 1968, 4, стр. 100, табл. 2.

из вертикальных полосок. Изнутри сосуды расписаны белой и красной надглазурной росписью. Орнамент в виде кружков, зигзагов, точек и растительных побегов (рис. 2, *2*). Совершенно схожая по орнаментации, цвету глазури и технике исполнения керамика обнаружена в Хорезме, на городищах Замахшара, Шемаха-Кала, Ярбекир, Ургенч [13].

Тип V. Частично глазурованная, штампованная керамика, изготовлена из глины серовато-розоватого цвета, тонкозернистой структуры. Представлена немногочисленными обломками стенок, внутренняя поверхность которых гладкая, не орнаментированная; внешняя — украшена орнаментом, состоящим из рельефных арабских надписей и геометрических фигур. На одном из фрагментов видна часть, по-видимому, четырехлепесткового клейма (рис. 2, *5*), как на сосуде из Нового Сарая [14]. Этот рельефный орнамент покрыт бирюзовой, серовато-синей и коричнево-фиолетовой глазурью. Пространство между орнаментом заполнено выпуклыми штампованными точками. Аналогичная по всем признакам керамика также найдена в Куня-Ургенче [15].

Тип VI. Штампованная безглазурная, сероглиняная керамика. Представлена сравнительно большим количеством фрагментов. Внутренняя сторона не орнаментирована, внешняя украшена орнаментом, преобладающие мотивы которого — различные сочетания кружков, ромбиков, крестиков, шестилепестковых розеток (рис. 2, *6—7*). Тождественную орнаментацию мы находим на изданных Н. Н. Вактурской фрагментах штампованной керамики из Ярбекира и его окрестностей [16]. Однако в маджарской штампованной керамике наряду с геометрической и растительной орнаментацией представлены и зооморфные сюжеты, причем наиболее широко распространены среди них фигуры рыб. Некоторые изображения сильно стилизованы, но большинство передано в реалистической манере. Особый интерес представляет изображение на донце сосуда, где фигуры рыб показаны как бы плывущими друг за другом по кругу (рис. 2, *8*). Но такой прием изображения рыб редок. В основном же эти фигуры расположены на внешней поверхности вертикально, сплошным рядом (рис. 2, *9*). Подобный принцип размещения рыб, как отмечает С. Б. Лунина, очень характерен для штампованной керамики Мерва [17]. И хотя манера изображения рыб на штампованной керамике из Мерва и Маджар несколько отличается, но все остальные признаки — орнаментация, принцип расположения пояса с фигурами рыб между двумя поясами с другим орнаментом — говорят о том, что, вероятнее всего, маджарская штампованная керамика изготовлена в подражание более ранней мервской. По-видимому, основные принципы изготовления этой керамики проникли в г. Маджар через Хорезм, куда они, в свою очередь, попали из Мерва.

Значительный интерес для нашей темы представляют также фрагменты талькохлоритовой утвари. Среди них имеются фрагменты от больших котлов с горизонтальными выступами, трапециевидными в сечении, и небольшая круглодонная чашечка 6 *см* высотой с опоясывающим весь сосуд горизонтальным бортиком, выступающим от тела сосуда на 2,5 *см* (рис. 2, *10*). Стенки этих сосудов гладко отшлифованы, излом серый, слабо зернистый, хотя встречается и крупнозернистый, что, возможно, указывает на разные пункты добычи талькохлорита.

На территории Северного Кавказа находок талькохлоритовых изделий до XIV в. пока не зафиксировано, в то же время они очень часто встреча-

---

[13] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., стр. 324, рис. 29, *2—3*.
[14] А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 44, рис. 30.
[15] Там же, стр. 45, рис. 31.
[16] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., стр. 308, рис. 23, *5*, *7*, и рис. 24, *1*, *7*.
[17] С. Б. Лунина. Зооморфные сюжеты в керамике со штампованной орнаментацией из гончарной мастерской XII — начала XIII в. в квартале керамистов Старого Мерва. Археология Средней Азии. Тр. ТашГу, V, Ташкент, 1960, стр. 81.

ются на ряде городищ Хорезма [18], в Фергане [19], на городище Султан-Кала в Старом Мерве, в слоях X—XIII в., где нам приходилось наблюдать формы котлов, аналогичные найденным в Маджаре. О добыче талькохлорита в Хорезме сообщал еще арабский географ XIV в. ал-Омари [20]. Согласно новейшим исследованиям геолога Ю. Б. Айзенберга, месторождения талькохлорита имеются к северу от Ташауза [21]. Таким образом, имеется много данных, говорящих о том, что талькохлоритовые изделия попали в Маджар из Средней Азии, вероятнее всего, из Хорезма.

Архитектурная, облицовочная керамика

Фрагменты облицовочной керамики на фаянсовом основании [22] с городища Маджар можно разделить на три группы: I — детали мозаичного набора и майолики, покрытые одноцветными глазурями; II — майолика с подглазурной росписью под прозрачной глазурью; III — майолика с надглазурной росписью и позолотой на кобальтово-синей прозрачной глазури.

Сравнительный анализ керамики городища Маджар по внешним признакам и результатам химико-технологического исследования с керамикой Хорезма, Нового Сарая, Болгар и Самарканда указывает на наличие значительной общности керамического производства в городах, удаленных друг от друга на большие расстояния. Главным центром, влияние которого ощутимо сказывается на развитии производства керамического декора, был древний Хорезм, столичный город которого — Ургенч — входил в XIV в. в состав золотоордынского государства. Именно оттуда в растущие города Поволжья было перевезено большое количество мастеров-керамистов [23].

Изучение оснований всех трех типов облицовочной керамики позволило установить два вида фаянса. Розоватый, с несколько грубой текстурой, с высоким содержанием кремнезема, без (или почти без) глиняной составляющей (табл. 1 и 2 — № 607из); представляет собой естественный кварцевый материал (песок или кварцит), содержащий незначительное количество примесей, играющих роль минерализаторов, которые способствуют при обжиге изделия точечному спеканию частиц кварца [24]. Аналогичный способ встречен в мозаике и майолике Куня-Ургенча (табл. 1 и 2 № 215из и 43из), Нового Сарая (№ 523из, 529из, 531из табл. 1 и 2), Миздахкана (№ 47). Тот же тип материала приводится Л. П. Матвеевой для керамики Болгара (табл. 1).

Для получения фаянса высокосиликатного типа песок или кварцит измельчали в порошок и разводили на водном растворе клея. Массу превращали в пласт нужной толщины и разрезали на плитки по шаблону. Если на поверхности изделия должен был быть рельеф, его оттискивали на сырой плитке при помощи штампа. После высушивания изделие приобретает прочность, достаточную для переноски и установки в печь. Температура обжига колеблется в пределах 950—1150°, иногда до 1200°.

Второй тип фаянса с городища Маджар — более светлый, иногда почти белый (№ 606из в табл. 1 и 2), содержит около 8% глины и 2% извести.

---

[18] Н. Н. Вактурская. О раскопках 1948 г. на средневековом городе Шемаха-Кала Туркменской ССР. Тр. ХАЭЭ, 1, М., 1952, стр. 173.

[19] И. Ахраров. Каменные котлы средневековой Ферганы. Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965, стр. 9—13.

[20] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. 1, СПб., 1884, стр. 242.

[21] Ю. Б. Айзенберг. Из истории использования естественного камня. Тр. ЮТАКЭ, VIII, Ашхабад, 1958, стр. 379, схема, рис. 2.

[22] Керамика на глинокерамическом основании, найденная на городище Маджар, в данной работе не рассматривается, так как она не связана с Азербайджаном.

[23] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 148.

[24] Н. С. Гражданкина. Методика химико-технологического исследования древней керамики. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 158—159: ее же. Строительные материалы мавзолеев Миздахкана. Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960, стр. 52.

Таблица 1

Химический состав подглазурных оснований керамики

№ проб	Проба	Компоненты химического состава в %% на высушенное вещество								Потеря при прокаливании
		SiO_2	Fe_2O_3 + FeO	Al_2O_3	CaO	MgO	SO_3	K_2O	Na_2O	
	Керамика городища Маджар									
607из	Майолика, розоватый фаянс	92,17	0,87	—	0,84	0,30	0,11	0,70	1,62	0,42
606из	Мозаика, белый фаянс	88,34	1,15	3,42	1,40	0,90	0,17	0,90	2,38	0,90
	Керамика Золотой Орды (Новый Сарай) 60-е годы XIV в.									
529биз	Майолика, светлый фаянс	94,53	0,62	1,68	0,94	0,70	0,15	0,47	0,70	0,41
531из	Мозаика, розоватый фаянс	94,14	0,96	1,34	1,24	1,20	0,05	0,43	0,64	0,43
—	Основание изразца из Болгар *	91,00	3,3		2,4	0,3	—	—	—	0,9
	Керамика Хорезма XIV в.									
215из	Куня-Ургенч, мавзолей Тюрябек-ханым, мозаика, розоватый фаянс	91,57	1,50	2,00	2,05	1,06	0,60	0,36		1,13
39из	«Караван-сарай», вставка в керамическую решетку, светлый фаянс	90,72	1,75	1,82	2,62	1,13	1,03	0,22		0,85
43из	Мавзолей Наджмеддина-Кубра, надгробие, розовато-землистый фаянс	90,82	1,62	2,19	2,32	1,13	0,70	0,22		1,00
47из	Миздахкан, мавзолей Музлум-хан-сулу, майолика, розовато-землистый фаянс	91,12	0,97	2,28	2,39	0,83	0,66	0,75		0,66
	Основание изразца из Ургенча **	86,0	3,6		4,1	1,6	—	—		1,4
	Керамика Самарканда									
	Шахи-Зинда, мавзолей Безымянный № 2									
73из	Майолика, светлый фаянс	87,36	0,70	4,05	3,06	2,06	0,54	1,27		0,96
388из	Майолика, светлый слегка розоватый фаянс	84,20	1,41	6,11	3,58	2,46	0,24	1,72		0,28
75из	Мавзолей Ширин-бека-ака мозаика, розовато-землистый фаянс	76,00	2,86	8,14	8,26	2,40	0,77	0,69		0,88
64из	Майолика, белый фаянс. Подъемный у мавзолея Хаджи Ахмеда	75,19	1,02	4,90	8,30	4,43	0,52	2,37		3,27

* Л. П. Матвеева. Поливные изразцы из Болгар, СА, 1959, № 2, стр. 226.
** Там же.

Физико-механические показатели подглазурных оснований керамики

№№ проб	Проба	Исходные материалы	Вероятный весовой состав, %	Температура обжига, °С	Объемный вес, г/см³	Водопоглощение, %	Прочность при сжатии в кГ/см² в состоянии:		Снижение прочности
							сухом	насыщенном водой	
		Керамика городища Маджар							
606из	Мозаика, белый фаянс, под синей глазурью	Кварцевый порошок + глина + известь	90+8+2	1050	1,43	16,96	115	78	32,17
607из	Майолика, розоватый фаянс под тройным слоем глазури	Измельченный кварцевый материал, скрепленный клеем	100	1050	1,23	18,42	76	66	13,10
		Керамика Царевского городища (Новый Сарай)							
529из[б]	Майолика, землистый фаянс под голубой глазурью	Измельченный кварцевый материал, скрепленный клеем, может быть с небольшим количеством извести и глины	100—(97+3)	1200	1,35	23,10	23	22	4,3
528из[б]	То же	То же	100—(97+3)	1150	1,35	25,40	35	27	23,0
		Керамика Хорезма							
215из	Майолика под разноцветной глазурью (фаянс) Мавзолей Тюрябек-ханым	Бархатный песок, измельченный и скрепленный клеем	100—	900—950	1,75	17,80	90	50	44,4
215из	Мозаика, розовый фаянс. Мавзолей Тюрябек-ханым	То же	100—	950	1,35	20,40	86	48	44,2
39из	«Караван-сарай», майолика на светлом фаянсе с голубой глазурью	Молотый кварцит с незначительной примесью глины и извести	97+3	1100	1,40	19,60	73	65	24,60
		Керамика Самарканда (комплекс Шахи-Зинда)							
64из	Майолика с разноцветной росписью	Кварцит + глина + известь	76+10+14	1100—1150	1,56	22,80	77	71	7,8
73из	Мавзолей Безымянный № 2, майолика с синей глазурью и надглазурной росписью	Молотый кварцит + глина + известь	84+11+5	1000—1100	1,58	18,20	60	46	23,3
388из[а]	Там же, майолика с разноцветной надглазурной росписью на желтом фаянсе	То же	82+13+5	1050	1,32	39,40	39	40	—
388из[б]	То же, розовый фаянс	»	82+13+5	950	1,30	38,50	22	17	22,73

Доля кварца здесь ниже, чем у типичных хорезмийских, и приближается к самаркандским фаянсам и к анализу хорезмийского изразца, проведенному Л. П. Матвеевой (табл. 1 и 2).

Глазурные покрытия керамики первой группы представлены: бледно-голубой с позолотой (608 из табл. 3), белой заглушенной и стекловидной, нанесенной поверх слоя кристаллического белого ангоба (№ 609из и 609из в табл. 3); синей, светлой и темной (№606из табл. 3, рис. 3, *1—2*), голубой (рис. 3, 3) и, наконец, столь характерный для Хорезма тип двухслойных глазурей: темно-красная по белой глухой глазури и светло-зеленая керамическая краска, наложенная поверх прозрачной стекловидной глазури.

В табл. 3 сконцентрированы показатели глазурей, полученные в результате технологического и микроскопического исследования, а также спектрального полуколичественного анализа [25].

Здесь мы видим совершенно аналогичные глазури, выполненные теми же способами. В керамике Хорезма практикуется применение двух- и трехслойных глазурей или двух слоев глазури, наложенных на специальную подготовку из светлого, почти целиком сделанного из кварца фаянса. Темно-красный цвет, часто применявшийся в облицовках Хорезма, здесь накладывается и на прозрачную и на заглушенную бесцветные глазури. Среди образцов керамики Нового Сарая (№ 523из в табл. 3) встречается трехслойная глазурь: желтая на зеленой и на стекловидной. Верхний слой собственно не является глазурью, а керамической краской, о чем свидетельствует ее меньшая твердость по сравнению с подстилающей глазурью (табл. 3).

Большое сходство наблюдается также и в химических составах глазурей (по данным спектрального анализа), различие обычно заключается лишь в мелких примесях, свидетельствующих об использовании местного сырья. Глазури белого, голубого и зеленого цветов, как правило, относятся к типам щелочно-свинцово-оловянных, что характерно для XIV в., когда глазури светлых тонов заглушались оловом для того, чтобы через них не просвечивали различные оттенки основания. Исключение составляет образец № 609из белого цвета, образованного тонким белым ангобным покрытием под щелочной стекловидной глазурью. В Средней Азии такие глазури начинают появляться в XVI в. и получают распространение в XVII в. Можно предположить использование для мозаики полуфабриката, заготовки под керамическую краску или фрагмента испорченной майолики второй группы, о которой речь пойдет ниже. Синие щелочные глазури, окрашенные кобальтом, на городище Маджар точно такие же, как в Хорезме, Новом Сарае и Самарканде. Они никогда не заглушались, так как темная насыщенная окраска их скрывала все дефекты основания. Излишек щелочи часто вызывал образование ее кристаллов на лицевой поверхности глазури во время остывания, что напоминает морозные узоры, не уменьшающие, однако, блеска глазури. В кобальтовых глазурях встречаются непроваренные частицы, и они быстрее поддаются разлагающему действию солей во время пребывания в земле.

Если рассматривать образцы керамики первой группы Маджара, Нового Сарая и Хорезма, не зная их происхождения, то с уверенностью можно считать их сделанными в одном месте. Наличие исторических сведений о перемещениях мастеров из Хорезма и более позднее возникновение золотоордынских городов позволяют утверждать влияние хорезмийской школы на развитие керамики в гг. Маджаре и Сарае. В Самарканде же керамика такого рода появилась позднее на рубеже XIV и XV вв.

К е р а м и к а II г р у п п ы. Майолика с росписью по белому кристаллическому ангобу, под прозрачной щелочной глазурью № 621из, 622из —

---

[25] Спектральные полуколичественные анализы выполнены в спектральной лаборатории САИИГИМС.

Некоторые показатели глазури *Таблица 3*

№№ проб	Цвет глазури	Прозрачность	Тип глазури	Главный краситель	Цек	Твердость по Моосу	Блеск	Температура плавления, °С	Промежуточный слой
Керамика городища Маджар									
608из	Бледно-голубой с позолотой	Глухая	Щелочно-свинцовая малооловянная	Медь	Мелкий	6	Нет, поверхность сухая	800	Очень значительный
607из	Бледно-зеленый на стекловидном	Глухая поверхность, прозрачное основание	Щелочно-свинцово-оловянная на щелочно-свинцовой	Медь	Не выражен	4-верхний слой 6—7 основание	Верхний слой матовый, нижний — блестящий	700	Средний, отчетливый
609из	Белый	Глухая	Щелочно-свинцово-оловянная	—	Средний	7	Хороший	800	Не выражен
609из	»	Прозрачная	Щелочная	—	»		Сильный	700—720	Отчетливый
606из	Синяя, светлая	»	Щелочная	Кобальт	»	7—8	Слабый, верхний Слой разложился	720—730	Не выражен
606из	Синяя, темная	»	»	»	»	7—8	Матовый, поверхность разложилась	720—730	»
628из	Темно-красная	Глухая поверхность белой глазури	Железистая керамическая краска на щелочной глазури	Железо + + алюминий	Отсутствует	Красная 6, белая 7	Без блеска, поверхность матовая	800	Постепенный переход от глазури к фаянсу
621из	Синяя	Прозрачная	Щелочная	Кобальт	Редкий	7	Слабый, поверхность разложилась	800	Значительный
622из	Бледно-голубая	»	»	Медь	Мелкий		Хороший, свежий		»
623из	Синий	»	»	Кобальт	Мелкий, слабо выражен	6—7	Поверхность разложилась, излом блестящий	720	Очень значительный
Керамика Царевского городища (Новый Сарай)									
523из	Желтый и зеленый на стекловидной	Глухая поверхность, прозрачное основание	Щелочно-свинцово-оловянная на щелочно-свинцовой	Медь и железо	Нет	3-й верхний слой, глазурь — 6—7	Матовая поверхность, глазурь блестящая	750—770	Средний
526из	Белая	Глухая	Щелочно-оловянная, малосвинцовая	—	Не выражен	6—7	Почти нет	850	Незначительный

№№ проб	Цвет глазури	Прозрачность	Тип глазури	Главный краситель	Цек	Твердость по Моосу	Блеск	Температура плавления, °С	Промежуточный слой
531из	Светло-синяя	Прозрачная	Щелочная	Кобальт	»	7—8	Сухая, недостаточно проваренная	700—720	Умеренный
529[6]из	Голубая	Глухая	Щелочно-свинцово-оловянная	Медь	»	6—7	Сухой, поверхность слегка разложилась	700—710	»
524из	Темно-красная, на белой	Глухая керамическая краска на полупрозрачной глазури	Железистая керамическая краска на щелочной, малосвинцовой глазури	Железо и алюминий	Не выражен	6	Матовая краска на слабо блестящей глазури	800	Незначительный
			Керамика Хорезма						
215из	Светло-зеленая на прозрачной	Глухая	Щелочно-свинцово-оловянная	Медь	Нет	7	Свежий	700—720	Не выражен
215из	Синяя	Прозрачная	Щелочная	Кобальт	»	7—8	Хороший, свежий	700—720	Значительный
215из	Темно-красная	Глухая керамическая краска, на полупрозрачной глазури	Железистая керамическая краска на щелочно-свинцовой глазури	Железо и алюминий	»	6—7	Матовая, гладкая поверхность	—	Не выражен
629из	»	Глухая керамическая краска на глухой глазури	Железистая керамическая краска	»	»	6	Сухая, матовая поверхность	800—820	»
215из	Голубая	Глухая	На щелочно-свинцово-оловянной глазури	Медь	Нет	7	Хороший	700—720	Умеренный
215из	Белая	»	Щелочно-свинцово-оловянная	»	Неясный	7	Сухой	710	Не выражен
43из	Белая	Прозрачная	Щелочная	»	Значительный	7	Очень хороший	720—750	Значительный
43из	Синяя	»	»	Кобальт	»	7	»	720—750	»
47из	Прозрачная на белом ангобе	»	»		Малозаметный	7	»	720	»

Таблица 3 (окончание)

№№ проб	Цвет глазури	Прозрачность	Тип глазури	Главный краситель	Цек	Твердость по Моссу	Блеск	Температура плавления, в °С	Промежуточный слой
Керамика Самарканда									
73из	Синяя	Прозрачная	Щелочная	Кобальт	Не выражен	6—7	Тусклый, поверхность разложилась	720	Значительный
388из	Синяя	»	»	»	Крупный	6—7	»	720	Очень значительный
388из	Светло-зеленая	Глухая	Щелочно-свинцово-оловянная	Медь	Малый	6	Матовый	700	Нет
64из	Белая с подглазурной росписью	Прозрачная	Щелочная	—	Крупный	6—7	Хороший	700—720	Очень значительный
392из	Красная на белой	»	Железистая краска на щелочно-свинцово-оловянной	Железо и алюминий	Не выражен	Краска-3 Глазурь-6	Матовая без блеска	—	Не выражен

с городища Маджар и 43из, 47из — из Хорезма, 64из — из Самарканда (табл. 3) появилась приблизительно в 20—30-х годах XIV в. в Хорезме (Ургенч, Миздахкан) и распространилась затем по Средней Азии и Поволжью. В качестве примера можно привести облицовку известных надгробий: Наджмеддина-Кубра в Куня-Ургенче 20—30-х годах XIV в.[26], приблизительно одновременные надгробия Музлум-Хан-Сулу в Миздахкане и Сейида Алауддина в Хиве и, вероятно, несколько более позднее в мавзолее Кусама ибн Аббаса в Самарканде. В Казанском краеведческом музее экспонированы фаянсовые плиты из раскопок Болгара, а в Астраханском — из Нового Сарая, являющиеся копией облицовок надгробий XIV в., они же приведены на рис. 2 (№ 2 и 3) в статье Л. П. Матвеевой[27]. Описание «майоликовых изразцов» соответствует известным фаянсовым майоликам из Самарканда, Хорезма и Маджар, только прозрачная бесцветная или бирюзовая щелочная глазурь неправильно названа свинцовой[28].

Помимо известных датированных памятников, целый ряд фрагментов, рассеянных по огромной территории Куня-Ургенча, говорит о большой распространенности в Хорезме этого, пожалуй, наиболее красивого типа облицовок. Фрагменты, собранные на городище Маджар (рис. 3, *4*) совершенно одинаковы с ними. Майолика эта готовилась из того же фаянса, невысокий (до 1—3 *мм*) рельеф оттискивался штампом на сырых пластинах. После высыхания поверхность покрывалась белым кристаллическим ангобом, по существу тем же фаянсом, только составленным из особо чистых, тонко измельченных ингредиентов. Контуры орнамента прорисовывались черной или темно-зеленой краской, а поля орнамента, в зависимости от замысла художни-

[26] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939. стр. 151; В. А. Булатова, И. И. Ноткин. Архитектурные памятники Хивы. Ташкент, 1963, стр. 32.

[27] Л. П. Матвеева. Ук. соч., стр. 223.

[28] Там же, стр. 220.

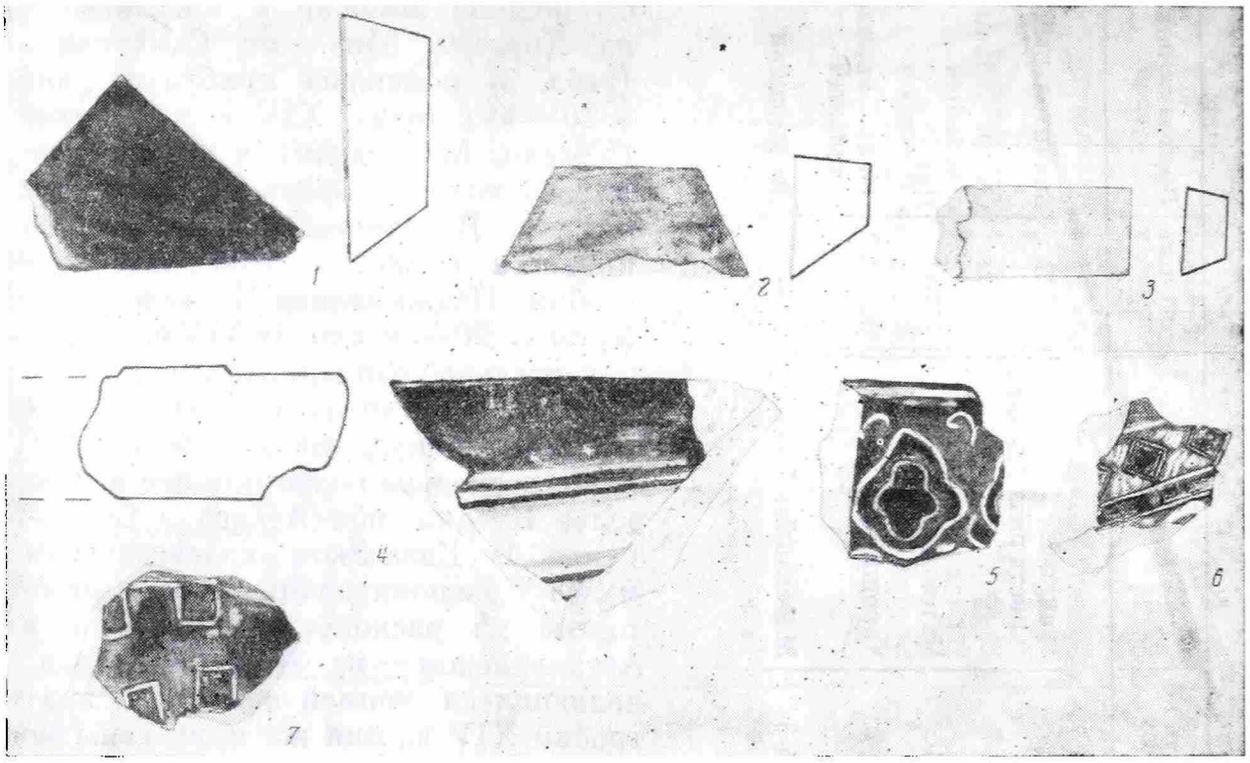


Рис. 3. Архитектурная облицовочная керамика

1—3 — детали мозаичного набора со светло-синей, темно-синей и голубой глазурью с городища Маджар; *4* — деталь майолики с подглазурной росписью под прозрачной щелочной глазурью, с городища Маджар; *5, 6* — детали майолики с надглазурной росписью и позолотой на кобальтово-синей прозрачной глазури с городища Маджар; *7* — деталь майолики того же типа из Самарканда, мавзолей безымянный № 2 в Шахи-Зинда

ка, закрашивались соответствующей краской, часто голубой или кобальтово-синей. Белые детали оставались незакрашенными. Сверху изделие покрывалось прозрачной щелочной глазурью: бесцветной, окрашенной в голубой или очень светлый синий цвет. Технология изготовления и физико-механические показатели такой керамики из Маджар, Хорезма и Самарканда очень близки между собой (табл. 2 и 3).

Облицовочная керамика третьей группы с надглазурной росписью также сходна для всех рассматриваемых в статье центров. Одинаково здесь все — и розовато-землистый фаянс основания, и прозрачная, щелочная, окрашенная кобальтом глазурь, слабо сопротивляющаяся воздействию солевой коррозии. Одинаковы и технические показатели глазурей № 623пз (Маджар) и 73пз (Самарканд. Мавзолей безымянный № 2 в Шахи-Зинда) (табл. 3). Типична для этой группы прорисовка орнамента тонкими белыми и красными линиями (рис. 3, *5*) и позолота листочками тончайшей золотой фольги, оконтуренная жирными красными линиями (рис. 3, *6* — *7*). Даже орнамент в виде квадратиков (рис. 3, *6* — *7*) или розеток с четырьмя (Маджар) и шестью (Миздахкан) лепестками имеют небольшие пределы колебаний.

Таким образом, общность художественных и технологических традиций в производстве архитектурной керамики, выявленная настоящим исследованием, позволяет утверждать наличие ремесленных связей в золотоордынском государстве. Ведущая роль при этом принадлежит Хорезму, ибо здесь ко времени возникновения золотоордынских городов Поволжья и Северного Кавказа издавна существовало вполне сложившееся производство архитектурной облицовочной керамики. Да и датировка исследованных образцов подчеркивает старшинство Хорезма: хорезмийские образцы относятся к началу — середине XIV в., сарайские к 30—60-м годам XIV в., маджарские датируются временем правления золотоордынского хана Джанибека 1339—1357 гг.[29], и т. д.

Очевидно, при возведении парадных зданий новых городов золотоор-

[29] В районе сборов была найдена плита с именем Джанибека, см. Э. В. Ртвеладзе. Надпись Джанибек-хана из Маджар. СА, 1970, 3.

дынского государства работу производили мастера, вывезенные из Хорезма. Затем, как это обычно бывает, у них появились ученики из числа многочисленных и разноплеменных рабов, которые, в зависимости от местных сырьевых материалов и условий труда, приспособили хорезмийские ремесленные традиции к местным возможностям.

В Самарканде же, по всей вероятности, работали хорезмийские мастера, захваченные в плен Тимуром во время походов на Хорезм, и, особенно, после окончательного разрушения Ургенча и переселения его жителей в Самарканд в 1387 — 1388 гг. [30]. В Самарканде влияние хорезмийских традиций сказывается не столь ярко. Здесь уже стоял древний город и существовали свои ремесленные объединения. Например, фаянс готовился не из естественной смеси составляющих, находившихся в барханных песках, а исключительно из искусственной смеси кварцитов, извести и глины, содержит меньше кремнезема и значительно больше кальция и алюминатов. Красная керамическая краска, часто встречаемая в мозаике и майолике Хорезма, в Самарканде используется весьма редко (мавзолей безымянный № 2, проба № 392из и в табл. 3). В Самарканде сильное значение имели местные, устойчиво сложившиеся ремесленные традиции. Здесь строительство и производство керамики осуществляли не только хорезмийские мастера, а скорее местные ремесленники, заимствовавшие у хорезмийцев основные технологические принципы.

Итак, как показывает анализ исследованных материалов, производство большей части глазурованной керамики и архитектурного керамического декора в г. Маджаре находилось под сильным воздействием Хорезма. При этом своеобразным передатчиком элементов среднеазиатской ремесленной культуры на Северный Кавказ могли быть золотоордынские города, расположенные в Нижнем Поволжье. Подобное явление стало возможным благодаря ряду обстоятельств, из которых наиболее важными, на наш взгляд, являются следующие.

1. Вхождение и Хорезма и Северного Кавказа в состав Золотой Орды.

2. Насильственный угон и переселение части ремесленников из Хорезма в города Золотой Орды.

3. Безопасность и хорошая налаженность караванных путей в Золотоордынском государстве, что повело за собой интенсификацию торговых сношений и культурного обмена. Не исключена возможность и обмена опытом между мастерами-керамистами путем обучения молодежи или даже приглашения опытных мастеров для организации производства, что имело, например, место в древнем Мерве [31].

N. S. Grajdankina, E. V. Rtvéladzé

L'INFLUENCE DU KHAREZM SUR L'INDUSTRIE CÉRAMIQUE DE LA VILLE DE MADJAR (LA HORDE D'OR)

Résumé

On signale une influence bien sensible que l'école céramique du Kharezm exerce sur la formation de l'industrie céramique de l'Asie Moyenne et des villes de la Horde d'Or situées dans les régions de la Volga.

La mise en évidence de cette influence aussi sur la ville de Madjar se trouvant au Caucase du Nord est d'un certain intérêt.

L'analyse comparative de la céramique architecturale d'après: son aspect et les résultats des recherches chimico-technologiques de glaçure et de faïence montre une entière identité de divers types de faïences utilisées à des fins d'architecture à Madjar en 1339—1357, à Novy—Saraï et à Bolgar dans les 30—60-mes années du XIV siècle et au Khārezm des 20—40-mes années du même siècle. Les études effectuées permettent de conclure que la production des céramiques à glaçure et des ornementations architecturales à Madjar était, dans sa majeur partie, influencée par celle du Kharezm.

---

[30] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 335.

[31] Г. А. Пугаченкова. К открытию люстровой керамики Мерва XII в. ИАН ТуркмССР. Сер. обществ. н., 4, Ашхабад, 1960, стр. 86.

ПАМЯТИ А. Л. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДА

27 февраля 1920 г. в Ялте скончался Александр Львович Бертье-Делагард. 50-летие со дня кончины крупного русского ученого дает нам повод вспомнить о его заслугах перед отечественной наукой и кратко обрисовать вклад, внесенный им в русскую археологию.

А. Л. Бертье-Делагард родился в 1842 г. После окончания кадетского корпуса и Военно-инженерной академии он в качестве военного инженера успешно работает во многих местах Причерноморья, строя мосты, крепости, портовые сооружения. Им сооружены, в частности, порты Одессы, Феодосии, Ялты. В 1887 г. Бертье-Делагард выходит в отставку в чине генерал-майора и с этого времени всецело отдается научной работе в области древней и средневековой истории, археологии и нумизматики Причерноморья.

Деятельность А. Л. Бертье-Делагарда в области археологии была чрезвычайно разносторонней. Он принимал непосредственное участие в археологических раскопках и обследованиях, руководя ими (исследование некрополя в Феодосии, античного святилища близ Ялты и др.) или финансируя их из собственных средств. В течение многих лет он в качестве вице-президента Одесского общества истории и древностей фактически руководил работой этого важнейшего научного учреждения нашего Юга. Он принимал деятельное участие в работе Московского археологического общества, Таврической ученой архивной комиссии и других научных обществ.

Страстный собиратель А. Л. Бертье-Делагард создал богатейшие, а в некоторых разделах и уникальные коллекции крымских древностей, которые он постепенно передавал в музеи, чаще всего в Одесский археологический музей. Особенно интересными были собранные им коллекции монет греческих городов Северного Причерноморья и античных ювелирных изделий, в том числе древностей полихромного стиля, считавшихся тогда «готскими». В большом числе поступали в музеи от А. Л. Бертье-Делагарда и приобретенные им античные терракоты, расписные вазы, стеклянные сосуды и пр. Из более поздних археологических реалий А. Л. Бертье-Делагарда интересовали древности татарские. Он собрал богатейшую коллекцию татарского оружия, медных изделий, шитых тканей и т. д. А. Л. Бертье-Делагардом была создана прекрасная библиотека по вопросам древней и средневековой истории Юга нашей страны, а также исключительное по полноте собрание географических карт и видов Крыма.

Собранные А. Л. Бертье-Делагардом древности явились основой для разносторонних исследований и публикаций на историко-археологические нумизматические темы, многие из которых не потеряли своего научного значения и до сего времени. Наибольший интерес А. Л. Бертье-Делагард проявлял к проблемам античной нумизматики Причерноморья, исторической географии древнего и средневекового Крыма, истории христианства и христианским памятникам в Крыму, древностям генуэзским и татарским.

Занятия А. Л. Бертье-Делагарда в области истории и археологии были тесно связаны с историческими судьбами Черноморья и Таврического полуострова. Много внимания уделил А. Л. Бертье-Делагард изучению военной и гражданской архитектуры средневекового Херсона и пещерных городов Таврики. На основании изучения характера кладки им впервые была дана научная периодизация оборонительных сооружений Херсонеса и Горного Крыма. В статье «Надпись времен императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса» (ЗООИД, XIV, 1893). А. Л. Бертье-Делагард дал подробный комментарий к этой надписи и установил ее дату (488 г.).

В последние годы жизни А. Л. Бертье-Делагард написал несколько статей и заметок, где были затронуты вопросы, связанные с уточнением некоторых конкретных фактов средневековой истории Причерноморья (анализ письменных и археологических источников об осаде Владимиром Корсуня в 988 г.; изучение данных о локализации города Мавракастрона: замечания к спору о подлинности тьмутараканского камня; уточнение пути следования известной миссии Константина философа из Херсона в Хазарию в 861 г. и т. д.).

Для исследований А. Л. Бертье-Делагарда характерны всесторонность и полнота использования различных источников, скрупулезная тщательность в рассмотрении всех аспектов, внимание ко всем деталям исследования, последовательное взвешивание всех возможных гипотез, доводов, аргументов и контраргументов. Это доведенная до педантизма добросовестность в исследовании каждой проблемы способствовала тому, что А. Л. Бертье-Делагарду удалось решить многие вопросы отечественной нумизматики, археологии и истории, бывшие камнем преткновения для его предшественников.

Наиболее значителен вклад А. Л. Бертье-Делагарда в область античной нумизматики. В 1906 г. появились его статьи, озаглавленные «Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса» (ЗООИД, XXVI) и «Значение трех монограмм на монетах Херсонеса» (ЗНОРАО, I), где были освещены многие вопросы херсонесской нумизматики, дана систематическая и хронологическая классификация херсонесских монет, определены весовые системы, решены вопросы типологии, монетной эпиграфики и др. Еще ранее А. Л. Бертье-Делагардом было правильно определено начало собственного летосчисления в Херсонесе и сделаны интересные высказывания о выпуске в Херсонесе датированных монет («Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса», ЗООИД, XVI, 1893). Можно смело сказать, что А. Л. Бертье-Делагардом заложены основы научной разработки херсонесской нумизматики и создана стройная история монетного дела античного Херсонеса, лишь уточнявшаяся в дальнейшем работами А. В. Орешникова, А. Н. Зографа, В. А. Анохина и др.

В значительное исследование сложных вопросов политической истории Боспора вылилось и изучение А. Л. Бертье-Делагардом монограмм и дифферентов на боспорских монетах («О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами», ЗООИД, XXIX, 1911; «Дифференты на боспорских царских монетах», НС, I, 1911). Не все положения А. Л. Бертье-Делагарда в области причерноморской нумизматики могут быть нами приняты, но указанные работы и сейчас еще не потеряли своей научной ценности благодаря множеству содержащихся в них наблюдений, сопоставлений и оригинальных гипотез.

Превосходное знание нумизматического материала позволило А. Л. Бертье-Делагарду опубликовать исправления и критические замечания к изобилующему ошибками известному каталогу П. О. Бурачкова («Поправки к Общему каталогу монет П. О. Бурачкова», М., 1907) и тем самым сделать этот единственный свод античных монет Северного Причерноморья пригодным для научного использования. Изучение находок древ-

них монет в окрестностях Ялты привело А. Л. Бертье-Делагарда к интереснейшему открытию о существовании здесь в первые века нашей эры античного святилища («Случайная находка древностей близ Ялты», ЗООИД, XXVII, 1907).

Но наибольшей заслугой А. Л. Бертье-Делагарда в деле изучения античных монет является то, что он впервые в русской нумизматической науке поставил вопросы метрологии и экономики, связанные с античной монетной чеканкой, до него исследователями совершенно не затрагивавшиеся. Огромное значение в этом отношении имеют опубликованные им сводки весов всех известных золотых и серебряных монет греческих городов и царей Северного Причерноморья. («Материалы для весовых исследований монетных систем древне-греческих городов и царей Сарматии и Тавриды», НС, II, 1913.) Этими сводками продолжают и до сих пор пользоваться все нумизматы-античники, несмотря на то, что монетный материал теперь значительно увеличился. Большой интерес, несмотря на ошибочность некоторых положений, представляет также работа А. Л. Бертье-Делагарда о весовых системах в Пантикапее и Ольвии и об относительной стоимости золота и серебра в этих городах («Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене», НС, I, 1911).

Научные работы А. Л. Бертье-Делагарда, отличающиеся глубоким анализом исторических источников, не потеряли своего значения и в наши дни. Богатый научный архив А. Л. Бертье-Делагарда после его смерти был передан Таврическому обществу истории, археологии и этнографии, а в настоящее время находится в фондах областного краеведческого музея в Симферополе.

В. В. Кропоткин, Д. Б. Шелов

V. V. Kropotkine, D. B. Chélov

EN MÉMOIRE DE BERTIÉ-DELAGARDE

Résumé

Dans l'article sont exposées les données succinctes sur la vie d'Aléxdndre Lvovitch Bertié-Delagarde, explorateur éminant de l'histoire ancienne de la Russie méridionnale. On fait l'appréciation de ses travaux consacrés à l'histoire antique et moyennâgeuse de la Russie méridionnale et à la numismatique.

Публикации

Б. Н. АРАКЕЛЯН

КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЭРЕБУНИ

Весной 1968 г. в предместье столицы Армении Еревана Нор-Ареше, расположенном у подножия цитадели урартского города Эребуни, местным жителем К. Абраамяном при строительных работах был обнаружен клад серебряных изделий, состоящий из пяти предметов, находившихся в большом кувшине, зарытом на глубине 0,6—0,7 *м*.

Все предметы были вложены в сосуд в сплющенном виде. Три из найденных предметов поступили во вновь созданный в связи с 2750-летием основания Еревана музей Эребуни в ноябре 1968 г., четвертый — в декабре. Пятый предмет пропал. Из доставленных в музей четырех изделий три являются ритонами, а четвертый — большой кубок.

1. Первый ритон с протомой всадника, больших размеров (от головы коня до верхнего конца 42 *см*, высота всадника от ног коня до верхней части головы всадника 20,5 *см*, вес 1,8 *кг*). Бородатое лицо, одеяние, характерной формы акинак на правом боку всадника позволяют полагать, что фигура изображает ахеменидского вельможу или сатрапа.

2. Второй ритон имеет протому коня (высота 20 *см*, вес 1,6 *кг*). Грива лошади показана чеканными волнистыми линиями. Верхняя расширяющаяся часть (раструб) ритона украшена вертикальными каннелюрами. На шее лошади висит колокол, под которым находится отверстие.

3. Третий ритон с головой бычка (высота 17 *см*, вес 0,46 *кг*) отличается от других как по форме, так и по отделке.

Верхняя раструбчатая часть ритона короткая (5,5 *см*), а голова бычка занимает бóльшую часть сосуда. На верхней части головы бычка выгравированы волосы, а на нижней — вычеканены волнистые линии. На раструбе ритона помещены четыре человеческие фигуры: бородатый мужчина сидит в кресле, перед ним стоит женщина, играющая на двуствольной свирели, левее — фигура женщины, подносящей мужчине напиток в чаше. Позади помещена сидящая фигура третьей женщины, играющей на лире.

Все фигуры, равно как и орнаментация на голове бычка, частично позолочены.

4. Серебряный сосуд в виде большого кубка (высота 18 *см*, вес 0,65 *кг*). Шейка отделяется от тулова орнаментальным поясом, нижняя часть тулова каннелирована. Для отверстия на дне снаружи сделан выступ, вокруг которого выгравирована розетка урартско-мидийского типа.

* * *

Ритоны имели довольно широкое распространение в странах Ближнего Востока в ахеменидское время. Их происхождение, однако, относится к более глубокой древности. Зооморфные глиняные сосуды и ритоны с головами льва, быка, лани или других животных встречаются в Алишаре еще с конца III тысячелетия, а во II тысячелетии — в Иране, Месопотамии,

Сирии, в стране хеттов и в Малой Азии [1]. Ритоны как культово-парадные сосуды обычно изготовлялись из серебра и золота и завершенные художественные формы приобрели в первой половине I тысячелетия до н. э. Тогда же формируются два основных типа этих сосудов — ритонов с небольшой протомой и с длинным раструбом и ритоны-кубки с большой головой животного и коротким раструбом [2].

Внутри каждой из этих групп ритоны отличаются друг от друга не только протомами, изображающими переднюю часть различных животных, зверей и мифических существ, но и по форме и отделке, по встречающимся на них орнаментальным мотивам и пр.

Дальнейшее развитие и распространение ритонов приводит к скрещиванию в VI — V вв. до н. э. восточных (переднеазиатских) и западных (эллинских) начал художественных форм и восприятий. Б. Свобода справедливо отмечает, что оба типа ближневосточных ритонов — длинные с маленькой протомой и короткие с большой головой животного претерпели видоизменения и украшались новыми мотивами и сценами в греко-ионической среде Малой Азии и в середине V в. до н. э. получили распространение в Греции [3].

Западные образцы стилистически все больше и больше обособляются и отдаляются от своих ближневосточных прототипов, составляя отдельную группу [4].

В Эребунийском кладе представлены оба основных типа ритонов, один из которых в то же время сочетает восточные черты с ионическими.

* * *

Клад серебряных ритонов из Эребуни — Еревана — не первая находка подобных сосудов на территории Армении. Художественно отделанные металлические изделия нам известны из Вана и Топрах-Калы, а за последние годы их коллекции обогатились благодаря раскопкам Кармир-блура. Урартские металлические ритоны, однако, пока не найдены, хотя об их бытовании свидетельствуют не только весьма высокий уровень урартской торевтики и факт, что в перечне добычи Саргона II из Мусасира указаны «два рога туров, окованных золотом [5]», но и находка при раскопках Эребуни глиняного ритона, который, судя по архаичности форм, особенно по отделке и ангобированию черепка, является урартским изделием и может быть датирован скорее VIII в. до н. э., чем более поздним временем. К ахеменидскому времени относятся три серебряных ритона, происходящих из приевфратских районов Западной Армении и хранящихся в Британском музее и Лувре.

Серебряный ритон Британского музея найден в районе Ерзигана [6].

---

[1] Hans Osten. Discoveries in Anatolia 1930—1931. Chicago, 1933, стр. 48, рис. 46; M. E. L. Mallowan. Nimrud and its Remains. London, 1966, стр. 191, рис. 124; Ekrem Akurgal. The Art of the Hittites. New York, табл. 39, 130—131; Bedrich Svoboda. Zur Geschichte des Rhytons. Bedrich Svoboda, Dimiter Concev. Neue Denkmäler antiker Toreutik. Praha, 1956, стр. 9—113.

[2] R. Ghirshman. Iran. Protoiranier, Meder Achämeniden. Munchen, 1964, стр. 124, 224, 242, 253, 326, 328, Abb. 138, 139, 163, 399, 402 и др.; Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. 5, 15; William Culican. The Medes and Persianes. London, 1965, табл. 30, 32; E. Porada. Alt Iran. Die Kunst in forislamische Zeit. Baden-Baden, 1962, стр. 111—112, 160, 163; Vanden Berge. Archeologie de l'Iran ancient. Leiden. 1959, табл. 3d; Jean Louis Huot. Iran I. Der origine aux Achéménides. Genève, Paris, Munchen, 1965, табл. 153; Tresors de l'ancien Iran. Genève, 1966, табл. 37, 47, 58—59; Catalogue 620, 638—639 и др. 7000 Jahre Kunst in Iran. Katalog № 3, 324, 329; Charles K. Willkinson. The-Art the ancient Near East. London, 1946, стр. 186, 196.

[3] B. Svoboda. Ук. соч., стр. 73.

[4] H. Hoffman. Attic redfigured Rhyta. Mainz 1962; его же. Tarentine Phyta. Mainz, 1966.

[5] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 234.

[6] O. M. Dalton. The Treasore of the Oxus. With other examples of early oriental metal-work. London, 1905, стр. 42, табл. XX (Third edition — London, 1946); SPA, I, стр. 370.

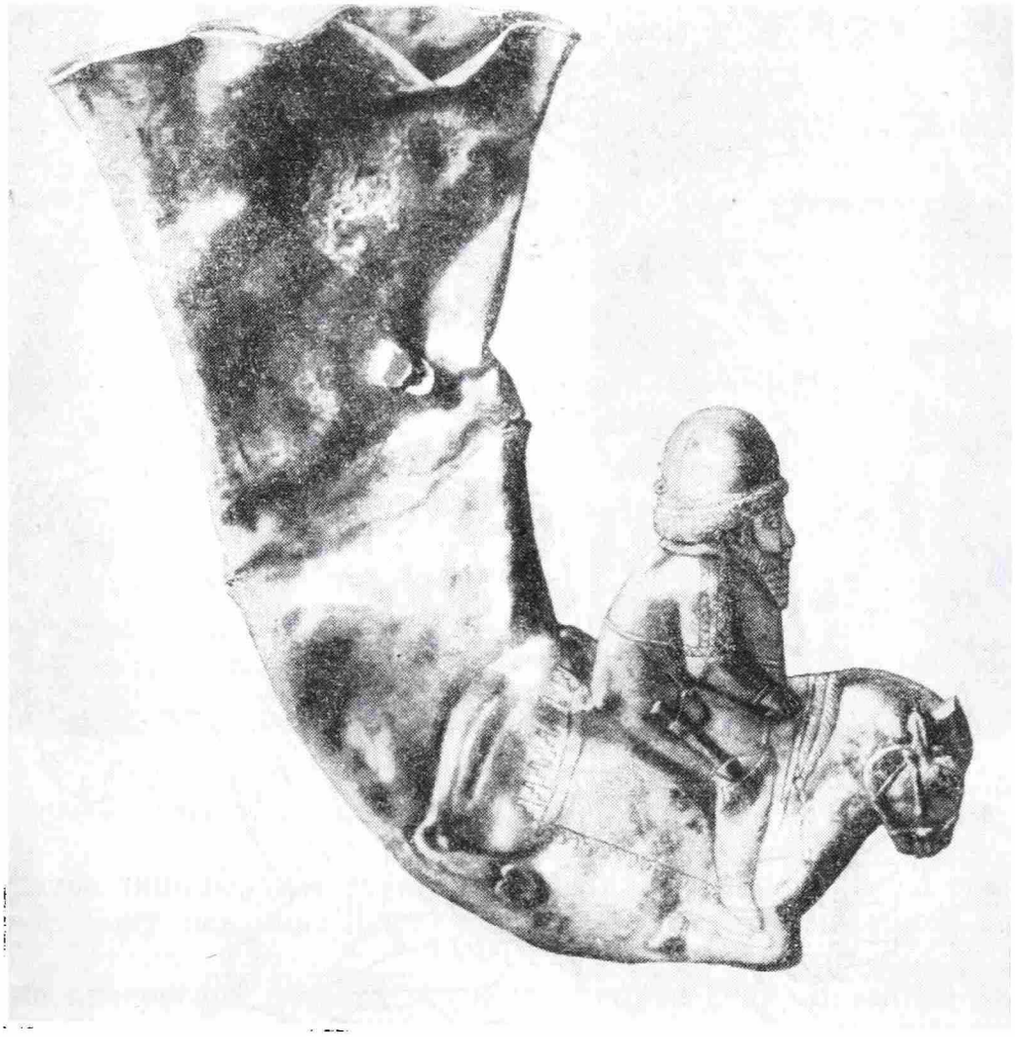


Рис. 1. Ритон с протомой всадника

Протома этого сосуда весьма своеобразна — голова с мощным клювом грифа венчается стилизованными козлиными рогами, передние ноги, горизонтально вытянутые вперед, — львиные, крылья грифона показаны гравировкой. Трактовка мускулатуры на верхней части ног и на голове не лишена урартских стилистических особенностей. Верхняя раструбчатая часть ритона имеет горизонтальные каннелюры, поверх которых венчик украшен цветочками, бутонами лотоса и стилизованными древами жизни, встречающимися в урартском искусстве. Нам кажется, прав В. Свобода, взявший под сомнение его «староперсидское» происхождение [7].

Два ритона, хранящиеся в Лувре, также происходят из Западной Армении. Один из них (АО-3093) имеет протому в виде лани и горизонтальные каннелюры на верхней части, а другой (АО-3115) имеет протому козла. Судя по дугообразным рогам с редко расставленными буграми, здесь изображен скорее безоаровый козел (capra aegagrus), встречающийся от Афганистана и Пакистана до Малой Азии и некоторых островов Греческого архипелага, а также в горах Дагестана, Азербайджана и Армении. На совершенно гладком раструбе ритона вычеканены рельефные пояса, верхний из которых находится чуть ниже венчика [8].

Найденные в Армении ритоны, хранящиеся как в Британском музее, так и Лувре, признаются типичными образцами ахеменидского искусства. Выше нами было указано на наличие отдельных урартских элементов в деталях отделки ритонов Британского музея. Урартское влияние в от-

[7] B. Svoboda. Ук. соч., стр. 48; там же, стр. 46; VI *в.*
[8] B. Svoboda. Ук. соч., стр. 46, VI *в.*

Рис. 2. Протома первого ритона

делке протом луврских ритонов отмечает и Б. Свобода, заявляя, что «в действительности здесь, вероятнее всего, доживают отголоски торевтики урартского царства» [9]. Надо полагать, что ритоны из металлов производились и в Армении, возможно, в районе Ерзигана, где издревле добывалось серебро. В Армении бытовали и глиняные ритоны, образцы которых с протомами быка и других животных найдены в древнем Армавире.

Новонайденные в пределах древнего Эребуни — Еревана ритоны явно отличаются от ранее найденных в Армении ритонов. Два эребунийских ритона (первый с протомой всадника и второй с протомой коня) принадлежат к первой основной группе ритонов, а третий сосуд (с головой бычка) входит во вторую группу ритонов-кубков. Все они отличаются друг от друга стилистически и представляют различные художественные направления.

Ритон с протомой всадника в переднеазийской торевтике встречается впервые. Он уникален и своеобразен не только по общему виду, но и по деталям (рис. 1). Своеобразен скорее мидийского, чем ахеменидского типа головной убор [10] всадника с изображением грифов на обеих его сторонах. Плотно прилегающее короткое верхнее одеяние с узкими рукавами, как и суживающиеся книзу брюки, аналогичны одежде мидийцев и армян на рельефных изображениях Персеполя.

[9] B. Svoboda. Ук. соч., стр. 46, 107.
[10] R. Ghirshman. Iran, Abb. 227, 236, 237, 295.

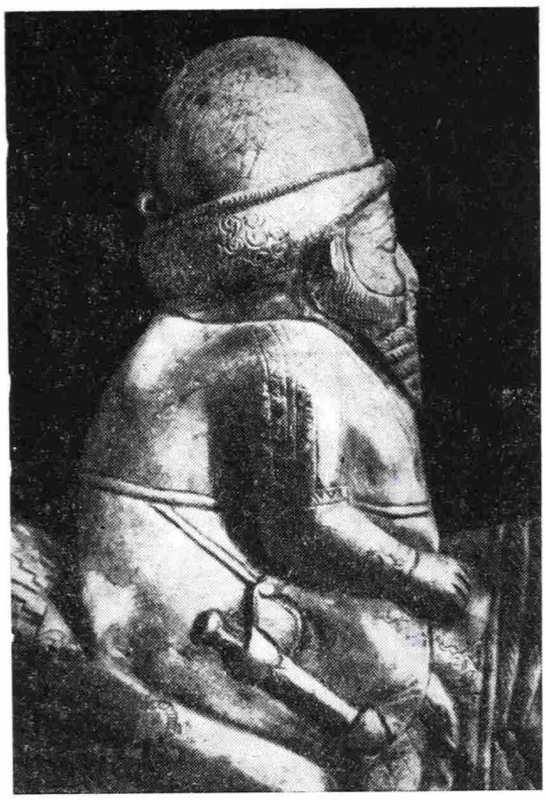


Рис. 3. Фигура всадника

Рис. 4. Лицо всадника

Бородатое лицо всадника имеет характерную ахеменидскую трактовку. На правом боку всадника висит типичный для ахеменидского времени акинак.

Весьма интересной деталью является чепрак коня. В задней части он имеет характерные для древневосточного искусства ступенчатые выступы, а на поверхности выгравированы фигуры животных: сидящие друг против друга козлы и передняя часть быка. Все они имеют характерную трактовку, сочетавшую черты урартского и медо-ахеменидского искусства, и находят свои параллели в изображениях животных на предметах из Зивие. Аналогичный чепрак с изображениями на нем зверей и птиц имеется на фигуре коня глиняного ритона, найденного в Маку и датированного VIII в. до н. э.[11] Ступенчатые и дугообразные украшения на чепраке эребунийского коня встречаются также на чепраках коней, изображенных на ковре, обнаруженном в Пазырыке (Алтай).

Стилистические особенности всадника, его одеяние, головной убор, формы акинака, трактовка коня с невысокой гривой, детали уздечки, находящие полную аналогию в рельефах Персополя, а также фигуры животных на чепраке коня позволяют датировать ритон с протомой всадника V в. до н. э. (рис. 2).

Одеяние всадника, головной убор, пышная борода и характерной формы акинак свидетельствуют, что это изображение не рядового воина, а крупного ахеменидского сановника (рис. 3—4). Мидийско-армянские формы его одежды, мидийский головной убор с изображениями на нем грифов позволяют предположить, что эребунийский всадник изображает ахеменидского сатрапа, который, возможно, был представителем мидийской знати, игравшей заметную роль в государстве Ахеменидов. Если верно это предположение, то место изготовления ритона с протомой всадника следует искать в соседних с Арменией районах северо-западного Ирана. Не исключено также, что ритон был изготовлен в Армении, под непосредственным влиянием ахеменидской торевтики. Во всяком случае обращает на себя внимание факт, что пока не известен ни один ритон,

[11] R. Ghirshman. Iran, стр. 254, Abb. 345.

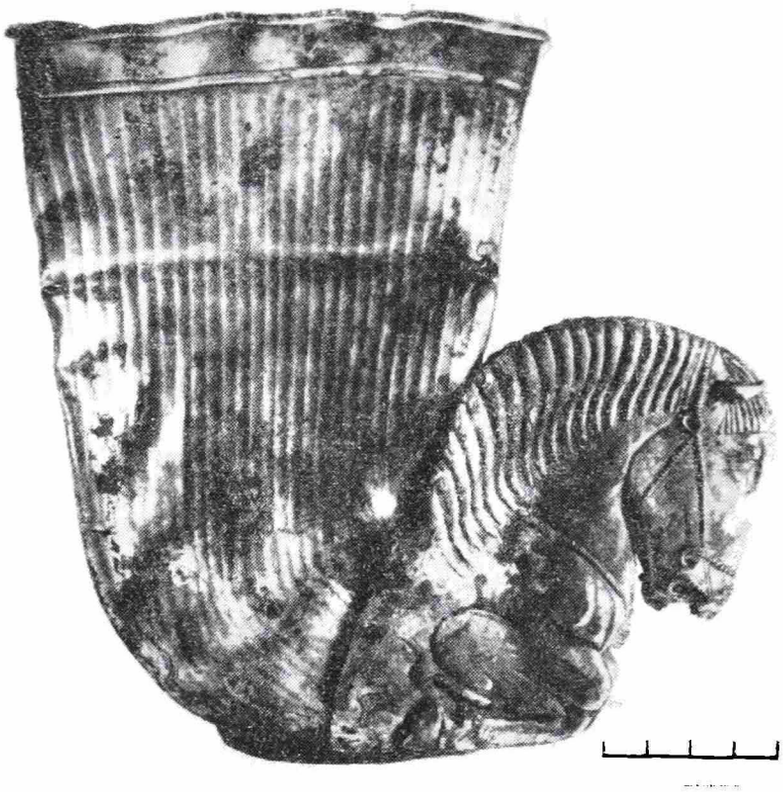


Рис. 5. Ритон с протомой коня

происходящий из Ирана, который был бы снабжен протомой в виде всадника. Возможно, здесь сказывается скифская традиция. Ведь скифы оставили следы в северном Иране и в Армении. Одно бесспорно: эребунийский серебряный ритон с протомой всадника является уникальным памятником ахеменидского ареала и времени.

Второй ритон с протомой коня, найденный в Эребуни — Ереване, отличается от первого. Протома коня трактована сравнительно живо и динамично, с приподнятой головой. Грива с длинными волнистыми прядями ниспадает на дугообразно изогнутую шею, компонируя с каннелюрами на раструбе ритона.

Если раструб первого ритона длинный и дугообразно изогнут, то раструб второго ритона довольно короткий, почти вертикален и сильно расширяется кверху.

Подобная форма верхней части (раструба) ритонов встречается в Иране, однако с протомой крылатого льва и горизонтальными каннелюрами, расставленными дальше друг от друга поясами [12] или с протомой грифона, и овна с вертикальными, но широкими каннелюрами с закругленными верхними концами, что характерно для местного древневосточного искусства [13].

Воронковидную форму имеет также раструб одного из каппадокийских глиняных ритонов с протомой коня. И здесь на корпусе ритона выведены линии, напоминающие горизонтальные каннелюры [14]. Вертикальные же каннелюры на эребунийском ритоне, с их тонкостью и плотностью, а также некоторые признаки динамичности протомы коня показывают, что наш ритон сочетает восточные черты аналогичных сосудов с малоазийскими — ионическими или эллинскими чертами (рис. 5).

Таким образом, и этот сосуд, по своему общему виду входя в определенную группу ритонов, одновременно не лишен своеобразия, явившегося

[12] Jean Louis Huot. Ук. соч., табл. 153; R. Ghirshman. Ук. соч., стр. 242; рис. 290; E. Porada. Ук. соч., стр. 160, 163.

[13] W. Culican. Ук. соч., стр. 122, рис. 32; Tresors de l'ancien Iran, табл. 58—59. Catalogue № 638—639.

[14] B. Svoboda. Ук. соч., табл. VII*a*.

результатом скрещивания элементов двух различных культур — восточного переднеазийского и западного эллинского, хотя эллинские черты выступают слабо.

Имея в виду стилистические особенности ритона с протомой коня, надо полагать, что он происходит из приевфратских провинций Западной Армении или из соседней Каппадокии.

Третий ритон, найденный в Эребуни — Ереване, принадлежит ко второй основной группе ритонов, т. е. это ритон-кубок. Скрещивание восточных и греко-ионических художественных начал на этом сосуде проявляется гораздо ярче и глубже. Сосуды этой группы на Востоке встречаются издревле и довольно часто, но наш сосуд по оформлению и в деталях явно отличается от восточных прототипов очевидными греко-ионическими чертами. Этим и объясняется, что наиболее близкие параллели к нему можно найти среди ритонов не восточного, а западного происхождения. Общее сходство с нашим ритоном имеют, например, три ритона известного золотого клада из Панагюриште в Болгарии, в частности 1-й и 3-й ритоны по нумерации Д. Цончева [15]. Почти та же пропорция между головой животного и верхней частью ритона, та же манера соединения обеих частей, то же расположение четырех фигур, чеканенных на верхней части ритона. На третьем золотом ритоне присутствует и сидящая на кресле фигура Диониса в обществе Менады и вакханок, складки хитонов которых также имеют некоторое сходство со складками одеяний женских фигур, изображенных на эребунийском ритоне (рис. 6—7).

Конечно, наблюдается и значительная разница между ритонами Эребуни и Панагюриште. У них разные протомы, разные уровень и стиль художественного оформления. Найденные в Болгарии ритоны — высокохудожественные произведения греческой торевтики IV в. до н. э., в то время как эребунийский ритон, будучи изделием того же времени, сочетает более архаичные восточные и понические черты. На болгарских ритонах имеется и зооморфная ручка, что свойственно для западных ритонов-кубков, а на эребунийском экземпляре ручки нет.

Более близкую параллель эребунийскому сосуду составляет серебряный ритон, найденный в Казбеги, у подножия одноименной горы Большого Кавказского хребта и хранящийся в Государственном Эрмитаже. Казбегский ритон-кубок аналогичен эребунийскому по форме, по только что прорезавшимся рогам бычка, по трактовке волос на верхней части головы и волнистых линий на нижней ее части, по соотношению головы животного к раструбу. Однако на его раструбчатой части изображена сцена безумства Геракла и ритон снабжен ручкой (которая, вероятно, приставлена позже). Своими особенностями казбегский ритон-кубок в большей мере приближается к западным балканским образцам, в то время как фигуры на эребунийском ритоне-кубке, за исключением сидящей мужской фигуры, имеют ярко выраженные восточные черты.

Сравнительно близкую параллель с эребунийским сосудом составляет ритон, найденный в местности Пороина в Румынии. Они сходны по общему виду, по трактовке головы бычка, его рогов, глаз, по наличию волнистых линий на нижней части головы, по схеме четырех человеческих фигур на верхней части ритона. Вместе с тем пороинский ритон является примером чрезвычайно выразительного творчества туземного художника [16] с его местной провинциальной самобытностью, в то время как на эребунийском ритоне достаточно ярко выступает сочетание восточных черт с греко-ионическими.

Архаичные черты женских фигур эребунийского ритона с их выступающими вперед большими носами, особой формы диадемами, одеянием во-

---

[15] Dimiter Končev. Der Goldschatz von Panagjrište. См. в книге: B. Svoboda, D. Končev. Neue Denkmäler antiker Toreutik. Praha, 1956, стр. 126. 133, табл. I, II, III, V, рис. 2, 4.

[16] B. Svoboda. Ук. соч., стр. 72 (рис. 22), стр. 73.

Рис. 6. Ритон с головой бычка

ходят к малоазийским, фригийским, анатолийским образцам искусства VII—V вв., вплоть до рельефов из Сам'ала (Зинджирли) VIII в.[17] (рис. 8—9).

Выступающий вперед нос и своеобразная передача глаз встречаются также у урартов. Заслуживает внимания, что сравнительно близкими прототипами эребунийских фигур могли бы служить фигуры на ручках урартского медного сосуда VII в., найденного в фригийской столице Гордионе. Из Эфеса происходит статуэтка VII в. из слоновой кости [18], очертание и нашейное украшение которой в известной мере повторяются на фигурах эребунийского ритона. Аналогичные женские фигуры с высокими диадемами, как у эребунийских фигур, встречаются и в ликейском искусстве [19], а также в искусстве малоазийского побережья. Чрезвычайно близки наши изображения с профильным изображением женской головы на монете конца VI в., происходящей из Фокеи на малоазийском берегу Средиземного моря [20]. Стилизованная передача завитков волос эребунийских фигур имеет

[17] E. Akurgal. The Art of the Hittites. New York, стр. 130—131.

[18] E. Akurgal. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin, 1961, Abb. 21.

[19] Там же, рис. 157.

[20] Там же, рис. 90, 93.

Рис. 7. Тот же ритон, вид с другой стороны

близкие параллели на горельефных изображениях мраморного саркофага IV в. из Сидона [21]. Эребунийский ритон также можно датировать IV в., основываясь на наиболее эллинизированной фигуре сидящего мужчины.

Рассмотренные нами три ритона принадлежат к трем стилистически различным группам и являются произведениями различной этно-географической среды. Если ритон с протомой в виде всадника происходит из североиранской медо-армянской среды, а ритон с головой бычка имеет малоазийское, ионическое происхождение, то ритон с протомой коня попал в Эребуни, вероятно, из приевфратских районов Армении, может быть, из Каппадокии.

Из эребунийских находок нам остается охарактеризовать серебряный сосуд в виде большого кубка, который, подобно ритонам, имеет отверстие в нижней части для спуска жидкости (рис. 10). По общим формам он восходит к урартским металлическим сосудам. Г. А. Тирацян, рассмотрев вопрос об урартском влиянии на ахеменидскую культуру, обратил внимание также на урартский бронзовый сосуд, найденный в Кармир-блуре и хранящийся в Государственном музее Армении. Он имеет сферическое

[21] Там же, рис. 236.

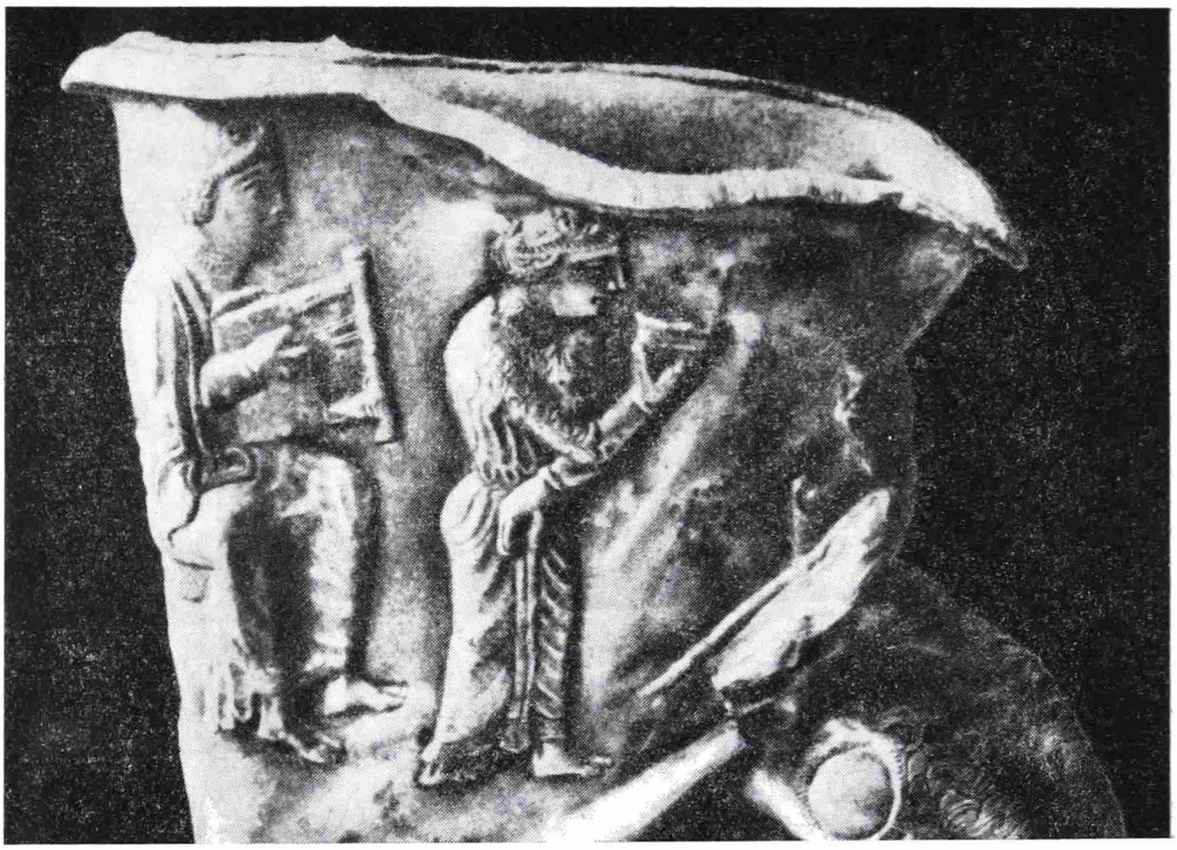


Рис. 8, 9. Фигуры на раструбе третьего рптона

тулово, довольно высокую шейку и слегка расширяющийся венчик; тулово и шейка разграничены выпуклым поясом. Аналогичный сосуд с выступом под дном, но без отверстия найден в Вар Кабуде в Луристане [22].

Г. А. Тирацян находит параллели кармир-блурскому сосуду среди металлических изделий ахеменидского времени, указывая, в частности, на серебряный сосуд Ахалгорийского клада V в., а также на сосуд, изображенный на металлической пластинке Оксусского (или Амударьинского) клада VI—IV вв. [23] Теперь можно указать на новонайденный эребунийский сосуд, как на более совершенное по сравнению с урартским прототипом произведение художественной обработки металла ахеменидского времени, на котором встречаются также элементы, идущие из малоазийского, понического, мира. Так, если общая форма и розетка на дне сосуда вокруг выступа с отверстием связываются с урартскими медо-персидскими формами и орнаментальными элементами, то пояс на плечах сосуда, состоящий из поставленных в ряд листьевидных мелких фигур с закругленным нижним концом и вертикальные каннелюры на его тулове, с одной стороны, имеют свои прототипы на скульптурном изображении (конец VIII в.) царя из Малатии, держащего в руке каннелированный сосуд [24], и на стенах дворца Ксеркса в Персеполе (V в.) [25], то с другой — находят параллели в малоазийском искусстве (IV—VI вв.). Аналогию нашему сосуду из Эребуни, правда, не очень близкую, можно найти также среди металлических изделий из кургана знатного скифа, открытого в Куль-обе возле Керчи. Речь идет о серебряном, вероятно культовом, сосуде со сферическим туловом и двойным орнаментальным поясом на плечах и каннелюрами на нижней части. Этот сосуд отличается от нашего большей сферичностью, считавшейся излюбленной формой у скифов, а также более высокой художественной отделкой: на средней части его тулова помещены изображения диких уток, ловящих рыбу [26].

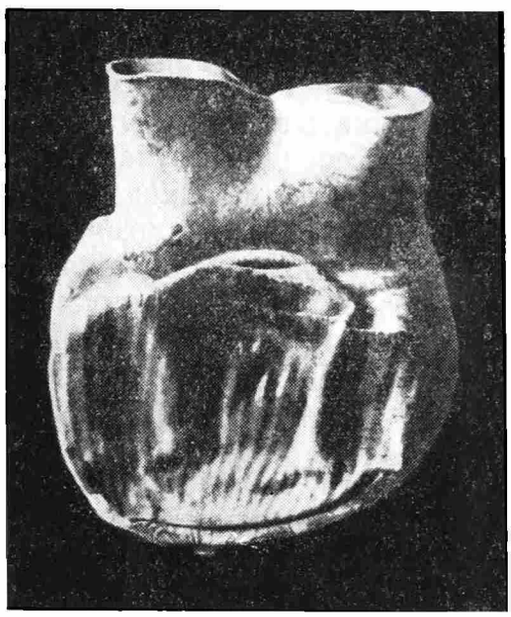


Рис. 10. Серебряный сосуд-кубок

Греческое влияние на куль-обском сосуде, датируемом IV в., выступает ярко, в то время как на эребунийском сосуде оно трудно уловимо. Надо полагать, что излюбленные у скифов сферические сосуды имеют свои прототипы на Ближнем Востоке, среди металлических сосудов Урарту и ахеменидского времени. Относительно куль-обского сосуда такое предположение подкрепляется также находкой в том же кургане серебряного ритона с протомой овна. Б. Свобода справедливо отмечает его переднеазиатское происхождение [27].

Возникают естественные вопросы: чем объяснить нахождение этих серебряных изделий в Эребуни — Ереване и когда они могли быть зарыты в землю? Ответить на первый вопрос сравнительно легко, а относительно второго в лучшем случае можно строить догадки.

---

[22] Tresors de l'ancien Iran. Genéve, 1966, стр. 26, 32, рис. 28.

[23] Г. А. Тирацян. Урартская цивилизация и Ахеменидский Иран (см. Историко-филологический журнал, 1964, № 2, стр. 160, табл. 1, рис. 3, 4, 5).

[24] E. Akurgal. The Art of the Hittites. New York, табл. 106—107.

[25] R. Ghirshman. Iran, стр. 197, Abb. 245.

[26] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 272, 273, рис. 48.

[27] B. Svoboda. Ук. соч., стр. 56. С протомой куль-обского ритона известное сходство имеет протома армавирского ритона в виде овна.

Раскопками Эребуни установлено существование этого центра и в VI—IV вв., после падения государства Урарту, когда Армения оказалась в составе Ахеменидской державы. В цитадели Эребуни-Еревана выявлены следы перестройки урартских зданий в соответствии со светскими и культовыми потребностями новых хозяев; были воздвигнуты и новые здания: на холме появились ападана с 30 деревянными колоннами, большой и малый храмы огня и др. При раскопках найден археологический материал VI—IV вв., в том числе две милетские серебряные монеты V в.

На основании этого было выдвинуто предположение, что Эребуни-Ереван продолжал играть важную роль административного центра и при Ахеменидах, являясь резиденцией ахеменидского наместника этого края, а может быть, и правителя XVIII сатрапии [28].

При таких обстоятельствах ясно, что во дворце персидского правителя или в храмах огня могли оказаться описанные выше культово-парадные серебряные сосуды, происходящие как из Армении и Ирана, так и из других стран, входящих в состав Ахеменидской державы. Стилистические же особенности некоторых из сосудов и находки милетских монет в цитадели Эребуни указывают на малоазийские и приевфратские пути, по которым часть этих сосудов могла попасть в Эребуни-Ереван.

Таким образом, находки высокохудожественных серебряных изделий в Эребуни-Ереване являются дополнительным и важным доказательством того, что этот город являлся значительным административным и культовым центром при ахеменидском владычестве в VI—IV вв.

Надо полагать, что клад был зарыт в землю при каком-то набеге, приведшем к гибели владельца изделий (о чем мы не располагаем никакими сведениями), или в момент падения Ахеменидской державы и упразднения ахеменидского владычества над Арменией в конце 30-х годов IV в. до н. э., хотя сами изделия хронологически относятся к V — середине IV в. до н. э. Видимо, клад был зарыт наспех: не успели даже подобрать сосуд, вмещающий все изделия целыми, и они были втиснуты в глиняный сосуд в сплющенном виде.

* * *

Перейдем к вопросу о назначении найденных изделий. Общепринято считать ритоны культово-парадными сосудами, и это безусловно верно. Но нет конкретизации, с каким именно культом они связаны.

Сосуды на которых встречаются дионические, вакхические или подобные им сцены, разумеется, могут иметь отношение к соответствующим культам и мистериям. Но это относится к сравнительно поздним сосудам эллинского или эллинистического мира, отчасти к сосудам, носящим явный отпечаток влияния эллинской идеологии и культуры. С какими же культами были связаны ритоны, получившие завершенные формы в переднеазиатской среде в первой половине I тысячелетия? Ответ на этот вопрос, конечно, следует искать в оформлении самих ритонов, в частности их протомов, ибо сцены на верхних частях ритонов появились позднее, в греко-ионической, эллинистической среде.

Какие же животные, звери или мифические существа изображены на протомах переднеазиатских ритонов X—V вв. до н. э.? Вот их перечень: лев, конь, баран или овн, грифон с козлиными рогами, козел или козерог, бык, олень, лань, газель. Они обычно изображаются крылатыми, что подчеркивает их мифологическую сущность, прежде всего связь с небом, вернее, с космогоническими представлениями народов Ближнего Востока. Из перечисленных животных и зверей, лев, баран (овн), бык (телец) и козерог входили в состав зодиака, а с ними и вообще с небесными светилами связан целый цикл мифологических представлений, из коих мы отметим только те, которые помогают понимать культовое назначение ритонов.

[28] Г. А. Тирацян. Колонный зал в Арин-берде и вопрос сатрапских резиденций в Армянском нагорье. Изв. АН АрмССР, 1960, № 7—8.

В представлении древних оплодотворение, плодоношение, жизнь зависели прежде всего от тепла и влаги, при этом тепло признавалось как начало мужского рода а влага — женского рода. Источник тепла — солнце, а влаги — луна.

Армянский математик и астроном VII в. Анания Ширакаци, говоря о знаках зодиака и указывая, что представления о них перешли к грекам, персам и армянам от халдеев, отвергает суеверные суждения, что добро и зло или судьба людей зависят от звезд. Одновременно он заявляет, что все необходимое (для жизни) представляется солнцем и луной и все, что на земле, зависит от них, ибо на долю солнца выпали день и мужские знаки зодиака... И сопутствуют ему звезды Erevak (Кронос) и Lusnthag (Зевс). А луна соответствует (букв. равна) ночи и женским знакам зодиака, сопутствуют ей звезды Hrat (Арес) и Lusaber (Афродита)... Зевс и Афродита звезды добродетели, а Кронос и Арес — вредные. Кронос из-за большого холода, Арес из-за большого тепла, т. е. жары [29].

Ссылаясь на «Космогонию» Павла Александрийского (IV в. н. э.), Анания Ширакаци перечисляет зодиакальные знаки мужского рода, связанные с солнцем,— овн, близнецы, лев, весы, стрелец и водолей, а также знаки женского рода, связанные с луной, — бык, рак, дева, скорпион, козерог и рыбы [30]. Известно, что из символов солнца одним из наиболее характерных в Передней Азии был лев. Значит, ритоны с протомой льва, тем более крылатого (что передает его космогонический характер), были связаны с культом солнца и оплодотворяющим началом мужского рода.

С культом солнца и оплодотворяющим началом мужского рода связывается также овн, следовательно, и ритоны с протомой барана или овна. В этот круг космогонических мифологических представлений следует включить также мифическое существо — грифона с орлиными крыльями и клювом.

Случайно ли, что ритоны с протомой льва, овна и грифона, происходящие из Ирана и датируемые X—V вв. до н. э., изготовлены из золота (вспомним, что и позднее в алхимических текстах золото называлось солнцем, а серебро — луной).

Солнце и тепло воспринимались довольно широко и в многообразном проявлении. Солнце — огонь, луч, свет, тепло, жара, тепло живого тела и крови и т. д. Значит, поклонение огню также входило в обширный цикл культовых представлений, связанных с солнцем, следовательно, конь и сосуды с протомой коня имеют отношение к указанному циклу. Из Грузии происходят чаши (одна из Гори, другая из Армази) с изображением коня перед алтарем в виде персидских атрушанов. Исследователь грузинского искусства Ш. Я. Амиранашвили считает, что на одной из этих чаш двухтысячелетней древности (из Гори) изображен «конь-божество, тотем, олицетворение солнца», а на другой (из Армази) «перед алтарем с неугасаемым огнем представлен жертвенный конь» [31]. Справедливо указывается, что приношение белого коня Митре имело место не только в Иране, но и в Малой Азии и других странах, испытавших влияние маздеизма. Нет необходимости говорить о Пегасе в греческой мифологии — о громовом коне Зевса, приносящем гром и молнию, или об огнедышащих конях солнечной колесницы Гелиоса.

Другая группа ритонов с протомой быка, козла или козерога, оленя, лани связывается с другим (лунным) циклом культово-мифологических космогонических представлений народов древней Передней Азии, по которым Луна олицетворяет влагу.

Анания Ширакаци, приведя старинные представления о семи небесных кругах или поясах, сообщает, что в седьмом (нижнем) поясе происходят

[29] А. Абраамян. Научные труды армянского ученого VII в. Анания Ширакаци. Ереван, 1944, стр. 325.

[30] Там же, стр. 330.

[31] Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства. М., 1950, стр. 86.

гром и молния, движение облаков; отсюда нисхождение влаги и падение дождей; в этом поясе находится месяц и он вызывает дождь, «ибо прежние отцы (наши предки) луну называли дарительницей дождя и кормилицей растительности» [32].

В обширный цикл культа луны и влаги входят также космогонические представления о громе и молнии, о божествах, освобождающих небесную влагу для оплодотворения земли и обеспечения ее плодородия.

Обращаясь к образцу армянского божества грома и молнии Вахагна, рожденного из дымящего в багряном (небесном) море тростника, нам уже приходилось усматривать связь между культом Вахагна и аналогичных ему божеств Веретрагны, Вртраганы и Индры и ритонами с протомой козерога. В этом нам помогли нарицательное название бога Вахагна-Вишапаках и формы ритонов, найденных в Ерзигане в западной части Армении и, в частности, в четвертом Семибратнем кургане на Кубани.

«Вишапаках» обычно толковался как собирающий, убивающий вишапов змий — функция, которая приписывается Веретрагне-Вртрагане и Индре в иранской и индийской мифологии. Армянскому Вахагну также приписывалась такая функция. Однако первоначально существовало божество диффузного характера, объединившее функции бога грома, молнии и облаков, скрывающих влагу. Отсюда и название Вишапаках = вишап + + ках[33] (змий + козел). Значит, Вахаги имел облик мифическо-космогонического козерога с протомой козла и телом змия. Именно так выглядит ритон, найденный в четвертом Семибратнем кургане, переднеазиатское происхождение которого не оспаривается.

Впоследствии происходит расщепление функций диффузного божества и Вахаги становится божеством грома и молнии. Армянский историк V в. н. э. Мовсес Хоренаци сообщает, что народные певцы воспевали рождение Вахагна, сопровождая песнь игрой на пандирне: «... из пламени выходил юноша — у него были огонь-волосы, у него была борода-полымя и глаза, словно два солнышка» [34]. Он уже связывается с циклом солнечного культа, воспринимается как божество мужского рода и получает облик прекрасного юноши. Вишап же олицетворяет облако-змия (дракон), скрывающего небесную влагу, как индийский Вртра или вишап в армянских сказках, закрывающий выход вод на земле [35].

Вахагн, Вртрагана, Веретрагна, Индра — божества одного и того же цикла. Они способны видоизменяться и являться в облике прекрасного юноши-героя, быка, козерога и других животных. Они должны перебороть силу вишап-змия (дракона), разорвать своими рогами-молниями облака и освободить живительную небесную влагу. В армянской мифологии земной вишап пускает немного воды через край своей пасти после жертвоприношения незамужней девушки или юноша-герой убивает его, чтобы освободить выход воде [36].

После сказанного выше нетрудно заметить связь переднеазиатских ритонов не только с солнечным, но и с лунным циклом космогонически-мифологических представлений народов этого ареала о тепле и влаге, о солнце и луне, громе и молнии, освободивших небесную влагу из скрыва-

---

[32] А. Абраамян. Научные труды армянского ученого VII в. Анания Ширакаци, стр. 325—326.

[33] В армянской мифологии аналогично упоминается и ехджеруаках = ехджеру + + ках (олень + козел), который, надо полагать, входил в цикл культовых и космогонических представлений спутников луны.

[34] Мовсес Хоренаци. История Армении, кн. I, гл. 31 (русский перевод Н. О. Эмина. М., 1893).

[35] В армянской мифологии о вишапах имеется весьма обширный цикл представлений, напластованных в различные эпохи. Здесь мы остановились только на одном из них, наиболее существенном.

[36] Юноша-герой, убивающий вишапа,— поздняя формация. Он уже не космогоническое, антропоморфное божество, способное по-прежнему принять и зооморфный облик, а земной сказочный герой.

ющих ее облаков. С лунным циклом связываются, как было указано, созвездия или зодиакальные знаки женского рода, в том числе:

Бык (телец) — носитель влаги [37], второй месяц года и весны (апрель), созвездие — часть эклиптики, где обитает благодательница звезда Лусабер или Айгасх, далее богиня Астхик (Афродита).

Козерог — тоже носитель влаги, десятый месяц года (декабрь), созвездие — часть эклиптики, где обитает Еревак (Кронос) с излишне холодной и вредной натурой.

Именно с этим кругом представлений, а более конкретно с культом божеств грома и молнии, освобождающих небесную влагу, связаны ритоны с протомой крылатого быка и козерога. Случайно ли, что на нижней части головы и на шее протом тельцов из Эребуни и из Пороины (Румыния) показаны волны воды?

К тому же циклу культов относятся и ритоны с протомой оленя и ланигазели. Олень символизировал понятие влаги. О пяти элементах (четыре элемента + аристотелевский логос) говорится: «люди знают искусство в виде пяти звезд: весы-земля, олень-вода, что суть козел, диадема — суть разум или голова, бахрома одежды — суть воздух Hrat или фаразнот (Арес) — огонь» [38].

Значит, олень (а также лань) символизируют воду или влагу. Не случайно, что олень отождествлялся со звездой Лусабер, т. е. с утренней звездой (Афродитой), которая как благодательница сопутствует луне.

Конечно, мифология о зооморфных космогонических существах как солнечного, так и лунного цикла, будучи шагом вперед по сравнению с анимизмом и тотемизмом, одновременно относится к более отдаленным временам формирования культово-религиозных представлений человека, когда эти представления и связанные с ними божества имели диффузный характер. Дальнейшее их расщепление приводило, как правило, к созданию антропоморфных божеств с определенными и конкретными функциями и особенностями, характерными для той или иной страны и этнической среды. Формируется религия с множеством богов и богинь, сопутствуемая более древними культовыми, мифологическими, космогоническими представлениями, хотя последние отодвинуты на задний план. Божества солнца и луны, грома и молнии теперь получают совершенно определенный облик, прежние зооморфные мифические существа обычно приобретают символическое значение, а сосуды с их фигурами продолжают служить отправлению культа в храмах новых антропоморфных божеств, а то и переходят во дворцы светских властителей, уже как парадные сосуды.

B. N. Arakélian

TRÉSOR DES OBJETS EN ARGENT PROVENANT D'ERÉBOUNI

Résumé

Le trésor des objets en argent qui comportait trois rhytons et une grande coupe a été découvert en 1968 au cours des travaux de construction à Erevan, à proximité de la citadelle d'Erébouni, ville d'Ourartou.

Le grand rhyton (longueur — 42 cm, poids — 1,800 kg) représente un chevalier qui était probablement un satrape des Achéménides en Arménie vêtu à la mode médique — arménienne. Le second rhyton (hauteur — 20 cm, poids — 1,060 kg) au protomé d'un

[37] Связь быка с вишапом и изображения быка на каменных изваяниях в Армении, относящихся к культу воды и плодородия, в этой статье не рассматривается. Тесная связь быка с влагой нашла свое отражение также на золотой чаше IX в. до н. э. из Хананлу. Изо рта быка, запряженного в колесницу, управляемую крылатой мужской фигурой, течет вода, и в воде изображена фигура с человеческой головой, туловищем рыбы, хвост которой завершается тремя головами чудовища (см. 7000 Jahre Kunst in Iran. Katalog, № 124).

[38] См. слово фаразнот в словаре древнеармянского языка. Венеция, 1837.

cheval se diffère du point de vue stylistique du premier et provient peut — être des régions d'Arménie attenantes au fleuve d'Euphrate, plutôt de la Cappadoce. Le troisième récipient (hauteur — 17 cm, poids — 0,460 kr) n'est autre que le rhyton-coupe à la tête de boeuf. Sur sa courte partie évasée sont représentés un homme assis au fauteuil et trois femmes dont l'une joue du chalumeau à deux tubes, l'autre de la lyre et la troisième donne un calice rempli de boisson à l'homme. Ce rhyton aux traits à la fois orientaux et ioniques est paraît-il, originaire de l'Asie Mineure. La coupe en question possède des analogies dans la taureutique d'Ourartou ainsi que dans celle des Achéménides. Le trésor est rapporté à l'époque des Achéménides (V—IV siècles avant notre ère). Cette trouvaille aussi que les restes du palais aux 30 colonnes, deux temples du feu et d'autres découvertes témoignent d'un rôle important qu'Erébonui — Erevan jouait toujours même après la décadence de l'Etat d'Ourartou mais déjà en tant que centre administratif (ou un des centres) du dix-huitième satrapie des Achéménides.

А. И. БОЛТУНОВА

КУРГАННОЕ ПОГРЕБЕНИЕ IV в. до н. э. ПОД КЕРЧЬЮ

17 августа 1954 г. на северо-восточной окраине Керчи, у начала дороги на деревню Булганак, для строительных целей производилась выборка глины из насыпи кургана, лежавшего у выезда из города в степь. Ковш экскаватора задел и сдвинул тесаную плиту из белого известняка, под которой был виден деревянный брус. Работа экскаватора была прекращена и на следующий день работниками Боспорской экспедиции Института археологии Академии наук СССР было произведено исследование погребения [1].

Диаметр кургана, в котором было обнаружено погребение, равен примерно 42—43 *м*. Погребальное сооружение, задетое экскаватором, находилось в южной части кургана; северная его стенка отстояла от центра курганной насыпи на 6,5 *м*, а южная — на 12 *м* от периферии кургана. Работы по нивелировке произвести не удалось, вследствие чего установить точную высоту курганной насыпи невозможно; примерная ее высота —7—8 *м*. Насыпь кургана состоит из серовато-коричневого суглинка. Погребальное сооружение было впущено в материк на глубину около 1 *м*. Оно представляло четырехугольную гробницу, сложенную насухо из тщательно отесанных блоков мягкого крупнозернистого известняка ракушечника, очень рыхлого, крошащегося от прикосновения лопаты. Блоки особенно тщательно отесаны и пригнаны на внутренней поверхности стен гробницы и менее тщательно с внешней стороны, где промежутки между ними были забиты щебнем и крошкой от отески камня, а затем промежутки между стенками гробницы и стенками ямы были засыпаны слоем чистого и мелкого морского песка. Поверх каменных плит, служивших перекрытием гробницы, также был насыпан слой песка. При удалении насыпи, примыкающей к верхней части кладок гробницы, были найдены фрагменты пантикапейской амфоры, куски дерева, задетого и раскрошенного ковшом экскаватора, и фрагменты чернолаковых сосудов.

Гробница представляла собой прямоугольную камеру, длиной (внутри) 2,72 *м*, шириной 1,5 *м*, глубиной 1,7 *м* (рис. 1). Стенки ее по углам сложены в перевязь. Южная стенка состояла из шести рядов блоков высотой 0,27—0,3 *м*: северная, обращенная к центру кургана, значительно выше южной, так как здесь поверх шестого ряда блоков наложены еще два ряда: седьмой из двух рядов блоков высотой 0,57 *м* и восьмой — 0,36 *м*; общая высота северной стены — 2,63 *м*. Верхний ряд камней этой стенки был стесан наклонно к внутренней стороне гробницы. Соответственно и поперечные стенки гробницы имели: западная — восемь рядов кладки, восточная — семь, стесанных наклонно к южной стене гробницы. Гробница имела, таким образом, наклонное перекрытие, опускающееся к югу, к периферии кургана. Перекрытие состояло из массивных каменных плит, опиравшихся на бревенчатый настил, уложенный наклонно. Верхний,

[1] В состав отряда, производившего раскопки погребения, входили: А. И. Болтунова — начальник отряда, Ф. Т. Гусаров, директор Керченского музея, и В. Э. Кунин. Чертежные работы выполнял А. Шалькевич.

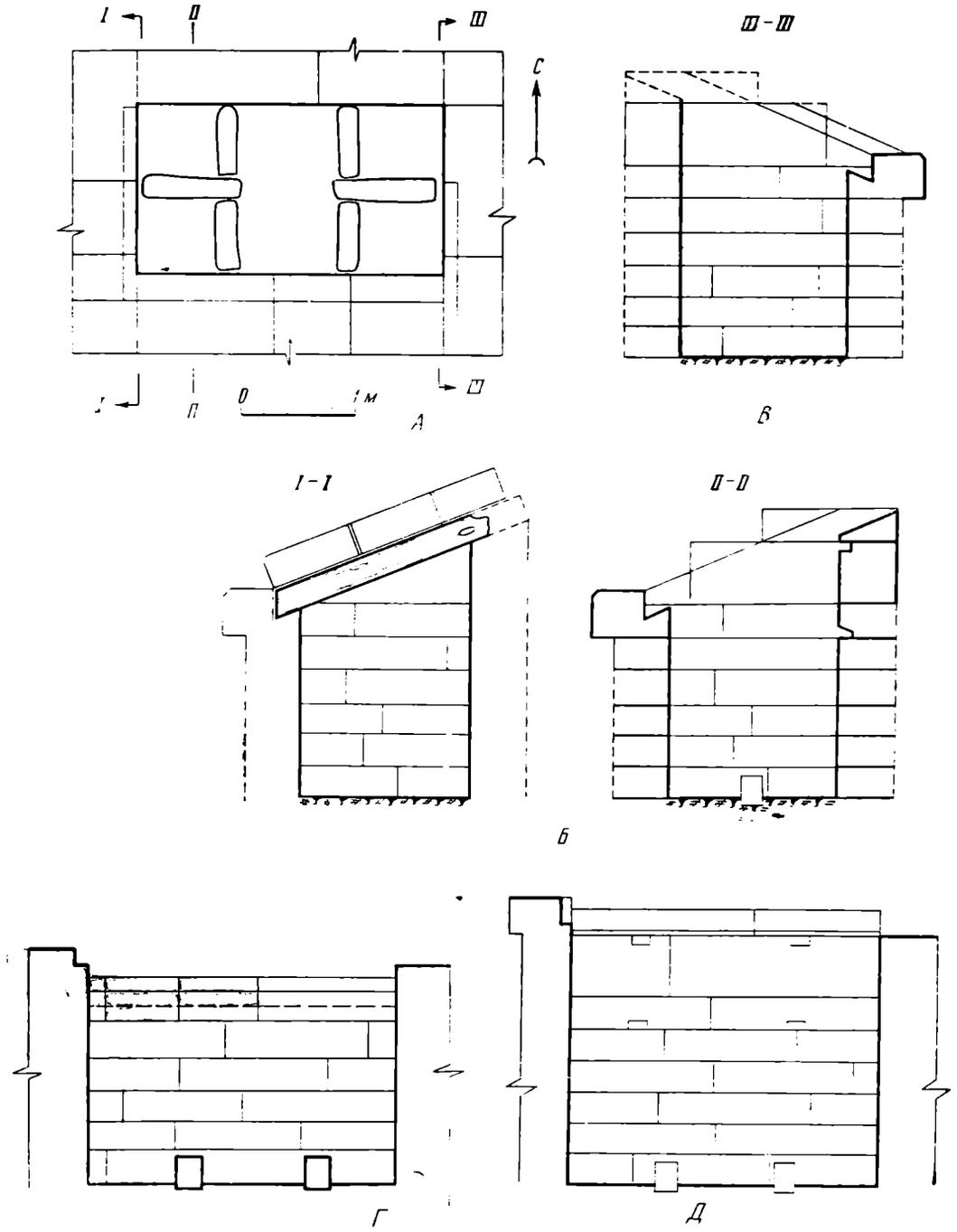


Рис. 1. Гробница:

а — план, *б* — разрезы I—I и II—II, *в* — разрез III—III, *г* — южная стенка гробницы, *д* — северная стенка гробницы

северный, конец бревен ложился на северную, наклонно срезанную стенку гробницы. Для упора нижних концов бревен в верхнем ряду блоков кладки южной стены была вытесана наклонная ступенька. По поперечным, наклонно срезанным, сторонам гробницы были высечены уступы на которые ложились края плит перекрытия. Таким образом гробница оказывалась сверху наглухо закрытой плотно пригнанными плитами, уложенными поверх бревен. Бревна дубовые, толщиной 0,22 *мм*. Плит, перекрывавших гробницу, было двенадцать; они были уложены в три ряда вдоль гробницы, по четыре в каждом ряду. Толщина плит, как и блоков, из которых сложены стены гробницы, 0,27—0,30 *м*. Внешняя их поверхность хорошо сглажена, внутренняя и боковые — отесаны довольно грубо. У трех плит на боковой грани были нанесены краской знаки в виде букв Δ, Х и С.

По снятии грунта, покрывавшего гробницу, оказалось, что с южной стороны две плиты были сдвинуты экскаватором; кроме того, бревна, не вы-

державшие тяжести, обвалились внутрь гробницы вместе с лежавшими на них плитами и ряд плит вдоль северной стены стоял на торце внутри гробницы; одна плита оказалась лежащей на самом дне гробницы. Из бревен in situ сохранилось лишь одно — крайнее западное. Длина его 1,92 *м*. При выемке грунта из гробницы в верхних слоях были найдены обломки амфоры фасосского круга из темной коричневато-розовой глины с включением мелких зерен слюды. Сохранилась часть ручки этой амфоры с маленьким круглым клеймом-монограммой (рис. 2). На внутренней поверх-

Рис. 2. Клеймо на ручке амфоры

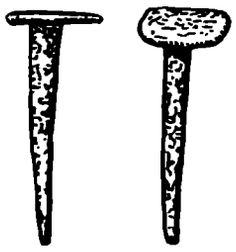


Рис. 3. Медные гвозди

ности северной стены гробницы были высечены четыре небольшие четырехугольных углубления: два в верхнем ряду блоков второго сверху ряда кладки и два в нижнем краю третьего сверху ряда блоков; конструктивное значение их осталось неясным.

Пол гробницы — плотно утрамбованная материковая глина белоглазка — был посыпан песком. На дне у каждой из поперечных стенок были сооружены каменные подставки, каждая — из трех крестообразно сложенная четырехгранных блоков, поставленных на ребро, высотой 0,22 *м*, длиной 0,86 *м*, шириной 0,16—0,22 *м*. Подставки эти служили опорой для дна деревянного саркофага. Саркофаг оказался разбитым на мелкие части упавшими плитами. In situ сохранились только четыре четырехгранных бруса со срезанными под прямым углом концами, высотой 1,22 *м*, толщиной 0,08 *м*. Они стояли вертикально по четырем углам гробницы. Судя по темно-коричневым полосам — следам дерева на гладких каменных стенах гробницы,— на верхние концы этих брусьев ложилась плоская горизонтальная крышка саркофага. При выемке грунта были найдены три обломка досок, из которых был сделан саркофаг. Толщина этих досок 2,5 *см*. Длина обломков: 1) с сохранившимся пазом — 0,62 *м*, 2) 0,32 *м* и 3) обломок вертикальной угловой доски — 0,22 *м*.

При просмотре грунта, извлеченного из гробницы, удалось собрать 49 медных гвоздей (рис. 3) и 5 круглых стеклянных вставок, служивших украшением саркофага. От костяка почти ничего не сохранилось: ни челюстей, ни позвонков не было найдено. Осколки костей, разбитых упавшими плитами, были рассеяны в беспорядке. Под некоторыми из них на полу гробницы были найдены полуистлевшие остатки плотной шерстяной ткани темно-коричневого цвета — остатки хламиды. В восточной части гробницы найдены перемешанные с землей отдельные раскрошенные осколки черепной коробки и бронзовая пантикапейская монета, лежавшая, по-видимому, во рту покойника. Таким образом, можно установить что погребение было ориентировано головой на восток. В восточной же части, но ближе к середине гробницы, найдены три разбитых гипсовых алабастра и мелкие разъеденные окисью фрагменты разрушенного железного изделия, вероятно, стригиля. Возле западной стенки гробницы, вне саркофага, на среднем каменном блоке подставки саркофага найдена сохранившаяся in situ краснофигурная пелика, уцелевшая благодаря тому, что над ней сохранилось единственное бревно, удержавшее от падения внутрь гробницы лежавшие на нем плиты перекрытия.

Время захоронения определяется найденной в погребении монетой: «обол Харона» — дань обычаю, появившемуся на Боспоре, судя по находимым в могилах и поддающимся определению монетам, около середины IV в. до н. э. В данном случае это — медная автономная пантикапейская монета тетробол; av.— голова безбородого сатира вправо, rev.— протома Пегаса вправо; легенда — ΠΑΝ. А. Н. Зограф датировал эту серию 375—340 гг. [2]. Д. Б. Шелов, пересмотревший датировку монетных выпусков Пантикапея в IV в. до н. э., относит эту серию примерно к 330—315 гг. до н. э. [3]. Принимая датировку Д. Б. Шелова, публикуемое погребение следует отнести к последней трети IV в. до н. э. Содержал ли данный курган какие-либо другие погребения — неизвестно, так как продолжить раскопки не удалось. Исследование нескольких курганов на расположенных поблизости участках северо-восточной окраины Керчи [4] показало, что под каждым из этих курганов находилось от двух до пяти могил, причем основное погребение помещалось в центре кургана, а остальные были впущены в полы курганной насыпи. Судя по тому, что описанное здесь погребальное сооружение было хотя бы частично впущено в материк, можно заключить, что курганная насыпь воздвигалась уже после того, как было совершено захоронение. Но при этом надо думать, что погребение это все же не было единственным в кургане. Котлован для постройки гробницы, вероятно, частично прорезал южную часть уже существовавшего здесь небольшого холма, воздвигнутого над более ранним погребением, и частично был заглублен в материк, а после завершения захоронения холм продолжали дополнительно насыпать. В пользу такого предположения говорит и наклонное перекрытие гробницы, понижающееся от центра к периферии кургана: по-видимому, большой курган образовался из последовательного слияния группы отдельных мелких курганных насыпей.

Сам характер погребального сооружения оригинален. Известно, что каменные погребальные сооружения курганного некрополя боспорских городов представляют либо склепы с уступчатым или полуциркульным сводом, в которых захоронение производилось через боковой вход, дромос, либо гробницы, представляющие обычно сложенные из четырех каменных плит ящики, либо углубления, вырубленные в скале или вырытые в грунте. В таких гробницах захоронения производились сверху и затем перекрывались. Описанное здесь погребальное сооружение (исследованное в 1954 г.) представляет нечто среднее между склепом, поскольку погребальная камера сложена из нескольких рядов тесаных блоков, и плитовой гробницей, поскольку эта камера не имела бокового входа, захоронение производилось сверху и затем гробница перекрывалась бревнами и каменными плитами. В известной нам археологической литературе, а равно и в архивном материале, аналогий данному погребальному сооружению найти не удалось. Вряд ли, однако, оно было на Боспоре единственным в своем роде. Отсутствие аналогий среди открытых до настоящего времени погребений следует, вероятно, объяснить или плохой фиксацией и слишком суммарным описанием раскопок курганов, особенно в прошлом веке, или же плачевным состоянием некоторых найденных в курганах погребальных сооружений. Возможно, что гробницы, подобные гробнице 1954 г., встречались и раньше. Так в 1868 г. продолжение исследований большого кургана возле Стеблиевской на Таманском полуострове, начатых А. Е. Люценко в 1864 г., привело его к открытию впущенной в курганную насыпь «четырехугольной, в виде продольного ящика гробницы № 4, длиной от В к З—$4^3/_8$, шириною от Ю к С—$2^1/_4$ и вышиною 3 аршина, сложенной на высоте около 2-х сажен от поверхности материка, из 8 рядов штучных из-

---

[2] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, М.— Л., 1951, табл. XL, *19*.

[3] Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, табл. V, *59*.

[4] В. Э. Кунин и Н. З. Кунина. Курганные погребения пантикапейского некрополя на северной окраине г. Керчи. Сб. «Археология и история Боспора», II, Симферополь, 1962, стр. 281—299.

вестняковой породы камней, толщиною в 6 вершков, и покрытой почти совершенно истлевшей деревянной крышею, сквозь которую проникла земля, наполнившая эту гробницу доверха...»[5]. В том же году В. Г. Тизенгаузен в кургане, в двух верстах к западу от Тамани, раскрыл гробницу, до половины впущенную в материк, построенную из шести рядов тесаных известняковых блоков и перекрытую тремя большими плитами из того же камня[6]. При отсутствии чертежей точно судить о конструкции этих погребальных сооружений трудно. Однако их можно сопоставить с гробницей 1954 г., поскольку они также представляли погребальную камеру, сложенную из нескольких рядов тесаных блоков, не имевшую дромоса, и захоронение в ней было осуществлено сверху.

Не лишены интереса и каменные подставки на дне гробницы 1954 г., на которые опиралось дно саркофага. Примеры заботы о том, чтобы дно саркофага не провисало под тяжестью заключенных в нем останков и могильного инвентаря, были зафиксированы в археологической литературе неоднократно. Так В. В. Шкорпилом в 1905 г. при раскопках могильника на горе Митридат под западным склоном насыпного холма к северу от Второго Кресла было замечено, что в земляном полу сырцовой гробницы ножки деревянного саркофага стояли в специально сделанных углублениях[7]. При раскопках могильника возле мыса Тузла в 1913 г. им было отмечено, «что на дне некоторых гробниц обнаружились поперечные ямки, вырытые, по-видимому, для установки ножек гроба или саркофага»[8]. В 1954 г. при раскопках курганов IV—III вв. на улице Белякова (С-В. окраина Керчи, неподалеку от кургана с описываемым здесь погребением) в плитовой гробнице ножки прекрасно сохранившегося деревянного саркофага стояли в четырехугольных углублениях, вырытых в земляном полу гробницы[9]. В уступчатом подкурганном склепе в районе железнодорожной станции поселка им. Войкова близ Керчи, обследованном в 1955 г. В. И. Цехмистренко и В. Э. Куниным, на скальном полу склепа были сложены прямоугольные подставки под дно саркофага из небольших пригнанных друг к другу камней. Угловые камни подставок имели вырезы, которые соответствовали вырубленным в полу прямоугольным углублениям для ножек саркофага. При этом дно саркофага опиралось на подставки и не провисало[10]. Подобные приспособления для опоры дна саркофага были, вероятно, довольно обычными, и отсутствие сообщений о них в археологической литературе следует объяснять недостаточно детальной фиксацией в полевой документации раскопок дореволюционного времени.

Что касается самого саркофага, от которого, как мы видели, почти ничего не осталось, то, по некоторым данным, можно заключить, что по форме и конструктивным особенностям он представлял близкую аналогию саркофагу, открытому на ул. Белякова и исследованному В. Э. Куниным и Н. З. Куниной[11]. О том, что саркофаг имел плоское, а не двускатное перекрытие, свидетельствует горизонтальная темно-коричневая полоса, представляющая отпечаток дерева верхнего края саркофага на каменных стенах гробницы на высоте 1,21—1,23 *м* от пола. Высота четырехгранных брусьев-стояков по углам гробницы (1,22 *м*) соответствует отпечатку дерева на стенах и позволяет установить высоту саркофага — на 21 *см* выше найденного на ул. Белякова. Соответственно большим раз-

[5] Архив ЛОИА, д. № 41, 1868. Рапорт директора Керченского музея древностей А. Е. Люценко от 9 ноября 1968 г., л. 24, Тр. ОАК за 1868 г., стр. VI.

[6] ОАК за 1868 г., стр. X.

[7] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. ИАК, в. 30, СПб., 1909, стр. 28, могила 97.

[8] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 140.

[9] В. Э. Кунин и Н. З. Кунина. Ук. соч., стр. 285, рис. 7 на 286 стр.

[10] В. И. Цехмистренко и В. Э. Кунин. Склеп с уступчатым покрытием в районе Царского Кургана близ Керчи. МИА, 69, М.— Л., 1959, стр. 255, чертеж на стр. 252.

[11] В. Э. Кунин и Н. З. Кунина. Ук. соч., стр. 286—287.

мерам описанной здесь гробницы в сравнении с упомянутой плитовой гробницей в кургане на ул. Белякова, большими были не только высота саркофага, но также его длина и ширина. Однако вполне точно их установить невозможно. Конструкция обоих саркофагов была, по-видимому, сходной. Сохранившийся обломок доски с пазом принадлежал, вероятно, верхней или нижней доске боковой стенки. По углам саркофага были вертикально поставленные доски, покрывавшие стояки и место скрепления стенок саркофага со стояками. Однако в отличие от саркофага из кургана на ул. Белякова, лишенного украшений, саркофаг описываемого погребения был украшен. Об этом свидетельствуют найденные пять стеклянных вставок в форме не вполне правильных кружков из белого прозрачного стекла, покрытых легким налетом перламутровой ирризации (рис. 4). Вставки диаметром 16—17 *мм* имеют плоское цилиндрическое или слегка суженное книзу основание и выпуклую в виде невысокого конуса вершину, слегка скругленную. Высота их — 9—10 *мм*.

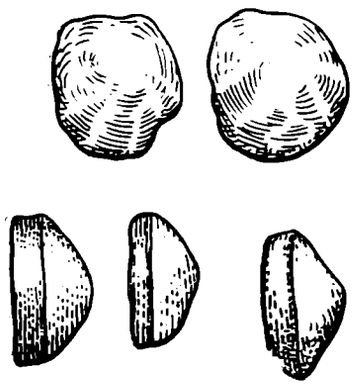


Рис. 4. Стеклянные вставки для украшения саркофага

Вставки из стекла, янтаря или горного хрусталя применялись для украшения саркофага или погребальной клины и встречались главным образом в богатых боспорских погребениях IV в. до н. э., особенно второй его половины. В качестве примеров напомним находки подобных вставок в склепе № 1 Большой Близницы [12], в склепе Павловского кургана [13], в склепе Змеиного Кургана [14], в черепичной гробнице на мысу Ак-Бурун [15], в склепе № 50 кургана № 1 на Юз-Обе [16], в склепе кургана к западу от Тамани, справа от дороги к Соленому озеру [17], в склепе кургана Куль-Оба [18].

Саркофагу принадлежали и собранные при зачистке гробницы 49 медных гвоздей. Гвозди эти длиной 2 — 2,2 *см* с очень острым концом и заметно утолщающиеся кверху, имеют тонкую, неправильной формы шляпку, размером около 1 *см*^{2}. Некоторые из них — с кусочками дерева. Они были, очевидно, использованы для обивки тканью внутренних стенок саркофага [19]. Подобные гвозди были найдены В. Г. Тизенгаузеном в каменной гробнице воина к востоку от Таманского залива близ хутора Пивнева [20]. При исследовании трупосожжений на месте кострищ также неоднократно находили мелкие медные гвозди [21].

Вещи, сопровождавшие погребенного в гробнице в загробный мир и положенные с ним вместе в саркофаг, представлены только тремя гипсовыми алабастрами (рис. 5), находившимися, по-видимому, где-то в области пояса (судя по их нахождению в средней части гробницы несколько ближе к ее восточному концу, где были найдены осколки черепа), и, по-видимому стригиля. Алабастры найдены разбитыми. Два

[12] ОАК за 1865 г., стр. 9.

[13] ОАК за 1859 г., стр. 10.

[14] ДБК, т. I, стр. LXX, табл. XXXI, *6*, *7* и XXXII; G. Watzinger. Griechische Holzsarkophage aus der Zeit Alexander des Grossen. Leipzig, 1905, стр. 40, No. 18: E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 328—329, рис. 240.

[15] ОАК за 1875 г., стр. XXXIV, и за 1876 г., стр. 6.

[16] М. И. Ростовцев, АДЖ, стр. 102.

[17] Описание раскопанного погребения см. в ОАК за 1868 г., стр. X—XII.

[18] А. А. Передольская. Слоновая кость из кургана Куль-Оба. ТОМГЭ I. Л., 1945, табл. 1. Украшениями из слоновой кости был отделан, очевидно, не саркофаг, как полагала А. А. Передольская, а клина.

[19] Ср. описание А. Е. Люценко склепа № 50 на Юз-Обе, приведенное М. И. Ростовцевым, АДЖ, стр. 102.

[20] ОАК за 1870—1871 гг., стр. XV.

[21] Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, 69, М.— Л., 1959, стр. 98, погр. 9 (30 коротких медных гвоздей с широкими шляпками), погр. 11 (20 медных коротких гвоздей).

алабастра имеют высоту 0,25 *м*, третий 0,22 *м*. Они вырезаны из белого полупрозрачного гипсового камня. Венчик имеет сверху вид плоского круга с отверстием овальной формы, на шейке у всех трех резные валики. Выступы на тулове у двух, более крупных — с зубчатыми нарезками.

Алабастры, большею частью гипсовые и реже — глиняные, встречаются очень часто в составе инвентаря погребений IV и начала III в. до н. э. Это сосуды для масла, употреблявшиеся палестритами, так же как лекифы и арибаллы — непременная принадлежность мужских погребений палестритов, типичных для греческих погребений Боспора V и IV вв. В мужских погребениях, начиная со второй половины IV в., чаще встречаются алабастры; эти сосуды находят, правда, изредка и в женских погребениях, куда их помещали, вероятно, как туалетные сосуды. Алабастры находят, как при трупоположении [22], так и при трупосожжении. Назовем лишь несколько примеров из многочисленных находок алабастров в погребальных комплексах: упомянутое уже погребение воина, раскопанное В. Г. Тизенгаузеном близ хутора Пивнева на Таманском полуострове (там было найдено два алабастра) [23]; алабастры в склепах Юз-Оба [24], в богатейшем комплексе Павловского кургана найдено одиннадцать алабастров, из них два — в саркофаге и девять вне саркофага [25]. В числе алабастров, упоминаемых в отчетах В. Г. Тизенгаузена о раскопках на Таманском полуострове в 1869 г., заслуживает внимания один из них, найденный в разоренной гробнице вместе с двумя краснофигурными пеликами. Алабастр [26] высотой 0,23 *м*, с гладкими выступами на тулове и нарезками на шейке, на тулове его, на высоте выступов,— граффито А Е. Перечисленные погребения, в которых были найдены алабастры, согласно сопровождающим монетным находкам, относятся к середине и второй половине IV в. до н. э.

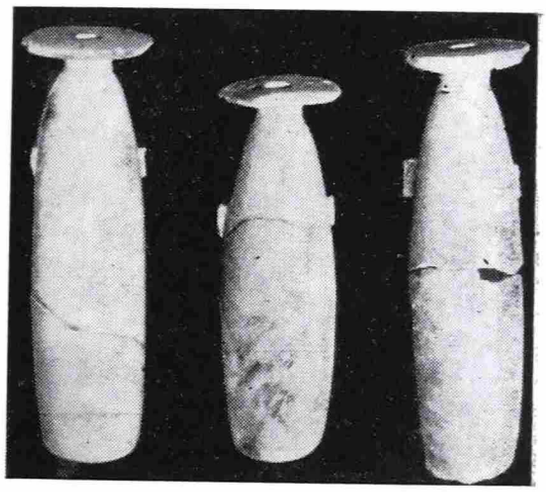


Рис. 5. Гипсовые алабастры

Обратимся к описанию краснофигурной чернолаковой пелики, стоявшей на полу гробницы, возле ее западной стенки [27]. Пелика изготовлена из аттической глины характерного красноватого оттенка и сохранилась хорошо: с левой стороны ее отбит лишь край венчика, но его удалось подклеить (рис. 6). Высота пелики 28 *см*; высота основания — 1,2 *см*; высота ручки — 11,5 *см;* диаметр венчика — 18,7 *см*; диаметр основания — 13,1 *см*; диаметр тулова 18,9 *см*; ширина ручек (в средней части) — 2,5 *см*. Лак нанесен тонким, не всегда ровным слоем и имеет местами слегка оливковый оттенок. Изнутри лаком покрыто лишь горло сосуда до уровня плечиков; ниже лишь отдельные затеки и небрежные мазки.

Форма пелики характеризуется расширенным туловом с диаметром чуть превышающим раструб венчика, четко обозначенной суженной шейкой, мягко и округло расширяющейся к тулову и к раструбу венчика,

---

[22] ОАК за 1870—1871 гг., стр. XV.
[23] ОАК за 1860 г., стр. V.
[24] ОАК за 1859 г., стр. 12; Атлас, табл. III, Скифия и Боспор, стр. 195.
[25] ОАК за 1869 г., стр. IV и VII.
[26] Эрмитаж, инв. № 1869. 20.
[27] Публикацию данной пелики см.: A. I. Boltounova. Une peliké du style de Kertch représentant la scène de la délivrance de Thésée par Herakles. Rec. «Mélanges offert à K. Michalovski». Warszawa, 1966, стр. 287—292.

Рис. 6. Краснофигурная пелика

округлой лишней ручек, вертикально отогнутым, слегка округленным ободком венчика, профилированным прямым основанием.

Орнамент «ов» нанесен по краю венчика, на шейке и в нижней части тулова. На лицевой стороне пелики, на шейке, под верхним краем полосы «ов» — поясок из коротких черных черточек. У нижних концов ручек на тулове — крупная пальметта. На лицевой стороне пелики изображена в краснофигурной технике сцена освобождения Гераклом Тезея из подземного царства — один из эпизодов двенадцатого подвига Геракла — путешествия его в Аид за Кербером [28].

В центре композиции Тезей, с небольшой бородой, сидящий в профиль вправо, пытается встать со скалы, на которую он опирается левой рукой (рис. 7*а*). Справа от него — юный безбородый Геракл в накинутой на голову львиной шкуре, с палицей на левом плече. Правой рукой он тянет за левое плечо Тезея, отрывая его от скалы. Оба героя изображены нагими. Над ними парит Ника в профиль вправо, протягивая руки к голове Геракла, как бы венчая его. Венок, который должен быть в руках у Ники, на рисунке отсутствует. Справа Афина в шлеме без эгиды, в профиль влево, сидит, опираясь на стоящий сзади щит, наблюдая совершаемый подвиг (рис. 7*б*). Слева стоит Персефона, одетая так же, как и Афина, с повязкой на голове (рис. 7*в*). Четырехугольная скала, на которой сидит Тезей, лицо, руки и ступни Ники покрыты светлой кремовой почти белой краской. На оборотной стороне пелики — три фигуры в плащах.

Цикл двенадцати подвигов Геракла в V — IV вв. был еще в стадии разработки; в основных чертах он был установлен лишь ко времени Александра Македонского. Тем не менее в росписи аттических краснофигурных ваз, широко использовавший мифологические сюжеты, сцены подвигов Геракла нашли широкое распространение, особенно в IV в. В частности, сюжет освобождения Гераклом Тезея из царства Аида из-

[28] Apollodor, II, 5, 12; Paus, X, 29, 4.

вестен еще с V в. Так, на краснофигурном лекифе 60-х годов V в. Берлинского музея изображен бородатый Геракл в львиной шкуре с палицей на левом плече, тянущий за правую руку сидящего на скале бородатого Тезея в накинутом на плечи гиматии в петасе, опирающегося левой рукой на копье [29]. Как отмечает Дж. Д. Бизли, сцена освобождения Тезея — отрывание его от скалы Гераклом, изображенная на берлинском лекифе, не имеет параллелей в вазовой живописи, кроме бостонского килика [30]. Однако эпизод посещения Гераклом царства Аида в связи с пребыванием там Тезея и Перифоя, пытавшихся похитить Персефону и обреченных разгневанным Аидом на вечное сидение на скале в преисподней, трактован также в свободном стиле на кратере 450 — 440 гг. Нью-Йоркского музея [31]. Пелика из погребения, открытого в 1954 г., представляет еще один, более поздний пример трактовки этого сюжета в вазовой живописи.

В связи с вопросами о датировке пелики укажем, что отмеченные выше особенности ее формы характерны для пелик первой четверти IV в. до н. э. Однако ручки нашей пелики имеют выраженное ребро, характерное для пелик второй четверти IV в.

По своей форме аналогиями нашей пелики являются: пелика с изображением битвы пигмея с журавлями (Эрмитаж) [32]; пелика, где изображены охотящиеся на оленя Артемида, Зевс и Аполлон (Лондон) [33], пелика, впервые опубликованная Э. Р. Штерном, с изображением отдыхающего Геракла, Афины и Гебы [34] и хранившаяся позже в Берлинском Антикварияме [35] пелика с изображением двух купающихся женщин, двух служанок и Эрота [36], найденная в 1905 г. В. В. Шкарпилом при раскопках пантикапейского некрополя, а также некоторые пелики из раскопок Олинфа, выполненные, впрочем, гораздо более небрежно [37]. Все перечисленные пелики относятся к концу первой — началу второй четверти IV в. до н. э. Пелики середины IVв. отличаются от нашей несколько более вытянутой шейкой и прямыми вертикальными ручками.

Что касается росписи нашей пелики, то прежде всего следует отметить, что появление крупной пальметты, которую мы видим у нижних концов ее ручек, характерно как раз для указанного периода — конца первой — начала второй четверти IV в. до н. э.[38]. Да и вся роспись сосуда также приводит нас к сопоставлению ее с росписью ранней группы керченских ваз и прежде всего ваз, приписываемых мастеру Геракла [39]. Это — хранящаяся в Лондоне пелика с изображением Артемиды, охотящейся на оленя [40], упомянутая уже берлинская пелика с изображением отдыхающего

---

[29] J. D. Beazley. Attic red-figured vases in American Museums. Cambridge 1918, стр. 137, fig. 85; его же, Attic red-figured vasepainters, 1942 (The Alkimachos painter), No. 46, Stephanos Theodor Wiegand dargebracht. Berlin, 1929, табл. 6.

[30] J. Cl. Hoppin. A handbook of Attic red-figured vases, signed by or attributed to the various masters of the sixth and fifth centuries. B. C. Cambridge 1919, стр. 477; J. D. Beazley. ARV. 1942, стр. 752 (The Xenotimos painter).

[31] G. Richter. Red figured Atthenian vases. The Metropolitan Museum of Art. New-Haven, 1936, стр. 168—171, tabl. 135a. 170; J. D. Beazley, ARV, стр. 717, No. 1 (The Nekyia painter). К сожалению, изображение на боковых стенках чаши в Лувре (J. D. Beazley, op. cit. стр. 778, No. 8) не издано.

[32] ДБК, стр. 106, табл. 55, K. Schefold. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin, 1934, No. 388, табл. 5а.

[33] K. Schefold. Kertcher Vasen. 1930, Taf. 1B; Untersuchungen, No. 511, стр. 55.

[34] Э. Р. Штерн. Расписная ваза из Керчи. 300 ИД XIX. Одесса, 1896, стр. 94—109, табл. I.

[35] K. Schefold. Untersuchungen..., стр. 38, No. 344, табл. 4, 6.

[36] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 22, рис. на стр. 23; Arch. Anz. 1906, 2, стр. III; K. Schefold, Untersuchungen..., рис. 39, No. 494.

[37] D. M. Robinson. Excavations at Olynthus. Part V. Baltimore, 1933; например No. 138, стр. 83.

[38] М. М. Кобылина. Поздние боспорские пелики. МИА, 19, 1951, стр. 136.

[39] K. Schefold. Untersuchungen..., стр. 83—84.

[40] Ук. соч., стр. 55, No. 511, изображение ее см. K. V., табл. 1в.

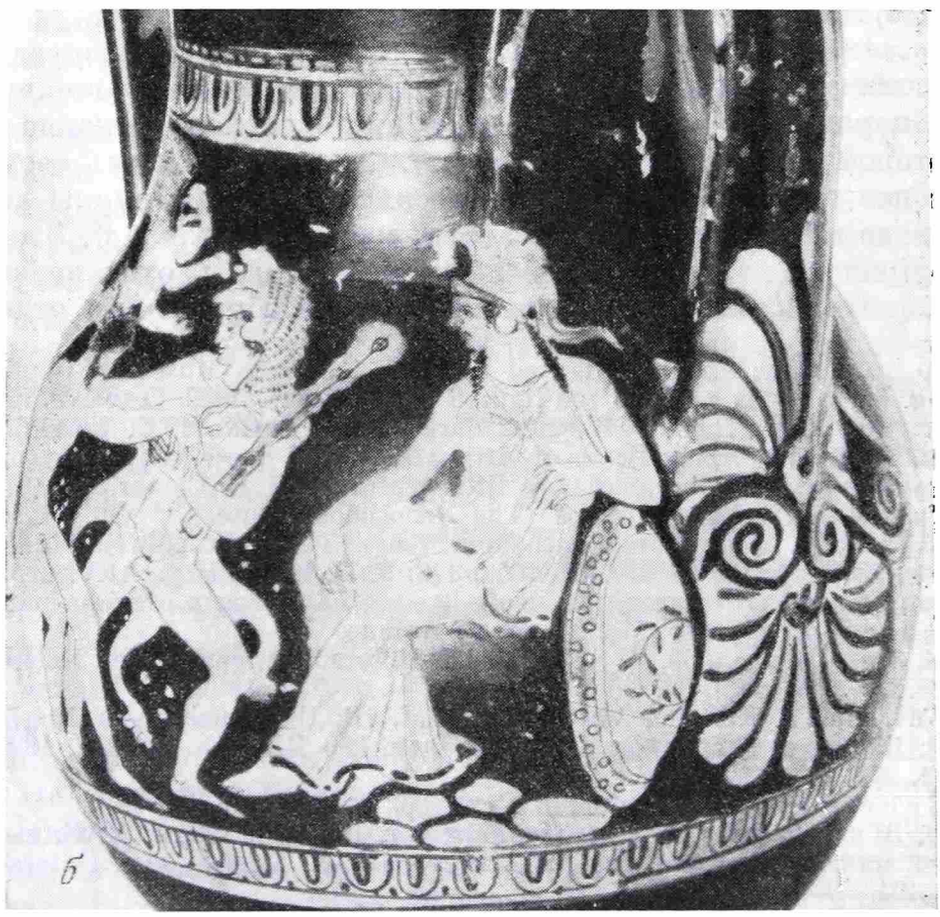


Рис. 7.

а — Геракл освобождает Тезея; *б* — Афина; *в* — Персефона

Геракла [41], и, наконец, лондонская гидрия с изображением похищения Европы [42]. Мастер этой вазы так близко следовал манере мастера Геракла, что его можно считать учеником этого художника [43]. Отметим прежде всего построение композиции: главный персонаж, которому посвящен сюжет росписи, изображенный в движении, помещен в центре; с обеих сторон композиция замыкается фигурами персонажей, наблюдающих действие. Движение направлено вправо. Божество, наблюдающее действие, помещено справа. Парящее крылатое божество связано с центральным персонажем. На пелике Артемиды эта богиня изображена в стремительном движении, она убивает оленя; слева позади нее — Зевс, справа на нее смотрит обернувшийся к ней Аполлон. Парящая Ника венчает богиню в момент совершения подвига.

На лондонской гидрии в центре — Европа на стремительно несущемся быке, в профиль вправо; справа сцену наблюдает Посейдон, слева композицию замыкает Гермес. На берлинской пелике в центре — Геракл, сидящий на львиной шкуре, опираясь правой рукой на палицу. Голова его повернута вправо к сидящей справа Афине, лицо которой обращено к Гераклу. Слева стоит Геба. Ника венчает героя. Сходство наблюдается также и в изображении поз отдельных фигур. Такова сидящая справа обращенная в профиль влево Афина, которую мы видим на пелике отдыхающего Геракла и на нашей пелике. Юная мужская фигура на лондонской гидрии и фигура Геракла на нашей пелике изображены в движении в сходных позах; опираясь на согнутую в колене левую ногу, с вытянутой правой ногой; обнаженный торс наклонен вправо, лицо повернуто в профиль влево. Геракл делает усилие, поднимая Тезея, а юноша на лондонской гидрии слегка отпрянул перед несущимся на него быком. Сходство наблюдается и в передаче деталей: все лица изображены в профиль; глаза по-

[41] K. Schefold. Universuchungen.... стр. 38, No. 344, табл. 4.
[42] Ук. соч., стр. 23, No. 174, изображение — K. V., табл. 1a.
[43] KV. стр. 12.

казаны en face без раккурса; волосы переданы разжиженным лаком тонкими параллельными волнистыми линиями или спиральными завитками; складки показаны четко и лаконично параллельными или веерообразно расходящимися линиями или короткими загибающимися линиями там, где ткань облегает колено; одежда Афины и Персефоны на нашей пелике украшена каймой в виде широких коротких прерывающихся полос черного лака, как на одежде персонажей, которых мы видим на пеликах Геракла и Артемиды и на гидрии с изображением похищения Европы. Совершенно аналогичен рисунок линий, которыми показаны мускулы живота и груди мужских фигур.

Но, в отличие от приведенных ваз, на нашей пелике Ника, венчающая Геракла, изображена парящей над героями почти в горизонтальном положении; ступни ее ног приподняты, вся фигура и крылья показаны в профиль, в то время как на пеликах Артемиды и Геракла Ника парит среди персонажей как бы в стоящем положении, фигура ее показана en face, крылья развернуты в стороны. Такое положение летящей богини, подчеркнуто героический момент самого сюжета росписи, наряду с простотой и стройностью композиции, заставляют сопоставить нашу пелику с наиболее ранними образцами ваз керченского стиля. Эти черты особенно отчетливо выступают при сравнении ее с берлинской пеликой Геракла, хотя обе эти вазы вряд ли могут быть разделены значительным промежутком времени, так как обе принадлежат ранней группе керченских ваз. Мастера этих двух ваз совершенно по-разному трактуют образ Геракла. Берлинская пелика представляет могучий образ зрелого бородатого мужа, в спокойной позе, отдыхающего от свершенных великих дел и взирающего на покровительствующую ему Афину. Момент движения показан только поворотом головы героя вправо к богине. Вся изображенная сцена проникнута тишиной и покоем. Ника венчает героя после свершения подвига. На нашей пелике мы видим Геракла безбородого, по-юношески стройного и легкого, в самый напряженный момент свершения им героического подвига. Он показал в стремительном движении, отрывая Тезея, которого он тянет вправо. Вся фигура выражает напряжение. Впечатление быстрого движения усиливается развевающимися, словно от ветра, как бы летящими назад волосами Тезея, развевающимися лапами и хвостом шкуры льва за спиной Геракла, создающими контраст со спокойными и мягкими движениями парящей Ники и неподвижными фигурами Афины и Персефоны. Богиня смотрит на Геракла, но сам герой не смотрит на богиню. Он весь поглощен своей задачей.

Легкость и изящество рисунка, наряду с мягкой пластичностью фигур и динамикой в передаче движения, говорят об одаренности художника и его высоком профессиональном мастерстве. Некоторые особенности трактовки сюжета и композиции указывают, что наш мастер пелики керченского стиля еще сохранил некоторую связь с художественными традициями раннего переходного времени, времени формирования керченского стиля аттических ваз.

* * *

Участок некрополя на северо-восточной окраине Керчи, где находится курган с публикуемым здесь погребением, является частью городского некрополя Пантикапея и примыкает к большой группе курганов, расположенных к северу и северо-востоку от Пантикапея. Они тянутся цепочкой к северу вдоль дороги к бывшей деревне Булганак, к востоку — к Новому Карантину и пос. Партизаны (бывш. Аджи-Мушкай) и к северу от Глинища, в направлении Катерлеса. Группа эта рано привлекла к себе внимание исследователей (А. Ашик, А. Е. Люценко и др.) и была нанесена на археологическую карту окрестностей Керчи еще в 1853 г.[44],

[44] Г. А. Цветаева. Курганный некрополь Пантикапея. МИА, 56, М., 1957, стр. 230, рис. 1.

но никогда не подвергалась систематическим исследованиям [45], возможно, потому, что здесь не удавалось найти таких роскошных вещей, как в богатых курганных погребениях к западу и югу от Керчи. К тому же склепы, которые находили в курганах этой группы, оказывались ограбленными [46]. Работы, произведенные в 1954 г. Боспорской экспедицией Института археологии АН СССР и Керченским историко-археологическим музеем на участке улиц Белякова (теперь — ул. Широкая), Магистральной и в районе улиц им. Урицкого и Песчаной [47], а также при выезде из города на дорогу к Булганаку, дали ряд дополнительных данных для характеристики некрополя Пантикапея. Выяснено, что некрополь здесь возник во второй половине IV в. и использовался для погребения только греческой части населения столицы. На это указывают ясно выраженные черты погребального обряда (как в погребениях с трупоположением, которые решительно преобладают, так и в кремации) и состав погребального инвентаря. Отсутствие огромных курганных насыпей, грандиозных склепов и роскошных драгоценных вещей в составе погребального инвентаря указывают, что на данном участке не практиковалось сооружение усыпальниц для представителей высшей правящей знати Боспорского государства. Характерной особенностью данного участка некрополя являются небольшие курганы, в которых, наряду с центральными погребениями, имеется ряд впускных, очевидно, для членов того же рода, или курганы, насыпавшиеся последовательно над группой могил и погребальных костров; погребальные сооружения сравнительно скромны; это небольшие склепы или гробницы из тесаных плит и блоков; находимые в погребениях деревянные саркофаги оформлены просто и лишены обильных сложных украшений. Погребальный инвентарь не богат; для мужских погребений характерен инвентарь палестрического обихода — стригили, алабастры, которые укладывали в гроб, и импортные чернолаковые и краснофигурные сосуды, ставившиеся обычно вне гроба со стороны ног; одежда — хламида из плотной шерстяной ткани и кожаные сандалии. Все эти предметы (при полном отсутствии лепной керамики) отражают чисто греческий облик погребенных здесь пантикапейцев [48], потомков греческих переселенцев καλῶν καγαθῶν, продолжавших сохранять древние культурные традиции своих аристократических родов и не затронутых еще культурными влияниями аристократии местных племен, вливавшейся в правящий слой Боспора.

A. I. Boltounova

LA SÉPULTURE DE KOURGANE DU IV SIÈCLE AVANT NOTRE ÈRE DÉCOUVERTE À LA NÉCROPOLE DE PANTICAPÉE

Résumé

En été de 1954, à la lisiére Nord-Est de Kertch, au cours de travaux de terrassement, on a accroché le remblai d'un tumulus et mis à jour un sépulcre bâti en gros blocs taillés. Les dailles de la toiture se sont effondrés vers l'intérieur écrasant le sarcophage de bois et les ossements. Il n'est cónservé du sarcophage que 49 clous de cuir et 5 enchâsse-

---

[45] М. И. Ростовцев (АДЖ, стр. 108) отмечает необходимость исследования «группы курганов по направлению к древнему валу, Катерлесу и Булганаку».

[46] ОАК за 1859 г., стр. 18, ОАК за 1861 г., стр. VII, ОАК за 1882—1888 гг., стр. XXXXVIII и др.; В. И. Цехмистренко и В. Э. Кунин. Ук. соч.

[47] Кроме описанного здесь погребения и материалов, опубликованных в цитированной уже работе В. Э. Кунина и Н. З. Куниной, следует упомянуть еще остатки трупосожжения и тризны в районе ул. им. Урицкого, где при расчистке кострища собран большой набор чернолаковой столовой посуды: кубков, чаш, тарелок, рыбных блюд и других сосудов IV в. до н. э. Материал этот остался неопубликованным.

[48] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 196—197.

ments de verre. Parmi les débris des ossements se sont conservé quelques morceaux d'étoffe serrée de laine. Du mobilier funéraire on a récupéré 3 alabastres casses, une piéce de monnaie (tetrobole panticàpéen des ans 330—315) et une péliké. Cette péliké attique à figures rouges placée hors du sarcophàge à coté de la paroi Quest du caveau, s'est conservée presque intacte. La peinture représente Héraklés délivrant Thésée des Enfers. Certaines particularités de composition et de la touche nous inclinent à classer ce vase parmi des échantillons les plus anciens du style de Kertch. Le terrain du necropole où était situé le tumulus renfermant la sépulture précitée présente une partie d'un grand groupe de tumuli appartenant à l'époque de la prospérité suprême du Bosphore des Spartokides. On ne se servait de ce terrain à ensevelir que de la population grècque de la capitale du royaume.

В. В. ФИЛАТОВ

РЯЗАНСКАЯ ИКОНА «ПАРАСКЕВА ПЯТНИЦА»

Рязанское княжество было одним из крупнейших на Руси. Археологические раскопки [1], письменные источники [2] и литература [3] Рязанской земли свидетельствуют о большой и своеобразной культуре, которая легла одним из краеугольных камней в фундамент общерусской национальной культуры. Но до сих пор почти ничего не известно о живописи рязанского княжества. Одна из причин этого то, что организованная в 1919 г. экспедиция, состоявшая из крупнейших специалистов по древнерусской живописи, не дала ожидаемых результатов [4]. Многие ранние иконы, на которые было обращено внимание членов экспедиции, впоследствии исчезли из поля зрения ученых [5]. Некоторые из них после тщательного исследования, оказались поздними.

В Рязанском областном художественном музее хранится икона Архангела Михаила с чудом в Хонех, относимая к 80-м годам XV в. и Архистратиг Михаил (деревянный рельеф с росписью) XV в. Последнее произведение сохранило живописный слой фрагментарно. Этот рельеф, исполненный очень примитивно, с расчетом на то, что он должен быть детализирован слоем грунта и завершен живописью, все же производит впечатление произведения искусства с чертами архаизации, что уже отмечено Н. Н. Померанцевым [6]. По сохранившимся фрагментам красочного слоя можно представить себе темный колорит произведения, составленный из сумрачных, но насыщенных тонов. О характерных особенностях колорита рязанской живописи последней четверти XV в. можно судить также по хорошо сохранившемуся произведению живописи Архангел Михаил с чудом в Хонех [7] и по шитой пелене 1484—1485 гг. с изображением Евхаристии, обрамленной богородичными клеймами [8].

[1] А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 17—23, 142—249 и др. (в примечаниях указана литература по археологии рязанской земли, начиная с 1827 г.).

[2] А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. М., 1965. Работа имеет довольно полную историографию и библиографию.

[3] С. К. Шамбинаго. Литература рязанского княжества XIII—XIV вв. «История литературы». М., 1945, т. II, ч. 1, гл. V, стр. 72—87; А. С. Орлов. Областные повести конца XV—XVI вв. Там же, гл. V, § 3, стр. 361—367; Д. С. Лихачев. Повесть о Николе Заразском. ТОДРЛ, VII, М.— Л., 1949, стр. 257—406 и др.

[4] Экспедицию возглавлял И. Э. Грабарь. В нее входили Н. Н. Померанцев — ученый секретарь экспедиции, Г. О. Чириков — крупнейший реставратор, А. И. Анисимов — искусствовед, научные сотрудники С. А. Детинов и Т. Г. Трапезников, архитекторы И. Е. Бондаренко и Н. К. Жуков, фотограф А. В. Лядов.

[5] Икона Иоанна Богослова признана произведением XIII в., но местопребывание ее неизвестно. Икона Богоматери Муромской оказалась памятником не XIII, а XVII в. Местонахождение икон Богоматери Федотьевской (XV в.) и Иоанна Предтечи тоже неизвестно.

[6] Н. Н. Померанцев. Героическая тема в древнерусской пластике. Сб. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960, стр. 143 и 176.

[7] Архангел Михаил, размер 139×98 *см*, Рязанский областной художественный музей. В картотечных сведениях числится произведением XV в. владимирской школы.

[8] Пелена хранится в Рязанском областном краеведческом музее, инв. № П-6/553, ед. уч. 3495.

Произведений живописи или шитья более раннего времени в Рязани не сохранилось. О домонгольском периоде искусства древней Рязани можно судить только по небольшой шиферной иконе XIII в. [9]. Этот монохромный миниатюрный рельеф, возможно, воспроизводит несохранившуюся или еще не известную икону из Борисоглебской церкви старой Рязани или патрональную святыню города Борисова-Глебова, погибшего во время нашествия Батыя. Особенностью этой иконки является то, что при фронтальном положении обеих фигур, изображенных в рост, головы их взаимно обращены друг к другу. Одежды фигур и ножны мечей богато орнаментированы. Орнамент воспроизводит мотивы, характерные для искусства живописи XII в. Овалы лица и глаза обычны для искусства домонгольского периода и по своей трактовке восходят к традициям киевской и владимирской живописи. Орлиные острые носы, сурово сдвинутые брови, напряженный взгляд, свободный поворот в три четверти, мужественная осанка — все это несомненно продиктовано художнику историческими условиями суровой и напряженной борьбы. Эта трактовка образов Бориса и Глеба как бы иллюстрирует представление об идеальном князе [10].

Перечисленные единичные произведения представляют два периода истории развития Рязанского искусства: домонгольский, когда еще мало проявились местные традиции, и период образования единого Русского государства, когда местные традиции начинают испытывать заметное влияние искусства объединяемых княжеств, отчего местные особенности начинают сглаживаться, сохраняясь как архаизирующий элемент.

Таким образом, произведений живописи и других видов рязанского искусства от XIV и первой половины XV в. известно очень мало. Поэтому вновь обнаруженная и раскрытая автором этой статьи рязанская икона «Параскева Пятница», относящаяся к первой половине XV в., представляет значительное звено в цепи развития и сложения древнерусского искусства.

Икона найдена в 1956 г. при разборе фондов Музея искусств Узбекистана в Ташкенте, куда она была передана в 1938 г. Рязанским областным краеведческим музеем как произведение XVII в. [11]

По моему мнению, живописный слой по стилю и колориту напоминал скорее XIX в., нежели XVII в. В то же время монументальные очертания полуфигуры, ее строгая постановка в фас противоречили обозначенной в акте датировке и тяготели к более ранним периодам развития русского искусства (рис. 1).

Тонкая доска иконы с тыльной и лицевой сторон хранит едва уловимые следы деревянных штырей, с помощью которых к ней прикрепляли первоначально накладные шпонки, но в позднейшее время замененные врезными шпонками. По стыку досок дополнительно вырезаны углубления, куда были вставлены (ныне утраченные) деревянные планки, так называемые «ласточки».

Оборотная сторона доски покрашена белой масляной краской, поверх которой в центре нарисован коричневый восьмиконечный крест, обрамленный красными цветами с зелеными листьями в стиле декоративных народных росписей XVIII в. (рис. 2).

---

[9] Размер 8,9×6,8 *см*, инвентарный номер 3779, Рязанский областной краеведческий музей.

[10] Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, стр. 21.

[11] Акт выдачи из Рязанского музея от 28 июля 1938 г. Акт поступления в Гос. Музей искусств УзССР за № 513 Е от 3 декабря 1938 г. По этим актам было передано 33 иконы. «Параскева Пятница» указана как работа неизвестного мастера XVII в.

На специальный запрос мною были получены от Е. М. Никифоровой дополнительные сведения из Музея искусств УзССР (письмо от 11.III.1967 г. № 16/Н). Оказывается, это произведение в 1946 г. проф. В. М. Зуммером было определено как икона украинской школы XVII в. (?) Мною в 1956 г. при разборке фондов музея эта икона была определена произведением русского художника конца XIV — начала XV вв.

Рис. 1. Параскева Пятница. Слой живописи XIX в. с пробной расчисткой в правом верхнем углу

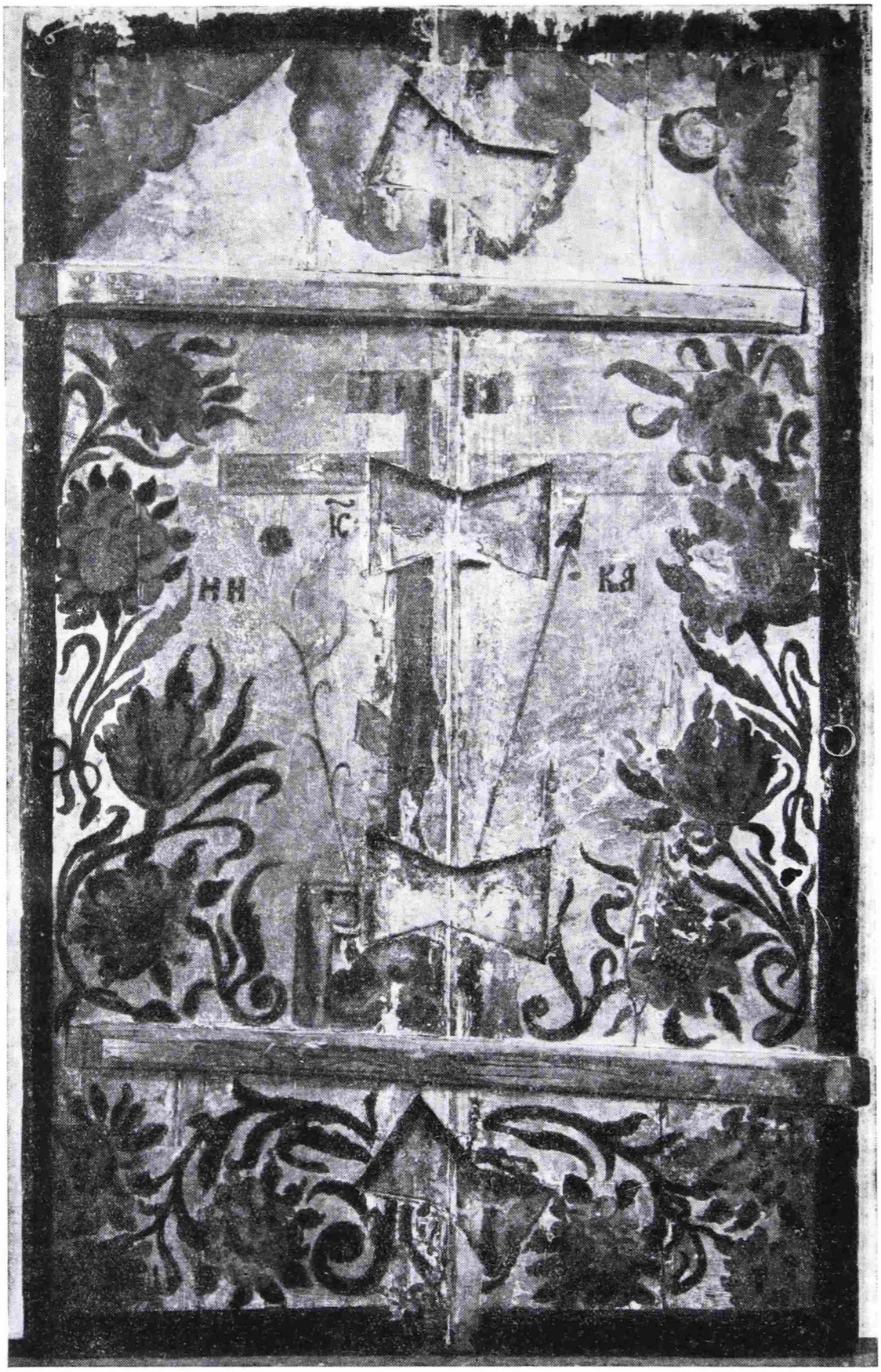


Рис. 2. Параскева Пятница. Тыльная сторона доски с росписью XVIII в.

С лицевой стороны полуфигура Параскевы написана на ровно покрашенном оливково-зеленом фоне. По обе стороны головы сделана надпись коричнево-красной краской: «Образ оагиа великомученица Парасковия».

Белый плат, красный плащ и синий хитон, простой восьмиконечный крест в правой руке и развернутый свиток в левой руке, на котором написан «Символ веры» — все весьма традиционно для иконографии и колористического решения икон Параскевы Пятницы. В правом верхнем углу поля, чуть ниже надписи, в 1956 г. мною была сделана пробная расчистка с целью проверки датировки иконы. В результате была обнаружена часть надписи, исполненной красной краской по очень светлому, розовато-желтоватому фону. Это подтвердило первые догадки о раннем ее происхождении, время исполнения иконы было ориентировочно отнесено к концу XIV — началу XV вв.

После поступления иконы на реставрацию во ВЦНИЛКР (в 1965 г.) были сделаны пробы в других местах фона и на полях. Совершенно неожиданно на правом поле иконы обнаружились черные буквы.

Дальнейшее удаление записей с фона и с фигуры открыло еще ряд интересных и порою неожиданных особенностей [12]. Позднейшие записи на этом произведении сохранились фрагментарно, но все же их можно разделить на четыре слоя. Каждое поновление делали, первоначально смывая потемневшую олифу и копоть, повреждая слои живописи, после чего накладывали новый слой живописи. В результате фрагменты различных слоев отделялись с очень большими затруднениями, и определить их взаимосвязь и последовательность было весьма сложно.

Основным доводом в пользу того, что икона происходит из Рязанского княжества, является фрагмент летописи, написанной черной краской и обнаруженной на правом боковом поле. Начало надписи и ее окончание, к сожалению, не сохранились. Раскрытый фрагмент содержит следующий текст: «...потужники на память а писана бысть месяца августа 29 при княжении великого князя Ивана Федоровича при епископе Ио[не]...» (рис. 3).

Дата, стоявшая в начале надписи, полностью утрачена. Но время совместного управления княжеством и епархией князем Иваном Федоровичем и епископом Ионой определяет период написания иконы. Великий Рязанский князь Иван Федорович правил между 1417—1456 гг. [13] Иона возглавлял Рязанско-Муромскую епархию с 1430—1431 или с 1437 по 1447 или 1448 гг., до тех пор, пока не вступил на кафедру митрополита Русской земли [14]. Следовательно, совместное управление Рязанским княжеством и епархией Иваном Федоровичем и Ионой было между 1430—1448 гг. (если принять во внимание самые крайние сроки, указанные в различных источниках и исследованиях). В дальнейшем эти даты на основании косвенных источников постараемся ограничить более коротким промежутком времени.

Согласно сведениям начала нашего века, икона Параскевы Пятницы находилась первоначально в старом Успенском соборе Рязани подле иконы Федотьевской Богоматери, а позднее была перенесена в Архангельский собор того же города [15].

---

[12] Все дальнейшие работы по раскрытию живописи этого произведения выполнены во Всесоюзной Центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей Министерства культуры СССР реставратором высшей квалификации Е. М. Кристи.

[13] ПСРЛ, IV, стр. 147; VI, стр. 181; XXV, стр. 275; XXVI, стр. 216—217; XXVII, стр. 120 и др.

[14] Там же, IV, стр. 146; V, стр. 215; А. И., т. I, стр. 83, 492, 495; Степенная книга, ч. II, стр. 78; А. Иероним. Рязанские достопамятности. Рязань, 1889, стр. 32 и др.; А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. М., 1965, стр. 123.

[15] Арх. Макарий. Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии.— «Рязанские епархиальные ведомости». Рязань, 1902, 16.; Д. Д. Солодовников. Переяславль-Рязанский. Рязань, 1922, стр. 60.

Рис. 3. Параскева Пятница. Произведение в процессе удаления поздних записей и раскрытия первоначальной надписи справа от нимба

В XX в., судя по описанию Д. Солодовникова, в Архангельском соборе были сосредоточены наиболее древние и чтимые иконы, среди которых находились иконы Параскевы Пятницы и Архангела Михаила [16]. Поступление иконы Параскевы Пятницы (той самой, что в 1938 г. была передана в Ташкент) в Рязанский областной краеведческий музей в 1923 г. из Архангельского собора свидетельствуют документы музея [17].

Когда икона «Параскева Пятница» была перенесена в Архангельский собор из Успенского, никто из историков не указывает. В Рязани известно два Успенских собора; один новый, построенный в 1693—1699 гг., другой древний, переименованный в Христорождественский. В историко-статистическом описании церквей и монастырей Рязанской епархии, составленном в конце прошлого века, сообщается, что старый Успенский собор построен в 1598 г. арх. Митрофаном, хотя первоначальное основание его должно быть отнесено к 1483 г. Многократно перестраиваемый, собор совершенно утратил характер древности.

В этом соборе под спудом почивают мощи Св. Василия, первого епископа Рязанского. Здесь же покоятся останки великих князей и княгинь рязанских: Федора Ольговича, ум. в 1417 г., Ивана Федоровича, ум. в 1456 г., сына его Василия Ивановича, ум. в 1483 г., Ивана Васильевича, ум. в 1502 г., и Федора Васильевича; княгини Софии Дмитриевны, жены Федора Ольговича и дочери Донского, Анны Васильевны, супруги Ивана Васильевича и кн. Анны. Над прахом их находились гробницы, которые в прошлом столетии были разрушены преосв. Палладием... [18]

Непонятно, на основании каких сведений И. Добролюбов определяет дату построения старого Успенского собора 1483 г. Ее можно оспаривать уже на том основании, что захоронение в нем рязанских князей, по его же сведениям, начато с 1417 г. Трудно поверить в то, что собор был построен через 66 лет после первого захоронения в нем. Наиболее обоснованные даты построения старого Успенского собора сообщает М. А. Ильин, а именно между 1382—1389 гг. [19] Следующее уточнение даты принадлежит Г. К. Вагнеру. Он считает, что строительство собора было начато около 1386 г., года примирения рязанского князя Олега с московским князем Дмитрием Донским.

В 1389 г. постройка собора не могла быть завершена, так как строитель его князь Олег был похоронен в 1402 г. не в соборе, а в Солотчинском монастыре. Это заставляет отодвинуть дату окончания строительства к началу XV в., до 1417 г., когда в нем был погребен князь Федор, сын Олега [20].

Оба исследователя собора — М. А. Ильин и Г. К. Вагнер — приходят к обоюдному согласию в том, что в 1598 г. собор перестраивался, причем древнейшая его часть вошла в основу позднего сооружения. Все приведенные данные в пользу завершения постройки собора в первой четверти XV в. дают возможность утверждать, что икона Параскевы Пятницы могла быть написана именно для старого Успенского собора.

Во время перестроек церквей и соборов, как правило, поновляли или заменяли иконы так, чтобы их вид соответствовал возобновленному поме-

---

[16] «В Архангельском соборе есть замечательные древние иконы: икона Св. Троицы, Благовещение, Св. Николая чудотворца, Страшного суда, Св. Архангела Михаила, Св. Софии Премудрости Божией, Св. Параскевы, нареченные Пятница» (Д. Д. Солодовников. Указ. соч., стр. 60).

[17] На мой запрос в Рязанский областной краеведческий музей главным хранителем музея Е. И. Егоровой в письме от 1 декабря 1966 г. за № 320 было любезно сообщено, что икона «Параскева Пятница» поступила из Архангельского собора в 1923 г.

[18] И. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Зарайск, 1884, 1, стр. 18, 19.

[19] М. А. Ильин. К изучению древнейших памятников каменного зодчества Переяславля Рязанского. КСИИМК, XL, 1950, стр. 78.

[20] Г. К. Вагнер. Древнейшие памятники каменного зодчества Переяславля Рязанского. Сб. «Памятники культуры. Исследование и реставрация». М., 1960, 2, стр. 24.

Рис. 4. Параскева Пятница. Фрагмент руки и складок одежды слоя 1483 и 1598 гг.

щению. Поэтому все четыре слоя живописи, обнаруженные на иконе, мы считаем возможным связать с перестройками и ремонтами Успенского и Архангельского соборов Рязани.

По периодам строительства и перестроек старого Успенского собора остается невыясненной дата 1483 г., сообщаемая И. Добролюбовым, как год постройки собора. К сожалению, нам неизвестны первоисточники относительно этой даты. Скорее всего, это могла быть одна из дат каких-то перестроек уже существующего собора. Если это понимать именно так, то к 1483 г. можно отнести самое первое поновление иконы, от которого сохранилась переделка левой руки Параскевы, сделанная, возможно, потому, что за полвека ее ладонь оказалась стертой (в связи с культовым обычаем целования руки) и одновременно переписан весь красный мафорий.

Рис. 5. Параскева Пятница. Фрагмент руки и свитков 1598 г. и XVIII в.

Во время этого поновления был значительно изменен стиль живописи: пальцы рук приобрели тонкие очертания со светлыми линейными «движками», а спокойные пластические складки мафория превращены в резкие и дробные, обозначенные «пробелами» и резкими черными контурами. Белый плат по краю получил три ряда черных полос. Таким образом, живописная манера первоначального слоя была заменена подчеркнуто графической (рис. 4). Особенно хорошо сохранились длинные «движки» на изображении большого пальца, выявленного на месте записи XVI в. Складки одежды лучше сохранились на левом плече фигуры — там, где они были перекрыты в XVI в. изображением развернутого свитка.

Перестройка собора в 1598 г., вероятно, послужила поводом ко второму поновлению иконы. В этот период старый иконографический тип

Параскевы Пятницы — молебницы (так условно назовем ее иконографию с жестом адорации) был заменен на новый (условно назовем его дидактическим) со вложенной в руку хартией в виде узкого развернутого свитка с текстом «Символа веры» (рис. 5). Это было весьма существенное изменение. В этот раз был заново перекрашен фон также в кремовый, но более желтоватый тон, заново на нем написаны титлы, а под желтой охрой была погребена датирующая надпись. Охряный первоначальный цвет нимба, с двумя широкими красными линиями по окружности его, был заменен рельефным нимбом с лепным левкасным орнаментом в виде лозы с побегами.

Следующий, более поздний слой записи резко изменил колорит произведения, а именно: фон стал ярко-голубой, свиток сделан пошире (рис. 5).

Синий тон фона — характерная особенность иконописи XVIII в. На основании этого можно предположить, что именно около 1753 г. икона подвергалась поновлению. Это предположение сделано на основании того, что к середине XVIII в. Успенский собор, в котором находилась икона Параскевы Пятницы, обветшал настолько, что в нем была прекращена служба до его капитальной перестройки, завершенной к 1753 г.[21] Вероятно, в это время, в середине XVIII в., чтимая икона Параскевы Пятницы, которой поклонялись как чудотворной, была перенесена из обветшавшего Успенского собора в Архангельский, где она обрела постоянное место до 1923 г. и откуда была взята в Рязанский областной краеведческий музей.

В связи с ее торжественным перенесением из одного собора в другой тыльная сторона иконы, вероятно, в это время была украшена орнаментальной живописью.

Самый последний слой поновления иконы Параскевы Пятницы, вероятно, связан уже с ремонтом и перестройкой Архангельского собора в 1819 г. Поновление сделано с желанием придать иконе более древний вид, достойный легенды об ее истории, о чудесах, творимых ею еще в 1147 г., когда она, согласно более поздней легенде, находилась в селе Козари[22]. В XIX в. ее чтили как подлинную, чудотворную икону XII в., якобы когда-то перенесенную из села Козари в старый Успенский собор[23].

При поновлении иконы в 1819 г. были тщательно соскоблены поновления XVIII в., местами вместе с нижележащими более древними слоями поновлений и даже слоем авторской живописи. Поверх этой варварской «расчистки» вновь наложили все краски, т. е. написали заново «под старину». С этого времени икона по внешнему виду стала напоминать живопись XVII в. Фон ее стал оливково-зеленым с красно-коричневыми буквами надписи (рис. 6). Плат закрашен краской тона слоновой кости. Одежду всю покрыли киноварно-красным и ультрамариново-синим тонами и прорисовали тонкие, графичные пробелы. Свиток еще раз покрыли краской цвета слоновой кости и заново на нем мелким шрифтом написали текст «Символа веры». В правой руке изобразили тоненький коричневый крестик. Поручи и вырез хитона украсили охряными полосками с дробным орнаментом из белых цветочков. Кудри и локоны волос прописали темно-коричневой и оконтурили черной краской (рис. 1).

В результате удаления всех позднейших наслоений была раскрыта не только вышеуказанная надпись на правом поле иконы, свидетельствующая об ее истинно рязанском происхождении, но и раскрыта живопись, которую можно отнести, как сказано выше, к периоду времени от 1430 до 1448 г. Полуфигура Параскевы изображена не по пояс, а значительно ниже. Тело и голова расположены фронтально, строго по осевой линии доски. Фигура широкая, с покатыми плечами. Монументальная обобщен-

---

[21] И. Добролюбов. Историко-статистическое описание..., I, стр. 18, 19.
[22] ПСРЛ, IX, стр. 176.
[23] Арх. Макарий. «Рязанские епархиальные ведомости», 1902, № 16.

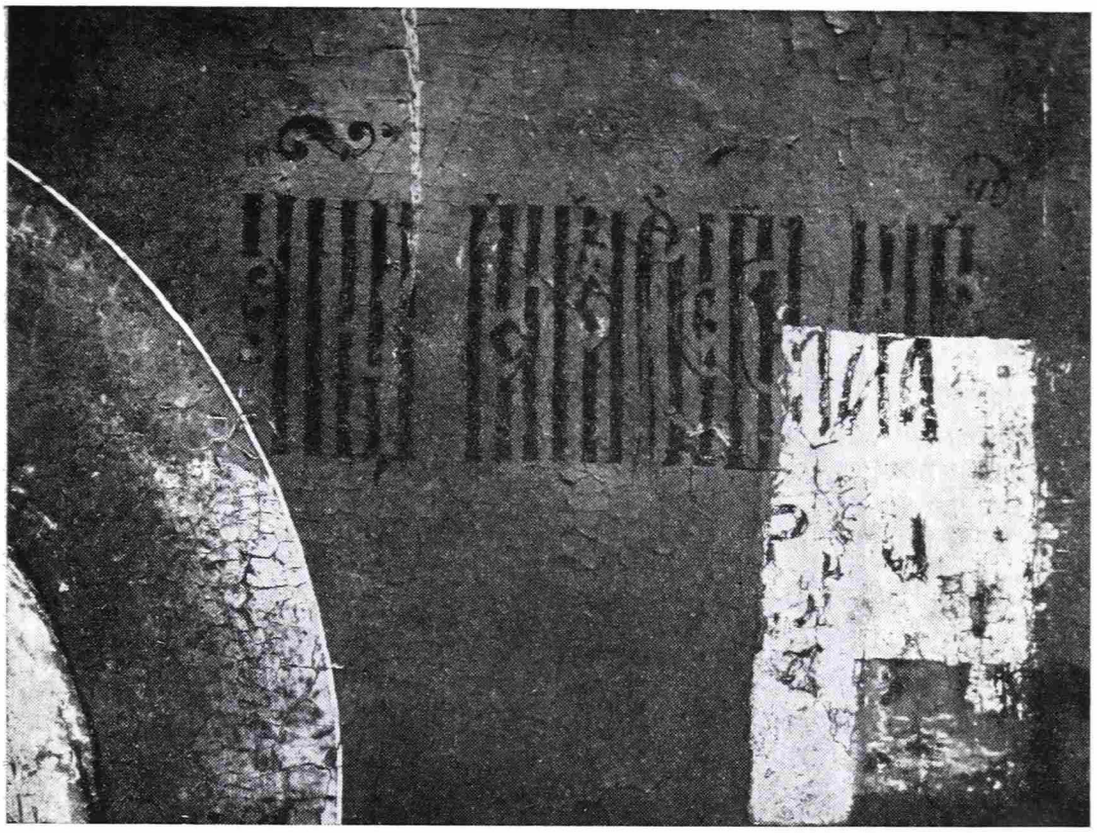


Рис. 6. Параскева Пятница. Фрагмент записи 1819 г. с расчисткой на старую надпись

ность подчеркнута доминированием киноварно-красного плаща, прикрывающего синюю исподнюю одежду. Голова покрыта белым повоем. Правильный, широкий овал лица обрамлен круглыми завитками волос, спадающими на плечи короткими вьющимися космочками. В правой руке большой шестиконечный крест, украшенный каменьями и крупной жемчужной обнизью. Левая рука — в жесте адорации. Фон розовато-охристый, почти белый, с жидко написанной киноварью надписью «святая [христов]а [мученица] н[арецае] мая [пар]асковия».

Голова окружена охристо-желтым нимбом с двумя широкими киноварно́-красными контурными линиями.

Складки одежды широкие, спокойные, в цвете выражены мягко, без резких переходов к высветлению, и светловатые, легко положенные тени (рис. 7). На красном плаще складки моделированы чуть разбеленной киноварью. На зеленых поручах — широкие светло-зеленые блики. Лицо и руки написаны по коричневому санкирю, охрение не яркое, но плотное, движки светло-охристые в виде тонких линий. Глаза поставлены близко, округлость их усилена подглазинами. Линии бровей спокойно изогнутые. Нос с едва намеченной горбинкой. Губы узкие, плотно сжатые. Волосы темно-каштановые.

Палеография надписи, так же как и весь стиль живописи, характерна для конца XIV — начала XV в. (рис. 8).

Монументальность композиционного решения, обобщенная цветовая трактовка создают образ строгий, торжественный.

* * *

Христианская церковь чтит четырех Параскев [24]. Безусловно, все они имели свою особую иконографию, до сих пор не дифференцированную, а,

[24] 20 марта — Параскева мученица, сестра Фоитинии, самарянки, 26 июля — преподобная мученица «ежи от старого Рима», 14 октября — Белградская она же Тырновская и Сербская. 28 октября — Иконийская.

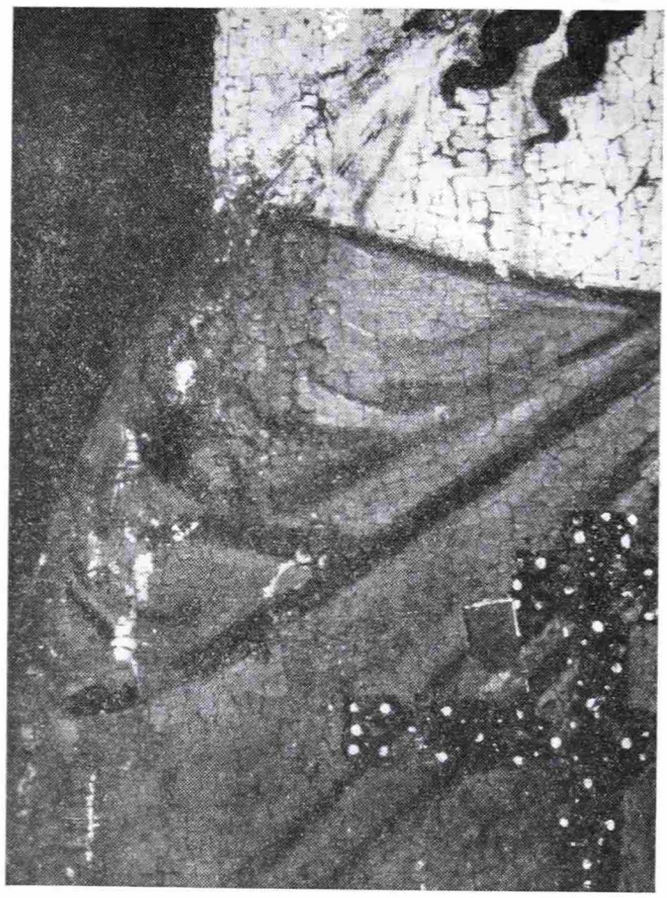


Рис. 7. Параскева Пятница. Фрагмент живописи плеча и креста 1445—1448 гг.

Рис. 8. Параскева Пятница. Правая половина надписи 1819 г. с пробной расчисткой на слой 1445—1448 гг.

наоборот, почему-то соединяемую воедино. На одних иконах Параскева Пятница изображается с крестом и жестом адорации — вероятно, великомученица. На других — с развернутым свитком с текстом «Символа веры». На третьих—с алавастром и крестом или только с крестом. На немногих иконах есть обозначение в надписи, что изображена преподобная Параскева Пятница. Наиболее известные из них Параскевы — великомученица Иконийская и преподобная Тырновская.

Культ Параскевы Иконийской известен с IV в., а древнейшее ее изображение сохранилось на одной из миниатюр IX в. [25].

Параскева Тырновская прославляется с конца XIV в. [26]; в России житие ее было составлено в начале XV в. [27] В русских иконах начиная с XVI в. начинается путаница в изображениях житийных клейм, выражающаяся в том, что на одной иконе (в одном житии) совмещаются сюжеты из жития Параскевы Иконийской и Параскевы Тырновской [28].

На интересующей нас иконе Параскевы Пятницы из Рязани при ее раскрытии прочитаны надписи различных веков. Только на верхнем слое XIX в. можно прочитать слово «великомученица», на других это место надписи еще не раскрыто, но, несмотря на изменение иконографии (замена жеста адорации изображением свитка с текстом «Символа веры»), можно утверждать, что изображена Параскева Иконийская. Это вполне соответствует упоминанию ее под 1147 г. — в Рязанском летописании чудотворной иконы Параскевы Пятницы в с. Козари [29].

Иконография Параскевы Пятницы в русской живописи имеет несколько типов. Наиболее древний из сохранившихся русских образов Параскевы Пятницы является икона XIII в. из собрания П. Д. Корина [30]. Полуфигура поставлена фронтально, в правой руке шестиконечный крест, левая с раскрытой ладонью, в жесте адорации. Голова покрыта мафорием или платом с тремя золотыми кругами (на лбу и плечах) подобно трем символическим звездам на мафории Богоматери. Волосы подобраны под чепец. На пурпурном мафории или мантии на плечах большие круги, подобно тому как это изображено на иконе св. Варвары XIV в. [31], вероятно символ патрицианства. Рукава синего хитона завершают золотые поручи. Аналогичные, но более простые по одеяниям изображения Параскевы Пятницы можно видеть на двух псковских иконах XIV в., хранящихся в ГТГ, где Параскева изображена в рост [32]. Эта же иконография переходит в изображение преподобной Параскевы (Белградской, Тырновской или Сербской). Самое раннее известное изображение ее сохранилось от XV в. (московской школы) и происходит из Покровского монастыря г. Суздаля [33]. Точно такая же иконография встречается на иконах XVII в., происходящих из южнославянских стран, и, в частности, из Румынии, на

---

[25] K. Onasch. Ikonen. Berlin, 1961, стр. 352, 353.

[26] Житие ее написано около 1385 г. патриархом Тырновским Евфимием и переведено затем на греческий язык (В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, I, М., 1963, стр. 319).

[27] На русском языке житие составлено митрополитом Киевским Григорием Цимблаком (болгарином по происхождению), умершим в 1419 г. (Н. М. Карамзин. История государства Российского. V, СПб., 1903, стр. 187).

[28] В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог ГТГ, II, стр. 198.

[29] ПСРЛ, IX, стр. 176.

[30] Воспроизведена: K. Onasch. Ikonen, рис. 19.

[31] В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог ГТГ, I, стр. 23, 92, рис. 58.

[32] «Избранные святые: Параскева Пятница, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Василий Великий», XIV в., из часовни близ снетогорского монастыря, ГТГ, № 1. Икона «Избранные святые Параскева Пятница, Варвара и Ульяна», вторая половина XIV в из ц. Варвары во Пскове, ГТГ, № 28758 (В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог, I, № 144 и 147, стр. 185, 186 и 188).

[33] Параскева Белградская середины XV в., московская школа, ГТГ, № 14237 (В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог, I, № 260, стр. 319).

одной из которых написано «преподобная» [34]; этот иконографический тип ее видим уже на нижнем слое интересующей нас иконы из Рязани.

Другой иконографический тип Параскевы Пятницы отличается тем, что вместо жеста адорации кисть левой руки окутана мафорием и держит алавастр, иногда он отсутствует и рука просто находится под мафорием. Эту иконографию можно видеть в двух новгородских иконах хранящихся в ГТГ [35].

Вероятно, в XV в. появляется изображение Параскевы Пятницы с развернутым свитком в правой руке, на котором написан «Символ веры». Как правило, в этих иконах изображаются ангелы, несущие над головой Параскевы корону, а поверх плата бывает иногда изображена еще диадема. Такого типа иконы хранятся в собрании Государственной Третьяковской галереи [36], Государственного Русского музея, в Музее искусств БССР и др. В этот графический тип Параскевы с развернутым свитком в конце XVI в. была переписана рассматриваемая нами икона из Рязани. Она сохранила эту иконографию вплоть до наших дней. На иконе не были изображены только ангелы, несущие корону, и диадема.

Еще более, чем иконография, разнообразен культ почитания Параскевы Пятницы в России и других странах. Обычно ее считают покровительницей торговли, поскольку большинство церквей, ей посвященных, находились в торговых частях древних городов. Но еще никто убедительно не доказал ни на основе жития Параскевы Пятницы, ни на основании каких-либо других апокрифических или исторических источников, каким образом она стала покровительницей торговли, что прочно вошло в понятие историков и искусствоведов.

Ни А. В. Малицкий [37], ни Л. Успенский и В. Лосский [38], занимавшиеся культом Параскевы косвенно, ни К. Онаш [39], изучавший его специально,— никто историю почитания Параскевы как покровительницы торговли не раскрывает. Единственным доводом в пользу подобной трактовки является только то, что имя и почитание Параскевы в пятый день недели — пятницу совпадали с днями торговли. Возможно и то, что эти совпадения способствовали постепенному забвению всех других причин ее почитания.

Несмотря на то что Параскева Пятница была рано прославленной святой в Византии, почитание ее не было развито в Константинополе, а первоначально распространялось в славянских странах и, как предполагает А. В. Малицкий, впитало в себя особенности культа какого-то дохристианского сельского божества [40]. Культ ее в сельском хозяйстве очень многозначим. Например, в одном из апокрифических житий Параскевы повествуется, что если кто в городе или в селе построит храм молитвы во имя ее или только помолится ей, то по молитве «да не идет на нивы их ни винограды, ни пузыри, ни гусеницы, ни хрустове, не серен ни

---

[34] Одна хранится в Швейцарии в музее Архиепископского аббатства г. Люцерна, инв. № 121. Каталог выставки «Ikonenverzameling uit Luzern Aartsbisschoppelijk Museum, Utrecht 25 november 1965, januari 1966», № 81, стр. 121. Другая хранится в музее искусств Бухареста, инв. № 1171, каталог выставки «Trésors de l'art roumain du XV-e au XVIII-e siècle», Paris, 1966, рис. VI, каталожный № 19.

[35] Икона «Избранные святые» и конец XIV — начало XV в., № 14480 В. Н. Антонова и Н. Е. Мнеева. Каталог ГТГ, I, № 34, стр. 99; «Параскева Пятница», первая пол. XV в., № 17311; там же, № 52, стр. 113.

[36] «Параскева Пятница» с житием, XV в., Ростово-Суздальская школа, ГТГ, № 13457; там же, т. I, № 187, стр. 226. «Параскева Пятница» начала XVI в., Новгородская школа (?), ГТГ, № 12762; там же, № 137, стр. 179.

[37] А. В. Малицкий. Древнерусские культы сельскохозяйственных святых по памятникам искусства. Известия ГАИМК, XI, 10, М.—Л., 1932 (в дальнейших ссылках А. В. Малицкий).

[38] L. Onspensky, W. Lossky. Der Sinn der Ikonen, Bern und Olten, 1952, стр. 138.

[39] K. Onasch. Paraskeva-Studien, Sonderdruck aus ostkirchliche Studien, 6, 2/3, Würzburg, 1957, стр. 130.

[40] А. В. Малицкий. Ук. соч., стр. 7.

иного чего пакостного», сохранятся «стада овец и говяждьи и всяк скот» [41]. О более широких ее покровительственных функциях в сельском хозяйстве сообщает К. Онаш: Параскева способствует плодородию земли, урожаю хлеба, конопли, льна, защищает скот [42], а также осуществляет защиту домов и семьи, покровительство девственницам и невестам, в «благополучии и полюбовном» браке, оберегает прях и прядение [43].

На основании всех этих функций ее покровительств К. Онаш приходит к выводу, что культ Параскевы в христианской религии воспринимает на себя функции дохристианского божества Макоши [44]. Но этим культ ее не ограничивается, она еще исцеляет от болезни [45], от головной боли [46], преимущественно от «повреждений ума». Например, в Москве, в ц. Похвалы в Башмакове, или как ее еще называли ц. Николая явленного у Старой Прощи в Белом городе, чтилась икона мученицы Параскевы, к которой обращались с молитвой преимущественно об излечении в болезнях «повреждения ума» [47]. Но и это еще не все. Она избавляет от беды на суде или в пути и на всяком месте того, кто к ней обратился с молитвою [48].

Обширность культа Параскевы поистине необъятна, но чтобы объяснить специфику ее почитания в России, а также в Рязани, думаю, небезынтересно познакомиться с редакцией ее официального, канонизированного в XVI в. Жития, вошедшего в макарьевские «Великие минеи четьи» [49]. В Житии сначала повествуется о том, что родители Параскевы, будучи христианами, назвали ее в память пятого дня недели — «параскевии», дня, когда Христос ради спасения мира добровольно принял мучения — страсти [50]. Сама Параскева подвергается гонениям от римского наместника игемона Аетия, принимает различные мучения, томится в темнице и разрушает идолов — богов эллинских; когда же ее должны были предать сожжению, она просит бога избавить ее от мучений в пламени, как он избавил трех отроков в «пещи огненной»; в результате она не только была избавлена от огня, но и много народа уверовало в Христа [51]. Но наиболее полно причины почитания Параскевы раскрываются в молитве и диалоге с богом, которым завершается редакция Жития ее, составленная в середине XVI в.: «...избави от всякия беды и скорби и прости грехи его, и дом его благослови и исполни от всех благих, яко не хощеши ни к кому же погибели, но всех спаси и в разум истинный прити» [52]. В ответ на эту молитву голос божий ответил ей: «Дерзай, Параскевия, мученица моя! Вся елико просила еси, дам... и больше сих, и мнози о имени твоем избавятся от печали и беды; идеже чтут память мучения твоего, будет благословение и радость дому тому от всех благих» [53]. Житие Параскевы завершается тем, что ее мучитель, игемон Аетий, поехав на охоту, упал с коня в заросли и «рассыпалось тело его, и душе его отлетела и бысть глас свыше:— Отмщени бысть в многих святых!» [54].

Я привожу так подробно отрывки эти из канонизированного в России Жития Параскевы только для того, чтобы осмыслить и связать не вообще

---

[41] А. В. Малицкий. Ук. соч., стр. 7, 10.
[42] K. Onasch. Paraskeva..., стр. 129, 134, 135.
[43] Там же, стр. 128, 129, 130, 132, 135.
[44] Там же, стр. 136.
[45] А. В. Малицкий. Ук. соч., стр. 10.
[46] K. Onasch. Paraskeva ..., стр. 132.
[47] Н. П. Розанов. Древние и другие особо замечательные предметы в приходских церквах г. Москвы. «Древности». Труды Московского археологического общества, IV, 3, М., 1874, стр. 132.
[48] А. В. Малицкий. Ук. соч., стр. 10.
[49] Макарий. Великия минеи четьи. Октябрь, дни 19—21, СПб., 1880 (в последующих ссылках — Макарий).
[50] Там же, стр. 1975.
[51] Там же, стр. 1978.
[52] Там же, стр. 1979.
[53] Там же.
[54] Там же.

культ ее почитания в Рязани, а найти причину, почему на иконе появилась та надпись, которая приведена в начале статьи, а именно: «...потужники на память, а писана бысть месяца августа 29, при княжении великого князя Ивана Федоровича при епископе Io(не)...» Выше, на основании дат княжения и епископства, было внесено мною первое ограничение сроков, когда могла быть написана икона или сделана надпись, а именно промежуток между 1430—1448 гг. На основании особенностей культа Параскевы Пятницы и событий, происходящих в этот отрезок времени в Рязанском княжестве, постараюсь уточнить время ее возникновения. Поэтому обращаю внимание на дату 29 августа, когда над иконой окончил работать художник, ибо с этим числом не согласуется ни одна дошедшая до нашего времени известная дата рязанских событий, а на слово «потужники» обращаю особое внимание.

Называя себя потужниками, князь и епископ несут нам весть, что они или подвластный им народ претерпели какую-то большую беду. Ибо слово «туга»— это не только беда, бедствие, печаль или напряжение всех сил [55], но это слово как название, свидетельствующее о большой исторической беде, сохранилось в наименовании одного из районов Ярославля: «Тугова гора». Оно связано с местом, где в 1235 г. войска Батыя разбили под городом войска, возглавляемые ярославскими и владимирскими князьями. Кстати, битва эта изображена на иконе «Ярославские князья Василий и Константин с Житием в 31 клейме» [56].

Какие же «туги» могли испытывать рязанцы в интересующий нас период между 1430 и 1448 гг.? В эти годы, как и прежде, на Рязанское княжество неоднократно бывали набеги войск мусульман под предводительством различных полководцев.

Но в летописях отражено их не так уже много, сведения о них чрезвычайно краткие. Так в 1437 г. «...приходиша тетарове на Рязань и украинные села поимаша и возворотишася во своаси» [57]. В 1438 г. опять они «...воеваша Рязань и много зла учиниша и отъидоша во своаси...» [58]. В 1442 г. «...придиша татарове Большиа Орды на Разаньскиа украины и много зла сотвориша и отъидоша с полоном» [59].

Эти записи отличаются не только краткостью сообщений, но они, как справедливо замечает А. Г. Кузьмин, не отмечают ни имен людей, ни названия мест столкновений [60] и не имеют уточненных дат событий. Не указаны не только месяцы, но и времена года, когда совершались набеги. Это является свидетельством не только того, что события были записаны значительно позже, но, думаю, также и тем, что они не сопровождались большим ущербом.

В сравнении с этими краткими сведениями обращает на себя внимание повесть о нашествии войска царевича Мустафы в 1443 г., нашедшем отражение в нескольких летописных сводах [61]. В Никоновской летописи сама повесть записана в наиболее полной редакции и содержит ряд моментов, которые отсутствуют в других летописях, но которые не вызывают сомнений по существу [62].

После краткого летописного сообщения, близкого по содержанию ко всем другим летописям, о том, что в «...то же лето царевича Мустафу уби-

---

[55] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, IV. М., 1955, стр. 359, 360, 440.

[56] Государственный Ярославо-Ростовский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Каталог. М., 1964, стр. 27, № 74. Инв. № И-1162; происходит, вероятно, из Успенского собора Ярославля.

[57] ПСРЛ, XII, стр. 23.

[58] Там же, стр. 25—26.

[59] Там же, стр. 42.

[60] А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. М., 1965, стр. 257.

[61] ПСРЛ, V, стр. 267; VI, стр. 170; VIII, стр. 111; XII, стр. 61, 62; XXV, стр. 262 и 394; XXVI, стр. 196; XVIII, стр. 192; Иос. Л., М., 1957, стр. 31.

[62] А. Г. Кузьмин. Ук. соч., стр. 259.

ли на Рязани на речке на Листани. А зима была тогда люта и зла велми, а сено было дорого, а кони вымерли», начинается «Повесть о Мустафе царевиче». «Мустафа царевич прииде на Рязань со множеством татар ратию, и повоева власти и села Рязанския и много зла Рязани учинил и отиде с полоном многим, и ста на Поле и послаша в Рязань, продая тот полон. Рязанцы же выкупиша своих плененых у татар. «Мустафа же паки прииде в Рязань на миру, хотя зимовати в Рязани, бе бо ему супротивно на Поле, а на Поле все в осень пожаром погоре, а зима люта и велми зла, и снези велици и ветри и вихри силни. И того ради миром прииде в Рязань и хоте зимовати в Рязани нужи ради великия. Услышав же на Москве сия князь великий Василей Васильевич, и посла противу его князя Василия Обенского и Андрея Федоровича Голтяева, да двор свой с ними, да мордву на ртах, понеже зима бе люта и снежна, а татарове конми обмерли, и от мраза и студени великия померзли, и бысть в них скорбь многа, а сено велми дорого. А царевич Мустафа был тогда в Рязани в граде Переславле [63]; Рязанци же выслаша его из града, он же вышед из града и ста туто же под градом Переславлем. А с Москвы воеводы великого князя Василия Васильевича приидоша на него и сступишася на речке на Листани. Татари же отнюдь схудеша и померзоша, и без кони быша, и от великаго мраза и студени великия и ветра и вихра луки их и стрелы их ни во что же быша; снези бо бяху велици зело. И придоша на них Мордва на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями; а казаки рязанския такоже на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями з друга стороны; а воеводы великого князя Василия Васильевича со своею силою; а пешая рать многа собрана на них с ослопы и с топоры и с рогатинами. И бысть им бой велик и силен зело на речке на Листани, и начала одолевати христиания. Татарове же никакоже давахуся в руки, но резашася крепко, и много татар избиша и самого царевича Мустафу убиша, и князей с ним многих татарских избиша, а князя Ихмуть Мурзу яли, да князя Азбердея, Мишереванова сына яли и многих татар поимали. А в великого князя полку убили татарове Илью Ивановича Лыкова»[64]. История для летописного повествования довольно подробная и обстоятельная. В этой истории есть и беды, и счастливые исходы. То нападение, разорение и пленение, то возвращение пленных, короткое перемирие и полное уничтожение врага и его полководца. Мне думается, что это наиболее вероятная причина, побудившая Рязанского князя и епископа заказать художнику написать вместо обветшавшей иконы, которая была уже прославлена в середине XII в., новую по образу «чудотворной», тем более что жизнь царевича Мустафы как мучителя рязанских христиан оканчивается так же печально, как жизнь легендарного гонителя Параскевы Пятницы игемона Аетия.

Вероятно, Параскева из святой, творившей чудеса исцеления, каковые отмечают летописи под 1147 г., переходит в культ покровительницы рязанского народа от нашествия иноверцев — разорителей, исповедовавших мусульманство.

Если это предположение убедительно и верно, то время написания иконы можно определить более точно годами 1444/45—1447/48. Об этом, как мы считаем, свидетельствует и содержание текста на иконе, который мог быть написан только после избавления Рязани от нашествия царевича Мустафы. Если бы Рязанское княжество не потеряло во второй половине XV в. свою самостоятельность и не было бы подчинено Москве [65], то мест-

[63] Тем, что рязанцы заключили перемирие с Мустафою, они нарушили договоры 1430 и 1433 гг., князей рязанского и московского (Собр. гос. грамот и договоров, т. I, № 48).

[64] ПСРЛ, XII, стр. 61, 62.

[65] Подчинение Москве почти полностью оформляется в 1456 г., когда после смерти Ивана Федоровича опекуном его восьмилетнего сына Василия становится Московский Великий князь, взявший его и его сестру Феодосию на воспитание в Москву (ПСРЛ, IV, стр. 147; V, стр. 271; VI, стр. 181; VII, стр. 244; VIII, стр. 147; VII, стр. 283—284).

ный культ Параскевы Пятницы, как заступницы города Рязани, сохранился бы. Это предположение, к сожалению, нечем подкрепить, кроме высказанных догадок. Возможно, местный культ Параскевы Пятницы объяснил бы причины ежегодных крестных ходов, которые бывали 8 июля, а также в девятую и десятую пятницы (то ли от Пасхи, то ли от троицына дня — неизвестно). Но при упоминании Т. Воздвиженским крестных ходов он их традицию ничем не объясняет, а также не сообщает мотивировку причины их отмены в средине XVIII в.[66]. Вероятно, они к этому времени совершенно утратили свой местноисторический смысл и значение, но в чем именно — неизвестно.

Культовое почитание Параскевы Пятницы помогает понять и объяснить причины появления интересующей нас иконы в Рязани при князе Иване Федоровиче и епископе Ионе.

В настоящее время это самое древнее для Рязани произведение живописи, выполненное неизвестным местным художником в конце первой половины XV в. По этому произведению искусства, так же как и по шитью и живописи, относящимся уже ко второй половине XV в., мы можем составить представление о той высокой культуре и больших традициях, которые лежат в основе культуры Рязани.

V. V. Filatov

L'ICÔNE DE «PARASKÉVA PIATNITSA» PROVENANT DE RIAZAN

Résumé

La principauté de Riazan fut une des plus importante en Russie ancienne. Les fouilles archéologiques, sources écrites et littérature témoignent d'une grande culture de Riazan aux traits particulaiers. Jusgu'à présent presque rien n'ets connu à propos de la peinture de la principauté de Riazan.

L'icône de «Paraskéva Piatnitsa» est le premier et encore unique document se rapportant à l'école de peinture de Riazan du XV siècle. Elle fut trouvée en 1956 lors de l'examen des collections du Musée des arts d'Ouzbékistan dans la ville de Tachkent où l'isône avait été transmise par le Musée d'études régionales de Riazan en tant qu'oeuvre d'art du XVII siècle. Au cours de la restauration de l'icône en 1965 on a signalé qu'il existe quatre couches des peintures postérieures. Après avoir enlevé ces dernières on a constaté l'origine plus ancienne de l'icône.

---

[66] Т. Воздвиженский. Историческое обозрение рязанской иерархии. М., 1880, стр. 69.

Заметки

А. А. ФОРМОЗОВ

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ РАСКОПКИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Подробная история археологии в России еще не написана. Прежде чем это удастся сделать, надо будет пересмотреть многочисленные периодические издания XVIII и XIX вв., на страницах которых рассеяны сотни заметок и статей о находках древностей, о городищах и курганах, о любительских, а затем и научных раскопках. Иные из этих заметок позволяют восстановить весьма любопытные эпизоды из истории археологии. О таком случае и пойдет речь ниже.

В 1830-х годах, когда Дерптский (ныне Тартусский) университет переживал период расцвета, группа университетских профессоров основала ряд научных и популярных журналов. Так, с 1833 г. сначала в Риге и Дерпте, а потом в Лейпциге печатался на немецком языке «Дерптский ежегодник литературы, статистики и искусства, в особенности в России». Задачей его было ознакомление западноевропейского общества с успехами русской культуры [1].

В пятом томе «Ежегодника» за 1836 г. мы находим большую, на 20 с лишним страницах статью о древних могилах донских и волжских степей. Под статьей — подпись: «Сарепта, июнь 1835 года, Г. Цвик» [2]. Эту фамилию нельзя отыскать ни в одной русской или немецкой энциклопедии. Мы не знаем ни годы жизни, ни даже имени автора. Но однажды она промелькнула в археологической литературе. В 1830-х годах пастор Цвик из Сарепты приобрел найденное в развалинах золотоордынского города Сарая золотое ювелирное украшение, условно названное «короной Джанибека», и вскоре увез его в Германию, где оно попало в нумизматический музей Иены. Исходя из этого, можно было думать, что Цвик коллекционировал древности, но иногда говорилось, что «корону Джанибека» он продал. Следовательно, к покупке редкой находки его могло толкнуть и простое корыстолюбие [3].

Статья в «Дерптском Ежегоднике» рисует Цвика в совершенно другом свете. Это серьезное историко-археологическое исследование, вполне отвечающее уровню науки середины XIX в. Автор использовал обширную ли-

---

[1] Е. В. Петухов. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования. 1802—1902, I, Юрьев, 1902, стр. 365.

[2] H. A. Zwick. Die Gräber in den Caucasischen Don- und Wolgasteppen. «Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands», B. V, Leipzig, 1836, стр. 273—296.

[3] Г. А. Федоров-Давыдов. Курганы, идолы, монеты, М., 1968, стр. 119, 120; A. Glitsch. Das Museum in Herrnhut und Südrussische Gräber. «Zeitschrift für Ethnologie», XVI, Berlin, 1884, стр. 487; А. Глич был пастором в Сарепте позже Цвика, с 1847 до 1867 г. но, как и он, вел в этом районе археологические наблюдения. Известно также, что Цвик собирал золотоордынские монеты, переписывался о них с академиком Х. Д. Френом и даже читал на них надписи (О монгольских древностях. Журнал Министерства внутренних дел, XVII, 7—8, 1835, стр. 487; Х. Д. Френ. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды, СПб., 1832, IX, 6, 74).

тературу. Ему были знакомы такие источники, как «Авеста» «История» Геродота, «Деяния» Аммиана Марцеллина, описание путешествия Рубрука. В статье цитируются книги датского ориенталиста Р. Раска, венгерского писателя и историка И. Фесслера, «История древних германцев» М. Шмидта, «История восточных монголов» работавшего в России востоковеда Я. И. Шмидта, труды об экспедициях П. С. Палласа и Г. Ю. Клапрота и т. д. Оказывается также, что Цвик давно интересовался археологией. Он упоминает о находке бронзовых орудий, сделанной в Силезии в 1816 г. и осмотренной им на месте. Очевидно, Цвик не был уроженцем России, приехал сюда после подготовки в Германии и через какой-то срок вернулся на родину. Судя по «Истории Сарепты», составленной в 1865 г. А. Гличем, Цвик провел в Нижнем Поволжье около полутора десятков лет. Его имя фигурирует при описании событий с 1822 до 1836 г.[4]

Мы не знаем, где учился Цвик, но об одном из источников его исторических сведений можно догадаться. Пятнадцать раз ссылается он в своей статье на многотомную «Историю венгров» «уважаемого ученого» Игнаца Фесслера, хотя в сущности эта работа посвящена не совсем той теме, которая интересовала Цвика. Вспомним, однако, биографию выдающегося венгерского историка. В 1809 г. Фесслер преподавал восточные языки в Петербурге, но был обвинен в пропаганде атеизма, отстранен от преподавания, а затем и выслан в уездный городишко Вольск. В 1817 г. ему удалось перевестись в Сарепту, а в 1820 г.— в Саратов, где до 1833 г. он был евангелистическим суперинтендантом и начальником консистории[5]. Поскольку Сарепта входила в Саратовскую губернию, Фесслер был непосредственным начальником пастора Цвика. Видимо, Фесслер и приобщил его к историческим изысканиям. «История венгров» писалась как раз в Сарепте и Саратове.

Статья Цвика представляет собой попытку сопоставить древние погребальные обычаи и сооружения, известные нам по письменным источникам, с разнообразными курганами, мавзолеями, каменными бабами и прочими надгробиями, которые в первой половине XIX в. можно было в изобилии видеть в степях Нижнего Поволжья и Предкавказья. Чаще всего ссылается Цвик на данные Рубрука и на свои собственные наблюдения в Кабарде, Осетии, Грузии. В Нижнем Поволжье он не ограничился внешним осмотром памятников и в 1834 г. раскопал пару курганов с каменными бабами на вершине. Курганы находились в 28,5 верстах к югу от Сарепты (ныне Красноармейск Волгоградской области на правом берегу Волги).

По описанию Цвика современный археолог может с достаточной уверенностью сказать, к какому времени относились могилы под насыпью раскопанных им курганов. В первом кургане, высотой до 3 *м*, были найдены бронзовые шипастые наконечники стрел, типичные для савромат, обитавших в Нижнем Поволжье в начале железного века (VII — V вв. до н. э.). Цвик обнаружил здесь также железные четырехугольные наконечники стрел и проржавевшую саблю. Значит, в кургане было и погребение кочевника конца I или начала II тысячелетия н. э. Во втором кургане лежали два скорченных и окрашенных красной охрой скелета. Вместе с ними были зарыты глиняный сосуд с орнаментом из ямок и какой-то круглый предмет из бронзы — вероятно, бляшка. Это захоронение бронзового века, скорее всего II тысячелетия до н. э. В насыпи этого кургана встречены кости коня и овцы и глиняный горшок, связанные, должно быть, с погребением позднейшего времени.

Таким образом, Цвик наткнулся на памятники трех эпох: бронзового века, ранних кочевников — сармат, поздних кочевников (к этому периоду

---

[4] A. Glitsch. Auszug aus Geschichte des hundertjahrigen Bestehens der Brudergemeine Sarepta in ostlichen Russland. Selbstverlag des Verfasser (б. м., б. г.).

[5] О Фесслере см.: П. А. Висковатов. Эдуард Губер и Фесслер. СПб., 1897; J. Kosźo. Fessler Igzàcz Aurel élete és szépiro dalmi müködesé, «Nemet phiologiai dologózatok», XIV, Budapest, 1915.

относятся не только захоронения, но и каменные половецкие изваяния). Разобраться в этом мы можем сейчас, но в ту пору классификация древностей Поволжья еще не была разработана. Все же одно совершенно верное наблюдение сделал и Цвик. Он вспомнил рассказ Геродота о бронзовых наконечниках стрел у скифов и то, что такие наконечники П. С. Паллас считал характерными для древнейших «чудских» погребений Сибири. Это помогло ему правильно датировать находки в первом кургане. Но как и другие исследователи XIX в., Цвик не представлял себе всю сложность, многослойность археологических памятников степной полосы. Поэтому он неосторожно приписал скифам поздние каменные изваяния, а парное погребение бронзового века вызвало у него в памяти человеческие жертвоприношения у монголов.

Так или иначе, благодаря статье в «Дерптском Ежегоднике» мы узнали об археологических раскопках в Нижнем Поволжье, на десять лет предшествовавших раскопкам А. В. Терещенко в Сарае, о попытке дополнить материалами раскопок свидетельства письменных источников о древнейшем населении степей Предкавказья, узнали о научной работе, поставленной в глухом углу России, видимо, по инициативе венгерского историка Фесслера.

И статья Цвика, и другие сведения о нем показывают, что он принадлежал к той категории немецких специалистов, которые, приехав в Россию, вели там полезные научные исследования, но держались в стороне от русской науки, ориентировались целиком на Запад. Не случайно в статье нет ссылок ни на одну русскую книгу (а курганами низовьев Волги интересовался еще И. И. Лепехин), не случайно опубликована она на немецком языке. Не случайно и то, что «корону Джанибека» Цвик передал не в Эрмитаж или Петровскую кунсткамеру, а в Иенский мюнцкабинет. Все это в конце концов обернулось против самого Цвика. Статья его, интересная в гораздо большей степени для русских, чем для зарубежных ученых, не попала в поле зрения наших археологов и не была учтена ни в одном обзоре древностей Поволжья. Тем не менее этот эпизод из истории археологии в России не стоит предавать забвению.

М. Н. КЛАПЧУК

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ГАЛЕЧНЫХ ОРУДИЙ ОБАЛЫСАН I В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Летом 1967 г. во время полевых работ в Центральном Казахстане открыто местонахождение галечных орудий Обалысан I. Галечные орудия собраны среди многочисленных кварцитовых галек, местами рассеянных на южном склоне отрога сопки Обалысан, в 4 *км* юго-западнее центральной усадьбы совхоза Жетыконурский Джездинского района Карагандинской области. Гальки происходят из толщи покрывающих отрог палеогеновых отложений.

В составе собранной здесь коллекции группа галек со следами искусственного снятия единичных сколов, нуклеусы, орудия. Наибольшего внимания заслуживают грубое рубящее орудие (рис. 1, *1*) и два нуклеуса (рис. 1, *2, 3*).

Рубящее орудие (132 × 112 × 90 *мм*) относится к нуклевидным двусторонним изделиям типа чоппингов. Оно изготовлено из массивной несколько уплощенной гальки путем двусторонней оббивки $^3/_4$ ее периметра крупными радиально направленными сколами. Сколы снимались чередующимися ударами: пять с одной и столько же с другой стороны. Фасетки сколов коротких пропорций, следы ударных бугорков глубокие, и это обу-

словило сильно зигзагообразную линию рабочего края чоппинга. Дополнительная подправка отсутствует. Рабочий край, как и ребра между фасетками, сглажены. Своей формой, размерами и степенью окатанности чоппинг напоминает аналогичные орудия в инвентаре каратауских местонахождений Борызказган и Тенирказган [1].

Первое галечное ядрище — двуплощадочное, размеры его 130 × 80 × 48 *мм*. Оформлено на овальной плоской гальке снятием с двух концов семи

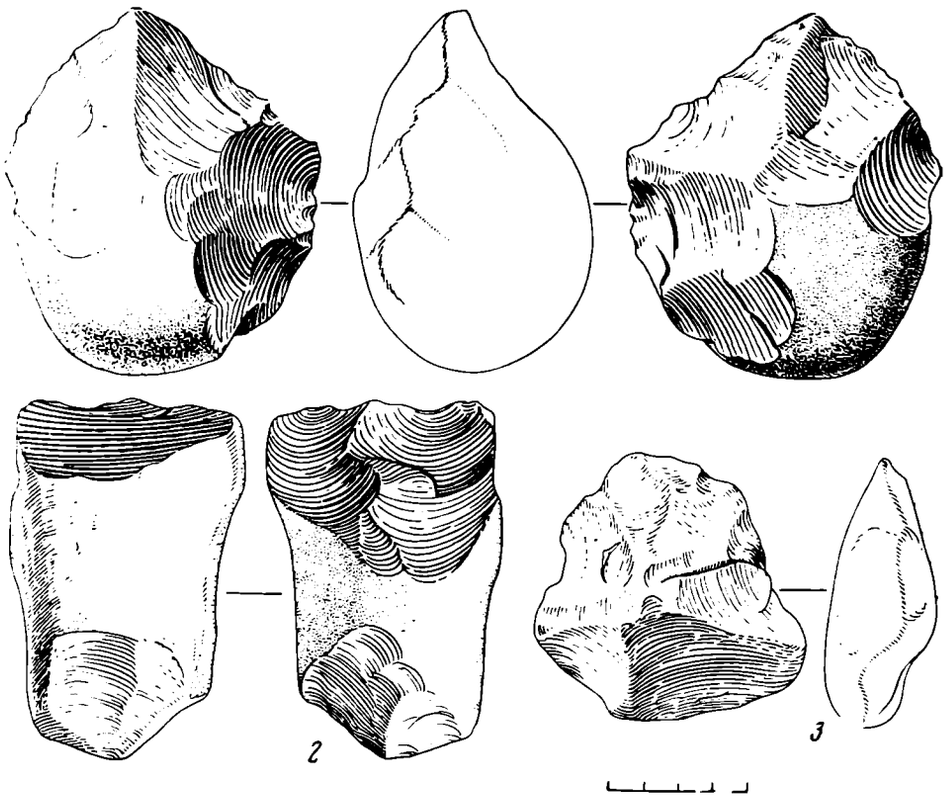


Рис. 1. Галечные орудия из местонахождения Обалысан I

сколов посредством нанесения характерных для галечной индустрии сильных чередующихся ударов. Рабочие края его весьма окатаны. Не исключено применение этого предмета в качестве рубящего орудия.

Второе ядрище дисковидное одностороннее, размеры 100×100×45 *мм*. Сколы снимались ударами от краев к центру с одной стороны нуклеуса. На противоположной стороне сохранилась галечная поверхность. На этой поверхности имеется след от удара в виде вороночки диаметром 15, глубиной около 5 *мм*. Удар был нанесен до употребления гальки в качестве нуклеуса, но несмотря на свою большую силу не привел к ее расчленению.

Учитывая особенности описанных изделий, их аналогии с каратаускими, относимыми к ашелю [2], местонахождение Обалысан I можно условно датировать концом нижнего — началом среднего плейстоцена. В пользу такой датировки говорят некоторые геологические соображения: рядом с сопкой Обалысан и одноименным памятником расположена аккумулятивная равнина нижнеплейстоценового возраста, образованная древней речной артерией (устное сообщение геолога Н. Л. Габая). Наличие следов первобытного человека рядом с этой артерией не случайно, если учесть, что в условиях континентального климата обитание человека на юге Центрального Казахстана даже в настоящее время сопряжено с исключительными затруднениями. Следует полагать, что первобытный человек обитал здесь

[1] Х. А. Алпысбаев. Находки нижнего палеолита в Южном Казахстане. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7, 1959, стр. 232—241; его же. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане. СА, 1961, 1, стр. 128—138.

[2] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана. I. Душанбе 1965, стр. 102, 103.

во время функционирования древней речной сети, т. е. в нижнем плейстоцене, а возможно, в условиях более мягкого климата в начале среднего плейстоцена или при переходе от нижнего к среднему плейстоцену, когда еще не успела угаснуть древняя гидрографическая сеть и началась плювиальная фаза среднеплейстоценового климатического цикла.

Значение местонахождения Обалысан I заключается в том, что это одно из первых свидетельств обитания домустьерского человека в Центральном Казахстане, оно значительно расширяет при этом представляемый нами ареал древнейших галечных культур.

В. Я. СЕРГИН

ОБ ОДНОЙ ГИПОТЕЗЕ ОДОМАШНЕНИЯ СОБАКИ

К числу наиболее важных гипотез одомашнения собаки относится та, по которой это явление связывается с изысканием новых пищевых ресурсов. «Приручением собаки человек приобрел постоянный, неиссякаемый, всегда доступный резерв мясной пищи»,— писал Г. А. Бонч-Осмоловский [1]. В. В. Гольмстен возражает против подобного воззрения, однако признанием того, что в течение очень длительного времени единственным способом использования собаки было «мясное направление», фактически поддерживает его [2]. В настоящее время указанную гипотезу наиболее активно отстаивает В. Герр [3]. Доводы сторонников этой гипотезы следующие:

1) Г. А. Бонч-Осмоловский указывает на нарезки расчленения на плечевой кости собаки из тарденуазского слоя Шан-коба, которые вполне аналогичны нарезкам на костях диких животных [4]. По утверждению В. Герра, М. Дегербол якобы установил, что где бы ни появилась собака как древнейшее домашнее животное, она использовалась как средство питания [5]. Сам же М. Дегербол, отметив, что среди остатков собак культуры маглемозе не сохранилось ни одного целого черепа и некоторые фрагменты имеют следы надрезов, приходит к заключению, что эти собаки использовались в пищу. Более того, «...возможно, они даже разводились для подготовки к скудному сезону» [6].

2) Даже в настоящее время собаки идут в пищу в Азии и среди аборигенов Южной Америки [7].

3) «Современные охотничьи народы не знают использования собаки как помощника в охоте и вполне очевидно, что собака становится компаньоном в охоте только в довольно недавние времена» [8].

Для разрешения проблемы вначале целесообразнее выяснить, почему собаки употребляются в пищу в настоящее время. Явление это распространено шире, чем указывает В. Герр. В качестве примера нередко приводятся аборигены Австралии. Однако собаки не входят в состав их постоянной пищи. Исследователи, непосредственно изучавшие австралийцев, в основном соглашаются, что обычно собак едят, когда другая пища

---

[1] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ, 5, М., 1934, стр. 167.

[2] В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР, сб. «Проблема происхождения домашних животных», 1, М., 1933, стр. 87—88.

[3] W. Herr. The Science and History of Domestic Animals. Science in Archaeology. London, 1963, стр. 235—249.

[4] Г. А. Бонч-Осмоловский. Ук. соч., стр. 159, табл. X, *1*.

[5] W. Herr. Ук. соч., стр. 245.

[6] M. Degerbøl. On a find of a Preboreal Domestic Dog (Canis familiaris L.) from Star Carr; Yorkshire with Remarks of others Mesolithic Dogs. PPS, N. S., XXVII, London, 1961, стр. 44.

[7] W. Herr. Ук. соч., стр. 245.

[8] Там же, стр. 244—245.

становится относительно редкой. Аборигены племени вальбири объясняют это тем, что мясо динго и завезенных в Австралию собак самое невкусное [9].

По наблюдениям Н. Н. Миклухо-Маклая, в 70-х годах XIX в. на острове Пасхи собаки также шли в пищу. Наряду с ними мясо поставляли крысы и кролики. Но всех этих животных было мало, и одной из основных причин физической слабости и меньшего роста молодого поколения островитян Н. Н. Миклухо-Маклай считал увеличение в пище растительной доли за счет мясной [10]. Собак ели и на Новой Гвинее. Причина та же В густом тропическом лесу на берегу Маклая мясо свиней, собак, сумчатых птиц и рептилий — большая редкость [11]. Свиней резали только по торжественным случаям, причем мяса одной свиньи должно было хватить не только на все селение, но и на гостей еще из 2—3-х селений. Собак также приберегали до торжественного случая, хотя и меньшего по значению [12]. В Западной Тропической Африке, где животноводство развито слабо и охота недобычлива, собаки употребляются в пищу наряду с овцами и козами [13]. Касаясь всего пояса девственных тропических лесов, Г. Бутце пишет, что животных в нем добыть трудно. Одни прячутся высоко над землей, другие — в реках, толстокожие обитают преимущественно в окраинной зоне. Человек вынужден потреблять в основном бедную питательными веществами растительную пищу [14].

Использование собак в пищу известно не только у отсталых племен в основном тропической зоны. Многомиллионное земледельческое население Китая также было к нему причастно в древности. При недостаточно развитом скотоводстве мясо всегда ценилось очень высоко и низы населения могли иметь его лишь по большим праздникам [15]. То же касается и некоторых других земледельческих народов Восточной и Юго-Восточной Азии, основу питания которых составляет растительная пища, прежде всего рис. Не удивительно, что у батаков (Суматра) мясо собак не только употребляется в пищу, но и считается лакомством [16].

Как видим, в более или менее отдаленные времена (а кое-где и сейчас) собаки действительно шли в пищу значительной части населения земли. Приведенные примеры показывают, что этому, как правило, сопутствует острый недостаток мясной пищи. Но чтобы современные факты пищевого использования собак имели вес при обосновании того, что само их одомашнение произошло с той же целью, необходимо наличие собак периода одомашнения и свидетельств исключительно пищевого их использования. Однако на отмеченных территориях самые древние из известных собак на тысячи лет отстоят от периода одомашнения. Причем имеющиеся факты свидетельствуют о преимущественно охотничьем их назначении.

Наиболее ранние африканские собаки связаны с неолитом Египта. Они встречены в захоронениях вместе с людьми. Этот факт, а также большая доля дичины в питании свидетельствуют о важной роли собак в охоте [17], что хорошо подтверждается и более поздними изображениями охотничьих сцен на амратских блюдах [18]. В таком назначении собаки и должны были стать известными за рубежами Египта. До сих пор охота с их участием практикуется в различных частях континента. Она отмечена у нилотов

---

[9] M. J. Meggitt. The Association Between Australian Aborigens and Dingoes.— Man. Culture and Animals. Washington, 1965, стр. 13—15.

[10] Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч. I, М.,—Л., 1950, стр. 48.

[11] Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч. III, 1, М.— Л., 1951, стр. 25.

[12] Там же, стр. 56.

[13] Народы Африки. М., 1954, стр. 506, 508—509.

[14] Г. Бутце. В сумраке тропического леса. М., 1956, стр. 275—276.

[15] В. С. Стариков. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967, стр. 119—120.

[16] Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966, стр. 517.

[17] Х. А. Кинк. Египет до фараонов. М., 1964, стр. 155.

[18] М. Э. Матье. Искусство Древнего Египта. Л.—М., 1961, рис. 2.

Южного Судана[19], у пигмеев[20], бушменов[21]. Даже в Западной Тропической Африке, где собаки идут в пищу, они используются также для охраны жилищ и для охоты[22].

Проникновение динго в Австралию ранее датировалось VI—VII тысячелетиями до н. э., но пока подкреплены археологически I—II тысячелетия до н. э.[23]. Полного одомашнения динго так и не произошло, и если перед нами действительно предстает процесс одомашнения собаки в одной из областей, вынужденность употребления собак в пищу вполне очевидна. Сведения относительно степени участия динго в охоте противоречивы. Но определенно, что там, где дичи много, динго были хорошими помощниками охотничьих семей[24].

В Америку, как полагают, собака попала в готовом виде вместе с арктическими переселенцами[25]. Только с людьми могли попасть собаки в сравнительно недавно заселенную Океанию. Что же касается Новой Гвинеи, нет данных, которые говорили бы о том, что туда собаки попали раньше, чем в Австралию. Нужно отметить, что и в островных условиях, если существует возможность охоты, мясное использование собак не единственное. Даже выродившиеся папуасские собаки иногда участвовали в охоте на диких свиней, казуаров[26]. Горное население полуострова Попуа Ковиай (западная часть Новой Гвинеи), имевшее очень мало собак, не употребляло их в пищу[27], вероятно, используя для охоты.

Наиболее ранние находки собак в Китае относятся к неолиту. Их остатки найдены на поселениях культуры Яньшао. Основным занятием населения было мотыжное земледелие, подсобным — охота, рыболовство, собирательство. Кроме собаки имелась одомашненная свинья. Она была основным животным, в пищу шли обе[28]. Собаки неолитической культуры люлинь в пищу не употреблялись. В погребениях мужчин почти всегда в ногах обнаруживали скелет собаки.[29]. Такая разница была обусловлена тем, что культура люлинь — преимущественно охотничья. Отношение к собакам носителей культуры люлинь показывает, каким оно могло быть и в других китайских культурах до возникновения земледелия, так же как данные культуры яньшао указывают на то, что ожидало собак с повсеместным господством земледелия и ростом населения.

Таким образом, нет оснований думать, что в ряде областей собаки служили пищей потому, что с этой целью они и были одомашнены. Хотя именно для рассмотренных областей такое предположение было бы наиболее естественно. Бóльшая же часть населения Земли, в том числе и отсталые народы, не употребляла собак в пищу в исторически близкое время[30]. Остатки наиболее древних собак найдены на территории, занятой этим населением. Можно ли считать, что здесь собаки одомашнены из-за мяса и только относительно недавно переспециализировались для охоты? Рассмотрим данные археологии.

Прежде всего обратим внимание на остатки волков. На позднепалеолитических стоянках они нередко встречаются в виде целых черепов, анатомических групп частей скелета и даже полных скелетов[31]. Судя по этим

---

[19] Народы Африки, стр. 242.
[20] Г. Бутце. Ук. соч., стр. 228; G. Jain. Jambo Effendy, London, 1966, стр. 212.
[21] Народы Африки, стр. 528.
[22] Там же, стр. 506.
[23] M. J. Meggitt. Ук. соч., стр. 10.
[24] Там же, стр. 14—15, 18, 24.
[25] F. E. Zeuner. A History of Domesticated Animals. London, 1963, стр. 102.
[26] Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр соч., III, 2, М.—Л., 1952, стр. 226.
[27] Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч. III, 1, стр. 194.
[28] Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965, стр. 53, 62.
[29] Там же, стр. 58.
[30] Мы говорим о регулярной пище, не имея в виду мало распространенный обычай ритуального поедания собак при достаточной обеспеченности мясной пищей.
[31] В. И. Громов. Остатки фауны из палеолитической «стоянки Полякова» (Костенки I). Тр. сов. секции междунар. АИЧПЕ, 1, Л., 1937, стр. 273, 276; B. Klima.

материалам, уже со времени палеолита при достаточном количестве другой дичи люди мало интересовались мясом волков. То же происходило и позднее [32]. Вряд ли можно сомневаться, что издавна сложившееся отношение к мясу волков должно было перейти на собак. Если на стадии Моххамед Джафар в юго-западном Иране (6000—5000 лет. до н. э.) крупные каниды редко употреблялись в пищу, то и остатки собак, обнаруженные на следующей стадии, свидетельствуют о том же [33].

Использование собак для питания с самого начала имело еще одно ограничение — те полезные качества, благодаря которым она была одомашнена. Прежде чем убить собаку, приходилось не только пренебречь ее гастрономическими недостатками, но и подумать, как обходиться без нее дальше.

В доказательство того, что древнейшие собаки одомашнены не в пищевых целях и использовались в пищу лишь при недостатке мяса, некоторые исследователи указывают на малочисленность на стоянках костей собаки относительно остатков прочей фауны и на случаи, когда черепа и другие кости собаки не были расколоты [34]. Остатков древнейших собак на стоянках действительно чрезвычайно мало. На стоянках маглемозе кости нескольких собак приходятся на десятки тысяч костей других животных [35]. Две собаки совершенно теряются в изобилии дикой фауны на поселении Стар Карр, по расчетам Г. Кларка, кормившей людей более шести лет [36]. Стоило ли одомашнивать и держать собак (проявляя вряд ли свойственную той эпохе степень предусмотрительности), чтобы столь редко пользоваться их мясом? Раскопки Р. Брейдвуда в Джармо дали остатки волков и лис, но не собак, как предполагалось [37]. И все же в хорошем знакомстве людей этого поселения с собаками, судя по найденным там фигуркам собак с закрученными вверх хвостами, сомневаться невозможно [38]. Остатки дикой фауны: быка, лошади, оленя, горного барана и др. и здесь достаточно велики [39]. Зачем же было держать собак, черед которых так и не пришел?

Все эти факты довольно красноречивы. Однако для полноты и верности картины необходимо отметить и другую сторону явления. Хотя некоторые из найденных древнейших собак не использовались в пищу, остатки большей части других все же являются кухонными отбросами. Этот и только что приведенные факты найдут удовлетворительное объяснение, если исходить из охотничьего назначения древнейших собак. Попытаемся прежде всего уяснить, каким образом кости животных попадали в культурный слой.

Добытые на охоте животные доставлялись на поселение, где их съедали наряду с домашними животными, если они уже имелись. Кости использовались или выбрасывались в пределах поселения. Попадание костей собаки в культурный слой могло быть гарантировано тоже лишь в случае, если ее съедали. Особенно важно иметь это в виду при рассмотрении мате-

---

Přinos nové paleolitické stanice v Pavlově. «Památky archeologické». XLVI, 1, Praha, 1955, стр. 11. П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.), МИА, 59, 1957, стр. 203—204; И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка, Киев, 1965, стр. 101.

[32] C. A. Reed. A Review of the Archeological Evidence on Animal Domestication in the Prehictoric Near East. В кн. R. J. Braidwood. Prehistoric Investigations in Jraqi Cunsdistan. Chicago, 1960, стр. 17.

[33] F. Hole and V. F. Kent. The Prehistory of Southerwestern Iran; A Preliminary report. PPS, нов. сер., XXXIII. 1968, стр. 178, 185.

[34] Г. П. Сосновский. Поселение на Афонтовой горе. ИГАИМК, 118, 1935, стр. 134; Д. А. Крайнов. О происхождении животноводства в юго-западном Крыму. СА, 1957, 2, стр. 12.

[35] M. Degerbøl. Ук. соч., стр. 35.

[36] G. Clark. Excavations at Star Carr. Cambridge, 1954, стр. 16.

[37] C. Reed. Ук. соч., стр. 128.

[38] Там же, табл. 16, *2*.

[39] Там же, стр. 131 и др.

риалов охотничьих поселений. Правилом было отсутствие мужчин-охотников. Вместе с ними, участвуя в охотничьих предприятиях, отсутствовали и собаки. Именно там их подстерегала гибель, там они и оставались. И только иногда голод заставлял убивать и есть собак. Если это происходило на поселении, кости оставались в культурном слое. Позднее, в связи с усложнением хозяйства, охотничьи собаки реже исполняли свое назначение, отсутствуя на поселении. Меньшей опасности подвергались вне поселений пастушеские собаки, а жизнь дворовых была безраздельно связана с поселением. Случайная необходимость использования собак в пищу почти не появлялась. Зато все чаще собаки могли умирать на поселении, отчего в основном и стала зависеть вероятность попадания их костей в культурный слой.

Исходя из приведенных соображений, можно заключить, что фактически количество древнейших собак на поселениях было значительно большим, и, следовательно, в пищу они употреблялись намного реже, чем можно было бы подумать, если судить только на основании количества остатков съеденных собак по отношению к несъеденным. Кроме того, как уже говорилось, лишь в случае использования на мясо (в пределах поселения) у собаки имелась прочная гарантия попасть в культурный слой. Тем самым количество остатков съеденных собак закономерно больше, что не противоречит отрицанию одомашнения собаки в целях увеличения пищевых ресурсов. Укажем еще на одно обстоятельство. Нескольким разводимым на мясо собакам трудно было бы оставить потомство. Если уж таковым было их назначение, необходимость в мясе собак на древних стоянках возникала, надо полагать не столь уж редко. Эта неувязка могла быть устранена выращиванием большего количества собак, так что часть оставалась бы «на развод». Но тогда на достаточно долговременных поселениях находили бы намного больше костей, чем это имеет место в действительности.

Что касается утверждения, будто современные охотничьи народы не используют собак на охоте, то судя по уже приведенным примерам, это заблуждение. Не станем увеличивать число примеров. Но скажем, что все более затухающее охотничье использование собаки не может служить аргументом против первоначальности ее охотничьего назначения. На то имеются свои причины. Вполне вероятно, что через некоторое время основным станет использование собак для медико-биологических опытов, однако о первоначальном назначении будут судить по материалам археологии и этнографии.

Мнение В. Герра о неохотничьем назначении древнейших собак основывается, по-видимому, лишь на соображениях о их пищевой роли. Что же до уверенности в довольно позднем вовлечении собак в охотничьи предприятия, он разделяет распространенное представление, по которому собака становится охотницей лишь с выведением соответствующих пород [40], т. е. со времени формирования древнейших цивилизаций. От этой эпохи сохранилось несколько изображений охотничьих сцен, множество их появилось в искусстве Древнего Египта, Вавилонии, государств греческого мира и т. д. Если судить только по ним, можно было бы подумать, что лишь с развитием древнейших государств существенную роль в жизни общества приобрела охота. Все же дело в том, что в эту эпоху возникло новое искусство, в котором образ человека и все его занятия получили неизмеримо большее место.

Наиболее ранние изображения охотничьих сцен в Египте относятся к амратскому времени. На голенищевском блюде изображены четыре собаки борзовидного склада, охотник с луком удерживает их на поводках [41]. Склад собак, а также наличие поводков свидетельствует о том, что и в

---

[40] См., например, Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 129.

[41] М. Э. Матье. Ук. соч., рис. 2.

это время охота с собаками успела далеко отойти от примитивных форм. То же относится и к изображению «борзых» и охотника из Суз, датированному IV тыс. до н. э.[42]

Основная часть ранних изображений собак не дает возможности утверждать, что перед нами охотничьи собаки. Они не входят в сцены и как бы нейтральны. Но среди них попадаются такие уникальные, как кобыстанское, где запечатлен момент нападения собаки на дикого кабана. Сцена датирована поздним мезолитом или ранним неолитом[43]. Как уже упоминалось, собаки сопровождали охотников в могилах египетского неолита и в той же роли обнаружены при раскопках культуры люлинь в Китае. Таким образом, первобытное искусство и ритуал захоронения все же оставили немногие, но недвусмысленные свидетельства древнейшего назначения собак.

В заключение отметим, что волк, да и любой другой хищник, был бы неблагодарным объектом одомашнения в качестве мясного животного. Деятельный склад хищника препятствует превращению его в скот, а, по-видимому, только такое низведение дикого животного придает ему ту пластику, благодаря которой облегчается его изменчивость в желаемых продукционных направлениях. Важен и вопрос питания. Волк может есть многое (особенно летом), но основу питания должно составлять мясо[44]. Чтобы вырастить прибылого, потребуется во много раз больше мяса, чем он потом даст[45]. То же, по-видимому, касается древнейших собак. Постепенно шло приучение собак к растительной пище, но это делали племена, у которых уже имелись и другие животные, действительно выгодные для содержания на мясо.

Итак, высказанная некоторыми исследователями гипотеза одомашнения собаки с целью увеличения пищевых ресурсов основывается главным образом на следах использования в пищу, сохранившихся на костях большей части древнейших собак, и на факте употребления собак в пищу рядом современных племен и народов. Изучение вопроса показывает, что в настоящее время собак, как правило, едят там, где существует недостаток мясной пищи; археологически изначальность этого явления на тех же территориях не подкрепляется.

Находок древнейших собак слишком мало по отношению к остальной фауне стоянок, чтобы говорить о специально мясном их использовании, а отсюда и об одомашнении на мясо. Ранние изображения собак и ритуал погребения свидетельствуют об их охотничьем назначении. Нахождение остатков преимущественно съеденных древнейших собак можно объяснить тем, что при охотничьем быте, по-видимому, только у них имелась гарантия попасть в культурный слой.

И. И. КОРДА

СЛЕДЫ КАМЕННОГО ВЕКА В г. МАГНИТОГОРСКЕ

Среди моих многолетних археологических сборов по берегам р. Урала имеется один пункт с находками каменных орудий у самого г. Магнитогорска.

Местонахождение находится на правом берегу р. Урала, на расстоянии 2—3 *км* от городских зданий, на горе Маячной, хорошо известной жите-

[42] B. Brentjes. Die Haustierwerdung im Orient. Wittenberg (Lutherstadt), 1965, рис. 5.

[43] A. A. Formozov. The Petroglyphs of Kobystan and their Chronology. Rivista di scienze preistoriche. XVIII, 1—4, Firenze, 1963, стр. 103—106.

[44] Г. Г. Доппельмаир и др. Биология лесных птиц и зверей. М., 1965, стр. 260; Б. П. Макридин. Волк на Ямальском Севере. «Зоологический журнал», 1962, XLI, 9, стр. 1413—1417.

[45] Л. Крайслер. Тропами карибу. М., 1966.

лям Магнитогорска. На поверхности горы лежит огромное количество кремневой гальки, частью разбитой и расщепленной. Местонахождение совместно со мною было осмотрено в июле 1965 г. О. Н. Бадером и Г. Н. Матюшиным.

На северном склоне горы среди галек обнаружены в разное время многочисленные следы работы человека в виде оббитых нуклевидных кусков, отщепов и осколков кремня. Площадь распространения галечника на поверхности определяется приблизительно в 8 гектаров. Здесь же, на северном склоне горы Маячной, в обрушившейся размоине была найдена кость крупного быка; сохранность ее плохая.

Ни керамики, ни орудий явно поздних форм на всей указанной площади ни разу не было обнаружено.

Среди кремневого материала, часто обнаруживающего следы серовато-желтой корки, много грубых и более тонких отщепов, частью с массивными ударными бугорками. Нуклеусы примитивны, некоторые из них напоминают дисковидные (рис. 1, *4*). Имеются единичные обломки нуклеусов, напоминающих призматические (рис. 1, *3*). Найдено также несколько законченных орудий. Одна из них представляет собой скребловидное орудие на массивном отщепе с коркой на спинке и оформлено по краю довольно крутой ретушью (рис. 1, *1*). Еще одно орудие на массивном отщепе обработано по краям аналогичной ретушью.

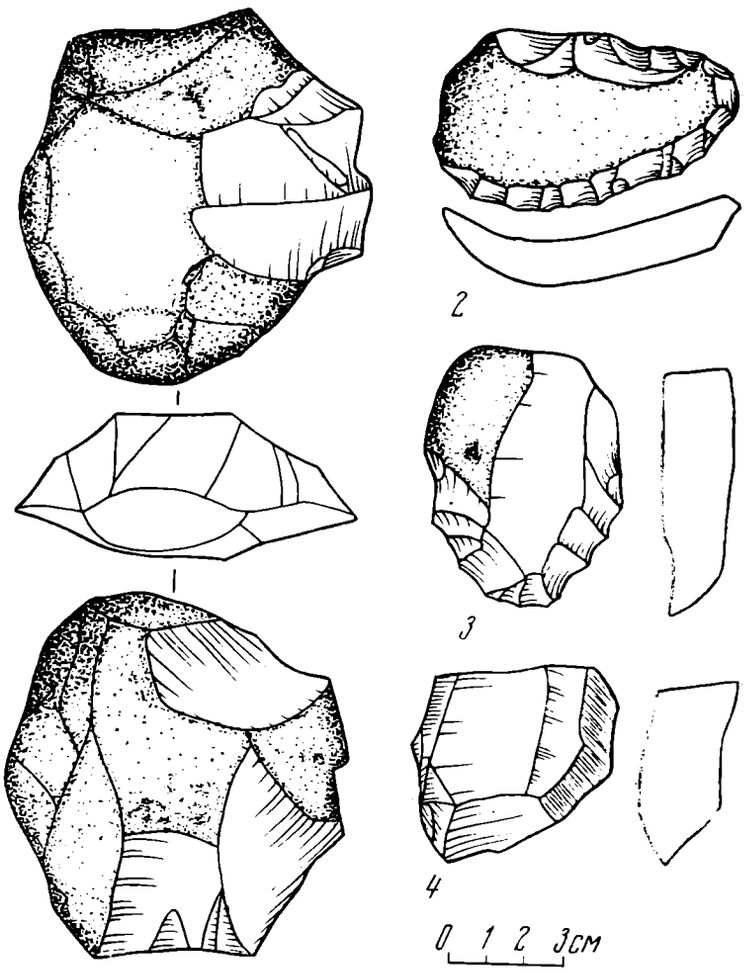


Рис. 1. Каменные орудия из сборов на Маячной горе

Принадлежность кремневых изделий с Маячной горы к каменному веку не подлежит сомнению. Датировка их эпохами мезолита и неолита мало вероятна по их общему техническому облику и отсутствию керамики. Скорее найденные орудия относятся к палеолитическому времени.

Местонахождение на Маячной горе имеет особый интерес в связи со слабой изученностью памятников каменного века на р. Урале. Оно должно быть изучено специалистами.

Т. Г. МОВША

СВЯТИЛИЩА ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Особой темой исследования в будущем должны явиться трипольские святилища, в которых находились алтари и все атрибуты, применяемые при совершении культовых обрядов. Сведения о них в литературе пока еще бедны и фрагментарны. Однако анализ некоторых материалов позволяет предположить их наличие на всем протяжении трипольской культуры.

Рассматривая модели трипольских жилищ, Т. С. Пассек обратила внимание на миниатюрную фигурку, помещенную слева от печи на специальном возвышении внутри модели из Попудни. Попудневская модель помогла предположить возможное расположение глиняных антропоморфных статуэток в трипольском доме. Фигурка здесь охраняла домашний очаг, его священный огонь.

Впервые в раскопках аналогичное нахождение фигурок было зафиксировано на Коломийщине I в жилище № 6, где возле печи № 2 в центральной части помещения, возле окрашенного в красный цвет глинобитного возвышения — алтаря, диаметром около 70 *см,* была сосредоточена 21 фигурка (18 женских и 3 мужских). Все они, по сведениям Т. С. Пассек, почти целые [1]. Среди них — изображение женщины преклонного возраста с моделированными в натуралистической манере чертами лица, в традиционной для раннего и частично среднего (Владимировка) этапов Триполья сидячей позе, с откинутым назад туловищем и «спеленатыми куколкой» ногами. К сожалению, документация о раскопках площадки № 6 и лучшие ее находки не сохранились.

Совершенно по-новому интерпретированные Б. А. Рыбаковым [2] трипольские культовые предметы позволяют с иной точки зрения пересмотреть имеющиеся материалы, увязать их со святилищами и до некоторой степени проникнуть в смысл совершавшихся трипольцами обрядов. Осмысление Б. А. Рыбаковым глиняной женской фигурки, креслица, чаши и черпака из Незвиско как единого комплекса, связанного с чародейством — молениями о воде, а также отождествление чаш на кольцевых подставках и антропоморфных алтарей из других пунктов с тем же циклом обрядов дает возможность восстановить древние святилища. Можно предположить наличие святилищ на упомянутой площадке № 6 поселения Коломийщина I, во Владимировке, где были открыты крестообразные алтари и культовые глинобитные возвышения рядом с ними [3], в поселении Трушешть в Румынии [4] и в поселении Стена Винницкой области [5], откуда происходят антропоморфные алтари, головы которых, по мнению Б. А. Рыбакова, венчают конические чаши. В Стене остатки алтаря располагались возле печи в центре жилища рядом с зернотерками, раздавленными крупными сосудами, шлемовидными крышками для них, небольшими мисками и биконической формы миниатюрными сосудиками.

Как святилище, видимо, следует рассматривать центальную часть жилища и на поселении Солончены I [6]. В нем возле глинобитной вымостки прямоугольной формы, обрамленной плитками, поставленными на ребро, размещались чаши на антропоморфных полых подставках, сосуды грушевидной формы для зерна, украшенные спиралями, черпаки, т. е. керамика, которую могли применять во время молений о воде и зерне.

Аналогичного назначения культовый инвентарь — чаши на полых антропоморфных подставках с изображением змей, зерновики, глиняная статуэтка, покрытая змеевидными сюжетами, — происходит из раскопок в Греновке [7].

---

[1] Т. С. Пассек. Трипільська культура. Київ, 1941, стр. 72.

[2] Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, 1, стр. 26—28.

[3] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949, стр. 83—89.

[4] Vladimir Dumitrescu. L'art neolitique en Roumanie. Bucarest,' 1968, табл. 82.

[5] М. Л. Макаревич. Исследование в районе с. Стена на Среднем Днестре. КСИА, 10, 1950, стр. 24, 25.

[6] Т. Г. Мовша. Глинобитное жилище раннетрипольского поселения Солончены I. Изв. Молд. ФАН СССР, 5 (25), Кишинев, 1955, стр. 9.

[7] М. Л. Макаревич. Об идеологических представлениях у трипольских племен. ЗОАО, I (34), Одесса, 1960, стр. 292.

Своеобразное святилище, в котором совершались обряды при испрашивании всяческого плодородия, возможно, находилось и в полуземлянке нижнего горизонта раннетрипольского поселения Сабатиновка II[8] на Южном Буге. В одной стороне ее лежал крупный череп быка с сохранившимися рогами, а на нем помещалась глиняная женская фигурка в сидячем положении с откинутым назад туловищем.

Смысловое значение этих находок тесно переплетается со знаменитой костяной пластиной в виде головы быка с контурным на ней изображением женской фигуры с поднятыми к небу руками из Бильче-Злоте.

Кроме алтарей и святилищ внутри домов в Триполье были и специальные храмы. Такой, по нашему мнению, храм открыт в верхнем горизонте упомянутого поселения Сабатиновка II. Он издан М. Л. Макаревичем. Описание его сопровождается реконструкцией [9].

Это была глинобитная постройка удлиненно-прямоугольной формы, площадью около 70 *м*^{2}, с выступающим узким входом вдоль одной из удлиненных сторон. У основания преддверия лежала каменная вымостка. Почти посредине ее находился костяной антропоморфный миниатюрный амулет. Хотя внутри постройки отчетливо прослеживаются конструктивные особенности, она представляет собой одно помещение, разные части которого в зависимости от архитектурных деталей и характера находимых предметов имели строго определенное культовое назначение, где совершались земледельческие обряды, отмеченные и автором раскопок.

Первая часть (самая большая), примыкающая к входу, оказалась наиболее простой. В ней лишь местами уцелел глинобитный пол и почти отсутствовали находки. В центральной части, ближе к северной стене, стояла печь, слева у ее подножия помещалась женская фигурка. На северо-запад от печи находились сосуды. Среди них миска, наполненная костями быка, со следами действия огня, каннелированный сосуд с миниатюрной чашей внутри. Северо-восточнее печи стояла курильница, а с южной и юго-восточной стороны почти в один ряд лежало пять зернотерок и пять женских глиняных фигурок с отклоненным назад туловищем (по одной возле каждой из них).

В глубине постройки, напротив входа, вдоль торцовой стены находился большой (2,75×6 *м*) глинобитный алтарь — прямоугольно-удлиненное возвышение, сложенное из четырех-пяти слоев обожженной обмазки, высотой 40—50 *см* над уровнем глинобитного пола.

В юго-восточной части алтаря, вдоль южного края, располагалось 16 женских глиняных фигурок, типичных для Сабатиновки II: сидячих, с откинутым назад туловищем. Фигурки восседали на глиняных миниатюрных круглых креслицах с «рогатыми» спинками, имитирующими бычьи рога. На противоположном конце стояли сосуды. Главным божеством здесь, видимо, была фигурка со змеей.

За северным краем алтаря, в углу, находилось большое глинобитное кресло (диаметр сиденья около 1 *м*) той же формы, что и миниатюрные креслица для фигурок. Основание сиденья было сложено из деревянных плах.

Внутренняя архитектура постройки, наличие алтаря, лишь одной печи, не обеспечивающей теплом сравнительно большое помещение, отсутствие (за исключением зернотерок) орудий труда указывают на то, что оно было задумано не для жилья.

В плане раскрытия его назначения важную роль играет не только культовый характер находок, но и их размещение. Концентрация женских статуэток в юго-восточной части алтаря, т. е. в стороне, обращенной к небесному светилу — солнцу, аналогичное юго-восточное расположение

---

[8] Там же, стр. 295—297.

[9] М. Л. Макаревич. Об идеологических представлениях у трипольских племен, стр. 291, рис. 1.

зернотерок, обязательное их сочетание только с одной женской фигуркой имеют важное значение.

Магическую роль, связанную с актом плодородия зерна, и выполняли миниатюрные скульптурки богинь, сидящих возле зернотерок на Сабатиновской площадке.

Тщательный анализ в будущем всего комплекса найденных в Сабатиновском святилище предметов, осмысление форм и орнаментов сосудов и пластических изображений, проведение рентгеноскопических снимков фигурок позволят всесторонне проникнуть в суть совершавшихся здесь обрядов. Но уже сейчас очевидно, что Сабатиновка II приоткрывает одну из важных страниц того глубинного пласта славянских языческих культов, в поисках которого несколько лет тому назад успешно обратился к Триполью Б. А. Рыбаков.

Можно предположить, что площадка № 3 Сабатиновки II являлась храмом «Деметры», где с участием женских миниатюрных скульптурок (найдено 32) совершались сложные обряды, связанные с магией плодородия, прежде всего земледельческого.

Земледельческий характер сложных магических обрядов здесь ярко выражен. Убранство этого раннетрипольского храма и его атрибуты говорят о том, что совершаемые в нем обряды связаны с растиранием зерна и приготовлением из его муки теста для священного новогоднего хлеба «богача», здесь же и выпекаемого.

В Сабатиновском храме, по всей вероятности, совершались новогодние заклинательные обряды, связанные, по Б. А. Рыбакову, с плодородием земли и силой рождающегося зерна. Устройство и атрибуты храма настолько ясны, что нетрудно реконструировать всю обстановку, примерное число главных персонажей, совершающих магический обряд, и сам процесс обряда. Картина нам представляется следующей. По количеству зернотерок размол зерна на муку производили пять женщин. Плодоносящие силы растираемому зерну передавали пять миниатюрных женских фигурок — божеств плодородия, расположенных по одной возле каждой зернотерки. Возможно, те же пять женщин замешивали из растертой ими муки тесто для новогоднего хлеба. В это же время еще одна — шестая женщина разжигала в печи огонь, предназначенный для выпечки хлеба, охраняемый женской фигуркой-идольчиком, помещенным, как и на моделях жилищ, с левой стороны возвышения печи.

Всей сложной заклинательно-обрядовой церемонией руководила седьмая, старшая женщина, основательница рода, восседавшая в кресле возле алтаря с женскими фигурками божеств плодородия. У подножия алтаря в курильнице сжигалось зелье, обладающее магической силой.

Были святилища и под открытым небом. Одно из них обнаружено нами в позднетрипольском поселении Цвикловцы на Подолии [10]. Оно располагалось в стороне от жилищ на склоне юго-восточной части поселения. Здесь мы встретились с тем же явлением, что и в Сабатиновке II,— сосредоточием объектов культа в юго-восточной стороне.

В Цвикловцах на сравнительно небольшом участке располагалось несколько ям, содержимое которых раскрывает земледельческую магическую обрядность. В яме № 1, обмазанной глиной, в слое пепла и золы стоял раздавленный огромный глиняный сосуд для зерна, видимо пшеницы, обугленные зернышки которой были в нем расчищены. В нижних горизонтах заполнения ямы найдены крупное лощило и проколка из кости, фрагменты глубоких чаш, а возле восточного края, в верхнем горизонте,— расписной сосуд, украшенный парой женских головок.

На некотором расстоянии от ямы № 1 обнаружен неправильной прямоугольной формы алтарь, сложенный из глиняных плиток, несколько

---

[10] Т. Г. Мошва. Трипільське поховання в с. Цвіклівці. «Археологія». XVI. Київ, 1964, стр. 213—222.

сближающийся с культовыми сооружениями Владимировки [11]. Он перекрывал яму глубиной около 1 *м* со слоем золы, вкраплениями углей на дне.

Несколько северо-восточнее алтаря в овальной яме (№ 8), под развалом глинобитной печи в слое золы и пепла лежали раздавленные сосуды для зерна (восстановлено 18 сосудов), зернотерки, глиняные грузила, пряслица для веретен и роговой клевец с начертанными на его поверхности елочками или растениями.

Юго-восточнее находок открыты остатки кремации — сожженные кости молодого человека, возраст (около 18—20 лет) и пол которого установлены по обломкам черепа М. М. Герасимовым. Здесь же обнаружены отдельные кальцинированные кости животных — быка, косули и овцы.

Расположение этого ритуального комплекса на юго-восточном склоне высокого останца, омываемого водами Смотрича, и характер находок свидетельствуют о сложных магическо-заклинательных обрядах земледельческого характера. Многочисленные сосуды для зерна, обугленные зерна, зернотерки, прочерченные рисунки растений на клевце, обломки глубоких чаш и, наконец, шаровидный сосуд с парой налепных женских головок служат тому доказательством.

В этом своеобразном святилище под открытым небом, видимо, совершались обряды с принесением жертвоприношения, связанные с молением о воде. Таким образом, цвикловцы раскрывают вторую за Б. А. Рыбаковым серию заклинательных земледельческих обрядов, сопровождаемых жертвоприношением, в данном случае человеческим.

[11] Т. С. Пассек. Ук. соч., стр. 89, рис. 43, *1*.

С. ЕСАЯН

БРОНЗОВЫЕ МОДЕЛИ КУЛЬТОВЫХ ПЛОЩАДОК ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

В декабре 1968 г. при проведении археологической разведки в с. Мосесгюх Шамшадинского района учителем истории местной школы А. Б. Аракеляном мне был передан небольшой бронзовый ладьевидный предмет с помещенными на нем фигурками людей и животных. Этот интересный предмет был найден при земляных работах на северо-западной окраине села.

Он имеет вид безкилевого челна, с округлой кормой и заостренным срезанным носом. Днище округлое. В носовой и центральной частях возвышаются два арочных выступа. По обе стороны от них помещены четыре сильно стилизованные фигурки людей с короткими ногами и распростертыми руками. Головы округлые, без обозначения черт лица. Все фигуры стоят спиной друг к другу. В кормовой части, на днище, помещены две фигурки жвотных (баран и коза), передней частью тулова свесившиеся за борт. Все фигурки и арочные выступы отлиты отдельно и припаяны к подставке (рис. 1, *1*).

Подобная ладьевидная форма подставки, на мой взгляд, объясняется тем, чтобы дать возможность животным свеситься за борт и не опираться на стол или иной предмет и подчеркнуть их безжизненность.

По всей вероятности, мы имеем дело с изображением сцены ритуального жертвоприношения животных богам (вспомним, что в урартском пантеоне в качестве жертвенных животных в основном упоминается овца) и молящихся людей-жрецов.

Эта модель культовой площадки не единственная в Армении. В коллекциях старых раскопок Е. Лалаяна имеются еще две близкие по содержанию модели. Одна из них, найденная в развалинах крепости Кайцун-

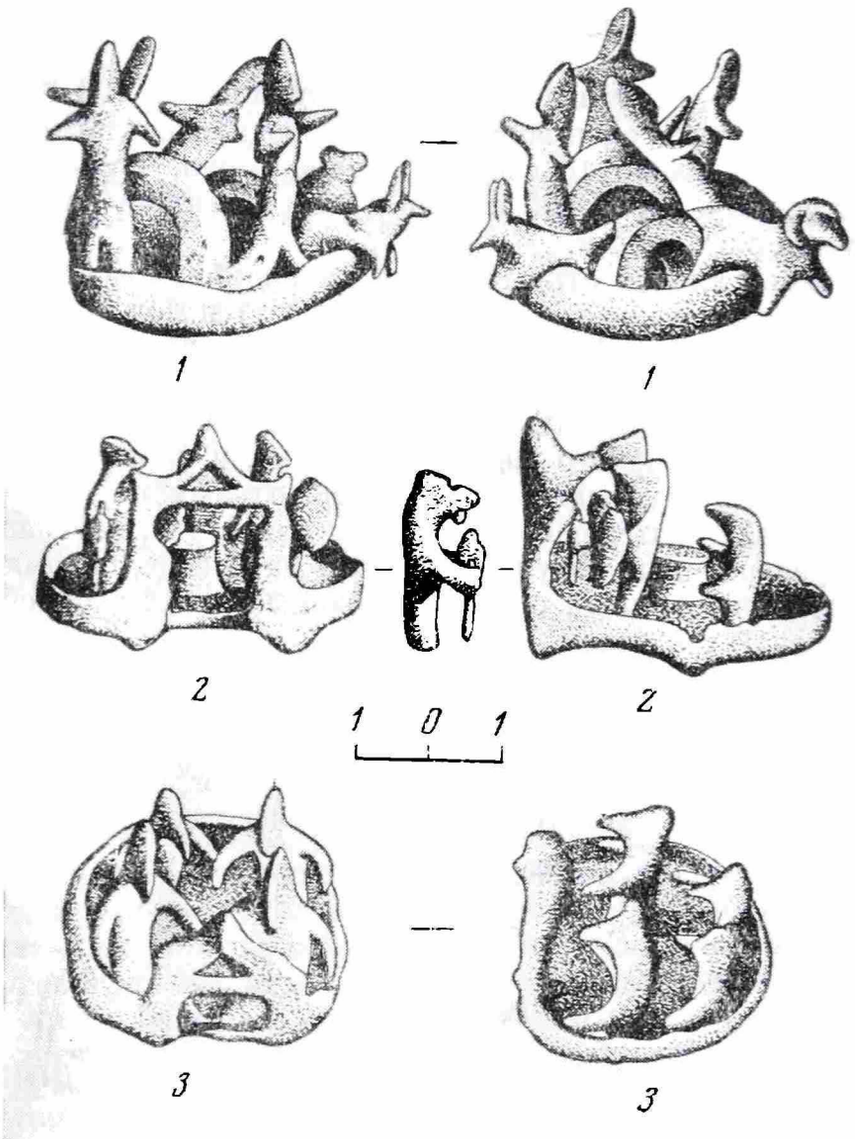


Рис. 1. Бронзовые модели древних культовых площадок из разных мест Армении

1 — с. Мосесгюх, *2* — Кайцун-берд, *3* — Нор-Баязет

берд [1] в Лори, хранится в Ереване. По своей форме эта модель представляет круглую площадку с небольшими бортами, имитирующими стены. С одной стороны возвышается прямоугольная дверь с острым фронтоном в центре и с небольшими остроконечными выступами по краям с люнетом в центре, что должно подчеркнуть вход в храмовое помещение или святилище. В середине помещения находится небольшой круглый столик или алтарь. Между алтарем и входом стоят две сильно стилизованные фигурки людей в медвежьих масках. В левой руке они держат круглые щиты, а в правой — роговидные предметы наподобие айрумских бронзовых статуэток [2]. По другую сторону алтаря находятся еще две фигурки людей (одна сломана) в птичьих масках (рис. 1, *2*).

Третья модель происходит из раскопок Е. Лалаяна в Нор-Баязете и хранится в Гос. музее Грузии [3]. Она представляет собой аналогичную круглую подставку с такими же бортами, имитирующими стены, и с таким же входом, увенчанным фронтоном, с той лишь разницей, что алтарный сто-

[1] Инв. ГМА 20/200; см. Г. Гоян. Театр средневековой Армении. М., 1952, стр. 429.

[2] С. А. Есаян, А. О. Мнацаканян. Новые находки бронзовых статуэток в Армении. Принято редакцией СА.

[3] Изв. ГМГ 20—05
IV—43

лик в центре сооружения отсутствует. Несколько различается она и по расположению фигур людей. Влево от входа друг за другом стоят две человеческие фигуры в птичьих масках, с распростертыми руками. Справа, также друг за другом, стоят аналогичные фигуры в медвежьих масках (рис. 1, *3*). Все фигурки и алтарный столик лорийской и норбаязетской модели отлиты отдельно. В подставках проделаны отверстия, куда заходят нижние концы фигур, заклепанные с наружной стороны.

Близкий к модели из Мосесгюха предмет обнаружен также в Грузии, в с. Гамдлисцкаро вместе с кладом бронзовых изделий [4]. Он представляет собой небольшое бронзовое ограждение с невысокими бортами, крупным входом с плоским перекрытием. Внутри ограждения размещены люди в птичьих масках, наподобие лорийской и баязетской статуй, идолы и овцы. Виднеются также культовые сооружения в виде крупного арочного выступа, напоминающие арки мосесгюхской модели. У основания арки, на полу подставки, имеется полукруглый выступ, по своей форме схожий с камерой «священного пепла» — очага языческого капища позднебронзовой поры из раскопок цитадели Двина [5]. Близкая по форме крупная модель найдена также на Кипре близ с. Беллапэ (северная часть округа Кирении) в некрополе «Вунуа», где Дикайосом в 1932 г. было раскопано 48 погребений. Предмет представляет собой глиняное блюдо диаметром 38 *см* со стенками высотой 9 *см* и крупной прямоугольной дверью; внутри ограды помещены фигуры людей и разных животных [6].

Дикайос, датировавший этот предмет 2000 г. до н. э., считает его храмом под открытым небом, посвященным богине Матери-земле, Змею — подземному божеству и священному Быку, что, по его мнению, является неоспоримым доказательством агрикультурного характера религии, распространенной на Кипре в эпоху ранней бронзы [7].

Эванс не соглашается с этой гипотезой Дикайоса и считает, что здесь изображена сцена на сельскохозяйственном дворе, представляющая одновременно и обычную жизнь и хоровод [8]. Однако мне кажется, что мнение Дикайоса более правильно, так как находки из Кипра, Армении и Грузии показывают, что в указанных странах применялись модели алтарей и храмов.

Находка Мосесгюхской модели показывает, что здесь производилось жертвоприношение барана (овцы) и козы какому-то богу. Их культовое назначение объясняется находками моделей из Лори и Нор-Баязета. Люди в птичьих масках, по-видимому, олицетворяют жрецов бога неба — солнца, с чьим культом связано изображение птицы. Подобные изображения людей в птичьих масках известны на бронзовом поясе, обнаруженном Е. Лалаяном в том же Нор-Баязете [9]. Подобные находки известны также из Мусиери и Ахталы [10]. Что же касается людей в медвежьих масках, то их артибуты пока не ясны. Изображения медведей в Армении известны в сравнительно небольшом количестве. Наиболее ранняя скульптура медведя происходит из раскопок Р. Торосяна в раннеэнеолитическом Техутском поселении близ Эчмиадзина. Скульптура, датируемая

[4] Д. Коридзе. Позаботимся о защите случайно обнаруженных археологических памятников (на груз. языке с русским резюме). Сб. «Друзья памятников культуры», 15, Тбилиси, 1968, стр. 82.

[5] К. Г. Кафадарян. О времени основания города Двина и о языческом храме на вышгороде (на арм. языке). Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1966, 2, стр. 53 сл.

[6] P. Dikaios. Les cultes préhistoriques dans l'Ile de Chypre. «Syria», 13, 4, Paris, 1932, стр. 345—354, табл. 70, 71.

[7] R. Dikaias. The Excavations at Vounous — Bellapacs in Cyprus, 1931—1932. Archaelogia (London), 88, 1940, с р. 1—174, табл. 7, 8.

[8] A. Evans. The Palace of Minos at Knossos. 4, P I, стр. 166; 2 подстрочное примечание, рис. 140 на стр. 177.

[9] А. О. Мнацаканян. Следы поклонения солнцу в Армении (на арм. языке). Труды ГМА, 1, Ереван, 1948, стр. 68, рис. 1.

[10] J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase. Paris, 1889, I, стр. 90, рис. 54; стр. 164, рис. 190.

V—IV тыс. до н. э., представляет миниатюрную глиняную фигуру медведя, выполненную в схематическом виде без подчеркивания отдельных деталей головы [11]. Схематические рисунки медведей имеются и на наскальных изображениях Сюника [12].

Глиняная головка медвежонка с четко подчеркнутыми чертами лица, датируемая III в. до н. э., известна из раскопок в Армавире [13]. Изображения медведей известны также в средневековой Армении. Там они обнаружены в памятниках сасанидского времени — на каменном рельефе из Звартноца и серебряных блюдах из Нор-Баязета и Тбилиси [14]. Изображения медведей имеются также в рельефах Ахтамарского храма.

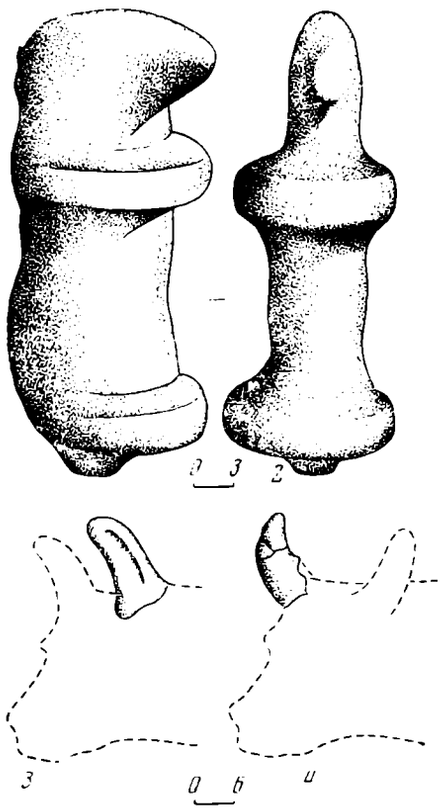


Рис. 2. Скульптурные изображения из крепости Поползаш

Однако наиболее близкой по времени и иконографически является крупная глиняная скульптура медведя, обнаруженная мною в 1968 г. в слое IX—VIII вв. до н. э. циклопической крепости Поплоз-Гаш, близ с. Джуджеван Ноемберянского района (рис. 2, *1, 2*). Указанная скульптура сопровождалась обломками фигур двух быков (рис. 2, *3, 4*). Вся эта композиция, встреченная рядом с фрагментами невысокого круглого глиняного очага, по-видимому, составляла глинобитную стелу, украшенную центральной фигурой медведя и расположенными по краям головами быков, напоминает, как уже указывалось двинскую стелу.

Близкие по содержанию и времени стелы известны также из Саритапе и Бабадервиша IV, также завершающиеся изваяниями голов животных, кроме которых там же были найдены отдельные скульптуры быка, кабана и двухголового барана [15].

Судя по материлам поплоз-гашской стелы, медведь, как и бык (где они выступают совместно), по-видимому, символизирует культ мощи и плодородия [16].

Наличие указанных моделей, так же как находка уникальной глиняной модели двухэтажного храма в Астхи-Блуре [17], каменных многоликих и одноликих идолов в Зангезуре, Шамшадине, Мецаморе (В. Зейва), Кармир-Блуре, Ноемберяне, Двине и т. д., а также многочисленных бронзовых скульптур в Армении, странах Кавказа и Ближнего Востока, указывают на широкое применение в жилых и культовых помещениях разных моделей и отдельных фигур, отображающих культовые представления древности. Одновременно рассмотренные модели из Лори и Нор-Баязета дают определенное представление об архитектуре древних храмов Армении, имеющих наряду с прямоугольными урартскими храмами типа «Суси» (Эребуни, Тейшебаини), раннеармянским храмом в Астхи-блуре

[11] Устное сообщение Р. Торосяна.

[12] Устное сообщение Г. Караханяна.

[13] М. Хондкарян, С. Амирян, Д. Оганесян. Путеводитель Гос. историч. музея Армении. Ереван, 1968, табл. 2.

[14] К. В. Тревер. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках. СА, XVI, 1952, стр. 284.

[15] О. А. Даниелян. Культура раннего железа на территории Азербайджана. Автореф. канд. дис., Баку, 1969, стр. 8.

[16] См. П. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 418.

[17] С. А. Есаян. Астхи-блурский могильник. Вестник общественных наук АН АрмССР, 1968, 6, стр. 95, табл. IX.

и другими, также круглую форму с прямоугольными дверьми и со стрельчатым фронтоном. Интересно отметить, что подобная форма фронтона несколько напоминает фронтон вышеуказанного астхи-блурского храма.

Не совсем ясна датировка указанных моделей. Изображения людей в птичьих масках на бронзовых поясах характерны для эпохи поздней бронзы и раннего железа. Малые размеры скульптур в отличие от крупных фигур позднебронзовой поры характерны для эпохи раннего железа. Однако наличие в руках фигур лорийской модели круглых щитов и роговидных предметов, а также сходство фронтонов с фронтоном астхи-блурского храма позволяют датировать их временем VIII—VI вв. до н. э. В пользу этой датировки говорит также то обстоятельство, что небольшая бронзовая статуэтка, аналогичная фигурам шамшадинской модели, найдена в том же Астхи-Блуре вместе с указанной моделью храма.

В. И. МАМОНТОВ

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КОЛПАЧКИ

Приволжский отряд Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Волгоградского областного управления культуры в 1967 г. провел охранные раскопки курганного могильника у с. Колпачки Калачевского района Волгоградской области.

Курганы протянулись неширокой полосой с востока на запад. Пять насыпей находились непосредственно у деревни Колпачки. Две из них были исследованы нами. Вторая большая группа располагалась на пашне, за железной дорогой, на восток от первой группы. Состояла она из 10 курганов. Мы раскопали 8 насыпей. Высота самой большой насыпи (кург. 5) достигает 2,45 *м* при диаметре 41 *м*. Высота других курганов обычно колеблется от 0,15 до 0,75 *м* при диаметре от 12 до 20 *м*. Раскопками выявлено 21 погребение.

Погребения ямной культуры (кург. 1, погр. 4; кург. 7, погр. 2; кург. 9, погр. 1). Могилы представляют собой глубокие, почти идеально круглые ямы большого диаметра (до 2,2 *м*), несколько сужающиеся ко дну. Следов перекрытий не отмечено. Дно посыпано сначала охрой, затем мелом. Ритуальный обряд характерен для погребений ямной культуры [1]. Одно погребение разрушено грабителями, на дне другого сохранился костяк, ориентированный головой на северо-восток. Погребенный лежит на спине, колени завалились налево. Несколько необычно положение рук погребенного: правая, согнутая в локте, покоилась на левой ключице, левая, тоже согнутая в локте, лежала ладонью на кости предплечья правой руки. На костяке охра отсутствует. Вещей в погребении нет.

Погребения в круглых ямах-колодцах отмечены в ряде мест Поволжья [2]. Разнообразие погребальных сооружений (в округлых, прямоугольных, квадратных и подбойных ямах) может быть связано с этнокультурными или временными различиями. Это явление, видимо, свидетельствует о том, что племена ямной культуры, занимавшие обширные области юго-востока Европейской части страны, не являлись единым монолитным сообществом племен, придерживающихся одних, установленных однажды, ритуальных обрядов.

[1] В. Спицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 144; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 410; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье в Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 12.

[2] В. П. Шилов. Отчет о работе на Старицком могильнике Астраханской области. 1962 г. Кург. 7, погр. 30. Фонды ВОКМ; В. И. Мамонтов. Отчет о работе Приволжского отряда. 1967 г. Могильник «Химкомбинат». Гр. «А». Кург. 3, погр. 6. Могильник Заканальный. Кург. 4, погр. 9. Фонды ВОКМ; В. П. Шилов. Отчет о работе на Цацинском могильнике. 1962 г. Фонды ВОКМ.

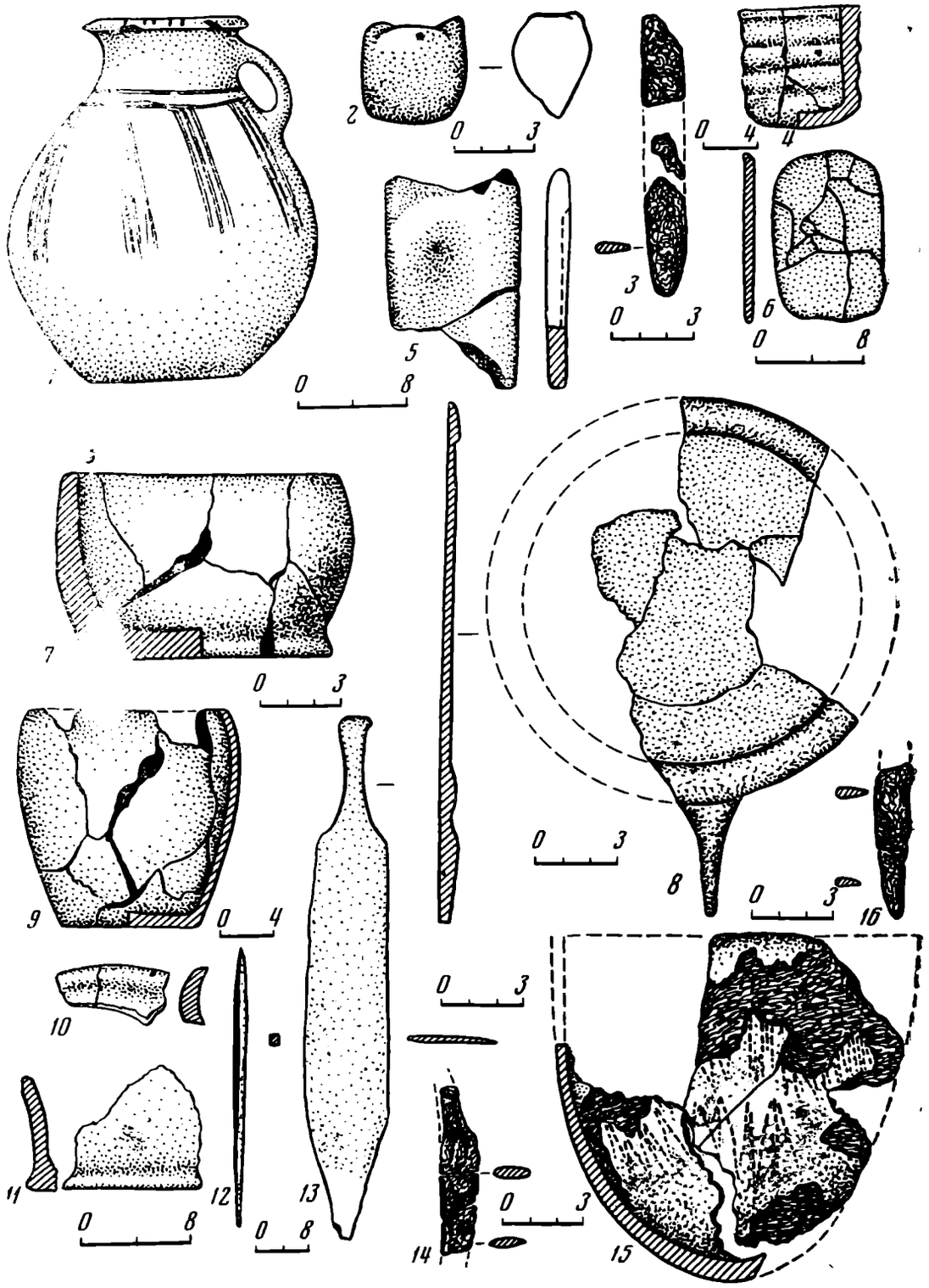


Рис. 1. Курганный могильник Колпачки. Вещи из погребений.

1, 3, 8 — кург. 1, погр. 2; *2, 5* — кург. 1, погр. 1; *4* — кург. 1, погр. 2а; *6* — кург. 1, погр. 5; *7, 9* — кург. 2, погр. 1; *10, 11* — кург. 2, погр. 3; *12, 13* — кург. 5, погр. 2; *14, 16* — кург. 4, погр. 1; *15* — кург. 1, погр. 4

Ямное погребение из кург. 1 (погр. 4) имеет небольшие размеры (1,2×0,7 *м* при глубине 0,7 *м*). Здесь обнаружено детское погребение: ребенка положили на подстилку из куги, на спину, головой на северо-северо-восток. Руки были вытянуты вдоль тела. Ноги, согнутые в коленях, завалились направо. В погребальном ритуале отсутствует охра — признак, не характерный для ямников Нижнего Поволжья и Придонья. И. В. Синицын считает, что погребения с северо-восточной ориентировкой являются более ранними, чем с ориентировкой на юго-запад, запад [3].

[3] И. В. Синицын. Ук. соч., стр. 145.

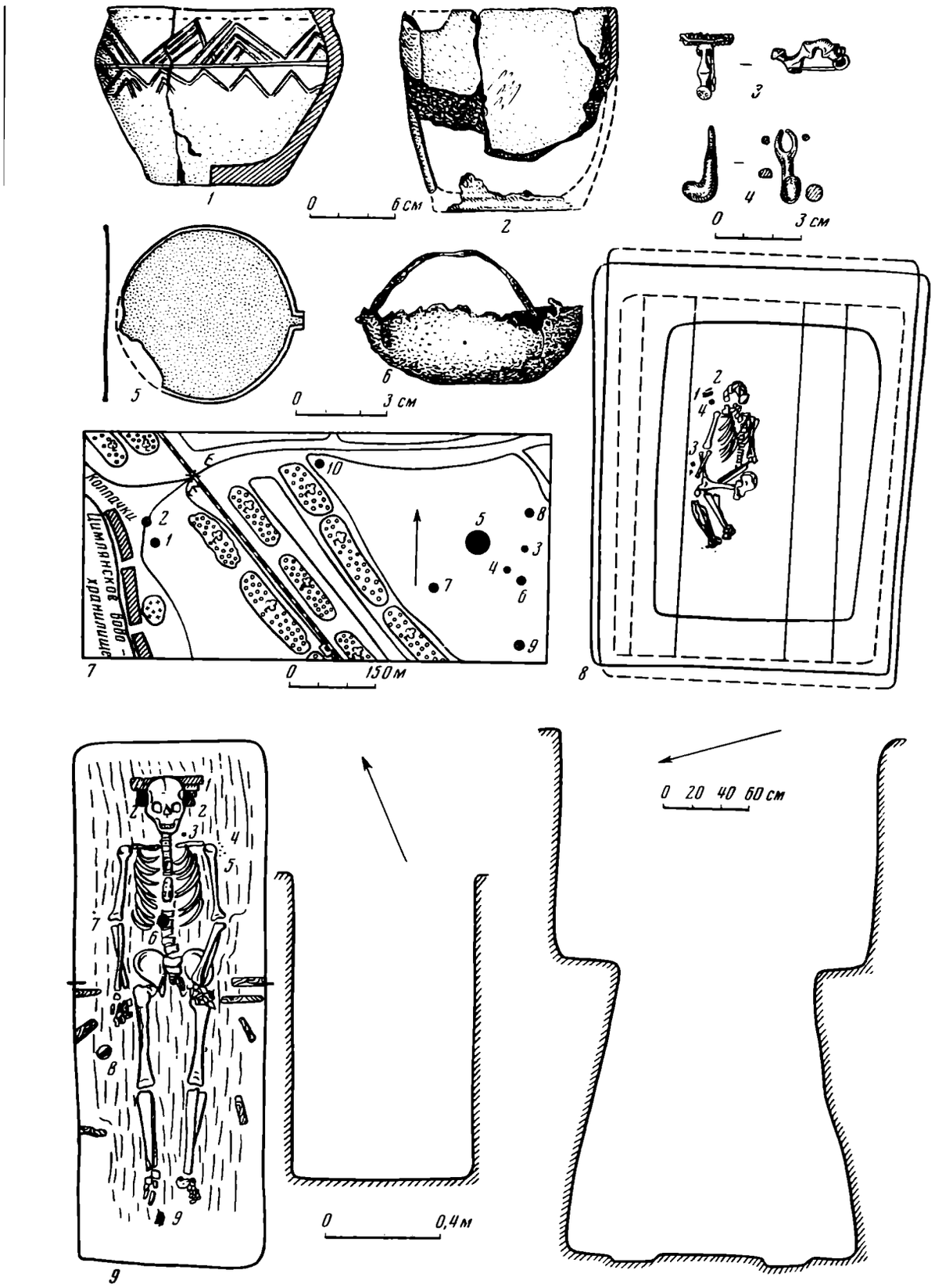


Рис. 2. Курганный могильник Колпачки. Вещи из погребений

1 — кург. 2, погр. 2; *2* — кург. 2, погр. 4; *3*, *4* — кург. 4, погр. 1; *5*, *6* — кург. 10, погр. 1; *7* — план могильника Колпачки; *8* — кург. 5, погр. 2; *9* — кург. 10, погр. 1

Весьма интересен сосуд (рис. 1, *15*). Тесто темное в изломе, слоистое, с включением мелких частиц извести. Венчик прямой. Диаметр его 13,5, высота 13 *см*. По тулову проходит орнамент «шагающая гребенка», который, как известно, необычен для южных районов Поволжья, хотя в северных районах он довольно част [4].

[4] И. В. Синицын. Древние памятники Саратовского Заволжья. АС СГУ, 1966, стр. 6; В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 414; О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, 99, 1961, стр. 29, рис. 8, *3*, *8*, *9*.

Катакомбная культура. В самом большом кургане могильника Колпачки было открыто погребение катакомбной культуры. Яма прямоугольная, с закругленными углами, ориентирована длинной осью по линии юго-восток — северо-запад. Размеры ее на уровне погребенной почвы 2,5 × 2,1 × 2,8 × 2,2 *м* (рис. 2, *8*). Следов перекрытия не обнаружено. На глубине 1,6 *м* от края вдоль всех сторон камеры проходили заплечики шириной до 0,5 *м*. На их уровне яма несколько расширялась и имела следующие размеры: 2,4 × 2,1 × 2,85 × 3 *м*. На заплечиках отмечен слой тонкого перекрытия, посыпанного мелом. По краям заплечиков яма имела размеры 2,2 × 1,4 × 2,1 × 1,5 *м* и уходила далее на глубину 2 *м* (общая глубина ямы 3,6 *м*). Размеры дна ямы 2 × 2,6 × 2 × 2,6 *м*. По дну проходили продольные ровные по всей длине выемки, идущие в направлении юго-восток — северо-восток. Глубина их 5—7 *см*.

Под толстым слоем камыша и куги, посыпанных мелом, был обнаружен мужской костяк, окрашенный охрой. Он лежал на правом боку с некоторым завалом на спину. Под ним находилась подстилка из куги, тоже посыпанная мелом и охрой. Погребенный ориентирован головой на юго-восток. Кости правой руки шли к коленям, кости левой находились между ног. На покрытии прямо над костяком был положен большой бронзовый кинжал (длина 19,5 *см*). Края его лезвия параллельны друг другу у рукоятки и расширяются до 3 *см* к концу острия (рис. 1, *13*). Рядом с кинжалом лежало квадратное в сечении бронзовое шило длиной 10.2 *см* (рис. 1, *12*). Аналогии ножу известны в ряде могильников Поволжья, Калмыкии [5]. У правой ноги погребенного встречены два альчика, а у правого плеча лежал большой кусок охры.

Надо отметить, что описанный вид погребальной ямы, положение костяка, наличие охры характерны для предкавказского варианта катакомбной культуры и отмечены в ряде районов Поволжья [6], а также Кавказа. Несомненно, через этот район Дона в первой четверти II тысячелетия до н. э. прошли племена катакомбной культуры предкавказского варианта. Погребения со сложным устройством погребальной камеры, видимо, свидетельствуют о том, что они были сооружены для представителей воинской или жреческой верхушки племени [7].

Погребения срубной культуры. Все они впускные (кург. 1, погр. 3; кург. 2, погр 2, 4; кург. 5, погр 1; кург. 7, погр. 1), Формы ям разнообразны: прямоугольного очертания с закругленными углами, каплевидные или овальные. Глубина грунтовых ям колеблется от 0,2 до 1,2 *м*. Традиционно и положение — скорченное, на левом боку, ориентировка северо-западная, руки направлены к лицу [8]. Одно погребение дает юго-восточную ориентировку (кург. 1, погр. 3).

Из шести погребений срубной культуры только три дали могильный инвентарь: сосуды или фрагменты от них.

1. Курган № 2, погр. 1. Здесь встречен сосуд высотой 6,5 и диаметром венчика 10,2 *см*. По тулову заметны следы сглаживания, а по донышку — защипы (рис. 1, *7*). Здесь же находился баночный сосуд с венчиком, слегка загнутым вовнутрь. Тесто в изломе темное, хорошо отмученное. Диаметр венчика 15, высота 15 *см* (рис. 1, *9*).

---

[5] И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. Элиста, 1963, стр. 57, рис. 27, *2*; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, стр. 421, рис. 37, *2*.

[6] В. П. Шилов. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье. КСИА, 106, 1966, стр. 89. В. А. Фисенко. Погребальный обряд племен катакомбной культуры Юго-Востока. АС СГУ, 1966, стр. 72; В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры. СА, 1959, 1, стр. 3.

[7] В. П. Шилов. Отчет о раскопках Старицкого могильника. 1961 г. Кург. 30, погр. 7. Фонды Астраханского краеведческого музея.

[8] И. В. Синицын. Древние памятники Саратовского Заволжья, стр. 7, 8; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, стр. 417.

2. Курган № 2, погр. 2. Фрагментированный остроребериый сосуд. По краю венчика проходят ряд вдавлин, нанесенных концом круглой палочки. Ниже их проходят углы, вершинами к венчику (четыре угла вершинами в одном направлении). По ребру сосуда идет круговая линия, ниже ребра — зигзаг, прочерченный концом палочки. Диаметр сосуда по венчику 15,5, высота 11 *см* (рис. 2, *1*).

3. Курган № 2, погр. 4. Здесь в могильной засыпи были собраны фрагменты лепного баночного сосуда. Тесто в изломе темного цвета, пористое, с неровным обжигом (внешняя поверхность сосуда палевого цвета). Венчик слегка загнут вовнутрь, дно с защипами по краю. Диаметр венчика 15 *см* (рис. 2, *2*).

Как видно из описаний, погребения срубной культуры могильника Колпачки дали обычный для этой культуры материал, аналогии которому можно найти в погребениях и на поселениях, стоянках этого периода в Нижнем Поволжье [9] и Придонье [10].

Сарматские захоронения. В основном это впускные погребения (кург. 1, погр. 2, 2а, 1, 5; кург. 2, погр. 3). Три могилы находились под индивидуальными насыпями (кург. 3, погр. 1; кург. 4, погр. 1; кург. 8, погр. 1).

Наиболее ранняя из сарматских могил представлена погребением № 2 кург. 1, которое было потревожено позднесарматской могильной ямой (погр. 2 а). Здесь встречен инвентарь, характерный для прохоровских захоронений; фрагмент бронзового зеркальца с широким валиком по краю и коротким штырем. Диаметр зеркала 15 *см* (рис. 1, *8*). А. М. Хазанов относит такие зеркала к IV типу (III—II вв. до н. э.) [11].

Был встречен сероглиняный сосуд с шаровидным туловом и отогнутым наружу венчиком. Диаметр венчика 12, высота сосуда 27 *см*. На венчике видны следы намеренной порчи вещи — неглубокие насечки, сделанные острым орудием. От короткой горловины к тулову идет небольшая, овальная в сечении ручка. Сосуд орнаментирован двумя параллельными линиями, от которых опускаются фестоны, состоящие из трех-четырех параллельных прямых («полотенца») (рис. 1, *1*). Такой орнамент встречается на сосудах из прохоровских погребений [12].

Найдены фрагменты железного ножа с прямой спинкой со следами деревянной рукояти на черенке (рис. 1, *3*), мраморная полированная бусина со следами намеренной порчи, диаметром 3 *см* (рис. 3, *1*) и глазчатая бусина (рис. 3, *2*), которые были довольно широко распространены среди сарматских племен раннего этапа [13]. Обнаружены и кости барана, лежавшие на ступеньке перед входом в подбой, который, как сказано выше, разрушен впуском погребения 2а.

На наш взгляд, только два погребения можно отнести к среднесарматскому периоду (погр. 1 и погр. 5 из кург. 1). В первом случае погребенная была положена на спину в вытянутом положении и ориентирована головой на юго-запад, буквально в верхних слоях насыпи кургана. Рядом с ней положен оселок из песчаника длиной 15 *см* (рис. 1, *5*) и небольшой камешек, тоже из песчаника (рис. 1, *2*). Во втором случае была вырыта прямоугольная яма $2 \times 1{,}3 \times 0{,}8$ *м*, ориентированная длинной осью по линии юго-восток — северо-запад. Но здесь скелет погребенного (обра-

---

[9] К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл. МИА, 60, 1959, стр. 261, рис. 22, *14*; И. В. Синицын. Ук. соч., стр. 45, рис. 4, *2*, *4*; стр 118, рис. 38, *3*.

[10] П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 53, рис. 25; М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ х. Ляпичева на Дону. КСИИМК, 50, 1953; В. И. Мамонтов. Отчет о разведке Приморской, Пятиморской, Донской стоянок, стоянки Ложки, 1965, 1966, 1967 гг. Фонды ВОКМ.

[11] А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, стр. 58, 60.

[12] М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины. СА, 1961, 1, стр. 96.

[13] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, вып. Д1—10, М., 1963, табл. 30, *32*.

щенного головой на юго-восток) был просто брошен в яму. Он лежал на груди с широко раскинутыми руками. Здесь же в погребении обнаружены альчик, кости быка (?) и тонкая пластинка из песчаника со следами серы. Длина ее 12,5, ширина 8, толщина 0,5 *см* (рис. 1, *6*). Назначение неясно.

Остальные сарматские погребения относятся к позднему этапу сарматской культуры (II—III вв.). Два из них впускные. В погребении 2а

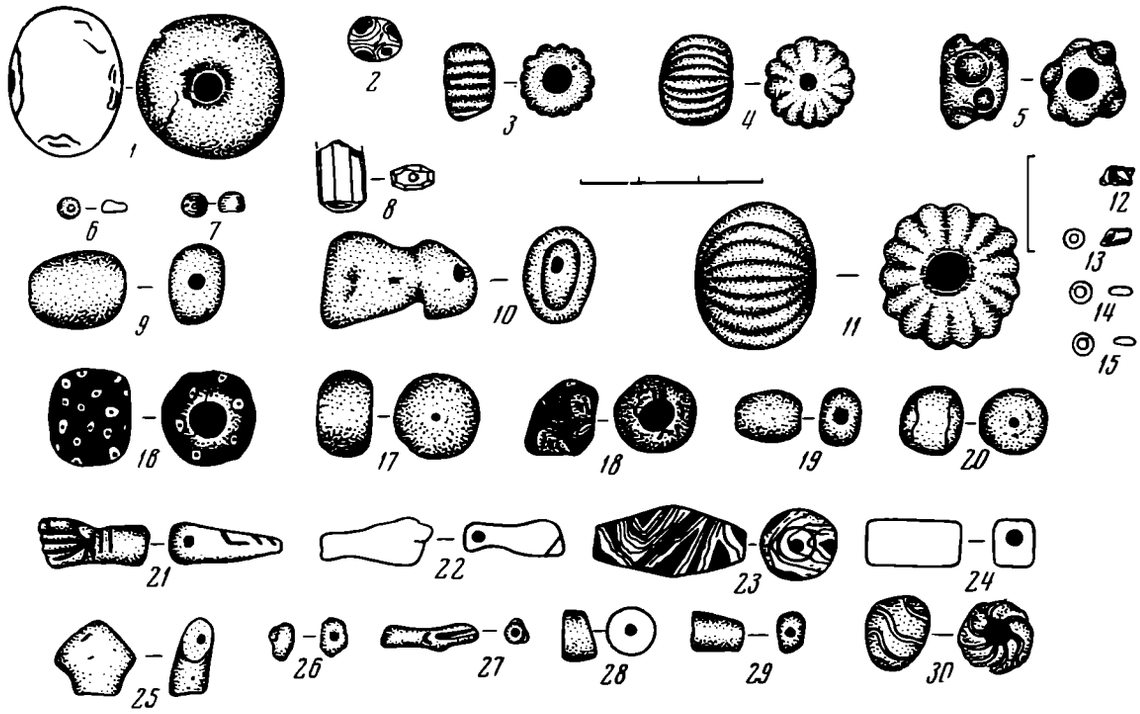


Рис. 3. Курганный могильник Колпачки. Бусы из погребений

1, 2 — кург. 1, погр. 2; *3—7, 9—11, 16—30* — кург. 4, погр. 1; *8, 12—15* — кург. 10, погр. 1

(кург. 1) костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на юг (что нарушает традицию — северную ориентировку поздних сарматов). Рядом с погребенным был поставлен небольшой сосуд (кружка) с округлым дном и широким утолщенным венчиком. По тулову проходит пять круговых выемок, поверхность сосуда лощеная; высота 8 *см*, диаметр венчика 11 *см* (рис. 1, *4*). Аналогии встречены во многих позднесарматских погребениях [14].

Второе погребение (кург. 2, погр. 3) разрушено грабителями. Прямоугольное в плане, оно было ориентировано длинной осью по линии север — юг. На дне погребения было обнаружено много раздробленных костей и два черепа. В засыпи ямы встретились фрагменты толстостенного лепного сосуда — светло-коричневого с лощением тулова. Диаметр отогнутого наружу венчика 12 *см* (рис. 1, *10*, *11*).

Еще одно позднесарматское погребение (кург. 3, погр. 1) было также разрушено. В засыпи могильной ямы, имеющей вид прямоугольника с закругленными углами, встретились два фрагмента от черноглиняного сосуда. Интересно погребение 1, кург. 4, тоже относящееся к позднесарматскому периоду. Оно было ограблено, скелет разрушен. Яма погребения почти квадратная (1,8 × 1,9 *м*), ориентирована длинными сторонами по линии запад — восток. Глубина 1,25 *м*. На дне ямы сохранились следы подстилки из куги.

---

[14] С. И. Капошина. Раскопки Кобякова городища и его некрополя. Археологические раскопки на Дону. РОМК, Ростов, 1962, стр. 107, рис. 2; В. П. Шилов. Отчет о раскопках могильника Сидоры 1959 г. Кург. 11, погр. 1. Фонды ВОКМ; Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана МИА, 23, 1951, стр. 220. рис. 11, *1*; В. И. Мамонтов. Отчет о раскопках Новоаннинского могильника. Кург. 1, погр. 1, 1968 г. Фонды ВОКМ.

Инвентарь погребения довольно разнообразен. Здесь собрано ожерелье из бус: бусы из зеленой египетской пасты диаметром 2,8 *см* (рис. 3, *11*), янтарные бусы — крупные (рис. 3, *9*) и мелкие (рис. 3, *19*), фигурная бусина из мела длиной 3 *см* (рис. 3, *10*), стеклянная зеленая бусина с сферическими выступами синего цвета, с белыми обводами у основания (рис. 3, *5*) (аналогии им встречаются в погребениях Нижнего Поволжья [15]. Встречены сердоликовые бусины: белого цвета (рис. 3, *4*), лимонного цвета с гладкой поверхностью (рис. 3, *17*), мраморные рубчатые бусины(рис. 3, *3*), бусы стеклянные светло-коричневого оттенка с желтыми и голубыми разводами (рис. 3, *18, 30*), пастовые бусы темно-синего цвета, где по синему полю нанесены белые точки (рис. 3, *16*), круглые стеклянные бусины белого цвета (рис. 3, *20*), две одинаковые бусины из зеленой египетской пасты в виде согнутых в «кукиш» ладоней (рис. 3, *21, 22*), бусина из агата серого цвета с белыми разводьями (рис. 3, *23*), прямоугольная бусина из мела (рис. 3, *24*), цилиндрическая бусина из мела (рис. 3, *28*), бусы неправильной формы из коралла (рис. 3, *25, 26, 27*).

Необходимо отметить, что в состав описанных бус входит много импортных, привезенных в Поволжье из египетских городов, Красного и Балтийского морей, Причерноморья — с Кавказа. Особый интерес представляют довольно редкие бусины в виде «кукиша», которые, как отмечают Е. И. Крупнов, Г. Ф. Чурсин, несомненно выполняли роль оберега, талисмана [16].

Обнаружены фрагменты бронзовой фибулы длиной 2,7 *см*. Верхняя дуга фибулы изогнута, на концах и в центре три утолщения. Приемник несколько поднят кверху (рис. 2, *3*). Как полагает А. К. Амброз, такого рода сильнопрофилированные фибулы производились на Боспоре по образцам, привозимым с Нижнего Дуная. Из Боспора они распространялись в районы Причерноморья, на Дон и Нижнее Поволжье [17]. В погребении найден также бронзовый крюк длиной 2,5 *см*. Изогнутая часть крюка имеет массивное утолщение с наибольшим диаметром 0,7 *см*. Конец крюка расплющен и разрезан так, что образуется своеобразная петля для крепления на ремне или одежде (рис. 2, *4*).

В засыпи обнаружены мелкие фрагменты деревянного прямоугольного предмета плохой сохранности, перетянутого тонкими бронзовыми скрепками. Здесь же был рассыпан мелкий бисер из стекла сечением 1,2 *мм* (рис. 3, *6, 7*). На дне погребения встречены фрагменты двух ножей (рис. 1, *14, 16*).

Погребения эпохи средневековья. Вскрыто две могилы. Одна из них находится под индивидуальной насыпью в яме прямоугольного очертания. Ориентирована по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Имеет длину 1,85, ширину 0,65 и глубину 1,1 *м* (рис. 2, *9*). В засыпи были встречены остатки деревянных брусьев, видимо, от провалившегося перекрытия, которое было положено с юго-востока — востока на северо-запад — запад. Ширина обработанных брусков 2—3 *см*. На дне в вытянутом положении находился скелет погребенной, ориентированный головой на северо-северо-восток. Кости рук шли вдоль туловища: правая — вдоль бедра, левая покоилась на тазовой кости. Под костяком находилась подстилка из тонких длинных дощечек, окрашенных в темно-вишневый цвет и посыпанных толченым мелом.

В погребении обнаружен довольно разнообразный могильный инвентарь. Под черепом погребенной находилась подставка («подушка») из бересты, видимо, обшитая в свое время тканью с золотыми блестками, следы

---

[15] И. В. Синицын. Археологические открытия Заволжского отряда. МИА, 60. 1959, стр. 131, рис. 44, *2*; К. Ф. Смирнов, Ук. соч., стр. 316, рис. 37.

[16] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 217, рис. 8, *1*, стр. 224; Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских горцев. СМОМПК, 46, 1929, М., стр. 202.

[17] А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР. САИ, вып. Д 1—30, М., 1966, стр. 94.

которых хорошо видны на отдельных фрагментах. Береста была свернута в рулон и в месте соединения прошита нитью. Под черепом были обнаружены также фрагменты парчи с растительным орнаментом. Было найдено несколько бусин, в том числе многогранная сердоликовая длиной 1,5 *см* (рис. 3, *8*). Аналогии ей довольно часты в погребениях поздних кочевников[18]. Две стеклянных бусины диаметром 0,5 *см* серебристого цвета (рис. 3, *13*) и плоская стеклянная бусина темно-серого цвета диаметром 0,6 *см* (рис. 3, *14, 15*) встретились на дне погребения.

На груди находилось бронзовое зеркальце с отбитым краем. На одной из сторон по краю проходит круговой валик, кроме того, сохранился след от петельки. Диаметр зеркальца 6 *см*. Зеркальце находилось в чехле из тонкой ткани, часть которого сохранилась под диском зеркала (рис. 2, *5*). У локтевого сгиба правой руки была найдена спиралька в два оборота из золотой фольги, длина 0,4 *см* (рис. 3, *12*). У ног погребенной стояла бронзовая розетка, выполненная из цельного куска металла, разрезанного и согнутого под углом. В бортике розетки пробито два треугольных отверстия, куда вставлена изогнутая дугой ручка. Диаметр розетки 9 *см*. На одной из сторон ее имеется медная квадратная заплатка (рис. 2, *6*).

Другое погребение относится к золотоордынскому периоду. Оно не дало могильного инвентаря, так как было ограблено еще в древности, но тем не менее интересно своей конструкцией. Оно представляет в плане круг, обложенный по краю сырцовыми квадратными кирпичами с длиной стороны 22 и высотой 5—6 *см*. Они шли по краю ямы в один ряд, касаясь друг друга. В западной стороне ямы имелась небольшая площадка, выложенная двумя рядами сырцовых кирпичей на глубину в два кирпича. Яма ко дну сужалась, диаметр дна 1,7 *см*.

Таким образом, донской могильник Колпачки дал материал, важный для накопления фактов о племенах, обитавших в этом районе в эпоху бронзы, раннего железа и средневековья. Следует отметить, что племена савроматской культуры не оставили следа в этом могильнике.

---

[18] О. А. Артамонова. Могильник Саркел — Белой Вежи. МИА, 109, 1963, стр. 64, рис. 49, *3б*.

З. А. БИЛИМОВИЧ

БРОНЗОВЫЙ КУВШИН ИЗ VI СЕМИБРАТНЕГО КУРГАНА

Среди разнообразных произведений греческого искусства, найденных в 1875 г. в VI Семибратнем кургане, большого внимания заслуживает бронзовый кувшин, сохранившийся почти целиком (рисунок) [1].

Кувшин типа ойнохои, высотой 21,7 *см*, с цилиндрическим слегка выгнутым и расширяющимся кверху туловом, образующим ребро при переходе в покатые вытянутые плечики. Горло круглое, с трехлепестковым венчиком. Сильно вытянутый средний лепесток, напоминающий клюв, слегка сжат по сторонам и загнут внутрь. Небольшие боковые лепестки, полукруглые по форме, примыкают к ручке. Изогнутая реберчатая ручка в верхней части плоская, на нижнем конце ее рельефный листок лотоса. Дно плоское, с выделенным ободком по краю.

Кувшин из Семибратнего кургана — редкий экземпляр подобной формы сосудов, найденных в Северном Причерноморье и сравнительно мало

---

[1] ГЭ, инв. № Сбр. VI, 26. Кувшин фрагментирован — поврежден венчик. Часть венчика, к которой примыкает ручка, припаяна. Тулово с одной стороны составлено из мелких кусочков, и в некоторых местах имеются выбоины. Поверхность, изъеденная окислами, покрыта темно-коричневой патиной со светло-зелеными пятнами.

изученных. В этой связи особое значение приобретает находка его в определенном погребальном комплексе.

Г. Рихтер [2], публикуя аналогичные по форме бронзовые вазы из Метрополитанского музея, отмечает, что они могут быть этрусскими и греческими. Основываясь на том, что они встречаются в Популонии и в Болонье в погребениях вместе с аттической чернофигурной [3] и краснофигурной [4] керамикой конца VI — начала V в. до н. э., а также в Перуджи в погребении IV—III вв. до н. э. [5] с этрусской бронзой, Г. Рихтер определяет хронологические пределы бытования этих сосудов от конца VI до III вв. до н. э. Ф. Маджи [6] разделил сосуды этой формы на две группы. К первой он отнес экземпляры с низким приземистым туловом, плавно переходящим в довольно широкое развитое горло (само тулово имеет вид перевернутого усеченного конуса), ко второй — сосуды с высоким цилиндрическим туловом и с более стройным и узким горлом. Возникает вопрос: каковы характерные черты этрусских кувшинов и как их отличить от греческих?

Рис. Бронзовый кувшин из VI Семибратнего кургана

Сравнивая опубликованные экземпляры аналогичных ваз, можно заметить, что в тех случаях, где сохранилась ручка, сосуду с высоким цилиндрическим туловом и стройным горлом соответствует изогнутая ручка, орнаментированная, как правило, тремя продольными рядами жемчужника. Верхняя часть ручки заканчивается головкой барана, нижняя имеет пластину с различными рельефными изображениями. Эта группа памятников определяется как этрусская [7]. Первой группе памятников, по классификации Ф. Маджи, со-

---

[2] G. M. A. Richter. Greek, Etruscan and Roman Bronzes. New York, 1915, № 493, 494.

[3] См. погребение, найденное в Популонии: P. Ducati. Storia dell' Arte etrusca, II, Firenze, 1927, табл. 142, № 369.

[4] См. погребение в Болонье: A. Zannoni. Scavi della Certosa di Bologna, 1876, табл. 19, *5*; в этой могиле бронзовый сосуд найден вместе с краснофигурным килико̀м стиля Никосфена, датируемым концом V в. до н. э.; здесь же, на табл. 50, изображен бронзовый кувшин, найденный вместе с краснофигурной амфорой второй четверти V в. до н. э.

[5] M. Milano. Museo Archeologico di Firenze. Firenze, 1912, табл. 71.

[6] F. Magi. La raccolta Benedetto Giglielmi nel Museo Gregoriano Etrusco. II. Vaticano, 1941, стр. 194, 195.

[7] См. подобные сосуды: Museum Etruscum Gregorianum. Vaticano, 1842, табл. III, *1*; табл. IV, *1*; в Лувре: A. de Ridder. Bronzes antiques du Louvre, II, 1915, табл. 100, *2782*, *2783*; ручки подобных сосудов см. в Музее Григориано (F. Magi. Ук. соч., табл. 59) и в коллекции Грео: W. Fröhner. Collection J. Gréau. Paris, 1885, стр. 46—48, рис. 216—221. См. также кувшин из коллекции Гос. Эрмитажа, инв. № В 2206. На тулове сосудов подобной формы, хранящихся в Британском музее, нанесены этрусские надписи. См. H. B. Walters. Bronzes Greek, Roman and Etrusean. London, 1899, № 653, 654. Употребление такой формы кувшинов этрусками засвидетельствовано памятниками искусства (см. изображение на этрусском зеркале позднего IV в.: G. Giglioli. L'arte etrusca. Milano, 1935—1943, табл. 298, *1*.

ответствуют, как правило, гладкие ручки, без украшений[8]. Среди греческих краснофигурных ваз конца VI — начала V в. до н. э. встречаются экземпляры, которые по своей форме повторяют бронзовые кувшины. Такого рода ваза, хранящаяся в Берлинском музее[9], повторяет форму бронзовых сосудов, найденных в погребениях Популонии и Болоньи вместе с аттической керамикой. Эта группа сосудов наиболее ранняя и, поскольку она находит соответствие в аттических вазах, по всех вероятности, может считаться греческой. Краснофигурный кувшин из Эрмитажа с изображением Аполлона, Артемиды и Лето, расписанный мастером Айзоном и относящийся к 30-м годам V в.[10], имеет уже более высокое тулово, расширяющееся кверху. Дальнейшее же развитие форм керамических сосудов этого типа, судя по небольшой чернолаковой ойнохое из Эрмитажа[11], направлено в сторону удлинения нижней части тулова, уменьшения среднего лепестка венчика и подчеркивания ребра.

Изменение форм глиняных кувшинов позволяет предполагать, что форма бронзовых сосудов этого типа также не была постоянной. Как указывают комплексные находки, ранней является форма кувшинов из Популонии и Болоньи конца VI — начала V в. до н. э. Дальнейший этап в развитии форм бронзовых сосудов характеризует кувшин из VI Семибратнего кургана[12], очень близкий по своему виду вазе, расписанной Айзоном. На основании этой близости бронзовый кувшин из Семибратнего кургана можно датировать второй половиной V в. до н. э. Дата эта не расходится с общепринятой датировкой кургана в целом[13].

Как упоминалось, на нижней части ручки эрмитажного бронзового сосуда изображен рельефный листик лотоса[14]. Примером ручки кувшина, оформленной в виде растительного мотива, может служить фрагмент бронзового сосуда аналогичной формы[15], найденный в Зеленском кургане на Тамани, который на основании монеты Александра Великого относится к концу IV в. до н. э. Таманский кувшин, как показывает фрагмент, отличается от семибратнего формой венчика и орнаментом в виде жемчужника по краю его и имеет более острое ребро. Возможно, что таманская ваза является дальнейшим звеном в изменении формы бронзовых кувшинов греческого типа[16].

Суммируя имеющиеся данные и основываясь на находках бронзовых кувшинов в комплексах с греческими произведениями искусства, а также

[8] Подобной формы кувшины имеются в Музее Григориано (F. Magi. Ук. соч., табл. IV); такой же формы сосуды найдены и в погребениях в Популонии и в Болоньи.

[9] G. M. A. Richter. Three Vases in the Metropolitan Museum. AJA, XI, 1907, стр. 424, рис. 6. Это кувшин мастера Трипголема, датируемый 480-ми годами до н. э. См. также: J. Beszley, ARV², стр. 363, № 27.

[10] Инв. № Б.236. См. К. Горбунова и А. Передольская. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961, стр. 101, рис. 40; J. Beszley. ARV², стр. 1175, № 18. Эту же форму повторяют и два чернолаковых кувшина (инв. № Б.260, Б.4319), датируемые также третьей четвертью V в.

[11] Инв. № Б.793.

[12] P. Jacobsthal und A. Landsdorf. Bronze Schnabelkannen. Berlin, 1929, стр. 52, примеч. 1. По поводу бронзового кувшина, изображенного им на табл. 14, аналогичного по форме семибратнему кувшину, авторы замечают, что форма этих кувшинов греческая.

[13] K. Schefold. Der skythische Tierstil in Südrussland. ESA, XII, 1938, стр. 16.

[14] В альбоме рисунков Гросса (Ф. И. Гросс. Альбом. Планы и рисунки к археологическим раскопкам 1875—1878 гг. Архив ЛОИА, № 567) сохранилась зарисовка кувшина в целом виде с ручкой. Хотя в изображении ручки допущены неточности, видно, что конец ее заканчивался пластинкой с изображением, по-видимому, раковины.

[15] Инв. № Зел. 42. См. B. Pharmakowsky. Archäologische Funde im Jahre 1912. Arch. Anz. 1913, табл. XXVIII, стр. 185, 186, рис. 19. Ручка изображена в виде ствола аканфа. Аналогичный по форме бронзовый сосуд этого же времени см. B. Filow. Die Grabhugelnekropole bei Duvanlij in Südbulgarien. Sofia, 1934, стр. 183, рис. 205.

[16] Для более точного определения таманского кувшина мы пока не располагаем данными.

на воспроизведении форм бронзовых кувшинов краснофигурной аттической керамикой, можно предположить, что бронзовые кувшины с низким туловом в виде перевернутого усеченного конуса являются греческими и возникли в конце VI — начале V в. до н. э. Форма эта на протяжении веков изменялась и во второй половине V в. приобрела форму кувшина из Семибратнего кургана. Возможно, что эти бронзовые сосуды были изготовлены в Аттике.

Кувшин из VI Семибратнего кургана, найденный в определенном комплексе, является важным звеном в развитии форм бронзовых сосудов данного типа. Эта находка еще раз свидетельствует о тесных связях Северного Причерноморья с Грецией, доставлявшей сюда разнообразную продукцию своих мастерских.

Е. В. ЧЕРНЕНКО

АНТИЧНЫЙ ШЛЕМ С НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

В Херсонском областном историко-археологическом музее хранится античный шлем (инв. № Х1АМ-а-5815). Об обстоятельствах его находки, кроме того, что он был найден в торфянике в одном километре от с. Кардашинка Голопристанского р-на Херсонской области на глубине около 1 *м*, ничего неизвестно. Шлем поступил в музей в начале 1950-х годов [1].

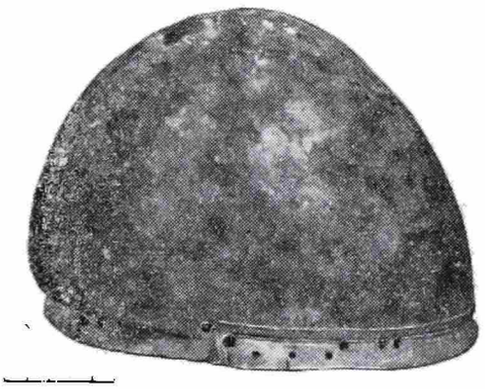


Рис. 1. Шлем из Кардашинки (профиль)

Рис. 2. Шлем из Кардашинки (фас)

Шлем имеет почти полушаровидную форму со слегка скошенной передней частью. Затылочная часть выступает назад, нависая над краем шлема. Нижний край обрезан достаточно ровно, образуя почти ровную линию (рис. 1, 2). В передней половине доспеха вдоль его края проходит три рельефных параллельных валика. Из них крайние — узкие, а средний — широкий. На боках они спукаются к краю, образуя угол, обращенный острием назад. Передний край шлема слегка отогнут наружу в виде небольшого козырька.

В верхней части шлема по его оси пробито снаружи два круглых отверстия диаметром около 4 *мм*. Расстояние между отверстиями 7 *мм*. Отверстия разного диаметра (от 4 до 2 *мм)* пробиты вдоль края. По восемь отверстий находится по бокам, еще три — в задней части шлема. Отверстия, находящиеся на боках, обычно группируются попарно. Отверстия пробиты на разных уровнях.

Отверстия, находящиеся в верхней части, вероятно, служили для крепления к шлему каких-то украшений. Пробитые по краю — использова-

[1] Благодарю старшего научного сотрудника этого музея И. Д. Ратнера за разрешение опубликовать шлем.

лись для закрепления мягкой подкладки и подвешенных к нему нащечников и назатыльника, изготовленных из кожи или войлока. Возможно, нащечники и назатыльник были покрыты металлическим панцирным набором из пластин. Такую систему защиты имели некоторые шлемы, использовавшиеся племенами европейской части нашего юга в скифское время.

Шлем изготовлен с большим мастерством; поверхность его тщательно отполирована, сохранность превосходная.

Его размеры: длина — 21,5 *см*, ширина — 17,5 *см*, высота — 16,5 *см*. Толщина стенок неодинакова. В верхней части они тоньше (до 1 *мм*), а у краев — толще (около 1,5—2 *мм*).

Шлем относится к известной довольно многочисленной группе доспехов античных типов, подвергшихся переделке. Такие шлемы известны только на территории Северного Причерноморья [2] и на Нижней Волге (один экземпляр) [3]. У этих шлемов развитых античных типов удалена нижняя часть — нащечники, назатыльник, наносник. Вероятно, это делалось с целью возможности дальнейшего использования в бою уже поврежденных ценных доспехов.

Поскольку шлем из Кардашинки переделан, теперь трудно его отнести к определенному типу. Единственный подобный шлем происходит из кургана, раскопанного в 1927 г. на окраине г. Жданова [4]. Он сохранился плохо, вся верхняя часть разрушена. Курган, в котором найден этот шлем, надежно датируется V в. до н. э. Этим же временем, по-видимому, следует датировать и шлем из Кардашинки.

Некоторые признаки позволяют говорить о близости нашего шлема шлемам иллирийского и фракийского типов.

Своеобразное оформление передней части шлема из собрания Херсонского музея рельефными валиками, проходящими вдоль края в его передней части, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о том, что он не имел наносника или козырька. На всех доспехах основных античных типов, имеющих наносник или козырек (коринфские, халкидские, аттические, фракийские), в лицевой части обязательно имеется украшение иного рода — чаще всего стрельчатое углубление, идущее вверх, или рельефные изгибы, имитирующие брови. Для сравнения укажем шлемы, происходящие из Северного Причерноморья — коринфский из Ромейковки [5], халкидский из Нимфея [6], аттический из Пастырского [7] и фракийские из Большой Близницы и Бубуя [8].

Скорее всего наш шлем имел неподвижные нащечники, обрамленные по краю рельефным валиком — орнаментальный сюжет, обычный для шлемов иллирийского типа. Шлемов этих сейчас известно очень много, на территории одной лишь Югославии их найдено более 50 [9]. Опубликовавший недавно очень интересную работу о шлемах иллирийского типа югославский исследователь В. Лахтов отмечает находку 124 экземпляров [10].

---

[2] Е. В. Черненко. О шлеме из Нимфея. СА, 1966, 4; его же. Скифский доспех. Київ, 1968, стр. 89—95.

[3] Е. В. Черненко. Скифский доспех, стр. 94; В. П. Шилов, И. П. Засецкая, Л. Я. Маловицкая. Работы в Нижнем Поволжье. Сб. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 87.

[4] Е. В. Черненко. Скифский доспех, стр. 94, стр. 52; его же. Скіфські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова. «Археологія», XXIII, 1970.

[5] Е. В. Черненко. Скифский доспех, рис. 45, *5*.

[6] Там же, рис. 45, *1*.

[7] Там же, рис. 46, *1*.

[8] Там же, рис. 45, *2*; 47.

[9] I. Bojanovski. Novi Ilirsko-grčki šljem iz Crvenice. Naše starine, XI, Sarajevo, 1967; M. Nicolanci. Nove grčke kacige i knemide u Dalmaciji. Vjesnik za archeologiju i historiju Dalmatinsku, LXI, Split, 1963; его же, Dodatok grčko-ilirskim kacigama u Dalmaciji; Vjesnik za archeologiju..., LXII, Split, 1967.

[10] В. Лахтов. Илирскот боречки гроб од селото Речица — Охридско и проблема на грчко-илирскиот шлем. «Situla», 8, Ljubljana, 1965, стр. 56—57.

Обычно у шлемов иллирийского типа вдоль края проходит один или несколько рельефных валиков. Чаще всего таких валиков три. Как и у шлема из Кардашинки, средний валик шире и выше крайних. Средний валик украшен гравировкой или маленькими круглыми выступами. Но есть шлемы и без подобных украшений [11]. Нет их и на шлеме из Кардашинки. На шлемах иллирийского типа эти валики окаймляют прямоугольный лицевой вырез, а затем, повернув под острым углом книзу, обрамляют края неподвижных нащечников. Такой же тройной валик сделан на передней части шлема из Кардашинки, отчетливо виден и отрезок его, опускающийся к удаленному нащечнику.

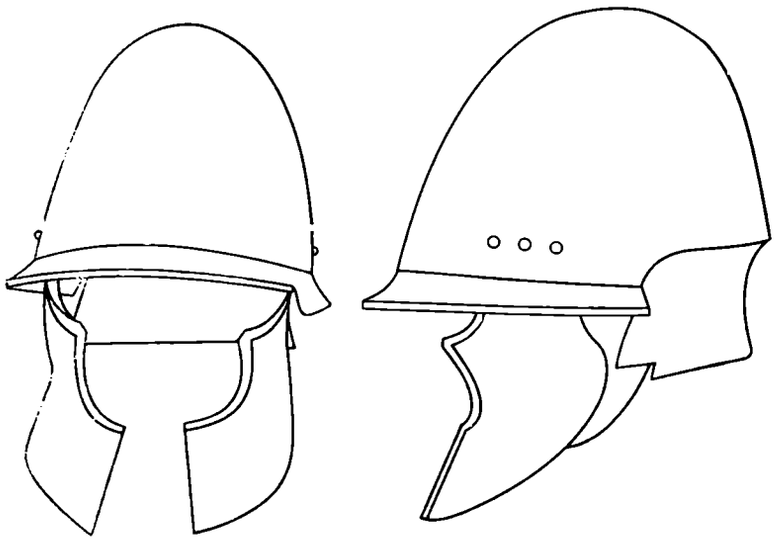


Рис. 3. Шлем из Антиквариума (по Б. Шредеру)

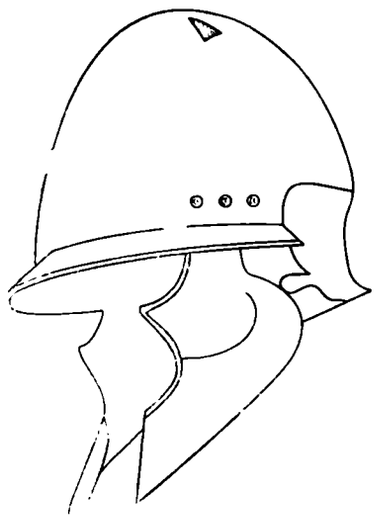


Рис. 4. Шлем из Антиквариума (по А. Снодграссу)

По форме нащечников, назатыльника, особенностям перехода от нащечников к назатыльнику иллирийские шлемы делятся на несколько групп. Наш шлем имеет много общего со шлемами той группы, у которых вырез в том месте, где нащечник переходит к назатыльнику, плавно закруглен или практически отсутствует [12].

Имея общие черты со шлемами иллирийского типа, шлем из Кардашинки отличается от них одной очень существенной деталью: у него нет обязательного для всех иллирийских шлемов украшения в виде двух рельефных треугольных в разрезе валиков, образующих со шлемом одно целое [13]. Эти валики проходят по гребню шлема. Это обстоятельство не позволяет безоговорочно отнести наш шлем к иллирийским.

Выше отмечалось, что шлем из Кардашинки имеет общие черты со шлемами фракийского типа. Наиболее близок этому шлему доспех из берлинского Антиквариума (рис. 3, 4), отнесенный Б. Шредером и А. Снодграссом к одному из вариантов фракийских [14]. Верхняя часть этого шлема и шлема из собрания Херсонского музея настолько близки по форме, по своим пропорциям, что создается даже впечатление, что они сделаны по одному шаблону. Вероятно, близки и их размеры. К сожалению, приведенные Б. Шредером размеры шлема из Антиквариума не могут быть использованы для сравнения (высота 31 *см*, ширина 21 *см*, длина 25,5 *см*) [15]. Ведь он сообщает размеры целого экземпляра. Кроме того,

[11] B. Schröder. Thrakische Helm. Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institute, XXVII, Berlin, 1912, табл. 15, *1—3*, *6—7*; E. Kukahn. Der Griechische Helm. Marburg, 1936, табл. 5, *5*.

[12] B. Schröder. Ук. соч., табл. 15, *3*. *5*; E. Kukahn, Ук. соч., табл. 5, *5*.

[13] Вслед за Б. З. Рабиновичем мы ошибочно писали, что эти валики накладные. Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. Тр. ОИПК ГЭ, I, Л., 1940, стр. 140; Е. В. Черненко. О шлеме из Нимфея, стр. 194.

[14] B. Schröder. Ук. соч., табл. 9, *3—4*; A. Snodgrass. Arms and Armour of the Greeks. London, 1967, стр. 95, рис. 53.

[15] B. Schröder. Ук. соч., стр. 327.

шлем из Кардашинки, по нашему мнению, в своей нижней части сначала имел иную форму.

Очевидно, шлем из Кардашинки соединял в себе признаки иллирийского и одного из вариантов фракийского шлемов. К выводу о близости шлемов этих типов пришел и А. Снодграсс [16], но доводы в пользу этого приведены им не были. С уверенностью об этом можно говорить на примере кардашинского шлема.

Кардашинский шлем позволяет говорить об отсутствии четких граней между шлемами различных античных типов, о существовании промежуточных форм между ними в виде шлемов, обладающими чертами, общими для доспехов разных типов.

---

[16] A. Snodgrass. Ук. соч., стр. 93.

В. С. ДРАЧУК

ЗЕРКАЛО С ЗАГАДОЧНЫМИ ЗНАКАМИ ИЗ ОЛЬВИИ

При изучении в Днепропетровском историческом музее неопубликованных памятников с различными загадочными изображениями древности мною было обнаружено зеркало из белого металла (фонды музея, инвентарный номер ДИМ-А-1516). Все пространство вокруг небольшой ручки, расположенной в центре зеркала, полностью заполнено изображениями различных знаков, выполненных выпуклым рельефом (рис. 1).

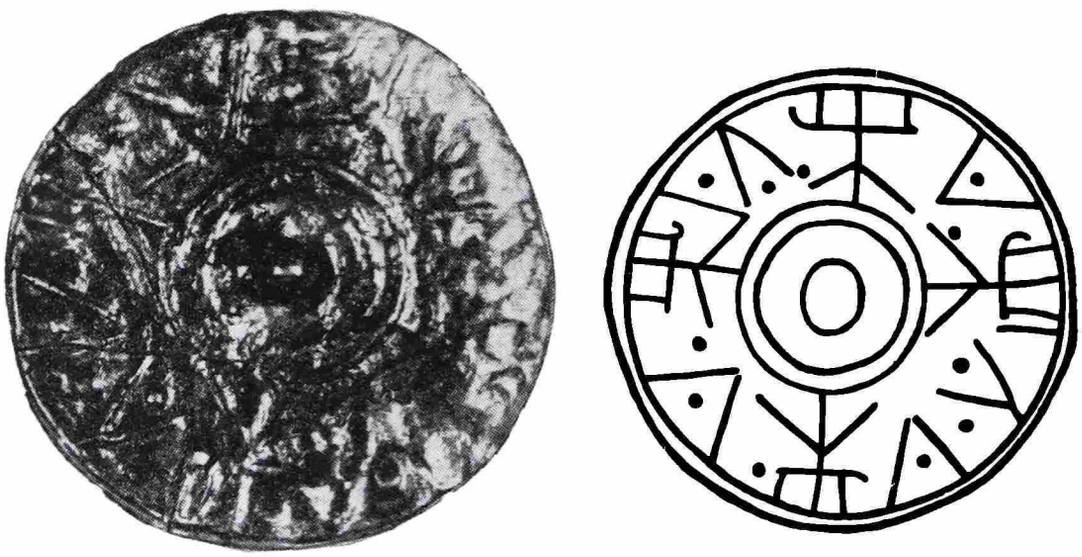


Рис. 1. Зеркало с загадочными изображениями из Ольвии

В музейной инвентарной книге указано, что зеркало найдено вблизи Ольвии, и сделана сноска на запись в музейном каталоге 1893 г. [1] под номером 604. При проверке выяснилось, что в названном музейном каталоге под номером 604 действительно есть следующая запись: «Платиновое зеркало, обратная сторона украшена выпуклыми чертами, представляющими подобие букв; посередине ушко; диаметр 8,5 *см*» [2].

Сравнение этой записи с внешним видом зеркала и изображениями на нем не оставило сомнений, что речь идет об одном и том же зеркале. Тем более, что диаметр зеркала, обнаруженного мною в фондах музея,— 8,5 *см*.

На следующей же странице каталога прямо указано, что № 555—629 найдены близ села Парутино на месте древней Ольвии [3].

---

[1] Каталог коллекции древностей А. Н. Поля в Екатеринославе. 1, состав. К. Мельник, Киев, 1893.

[2] Там же, отдел III, стр. 75, № 604.

[3] Там же, стр. 76.

В связи с тем, что зеркало это до настоящего времени оставалось неизвестным, а также в связи с тем, что изображения на нем проливают свет на пути развития многочисленных знаков первых веков нашей эры в Северном Причерноморье, вызывающих в последнее время особый интерес отечественных и зарубежных исследователей [4], остановимся более подробно на его описании.

Зеркало сохранилось сравнительно хорошо. Правда, уже в музее оно было разбито на три части и сейчас склеено из трех кусков. Петлеобразная ручка овальной формы, размером 1×1,3 *см*. Высота ручки 8 *мм*. Отверстие в ручке круглое, диаметром 2 *мм*.

Выпуклые изображения на зеркале отлиты в литейной форме во время литья зеркала. Ширина рельефа разная в разных местах — 1—2 *мм*. Высота рельефа 0,1—1 *мм*. Местами при отливке изображения получились очень плохо. Внешний рельефный круг на краю зеркала имеет диаметр 8 *см*. Вокруг ручки помещены еще два рельефных круга диаметром 3,5 и 2,7 *см*. Центр всех этих трех кругов общий.

Все пространство между внешним и средним кругами заполнено рельефными знаками и маленькими выпуклыми точками диаметром 2—3 *мм* каждая.

Среди знаков больше всего выделяются однотипные сложные знаки, повторяющиеся четыре раза. Каждый из этих знаков состоит как бы из двух частей. Нижняя часть напоминает изображение своеобразного «трезубца» с урезанной ручкой, от углов которого отходят маленькие прямолинейные и более длинные загнутые вниз полукруглые отростки. В трех знаках последние отростки (степень загнутости у них разная) отходят вправо. У четвертого знака полукруглый отросток обращен влево. У этого же знака прямолинейный отросток, обращенный вправо, самый короткий, размер его около 1 *мм*.

Верхняя часть у всех четырех знаков изображена одинаково — из трех отростков в виде так называемых «птичьих лапок».

Внутри большого и среднего кругов сложные знаки размещены следующим образом: каждый из четырех знаков концами своей нижней части покоится на окружности внешнего круга; концы центрального отростка верхней части знаков упираются во второй круг. Расположены эти знаки крестообразно.

Между этими сложными знаками находятся знаки упрощенной формы. Они состоят либо из двух отрезков прямых, соединяющихся под острым углом и образующих фигуры в виде неоконченных треугольников, либо из одного прямолинейного отрезка, либо из композиции, соединяющей в себе и небольшой прямолинейный отрезок, и фигуру из двух линий, расходящихся в стороны под слегка закругленным углом.

Размещены эти знаки на зеркале следующим образом: между сложным знаком, у которого изогнутый отросток в его нижней части обращен влево, и таким же сложным знаком, помещенным от него справа, находится знак из двух прямых, сходящихся под острым углом (соединение этих прямых полностью не образовалось при отливке) и опирающихся своими нижними концами на окружность внешнего круга. Внутри этого знака помещена выпуклая точка. Такие же точки находятся слева и справа от знака.

Дальше, вправо, по другую сторону от сложного знака, находится знак, полностью аналогичный только что рассмотренному. Между ним и следующим знаком помещена точка. Далее находится знак более слож-

---

[4] В. С. Драчук. До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем. Науковий щорічник за 1956 рік, видавництво КДУ, 1957; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959; H. Jänichen. Bildzeichen der königlichen Hoheit beiden iranischen Völkern. Bonn, 1956; B. Nadel. Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Polnocnego Nadczarnomorza z okresu antycznego. A., XIII, 1962, Warszawa, 1963.

ный, состоящий из двух линий, соединяющихся не под острым, а немного закругленным углом, с вершины которого к внешнему кругу отходит небольшой прямолинейный отросток. Такой знак на зеркале единственный. В его развилке помещена точка.

Вправо от только что рассмотренного знака (почти рядом с третьим сложным знаком) находится знак в виде отрезка прямой линии. Одним своим концом он опирается на внешний круг, другим направлен к центру зеркала.

Еще дальше вправо, в очередном пространстве между двумя сложными знаками, размещен только один знак, подобный уже двум упомянутым знакам в виде незаконченного треугольника с точкой внутри. Другая точка помещается слева от него, ближе к сложному знаку.

И, наконец, в последнем, четвертом промежутке между сложными знаками находятся еще два знака. Один из них представляет собой уже известную нам фигуру в виде неоконченного треугольника, угол которой упирается в большой круг. В его развилке помещена точка, другая точка находится у левого отростка знака, третья — в промежутке, между незаконченным треугольником и следующим знаком, состоящим из одной прямой линии, одним концом опирающимся на окружность большого круга, а другим направленным к центру зеркала. При отливке этот верхний конец соединился с верхней частью сложного знака, у которого полукруглый отросток обращен влево.

Что же представляют собой все эти знаки, откуда происходят их формы?

Нам представляется, что ответить на этот вопрос нельзя, не обратившись к истории Северного Причерноморья в первые века нашей эры, когда на всей этой территории были очень широко распространены так называемые загадочные знаки [5], известные ныне как знаки сарматских племен [6] и царей Боспора [7].

Именно сарматские племена и цари Боспора широко использовали аналогичные и подобные знаки, являвшиеся племенными, родовыми и именными тамгами [8]. Но не будем забегать вперед и укажем конкретно, какие из изображений на рассматриваемом зеркале были характерными для знаков первых веков нашей эры в Северном Причерноморье.

Начнем с изображений кругов, которых на ольвийском зеркале мы находим три. Сарматы на протяжении долгого времени использовали мотив круга для изображения тамговых знаков [9]. Использование круга в качестве тамгового знака было настолько характерным для сармат, что они употребляли это изображение не только как отдельный тамговый знак, но и как составную часть многих других знаков [10]. Такая популярность сармат-

---

[5] И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. ИГАИМК, 62, 1933; Е. М. Штаерман. О «загадочных знаках» Северного Причерноморья. ВДИ, 1950, 1; В. С. Драчук. Деякі пам'ятки з знаками на території України та Молдавії. СНП, видавництво КДУ, зб. XXVII, 1960.

[6] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 17; В. С. Драчук. Про деякі спірні питання вивчення знаків властності Київської Русі. СНП, видавництво КДУ, зб. XXIII, 1958, стр. 167—168; его же. (Рец.) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. СА, 1962, 4, стр. 254.

[7] Там же стр. 24; С. В. Драчук. До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем. стр. 127; его же. Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі, стр. 170; его же. Про царські знаки Боспора Кіммерійського. «Археологія», XXII, Київ, 1969, стр. 232—235; Д. Б. Шелов. Тамга Римиталка. Сб. «Культура античного мира», М., 1966, стр. 268—275.

[8] В. С. Драчук. Стела со знаками из Теребовельщины. СА, 1967, 2, стр. 243; его же. Родові тамги на предметах побуту. НТЕ, 1968, 6, стр. 46.

[9] Э. И. Соломоник. Ук. соч. Общая таблица знаков, № 95; В. С. Драчук. (Рец.) Э. И. Соломоник..., стр. 257, дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 16; H. Jänichen. Ук. соч., табл. 6; 8, *2*; 11.

[10] Э. И. Соломоник. Ук. соч. Общая таблица знаков, № 30, 60, 76—84, 86—87, 89—92, 97—99, 101—109, 112, 132, 233, 238; ее же. О таврении скота в Северном Причерноморье. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1956, стр. 214,

ских знаков, связанных с изображением круга, привела к тому, что даже цари Боспора использовали (под сарматским влиянием) круг как составной элемент верхней именной [11] части царских знаков [12].

Находим мы среди сарматских знаков и знаки, образованные двумя отрезками прямых линий, соединяющихся между собой под острым углом (образующих, в свою очередь, фигуру в виде неоконченного треугольника), и третьим отрезком, выходящим из острого угла [13], в котором соединяются две первых линии. Близкие по форме сарматские знаки встречаются и на других памятниках первых веков нашей эры [14] (рис. 2, *5—8*).

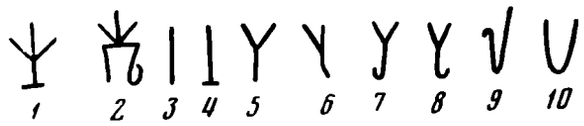


Рис. 2. Сарматские знаки первых веков н. э.

Не реже среди форм сарматских тамг встречаются знаки, образованные просто двумя сходящимися под острым углом отрезками (фигура неоконченного треугольника). Так, знаки, полностью аналогичные таким же четырем крестообразно расположенным знакам на зеркале, известны и на сарматских памятниках [15]. Подобные знаки встречаются и на плите из Новочеркасского музея с большим количеством сарматских знаков [16] (рис. 2, *9—10*).

Знаки в виде неоконченных треугольников (т. е. таких, в которых отсутствует третья сторона и которые есть на зеркале из Ольвии) использовались сарматами и как составная часть других тамг [17].

Вообще же мотив треугольников (как и мотив круга) был очень популярным среди сармат, использующих этот мотив и в качестве самостоятельных знаков [18], и в качестве составных элементов других сарматских знаков [19]. Подобно кругу, мотив треугольников распространенный среди сарматских племен Причерноморья, оказал влияние на знаки царей Бос-

рис. *4г*, стр. 217, рис. 5; ее же, Нові памъятки з сарматськими знаками, стр. 160, рис. 3—3*а*; стр. 161, рис. 5—6; стр. 163, рис. 10; стр. 164, рис. 15; стр. 165, рис 16; В. С. Драчук. Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі, стр. 168, рис. 3; его же. Деякі пам'ятки з знаками на території України і Молдавії, стр. 20, рис. 1—2*а*; стр. 22, рис. IV, *1—3*; его же. (Рец.) Э. И. Соломоник..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 10—12; его же. Родові тамги на предметах побуту, стр. 41, рис. 1, *5—6*; стр. 43, рис. 8—12; стр. 44, рис. 11; B. Nadel. Ук. соч., табл. II, *6—7*; III, *1*, *6*, *8*, *10*; H. Jänichen. Ук. соч., табл. 3; *4*, *2*; 6; 10—14.

[11] В. С. Драчук. До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем, стр. 127; его же. (Рец.) Э. И. Соломоник..., стр. 255.

[12] Э. И. Соломоник, Сарматские знаки Северного Причерноморья. Общая таблица знаков, № 7—18, 88; ее же. Нові пам'ятки з сарматськими знаками, стр. 160, рис. 3—3*а*; В. С. Драчук. Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі, ст. 170, рис. 5; его же. Родові тамги на предметах побуту, стр. 41, рис. 1, 10; его же. (Рец.) Э. И. Соломоник..., дополнительная таблица знаков, № 2, 6; H. Jänichen. Ук. соч. табл. 4, *1*; 5; 7, *10*; 17.

[13] H. Jänichen. Ук. соч. табл. 6, 12.

[14] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Общая таблица знаков, № 177—180.

[15] B. Nadel. Ук. соч., стр. 180, табл. II, *2*, *5*.

[16] Е. І. Соломонік. Нові пам'ятки з сарматськими знаками, стр. 159, рис. 2.

[17] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Общая таблица знаков, № 30, 63, 175; В. С. Драчук. Про деякі спірні питання вивчення знаків властності Київської Русі, стр. 168, рис. 3; его же. Деякі пам'ятки з знаками на території України і Молдавії, стр. 21, рис. 3; его же. Родові знаки на предметах побуту, стр. 43, рис. 7; H. Jänichen. Ук. соч., табл. 11—13; B. Nadel. Ук. соч., стр. 180, табл. III, *5*.

[18] Е. І. Соломонік. Нові пам'ятки з сарматськими знаками, стр. 163, рис. 10; H. Jänichen. Ук. соч., табл. 11—12, 14.

[19] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Общая таблица знаков, № 23—26, 28—29, 31—34, 83, 134—126, 138, 143—166; ее же. О тав-

пора. Для изображения именной части[20] боспорские цари наряду с кругом стали использовать и треугольник[21].

Среди форм знаков на зеркале из Ольвии встречаем мы и тамговую форму в виде небольшого отрезка прямой линии. И в этом случае изучение сарматских знаков привело к выявлению ряда сарматских тамг, которые изображались в виде отрезка прямой линии[22]. Два подобных знака, из которых один полностью аналогичен рассматриваемым знакам на зеркале из Ольвии, имеются на фрагменте архитектурной известняковой детали из Ольвии[23] (рис. 2, *3*, *4*).

Последнюю группу знаков представляют четыре сложных однотипных знака, состоящих из соединения в единое целое двух мотивов: мотива «трезубцев» с небольшими отростками, выходящими из их верхних углов, и мотива «птичьих лапок». Откуда же произошли эти мотивы на зеркале из Ольвии? Исследование этого вопроса показало, что и они широко бытовали в Северном Причерноморье в первые века нашей эры, только назначение их было разным.

Мотив «птичьих лапок», образованный тремя пересекающимися в одном месте отрезками прямых, использовался сарматами для их тамговых знаков[24]. Этот мотив тоже использовался как знак и отдельно[25] (см. наш рис. 2, *1*), и в композиционной схеме более сложных сарматских знаков[26] (рис. 2, *2*).

Мотив же, подобный своеобразному «трезубцу» с отростками, отходящими из верхних углов, использовался царями Боспорского царства для изображения нижней династической части[27] в царских знаках Боспора Киммерийского[28]. Некоторые из этих знаков мы приводим для сравнения на рис. 3[29]. Как видно из рисунков, нижняя часть этих знаков почти та-

---

рении скота в Северном Причерноморье, стр. 217, рис. 5; е е ж е. Нові пам'ятки з сарматськими знаками, стр. 158, рис. 1; стр. 159, рис. 2—2*а*; стр. 160, рис. 3—3*а*; стр. 161, рис. 5—6, 7*а*; стр. 162, рис. 8—9; стр. 163, рис. 10; В. С. Драчук. (Рец.) Э. И. Соломоник..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 11; В. С. Драчук. Родові тамги на предметах побуту, стр. 41, рис. 5—6; стр. 43, рис. 8—11; стр. 44, рис. 11; стр. 45, рис. 13—15; H. Jänichen. Ук. соч., табл. 6, *1*—*2*; 7, *1*; 9—14; B. Nadel. Ук. соч., стр. 180, табл. II, *11*, *14*.

[20] В. С. Драчук. До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем, стр. 127 е г о ж е. (Рец.) Э. И. Соломоник..., стр. 225; е г о ж е. Про царські знаки Боспора Кіммерійського, стр. 234.

[21] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Общая таблица знаков, № 1—4; е е ж е. Нові пам'ятки з сарматськими знаками, стр. 160, рис. 3—3*а*; стр. 45, рис. 13, 23; В. С. Драчук. Про царські знаки Боспора Кіммерійского, стр. 233, рис. 2; H. Jänichen. Ук. соч., табл. 1, *1*—*2*; табл. 8, *1*; 15—16; 18, *2*.

[22] H. Jänichen. Ук. соч., табл. 6, 9—12, 14; B. Nadel. Ук. соч., табл. II, *1*.

[23] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья, стр. 121, № 60.

[24] Э. И. Соломоник. Ук. соч., общая таблица знаков, № 60, 228; е е ж е. Нові пам'ятки з сарматськими знаками, стр. 144, рис. 11; H. Jänichen. Ук. соч., табл. 11, 14; B. Nadel. Ук. соч., стр. 189, табл. II, *8*.

[25] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Общая таблица знаков, № 228.

[26] Е. І. Соломоник. Нові пам'ятки з сарматськими знаками, стр. 164, рис. 14.

[27] В. С. Драчук. До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем, стр. 127; е г о ж е. (Рец.) Э. И. Соломоник..., стр. 255; е г о ж е. Про царські знаки Боспора Кіммерійського, стр. 233—235.

[28] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Общая таблица знаков, № 1—2, 4—5, 7—12, 14—18; е е ж е. О таврении скота в Северном Причерноморье. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1956, стр. 211, рис. 1; стр. 214, рис. 4*б*; В. С. Драчук. Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі, стр. 170, рис. 5; е г о ж е. (Рец.) Э. И. Соломоник..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 2, 6; В. С. Драчук. Родові знаки на предметах побуту, стр. 41, рис. 1—2, 6; стр. 43, рис. 7—8, 10; стр. 45; рис. 13, 23; В. С. Драчук. Про царські знаки Боспор Кіммерійського, стр. 233, рис. 2—5.

[29] Знаки, изображенные на рис. 3, находятся на следующих памятниках Северного Причерномсрья первых веков нашей эры: знак № 1 — на известняковой

кая же, как и нижняя часть сложных знаков на описываемом зеркале из Ольвии.

Более того на известняковой плите, найденной на территории Боспорского царства[30] (рис. 3, *6*), и на фрагменте архитектурной известняковой детали из Керчи[31] (рис. 3, *7*) есть знаки царского типа, нижняя часть которых полностью аналогична нижней части сложных знаков на зеркале из Ольвии (ср. рис. 1 и 3, *6, 7*). Все это говорит о том, что и рассматриваемые сложные знаки на зеркале из Ольвии также происходят из форм тамгообразных знаков Северного Причерноморья, столь широко распространенных в первых веках нашей эры.

Рис. 3. Знаки царского типа первых веков н. э.

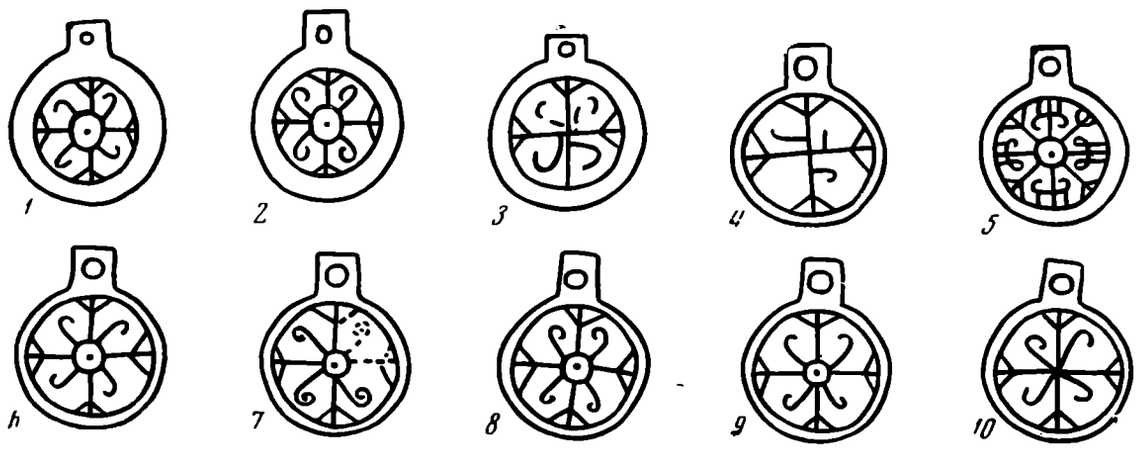


Рис. 4. Изображения на сарматских зеркалах первых веков н. э.

В более раннее время сами сарматы тамговый мотив в виде «птичьих лапок» помещали на зеркала, в очень большом количестве бытовавшие в первые века нашей эры в различных местах Северного Причерноморья и за его пределами[32].

Изображения «птичьих лапок» часто соединяются в единой композиции с изображениями кругов, свастик и пр. Подобные сарматские зеркала были, например, найдены в погребениях некрополя Неаполя Скифского[33] (рис. 4, *1—3*), на Днепропетровщине[34] (рис. 4, *4, 9*), в Краснодаре[35]

плите с территории Боспорского царства (см. Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья, стр. 105, № 48); знак № 2 — на известняковом рельефном надгробии, найденном на феодосийском шоссе в Крыму (см. Э. И. Соломоник. Ук. соч. стр. 79—80, № 35); знак № 3 — на плите из Танаиса (см. Д. Б. Шелов. Тамга Римпталка, стр. 269, рис. 1); знак № 4 — на поясном наконечнике из Керчи (Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 133, № 76); знак № 5 — на известняковой плите из Новочеркасского музея (ее же. Нові пам'ятки з сарматськими знаками, стр. 160, рис. 3*а*); знак № 6 — на известняковой плите с территории Боспорского царства (ее же. Сарматские знаки Северного Причерноморья, стр. 105, № 48); знак № 7 — на фрагменте надгробия из Боспора (там же, стр. 108, № 50); знак № 8 — на известняковой плите из Керчи (там же, стр. 100, рис. 45).

[30] Там же, стр. 105, № 48.

[31] Там же, стр. 108, № 50.

[32] Там же, стр. 145—150, № 108—122.

[33] Е. І. Соломнік. Нові пам'ятки з сарматськими знаками, стр. 167, № 22.

[34] Э. И. Соломонік. Сарматские знаки Северного Причерноморья, стр. 149, № 119, стр. 147, № 114.

[35] Там же, стр. 150, № 126; стр. 145, 146, № 108; стр. 146, № 111; стр. 146, № 109.

(рис. 4, *5—8*), Поволжья[36] (рис. 4, *10*). Интересно отметить, что на одном из сарматских зеркал первых веков нашей эры, найденных в Краснодаре, помимо четырех «птичьих лапок» в пространстве между двумя кругами (как и на зеркале из Ольвии) размещены еще четыре изображения знаков[37], подобных изображениям нижней части многочисленных царских знаков Боспора[38] (рис. 4, *5*) и такой же нижней части сложных знаков на ольвийском зеркале (рис. 1, *а*).

Эти знаки, соединенные вместе со знаками типа «птичьих лапок», и образовали новый сложный знак, повторяющийся тоже четыре раза на зеркале из Ольвии (рис. 1, *а*). Соединение это произошло, видимо, еще в сарматское время. Во всяком случае, на одном из сосудов III—V вв. сарматского облика, найденном на поселении черняховской культуры Среднего Поднепровья[39], мы находим знак в виде «птичьих лапок» и в виде нижней части некоторых знаков[40] царского типа (Боспор). Что же касается мотива «птичьих лапок», то он сохранялся довольно долго и известен на зеркалах средневековья[41]. Встречается этот мотив и на других металлических изделиях средневекового времени Восточной Европы начиная с IV—V в.[42] (рис. 5).

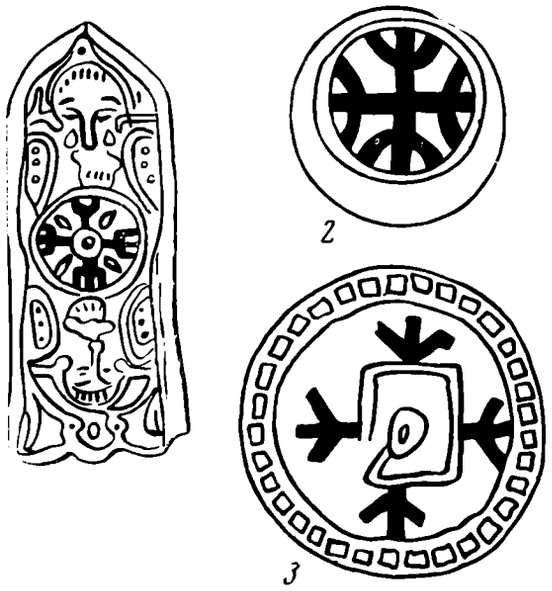


Рис. 5. Изображение мотива «птичьих лапок» на средневековых изделиях

Хотелось бы обратить внимание и на то, что круглые выпуклые точки, расположенные между сложными знаками на зеркале из Ольвии, тоже своим происхождением входят в варварскую среду Северного Причерноморья первых веков нашей эры. Об этом хорошо свидетельствуют найденные Д. Б. Шеловым при раскопках Танаиса глиняные кружки с глубоко вырезанным орнаментом из аналогичных четырех «лапок», кругом в центре и различным количеством круглых ямок[43] (которые, естественно, давали отпечатки круглых выпуклых точек).

Несколько слов относительно датировки зеркала. Подобные зеркала с изображением в виде «птичьих лапок» и петлеобразной ручкой в центре Т. Н. Книпович датирует V — VIII вв.[44] Подобные зеркала были найдены в погребениях V в. на территории Закарпатья и Венгрии[45].

К этому же времени мы относим и описываемое зеркало со знаками из Ольвии.

И, наконец, последний вопрос: с какой целью были нанесены изображения на зеркало? В чем заключался смысл этих изображений?

Повторение четыре раза одних и тех же крестообразно расположенных

---

[36] Там же, стр. 147, № 117.

[37] Там же, стр. 150, № 126.

[38] В. С. Драчук. Про царські знаки Боспора Кіммерійського, стр. 233, рис. 5.

[39] Данные о знаке на сосуде нам любезно сообщили сотрудники Института археологии АН УССР В. Д. Дяденко и Е. В. Махно, за что пользуемся случаем их поблагодарить. В настоящее время этот сосуд, найденный во время раскопок В. Д. Дяденко и А. М. Рутковской в Жовнине Черкасской области, находится в экспозиции Археологического музея АН УССР.

[40] Э. И. Соломоник. Про царські знаки..., Общая таблица знаков, № 6, 13, 20.

[41] Там же, стр. 145.

[42] I. Hampel. Alterthümer des frühem Mittelalters in Ungarn, 3, Atlas, Braunschweig. 1905, табл. 180, *8*; I. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches, München, 1956, табл. 54, *3*; 44, *8*.

[43] Э. И. Соломоник. Про царські знаки..., стр. 145, 146.

[44] Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 57.

[45] J. Eisner. Slovensko v pavěku. Bratislava, 1933, стр. 237, рис. 21, *7*; J. Hampel. Ук. соч., табл. 44, *4*.

сложных знаков, а также повторение четыре раза в промежутках между сложными знаками знаков в виде неоконченных треугольников свидетельствует о том, что знаки наносились безусловно с декоративной целью (как и у самих сармат на многочисленных сарматских зеркалах) [46]. Однако помимо этого изображения на зеркале из Ольвии имели, видимо, и символическое значение. Об этом говорит и тот факт, что такое же значение сохраняли сарматские знаки в тамговом орнаменте на сарматских зеркалах [47], и тот факт, что с изображениями знаков, расположенных вокруг петлеобразной ручки, тесно связаны в единой композиции изображения трех кругов, с древнейших времен символизирующих магическую силу солнца [48]. В пользу этого свидетельствует и наличие между изображениями выпуклых ямок. Д. Б. Шелов, нашедший описанные выше глиняные кружки с подобными изображениями и ямками, считает, что они служили формами для заготовления культовых лепешек [49]. Мысль о символическом значении рассмотренных изображений подтверждается находкой другого глиняного кружка с подобными изображениями, найденного в самой Ольвии в слоях первых веков нашей эры. Изготовленный по типу упомянутых зеркал [50], он на обратной стороне имел процарапанный солнечный диск с расходящимися лучами, играющий, очевидно, роль оберега [51] того, что символизировали нанесенные изображения.

В заключение отметим, что такое явление, когда изображения на предметах быта заключают в себе, помимо практической идеи, символическую, встречается у разных народов [52].

[46] В. С. Драчук. (Рец.) Э. И. Соломоник..., стр. 257.
[47] Е. І. Соломонік. Нові памъятки з сарматськими знаками, стр. 167.
[48] J. Déchelette. Le kulte du soleil auch temps préhistoriques. RA, сер. 4, XIII, Paris, 1909, стр. 314.
[49] Э. И. Соломоник. Нові памъятки..., стр. 146.
[50] Там же, стр. 145.
[51] В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси, СА, 1960, 4, стр. 64.
[52] См., например: С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 127; В. П. Даркевич. Ук. соч., стр. 66, 67 сл.

Э. А. СЫМОНОВИЧ, А. З. ЯРОВОЙ

МОГИЛЬНИК В с. РЫБАКОВКА ПРОТИВ о. БЕРЕЗАНИ

В последние годы был обнаружен и исследован ряд типично черняховских могильников в северо-западном Причерноморье (Викторовка, Коблево, Ранжевое) [1]. К памятникам подобного рода при картографировании поселений и могильников культуры полей погребений черняховского типа был отнесен и могильник в с. Рыбаковка (бывш. Аджияск) [2]. Основанием для этого послужили работы М. Ф. Болтенко 1949—1950 гг. [3] Между тем полученные материалы остались неопубликованными. С целью проверки правильности определения культурной принадлежности памятника в 1962 г. Э. А. Сымонович совместно с сотрудниками Одесского археологического музея А. А. Кравченко и В. Н. Кузьменко обследовал место находки погребений, произведя небольшие работы охранного порядка.

На основании немногих сохранившихся в архиве М. Ф. Болтенко и у А. З. Ярового материалов и новых работ можно составить представление об особенностях памятника и времени его существования. Наиболее подробные сведения о первых раскопках могильника приведены в неиллюст-

[1] Э. И. Сымонович. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье. МИА, 139, 1967, стр. 205—237.
[2] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, 82, 1960, стр. 70.
[3] Л. М. Славін. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у 1949—1950 рр. АП УРСР, V, Київ, 1955, стр. 146.

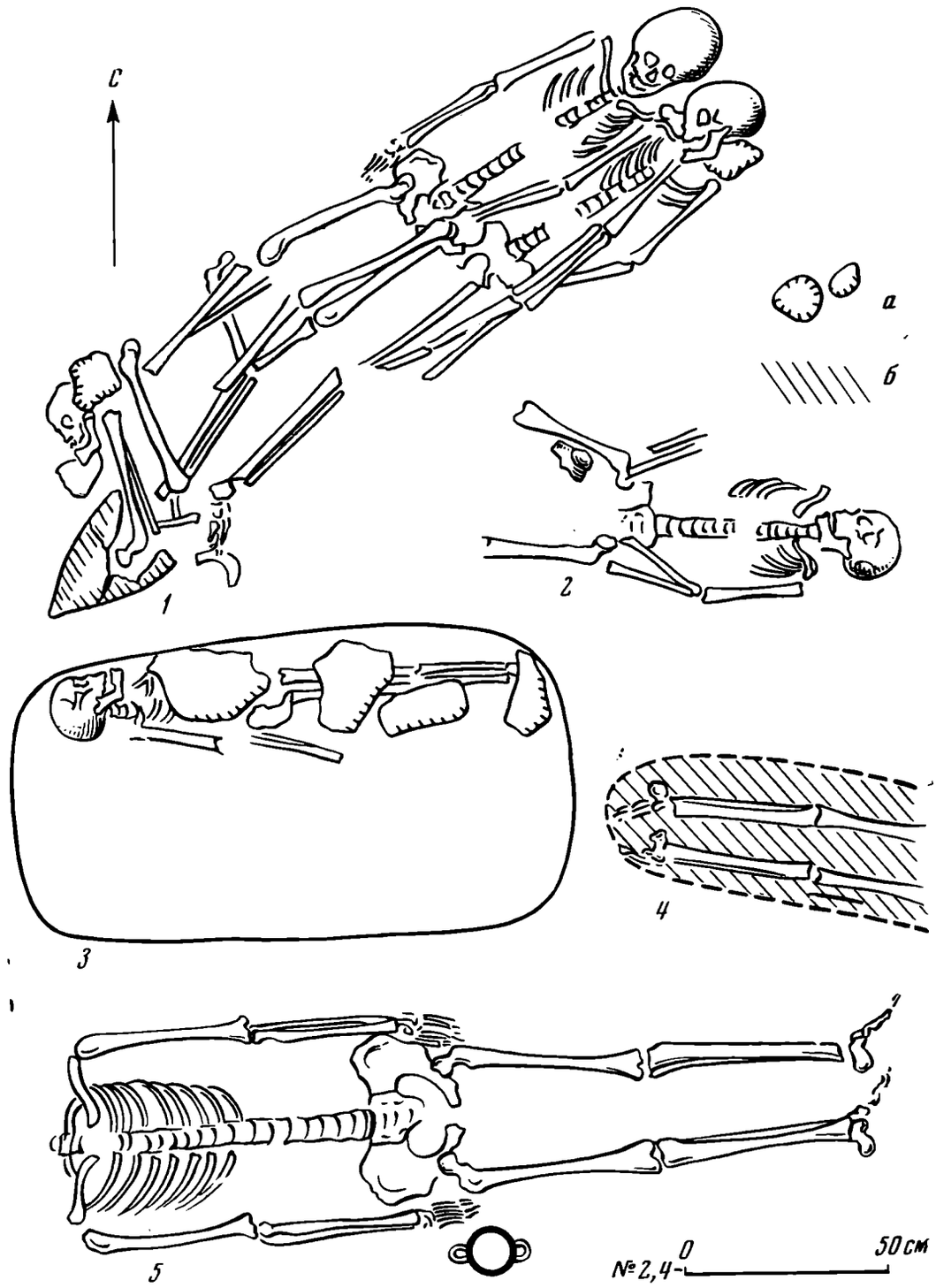


Рис. 1. Планы погребений, раскопанных в с. Рыбаковке:
1, 3, 5 — по материалам М. Ф. Болтенко, А. З. Ярового; *2, 4* — по материалам Э. А. Сымоновича (*а* — камни; *б* — подмазка дна могилы зеленоватой глиной)

рированной статье М. С. Синицына [4]. В 1949 г. были зафиксированы следы разрушающихся погребений в высоком обрыве берега моря на южной окраине села. Сохранились планы парного мужского и женского захоронений, ориентированных головами на северо-восток (рис. 1, *1*), которые по обломку ручки «пифоса» (?) М. Ф. Болтенко датировал II в. до н. э. Другое погребение обезглавленного костяка, ориентированного в западном направлении, сопровождал чернолаковый килик и 21 бронзовый наконечник стрел (рис. 1, *5*). Наконец, было исследовано подбойное захоронение, ориентированное так же и сопровождаемое обломками лепной и гончарной посуды IV в. до н. э. (рис. 1, *3*). М. Ф. Болтенко сообщает о «подплиточном характере» всех семи вскрытых им могил.

[4] М. С. Синицын. Погребальные обряды племен Днестро-Бугского Причерноморья в скифо-сарматское время. МАСП, 4, Одесса, 1962, стр. 51.

На чем же базировалось мнение, что в с. Рыбаковке были могилы черняховского времени? Во-первых, вероятно, на относительной близости могильника к типичному черняховскому поселению Викторовка-2, расположенному в 2—3 *км* севернее, на правом берегу Сасицко-Березанского лимана; во-вторых, при разведках и раскопках находили обломки «серой керамики», которая могла быть сочтена за черняховскую; в-третьих, начальный этап работ, которому в 1949 г. помешали августовские дожди, не дал достаточно выразительных находок, что и позволило предполагать о существовании могильника позднего римского времени. Сам же М. Ф. Болтенко, судя по архивным записям, упоминал о находке перержавленного железного ножика с костяной ручкой, который он зарисовал (рис. 2, *3*) и «камфаровидного сосудика» на короткой ножке. Там же говорится, что «Кроме того, шурфовка дала некоторое число обломков тонкостенной римской посуды, среди которой был обломок чаши из terra sigillata I—II вв. н. э.» [5]. Дневник М. Ф. Болтенко обрывается на сведениях о разбивке раскопа на морском обрыве берега.

Приведенные сведения — это почти все, что удается почерпнуть о первых раскопках в с. Рыбаковке [6].

Обследование местности весною 1962 г. подтвердило наличие следов человеческих захоронений в обрыве берега и показало, где были заложены раскопы М. Ф. Болтенко. Над разрушаемыми костяками мы заложили небольшие шурфы-зачистки. Ниже приводим сведения о раскрытии остатков четырех захоронений.

Погребение № 8 (1-А по Отчету за 1962 г.) [7]. На глубине 1,52 *м* было обнаружено почти полностью уничтоженное захоронение, от которого уцелела только часть черепа, лежавшего на глиняной обмазке дна могилы. Инвентаря не было.

Погребение № 9 (2-А). Под скоплением камней, прослеженных на глубине от 0,70 до 1,25—1,30 *м*, лежал скелет, видимо пожилой женщины, сильно поврежденный камнями. Она была положена на спину головой на восток. Кисти рук находились на тазовых костях. Ноги были вытянуты, причем правая нога была немного откинута в сторону. Нижнюю часть ног уничтожила трещина, прорезавшая в этом месте берег параллельно обрыву (рис. 1, *2*). При разборке завала камней попадались отдельные обломки эллинистической керамики, а у правого бедра погребенной, с внутренней стороны, лежал в обломках чернолаковый килик, полный профиль которого удалось графически восстановить и датировать сосуд III в. до н. э. (рис. 2, *1*).

Погребение № 10 (3-А) было обнаружено на глубине 2,30 *м*. Его наполовину уничтожил обрыв берега. Скелет был закидан камнями. Уцелели только кости ног, лежавшие в вытянутом положении. Они позволяют судить, что скелет был ориентирован головой на восток и лежал на спине. Уцелевшая кисть левой руки показывает, что она была вытянута вдоль бока. До середины бедренных костей доходил слой глиняной обмазки дна могилы. Инвентаря не было.

Погребение № 11 (4-А) на глубине 2,30 *м*. Оно также в значительной своей части было уничтожено обрывом берега. Захоронение перекрывали камни. От костяка сохранились ноги, позволившие судить о восточной ориентировке погребенного, лежавшего на глиняной подмазке дна могилы на спине (рис. 1, *4*). У левого бедра погребения были найдены обломки железного ножа с костяной рукояткой, подобного тому, который изображен в записках М. Ф. Болтенко (рис. 2, *2*).

---

[5] М. Ф. Болтенко. Дневник работ Западно(Тилигуло)-Березанского отряда Буго-Днестровской экспедиции АН УССР, август 1950 г. (рукопись в ОГАМ).

[6] К сожалению, упомянутых выше вещей из с. Рыбаковки в фондах ОГАМ нам найти не удалось.

[7] Э. А. Сымонович. Отчет о разведочных работах Тилигуло-Днепровской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. (Рукопись Архива ИА АН СССР и ИА АН УССР, Р-1, 2630).

Среди собранной на поверхности керамики как исключение встречались сероглиняные тончарные черепки. Они напоминают салтовскую или совсем позднюю керамику. Обломки от стенок сосудов настолько мелки, что не представлялось возможным определенно решить, к какому именно периоду их относить. Очевидно, однако, что эта керамика ничего общего с черняховской не имеет. В то же время от местных жителей поступили сведения о находках погребений с трупоположениями, обнаруженных при прокладке водопровода, в центральной части села, возле школы. Имеют ли они какое-либо отношение к упомянутым находкам сероглиняной керамики — остается неясным.

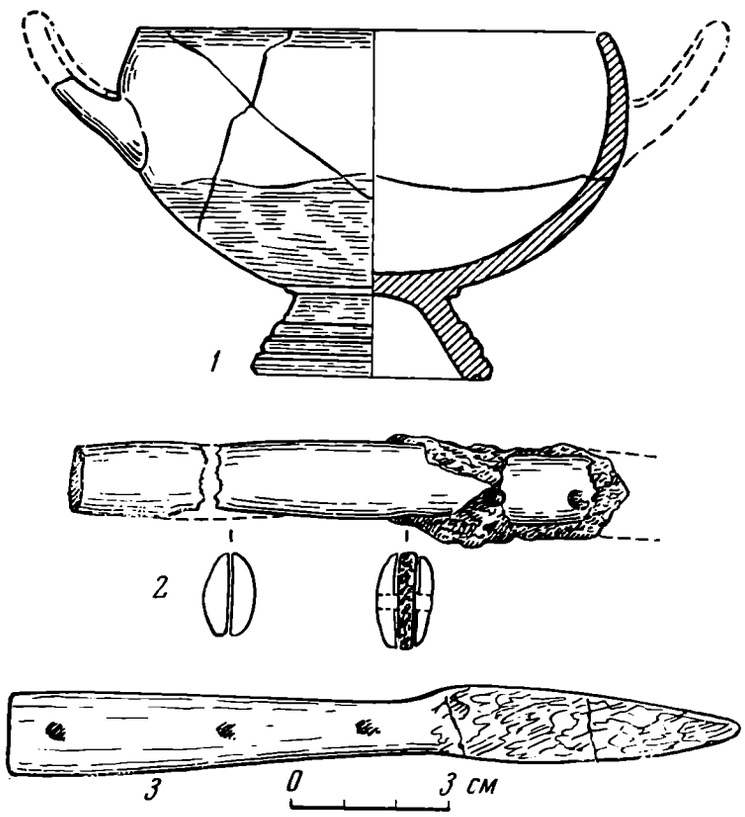


Рис. 2. Находки античного глиняного сосуда и железных ножей с костяными рукоятями из погребений в с. Рыбаковке

Все собранные сведения о раскопках М. Ф. Болтенко и раскопки 1962 г. свидетельствуют с несомненностью о существовании в с. Рыбаковке большого некрополя эллинистического времени. Данных для подтверждения существования здесь могильника, или по крайней мере отдельных захоронений культуры полей погребений, не получено, тем более, что могильник, относящийся к черняховскому поселению Викторовка II, раскапывавшемуся в те же годы М. Ф. Болтенко, был обнаружен вблизи селища при работах Тилигуло-Днепровской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г.

Н. В. ТРУБНИКОВА, М. В. ФЕХНЕР

ПАМЯТНИК ДЬЯКОВСКОГО ВРЕМЕНИ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

В результате раскопок, произведенных Государственным историческим музеем в 1965 г. в окрестностях г. Кимры, получена небольшая коллекция обломков глиняной посуды дьяковского времени. Учитывая слабую изученность дьяковских памятников в Верхнем Поволжье, данная коллекция представляет значительный научный интерес. Разнообразный орнамент на керамических фрагментах, характерный для дьяковской культуры в целом, имеет вместе с тем ряд специфических особенностей, присущих, по-видимому, только данной локальной группе памятников дьяковской культуры. Этот материал обнаружен при раскопках селища, расположенного на левом берегу Волги, близ устья небольшого безымянного притока. Оно находится в 400—500 *м* от дер. Ваулино — ближайшего населенного пункта, напротив Белого городка, стоящего на правом берегу Волги (рис. 1). Культурные обнажения памятника тянутся вдоль берега реки на 110 и в ширину на 9—20 *м*.

Это древнее поселение, открытое в 1960-х годах местным краеведом В. В. Масловым, сильно пострадало от обвалов берега в связи с сооружением Верхне-Волжской плотины: под обрывом у самой воды и на дне

реки в 2—3 *м* от берега постоянно встречаются обломки керамики, фрагменты железных поделок, глиняные и шиферные пряслица.

Сохранившаяся площадь селища с небольшим уклоном в восточном направлении оказалась свободной от посевов и строений, на ней раскопками вскрыта площадь в 318 $м^2$. Толщина культурного слоя достигала в среднем 50—95 *см*.

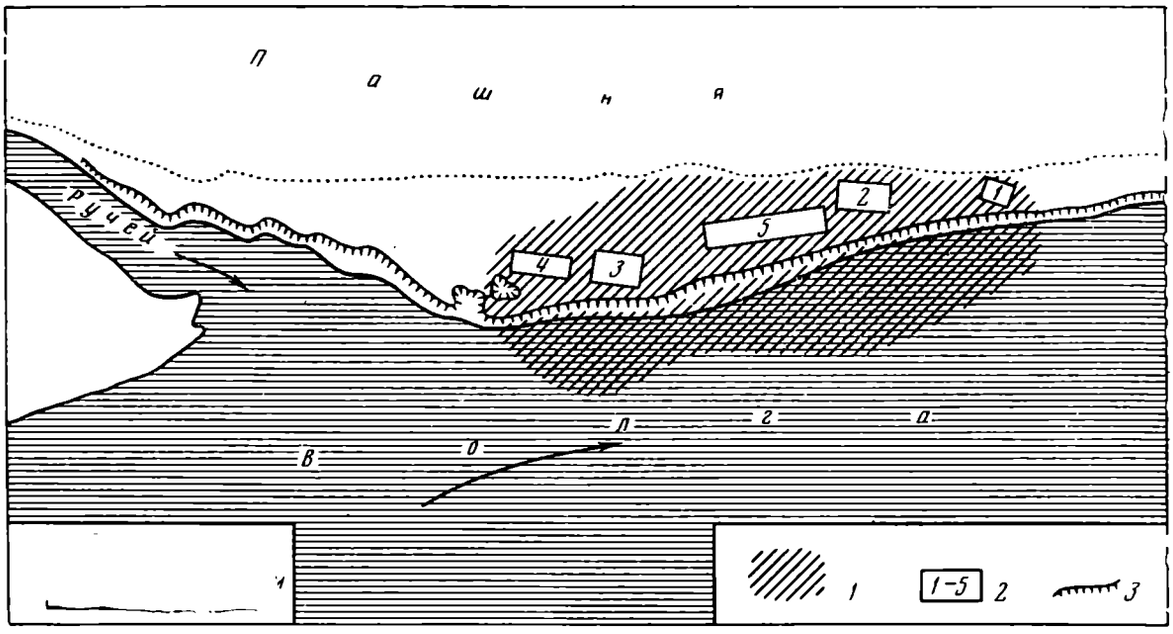


Рис. 1. Селище у дер. Ваулино. План

Верхние слои на всех раскопках содержали преимущественно славянский материал X—XII вв.— лепную неорнаментированную керамику и круговую с волнистым и линейным орнаментом, железные ножи с клиновидным лезвием, шиферные пряслица, шейную гривну из железного прута четырехгранного сечения, местами перевитого[1]. На глубине 20—40 *см* выявлены следы двух наземных построек с развалами очагов. Нижние слои на всей раскопанной площади содержали почти исключительно керамику дьяковского времени. Это говорит о том, что славянское селище возникло на месте поселения дьяковского времени, с которым связана землянка, выявленная в юго-восточной части памятника на раскопе 4. Глубина землянки от уровня современной поверхности достигала 1 *м* 75 *см*. В землянке, вероятно, находились нары. Так, в юго-восточной ее части обнаружены две обугленные плахи шириной 25—30 *см*, лежащие на тонких бревнах диаметром 5—10 *см*, под которыми выявлены следы трех бревен-стояков диаметром 15—20 *см*. Глубина столбовых ям, вырытых в материке, 25—30 *см*. Нары аналогичной конструкции известны из раскопок В. А. Городцовым Огубского городища. В землянке найдены раздробленные кости домашних животных и обломки дьяковской керамики.

Все фрагменты керамики дьяковского времени принадлежат сосудам, сделанным от руки из глины с характерными для дьяковской культуры примесями толченой дресвы, только небольшая группа фрагментов имеет примесь слюды. Поверхность всех изделий и снаружи и внутри грубо сглажена, с внутренней стороны покрыта нагаром. Наружные стенки почти всегда (за исключением очень небольшого процента гладких фрагментов) покрыты так называемыми «отпечатками сеток» или «сетчатым орнаментом» (рис. 2).

Формы изделий не очень разнообразны, но характерны и повторяют формы сосудов, известных по находкам в других районах дьяковской

[1] На нашей территории подобные гривны известны из курганов Приладожья, Гнездова, ярославских могильников конца X — начала XI в., из раскопок Сарского городища близ Ростова.

культуры. Все сосуды имели баночную форму или форму горшочка с очень незначительным изгибом краев наружу, слабо выпуклой средней частью, несколько суживающейся к днищу, иногда с небольшим валиком внизу. В нескольких случаях на днищах сосудов прослеживаются отпечатки тонких дощечек, по-видимому, от подставки или доски, на которой они делались. Обожжены все сосуды очень слабо и неравномерно.

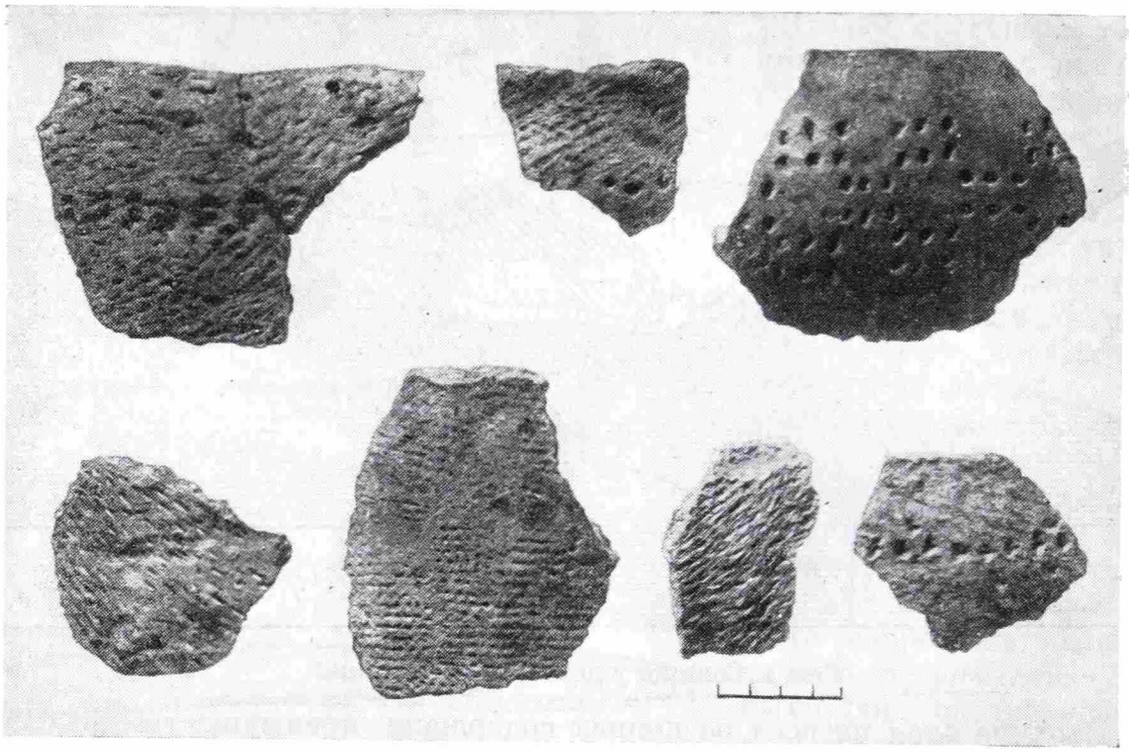


Рис. 2. Обломки керамики из дьяковского слоя селища у дер. Ваулино

Переходя к обзору орнаментов, следует указать, что основная масса посуды покрыта сетчатым узором разных типов, изредка рогожным, иногда совмещенным с несложным дополнением в виде различных ямок; имеется очень небольшая группа изделий с гладкой поверхностью, иногда также с несложным узором из ямок.

Говоря о сетчатой керамике, прежде всего следует остановиться на вопросе об ее орнаментальности и технике выделки. Существует точка зрения, что сетчатая поверхность является только технической деталью, а не узором, о чем якобы свидетельствуют часто встречающаяся затертость покрытой «сеткой» поверхности и наличие орнамента поверх нее и на внутренних частях сосудов. Следует заметить, что отпечатки сеток на внутренних поверхностях бывают только на днищах больших сосудов, т. е. там, где она могла быть видна, что, как нам представляется, скорее свидетельствует об орнаментальном ее значении.

Вообще же внутренние стенки всегда сглажены и никаких отпечатков не имеют. Что касается орнамента поверх сетки, то он не бывает сложным и обычно сводится к ямкам, и лишь изредка это нарезной или гребенчатый поясок вдоль края. Сетчатый узор, таким образом, покрывает стенки и днища сосудов снаружи, изредка внутри, располагаясь в разных направлениях. Полосы его украшают также и обрезы венчиков.

Вопрос о том, каким способом наносились «отпечатки сетки» на поверхность изделий, неизбежно возникает у всякого, кто сталкивается с этим своеобразным узором. Что это не отпечатки ткани (даже самой грубой работы), легко понять, сделав отпечатки ткани на пластилине, которые совершенно не похожи на образцы имеющейся в нашем распоряжении сетчатой керамики. Кроме того, почти на каждом фрагменте легко

прослеживаются границы отдельных участков, покрытых сеткой: передко на одном и том же фрагменте наблюдаем разные типы сетки.

С этим же явлением мы столкнулись еще при работе над рогожной керамикой городецкой культуры, которая по способу нанесения близка сетчатой. При изучении ее образцов у нас укрепилась мысль о штампе, которым она наносилась,— мысль, не раз высказываемая разными исследователями и раньше [2]. Тогда же среди коллекций Саратовского музея был обнаружен штампик, выбитый из камня, и фрагмент керамики с узором, нанесенным им. Это заставило предположить подобный же способ нанесения сетки, что подкрепляется и некоторыми этнографическими параллелями [3].

При работе на дьяковском городище «Соколовая гора» было обращено внимание на очень большое количество битого камня с неровными, рваными наружными гранями. Это навело на мысль, что сетчатые узоры могли быть результатом обработки поверхности осколком такого камня.

На Володарском городище встретился такой осколок, отпечатки которого на пластилине дали образцы, абсолютно тождественные имеющимся отпечаткам на керамике, и имеются все основания считать его штампом для нанесения сетки на поверхность сосудов. Подобный предмет известен и из находок у землянки Ваулинского селища — это изогнутая кремневая пластинка с рубцами на поверхности, отпечатки которых совпадают с отпечатками сетки в виде черточек на керамике. Поворачивая подобные штампы в разных направлениях, и получали на мокрой глине отпечатки — сетчатый узор разных типов. Что касается затертости сетки на поверхности сосудов, то она объясняется слабым обжигом сосудов.

Сетчатые узоры на керамике Ваулинского селища разнообразны. Имеются фрагменты, покрытые сеткой с круглыми ячейками, овально-вытянутыми, округло-прямоугольными, а также в виде черточек, иногда двойных (последние преобладают).

На втором месте по численности стоят отпечатки штампа с вытянутыми удлиненными ячейками. Эти два орнаментальных мотива в какой-то мере проливают свет на хронологию памятника. Подобные отпечатки имеются и на керамике других памятников дьяковской культуры. Они известны на Иваньковском и Санниковском городищах Верхней Волги, исследованных О. Н. Бадером (последние столетия до нашей эры — первые столетия нашей эры).

Помимо этих двух многочисленных и очень распространенных типов сетчатой керамики на Ваулинском селище имеются и другие. Довольно много фрагментов, покрытых сеткой из округло-прямоугольных клеток, и прямоугольных рогожных отпечатков. Последние характерны для соседних областей, занятых городецкой культурой. Из числа дьяковских городищ, на которых найдена в небольшом числе рогожная керамика, можно назвать Каширское, Володарское и Соколовая гора.

Чрезвычайно своеобразную керамическую группу, найденную на нашем памятнике, представляют фрагменты, покрытые мелкими отпечатками штампа с треугольными ячейками; этот узор сплошь покрывал сосуд, иногда сочетаясь с ямками.

Как уже упоминалось, ямки являются составным мотивом орнаментации: они располагаются то группами, то в виде пояска. Формы ямок самые разнообразные — круглые, четырехугольные, треугольные, фигурные. Наносились они обычно костяными острыми палочками, которые часто встречаются среди находок на дьяковских городищах.

Любопытной находкой является фрагмент сосуда с Ваулинского селища с узором, напоминающим отпечаток ногтя. Костяная палочка для на-

[2] Н. Арзютов. К вопросу о так называемой рогожной керамике. Тр. Нижне-Волжского обл. науч. о-ва краеведения, 35, 1, Саратов, 1926.

[3] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М. 1947.

несения подобного узора была найдена на городище Соколовая гора. Из менее распространенных и характерных узоров следует указать на узор в виде пояска из кружков, нанесенных поверх сетки.

Керамический комплекс из землянки на раскопе 4 не отличается от находок в других местах селища. И в других раскопах преобладающим типом орнамента является сетка в виде черточек, с вытянутыми ячейками, иногда с ямками. Довольно много узоров рогожно-прямоугольных. Как и в других местах, имеются единичные фрагменты без орнамента.

В верхнем напластовании земляночной ямы были обнаружены упомянутый уже штампик из кремня, кремневый нож, кости животных.

Исследованное нами Ваулинское селище интересно как памятник, вероятно, местной локальной группы дьяковской культуры. Аналогичные типы керамических находок позволяют составить представление о времени существования дьяковских напластований Ваулинского селища — с середины I тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры. Малое количество гладкой керамики и отсутствие более поздних орнаментальных мотивов в керамике не позволяют продлить время его существования дальше первых веков нашей эры.

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ

НОВЫЕ НАХОДКИ НА ДЬЯКОВСКОМ ГОРОДИЩЕ

Широко известное в археологической литературе Дьяковское городище, находящееся на юго-восточной окраине Москвы (в границах города), за последние 2—3 года подвергалось большим разрушениям. В 1967 г. площадка городища была разрезана дорогой, предназначенной для тренировок

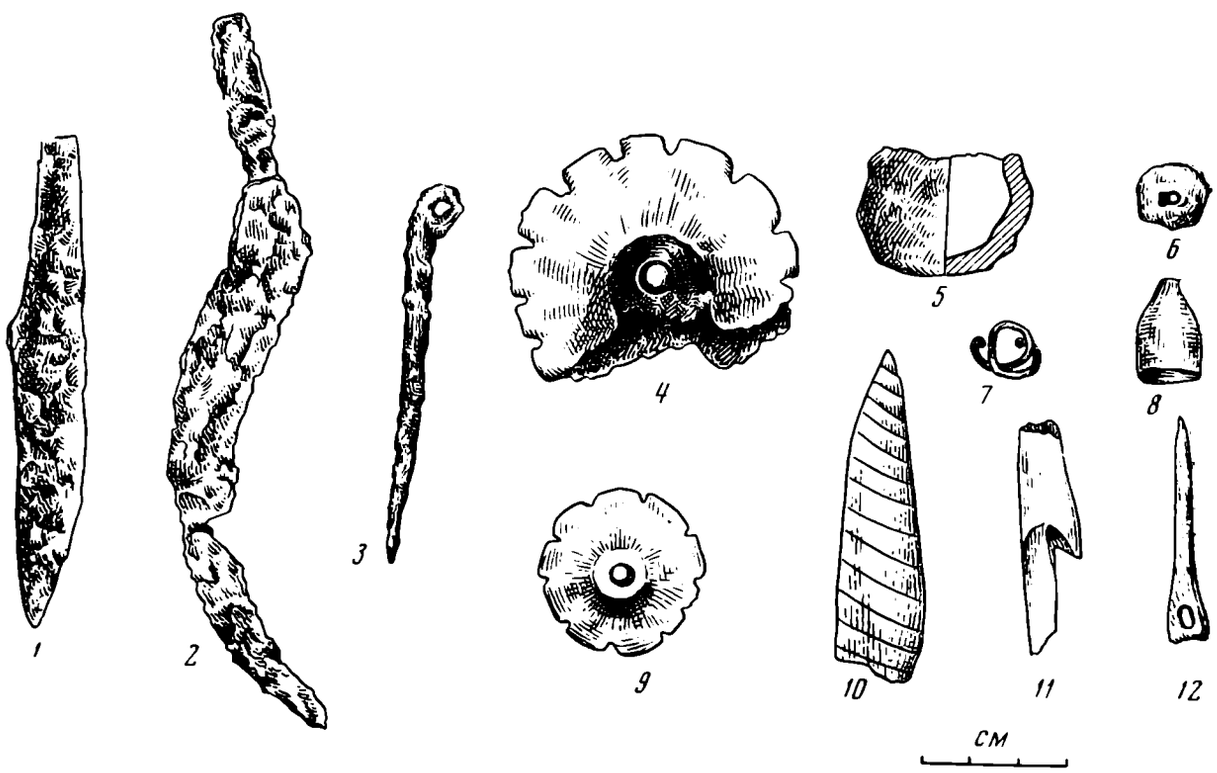


Рис. 1. Находки раннежелезного века с Дьяковского городища в 1968 г.

мотоциклистов соседнего МИФИ (Московский инженерно-физический институт). Ширина дороги 3 *м*, а глубина, на которую был прорезан культурный слой, достигала 1,5 *м*. Кроме того, летом 1968 г. на территории городища было вырыто несколько крупных хищнических ям и траншей. Губительно действуют на состояние памятника дождевые воды и ветер. Все это в скором времени может привести к полному разрушению городища.

Тем большее значение приобретают случайные находки на этом интереснейшем памятнике раннежелезного века.

Весной 1968 г. школьниками — членами Клуба юных археологов при Музее истории и реконструкции Москвы был обследован западный склон городища, где на поверхности был обнаружен железный серп. Общая длина его — 17 *см*. Сохранность плохая. Судя по аналогиям, он относится к первым векам нашей эры (рис. 1, *2*).

К этому же времени относится железный нож, обнаруженный осенью прошлого года на площадке городища (рис. 1, *1*). Результаты металлографического анализа показали, что нож откован из металлоуглеродистой стали и подвергнут термообработке типа «отпуск» [1].

При археологических наблюдениях на городище в 1968 г. было найдено около десяти глиняных грузиков так называемого «дьякова типа» (рис. 1, *4, 9*). Из них к нам поступило два. Один из грузиков с подлощенной поверхностью имеет высоту 3,4 *см* диаметр — 4 *см* при диаметре отверстия 5 *мм*. Второй грузик имеет красно-коричневатую грубую поверхность и содержит примеси крупного песка. У него отбита верхняя часть. Диаметр предмета 6,5 *см* при диаметре отверстия 9 *мм*. Оба грузика можно отнести к первым векам нашей эры. В последнее время особенно в связи с находкой таких грузиков в «домике мертвых» под Звенигородом [2], все больше укрепляется мнение о культовом назначении этих предметов, встречающихся на всех без исключения памятниках дьяковской культуры и являющихся ее отличительной чертой.

В ритуальных целях, вероятно, была сделана и глиняная чашечка (рис. 1, *5*). Высота ее 2,7 *см*, наибольший диаметр — 3,1 *см*. Глина, из которой слеплена чашечка, содержит характерные для Дьяковского городища примеси мелкого желтого песка-супеси. На стенках сохранились слабые отпечатки пальцев. К интересным находкам можно отнести обломок заостренной треугольной костяной пластины (рис. 1, *10*). Предмет орнаментирован косыми поперечными полосами-нарезками. Длина предмета 8 *см*. Представляется возможным использование его в качестве проколки или острия.

Интересен также костяной черешковый однокрылый наконечник стрелы, поверхность которого тщательно отполирована (рис. 1, *11*). Обращает на себя внимание продуманная форма предмета. Описываемый наконечник стрелы напоминает по конструкции костяные гарпуны, широко распространенные на дьяковских городищах и селищах. Возможно, что стрелы, снабженные наконечниками такого типа, использовались для поражения рыбы при стрельбе из лука. Еще один костяной предмет, обнаруженный на Дьяковском городище,— характерная дьяковская игла [3] с круглым отверстием в верхней расширенной части (диаметр отверстия 3 *мм*, рис. 1, *12*).

Из украшений, найденных на памятнике, можно отметить хорошо сохранившуюся глиняную бусину (наибольший диаметр 1,8 *см* при диаметре отверстия 3 *мм*), железный язычок от фибулы, бронзовый колокольчик высотой 2,5 *см* (внутри предмета сохранились ушки для прикрепления язычка, а в верхней части — отверстие шириной меньше 1 *мм*, предназначенное для соединения колокольчика с другими частями украшения), бронзовую патинизированную пронизку-спиральку (длина по дуге 4,8 *см*, толщина проволоки 1, 5 *мм*) (см. соответственно рис. 1, *6, 3, 8, 7*). Все эти предметы, относящиеся, по-видимому, к развитому дьяковскому времени, сейчас тщательно исследуются.

Необходимо добавить, что при археологических наблюдениях на городище на его площадке отмечено несколько участков с нетронутым куль-

[1] Анализ выполнен И. В. Никишиной, сотрудником Московского научно-исследовательского технологического института.

[2] Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов. «Домик мертвых» на городище дьяковского времени. Сб. «Археологические открытия 1966 года», М., 1967, стр. 34—36.

[3] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1957, стр. 95.

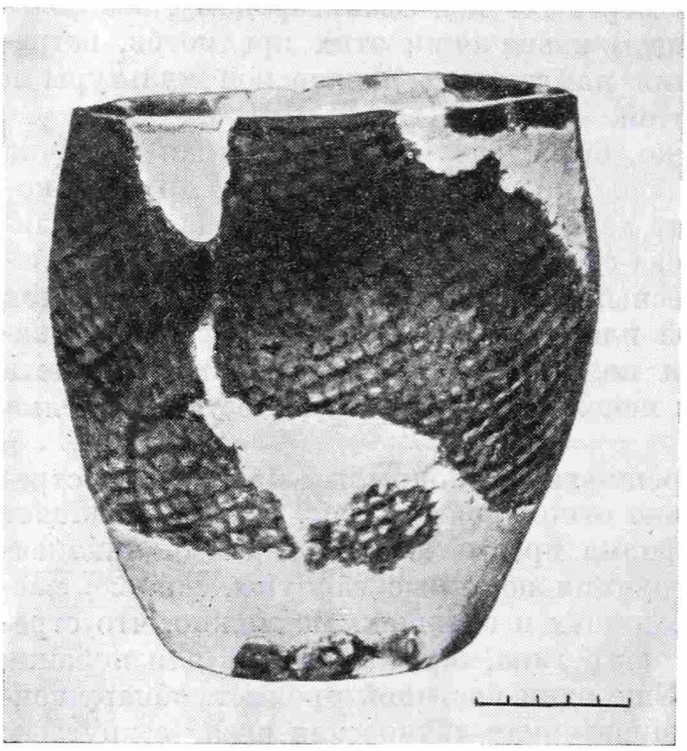
турным слоем, которые вполне пригодны для закладки небольших раскопов. В целях изучения фортификации, оборонительных сооружений Дьяковского городища можно произвести и прорезку некоторых из его валов.

Итак, все перечисленные выше находки, поступившие в археологические фонды Музея истории и реконструкции Москвы, свидетельствуют о том, что Дьяковское городище может дать еще много интересного материала и что этот интереснейший памятник раннежелезного века, давший название целой культуре, должен быть полностью исследован.

В. Г. МИРОНОВ

СОСУД С ХВАЛЫНСКОГО ГОРОДИЩА № 10

В августе 1968 г. при раскопках системы укреплений Хвалынского городища № 10 в зольнике, заполняющем ров, была обнаружена псевдорогожная керамика. Почти все черепки принадлежали одному горшку, который удалось восстановить [1]. Высота его 17,5 *см*, диаметр горла 16 *см*, основания 10,5 *см*. Толщина стенок 5—6 *мм*. Верхняя треть сосуда сильно закопчена. Изготовлен от руки, несколько асимметричен. Обжиг средний. В тесте ракушечные примеси. Внешняя поверхность сосуда: обрез венчика, бока и днище — последнее также изнутри — покрыты отпечатками «рогожного» штампа. Кое-где есть следы двойных и тройных отпечатков, причем каждые последующие оставлены более мелкими зубцами. В ряде мест рисунок настолько схож, что можно предположить наличие какой-то небольшой «печатки» угловатой формы с тремя-четырьмя линиями зубцов.



Пока это единственный реставрированный горшок с хвалынских городищ. Судя по имеющейся в нашем распоряжении городецкой керамике, он представляет одну из основных типологических форм «псевдорогожной» посуды на хвалынских памятниках. Прямых типологических аналогий ему в керамике остальных городецких городищ Саратовской группы пока не обнаружено.

[1] Горшок экспонируется в Хвалынском краеведческом музее. Приношу глубокую благодарность Е. К. Максимову за помощь в его реставрации.

В. А. КУЗНЕЦОВ

ЮЖНЫЙ ЗЕЛЕНЧУКСКИЙ ХРАМ

В двух предшествующих статьях [1] мною были опубликованы северный и средний Зеленчукские храмы X в. Настоящая статья посвящена третьему и последнему памятнику Зеленчукской группы монументальных древ-

[1] В. А. Кузнецов. Северный Зеленчукский храм X в. СА, 1964, 4, стр. 136—150; его же. Средний Зеленчукский храм. СА. 1968, 3, стр. 137—147.

Рис. 1. Восточный фасад храма. Снимок 1960 г.

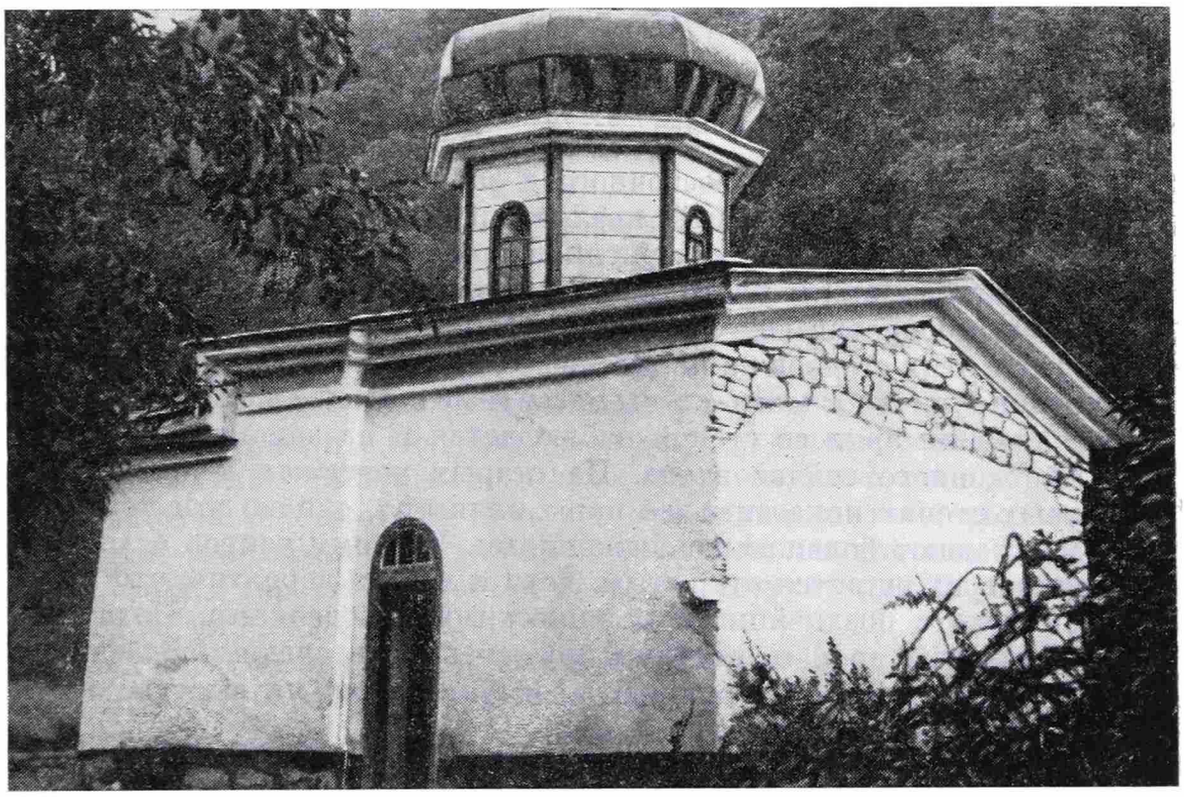


Рис. 2. Северный и западный фасады. Снимок 1968 г.

нехристианских храмов верхнего Прикубанья — южному Зеленчукскому храму [2].

Так же как северный и средний храмы, южный Зеленчукский храм расположен на территории Нижне-Архызского городища X—XII вв., в ущелье р. Большой Зеленчук, на правом ее берегу, на расстоянии 250 *м* к юго-западу от среднего храма. Взятые в совокупности, Зеленчукские

[2] Приношу благодарность А. Л. Якобсону, прочитавшему статью в рукописи и сделавшему ряд ценных замечаний.

храмы представляют единственный и неповторимый на Северном Кавказе архитектурный ансамбль.

Южный Зеленчукский храм наиболее пострадал от «реставрации» и переделок, предпринятых в конце 80-х годов прошлого столетия в связи с открытием Зеленчукского Александро-Афонского мужского монастыря. Снаружи и внутри здание было покрыто слоем штукатурки, закрывшей кладку; окна в северной и южной стенах превращены в двери; вход в западной стене переложен, расширен и превращен в портал, соединявшийся крытой галлереей с трапезной монастыря; интерьер храма был грубо расписан («украшен благолепно») [3]. Храм был накрыт железной крышей, барабан обшит досками, низкий купол увенчан железной луковичной главой, характерной для русской церковной архитектуры и сохранившейся до сих пор (рис. 1—2). Все это делает многие важные конструктивные детали храма недоступными фиксации и исследованию [4].

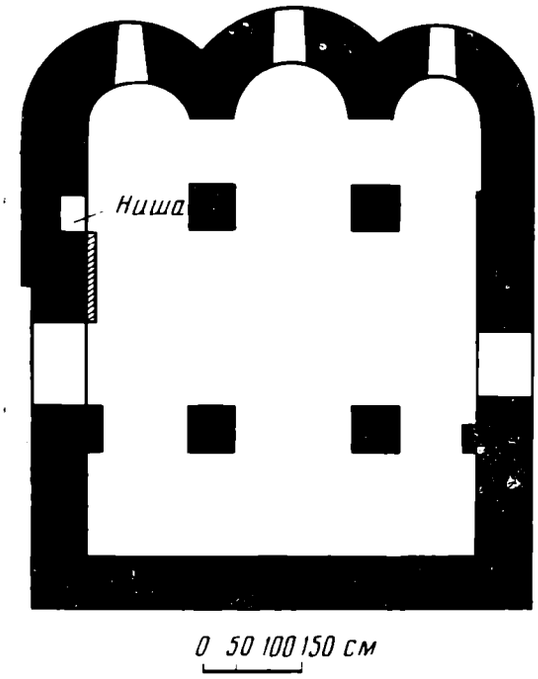


Рис. 3. План храма. Современное состояние

Как северный и средний храмы, южный Зеленчукский храм в плане (рис. 3) представляет здание простой крестово-купольной композиции с тремя апсидами и четырьмя столбами, в сечении квадратными (0,70×0,70 *м*), а не крестовидными, что характерно для всех храмов Зеленчука. Северный и средний нефы имеют одинаковую ширину, тогда как южный неф значительно уже. Из поперечных нефов наиболее широк средний — он равен сумме восточного и западного нефов, взятых вместе. Благодаря этого подкупольный квадрат резко вытянут в длину (1,80 × × 2,70 *м*), что представляется оригинальной особенностью данного памятника. Продольные стены против западной пары столбов расчленены двумя пилястрами, но против восточной пары столбов пилястр нет. Арки, переброшенные с этих столбов на продольные стены храма, сейчас опираются на выступающие из плоскости стены массивные плиты — импосты. Та же система сочленения арки со стеной наблюдается и на западной стене храма выше заложенного сейчас входа. На старых чертежах южного храма в продольных стенах показаны две пары пилястр [5], однако эти чертежи неточны и страдают большими искажениями. Поэтому вопрос о «недостающих» пилястрах остается открытым, хотя и весьма вероятно, что здесь мы не имеем дело с позднейшими монашескими переделками. Подобная система сочленения арок со стенами применена и в среднем Зеленчукском храме, где пяты двух подпружных арок опираются на выступающие полочки-импосты [6].

Апсиды неглубокие полуциркульные, средняя по отношению к боковым выдвинута незначительно (на 0,25—0,30 *м*). В каждой апсиде имеет-

[3] Древнехристианские храмы и Александро-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелии Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского отдела. Одесса, 1904, стр. 28.

[4] В настоящее время храм используется как склад Нижне-Архызской детской турбазы.

[5] Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 г. ИРАО, VIII, 4, СПб., 1876, табл. X, 2; В. М. Сысоев. Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Беберду летом 1895 г. МАК, VII, М., 1898, стр. 123, рис. 21; Древнехристианские храмы и Александро-Афонский Зеленчукский монастырь..., стр. 12.

[6] В. А. Кузнецов. Средний Зеленчукский храм, стр. 141, рис. 5.

ся по одному окну шириной 0,65 *м* (наружный обмер); более детально зафиксировать их не удалось, так как окна наглухо забиты досками. Как говорилось, первоначально в северной и южной стенах храма были сделаны окна [7] (ширина их, очевидно, соответствовала ширине окон апсиды), освещавшие средний поперечный неф; монахами Зеленчукского монастыря они были переделаны в двери шириной 1 *м*. Единственный вход в храм находился в западной стене. Никаких притворов и пристроек храм не имел.

Явные следы монашеских переделок сохранила северо-восточная стена на участке от северного входа до северной апсиды (жертвенника). Здесь монахи устроили в стене нишу, находящуюся против северо-восточного пилона (рис. 3; высота 0,50, ширина 0,46, глубина 0,39 *м*). Она настолько серьезно ослабила несущие возможности стены на этом участке (тем более, что над нишей расположена полочка-импост с аркой), что ее пришлось подкрепить с внутренней стороны контрфорсом шириной 9 *см*, а снаружи стена была наращена на 30 *см*, благодаря чему несколько восточнее северного входа образовался выступ указанной ширины.

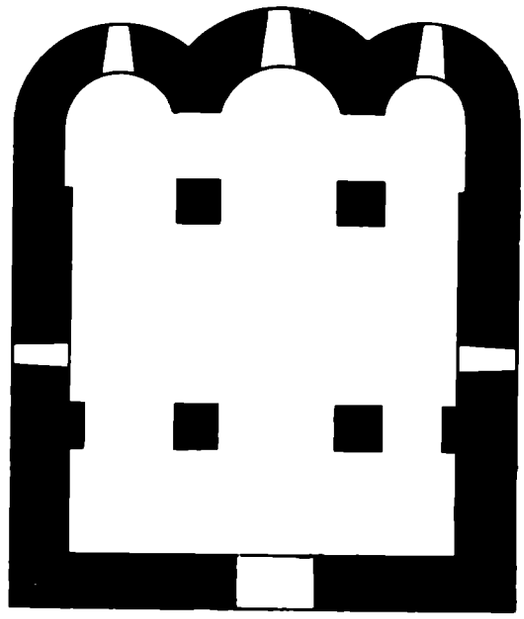


Рис. 4. Предполагаемый первоначальный план храма (до монашеской перестройки)

В результате этих позднейших переделок северо-восточная стена утратила свою первоначальную конфигурацию, тождественную конфигурации противоположной юго-восточной стены. Последняя сохранила против юго-восточного пилона выступ-заплечье (рис. 3), в который вмонтирована полочка-импост, несущая арку. Несомненно, что и северо-восточная стена имела такой же выступ-заплечье, подпиравшее импост. На наиболее достоверном чертеже Нарышкиных мы видим эти детали задолго до монашеской «реставрации» [8]. Выяснив характер позднейших искажений, мы можем реконструировать первоначальный план здания (рис. 4).

О внешних массах храма до перестройки можно судить по фотографии Е. Д. Фелицина (рис. 5). Подобно северному и среднему храмам, рассматриваемый памятник лишен какого-либо архитектурного декора; экстерьер его предельно сух и строг. Есть все основания считать, что храм был оштукатурен не только внутри, но и снаружи: на той же фотографии Е. Д. Фелицина хорошо видны белые пятна штукатурки на поверхности апсид и барабана.

Средняя апсида слегка повышена по отношению к боковым, система перекрытий конх, барабана и нефов аналогична системе перекрытий северного и среднего Зеленчукских храмов с двускатными и односкатными кровлями, выложенными из тонких песчаниковых плит [9]. Выступающие кровли образуют навес, удобный для стока воды. Интересен невысокий барабан, прорезанный четырьмя окнами и покоящийся на четырех подпружных арках и парусах-пандативах. В соответствии с вытянутым подкупольным квадратом барабан имеет не цилиндрическую, а эллипсовидную форму (рис. 6). Без удаления современного покрытия более подробно зафиксировать конструкцию древнего перекрытия храма и его купола невозможно.

---

[7] Нарышкины. Ук. соч., табл. X, 2; В. М. Сысоев. Ук. соч., табл. XVII, 1.

[8] Нарышкины. Ук. соч.

[9] В. А. Кузнецов. Северный Зеленчукский храм X в., стр. 140; его же. Средний Зеленчукский храм, стр. 141.

Рис. 5. Общий вид храма до монашеской перестройки (фотография Е. Д. Фелицина)

Сложен храм из блоков и подтесанных плит, крупных квадров не видно. По технике кладка (насколько об этом можно судить по старой фотографии) грубее, чем кладка северного и среднего Зеленчукских храмов, и не отличается регулярностью; кладка тычком и ложком не применялась. Наличие известкового раствора несомненно. Применялся ли кирпич, сказать трудно. Во всяком случае фотография Е. Д. Фелицина свидетельствует, что завершения оконных проемов выполнены в камне: это либо косо стесанные и напущенные друг на друга плиты (окна апсид), либо монолитные плиты — архивольты (окна барабана). Подобное оформление оконных проемов и техника кладки сближают южный храм с рядовыми гражданскими постройками Нижне-Архызского городища и всего верхнего Прикубанья аланского времени.

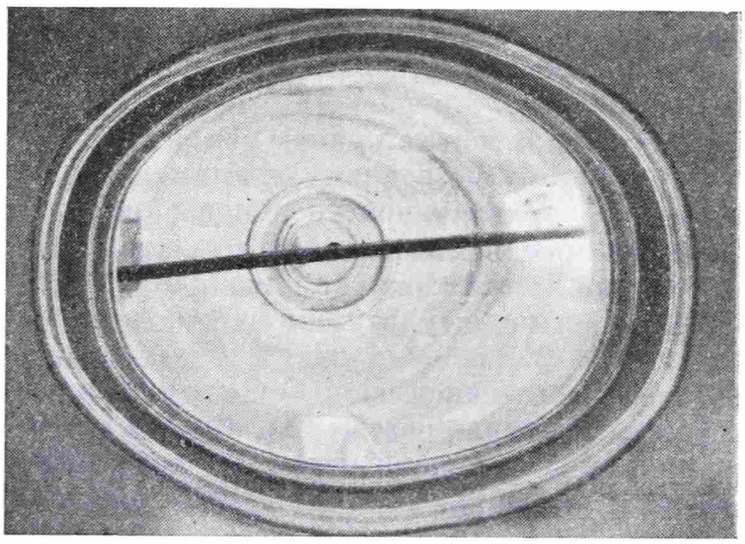


Рис. 6. Эллипсовидный барабан, вид снизу. Снимок 1968 г.

Не исключено, что по аналогии с северным и средним храмами разноразмерный кирпич-плинфа был применен в несущих арках внутри храма, но они сейчас недоступны исследованию. Кстати заметим, что асимметричность подкупольного квадрата повлияла на форму подпружных арок: западная и восточная арки повышенные, северная и южная арки — трехцентровые, вытянутые.

Выяснить устройство пола также не удалось, ибо его скрывает современный деревянный настил. В северном и среднем храмах пол был покрыт

коричнево-розовой цемянкой. Посетившие в 1867 г. Нижний Архыз Нарышкины в своем отчете упоминают плиты, устилавшие пол, но вывернутые и разбросанные кладоискателями [10].

В заключение нашего краткого описания южного храма нужно отметить, что он значительно меньше северного и среднего храмов: длина его 8,50, ширина 7,75 *м* (в интерьере соответственно 7,70 и 6,16 *м*). По заключению К. Н. Афанасьева, именно последние размеры явились исходными для получения модуля и построения плана сооружения (7,70 *м* = 25 греческих футов, 6,16 *м* = 20 греческих футов). Подкупольная часть плана не дает возможности установить модульный размер [11].

Допущенные при строительстве храма несоразмерности указывают на теоретическую неподготовленность зодчего, хотя он и был знаком с основными канонами и греческим футом. В этих соображениях мы можем найти опору при определении приблизительной даты храма. Южный храм некоторыми важными деталями (например, конструкция главы) тесно связан с северным и средним Зеленчукскими храмами и составляет одну с ними хронологическую и типологическую группу. Северный и средний храмы мы датировали первой половиной X в. [12] Очевидно, есть все основания и рассматриваемый памятник отнести к X в. Неопытность зодчего и несовершенный метод его работы по построению архитектурных форм могут свидетельствовать о том, что этот зодчий был местного происхождения и получил практику и некоторые знания при строительстве северного и среднего храмов. В пользу нашего предположения говорит и местный характер кладки при отсутствии кладки opus incertum, характерной для северного и среднего Зеленчукских храмов и восходящей к античной традиции. Исходя из этих предположений, мы можем считать южный храм наиболее поздним храмом Зеленчукской группы и датировать его второй половиной X в.

Архитектурно-типологические параллели южному храму Зеленчука достаточно широки и дают ряд более или менее близких аналогий в X в. (например, здания № 9 и 34 Херсонеса [13], абхазские храмы в Алахадзихе и Мсыгхуа [14], церковь Германа на о. Преспа в Болгарии [15], осложненная пристройкой с юга церковь на акрополе Афин [16] и т. д.). Все эти памятники тяготеют к византийской провинциальной архитектуре, и мы имеем достаточно оснований включить в их число и южный Зеленчукский храм, построенный местным зодчим под влиянием византийско-малоазийских традиций [17].

Как уже говорилось, интересной и редко встречающейся особенностью южного Зеленчукского храма является вытянутый по продольной оси здания подкупольный квадрат. Ни на Северном Кавказе, ни в Закавказье и Черноморском побережье это явление не находит аналогий. Неизвестны они нам также в Крыму и на Балканах. Подобная конфигурация подкупольного квадрата известна в двух византийских храмах — Софии в Тра-

---

[10] Нарышкины. Ук. соч., стр. 366.

[11] Пользуюсь неопубликованной работой К. Н. Афанасьева «Типологический и пропорциональный анализ группы храмов Северного Кавказа», любезно предоставленной мне автором.

[12] В. А. Кузнецов. Северный Зеленчукский храм X в., стр. 149, его же. Средний Зеленчукский храм, стр. 145.

[13] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, 17, 1950, стр. 231—237, рис. 134, 137.

[14] П. С. Уварова. Христианские памятники. МАК, IV. М., 1894, стр. 11, рис. 2; А. К. Кация. Памятники архитектуры в долине Цкуара. Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967, стр. 65—72, табл. 1.

[15] Кръстю Миятев. Архитектурта в средновековна България. София, 1965, стр. 108, рис. 108.

[16] G. Millet. L'école greque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916, рис. 146.

[17] Из малоазийских аналогий можно указать храм Василия в 15 *мк* к югу от Трапезунда. D. Winfild and I. Wainwright. Some Byzantine Churches from the Pontus. «Anatolian Studies», XII, London, 1962, с р. 145, рис. 6.

пезунде и церкви Пантократора в Константинополе [18] и в древне-русской церкви Василия в Овруче [19].

Каково было назначение южного храма? Скромные размеры, не рассчитанные на большое число молящихся, и связанная с этим интимность интерьера, положение храма в черте городских кварталов (тогда как северный и средний храмы вынесены за территорию собственно города) позволяют предположить, что южный Зеленчукский храм был фамильным храмом крупного местного феодала, возможно, одного из царей Алании второй половины X в., известных нам по византийским и мусульманским письменным источникам. В таком случае под полом храма можно было бы ожидать выявления погребений (если они уже не уничтожены), а сам храм считать часовней-мемориям.

[18] Н. Мавродинов. Византийската архитектура София, 1955, стр. 138, рис. 96; Oskar Wulff. Altchristliche und byzantinsche Kunst. II, Berlin — Neubabelsberg, 1914, стр. 482, рис. 411.

[19] И. Грабарь. История русского искусства. I, М., 1909, стр. 154.

М. Н. ФЕДОРОВ

К ВОПРОСУ О «СЕРЕБРЯНОМ КРИЗИСЕ» И НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ «ВЕЛИКИХ СЕЛЬДЖУКОВ»

В 1960 г. в Шурчинском районе Сурхандарьинской области на городище Мунчак-Тепе был обнаружен клад сельджукских серебряных динаров, битых от имени султана Санджара при халифах ал-Мустазхире (1094—1118 гг.), ал-Мустаршиде (1118—1135 гг.) и ал-Муктафи (1136—1160 гг.) на монетных дворах Мерва, Балха и Герата [1]. Клад датируется временем между 1104 и 1153 гг.

Серебряные монеты «Великих Сельджуков» очень редки. Даже в Южной Туркмении, где они встречаются гораздо чаще, чем в остальных областях Средней Азии, за время с 1884 по 1946 г. в литературе было зарегистрировано всего лишь шесть одиночных находок серебряных сельджукских монет [2]. Научная ценность Шурчинского клада, помимо всего прочего, заключается именно в том, что он состоит из высокопробных серебряных монет, выпущенных в эпоху так называемого серебряного кризиса, который охватывал период со второй четверти XI до конца XII в.

«Серебряный кризис» уже давно привлекает к себе внимание ориенталистов и нумизматов. Изучением этого интересного явления занимались многие исследователи: С. Лэн Пуль [3], Е. А. Пахомов [4], В. В. Бартольд [5], М. Е. Массон [6], Б. А. Литвинский [7], Д. Г. Капанадзе [8], Е. А. Давидо-

[1] Подробнее об этом кладе см.: М. Н. Федоров. Клад сельджукских серебряных динаров-шекасте из Южного Узбекистана, ЭВ, XVIII, Л., 1967, стр. 59—70.

[2] З. А. Альхамова. Зарегистрированные монетные находки в Южном Туркменистане с 1884 до 1946 г. (по опубликованным данным). Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 131.

[3] S. Lane Poole. The coins of the Turkuman Houses of Seljook, Urtuk, Zengee etc in the British Museum. London, 1877, стр. IX.

[4] Е. А. Пахомов. Монеты Грузии, ч. 1. Зап. нумизматического отделения РАО, т. 1, вып. IV, СПб., 1910, стр. 80; его же. Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII в. Тр. ГИМ, вып. XXVI, Нумизматический сб., ч. II, М., 1957, стр. 82—85, 89—90.

[5] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 82, 83.

[6] М. Е. Массон. К истории горной промышленности Карамазара. Тр. Тадж. базы АН СССР, т. IV, М.—Л., 1935, стр. 229; его же. К вопросу о взаимоотношении Византии и Средней Азии по данным нумизматики. Тр. САГУ, нов. сер., вып. XXIII, Т., 1951, стр. 103.

[7] Б. А. Литвинский. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. Изв. Отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. IV, Душанбе, 1953, стр. 63.

[8] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 58, 59.

вич [9] и др. Сущность его в общих чертах сводится к порче, а позже — к почти полному исчезновению серебряных монет и замене их медными, зачастую посеребренными, дирхемами. Причина этого явления определяется следующим образом: недостаток серебра в Средней Азии и сопредельных с ней странах мусульманского Востока, вызванный сильным отливом серебряной монеты в Восточную Европу в предшествующий период (IX—X вв). и истощением серебряных рудников.

Некоторые исследователи, например Е. А. Давидович, считают, что состояние серебряных запасов было лишь объективным условием «серебряного кризиса», а причина его кроется в целом комплексе факторов экономического и социально-политического характера. Рост городов, товарного производства и объема торговли повлекли за собой все возрастающий спрос на средства обращения. Усилившаяся феодальная раздробленность исключала возможность концентрации и мобилизации имевшегося в стране серебряного запаса для нужд централизованного чекана [10]. Поэтому государство вынуждено было прибегать к выпуску легального фальсификата, служившего заменителем в сфере обращения серебра.

Выпуск серебряной высокопробной монеты был явлением чрезвычайно редким для Средней Азии поры так называемого серебряного кризиса. Как правило, он производился периодически и небольшими эмиссиями. Мы знаем лишь несколько таких случаев, причем все они имели место в государстве «Великих сельджуков». Нам известны два дирхема Абу-Талиба Тогрулбека, битые в Нишапуре в 440 (1048—1049) и 448 (1056—1057) гг., весом в 4,12 и 4,03 *г* [11]; три дирхема султана Меликшаха — один весом 5,56 *г* без наименования монетного двора и даты [12] и два весом в 4,11 и 1,48 *г*, битые между 1071 и 1075 гг. [13] Наибольшее число серебряных монет падает на правление Султана Санджара: десять серебряных динаров весом от 2,43 до 3,07 *г* из Шурчинского клада и монета Н. П. Линевича весом 2,55 *г* [14]. В коллекции Н. П. Линевича находился так же обломанный серебряный динар Мухаммада ибн Махлуда весом 1,5 *г*, битый в Мерве между 1160 и 1162 г. [15].

В 1936 г. в Термезе была найдена сильно потертая серебряная монета, не сохранившая имени монетного двора и даты выпуска. Вес ее 5,47 *г* (коллекция ИИА АН УзССР, инв. № 65/12).

На реверсе монеты имеется имя халифа-Муктади (1074—1094) и обрывки титулатуры: ... Султан Рукн ал-Ислам (?)...

Лакаб Рукн ал-Ислам имеется на монете Меликшаха весом в 5,56 *г* Монета, найденная в Термезе, вполне могла бы принадлежать к чекану Меликшаха тем более что вес ее (5,47 *г*) близок весу вышеупомянутой монеты этого правителя. Однако против такого отождествления говорит одно обстоятельство: на аверсе монеты под калимой выбито имя «Махмуд». После смерти Меликшаха в 1092 г. престол занял его малолетний сын Махмуд, который умер два года спустя от черной оспы. Было бы правильней отнести найденную в Термезе серебряную монету к чекану Махмуда ибн Меликшаха и датировать ее 1092—1094 гг.

---

[9] Е. А. Давидович. Город, ремесло и денежное обращение в Средней Азии в период так называемого серебряного кризиса (XI—XIII вв.); ее же. Материалы совещания археологов и этнографов Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 33—46; ее же. Из области денежного обращения в Средней Азии, XI—XII вв. Нумизматика и эпиграфика, вып. II, М., 1960, стр. 92, 93, 110—117.

[10] Е. А. Давидович. Город и ремесло.... стр. 46.

[11] В. Г. Тизенгаузен. Новые нумизматические приобретения Н. П. Линевича. СПб., 1896, стр. 232, № 16, 17.

[12] В. Г. Тизенгаузен. Восточные монеты Н. П. Линевича. ЗВОРАО, т. IV, СПб., 1890, стр. 299, № 13.

[13] S. Lane Poole. The coins of the Turkuman Houses..., № 63, 64 (№ 64, очевидно, обломан).

[14] В. Г. Тизенгаузен. Восточные монеты..., стр. 300, № 15.

[15] Там же, стр. 301, № 16.

Довольно редко, но чаще, чем у среднеазиатских династий, встречаются серебряные монеты в чекане Зенджидов и Уртукидов [16]. В этой связи интересно отметить, что в Малой Азии «серебряный кризис» протекал менее остро, чем в Средней Азии, ибо торговые отношения с Европой обусловливали приток некоторого количества европейского серебра в эти государства.

Что же касается Средней Азии, то здесь чекан серебряной монеты начал постепенно возобновляться только на последних этапах «серебряного кризиса», когда со времени Мухаммада Хорезмшаха и позже, в XIII в., уже при монголах, эпизодически выпускались высокопробные серебряные монеты, которые подмешивались к общегосударственному чекану медных посеребренных дирхемов [17].

Монеты Тогрулбека, битые в 1048—1049 и 1059—1057 гг., относятся к начальному периоду «серебряного кризиса» и, видимо, представляют собой уже низкопробные дирхемы, обычные для того времени. Позже, в самый разгар «серебряного кризиса», высокопробные монеты выпускались только при Меликшахе и Санджаре, т. е. в период наибольшего расцвета империи. Наличие сильной централизованной власти создавало благоприятные условия для концентрации и мобилизации серебряных запасов, рассеянных по стране. Одним из источников серебра был также приток военной добычи. Так, у Ибн ал-Асира есть сообщение о том, что во время подхода Санджара в Газну в 1114 г. в руки последнего попало много серебра, в частности серебряные доски и серябряные листы [18].

Серебряный динар Мухаммада ибн Махмуда, битый между 1160 и 1162 гг., представляется своего рода курьезом. Джалал ад-Дин Мухаммад был сыном племянника Санджара Рукн ад-Дина Махмуда сына Арслан-хана III. На престол его возвели кочевники-гузы в 1159 г. [19], а в 1162 г. вместе со своим отцом он был взят в плен Муайидом, правителем Нишапура, и вскоре после этого погиб [20]. «Гузская смута» нанесла непоправимый ущерб государству «Великих Сельджуков», распавшемуся на ряд мелких враждующих владений. Непрерывные войны и грабежи привели к тому, что ряд крупных городов превратился в развалины. Все это не могло не отразиться на хозяйственной жизни государства, тем более на чекане очень редкой в XII в. серебряной монеты. И тем не менее мы имеем серебряный динар, битый в самый разгар этого смутного времени. В этот период не могло быть и речи о какой-либо концентрации и мобилизации серебряных запасов для централизованного чекана или о притоке военной добычи извне. Скорее всего, в данном случае были использованы чудом уцелевшие остатки серебряных запасов, накопленных еще при Санджаре.

Каждый монетный клад, будь он большим или малым, отражает в той или иной степени историю монетного дела и состав денежного обращения той эпохи, к которой он принадлежит. Изучаемый клад состоит из 10 целых монет и 78 обломков. Из 34 определенных нами экземпляров 8 биты при халифе Мустазхире, причем, судя по ряду признаков, все в Мерве; 22 — при Мустаршиде в городах Балхе, Герате и Мерве; четыре монеты были выбиты при халифе Муктафи в Балхе. Такой состав клада кажется нам не случайным, а вполне закономерным. При халифе Мустахзире (1094—1118 гг.) Санджар был наместником султана в Хорасане. Резиденцией Санджара был Мерв. В это время чекан монет из дефицитного серебра происходил, очевидно, только на монетном дворе Мерва. В кладе нет ни одной серебряной монеты Балха или Герата, битой при Мустазхире. 22 монеты, т. е. $^2/_3$ от числа всех определенных нами монет,

[16] S. Lane Poole. The coins of the Turkuman Houses..., стр. IX.
[17] Е. А. Давидович. Город, ремесло..., стр. 42.
[18] В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. СПб., 1894, стр. 29.
[19] В. Г. Тизенгаузен. Восточные монеты..., стр. 301.
[20] W. Barthold. Turketstan down to the mongol invasion. London, 1958, стр. 335.

были выпущены при Мустаршиде, в период наивысшего расцвета империи Санджара. При халифе Муктафи фортуна Санджара начала клониться к упадку; разгром его войск в битве с каракитаями в Катванских степях в 1141 г.[21] и особенно гузская смута[22] сказались на состоянии государства. В этих условиях чекан серебряной монеты должен был резко сократиться, а затем и вообще остановиться.

Обращает на себя внимание, что свыше 55% монет клада бито в Балхе. Это явление можно объяснить тем, что будучи в 6—7 раз ближе к Балху, нежели к Мерву и Герату, Мунчак-Тепе находилось непосредственно в сфере распространения продукции балхского монетного двора, Определенная часть продукции Балхского монетного двора, несомненно, шла на выплату жалования войскам гарнизона и чиновникам, откуда она переходила в руки сельских жителей, приезжавших в город со своими товарами.

При Мустазхире, когда серебряные монеты чеканились только в Мерве, ареал их был гораздо шире, чем в последующие десятилетия. Поэтому в Шурчинском кладе число мервских динаров, битых до того, как Санджар стал главой всего государства «Великих Сельджуков», намного превышает число монет, битых в Мерве после этого. Среди серебряных дирхемов, битых при халифе Муктафи, нет ни одного из монетного двора Мерва или Герата. Видимо, в это время количество и объем эмиссий резко сократились, а следовательно, сократился и их ареал. Поэтому серебряные монеты Мерва и Герата могли просто не дойти до Мунчак-Тепе в этот период.

Интересно, что вес серебряных динаров, битых при Муктафи, несколько меньше веса таких же монет, выпущенных при Мустазхире и особенно при Мустаршиде, а содержание серебра в них самое невысокое.

Шурчинский клад позволяет утверждать, что со второй половины первого десятилетия XII в. сначала в Мерве, а затем, после 1117 г., в Мерве, Балхе и Герате выпускалась высокопробная серебряная монета. Необычайная редкость таких монет говорит о том, что эмиссии были периодическими и немногисленными.

Состав Шурчинского клада свидетельствует, что серебряные монеты в это время, подобно золотым, использовались на вес: в нашем кладе 78 обломков и только 10 целых монет, причем у некоторых из них срезаны края.

Анализ весовых данных 78 обломков показал, что их вес тяготеет к величине близкой к 0,76 *г*, или величинам, кратным первой: 0,38 0,19 и 1,54 *г*. Конечно существуют отклонения в эту или иную сторону от основного веса: ведь трудно было, разрезав монеты, добиться абсолютного тождества веса обломка с какой-то определенной весовой единицей, тем более, что вес самих монет не был точно юстирован. Тем не менее вполне возможно, что в XII в. в Средней Азии бытовала весовая единица, близкая по величине к 0,76 *г*. В этой связи небезынтересен факт, что в XIV в. в Хорезме вес данака исчислялся в 0,758 *г*[23]. Разумеется, за 200 лет весовое выражение данака могло претерпеть некоторые изменения в ту или иную сторону. Тем не менее можно утверждать, что весовым эталоном для монетных обломков из нашего клада служил данак и величины, ему кратные.

По месту и времени выпуска монеты шурчинского клада делятся на пять групп. От каждой из этих групп по одной монете (№ 1, 9, 22, 25 и

---

[21] W. Barthold. Turkestan..., стр. 326.

[22] Там же, стр. 329.

[23] Г. А. Федоров-Давыдов. Монетная система Хорезма XIV в., СА, 1957, № 2, стр. 242.

29) было передано на химический анализ [24]. Привожу данные химического анализа:

№ 1 (чекан Мерва при халифе Мустазхире) [25], золото — 13,22%, серебро — 73,53%; медь — 9,28%; свинец — 1,13%.

№ 9 (чекан Балха при халифе Мустаршиде): золото — 14,17%; серебро — 66,54%; медь — 14, 79%; свинец — 1,27%.

№ 22 (чекан Мерва при халифе Мустаршиде): золото — 13,08%; серебро — 68,01%; медь — 14,39%; свинец — 0,95%.

№ 25 (чекан Герата при халифе Мустаршиде): золото — 13,46%; серебро — 77,97%; медь — 5,40%; свинец — 0,69%.

№ 29 (чекан Балха при халифе Муктафи): золото — 13,06%; серебро — 63,48%; медь — 19,86%; свинец — 1,15%.

Итак, монеты оказались высокопробными: содержание благородных металлов (золота и серебра) в некоторых из них доходило до 91,43%. Самый низкий процент содержания серебра — 63,48, золота — 13,06%. Лигатура составляет 21,01—6,09%.

Самой высокопробной оказалась чеканенная при Мустаршиде монета Герата (91,43% благородных металлов). В ней больше всего серебра, по количеству золота (13,46%) она уступает только монете, битой в Балхе при Мустаршиде. Наименьшее количество серебра в монетах Балха, битых при Мустаршиде и Муктафи. Правда, в первой это компенсируется большой примесью золота (14,17%). Монеты Балха, битые при Муктафи, самые низкопробные и легкие. О причинах, вызвавших это явление, уже говорилось выше.

Состав и высокопробность монет могли зависеть от многих условий, объективных и субъективных. К числу первых относились такие факторы, как общее экономическое и социальнополитическое положение в государстве, состояние запасов благородных металлов в государственной казне или на данном монетном дворе. К числу последних, между прочим, и такие, как честность чиновников и мастеров, ведавших приготовлением сплава. Замена благородного металла, отпускавшегося казной, медью или свинцом приносила немалую прибыль.

Эксплуатация самим государством выпуска монеты путем снижения ее высокопробности — явление общеизвестное. Однако в данном случае мы сталкиваемся с государственной тенденцией создания очень высокопробной монеты, иначе незачем было бы добавлять к серебру золото. Состав сплава, видимо, определялся верховной администрацией, рассылался по монетным дворам и был обязательным, однако в ряде мест в той или иной степени, несомненно, имелись злоупотребления. Этим, вероятно, и вызван разнобой в составе сплава монет разных дворов, хотя в общем процент содержания благородных металлов находится в рамках между 80 и 91.

Находка Шурчинского клада сельджукских серебряных динаров-шекасте дает возможность установить ряд новых и интересных фактов для изучения монетного дела и денежного обращения в государстве «Великих Сельджуков» в период так называемого серебряного кризиса. Небольшие размеры клада затрудняют окончательно решение некоторых вопросов, однако сделанные нами на основе анализа состава клада предположения вполне закономерны, а будущие находки и исследования несомненно позволят уточнить и расширить круг наших знаний из области сельджукской нумизматики и ее особенностей. Тем не менее уже сейчас можно утверждать, что в отличие от государства Караханидов, где после 40-х годов XI в. нам не известно ни одной высокопробной серебряной монеты, в го-

[24] Анализ выполнен в лаборатории археологической технологии АН УзССР химиком Л. И. Ждановой. Для анализа было передано по 0,5 *г* от каждой монеты.

[25] Подробнее об этой монете см.: М. Н. Федоров. Уникальный серебряный динар султана Санджара из Сурхандарьинской области. История материальной культуры Узбекистана, вып. IV, Ташкент, 1963, стр. 120—125.

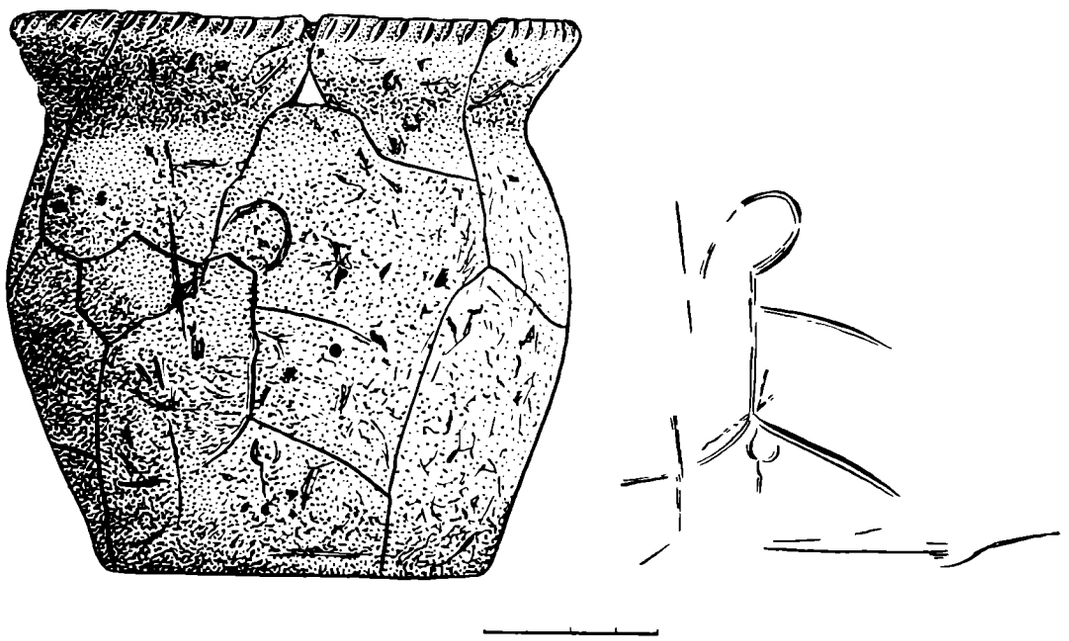
сударстве «Великих Сельджуков» начиная с 1048 по 1162 г. изредка и небольшими эмиссиями все же выпускалась высокопробная серебряная монета, скорее употреблявшаяся как товар и шедшая на вес.

Серебряная монета выпускалась пятью представителями династии «Великих Сельджуков», причем наибольшее количество этих монет было выпущено Санджаром и Меликшахом, т. е. в период наивысшего расцвета государства «Великих Сельджуков».

В. Н. КОНКИН

СОСУД С ПРОРИСОВКОЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕГО КОЧЕВНИКА

В 1965 г. Волгоградским археологическим отрядом, руководимым старшим научным сотрудником Волгоградского областного краеведческого музея В. И. Мамонтовым, была проведена разведка на островах Цимлянского водохранилища в районе с. Колпачки. Было осмотрено четыре острова и участок прибрежной полосы. В результате разведки был собран богатый подъемный материал, в основном фрагменты керамики и кремневые



Сосуд с прорисованным изображением

орудия эпохи бронзы, а также предметы, относящиеся к салгово-маяцкой культуре и периоду поздних кочевников [1]. Значительное количество и разнообразие находок наводят на мысль о существовании в данном месте многослойной стоянки со слоями эпохи бронзы, раннего и позднего средневековья. В Подонье есть немало примеров существования таких поселений [2], к сожалению, сильно размытых или совершенно затопленных сейчас водами Цимлянского моря.

На одном из островов (№ 4) в слое песка было вскрыто частично разрушенное грунтовое погребение. Погребение было сделано на незначительной глубине в слое песка. Контуров могильной ямы проследить не удалось. От костяка сохранились лишь крупные кости рук и ног, а также фрагменты черепа. Погребенный, по всей вероятности, лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на запад. У головы находились: а) фрагменты лепного глиняного сосуда, высотой 13 *см* яйцевидной формы с отогнутым наружу венчиком, орнаментированным косыми насечками; б) фрагменты очень грубого лепного сосуда, также с отогнутым и украшенным косыми насечками венчиком. На тулове и особенно у венчика отчетливо видны отпечатки пальцев мастера; в) фрагменты желез-

[1] Отчет Волгоградского археологического отряда при ВОКМ за сезон 1965 г.
[2] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 19.

ного предмета. Железо сильно расслоилось и поэтому трудно судить о его первоначальной форме.

С левой стороны от погребенного лежала небольшая кость животного.

Погребальный обряд с вытянутыми ориентированными на запад костяками и неглубокими прямоугольной формы ямами известен в Зливкинском праболгарском могильнике VIII—IX вв. [3]. Найденные нами сосуды также соответствуют типу керамики, встречающемуся на поселениях праболгар VIII—IX вв. в Подонье [4]. По классификации, предложенной С. А. Плетневой, наши сосуды надо отнести к лепной кухонной керамике.

Особый интерес вызывает рисунок на тулове первого сосуда (рис. 1). Рисунок представляет собой схематичное изображение обнаженного мужчины, прочерченное остроконечным предметом по сырой глине. Рисунок выполнен в виде простых линий. Параллельно дну сосуда сделано несколько штрихов, обозначающих, по-видимому, поверхность земли. Фигура человека несколько поднята над поверхностью земли, ноги широко расставлены и слегка согнуты, рука вытянута вперед. Кроме того, за головой и у пояса прослеживаются непонятные штрихи. Не исключено, что это какое-то оружие.

Аналогии этому рисунку можно найти среди тамгообразных знаков на лепных кухонных сосудах, найденных при раскопках в Саркеле — Белой Веже [5]. Следует заметить, что публикуемый нами тамгообразный знак выделяется особой выразительностью и детализацией и поэтому заслуживает внимания специалистов.

[3] Там же, стр. 92.
[4] Там же, стр. 104, 105, рис. 25, *1—3*.
[5] Там же, стр. 104.

А. Я. КАКОВКИН

ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ «ЗАКАЗЧИКА» НА МОЩЕХРАНИТЕЛЬНИЦЕ СТЕФАНА ИЗ ЭЧМИАДЗИНА

В музее при Эчмиадзинском кафедральном соборе хранится множество памятников армянского золотого и серебряного дела X—XX вв. Одним из интереснейших ранних произведений в этом собрании является серебряная мощехранительница первомученика Стефана [1]. На ее покрытой тонким слоем позолоты лицевой стороне чеканены фигурные изображения и надписи (рис. 1). Изображения располагаются в три ряда. Вверху — сидящий на троне Христос с двумя предстоящими ангелами. В среднем ряду представлены в рост апостолы Петр со свитком и Павел с книгой. Между ними — Стефан в диаконском одеянии, с кадильницей в правой и потиром в левой руке [2]. Внизу слева сохранилась лишь одна фигура, без нимба и пояснительной надписи.

Мощехранительница была опубликована Б. Н. Аракеляном в 1958 г. [3]. Автор дал краткое описание памятника и, «исходя из особенностей стиля и сохранившихся надписей», датировал его X—XI вв. Через четыре года, в 1962 г., Г. Н. Тер-Гевондян в статье, посвященной двум ранним образцам армянского среброделия [4], подробно описал мощехранительницу,

[1] Инв. № 165. Размеры: 20,5 × 13 × 2 *см*. За долгий период своего существования этот памятник претерпел ряд поновлений (об одном из них даже упомянуто в армянской надписи 1302 г., вычеканенной на пластине с тыльной стороны мощехранительницы). Сейчас он представляет брусок дерева, обложенный со всех сторон серебряными пластинами.

[2] Изображение архидиакона Стефана помещено на заколоченной дверце. Святая реликвия (зуб) находится в нижней части изображения первомученика под граненым стеклом.

[3] Б. Аракелян. Города и ремесла Армении в IX—XIII вв. Ереван, ч. 1, 1958 (на арм. яз.), стр. 174—175, рис. XXI, *а*.

[4] Г. Тер-Гевондян. Два древних экземпляра армянских серебряных дароносиц. «Эчмиадзин», 1962, 4 (на арм. яз.), стр. 48—50, вклейка между стр. 48—49.

предложив датировать ее XI—XII вв. Оба автора обратили внимание на чеканенную в левом нижнем углу безыменную фигуру, которая трактуется ими как изображение заказчика мощехранительницы [5].

Обычай помещать портреты заказчиков — ктиторов, донаторов — на памятниках искусства бытовал в Армении издавна. Мы встречаем их в

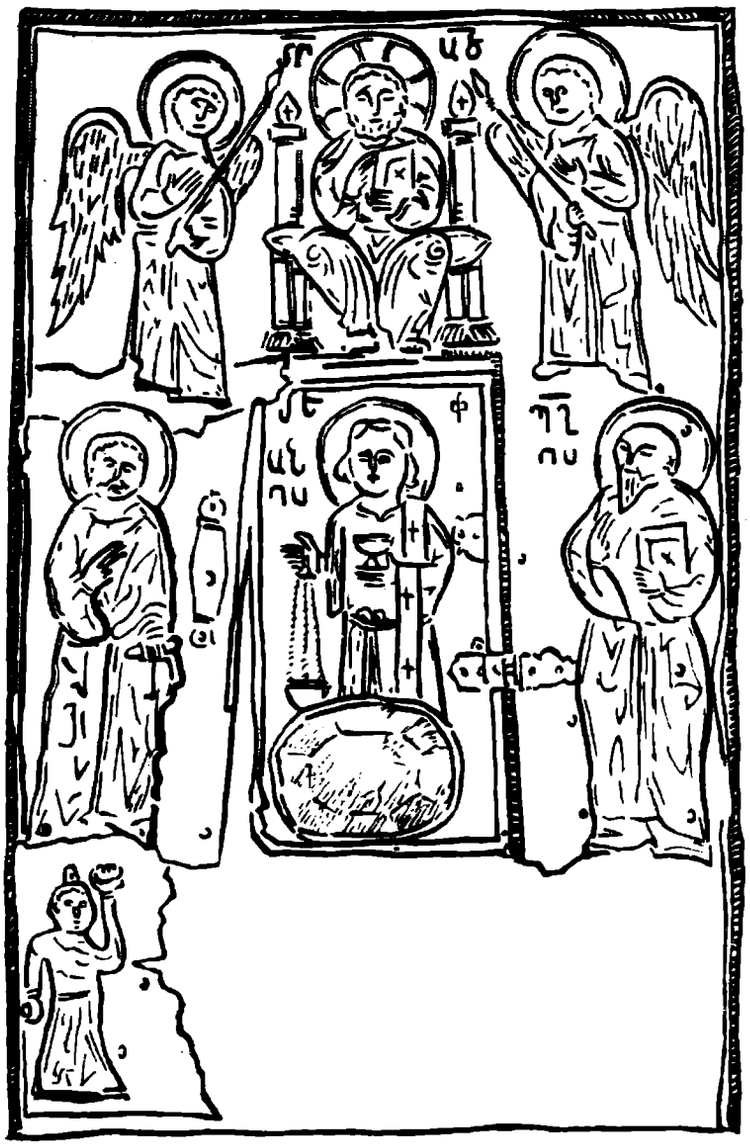


Рис. 1. Мощехранительница Стефана (лицевая сторона). Серебро. XI в. (Эчмиадзин, Музей при кафедральном соборе, № 165)

произведениях скульптуры [6], обычны они в миниатюре [7], попадаются такие портреты на изделиях золотых и серебряных дел мастеров [8].

Однако определение упомянутой фигуры на мощехранительнице как портрета заказчика вызывает некоторые возражения.

---

[5] Б. Аракелян. Ук. соч., стр. 174; Г. Тер-Гевондян. Ук. соч., стр. 49.

[6] Изображение Гагика Арцруни в Ахтамаре (915—921 гг.), ктиторские группы церкви Спасителя в Санаине (967—972 гг.) и церкви св. креста в Ахпате (967—991 гг.), статуя Гагика I Багратуни (1001—1015 гг.), найденная при раскопках Гагикашена, и др.

[7] Изображение Ованнеса Протоспафария в Андрианопольском евангелии 1007 г. (Венеция, Сан-Ладзаро, № 877/116), портрет священника Спмеона (с тремя младшими братьями) — заказчика рукописи 1033 г. (Ереван, Матенадаран, № 283), изображение епископа Ованнеса в «Сборнике» 1266 г. (Матенадаран, № 4243) и др.

[8] Князь Ячи Прошян на складне «Хотакерац» 1300 г. («Эчмиадзин», 155).

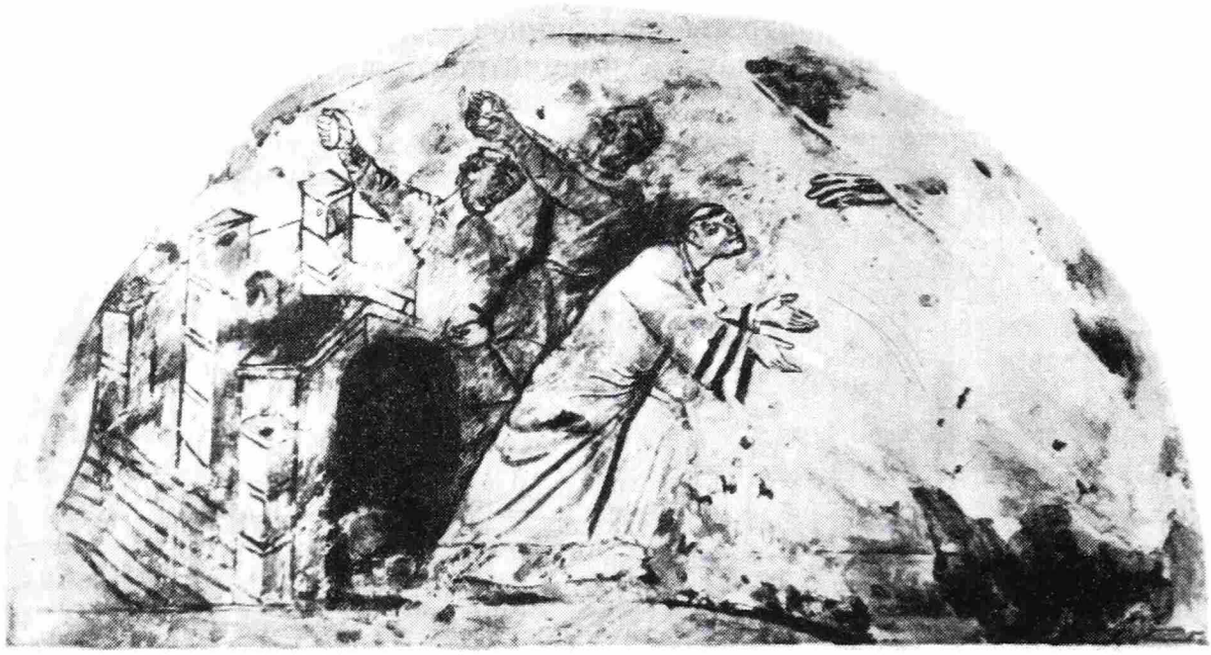


Рис. 2. «Побиение Стефана камнями» — роспись в крипте св. Жермена в Оксере (ок. 859 г.)

Во-первых, следует отметить, что жертвователи, как правило, изображались либо в позе моления, либо подносящими богу «модель» своего дара; при этом имена дарителей обычно бывали обозначены.

Во-вторых, устроителем серебряной мощехранительницы (к тому же довольно больших размеров), вероятнее всего, мог быть богатый светский человек или представитель высшего духовенства. Чеканенный на нашем памятнике персонаж, представленный в трехчетвертном повороте влево, по размерам меньше остальных. Он безбород, на нем долгополое неопределенного покроя одеяние без украшений, на голове — колпачок. В поднятой вверх левой руке и опущенной правой он держит непонятной формы предметы. Эти особенности изображения исключают мысль о том, что перед нами высокопоставленное лицо. Кто же это такой?

Ряд черт рассматриваемого изображения (свободное пространство вправо от персонажа, представленного в действии) и специфика назначения памятника заставляют предположить, что первоначально вся нижняя часть пластины была занята какой-то композицией, от которой сохранилась теперь лишь одна фигура. Этой композицией, вероятно, могло быть «Побиение Стефана камнями» (Деян., VII, 54—60), известное в средневековом искусстве с IX в.[9] (рис. 2).

Сохранившуюся фигуру на эчмпадзинском памятнике мы считаем одним из участников сцены «Побиения». Если принять эту версию, можно объяснить позу изображенного, положение его рук и находящиеся в них

---

[9] Louis Réau. Iconographie de l'art chrétien. III (1). Paris. 1958, стр. 452—453. Эту сцену встречаем, например, в росписи (ок. 859 г.) в крипте св. Жермена в Оксере: E. S. King. The Carolingian Frescoes of the Abbey of Saint Germain d'Auxerre. «The Art Bulletin», XI, 1929, стр. 359—375, рис. 5 (рис. 2); в «Сборнике церковных благословений» («Бенедикционале»), 963—964 гг., епископа Этельуольда в Британском музее: R. de Fleury. Les Saints de la Messe et leurs manuments. V. Paris, 1897, рис. на стр. 152; в «Менологии» (ок. 986 г.) Василия II Болгаробойцы. II Menologio di Basilio II (Cod. Vaticano Greco 1613). II tavole. Torino, 1907, табл. 275, на плане города Иерусалима, исполненном ок. 1170 г.— M.-J. Lagrange. Saint Etienne et son sanctuaire à Jerusalem. Paris, 1894, стр. 84. Многочисленные памятники со сценой «Побиение Стефан» указаны у Р. де Флери: R. de Fleury. Ук. соч., стр. 3—185, табл. XI, XX, XXXII, XXXIII, XXXV, XXXIX, XL и др.

Рис. 3. «Побиение Стефана камнями» — миниатюра в армянском евангелии 1263 г. (Вашингтон, галерея Фрира, FGA 56.11)

предметы: он представлен бросающим камни. Подтверждением правомерности высказанной нами догадки может служить и то, что на мощехранительницах изображения сцен мученической кончины святых были довольно обычны [10].

Если наше предположение о наличии в нижней части мощехранительницы сцены «Побиения» верно, то можно в общих чертах реконструиро-

[10] Например, на раке Стефана (XII в.) из Жимеля. R. de Fleury. Ук. соч., табл. LVI: неизданная серебряная мощехранительница Стефана 1691 г. из Музея при кафедральном соборе в Эчмиадзине (инв. № 167) и др.

вать памятник: направо от сохранившейся фигуры были вычеканены другие персонажы — бросающий камни, Стефан (вероятно, припадающий на колени) и, по-видимому, Савл.

Насколько нам известно, самая ранняя композиция на этот сюжет в армянском искусстве относится к середине XIII в. — это миниатюра евангелия 1263 г. из галереи Фрира в Вашингтоне (рис. 3) [11]. Последующие аналогичные произведения принадлежат к более позднему времени [12]. Наличие сцены «Побиение Стефана» на памятнике сребродержия, несомненно, более раннем, чем XIII столетие, должно указывать на существование прототипа в миниатюре или пластике, от которого отталкивался мастер мощехранительницы. Это тем более интересно, что житийная тематика не нашла широкого отражения в армянской скульптуре и миниатюрной живописи IX—XI вв.

[11] Der Nersessian. Armenian Manuscripts in the Freer Gallery of Art. Washington,1963, табл. 67, рис. 193.

[12] Например, «Гимнарий» 1588 г. (собр. Честер Бити в Дублине, № 592, fol. 50 v) и «Менологий» 1591 г. из Библиотеки армянского патриархата в Иерусалиме (№ 1920, л. 144), «Гимнарий» 1652 г. того же собрания (№ 1674, л. 75), «Гимнарий» 1651—1652 гг. Фрирской галереи (FGA, 37, 19, fol. 50 v) и др.

А. В. УСПЕНСКАЯ

ПЕКУНОВСКОЕ СЕЛИЩЕ И КУРГАНЫ

Древнерусское селище, известное в археологической литературе под названием Пекуновское, находится на левом берегу Волги, примерно в 200 *м* от дер. Крева, перенесенной сюда из района Большой Волги в период строительства канала Москва-Волга. Волга в данном месте делает изгиб и сильно размывает оба берега.

Поселение было расположено на второй надпойменной террасе, на расстоянии 25—30 *м* от Волги и вытянуто вдоль берега на 300—320 *м*. Площадь поселения в течение длительного времени распахивалась, и отдельные находки: керамика, крицы, шлаки и другие вещи встречались прямо на поверхности пашни. Вблизи селища известны два курганные могильника. В настоящее время в первом из них, расположенном в 100 *м* севернее селища, насчитывается 12 курганов, причем нераскопанными оказалось только 4 насыпи. У В. А. Плетнева есть указание, что несколько курганов раскопано местным помещиком Мамонтовым еще в 1877 г.[1] Два кургана были исследованы Н. П. Милоновым в 1932 г.; под насыпями были обнаружены могильные ямы, но без всяких остатков погребений.

Второй курганный могильник находится в лесу, юго-восточнее селища, у дер. Крева, и состоял, по подсчету Н. П. Милонова, из 167 курганов, В настоящее время мы насчитали только около 70 насыпей, многие раскопаны, большинство же заросло лесом. В 1933 г. им же было исследовано 11 курганов. Материал опубликован[2].

На селище в 1966—1967 гг. экспедицией Государственного Исторического музея были произведены раскопки на средства Кимрского краеведческого музея. Вскрыта площадь около 400 $м^2$. Культурный слой в отдельных местах поселения достигал мощности 50—60 *см*, в других 40 *см*; в верхнем горизонте он сильно перемешан распашкой, в нижнем не потревожен.

В центральной части селища открыты следы двух построек в виде развала глинобитной печи и каменного очага, а также ям от угловых столбов-

[1] В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903. стр. 261.

[2] Н. П. Милонов. Древнерусские курганы и селища в бассейне Верхней Волги. МИА, 13, 1950, стр. 160—162.

стульев. Жилища были наземными деревянными. В комплексах жилищ найдены глиняные и шиферные пряслица, железные ножи, золото-стеклянные бусы, обломки цилиндрических замков и ключи от них, калачевидное кресало и костяной двусторонний гребень. Керамика, как и повсюду на селище, круговая и лепная найдена в таком соотношении: 60% составляют фрагменты круговых сосудов и 40% — сделанных от руки.

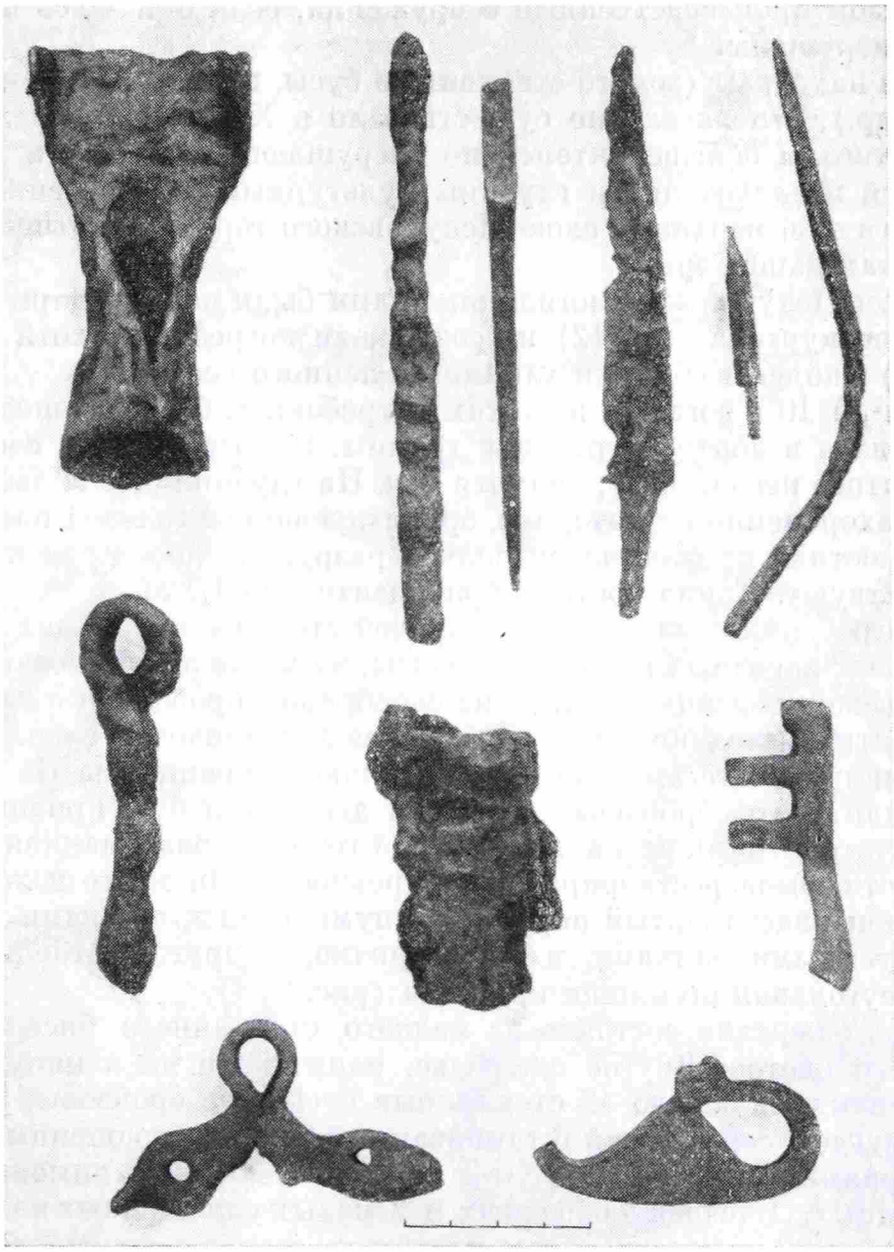


Рис. 1. Железные изделия с Пекуновского селища

Лепная посуда представлена горшками баночной формы с прямым или несколько отогнутым венчиком, нередко более тонким, чем стенки сосуда. Глина обычно темная со значительными примесями дресвы. Орнаментация на сосудах почти отсутствует, но иногда нанесена щипковым или ногтевым узором по краю венчика.

Круговая посуда также мало орнаментирована, узор чаще всего состоит из прямых и волнистых линий, запятых, нанесенных ногтем или палочкой. Глина с примесью дресвы и кварцевого песка, обжиг горновой.

Из других находок на селище надо отметить железное тесло, зубило, ножи, шилья, замки и ключи, дужки ведер, железный наконечник стрелы, глиняные и шиферные пряслица, каменные и глиняные грузила (рис. 1). Из украшений найдены только железный перстень, бочковидные и цилиндрические золото-стеклянные и из синего стекла бусы.

Интерес представляют найденные в северной части поселения остатки железоделательного производства в виде многочисленных шлаков и криц. Даже на поверхности культурного слоя здесь были собраны довольно большие железные крицы и мелкие куски болотной руды. На участке 48 *м*^{2} в культурном слое было собрано 150 кусков железного шлака.

Мощность культурного слоя в этом месте составляла 40—45 *см*, а вспашка поля плугом в настоящее время достигает глубины 25—30 *см*, таким образом производственные сооружения, если они здесь и были, могли быть разрушены.

Судя по находкам (золото-стеклянные бусы, калачевидные кресала, керамика и др.), это поселение существовало в XI—XIII вв.

Кроме того, в обрыве интенсивно разрушающегося берега Волги прослеживается незначительной глубины культурный слой с лепной керамикой, аналогичной верхнему слою Пекуновского городища, относящемуся к первым векам нашей эры [3].

В первом Пекуновском могильнике нами были вскрыты три курганные насыпи. Два кургана (8 и 12) не содержали погребений, хотя в одном из них (№ 8) найдены обломки глиняного лепного сосуда.

Курган № 10 с богатым женским погребением был хорошей сохранности, находился в центре курганной группы. Высота насыпи, состоящей из светло-желтого песка, 0,9 *м*, диаметр 7 *м*. На глубине 0,95 *м* было открыто женское захоронение на материке, ориентированное головой на запад. Сохранность костяка плохая, череп сильно разрушен, кости рук и ребра совсем отсутствуют. Длина костяка приблизительно 1,7 *м*.

При погребении обнаружены: с правой стороны черепа два малых перстнеобразных височных кольца из бронзы, на месте левой ключицы три височных браслетообразных кольца из серебряной проволоки с завязанными концами. Эти последние были прикреплены к прическе с помощью шерстяной нешпрокой тесьмы, которая частично сохранилась. На шее погребенной были одеты бронзовая гривна и две низки бус. Гривна — двускатопластинчатая с замком в виде граненой головки, разломанная в середине на две части, была реставрирована в древности. На месте излома к гривне привешен пластинчатый перстень с шумящими привесками, оканчивающимися тусиными лапками, и симметрично, с другой стороны гривны, висела треугольная шумящая привеска (рис. 2, *6*).

Одно из ожерелий состояло из мелкого стеклянного бисера синего и желтоватого цветов. Другое ожерелье, нанизанное на льняную довольно толстую нитку, включало 42 стеклянные бусы, две бронзовые малые лунницы и круглый серебряный штампованный жетон, украшенный геометрическим орнаментом. Среди бус —2 желтые сдвоенные лимоннообразные, 8 ягодовидных, 2 чечевицеобразных и 2 малых уплощенных из синего стекла; остальные 28 четырехгранные из глухого стекла печеночного цвета. Возможно, к этому ожерелью была прикреплена монета — дирхем, которая очень плохо сохранилась и при вскрытии рассыпалась.

На правой руке покойницы был надет железный браслет из перекрученной толстой проволоки. На левой — два медных пластинчатых браслета с расширенными концами, украшенными геометрическим орнаментом. На фаланге этой руки — медный пластинчатый перстень. На месте тазовых костей лежал небольшой нож.

Кроме этого, у ног погребенной обнаружены два глиняных лепных горшка — широкогорлые, по форме почти баночные, со слегка отогнутым невысоким венчиком. Тесто грубое, с примесью дресвы, обжиг недостаточный. У одного из сосудов были положены медные украшения: браслет, аналогичный найденным на левой руке, и внутри него шумящая привеска в виде конька с четырьмя подвешенными бубенчиками (рис. 2, *6*).

---

[3] О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, 13, 1950, стр. 132.

Рис. 2. Инвентарь женского погребения в кургане 10

По характеру найденного материала (бусы, привески, монета, гривна и браслеты) погребение датируется XI в.

Второй Пекуновский могильник по совокупности материала, обнаруженного в 11 курганах, раскопанных Н. П. Милоновым, датируется также XI—XIII вв[4].

Оба эти могильника очевидно, являлись кладбищами не только для обитателей Пекуновского селища, но и окрестных поселений, среди которых надо назвать поселение близ г. Дубна, расположенного на другом берегу Волги, в 1,5 *км* от могильников.

[4] Н П. Милонов. Ук. соч., стр. 160—162.

О. В. ОВСЯННИКОВ

О ЗАМКАХ «БОЛГАРСКОГО ТИПА»

В археологической литературе одна из конструкций навесных средневековых замков получила название замков болгарского типа. Замки эти известны главным образом по находкам на поселениях Волжской Болгарии (например, на Тигашевском городище это единственный тип навесных замков)[1]. Считалось, что на древнерусских поселениях они вообще не встре-

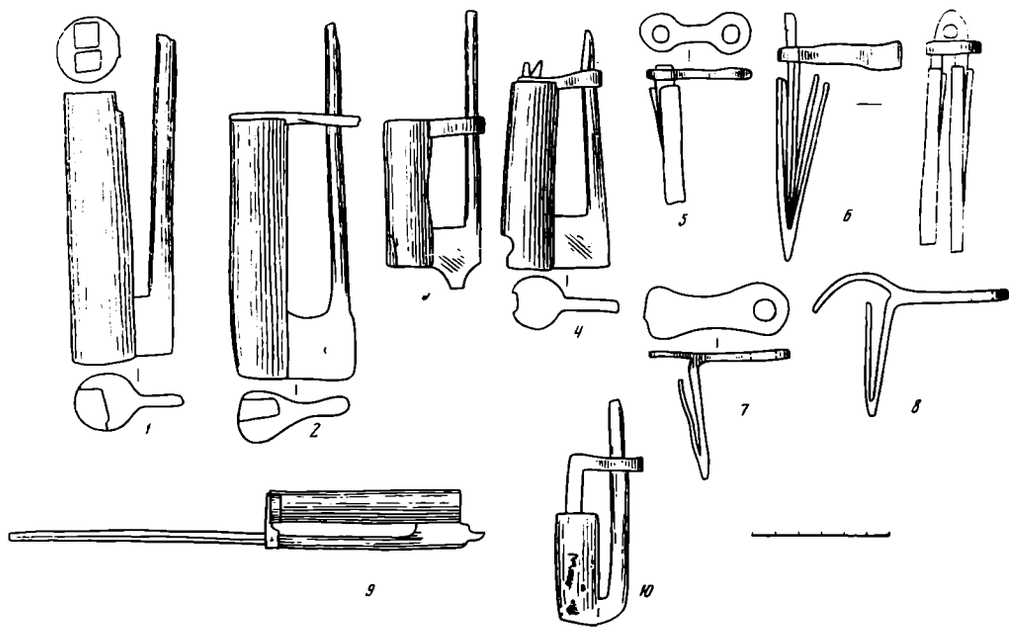


Рис. 1.

1—8 — замки и детали замков из раскопок древнего Изяславля; *9* — замок из Поднепровья (без масштаба); *10* — замок из раскопок в Пенджикенте

чаются. Это не совсем верно, уже давно такой замок был найден в районе Поднепровья и опубликован в группе предметов, происходящих из-под Киева и Канева (рис 1, *9*)[2]. При раскопках древнерусского города Изяславля в 1957—1964 гг. было найдено 5 целых (или почти целых) и 15 деталей замков такого же типа (рис. 1, *1—8*)[3]. Единичные находки так называемых болгарских замков известны в Югославии[4] и Венгрии[5]. Основным отличием замков этого типа от широко распространенных навесных замков является отсутствие второго цилиндра.

Вместо него к нижнему краю замочного цилиндра (сбоку, на небольшом кронштейне) приварен овальный или круглый в сечении стержень, идущий вдоль цилиндра. Стержень длиннее цилиндра на 2—4 *см*. В верхней части цилиндра имеется отверстие для прохода коленчатого ключа. Запирающие замок пружины смонтированы на пластине, на одном конце которой имеется отверстие для прохода стержня. Другой конец круглый, чуть меньше горловины замочного цилиндра, он плотно закрывает ее (рис. 1,

---

[1] Г. А. Федоров-Давыдов. Тагашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.). МИА, 111, 1962, стр. 80—83, рис. 22, 7; 24, 4.

[2] ДП, V Киев, 1902, рис. 91.

[3] Благодарю М. К. Каргера, давшего мне возможность ознакомиться с замками, найденными в Изяславле.

[4] А. Дероко. Браве Дубровачке и Хиландарски средньевековни катанци. Из материјалне културе прошлости. Споменик. Нова серија, 14. Београд, 1963, рис 11.

[5] Замок опубликовал Б. Я. Ставиский. Медный ключ из Кулдор-Тепе. КСИЭ. XXX, 1958, рис. 3.

5, 6). Среди изяславльских замков есть запирающие планки несколько другого варианта, у которых планка и пружина сделаны из одной металлической пластины (рис. 1, *7*, *8*). Замок закрыт, когда пружины прошли сквозь отверстия в горловине замочного цилиндра, расширились внутри его и уперлись в закраины горловины, а стержень прошел сквозь отверстие в планке и вышел наружу. Чтобы открыть замок, необходимо вставить коленчатый ключ в отверстие в нижней части цилиндра, продвинуть его до полного сжатия пружинного механизма. Тогда запирающая планка вместе с пружинами вытаскивается за петельку из горловины замочного цилиндра и одновременно освобождается от стержня. Запирающих пружин может быть одна или несколько. В соответствии с этим горловина цилиндра снабжена одним или несколькими отверстиями, в связи с чем различную конфигурацию имеет и отпирающая планка коленчатого ключа. «Необычность» болгарских замков состоит, таким образом, лишь в отсутствии второго цилиндра. Основной замочный цилиндр, принцип запирания и отпирания замка, а также конфигурация коленчатых ключей обычны для средневековых двухцилиндровых замков.

Довольно широкое распространение и продолжительное время бытования одноцилиндровых замков (например, Тигашевское городище —X—XI вв., Изяславль — вторая половина XII — первая половина XIII в.) свидетельствуют об определенной культурно-технической традиции. В связи с этим любопытна находка замка при исследовании древнего Пенджикента (раскопки 1960 г.), где он датируется VII—VIII вв.[6] Замок этот сохранился плохо (рис. 1, *10*). Однако основные детали его — цилиндр, запирающая планка с пружинами и отверстием для стержня, стержень приваренный на кронштейне к нижнему краю цилиндра — позволяют судить о его конструкции. Принципиальная схема пенджикентского замка очень близка замкам так называемого болгарского типа.

Общеизвестно, что наиболее ранний тип средневекового навесного замка, широко распространенного в Восточной Европе,— это кубический замок. Некоторые исследователи считают, что трудоемкость процесса его изготовления привела к появлению цилиндрического замка. Цилиндрический замок как «русское изобретение» уже широко представлен на древнерусских поселениях XII в.[7] Нам кажется, что поиски новых форм и новых замочных конструкций объясняются не столько трудоемкостью изготовления кубического замка, сколько поисками более сложных и тем самым более надежных запирающих устройств. Сомнительно также, что кубический замок был единственной отправной точкой для «изобретения» двухцилиндрового замка. Находки одноцилиндровых замочный конструкций VII—VIII вв. в Пенджикенте, коленчатых ключей, иногда даже с арабской надписью, близ Самарканда (на Куолдор-Тепе) в слоях XI—XII вв.[8], наконец, целая серия замков болгарского типа далеко не случайны. Они свидетельствуют о том, что принципиальная схема цилиндрического замка с коленчатым ключом раньше, чем появиться на огромной территории Восточной, Северной и Центральной Европы, была известна ремесленникам Средней Азии. Трудно представить себе, чтобы в X—XI вв. древнерусские замочники не были знакомы с этой конструкцией и не оценили ее достоинств. Не случайно даже в предмонгольское время они изготовляли замки болгарского, а точнее среднеазиатского типа. Малочисленность подобных находок объясняется не только тем, что замки такой конструкции древнерусских поселениях составляли меньшинство (например, на полностью раскопанном городище древнего Изяславля их около 2% от обще-

---

[6] Благодарю А. М. Беленицкого за предоставленную возможность ознакомиться с этой находкой.

[7] Р. Л. Розенфельд. Русские замки домонгольского времени. КСИИМК. 49, 1953, стр. 36.

[8] Б. Я. Ставиский. Ук. соч., стр. 88.

го количества замков). Дело в том, что отдельные детали одноцилиндрового замка бывает трудно «узнать»: они могут вполне сойти за обычный двухцилиндровый замок.

Таким образом, появление двухцилиндрового навесного замка вряд ли произошло «вдруг», в результате простой трансформации кубического замка. Вероятнее всего, оно свидетельствует о более сложных культурно-технических процессах, причем существенную роль здесь мог сыграть высокий культурно-технический уровень крупнейших средневековых ремесленных центров Средней Азии, достижения среднеазиатских замочников.

Средневековый навесной двухцилиндровый замок с коленчатым ключом — это результат синтеза европейского кубического замка и одноцилиндрового среднеазиатского. К сожалению, нынешнее состояние материала не позволяет определить более точно ни место, ни время этого процесса.

Е. А. РЫБИНА

ИЗ ИСТОРИИ ЮЖНОГО ИМПОРТА В НОВГОРОД

В ходе раскопок на Неревском конце Новгорода (1951—1962 гг.) была собрана богатейшая коллекция древних предметов, обращение к которой позволило и позволяет подробно исследовать в разных аспектах средневековый быт и ремесло, жилища и городское благоустройство, письменность и искусство. Однако не все стороны средневековой жизни исследованы на археологическом материале в должной степени, а среди проблем, не получивших специальной разработки, имеются и первостепенные по своей важности. К их числу относится, в частности, обширная область истории новгородской торговли раннего периода [1].

Между тем в новгородской коллекции источники этой темы исчисляются тысячами предметов, большинство которых группируется в несколько категорий. Каждая категория, будучи массовой, дает возможность наблюдать закономерности развития торговых связей Новгорода. Мы имеем в виду, в первую очередь, предметы, импортное для Новгорода происхождение которых несомненно. Настоящая заметка посвящена некоторым наблюдениям, касающимся общих закономерностей торгового ввоза в Новгород, на примере массовых категорий предметов южного происхождения: шиферных пряслиц, грецких орехов, киевских толстостенных амфор и самшита — поделочного материала для производства главным образом гребней. Объединяя предметы иноземного и южнорусского происхождения, мы ограничиваем исследование вопросом о состоянии главных торговых путей с юга в Новгород, полагая, что и те и другие предметы в своем движении по территории Руси использовали одни и те же торговые дороги.

Самой многочисленной категорией южного импорта оказываются шиферные пряслица, которых на Неревском раскопе обнаружен 1821 экз. [2]

---

[1] Проблемы дальних связей Новгорода нашли частичное отражение в работах, посвященных созданию вещевой хронологической шкалы. См.: Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, 2; Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия древнего Новгорода. МИА, 117, 1963; М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). МИА, 65, 1959; А. Ф. Медведев. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде. МИА, 117, 1963, и др.

[2] В действительности их несколько больше. Однако в настоящее время, когда коллекция Новгородской экспедиции размещена в музеях разных городов, без обращения к этим местным собраниям невозможно в ряде случаев установить материал пряслиц, когда он не указан в отчетах экспедиции. Таких случаев насчитывается несколько десятков.

Важным качеством рассматриваемой группы, наряду с ее массовостью, является определенность происхождения. Пряслица изготовлены из розового шифера, единственное месторождение которого, как это показано в многочисленных исследованиях, находилось вблизи города Овруча на Волыни. Таким образом, мы знаем не только конечный, но и исходный пункт их движения. Краткую характеристику распределения пряслиц по хронологическим ярусам на частичном материале (1951—1957 гг.) дал Б. А. Колчин: «Пряслица из розового и серого шифера появились в Новгороде вместе с первыми новгородцами. В XI в. привоз их в Новгород очень быстро растет, и максимум достигается в самом начале XII в. После этого начинается резкий спад, и уже к началу XIII в. количество их становится незначительным. К концу XIII в. они практически выходят из употребления» [3].

Привлечение материалов, собранных в последующие годы, в целом подтвердило изложенное наблюдение, однако заставило обратить внимание на некоторые важные детали. Уже на диаграмме, изданной Б. А. Колчиным, хорошо заметно резкое временное сокращение количества шиферных пряслиц в 22-м ярусе (1076—1096 гг.). Это сокращение могло бы быть воспринято как случайное, если бы оно не подтвердилось новыми материалами. На диаграмме распространения шиферных пряслиц (рис. 1, *III*) хорошо виден резкий перепад, приходящийся на указанные годы. Следует заметить, что в действительности это сокращение было еще более резким, если учесть определенную длительность бытования однажды привезенного пряслица. В этой связи обращаем внимание на ту часть диаграммы, которая характеризует находки в слоях 3—14-го ярусов. Эти ярусы датируются временем после монгольского нашествия, и, таким образом, все найденные в них пряслица отражают уже не закономерности ввоза, а закономерности пережиточного бытования пряслиц, ввоз которых прекратился с разрушением овручских мастерских. В послемонгольских слоях найдено в общей сложности 188 пряслиц, количество которых сокращается от десятилетия к десятилетию.

Несомненно, подобная картина должна была наблюдаться и при любых возможных приостановках импорта пряслиц. Иными словами, в каждом ярусе в числе собранных экземпляров имеется какое-то количество предметов, ввезенных задолго до того, как они попали в землю. Разумеется, это должно касаться и 22-го яруса.

Только что отмеченное сокращение числа пряслиц в 22-м ярусе нуждается в объяснении. Такое объяснение может быть двояким: пряслица могли не производить в конце XI в., или же на этот период приходится перерыв в их транзите из Овруча в Новгород. Обращение к диаграммам других южных предметов импорта позволяет из двух предположений выбрать один убедительный ответ.

Обломки толстостенных амфор южного происхождения найдены в гораздо меньшем количестве. Однако распределение их по ярусам подчиняется той же закономерности, какая только что отмечена для пряслиц. Обломки амфор появляются в новгородских слоях впервые в конце X в. Их число постепенно увеличивается, достигая максимума в XII в. Монгольское нашествие оказывается рубежом, отделяющим более поздние слои, в которых практически не встречено амфорных обломков. В отличие от пряслиц, амфоры не обнаруживают тенденции к длительному переживанию. Это естественно: сама хрупкость сосудов препятствовала их продолжительному употреблению в быту. Поэтому диаграмма хронологического распределения амфорных обломков еще более объективно отражает колебания импорта. И здесь (рис. 1, *I*) мы видим резкое уменьшение числа обломков амфор, приходящееся на конец XI — начало XII в. В слое 21-го яруса (1096—1116 гг.) обнаружено только два фрагмента.

---

[3] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 111.

Принципиальное совпадение участков двух рассмотренных диаграмм в той их части, которая касается конца XI — начала XII в., показывает, что в действительности имел место перерыв не в производстве, а в транзите. Этот вывод становится особенно наглядным при рассмотрении еще одной диаграммы, отражающей на этот раз распределение в слоях Неревского раскопа скорлупы грецких орехов. Как и обломки амфор, эти находки отличаются такой же и даже еще большей объективностью в отра-

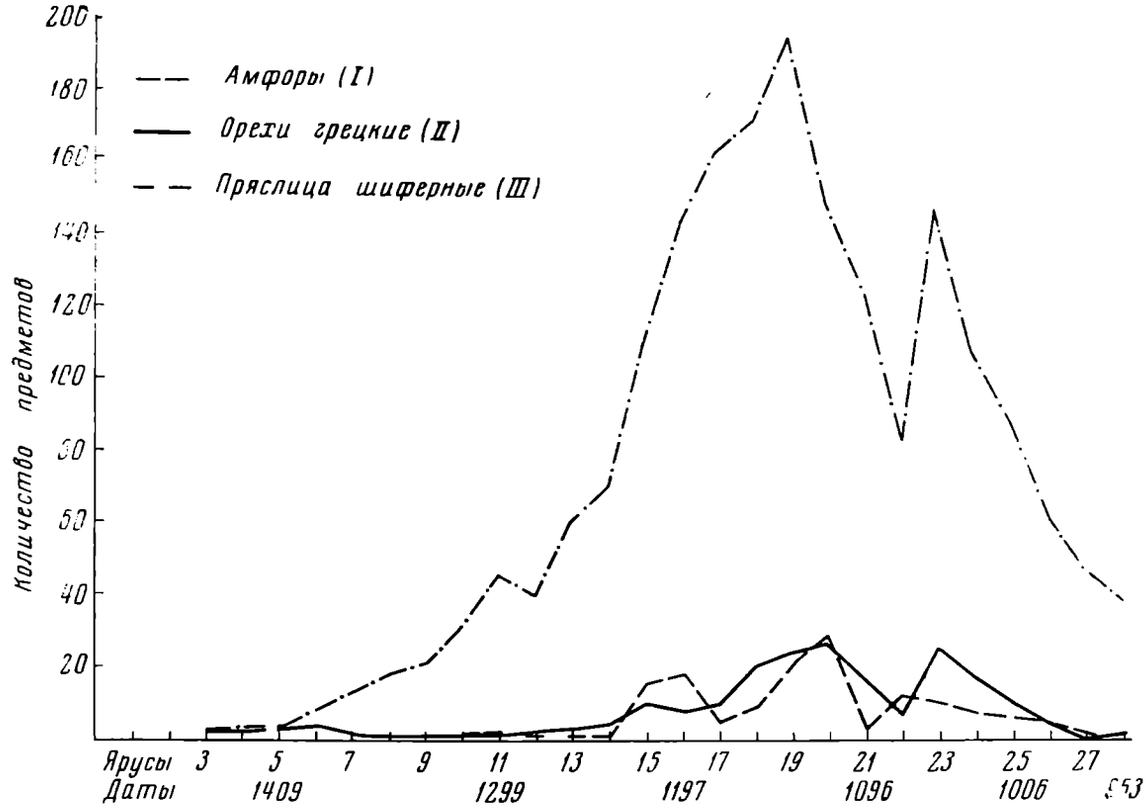


Рис. 1. Хронологический график распространения предметов южного импорта (*I* — амфоры; *II* — грецкие орехи; *III* — шиферные пряслица)

жении колебаний импорта, поскольку орехи никак не могли быть предназначены для длительного хранения и их скорлупа попадала в землю незамедлительно после доставки очередной партии.

Начавшийся в конце X в. ввоз в Новгород грецких орехов очень быстро (к середине XI в.) достигает своего максимума, сохраняющегося на протяжении первой половины XII в. Прекращение их ввоза, как и в предшествующих случаях, вызвано нашествием татаро-монгол. Именно в первой половине XIII в. кривая распространения орехов в слоях затухает (рис. 1, *II*). И так же, как и в предыдущих случаях, резкое уменьшение ввоза приходится на слои 21—22-го ярусов (1076—1116 гг.)

Принципиальное совпадение трех графиков позволяет утверждать, что сокращение импорта, отмеченное для 21—22-го ярусов, является не случайным. Однако само по себе это совпадение не объясняет причин такой закономерности. И в частности, пока мы имеем дело только с рассмотренными выше категориями, остается неясным, касается ли это сокращение всей системы торговли Новгорода с югом или имеет отношение к какой-то конкретной ситуации, возникшей в конце XI в. на одном из путей южной торговли.

Эта проблема может быть решена обращением к еще одной массовой категории южного импорта — самшитовым гребням. Деревянные гребни были подробно изучены Б. А. Колчиным и В. Е. Вихровым, заинтересовавшимися их поразительной сохранностью [4]. Высказанное исследователя-

[4] Из 312 экземпляров деревянных гребней, собранных на Неревском раскопе, анализу были подвергнуты 85 гребней, из которых только 3 оказались изготовлен-

ми мнение о происхождении самшита вполне определенно: «Самшит в Новгород мог поступать только из лесов Талыша, с северных склонов и Черноморского побережья Кавказа. Его доставляли по волжскому пути» [5]. График распределения самшитовых гребней по ярусам (рис. 2, *I*) обнаруживает иные закономерности, нежели в рассмотренных выше случаях. Ввоз самшита, начавшийся в середине X в., на протяжении всего XI в. прогрессирует, включая также 21—22-й ярусы. Падение ввоза происхо-

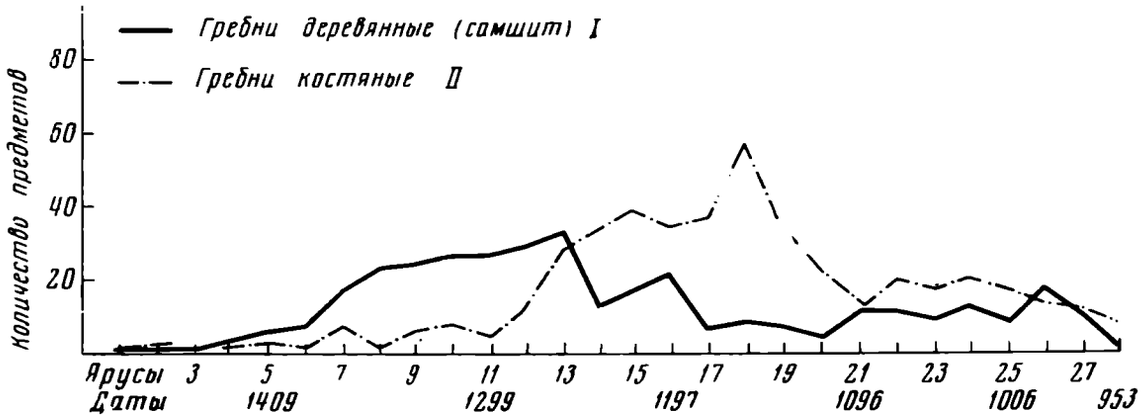


Рис. 2. Хронологический график распространения гребней (*I* — деревянные гребни (самшит); *II* — костяные гребни)

дит только в первой четверти XII в., распространяясь на середину и конец XII в. И лишь на рубеже XII—XIII вв. начинается новое резкое увеличение количества самшитовых гребней, продолжающееся затем почти 200 лет. Прямым подтверждением правильности этой картины являются особенности хронологического графика костяных гребней (рис. 2, *II*). Эти особенности заключаются в том, что в каждом ярусе уменьшение числа деревянных гребней влечет за собой увеличение числа костяных гребней и обратно. А это значит, что новгородские ремесленники-костерезы вынуждены были каждый раз при сокращении импорта самшита увеличивать свое производство.

Сопоставление всех привлеченных к исследованию категорий южного импорта позволяет обозначить в нем две группы. Одну из них составляет кавказский самшит, к другой относятся овручский шифер, южнорусские амфоры и грецкий орех. Вряд ли нужно сомневаться в том, что движение амфор и пряслиц в Новгород осуществлялось днепровским путем. Поскольку импорт грецкого ореха подчиняется тем же закономерностям, для нас представляется несомненным вывод о его транзите через Киев (из Крыма или с Балкан). Что касается самшита, то также очевидно, что он в своем движении в Новгород не был связан с днепровским направлением, поскольку, как показано выше, его ввоз подчиняется иным закономерностям.

Таким образом, в поисках причин падения импорта ряда южных вещей в конце XI в. мы приходим к предположению, что эти причины непосредственно связаны с взаимоотношениями Новгорода и Киева именно в это время.

В истории становления новгородской государственности концу XI в. соответствует весьма важный этап. В этот период боярство Новгорода

ными из местных пород дерева. Их отличие от самшитовых гребней резко бросается в глаза и без специального анализа, что позволяет расширить вывод об импорте древесины практически на весь материал отличной сохранности. См.: В. Е. Вихров, Б. А. Колчин. Из истории торговли древнего Новгорода. СА, XXIV, 1955, стр. 93—98.

[5] Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, Е 1—55. М., 1968, стр. 84.

приступает к решительной борьбе за создание собственного, независимого от князя органа власти. К концу 80-х годов XI в. В. Л. Янин относит возникновение нового типа посадничества; в середине 90-х годов XI в. новгородцы впервые осуществляют право изгнания неугодного им князя (Давида Святославича) и приглашения на его место «своего» князя (Мстислава Владимировича). В 1102 г. возникает острый конфликт между Новгородом и Киевом в связи с намерением киевского князя вмешаться в уже сложившиеся новгородские порядки. Вся эта борьба, которая осуществляется в форме антикняжеских движений, именно в конце XI в. потрясает систему взаимоотношений Новгорода и Киева [6]. Мы видим теперь, что эта борьба носила не только политический, но и экономический характер, будучи дополнена попыткой блокировать торговые пути между Новгородом и Киевом.

Рассмотренные материалы пока не позволяют установить, откуда шла инициатива такой блокады — из Новгорода или из Киева [7]. По всей вероятности, какую-то ясность в эту проблему может в дальнейшем внести рассмотрение предметов южного импорта из пунктов, расположенных на пути из Киева в Новгород, и прежде всего — из Смоленска.

[6] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 58—62.

[7] Приемы торговой блокады применялись как новгородцами, так и их противниками и в более позднее время. Сравним показания летописи под 1210 г.: «И поиде Мстислав с всем полком на Всеволода; и быша на Плоскои, и присла к нему Всеволод: «ты ми есь сын, а я себе отец; пусти Святослава с мужи и все, еже заседал, исправи; я гость пускаю и товар...» И пусти Мстислав Святослава и мужи его, а Всеволод пусти гость с товары...» (НПЛ, стр. 51—52) и под 1215 г.: «И зая князь верешь на Торжку, не пусти в город ни воза... (Ярослав) гсоть новгородчкыи всь прия, и бысть в Новгороде печаль и вопль» (НПЛ, стр. 253).

О. В. КРУГЛОВА

ДРЕВНЯЯ СИМВОЛИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАРОДНОГО ИСКУССТВА ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

О древних истоках народного искусства Ярославской области говорят нам многие орнаменты и изображения, которые донесли до наших дней отдельные произведения крестьянского быта.

Е. И. Горюнова [1] приводит большое количество примеров остатков древних культов в быту и идеологии современного населения Верхнего Поволжья и говорит о том, что количество этих примеров можно еще значительно расширить. В этом отношении особенный интерес представляют теремковые и столбчатые ярославские прялки и медные спицы-зеркальца, которыми крепился лен на гребни этих прялок.

Круглые розетки, геометрические узоры и плетенка, изображения коньков и утиц, которые входят как элементы в декоративное убранство произведений XIX в., своими корнями уводят нас в I тысячелетие н. э., когда огромная центральная часть нашей современной территории была заселена родственными по своей культуре финно-угорскими племенами, а территорию Ярославской области занимало племя меря [2].

Сравнивая отдельные орнаменты и изображения произведений народного искусства с узорами древних предметов, которые были найдены на этой территории археологами, мы имеет возможность не только говорить о сходстве узора, а и выдвигать отдельные предположения относительно первоначального смысла того или иного изображения и о том, как это

[1] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, стр. 140.

[2] Там же, рис. 41.

смысловое значение было связано с бытовым предметом, в данном случае с прялкой.

Так, например глядя на лопаску ярославской столбчатой прялки XIX в.[3], покрытую орнаментом, состоящим из горизонтальных полос мелких треугольников на заштрихованном фоне, нетрудно заметить сходство этого узора с костяным гребнем с двумя конскими головами, найденным в Сарском городище[4] (рис. 1, *1—3*). Причем на наиболее древних столбчатых прялках «сережки» лопаски, по-видимому, тоже резались, как стилизованные конские головки[5].

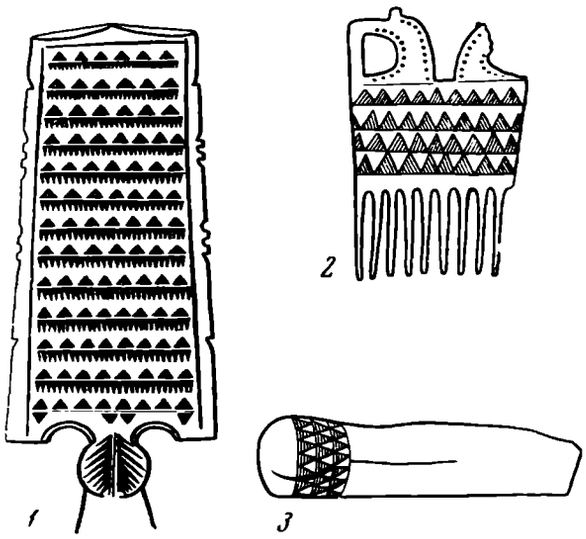


Рис. 1

1 — гребень ярославской столбчатой прялки. Собр. Загорского музея; *2* — костяной гребень из Сарского городища; *3* — костяная рукоятка ножа из Сарского городища

Этот узор из сплошных полос мелких треугольников, очень распространенный в резьбе лопасок столбчатых ярославских прялок XIX в., встречается на многих предметах мерянской культуры. Таким же распространенным мотивом резного орнамента лицевой стороны лопаски ярославской столбчатой прялки является и розетка, занимавшая обычно центральное место в композиции.

Мотив розетки — древнего солярного знака — очень часто встречается и на лопасках теремковых прялок. По-видимому, в далекие времена круглая розетка не случайно занимала на гребне прялки центральное место (рис. 2, *1*). Именно здесь привязывался лен, который взрастал под лучами всемогущего бога солнца.

Почти всегда розетка на лопасках теремковых прялок резалась в обрамлении жгутового орнамента. Если иметь в виду, что плетенку многие исследователи рассматривают[6] как усложнение волнистой линии — древнего знака воды, то мы имеет основание предположить, что и на ярославских копылах жгутовый орнамент, обрамляющий розетку, имел вполне определенный смысл: солнце и влага давали жизнь растению, из которого делали волокно на прялке.

Обряды, которые иногда можно наблюдать даже в наше время, говорят о том, что эти изображения на прялках имели когда-то совершенно определенный смысл. В этом отношении очень интересный материал был опубликован Г. С. Масловой и Л. М. Сабуровой по результатам работы Ангарской этнографической экспедиции. Так во время проводов «масленки» катались с гор на прялках, чтобы лен лучше уродился[7]. В этот праздник встречи весны, встречи солнца, от лучей которого зависел и урожай и жизнь людей, в праздник, когда во всех народных играх главным героем был бог солнца, имели место и обрядовые игры с прялками, о чем говорят материалы этнографических экспедиций.

О том, что в XIX в. в народе еще жили традиции древней языческой культуры, свидетельствуют не только дошедшие до наших дней народные

---

[3] Лопаска прялки из собрания Загорского музея, № 5155.

[4] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 134, рис. 61, *16;* кроме гребня аналогичный узор украшает рукоятку ножа; стр. 136, рис. 62, *2*.

[5] С. К. Жегалова. Художественные прялки. Сокровища русского народного искусства. М., 1967, рис. 116.

[6] Б. А. Рыбаков. Русалки и бог Симаргл-Переплут. СА, 1967, 2, стр. 93—116.

[7] Г. С. Маслова и Л. М. Сабурова. Этнографическое изучение русского населения Восточной Сибири. (Предварительное сообщение о работе этнографических отрядов Ангарской экспедиции АН СССР в 1957 г.). СЭ, 1958, 3, стр. 166.

обряды и поверья, а и отдельные, правда, единичные произведения народного искусства. Таким произведением является ярославская столбчатая прялка из собрания Загорского музея (рис. 2, *2*). Донце этой прялки украшено узором из розеток. Обычно принято было считать, что этот узор лишь в далекие времена имел смысл и воспринимался как символ солнца, а в XX в. в народе его значение было уже забыто и резали его просто так красивый декоративный элемент. Но на прялке из собрания Загорского

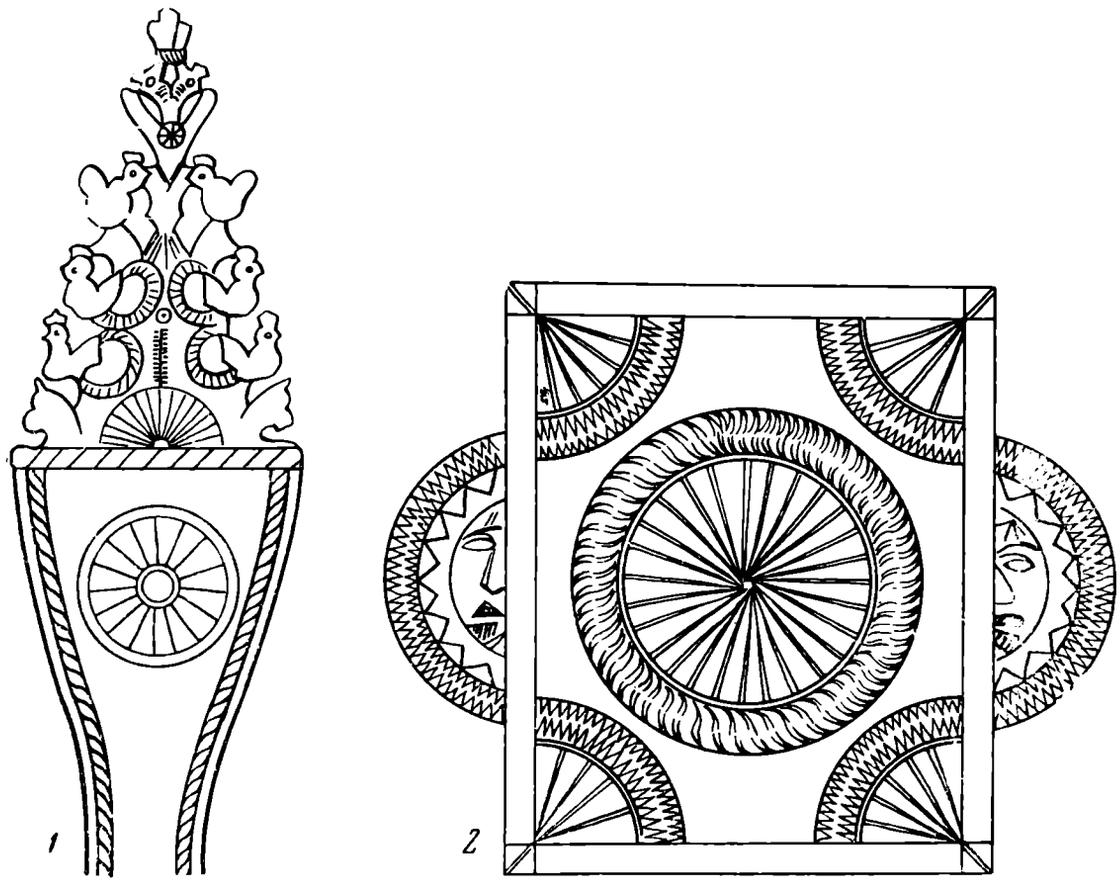


Рис. 2

1 — гребень теремковой прялки. Собр. Загорского музея; *2* — резьба на донце столбчатой прялки с изображением Ярилы. Собр. Загорского музея

музея среди розеток вырезана еще и круглая личина солнца — бога Ярилы с глазами, носом и оскаленными зубами[8]. Хочется предполагать, что, вырезая это изображение, мастер помнил его древнее значение. Интересно отметить, что в поздний период XVIII—XIX вв., когда в народном искусстве утвердилось чисто эстетическое значение, магический смысл розетки — символа солнца переходит в новые иконографические мотивы, в данном случае в реалистическое изображение личины бога солнца. Значит, мы имеет право предположить, что древний языческий смысл этого символа не был утрачен.

Розетку на лопаске прялки окружали не только орнаменты, смысл которых мы пытаемся разгадать, обращаясь к глубокой древности. Верхнюю часть гребня теремковой прялки, как правило, украшают две симметрично расположенные конские головы и три пары уточек (рис. 2, *1*).

Две стилизованные конские головы украшали и спицу-зеркальце, которой лен крепился к гребню. Спица-зеркальце состоит из длинного стержня и прямоугольной рамки, куда врезалось зеркальце. Верхнюю часть этой рамки и украшают парные головы коней (рис. 3, *1—2*). В центре между ними на многих образцах помещался ромб — стилизованное изображение

[8] Т. В. Николаева. О некоторых надгробиях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника. СА, 1958, 3. стр. 179, рис. 7.

женской фигуры — богини природы. Но часто ромб заменяла малопонятная фигура, скорее напоминающая царскую корону. Эта замена, по всей вероятности, произошла под влиянием новой культуры XVIII в., оказавшей значительное влияние на многие разделы крестьянского искусства.

Точно так же, по-видимому, и центральная, завершающая часть самой лопаски теремковой прялки, где сейчас в окружении конских голов и птиц находится корона, когда-то была занята ромбической фигурой, так как это не противоречит смыслу известной нам, по В. А. Городцову [9], древней композиции (рис. 2, *1*). Крупнейший исследователь русского народного искусства В. С. Воронов [10] также высказывал предположение, что на лопаске теремковой прялки в предшествующие века центральное место занимало цветущее древо, на ветках которого размещались три пары священных птиц, а по обе стороны цветущего древа — изображение двух коньков.

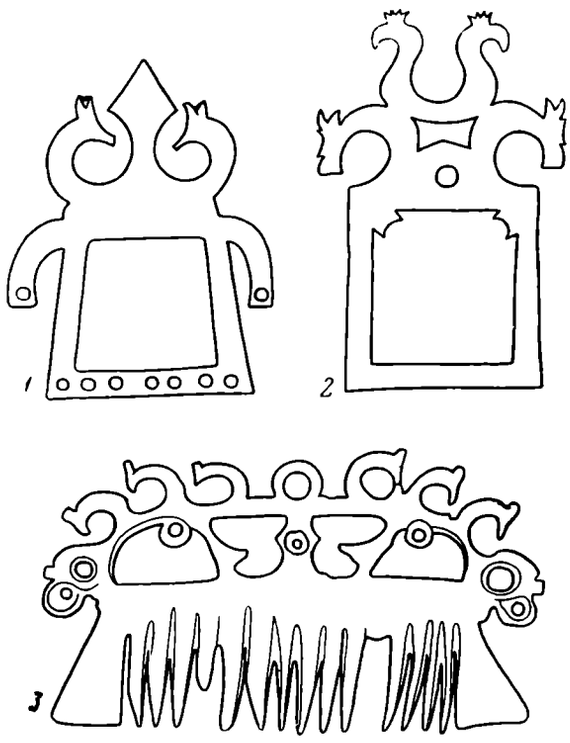


Рис. 3

1, *2* — медные спицы-зеркальца XIX в. Собр. Загорского музея; *3* — медный гребень Вологодской губернии. Сольвычегодского уезда. Музей антропологии и этнографии АН СССР № 2039-64

Небезосновательно будет и предположение, что это центральное место лопасти теремковой прялки когда-то занимало изображение Мокошь-богини ткачества и водной стихии в окружении священных птиц, коней рядом с изображением всемогущего бога солнца — лучистой розетки и узора плетенки — древнего символа воды — узор, который шел и в XIX в. встречаем почти на всех теремковых прялках.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в коллекции Загорского музея есть спица-зеркальце с датой «1838 год», над парными конскими головами которой помещено парное изображение утиц, напоминающих ладью (рис. 3, *2*). Такое сочетание дает нам возможность вновь обратиться к древней языческой легенде о пути солнца днем и ночью, приводимой Б. А. Рыбаковым [11] и еще раз подтверждающей предположение о том, почему круглая розетка на лопасках ярославских прялок занимала центральное место.

И еще одна очень важная деталь в оформлении спицы-зеркальца обращает на себя внимание. Это сквозные отверстия по нижнему краю рамки (рис. 3, *1*). На них подвешивались различные яркие подвески для украшения. Иногда это были бусинки. Подобные спицы-зеркальца с парными конскими головами, с фигурами ромбов в центре и с отверстиями для подвесок были обязательной принадлежностью столбчатых и теремковых ярославских прялок XIX в.

При первом же беглом взгляде на спицу-зеркальце встают в памяти шумящие подвески в виде парных коней с подвесными гусиными лапками, в большом количестве найденные археологами на территории мерянской земли (рис. 4, *3—4*) [12]. В них образ коня часто сопровождается образом утицы.

[9] В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве Гр. ГИМ, М., 1926, рис. 1.

[10] В. С. Воронов. Русские народные прялки. Рукопись 1916 г. Архив семьи В. С. Воронова.

[11] Б. А. Рыбаков. Искусство древних славян. История русского искусства, I, М., 1953, стр. 65.

[12] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, табл. 39, 40, 42, 94 и др.

Подобную формулу шумящих подвесок с парными конскими головами археологи находили в большом количестве и у соседних финно-угорских племен [13]. Подвески и гребни с головами коней были очень распространены и в искусстве древних славян [14]. Анализируя материалы раскопок Верхнего Прикамья, Л. А. Голубева особо подчеркивает мысль А. А. Спицина о том, что изображения коня являлись специфически женским украшением, что коньковые подвески археологи находили только в женских погребениях и что вместе с коньковыми подвесками были найдены также привески круглой формы — солярные символы (рис. 4, *1—2*). «Образ коня был повсеместно связан с солнцем и богиней природы — матерью всего сущего. Отсюда охранительное значение изображений коня, часто совпадавших у многих народов: коньки на кровлях домов, разные коньки на посуде, утвари, гребнях и т. д.» [15].

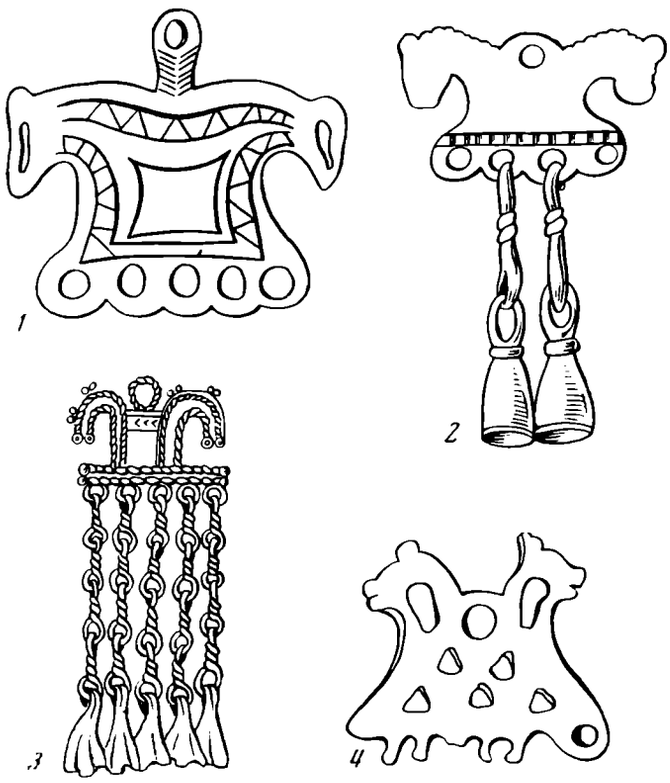


Рис. 4

1, 2 — коньковые подвески Верхнего Прикамья VII—IX вв. Бродовский могильщик; *3* — коньковая подвеска из могильника Ярославской обл.; *4* — коньковая подвеска из кургана у пустоши Кубасовой Костромской обл. XII—XIII вв.

По-видимому, совсем не случайно и на ярославских теремковых прялках лопаска с солярным знаком в центре и медная спица, которой крепился лен на лопаску, украшались парными изображениями конских голов, которые, возможно, так же как и древние женские конские подвески, связывались с понятием о плодородии земли и делались как обереги, охранительные знаки женщины-пряхи.

Образ коня донесли до наших дней многие предметы народного искусства (рис. 3, *3*). В этом отношении большой интерес представляют металлические гребни, которые были распространены в XIX в. на очень обширной территории европейской части.

В облике металлических гребней XIX в. Г. С. Маслова находит очень много общих черт с ярославскими металлическими спицами-зеркальцами и с верхушкой лопаски ярославских теремковых прялок с парными изображениями конских голов.

И действительно с трудом верится, что этот предмет XIX в.— так близок он по образу к древним подвескам Верхнего Прикамья. Только вместо одной пары коньков — на гребне три пары. И так же как древняя коньковая подвеска в верхней ее части имела отверстие для ее крепления, гребень XIX в. имеет петлю, за которую было принято подвешивать его к поясу.

Как известно, пояса сами по себе играли важную символическую роль, считались оберегами от чародейства у многих народов. Гребенка с конями

---

[13] Л. А. Голубева. Коньковые подвески верхнего прикамья. СА, 1966, 3, стр. 80—98, рис. 5, 6, 9.

[14] Б. А. Рыбаков. Искусство древних славян, стр. 67.

[15] Там же, стр. 80.

усугубляла благодатную силу пояса, который носила женщина [16]. Гребень из Музея антропологии и этнографии АН СССР, который Г. С. Маслова считает близким по своему образу к спицам-зеркальцам Ярославской области, привезен с Вычегды (Сольвычегодской уезд, Вологожская губерния). Но нужно иметь в виду, что эта территория, как и Верхнее Прикамье, была заселена финно-угорскими племенами. Там и сейчас в верховьях реки живут народы коми. Поэтому металлический гребень XIX в. из Сольвычегодского уезда не случайно так живо сохранил черты, характерные для культуры древних финно-угорских племен. И не случайно он близок по образу к некоторым произведениям народного искусства Ярославской области, корни которого связаны с культурой народов меря.

В коллекции Загорского музея также имеется близкий к вычегодскому экземпляр гребня; по всей вероятности, его можно считать местным.

Эти примеры говорят о том, что влияние единой древней культуры финно-угорских племен, занимавших обширную территорию, еще и сейчас прослеживается в русском народном искусстве многих областей.

Символы древней языческой культуры этих народов, дошедшие до нас в орнаментике и в разнообразных изображениях, и в XIX в. занимали основное место в декоре отдельных произведений русского народного искусства. И если в большинстве своем народ уже не помнил смысла и содержания этих изображений и помещал их на предметах быта чаще всего только как декоративные элементы, то и в этом случае одна лишь их форма дает нам возможность отнести их происхождение к далеким векам язычества.

---

[16] П. С. Ефименко. Старинные гребенки в Пинежском уезде Архангельской губернии. Древности, 4, М., 1874, стр. 49—57.

Критика и библиография

Ценное пособие по терминологии первобытных каменных изделий (Michel N. Brezillon. La dénomination des objects de pierre taillée. Matériaux pour un vocabulaire des préhistoriens de langue française. IV supplément à «Gallia préhistoire», 411 pages, 227 figures. Une volume. Paris, 1968)

Исследователи первобытной эпохи, получающие при раскопках в свое распоряжение в основном каменные изделия, давно уже понимали, что развитию науки сильно мешает отсутствие единых принципов систематики археологических материалов, и в частности отсутствие удовлетворительной номенклатуры каменных изделий. Еще в 1921 г. Международный антропологический институт [1] на своем конгрессе в Льеже постановил создать специальную комиссию, которая должна была заняться разработкой терминологии в первобытной археологии [2]. Работы комиссии планировалось обсуждать на общих заседаниях института. Спустя 8 лет на IV конгрессе доисториков Франции принимается аналогичное решение. Однако дело не сдвинулось с места. В середине 40-х годов Общество французских доисториков ставит перед собой уже несколько более ограниченную задачу: создать словарь употребляемых терминов [3]. Однако и это пожелание оставалось нереализованным [4]. Не ускорило решение этой проблемы и выступление со специальной статьей такого авторитетнейшего исследователя каменного века, каким был аббат А. Брейль (H. Breuil. Prolégomènes à une classification préhistorique. BSPF, t. 51, Paris, 1954, p. 7—15). Правда, в эти годы начинают появляться отдельные небольшие этюды, посвященные описанию различных изделий, а потом и такие фундаментальные исследования, как работы Ф. Борда, Д. Сонвиль-Борд, Ж. Лапласа, Ж. Тиксье, А. Леруа-Гурана и др. Но в этих работах сделаны попытки систематизации лишь ограниченных конкретных материалов. Ф. Борд предложил типологический список каменных изделий для раннего и среднего палеолита [5]. На основании изучения огромнейшего материала западноевропейских памятников он выделяет 63 типа каменных изделий, составляющих лист-тип ранне- и среднепалеолитического каменного инвентаря. Но поскольку предложенный лист-тип создан в основном на материалах Западной Европы, он не отражает всего того разнообразия каменных изделий в древнем и среднем палеолите, с которым приходится встречаться исследователям на других территориях [6]. Следовательно, лист-тип Ф. Борда не всеобъемлющ. Это в какой-то мере сознает и сам Ф. Борд [7]. Подобная ограниченность присуща типологии Д. Сонвиль-Борд созданной на материалах позднего палеолита Перигора [8], и типологии Ж. Тиксье по эпипалеолиту Северной Африки [9]. Критика их А. Леруа-Гураном нам представляется совершенно справедливой [10].

И вот перед нами труд Мишеля Брезийона, посвященный этим вопросам. Хотя книга называется скромно — «Наименование предметов расщепленного и обработан-

---

[1] В Западной Европе первобытная археология вместе с антропологией входят в систему естественных наук.

[2] Revue Anthropologique, 1921, стр. 377.

[3] G. Gaudron. BSPF, 41, 1944, стр. 120; J. A. Mauduit. BSPF, 41, 1944, p. 134.

[4] M. Duteurtre. RSPF, 48, 1951, стр. 10.

[5] F. Bordes. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961, 1.

[6] Н. Д. Праслов. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968, стр. 97—99.

[7] F. Bordes. Le Paléolithique dans le mond. Paris, 1968.

[8] D. de Sonneville-Bordes. Le Paléolithique supérieur en Périgord. Bordeaux, 1960, 2, стр. 560, рис. 295.

[9] J. Tixier. Typologie de l'Epipaléolithique du Maghreb. Mémoires du Centre de Recherches anthropologiques, préhistorique et ethnographiques. 2, Alger, Paris, 1963, A. M. G., стр. 212, рис. 61, табл. 2.

[10] A. Leroi-Gourhan. Notes de morphologie descriptive. Cours de Préhistoire. Paris, 1964; A. Leroi-Gourhan, G. Bailloud, J. Chavaillon. A. Laming-Emperaire. La Préhistoire. Paris, 1966, стр. 241—245.

ного камня» и в подзаголовке добавлено, что это «материалы для французского словаря доисторпков», в ней содержатся не только материалы для словаря.

Монография состоит из двух больших частей. В первой части подробно рассматривается история возникновения терминологии по первобытной археологии, т. е. история возникновения и развития систематики и номенклатуры, начиная с самых первых работ ученых, стоявших у создания науки о каменном веке, и кончая исследованиями наших современников. Автором просмотрено огромнейшее количество различных статей и крупных работ по первобытной археологии и скрупулезно выбрано все, что имеет хотя бы малейшее отношение к вопросам систематики и номенклатуры каменных изделий. Уже это одно делает его монографию ценнейшим справочным пособием для всех историков древнейшего прошлого человечества. При этом нужно подчеркнуть, что, поскольку Франция является родиной науки о палеолите и именно во Франции вырабатывались основные понятия, которыми мы пользуемся до сих пор, исследование М. Брезийона имеет большое значение для ученых всех стран.

Разобрав основные положения систематики и номенклатуры в других естественных науках (стр. 12—14), М. Брезийон подводит нас к принципам систематики, номенклатуры и типологии в первобытной археологии (стр. 14—36). Здесь он, следуя за своим учителем А. Леруа-Гураном, справедливо указывает на то, что систематика продуктов человеческой деятельности является также эмпирической, как и в некоторых естественных науках, в частности в зоологии. Поэтому при разработке археологической классификации можно заимствовать основные теоретические достижения натуралистов при установлении таксономических принципов. Однако, по нашему мнению, следует учесть, что предметы человеческого труда являются проявлением самой высшей формы движения материи — сознания. Поэтому и принципы классификации их будут значительно сложнее, чем принципы классификации продуктов деятельности природы. Недооценка этого фактора поставит с самого начала любые попытки систематики археологического материала на заведомо ложный путь. В связи с этим М. Брезийон справедливо указывает на то, что понятие основной номенклатурной единицы — типа — в археологии должно быть очень сложным. Он пишет, что «...для выделения выразительного типа недостаточно собрать группу предметов более или менее схожих. Нужно еще, чтобы селекция основывалась на выборе подходящего характера. Этот выбор, который полностью зависит от наблюдателя, является объективной функцией как цель классификации» (стр. 17). Имея в своем распоряжении различные орудия, изготовленные рукой человека, археологи-первобытники должны разрабатывать свои классификации с учетом воздействия человечества на изучаемые объекты.

На последующих страницах (17—31) М. Брезийон подробно характеризует попытки классификаций, осуществленные с функциональной, морфологической и технической точек зрения, и указывает на недостатки каждого метода в отдельности.

Специальная глава посвящена созданию словаря употребляемых терминов в первобытной археологии с лингвистической точки зрения (стр. 37—55). Этот раздел написан очень компетентно, полно и интересно. Все, кто работает непосредственно с материалом из раскопок, знают как бывает трудно описать новое явление, ранее не известное в археологии. Знакомство с историей развития понятий и словаря облегчит такую работу.

Большую ценность в рецензируемой работе представляют разделы «Описательный словарь» (стр. 57—67) и «Словарь расщепления и обработки» (стр. 69—134). Эти разделы имеют значение не только для исследователей, начинающих свой путь в науке, но и для сложившихся специалистов. Для успешного развития науки очень важно, чтобы ученые правильно понимали друг друга. Зачастую приходится сталкиваться с тем, что схожие предметы разными учеными описаны и изображены так, что в них нельзя найти элементы сходства. Это, естественно, приводит к нежелательным результатам. Очень важно, чтобы описание предметов делалось по одним понятиям и одними приемами. Например, совершенно твердо надо установить ориентацию изделий при описании и определение элементов описания: что такое край, сторона, различные части изделия и т. д. Обо всем этом у М. Брезийона читатели найдут очень подробные справки.

Первая часть монографии М. Брезийона заканчивается небольшим разделом «Будущее таксономии первобытной археологии» (стр. 135—139). В нем автор справедливо указывает, что сейчас крайне трудно, а зачастую и невозможно использование старых работ из-за употребления различных терминов и приемов описания (стр. 135). Вместе с тем М. Брезийон полагает, что в настоящее время настал момент приступить к выработке основных принципов таксономии в первобытной археологии, и призывает к активной деятельности в этом направлении.

Исключительную важность в монографии М. Брезийона составляет вторая часть, представленная эскизом словаря употребляемых терминов по отношению к предметам расщепленного и обработанного камня (стр. 140—379). Словарь составлен в алфавитном порядке. Термины рассматриваются в историческом развитии понятий с момента первого употребления в научной литературе и с последующей трансформацией, если таковая имелась, со ссылками на первоисточники в каждом случае. Пора-

жает тот огромный объем работы, который пришлось проделать автору при составлении этого словаря. Основные описываемые типы каменных изделий иллюстрированы прекрасными рисунками, что значительно облегчает понимание этих типов. Всего в словаре помещено около 200 рисунков. Некоторые из них представлены сложными таблицами. Здесь следует отметить одну неточность, вкравшуюся в работу М. Брезийона, правда, не по небрежности автора, а скорее из-за ошибки А. Леруа-Гурана. На стр. 320 он дает описание наконечника типа Маркиной Горы в Костенках (pointe de Markina-Gora), воспроизводя рисунок и описывая основные особенности наконечника из нижнего слоя Костенок I. Этот тип наконечника А. Н. Рогачев описывал как «треугольный наконечнык с вогнутым основанием» [11], характерный для костенковско-стрелецкой позднепалеолитической культуры. Поскольку уже есть наконечник костенковского типа (стр. 316) с боковой выемкой, а в материалах Маркиной Горы нет двусторонне обработанных наконечников с вогнутым основанием, то целесообразнее, очевидно, было бы называть такое орудие «наконечником костенковско-стрелецкого типа». Но это замечание частного характера.

Важным дополнением к работе М. Брезийона является библиография, состоящая из более чем 900 названий. Каждый, интересующийся проблемами таксономии первобытной археологии, найдет в ней достаточное количество источников. К сожалению, в библиографии отсутствуют работы русских археологов, за исключением нескольких статей, опубликованных на французском и английском языках.

В целом же, как неоднократно указывалось выше, монография М. Брезийона представляет ценнейшее пособие для археологов всего мира. Работа М. Брезийона хотя и не решает вопросов таксономии в первобытной археологии, но позволяет вплотную заняться систематикой и номенклатурой каменных изделий. Можно согласиться с М. Брезийоном, что типология должна прогрессивно развиваться и развиваться свободно, при необходимости освобождаясь от пут выделенных категорий (стр. 135). Однако это развитие не должно быть таким бессистемным и хаотичным, как в настоящее время. Необходимо выработать основные принципы систематики, по которым и будет развиваться типология для разных культур каменного века. И единственный путь, по которому должна идти разработка общих принципов систематики и номенклатуры, это создание в рамках Международного конгресса доисториков и протоисториков специальной комиссии, которая бы постоянно на своих заседаниях занималась рассмотрением таксономических принципов и принимала бы решения наподобие тех, которые существуют в ряде естественных дисциплин, например, в ботанике и зоологии [12]. Существующая комиссия в рамках Панафриканского конгресса уже достигла определенного успеха по частным вопросам. Однако эта комиссия в силу своей ограниченности не может быть законодательной для ученых всех стран. Такой комиссией может быть только комиссия в рамках Международного конгресса.

Н. Д. Праслов

---

[11] А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, 59, 1957, стр. 37—40 сл.

[12] Международный кодекс ботанической номенклатуры, принятый VIII Международным ботаническим конгрессом, Париж, июль 1954 г. М. —Л., 1959; Международный кодекс зоологической номенклатуры, принятый XV Международным зоологическим конгрессом. М. —Л., 1966.

Wolfgang Taute. Die Stielspitzen — Gruppen in nördlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinreit. Köln, 1968

Появление крупных обобщающих работ — всегда радостное событие в археологии. Поэтому крайне интересно знакомство с работой западногерманского археолога д-ра Вольфганга Тауте, посвященной культурам с наконечниками с черешком в Центральной Европе.

Работа состоит из 270 страниц текста: предисловия, 6 глав, заключения, списка литературы, 16 приложений, словаря археологических терминов, географического словаря, персонального словаря. Книга богато иллюстрирована: в ней 180 таблиц, содержащих рисунки каменного и костяного инвентаря, 12 карт и 57 рисунков в тексте.

Глава I состоит из трех разделов. В первом из них автор дает краткую историю исследования вопроса, где отмечает работы Г. Д. Кларка, Г. Швантеса, Ю. Андре, С. Круковского, Л. Савицкого, Л. Козловского, Л. Ф. Цотца, А. Руста, Т. Матиассена, Г. Швабедиссена и других исследователей. Второй раздел посвящен методологии работы. Автор считает важнейшими методы картографирования, хронологического расчленения инвентаря памятников, типологический (с выделением и подчеркиванием комплексов инвентарей) и статистический. Третий раздел касается номенклатуры каменных орудий комплексов, учтенных в работе. Тут хотелось бы сделать одно замечание: трудно сказать, имеет ли право на существование выделенный автором тип

наконечника — хвалибоговицкий. Он встречается в основном на польской территории, и, наверное, следовало бы сохранить за ним название, принятое в польской археологической литературе, — «наконечник с хорошо выделенным черешком», тем более что сама стоянка Хвалибоговицы является смешанным памятником и исследована гораздо хуже других польских стоянок конца палеолита.

В главе II дается описание памятников и находок. Она самая большая по объему (143 стр.). В первом разделе излагается обоснование территориальных границ, которыми ограничено описание материала. Правда, автор касается некоторых памятников, лежащих и за пределами избранной им территории. Во втором разделе публикуются памятники, расположенные между Эльбой и Рейном. Здесь особенно интересны стоянки Даймерн 45 (раскопки автора), Лафенштедт, Каленхардт и др. В третьем разделе рассматриваются памятники между Нижней Эльбой и Фенсбургским заливом. Здесь особенно интересны стоянки Эггштедт, Клейн Норденде 2, стоянки в окрестностях Гамбурга (Риссен) и Аренсбургская группа.

Четвертый раздел посвящен стоянкам и отдельным находкам с территории Дании — полуострова Ютландии и Датских островов. Особого внимания здесь заслуживает стоянка Бромме на о. Зеландия, где собран большой и интересный материал. Пятый раздел — равнина между Эльбой и Одером. Здесь автор обращает особое внимание на стоянки Тегель А и В (раскопанные им), Мюнхехофе.

Шестой раздел дает описание памятников, помещающихся между Одером и Вислой. К сожалению, автор оставляет за некоторыми из них старые названия довоенного времени. Поэтому сейчас их трудно идентифицировать с последними названиями. Здесь особенно интересны стоянки Цихмяна, Витув, пещера Руска Скала, Рыдно I/56 и IV/57 и др. Памятники, расположенные между Вислой и Неманом, публикуются в седьмом разделе. Здесь интересны польские стоянки Сьвидры Вельке I и II, Велишев, Плуды А, Станьковичи I—III, V, VII и др.

Памятникам, расположенным западнее Рейна, посвящен восьмой раздел. Из них особенно важны поселения Гельдроп (Голландия), Ремушам (Бельгия). Стоянки с наконечниками из Южной и Западной Швеции (Зегебро и др.) публикуются в девятом разделе. Последний, десятый, раздел посвящен важнейшим памятникам, лежащим к востоку от Немана. Это стоянки с территории Литвы. Вызывает некоторое удивление, что в этой главе автор, учитывая литовские материалы, не останавливается на давно и относительно неплохо опубликованном аналогичном материале из Белоруссии.

Глава III посвящена характеристике комплексов и отдельных находок. В первом разделе автор подчеркивает, что рассматриваемый материал происходит почти исключительно из поселений. Погребальных памятников и кладов в его распоряжении нет. В следующем большом разделе он делит коллекции на шесть категорий: 1) находки комплексов из раскопок; 2) отдельные находки в раскопках; 3) комплексы однородных типов из сборов; 4) комплексы смешанных типов, в которых содержатся наконечники с черешком; 5) отдельные находки; 6) отдельные находки в комплексах чужеродных типов.

Глава IV посвящена описанию типов находок. К главе автор предпосылает небольшое вступление (первый раздел). Второй раздел, касающийся кремневых орудий, автор тоже начинает со вступительных замечаний о кремневом сырье, где отмечает характер кремневого сырья в разных местах изучаемого региона. Особенно интересны здесь данные об импорте кремневого сырья. Описывая кремневые формы, автор считает, что самой характерной формой нуклеусов являются двуплощадочные призматические нуклеусы от ножевидных пластин, хотя бытуют и другие типы (конические, одноплощадочные и т. д.). Интересны замечания автора о так называемой «микрорезцовой технике», где он пишет, что двойные микрорезцы — отход производства наконечников с черешком; дальше в том же подразделе описываются различные типы наконечников с черешком и их ареалы; таким же образом описываются микролиты, орудия с затупленным краем, резцы (причем особое внимание автор обращает на резцовые сколы), скребки (при этом подсчитывается соотношение скребков и резцов на памятнике, которому придается хронологическое значение), пластины с концевой ретушью, комбинированные орудия, сверла, топоры и другие орудия. В третьем разделе описываются орудия из сланца, песчаника, кварцита и других некремневых пород: это ретушеры, пользующиеся особым вниманием В. Тауте, отбойники, шлифовальники и другие изделия. В четвертом разделе автор касается немногочисленных предметов из рога и кости, к которым относятся так называемые топоры типа Лингби из рога северного оленя, гарпуны, заостроенные мотыги (?), обрезанные отростки рога, орудия с пазами, иглы, пробитые фаланги млекопитающих (коробочки ?). В последнем разделе этой главы дано описание украшений и произведений искусства, найденных в стоянках с наконечниками.

С главы V начинается основная часть работы. Эта глава дает подразделение материала на группы. В разделе первом автор приводит свои или повторяет высказанные до него определения терминов «индустрия», «группа», «круг», «ступень» и т. д. Раздел второй посвящен характеристике групп разных кругов: Лингби (группы Зегебро-Бромме, Тольк-Шпренге и раннепиннбергская ступень), Аренсбург (группы Эггштедт-

Штельмоор, Тегель-Кетцендорф, Гельдроп-Калленхардт, Диддерзе-Лафезум, Будель-Неер, индустрии Даймерн 45, Ремушам, Тоскер), Свидер (группы Свидры Вельке-Скаруляй, Добегнево-Эйгуляй, Закжув-Плуды, Витув С-Станьковичи, Шталльберг-Мюнхехофе, индустрии Драйсяйкяй и Лампеджяй). В. Тауте очень осторожен в определении принадлежности памятников, и поэтому ряд стоянок не включен им в состав конкретных культурных кругов, хотя имеет отдельные признаки того или иного круга. В том же разделе разбираются наконечники с черешком развитого мезолита и неолита. Необходимо подчеркнуть, что В. Тауте излагает собственное подразделение памятников на группы и их классификацию, иногда спорную, особенно в части, касающейся польских поселений. В этом разделе автор дает только относительную хронологию групп памятников.

Третий раздел этой главы посвящен абсолютной хронологии стоянок и групп памятников, основанной на различных методах естественных наук. Группа Зегебро—Бромме датируется аллерёдом или поздним дриасом, индустрия нижней пиннбергской ступени — поздним дриасом, группа Эггштедт — Штелльмоор — поздний дриас. Так же датируются группы Тегель-Кетцендорф, Диддерзе-Лафезум; индустрии Даймерн 45 и Ремушам, которые являются дальнейшим развитием группы Гегель-Кетцендорф, отведен самый конец позднего дриаса или начало пребореаля. Группы Гельдроп-Калленхардт и Будель-Неер датируются тоже поздним дриасом. Однако нужно отметить, что в стоянке Будель IV есть дата по C^{14} 9120±90 гг. до н. э., которая относит ее к аллерёду. Тем не менее В. Тауте считает, что типологически группа Будель-Неер не выходит за пределы позднедриасовых аренсбургских индустрий. Индустрия Тосскерр А — пребореал. В свидерской культуре группа Витув С-Станьковичи (по пыльце на стоянке Витув) датируется поздним дриасом. Часть памятников более ранних групп (Свидры Вельке-Скаруляй и др.) может быть раньше позднего дриаса. Есть здесь и мезолитические, т. е. голоценовые памятники (например, Лампеджяй, Каню-кай). Однако, отмечает В. Тауте, для выделенных им групп свидерского круга возможны главным образом сравнительно-типологические датировки.

Глава VI носит название «Выводы о культурной истории и истории заселения». Первый раздел касается характера групп, т. е. здесь В. Тауте публикует мнения разных исследователей о том, какой этнической единице (племя, род и т. д.) соответствуют эти группы (или культуры). У самого автора на этот счет нет определенного мнения.

Во втором разделе говорится о происхождении и развитии групп с наконечниками. Автор считает, что генетических предшественников групп свидерского круга нужно искать в южнорусских и южнопольских степях, с чем трудно согласиться, так как никаких следов предков свидера здесь не прослеживается. Аренсбург — результат взаимного влияния круга лингби и групп федермессер. Круг лингби автором выводится из французского мадлена.

В следующем разделе автор говорит о культурах финального палеолита с наконечниками как основе для сложения ряда мезолитических и неолитических культур. Здесь хотелось бы поспорить с В. Тауте по вопросу, касающемуся мезолита Волго-Окского междуречья. Вряд ли стоянка Скнятино, где уже встречены топоры и которая имеет много общего с ранненеолитическими комплексами, может располагаться типологически раньше, чем раннемезолитическая стоянка Гремячее. Автор говорит о сходстве Оки и Верхней Волги со свидером. При этом вырываются из комплексов отдельные черты, которые действительно аналогичны (кстати, этот прием характерен для всех теоретических рассуждений В. Тауте, когда речь идет о сходстве групп памятников). Если же рассматривать все комплексы целиком, то будет видна разница между свидером и волго-окской мезолитической культурой.

Последний раздел посвящен характеру поселений, описанию жилищ, очагов и т. д., топографии памятников и другим вопросам. Заканчивается работа кратким заключением, переведенным на английский, французский, польский и русский языки.

Несмотря на незначительные указанные мною недостатки, работа В. Тауте заслуживает высокой оценки как хорошая сводка позднепалеолитических и раннемезолитических памятников, имеющих в своем инвентаре наконечники с черешком.

Л. В. Кольцов

Investigations at Tal-i-Iblis. I. Caldwell, editor. Illinois State Museum, Preliminary Report, No. 9, 1967, Illinois

Древнейшие земледельческие поселения Южного Ирана практически до сих пор остаются неизученными, и все наши сведения в основном базируются на сборах подъемных материалов, полученных почти 40 лет назад. Между тем, эта территория представляет исключительный интерес для реконструкции общего хода исторического процесса, протекавшего на территории Ирана в эпоху камня и бронзы. Не меньшее значение приобретает эта область еще и потому, что она занимала промежуто-

чное положение между городскими цивилизациями долины Инда и Месопотамии, и именно через нее проходили древние торговые пути и культурные связи.

Одним из памятников этой территории является Тали-Иблис, руины которого в 1932 г. были обследованы А. Стейном [1], с тех пор больше никаких работ на нем не производилось. В этом отношении заслуживают особого внимания результаты первых планомерных раскопок на Тали-Иблис, полученные интернациональной экспедицией, организованной Иллинойским музеем (США) под руководством И. Колдуэлла.

После публикации первых результатов [2], в 1968 г. появился объемистый том, написанный коллективом авторов [3], подводящий итоги работ экспедиции. Рецензируемое издание выгодно отличается большим кругом затронутых проблем, среди которых, помимо чисто археологических, большое внимание уделено и проблемам древней металлургии. Не имея возможности в краткой рецензии дать полный обзор всего тома, отметим, что отдельные главы посвящены результатам обследования поселений Керманского района, его географической и геологической характеристике, каменным орудиям, фаунистическим остаткам и т. д. Из общего круга проблем для нас наибольший интерес представляют две: 1) археологические результаты, полученные на Тали-Иблисе и 2) исследование по древней металлургии.

Одним из наиболее значительных результатов является установление стратиграфической последовательности, которая в значительной степени коррелируется радиокарбоновыми датами. Исключая Тали-Бакун, это, пожалуй, первая достаточно полно аргументированная стратиграфическая колонка Южного Ирана, которая может служить своеобразным эталоном, впредь до получения новых раскопочных материалов с других памятников юга страны.

Переходя к обзору стратиграфической последовательности Тали-Иблиса, следует отметить, что в целом она построена на смене одних керамических стилей другими. Каждый выделенный керамический комплекс получил условное название по памятникам, расположенным в этом же районе, на которых тот или иной тип керамики является наиболее ярким и характерным.

Поскольку ни в одном из раскопов на самом поселении материковый слой достигнут не был, самый нижний слой Тали-Иблиса предварительно выделен как Иблис. Для него характерна преимущественно нерасписная, слабообожженная, с растительной примесью посуда, изготовленная вручную. В основном это крупные, грубой формы цилиндро-конические толстостенные сосуды красноватого или черного цвета. Обращают на себя внимание немногочисленные налепные орнаменты, в ряде случаев изображающие извивающихся змей, а возможно, и лицевые изображения [4]. Этот комплекс получил название керамики типа Лалехзар, а в целом слой Иблис 0 датируется серединой V тысячелетия до н. э.

Следующий слой Иблис I (по C^{14}: 4400—4200 до н. э.) вскрыт на уровне трех строительных горизонтов, причем выявленная планировка является наиболее полной для южноиранских памятников этого времени. Стены части помещений оказались окрашенными в красный цвет, на полах отмечены следы тростниковых циновок, плоские крыши крепились на жердях, положенных горизонтально. Здания возведены из сырцовых кирпичей и обмазаны глиняной штукатуркой.

Керамический комплекс представлен все тем же типом Лалехзар, причем единичные фрагменты украшены простыми орнаментами. Вместе с тем, появляется тонкостенная расписная керамика (типа Бард Сир), отличающаяся хорошим качеством и, видимо, имеющая на первых порах импортный характер. В таком случае ее происхождение может быть связано с областью Юго-Западного Ирана (Buff ware Province). Комплекс Бард Сир включает несколько керамических типов, имеющих незначительные стилистические отличия. Орнаменты посуды комплекса Бард Сир почти исключительно геометрические; отмечены лишь единичные рисунки животных. В конце периода Иблис I расписная тонкостенная посуда становится все более многочисленной и является продуктом уже местного производства. Таким образом, авторы склоняются к мысли, что высококачественная расписная посуда была заимствована со стороны. Однако, как нам кажется, есть основания предполагать, что первые опыты подобного рода отмечаются еще в предшествующее время. Во всяком случае показательно, что уже на единичных фрагментах посуды типа Лалехзар отмечены следы грубой росписи [5], возможно, указывающие на местную линию перехода к расписной технике.

Кроме керамики в слое I встречены кремневые вкладыши, а также зерна пшеницы. Фаунистические остатки включают кости крупных и мелких пород домашних животных, а также собаки. Отмечается, кроме того, наличие костей диких живот-

[1] A. Stein. Archaeologica Reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran, London, 1947.

[2] I. Caldwell and S. Shahmirzadi. Tal-i-Iblis, The Kerman Range and the beginnings of Smelting. Illinois State Museum Preliminary Reports, 7, Illinois State Museum Society, 1966.

[3] Investigations at Tal-i-Iblis. ISMPR, 9, 1968.

[4] Там же, стр. 120, рис.3.

[5] Там же, рис. 3.

ных, в том числе льва, так что древний ландшафт, как и сейчас, представлял собой пустыню или полупустыню. Отметим находку единственного погребения в камере, что, видимо, указывает на существование специального могильника где-то в другом месте Тали-Иблиса. На основе косвенных данных предполагается, что в это время обитатели поселения уже были знакомы с палеометаллом.

Вышележащий слой Иблис II (4100—4000 до н. э.) на раскопанном участке оказался сильно нарушенным, и строения этого времени выявлены не были. Распространяется посуда типа «Иблис расписная», которая генетически восходит к предшествующей орнаментированной керамике.

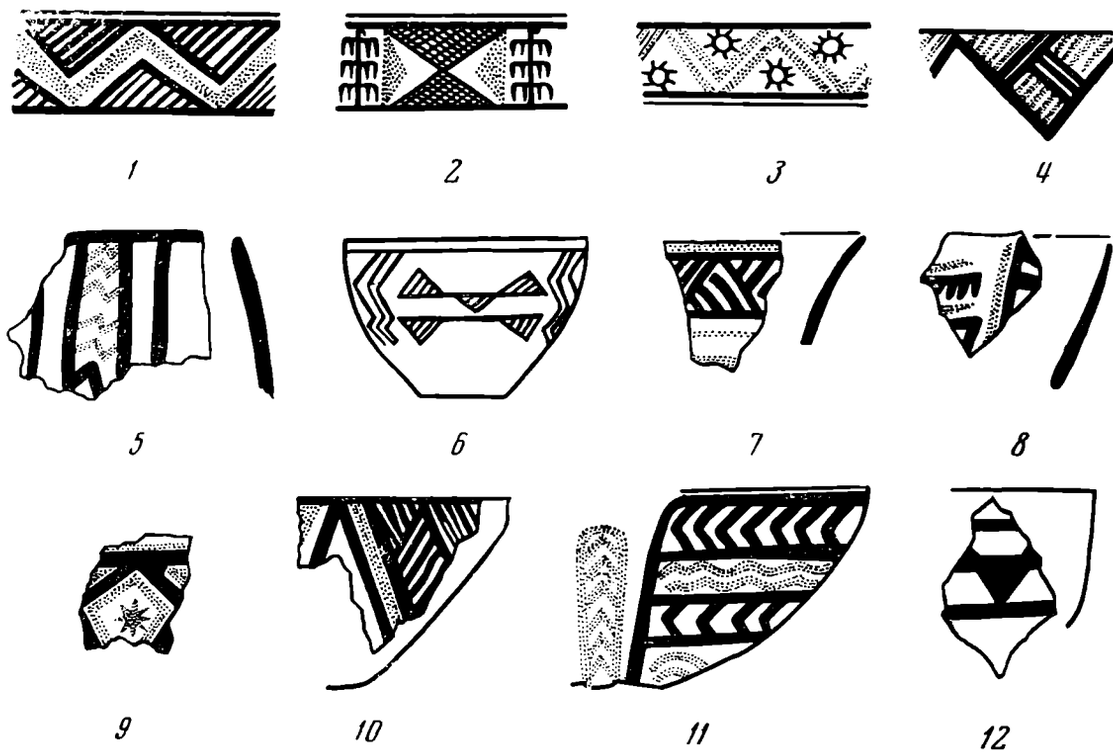


Рис. 1. Орнаменты с двухцветной росписью

1—6 — Южный Туркменистан, *7—12* — Тали Иблис

Орнаментальный репертуар становится более ограниченным, наблюдается своего рода стандартизация мотивов. Внешние влияния в этот период почти не отмечаются. Предполагается, что металлургия приобретает черты ремесленного производства. В целом же следует отметить, что фактические данные слоя Иблис II весьма немногочисленны и еще потребуют своего дальнейшего уточнения на новом археологическом материале.

Следующий период Иблис III (по C^{14}: 3792 ± 60 до н. э.) характеризуется керамикой (комплекс Дашгар), отличной от предшествующей. Почти полностью исчезает краснофонная посуда, зато распространяется «Buff Ware», покрытая розоватым ангобом. Орнаменты более скупые, чем на посуде Иблис II, и, вместе с тем, некоторые из них продолжаются в последующем слое. Отмечается бо́льшая близость керамических комплексов Иблис III и IV, чем III и II. Керамика типа Дашгар может представлять раннюю стадию следующего комплекса Иблис IV, где она встречена вместе с посудой типа Алиабад. Эта ранняя фаза Иблис IV датируется по C^{14}: 3645 ± 59 до н. э., а поздняя фаза — 2869 ± 57 до н. э. Комплекс Алиабад включает типы: «расписная Алиабад», «двухцветная Алиабад» и «простая Алиабад». Два первых типа преимущественно изготовлены вручную, зато третий несет бесспорные следы изготовления на гончарном кругу. Основная масса посуды комплекса Алиабад имеет розоватый фон, роспись нанесена как по внешней, так и по внутренней поверхности сосудов. Орнаменты четкие, тщательно выписаны; черепки с двухцветной росписью составляют всего шестую часть от общего количества.

Особый интерес представляет последний, хотя и немногочисленный, но весьма характерный керамический комплекс с двухцветной росписью. По убедительному мнению И. Колдуэлла посуда с двухцветной росписью не имеет местных истоков. Автор находит возможным сопоставлять ее с полихромной керамикой поселения Мундигак I, предполагая возможность существования общего для них источника. Вместе с тем отмечается, что в целом традиции расписной посуды Иблис IV и Мундигака совершенно отличны друг от друга. В самом деле, сравнение немногочисленных полихромных орнаментов этих двух поселений показывает их существенные отличия, и лишь использование двухцветной техники в росписи дает некоторые формальные соответствия между ними. В целом же, как нам представляется, еди-

ничные двухцветные черепки Мундигак I более тяготеют к комплексу Амри-Кечи Бег Белуджистана, составляя особую керамическую провинцию с одинаковыми орнаментами, выполненными в двухцветной манере.

Вторую провинцию составляют бихромные сосуды Иблис IV, некоторые аналогии которым могут быть отмечены в полихромной керамике типа раннего Намазга II в Южной Туркмении (рис. 1). Соответствия между ними не ограничиваются лишь сходной полихромной манерой исполнения, а прослеживаются и в самих типах орнаментов. Однако и в Южном Туркменистане комплекс типа раннего Намазга II не находит достаточно убедительных местных прототипов, так что ее происхождение остается до конца невыясненным. С другой стороны, и в Туркмении, и в Тали-Иблисе этот комплекс с двухцветной орнаментацией относится примерно к одному времени (середина IV тысячелетия до н. э.), что дает добавочные основания к их предварительному взаимному сопоставлению. Следует сразу же указать, что отмеченные аналогии между ними носят самые общие черты сходства, так что в настоящее время нет фактических данных для предположения о прямых связях.

Так, в двухцветной посуде Иблис IV еще живо чувствуются орнаментальные традиции талибакунского стиля, чего нельзя сказать про полихромную керамику типа раннего Намазга II. Все это может указывать на Юго-Западный Иран, как возможный первоисточник их происхождения. Однако если соответствующая керамика Иблис IV обнаруживает наиболее прямые линии связей, то аналогии с полихромной посудой Южного Туркменистана выступают в более опосредствованной форме, что в конечном счете объясняется большой территориальной отдаленностью от предполагаемого первоисточника.

Хотя И. Колдуэлл склоняется в пользу синхронизации слоев Иблис IV и Мундигак I, относя их к урукскому периоду Месопотамии, представляется более обоснованным мнение о том, что жизнь на Мундигаке началась не ранее конца IV тысячелетия до н. э.[6]. В таком случае, между слоями Иблис IV и Мундигак I получается довольно существенный хронологический разрыв. Представляется, что бихромная посуда Иблис IV и Намазга II хронологически предшествует комплексу типа Амри-Кечи Бег, составляя в конечном счете две во многом отличные керамические провинции. Хотя существует предположение о том, что полихромная посуда Белуджистана появляется в Юго-Западной Азии извне[7], было бы преждевременным безоговорочно объединять ее с бихромной керамикой типа Иблис IV и полностью исключить местное происхождение.

В период Иблис V отмечается резкое увеличение обжитой площади поселения. Однако в связи с тем, что основной материал этого периода происходит не из раскопок, а с поверхности, точная характеристика всего комплекса еще потребует своего уточнения. Пока лишь можно отметить, что большая часть этой посуды изготовлена на гончарном кругу, а орнаменты, продолжая традиции посуды типа Алиабад, отличаются большей простотой и много меньшим количеством вариантов.

На Тали-Иблис жизнь как будто продолжается и в пору Иблис VI, однако следы обитания отмечены не на самом памятнике, а на прилегающей равнине. По И. Колдуэллу, период Иблис VI соответствует Сиалку IV и позднему Уруку в Месопотамии (около 2800 г. до н. э.). На северной окраине поселения отмечена двухъярусная керамическая печь, датируемая около 1100 г. до н. э. (предполагаемый период Иблис VII), и найден железный кинжал, возможно ахеменидского времени. Таким образом, стратиграфическая последовательность Тали-Иблиса установлена не полностью: периоды V и VI еще требуют своего уточнения и пока ориентировочно могут быть отнесены к первой половине III тысячелетия до н. э. Дальнейшая история существования памятника пока по существу остается невыясненной. Очевидно, в середине III тысячелетия до н. э. Тали-Иблис прекращает свое существование как самостоятельное поселение и лишь эпизодически обживается в последующие периоды.

Заканчивая обзор археологических результатов, полученных на Тали-Иблис, нельзя не отметить их огромную значимость для понимания тех процессов, которые протекали в Южном Иране в V—III тысячелетиях до н. э. В целом общие выводы коллектива авторов представляются вполне обоснованными, тем более, что во многих случаях они оговоривают предварительность своих оценок по затронутым вопросам.

Имеется одна проблема, которая требует специального рассмотрения. По мнению И. Колдуэлла, древнейшие земледельческие поселения концентрируются в западной части Ирана, в то время как далее на восток (восточное плато) все известные поселения датируются по крайней мере на 1000 лет позднее. Однако такой тезис скорее соответствует современному уровню наших знаний, нежели конкретной ситуации того времени. В самом деле, палеолитические местонахождения в Южном Иране, открытые этой же экспедицией[8], уже со всей очевидностью могут свидетель-

---

[6] В. М. Массон. Рец: I. M. Casal. Fouilles de Mundigak, VI—II, MDAFA, 17, 1961; CA, 1964, 4.

[7] G. Dales. A Suggested Chronology for Afghanistan, Baluchistan and Indus Valley, in «Chronologies in Old World Archaeology». Chicago, 1965.

[8] G. Hume. Comments on the Geology and Archaeology of the Bard Sir Valley. Investigations at Tal-i-Iblis.... стр. 108—110.

ствовать о вполне вероятном обживании в это время более восточных областей А самое главное, такое утверждение полностью игнорирует открытие культуры Кили Гхул Мохаммад в Северном Белуджистане [9], где нижние «докерамические» слои, возможно, восходят к V тысячелетию до н. э. (В. Фаирсервис, Б. Суббарао). Однако лишь соответствующие полевые исследования и новый археологический материал могут подтвердить или опровергнуть первоначальную оценку этой культуры, предложенную В. Фаирсервисом.

Как бы то ни было, самая ранняя посуда Белуджистана представляет собой лепную керамику, иногда со следами грубой росписи [10], что наблюдается и в древнейшем слое Тали-Иблиса. Очевидно, мы можем предполагать сходный процесс перехода от «докерамической» стадии к керамической от Северного Белуджистана до Южного Ирана.

Слабая изученность промежуточной территории не дает возможности более определенно говорить об общей местной линии перехода к оседлому образу жизни племен, обитавших в этом огромном регионе древневосточного мира. Хотя Южная Туркмения включена автором в зону существования древних поселений, вертикальная линия, проведенная на соответствующей карте [11], полностью исключает юго-восточный Туркменистан, хотя именно здесь в последние годы открыты бесспорно неолитические поселения джейтунской культуры, относящиеся к VI тысячелетию до н. э., если не к еще более раннему времени.

Работы о древней металлургии Ирана включают четыре статьи: первая из них, написанная Р. Дагерти, стоит особняком, так как в ней рассматриваются свидетельства пирометаллургии на самом Тали-Иблисе. Термин «пирометаллургия» уже содержит в себе основные положения автора. Он применяется, когда речь идет о металлургическом процессе в твердой фазе, т. е. фактически обозначает восстановление металла из рудного окисла. Р. Дагерти считает, что именно таким образом на Иблисе получали металлическую медь. В доказательство он приводит итоги исследования фрагмента одного из тиглей, найденных в слоях I и II Тали-Иблиса (4091 ± 74 и 4083 ± 75 гг. до н. э. по C^{14}).

Заключают книгу три статьи членов «металлургической группы»: С. Смита, металлурга-руководителя, Т. Вертайма, Р. Плейнера и Г. Х. Васуфзаде. Группа работала всего месяц, но сделала ряд ценных открытий. Учитывая ограниченность сроков, своей основной задачей она считала широкое обследование остатков древней металлургии. Кроме того, было обращено внимание на экологию зоны и на некоторые приемы и орудия современных ремесленников, а на Тали-Иблисе проведены плавки в условиях, имитирующих труд древних мастеров.

Анализ характера обжига черепка тигля показывает, что при плавках самородной меди такой обжиг мешал бы процессу плавки, но при восстановлении руды, наоборот, пористость черепка как раз способствовала редуцированию металла. Нам кажется, что гипотеза Р. Дагерти о пирометаллургическом характере получения меди в конце V тысячелетия до н. э. подтверждается еще следующим обстоятельством. Разница температур, существенная по трем точкам вследствие неравномерного распределения элементов осадка по поверхности тигля, была одинакова и для внешнего, и для внутреннего слоев во всех контрольных измерениях. Видимо, из-за рыхлости керамики изгонявшиеся окислы свободно диффундировали на лицевую сторону тигля.

Итак, можно говорить о хорошем знакомстве древних мастеров с пирометаллургическим процессом и об их умении подобрать оптимальный режим этого процесса. К сожалению, анализировался лишь один образец, правда, внешне идентичный остальным фрагментам.

Находки медных поделок на Иблисе невелики, хотя памятник расположен в рудной зоне. Во сколько же раз возрастала значимость меди в районах, удаленных от источников сырья, если даже на Иблисе металлический лом, вероятно, шел в переплавку? Разумеется, сказанное относится к концу V тысячелетия до н. э., которым датируются тигли, изученные Р. Дагерти. Последний на основании находок кусков медного блеска в слое предполагает, что металлурги Иблиса уже использовали сульфидные руды. В издательской сноске И. Колдуэлл указывает, что почти все образчики руд с Иблиса — малахит и азурит. Как видно из работы группы С. Смита, еще в прошлом веке сульфиды в Иране разрабатывались лишь при полном истощении рудоокисленной зоны. Практически возможна плавка свинцовых сульфидов без предварительного обжига, если в шихте большая добавка железных флюсов, так как точка плавления свинца невысока (правда, количество свинца будет невелико). Но при плавке меди в сходных условиях необходима высокоогнеупорная футеровка печи, недоступная в древности. Недаром чистый пиритовый и полупиритовый способы получения меди в шахтных печах были разработаны только в XX в.

---

[9] W. Fairservis. Excavations in Quetta Valley. APAMNH, 45, стр. 2, 1956.

[10] W. Fairservis. The Origin, Character, and Decline of an Early Civilization. American Museum Novitates, 2302, October, 1967.

[11] Investigations at Tai-i-Iblis..., стр. 22, рис. 1.

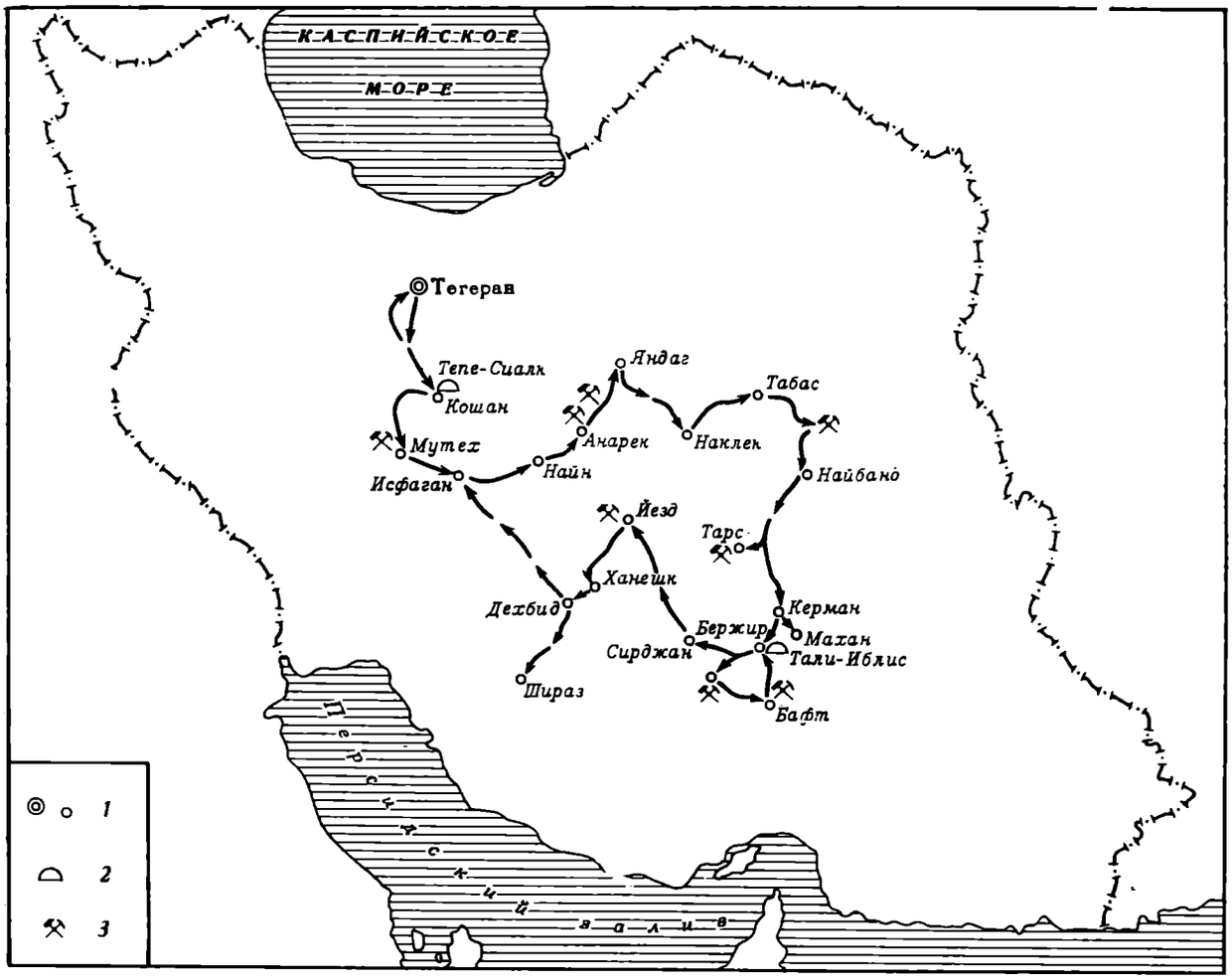


Рис. 2. Маршрут металлургической группы

1 — современные населенные пункты; *2* — древние поселения; *3* — древние шахты и отвалы шлака на местах древних плавилен

К тому же жители Иблиса не испытывали недостатка в окисленных рудах. Группа С. Смита обнаружила около Бафта, южнее памятника, древние копи в виде открытых ям. Образцы определяются как малахит и азурит, а само месторождение находится близко от поселения. Датировка его затруднительна: найденные в копях черепки краснолощеной посуды маловыразительны. Однако примитивный способ разработок и отсутствие каких-либо следов плавильни на месте — тогда как в большинстве случаев отвалы шлака скапливались именно вблизи древних шахт — все это указывает на Тали-Иблис как на наиболее вероятный пункт потребления бафтской руды.

В этой связи трудно пока полностью согласиться с Р. Дагерти об использовании сульфидов и, как следствие,— с предложением удревнить истоки металлургии до X тысячелетия до н. э. Решение проблемы требует хорошо поставленных металлургических экспериментов и широкого анализа тиглей с памятников Ближнего Востока. Однако постановка вопроса заслуживает самого пристального внимания.

В заключение нам хотелось бы бегло охарактеризовать некоторые, еще не затронутые стороны деятельности «металлургической группы». Маршрут ее пролегал по южной окраине Даште-Кевира и замкнул в кольце Даше-Лут (рис. 2). Пустыни эти окружены горными цепями, отроги которых изобилуют легкодоступными месторождениями цветных металлов и железа. Наиболее важным аспектом работы было изучение отвалов шлаков на местах ранних плавок и взятие из них проб на анализ. При попытках привязки готовых изделий к залежам соответствующих металлов большую трудность представляет вопрос об изменениях в количественном составе примесей при плавке. Почти все современные шахты дублируют древние копи, что в ряде случаев можно проконтролировать данными письменных источников. Если подтвердятся отождествления, сделанные на основании анализов шлаков, то появится возможность разработать корреляционную шкалу для значительной части древнего Востока, которая помогла бы в дальнейшей идентификации руд и изделий. Конечно, величины переходов зависят и от условий плавки. С. Смит своими опытами по получению свинца в шахтной печи и меди в тиглях затронул и вторую важную часть проблемы. Вне зависимости от степени успеха, эти опыты можно лишь только приветствовать.

Кстати, эксперименты подтвердили, что в рудах Ирана свинец, цинк и серебро постоянно встречаются в комплексе. При попытках выделения каждого из них че-

ловек сталкивался со всей группой. Более того, видимо, уже очень рано была замечена положительная роль железосодержащих флюсов. Вполне допустимо, что именно при плавке свинца было получено первое, губчатое железо. Таким образом, эксперименты на Иблисе, этнографические и исторические источники подкрепляют мнение Т. Вертайма о том, что нельзя рассматривать металлы, впервые полученные из руд, в отрыве друг от друга.

Традиции горного и металлургического дела в современном Иране могли бы способствовать в восстановлении древних технологических приемов. Поэтому всюду на своем пути группа уделяла большое внимание изучению этих традиций.

В статье Р. Плейнера помещены рисунки многих инструментов, разрезы горнов и керамической печи — наряду с планами и разрезами рудных жил и отвалов шлака и отличными фотографиями. Это одно из главных достоинств публикации. Создается впечатление, что и редактор, и вся группа авторов стремились как можно полнее представить читателю полученные материалы даже в том случае, когда они имеют явно предварительный, эскизный характер. Нам кажется, что авторы преуспели в своем намерении. Несмотря на отдельные поспешные выводы, вся работа в целом, особенно в силу того, что вопросы археологии и металлургии Ирана освещены в ней взаимосвязанно, представляет большой интерес не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется затронутыми проблемами. В немалой степени этому способствуют простота и краткость изложения.

Заканчивая общий обзор рецензируемого тома, нельзя не отметить его большого значения. В научный оборот вводится во многом новый и свежий материал, освещающий ранние этапы становления и развития земледельческих общин юга древнего Ирана. Следует отметить весьма успешное содружество специалистов разных профилей, в том числе из Венгрии и Чехословакии, принимавших участие в работах интернациональной экспедиции. Можно лишь всячески приветствовать подобную координацию и пожелать сотрудникам экспедиции дальнейших успехов в изучении первобытной археологии Востока.

В. И. Сарианиди, С. А. Панарин

А. Я. Щетенко. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л., 1968, 163 стр., тираж 1500, цена 68 коп.

Индийские археологи после достижения независимости добились замечательных успехов в изучении первобытной археологии страны, особенно периода после падения Хараппской цивилизации и до начала появления железа. Наиболее значительный вклад сделан археологами Деканского колледжа в г. Пуна во главе с крупнейшим специалистом по археологии и первобытной истории Индии проф. Х. Д. Санкалиа. Большие исследования осуществлены Б. Б. Лалом, Б. К. Тхапаром, С. Р. Рао, М. Н. Дешпанде, С. Б. Део, З. Д. Ансари, Р. Ч. Агравалом и др. Итоги этих исследований обобщены в ряде трудов, среди которых выделяется книга Б. Суббарао (1958) [1] и фундаментальная монография проф. Х. Д. Санкалиа (1963) [2].

Советские ученые с живым интересом следят за развитием археологических работ в Индии. Это вполне понятно, так как исторические судьбы Индии и южных районов нашей страны в прошлом тесно переплетались. Ярким проявлением этого является книга А. Я. Щетенко, целиком посвященная анализу культур Центральной Индии II тысячелетия до н. э. Впервые в советской литературе появилось специальное исследование по археологии Индии. Книга представляет большой познавательный интерес и позволяет ознакомиться с результатами новейших работ индийских археологов в обобщенном виде. Книга хорошо иллюстрирована схемами, сравнительными таблицами, изображениями изделий на 37 рисунках и 11 таблицах. В приложении дан список изученных памятников, насчитывающий 150 поселений с ссылками на литературу. Литература вопроса представлена с исчерпывающей полнотой. Для иностранных читателей составлено краткое резюме на английском языке (стр. 147—148).

Исследование А. Я. Щетенко состоит из пяти глав, введения и заключения. Кратко и содержательно изложена история изучения и верно выделены основные проблемы исследования халколитических, или, как называет их автор, энеолитических культур Центральной Индии. Справедливо очень высоко оценивается деятельность Деканского колледжа под руководством Х. Д. Санкалиа. Убедительно показано, что состояние изученности определяет и возможности исследования, главным образом в трех аспектах: установление хронологии, изучение проблем происхождения и связей. Особо следует подчеркнуть большие трудности, с которыми столкнулся автор, не имевший возможности ознакомиться с памятниками и археологическими материалами de visu. Следует также иметь в виду отставание с публикацией отчетов и трудов

[1] B. Subbarao. The Personality of India. Baroda, 1958.

[2] H. D. Sankalia. Prehistory and Protohistory in India and Pakistan. Bombay, 1963.

индийских ученых. Многие, в том числе и важнейшие, памятники, на которые должен был опираться автор, известны только по кратким информациям в «Ежегодниках» Археологической службы Индии[3]. Принимая во внимание всю совокупность объективных трудностей стоявших перед исследователем, следует подчеркнуть, что А. Я. Щетенко в основном успешно их преодолел.

Не останавливаясь на подробном изложении содержания книги, отметим только основное, а также остановимся на спорных и дискуссионных моментах.

В I главе «Природная среда Декана» (стр. 7—13) дана краткая географическая характеристика изучаемой территории и отмечены те черты ландшафта, которые создавали благоприятные условия для жизни древних обществ. Глава II «Археологические исследования в Индии после достижения независимости» (стр. 14—25) содержит сведения об организации археологических исследований в Индии и истории изучения памятников харапской цивилизации, культуры серой расписной керамики, неолитической культуры Юга Индии и, наконец, обзор изучения собственно халколитических культур. Этот перечень показывает тот широкий исторический фон, на котором проводится исследование. В итоге рассмотрения истории изучения автор выделяет следующие положения концепции индийских археологов: «1. Халколитические культуры Деканского полуострова относятся к постхараппскому времени, т. е. к 1500 г. до н. э. 2. Они генетически не связаны с другими археологическими комплексами Декана. 3. Появление их объясняется проникновением каких-то племен из Ирана в Индию. 4. Носителями халколитической культуры являлись племена одной из ветвей ведических ариев» (стр. 24). Критический разбор и пересмотр этих положений составляет основную задачу исследования А. Я. Щетенко.

Глава III «Оседлоземледельческие поселения Центральной Индии» (стр. 26—72) содержит описание археологических материалов характеризующих культуру периода халколита. Здесь читатель найдет данные о стратиграфии основных поселений Навдатоли, Неваса, Даймабада и др., характеристику типов поселений и жилищ, керамики, каменных и металлических орудий, погребального обряда (стр. 30). Наибольшее внимание уделено описанию семи основных групп глиняной посуды (стр. 36—49). Техника изготовления, излюбленные формы посуды, ее орнаментация, распространение отдельных типов изложены в полном соответствии с положениями индийских исследователей. Индийские археологи по находкам расписной керамики типа Мальва и Джорве выделяют две группы памятников. Это положение разделяет и автор книги (стр. 49). Далее он обстоятельно характеризует каменные орудия, опираясь на собственные статистические подсчеты распределения основных типов (табл. 3, *14*), которые в настоящее время можно сравнить с диаграммами индийских ученых[4]. Заслуживает внимания наглядное сопоставление инвентаря халколитических и неолитических поселений (рис. 18). Очень полезна сводка металлических орудий. Впервые сопоставлены результаты химических анализов орудий из различных памятников Индии III—II тысячелетий н. э. (табл. 5), что позволило сделать интересные заключения. Собранные автором многочисленные данные дают хорошее представление о погребальном обряде.

В целом А. Я. Щетенко нарисовал довольно яркую картину культуры халколитических поселений, правильно отметив своеобразие основных ее элементов. И со всем этим как-то не вяжутся поспешные заключения автора на стр. 72. Отметив различие указанных выше двух групп поселений, А. Я. Щетенко пишет: «Следовательно, перед нами две группы энеолитических поселений, возможно в какой-то степени разновременные. Назовем эти группы мальвийской и деканской археологическими культурами ...» (стр. 72). Следует прежде всего отметить, что в настоящее время в индийской литературе выделяют три культуры — Ахар, Навдатоли и Джорве[5]. Следовало бы объяснить, на каком основании автор исключает из своего исследования памятники ахарской культуры. Этот пробел неблагоприятно сказывается на полноте наших представлений об основных культурах II тысячелетия до н. э. и на решении проблем периодизации и происхождения. Исключение Ахара ничем не оправдано.

Не понятно, зачем понадобилось автору менять наименования культур (по названию областей). Между тем в индийской литературе все большее распространение получает принцип наименования культур по имени первого и наиболее изученного памятника — культура Ахар, Навдатоли, Джорве. Вообще ощущается необходимость разъяснения употребляемой в книге терминологии. В самом начале (стр. 3) говорится о том, что памятники III—II тысячелетий до н. э. относятся к бронзовому веку. Затем на стр. 4 сказано, что рассматриваемые культуры индийские археологи называют халколитическими. На той же странице автор называет их энеолитическими. В дальнейшем он употребляет только этот термин, так и не объяснив, какой смысл и значение имеет использование именно этого термина и отказ от терминологии индийских археологов.

---

[3] Indian Archaeology. A Review.

[4] B. K. Thapar. Krakash 1955: A Chalcolithic site in the Tapti Valley. AI, 20—21, 1967, рис. 31—32.

[5] H. D. Sankalia. Ук. соч., стр. 187 сл.

В главе IV «Периодизация и хронология оседлоземледельческих культур Индостана» (стр. 73—99) рассматривается сложный комплекс проблем, связанных с хронологией. Именно эти вопросы наиболее оживленно дискутируются в индийской литературе. Датировки и периодизация памятников и культур устанавливаются главным образом на основании сравнительного изучения керамических комплексов. Особое внимание уделяется разработке абсолютной хронологии на базе радиоуглеродных дат. Все эти данные используются автором книги.

В качестве эталонного памятника он вслед за В. М. Массоном [6] выбирает поселение Даймабад, в культурных напластованиях которого выделено три фазы. I фазу с серой лепной керамикой и каменными орудиями А. Я. Щетенко рассматривает как доэнеолитическую. Следующие две фазы представляют уже энеолитическую культуру (стр. 29). А на стр. 29, 107—108 он пишет, что нижние слои Даймабада, Бахала, Пракаша демонстрируют культуру развитого неолита (!). Совершенно очевидно стремление автора удревнить начальный этап жизни Даймабада. Рассмотрим, насколько это обоснованно. Предположение о более раннем возрасте I фазы Даймабада основывается главным образом на сходстве серой керамики с Брахмагири I (неолитического поселения Южной Индии). А. Я. Щетенко вносит уточнение. Поскольку слои Брахмагири разделяются на два подпериода, то он сравнивает I фазу Даймабада с периодом IA. Не отрицая правомерность того или иного сопоставления с Брахмагири, в настоящее время можно не искать далеких аналогий серой керамике, потому что аналогичная посуда представлена на соседних с Даймабадом поселениях. В литературе в общей форме отмечено сходство серой керамики Невасы, Даймабада и Чандоли [7]. Обратимся к конкретному материалу I фазы в таблице Даймабада [8]. Сосуд со своеобразным сливом-носиком Даймабада похож на фрагмент из Чандоли [9]. Налепной орнамент этого сосуда также имеет аналогии в Чандоли, где он встречен на красноглиняном сосуде [10]. Серые корчаги и урны Даймабада аналогичны Чандоли. Крышки обоих памятников тождественны [11]. Отметим совпадение даже такой детали, как наличие красной охры на этих крышках. На обоих памятниках имеются сходные резные изображения козлов [12]. Следовательно, почти все формы I фазы имеют сходство с керамикой Чандоли — типичного поселения культуры Джорве. В Даймабаде I нет никаких более ранних элементов.

Расписной керамики встречено в I фазе мало. На сводной таблице она представлена двумя фрагментами с простой росписью. Однако исследователь поселения М. Н. Дешпанде к I фазе отнес уникальный образец с изображением человека и животных, который А. Я. Щетенко вынес на обложку своей книги. Правда, этот фрагмент найден не в раскопе, но на материковом грунте и поэтому отнесен к I фазе. А. Я. Щетенко перенес этот фрагмент в III фазу, не приводя каких-либо оснований для этого (рис. 26). То, что этот уникальный сосуд относится к I фазе, доказывают материалы из раскопок Пракаша, где аналогичные фрагменты обнаружены в I периоде [13], а Пракаш I, как известно, синхронен Даймабаду I (стр. 107—108). Сходство серой керамики Даймабада и Чандоли, а расписной керамики — Даймабада и Пракаша позволяют, как нам кажется, более точно определить возраст Даймабада I, чем сопоставление с Брахмагири I.

Но это не все. Если внимательно изучить данные о Даймабаде, то нельзя не заметить противоречия между сводной таблицей и материалами, опубликованными в этом же «Ежегоднике» на табл. XXII. На ней показано пять расписных фрагментов типа Мальва, относящихся к I фазе. При этом оказывается, что два из них попали на сводную таблицу во II фазу. Если принять во внимание эти дополнительные данные, то облик культуры I фазы по всем признакам нельзя отличить от халколитических фаз. Таким образом, критический разбор имеющихся материалов показывает, что впредь до полной публикации отчета о раскопках нет оснований отрывать I фазу от последующих и удревнять ее. Следует признать, что колонка Даймабада не может служить эталоном для изучения развития культуры Декана (ср. стр. 77).

Особого внимания заслуживает сравнение стратиграфических колонок Рангпура и Навдатоли. Предложение автора о пересмотре абсолютных дат Рангпура, вероятно, можно принять. Но в вопросе относительной хронологии в книге можно заметить существенные противоречия. Напомним, что С. Р. Рао сопоставляет материалы Рангпура II B, II C и III с комплексом Навдатоли в целом [14]. Дело в том, что разные слои халколитического периода Навдатоли представляют развитие одной и той же культуры и подразделены они на четыре фазы главным образом по количеству ведущих типов керамики. Однако вопрос о том, какие формы керамики и какие орнаменты

---

[6] В. М. Массон. Средняя Азия и древний Восток, М.— Л., 1964, рис. 55.
[7] S. B. Deo, Z. D. Ansari. Chalcolithic Chandoli. Poona, 1965, стр. 99—103.
[8] Indian Archaelogy. A. Review. 1958—1959, рис. 7.
[9] S. B. Deo, Z. D. Ansari, рис. 43, XVII.
[10] Там же, XLVIII, *а*.
[11] Там же, стр. 100, рис. 40—41.
[12] Там же, рис. 40, XXXII, *в*.
[13] B. K. Thapar. Ук. соч., рис. 12.
[14] S. R. Rao. Excavation at Rangpur and other Explorations in Gujarat. Al, 18—19, 1963.

присущи каждой фазе, еще не изучен, во всяком случае сводная стратиграфическая колонка еще не опубликована, что затрудняет конкретное сопоставление материалов по фазам. Это обстоятельство не остановило А. Я. Щетенко, и он связывает Рангпур IIA и IIB с I—II фазами, а Рангпур IIB и IIC — с III и IV фазами Навдатоли (стр. 84, 90). Но на рис. 27 мы видим, что III—IV фазы Навдатоли частично сходны и с III периодом Рангпура. На табл. 11 показано совсем иное (Рангпур IIB-Навдатоли I—II, IIC-III—IV). Следовательно, если придерживаться одной из версий, то получается, что точки зрения С. Р. Рао и А. Я. Щетенко относительно верхней границы сопоставления более или менее близки. Принципиальное значение имеет разное представление о нижней границе. А. Я. Щетенко отмечает сходство некоторых форм керамики I и II фазы Навдатоли и Рангпура IIA, что, по его мнению, может указывать на связи Навдатоли с развитой харапской культурой Рангпура II, Лотхала A и др. (стр. 90), и он синхронизирует эти комплексы на рис. 27.

Обратимся к таблице сопоставления стратиграфических колонок (рис. 27). Она является основанием для важных историко-культурных заключений автора. Но о том, как она составлена и какие материалы в нее включены, ничего не сказано (стр. 84). Совершенно очевидно, что колонка Рангпура взята из сводной таблицы С. Р. Рао. При сравнении ее с оригиналом можно легко убедиться, что автор внес добавления и исключил некоторые предметы. Колонка Даймабада взята из отчета М. Н. Дешпанде. И здесь мы также сталкиваемся с необъясненными изменениями. Отметим графическую неточность передачи особенностей ряда изделий (пропуск орнамента, неточность форм сосудов и т. п.) в этих разделах таблицы. Но главное не в этом. Колонка Навдатоли составлена самим автором по материалам Х. Д. Санкалиа. И в ней некоторые предметы размещены по фазам произвольно [15]. Особенно не повезло I фазе. На рис. 27 не показано ни одного расписного фрагмента в I фазе (по техническому недосмотру, очевидно, исчезла роспись на двух левых сосудах во второй колонке), хотя расписная керамика составляет наиболее типичный признак I фазы и культуры Навдатоли в целом. Содержание этой таблицы вызывает ряд недоумений и вопросов; она не дает точного представления о развитии культуры Навдатоли и других памятников. Что касается сравнения Навдатоли с харапским слоем Рангпура, то оно произвольно, так как комплексы керамики этих памятников разные и отмечается сходство только некоторых форм (ср. заключение автора на стр. 115). Можно отметить и различие кремневого инвентаря (табл. 3, рис. 14). Вся совокупность имеющихся данных свидетельствует о различии этих памятников. Попытка пересмотреть относительную хронологию С. Р. Рао не удалась, и сопоставления Навдатоли и Даймабада с харапским слоем Рангпура нельзя признать.

Индийские археологи широко используют радиоуглеродные датировки для установления абсолютной хронологии и синхронизации памятников. А. Я. Щетенко воспроизводит сводную таблицу дат, составленную Б. Б. Лалом (рис. 8) с некоторыми изменениями. Затем он анализирует данные о хронологии харапской культуры и о конце ее в XVII в. до н. э. После этого рассматривается вопрос о датировке I фазы Навдатоли XVII в. до н. э. И тут автор неожиданно пишет: «Однако рассматриваемый слой фазы I, хотя и является ранним, но он не тот, с которым связано первое заселение поселения. Поэтому вполне вероятно, что поселение древнее, и конец XVIII в. до н. э. вполне приемлемая дата» (стр. 92). На стр. 93 находим еще более раннюю дату — около 2000 г. до н. э., а на стр. 125 вдруг появляется «предположительно» уже середина III тысячелетия до н. э., а «рубеж III—II тысячелетия до н. э.— довольно определенная дата». Но все это не более чем догадки автора, поскольку никаких более ранних слоев в Навдатоли не обнаружено, и пока нет оснований пересматривать датировки.

Вместе с тем таблица Б. Б. Лала в целом не проанализирована. Приведенные в ней, а также в других работах индийских археологов [16] данные позволяют установить следующую последовательность основных культур: харапская до XVII в. до н. э., затем примерно с XVII в. Ахар и Навдатоли и позднее — XV—XIII в. до н. э.— Джорве. Радиоуглеродные даты свидетельствуют о синхронности харапской культуре только памятников южного неолита. Халколитические культуры синхронизируются лишь с постхарапскими памятниками. Эта последовательность признана большинством индийских археологов, и, чтобы ее опровергнуть, необходимы серьезные аргументы.

Всесторонне рассматриваются основные вопросы проблемы в главе V «Происхождение энеолитических культур Центральной Индии» (стр. 100—128). Автор выделяет четыре аспекта этой проблемы: 1. Роль местных неолитических племен Декана. 2. Взаимоотношения харапских и постхарапских поселений с южными соседями. 3. Влияние культур долины Ганга. 4 Связи Центральной Индии с Ираном

---

[15] H. D. Sankalia. New Light on the Indo — Iranian or Western Asiatic Relations between 1700—1200 B. C. «Artibus Asiae», XXVI, 3/4. 1963; Сосуды на рис. 1 и 14 отнесены Х. Д. Санкалиа к I фазе, а у А. Я. Щетенко — к другим фазам.

[16] B. B. Lal. A Picture Emerges — an Assessment of the Carbon-14 Datings of the Protohistoric Cultures of the Indo-Pakistan Subcontinent. AI, 18—19, 1962—1963; H. D. Sankalia. Ук. соч.; B. K. Thapar. Ук. соч.; D. P. Agrawal. C^{14} Dates. Baneas Culture and the Aryans. «Current Science», 1966, 35, 5, стр. 114—117.

(стр. 100—101). Рассмотрим их в той же последовательности. Относительно сходства и общности между халколитом и южным неолитом в индийской литературе не существует сомнений. Археологи отмечают неолитические элементы в культуре халколита и рассматривают сложение культуры Джорве как результат скрещения влияния культур Навдатоли и южного неолита. С этим в основном согласен и А. Я. Щетенко (стр. 101). Но он считает возможным и иной путь: развитие из единого неолитического пласта — на юге пережиточного неолита, а на севере — энеолитических комплексов (стр. 101). Автор приводит сведения о развитии палеолита и мезолита в Декане и предполагает, что в северной части Декана также обитали неолитические племена, сходные с населением южного Декана. Весьма возможно, что так это и было, хотя памятники их на севере почти не изучены. Но что от этого меняется в вопросе о происхождении? Металлургия, гончарный круг и земледелие появились у неолитических племен под влиянием извне, и поэтому в северном Декане сложилась своеобразная халколитическая культура, а на юге, куда влияния доходили в ослабленном виде, продолжала развиваться культура неолита. Пока нет никаких оснований предполагать автохтонное преобразование неолитических культур в энеолитические. Новая гипотеза автора мало обоснована и не помогает понять сущность исторического процесса.

Вместе с тем, в отличие от индийских ученых, автор недостаточно уделяет внимания фактам обратного влияния халколита на неолитические культуры. Это сказывается, в частности, при рассмотрении эволюции сосудов со сливами-носиками. Эволюционный ряд на рис. 30 в целом не убеждает. Между примитивными сливами (*1—4*) и развитыми формами трубковидных носиков (*6—11*) отсутствуют промежуточные формы. Подход автора к рассмотрению сосудов со сливами представляется несколько односторонним. Дело в том, что ряд индийских археологов, и прежде всего Х. Д. Санкалиа, отмечают, что глиняные сосуды со сливами явно подражают металлическим прототипам, а не наоборот. И такой медный (бронзовый) сосуд был найден в Раджастане. А если это так, то закономерно возникает сомнение в местном происхождении этой формы. Кстати и сам А. Я. Щетенко не исключает возможности заимствования этой формы (стр. 104). Следовательно, концепция индийских ученых о роли местных неолитических племен остается в силе.

Влияние харапской культуры на халколит неоднократно отмечалось в литературе и, как пишет автор, он взял на себя задачу только иллюстрировать это положение (стр. 108) и конкретизировать его. Задача составления сравнительных таблиц выполнена удачно. Анализируя их, автор заключает, что лишь 2—3% форм посуды халколита находят соответствие в Хараппе (стр. 115). Суть не в этих условных цифрах, а в том, что они свидетельствуют о незначительной роли харапского влияния. А что представляют собой основные 97—98% керамики, каково их происхождение? Об этом здесь ничего не сказано. Но в заключении (на стр. 137) автор пишет, что в Центральной Индии «основной набор как форм керамики, так и орудий оставался своеобразным, напоминавшим неолитические прототипы». С заключением о своеобразии вполне можно согласиться, тогда как утверждение о сходстве с неолитом неверно. Дело в том, что с неолитом имеют сходство только некоторые формы серой посуды, а основная масса керамики самобытна и включает разные по происхождению элементы.

Слишком категорично решается вопрос о металлических изделиях. «Что касается металлических орудий и украшений,— пишет автор на стр. 115,— то эти категории вещей могли быть получены из городов Катхиавара в результате обмена». Действительно они похожи на харапские изделия, как наглядно показано на рис. 20. Однако большинство этих орудий происходит из Джорве, Невасы, Чандоли, которые существовали примерно в XV—XIII вв. до н. э., тогда как харапские относятся к значительно более раннему времени — до XVII в. до н. э. Можно ли при таком большом разрыве во времени говорить об обмене? К тому же дело обстоит значительно сложнее в связи с наличием аналогичных орудий в культуре медных кладов долины Ганга. Таким образом, концепция индийских ученых о роли харапского влияния также остается в силе.

Относительно третьего аспекта — о роли культуры медных кладов долины Ганга — необходимо заметить, что вообще эта культура недостаточно изучена и вопрос о хронологии ее является дискуссионным. Дату проникновения металлических изделий из долины Ганга в долину Инда позволяет определить, по мнению автора, находка антропоморфной фигурки в слое Лотхала XIX в. до н. э. Из этого у него следует, что медные клады существовали к этому времени в долине Ганга, а в других районах этой культуры бытование их можно отнести к III тысячелетию до н. э. (стр. 93—94). Указанное основание для хронологии явно недостаточно. Тем более что фрагментарность находки из Лотхала ставит под сомнение и правомерность определения ее формы [17]. На таком шатком основании вряд ли можно определить время медных кладов. Единственным серьезным аргументом для датировки их в настоящее время служат находки аналогичных металлических изделий в Ахаре, Нав-

[17] S. P. Iupta. Indian Copper Hoards: the Problems of homogeneity, stages of development, origin, authorship and dating. «Journal of the Bihar Research Society», XLIX, 1963, стр. 163.

хдатоли и Джорве. Наиболее ранней датой, как полагает С. П. Гупта, является первая половина II тысячелетия до н. э.

Поскольку культура медных кладов еще слабо изучена, не будем подробно останавливаться на положениях А. Я. Щетенко. Отметим лишь, что автор склоняется к мысли о принадлежности ариям медных кладов, как и последующей культуры серой расписной керамики в этом районе (стр. 145). Что касается индийских археологов, то они, отмечая связи халколита и культуры медных кладов, не считают возможным делать какие-либо далеко идущие выводы.

Основные усилия автор направил на критику гипотезы о появлении халколитической культуры в результате прихода племен из Ирана (стр. 117—128). А. Я. Щетенко почему-то считает Х. Д. Санкалиа автором гипотезы о миграции иранских племен в Индию (стр. 117). Он пишет, что сторонники теории миграции отрицают значение местных традиций (стр. 129). Однако следует признать, что концепция Х. Д. Санкалиа изложена односторонне и неточно передает его взгляды, а также, что в книге не отражены существующие в индийской литературе разные точки зрения. Прежде всего отметим, что гипотеза о миграции индо-ариев появилась задолго до Х. Д. Санкалиа, что он не отрицает роли местных племен, так же как и роли неолитических племен юга, харапского влияния и связей с культурой медных кладов Ганга, и сверх того выделяет ряд элементов, не имеющих, по его мнению, местных корней. Концепция Х. Д. Санкалиа более гибкая и более полно отражает сложность проблемы происхождения культуры халколита. И это очень верно отметил В. М. Массон в рецензии, характеризуя подход Х. Д. Санкалиа «как вполне основательный и осторожный» и подчеркивая, что исследователь находится на верном пути, учитывая местные и привнесенные элементы [18].

А. Я. Щетенко справедливо критикует неправильный метод Х. Д. Санкалиа сопоставления материалов из разновременных памятников. Однако только на этом основании нельзя отвергать бесспорного факта отсутствия местных прототипов ряду форм и орнаментальных мотивов керамики халколита и известного сходства их с керамикой других стран. Эти факты надо иначе трактовать. Необходимо также учитывать, что археологические аналогии для индийских ученых представляют только дополнительный аргумент в пользу тезиса о вторжении племен ариев. Без критического разбора всей совокупности данных (лингвистических, исследования Вед и др.) нельзя делать какие-либо заключения по этой дискуссионной проблеме.

А. Я. Щетенко, рассмотрев гипотезу рецензента о сходстве керамики чустской культуры Ферганы и халколита Центральной Индии, полностью отклоняет ее. Напомним, что речь идет о сходстве основных и наиболее широко представленных форм посуды в обеих областях, а также о сходстве ряда мотивов геометрического орнамента. Если определить количественно меру этого сходства, то она нисколько не уступает, например, сходству между керамикой халколита и Хараппы, как устанавливает это А. Я. Щетенко, и уже только по этому заслуживает внимания. Во время научной командировки в Индию в 1967 г. автор рецензии имел возможность благодаря любезному содействию индийских археологов провести более обстоятельное сравнительное изучение, некоторые результаты которого опубликованы [19]. Не повторяя сказанного в этой статье, отмечу лишь, что в настоящее время наибольшее сходство культуры Центральной Индии находят только в чустской культуре Ферганы. Однако вопрос о причинах такого сходства остается открытым.

Ознакомление с трудами индийских археологов показывает, что, вопреки утверждению автора на стр. 24, они не считают иранские культуры или иранские племена единственным источником сложения культуры халколита.

Подводя итоги, следует вспомнить концепцию индийских ученых и сравнить с нею результаты исследования А. Я. Щетенко. Прежде всего приходится признать, что оказалась малоудачной попытка пересмотра положения о постхараппском возрасте и отнесения начала халколита к харапскому времени. Второе положение сформулировано в книге неточно и противоречит утверждениям индийских ученых, которые, как уже было отмечено, связывают халколитические памятники с неолитом Декана (стр. 101). Третье положение также неверно передает мнение индийских археологов. Ведь сам А. Я. Щетенко пишет, что в книге Санкалиа, Суббарао, Део сложение культуры Северного Декана рассматривается как результат скрещения двух традиций (стр. 101), а не объясняется лишь проникновением племен из Ирана. Относительно сопоставления халколита с арпями надо сказать, что это положение высказано в порядке гипотезы. Но предположение А. Я. Щетенко о принадлежности халколита доарийскому населению также является не более чем гипотезой. Своеобразие точки зрения автора состоит в том, что он отрицает возможность миграции иранских племен в Декан и выступает сторонником автохтонного развития. Проблемы этнического отождествления археологических культур Индии до сих пор остаются дискуссионными. Также еще не разрешена и проблема происхождения культур халколита в целом.

---

[18] П. И. Борисковский, В. М. Массон. Ценный труд по древней истории Индии и Пакистана. ВЛГУ, 20, 4, 1964, стр. 181.

[19] Y. Zadneprovsky. Chust Culture of Soviet Central Asia. Indo-Asian Culture, 16. 4, 1967.

В заключение необходимо отметить некоторые упущения в историографии. Нельзя полностью согласиться с утверждением, что рассматриваемые культуры слабо отражены в обобщающих трудах (стр. 4), так как автор почему-то забывает о трудах М. Уиллера, Д. Х. Гордона, Б. Суббарао, которые включены им в список литературы [20]. Но еще большее недоумение вызывает примечание 2 на стр. 4 о том, что обобщающей книги Х. Д. Санкалиа нет в библиотеках СССР. Действительно, в библиотеках ее нет, но эта книга была доступна специалистам вскоре после ее издания, так как в 1964 г. на нее опубликована рецензия П. И. Борисковского и В. М. Массона. Да и сам автор ссылается на эту книгу неоднократно (стр. 17, 24, 123, 139, 142). Однако развернутой оценки замечательного труда индийского ученого читатель не найдет в книге А. Я. Щетенко. Если бы автор использовал и проработал этот труд, то безусловно ему удалось бы избежать односторонности в освещении ряда вопросов и показать наличие разных точек зрения в индийской литературе.

Ю. А. Заднепровский

[20] Значение этих трудов справедливо подчеркнуто в упомянутой рецензии П. И. Борисковского и В. М. Массона.

Nandor Kalicz. Die Frühbronzezeit in nordost-ungarn. Abriss der geschichte des 19.—16. Jahrhunderts v.u.z. (archeologia Hungarica, ser. nov. XLV). Budapest, 1968, 202 стр. in 4°, 130 табл. и 17 рис.

Из трех основных культур медного века Венгрии — тисапольгарской, бодрогкерестурской и пецельской (баденской) — первой и второй посвящена монументальная монография Иды Богнар-Куцин, второй — также сводка Пала Патая, а третьей — обобщающая монография Яноша Баннера и монографическое исследование Нандора Калица [1]. Систематика бронзового века Венгрии разработана в капитальных трудах А. Можолич, отдельным культурам и периодам посвящены также обобщающие работы Иштвана Боны и других исследователей [2]. В ряд этих основных трудов по археологии медно-бронзового века Венгрии теперь становится новая книга Н. Калица «Раннебронзовый век в северо-восточной Венгрии».

Этот труд слагается из обобщающих разработок трех культурных групп раннебронзового века — курганов с охрой, вучедол-зокской и хатванской.

Книга эта интересна для советских археологов не только тем, что содержит концентрированную и исследовательски переработанную информацию по нескольким важным культурам Венгрии, но и тем, что автор уделяет много внимания проблеме связей этих культур со степными культурами территории СССР. Эта сторона исследования впрочем представляется мне наиболее спорной.

Первый раздел (стр. 15—58) — «Проблематика восточновенгерских курганных погребений и керамики со шнуровой орнаментацией». Первая сводка таких погребений Венгрии была сделана Я. Баннером в 1927 г., а Г. Чайлд в 1929 г. дал обоснование гипотезы о связи этих курганных погребений с материалом из украинских степей [3]. Позже на эту связь тех же и трансильванских памятников указывала в специальных работах А. Можолич [4]. В труде Н. Калица дана не только полная сводка памятников этого типа в северо-восточной Венгрии по состоянию на 1963 г. (описано 27 местонахождений), но и рассмотрены аналогичные материалы из Трансильвании, Восточной Словакии, Восточной и Южной Румынии, Болгарии и Югославии. Затем в качестве аналогий приводятся курганные погребения бронзового века наших степей. К сожалению, упущены аналогичные курганные погребения из районов Восточной и Юго-Восточной Венгрии — ниже по левобережью Тиссы, за Кёрешем и за Марошем,— не только происходящие из раскопок последних лет (Кете-

[1] I. Bognár-Kutzián. The Copper Age cemetery of Tiszapolgar-Basatanya (Archaelogia Hungarica, XLII). Budapest, 1963; P. Patay. A bodrogkeresztúri kultura temetõi. Budapest, 1961; J. Banner. Die Péceler Kultur (Archaeologia Hungarica, XXXV). Budapest, 1956; N. Kalicz. Die Péceler (Badener) Kultur und Anatolien (Studia Archaeologica, 2). Budapest, 1963.

[2] A. Mozsolics. Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1967; I. Bona. The peoples of Southern origin of the Early Bronze Age in Hungary I—II. «Alba Regia», 4—5, 1965 и др.

[3] J. Banner. A magyarországi zsugorított temetkezések (Die in Ungarn gefundene Hockergräber). Dolgozatok, Szeged, 3, 1927, стр. 1—58, 59—122; V. G. Childe. The Danube in prehistory. Oxford, 1929, стр. 132, 148—152, 158, 160, 206—208.

[4] A. Mozsolicz. A magyarországi bronzkor kronológiájaról (Über die Chronologie der ungarischen Bronzezeit). Erdélyi Tudományos Füzetek 169. Kolozsvár, 1943, стр. 39; его же. Steppei hugymányok a magyarországi bronzkorban (Traditions des steppes à l'age du bronze en Hongrie). Archaeologiai Ertesitö, 1946—1948, стр. 63—68, 68—74.

дьхаза) и потому просто не успевшие попасть в сводку, но и открытые в начале века (в комитатах Темеш и Торонталь) [5].

Общим недостатком большей части работ, посвященных курганным древностям «степного типа» в Юго-Восточной Европе, является недифференцированное в типологическом аспекте рассмотрение их, в большой мере обусловленное тем, что пока найдено их еще мало. Так рассматривает эти памятники Н. Калиц. Но он пошел все же дальше и попытался найти возможность типологической группировки. Курганы Восточной Венгрии он разделил на две группы. В одну включил «Большие курганы» типа раскопанных в комитате Саболч, а в другую — «погребения с охрой» из Хортобадь. В курганах первой группы (высота 6—10 *м*, диаметр 60—70 *м*) раскопано мало погребений, большей частью ориентированных по линии В—З. Основное погребение — в яме с деревянной конструкцией, на дне ямы иногда доски. В материке иной раз оказывалось несколько ям (автор, кажется, в таких случаях предполагает одновременность нескольких основных погребений). Впускные погребения также иногда имеют деревянные конструкции. В нескольких случаях отмечена красная краска. Скорченные скелеты (на спине или на боку) отличаются высоким ростом (до 200 *см*) и очень скудно экипированы: бронзовые (или медные, серебряные) височные кольца с острыми концами и утолщением в середине, в одном случае — дисковидные бусы из раковины, на все погребения найдено всего два сосуда — оба со шнуровым орнаментом (Буй и Надьхалас). В насыпи кости коня и козы.

Во вторую группу входят курганы различной величины, но чаще меньшего размера. В них содержатся большей частью скелеты, скорченные на спине, но есть и на боку, в одном случае — трупосожжение. Деревянные конструкции известны и здесь. Отмечены уступы в ямах. Большей частью присутствует красная краска, иногда следы костра. Инвентарь ограничивается височными кольцами из электра и медными пронизями. В насыпи — кости коня, теленка или собаки. Правда, группы размещены на разных территориях, но автор полагает, что такое разграничение сложилось оттого, что работавшие в этих районах археологи по-разному выбирали объекты для раскопок. На деле же курганы обоих типов должны быть там и тут.

Советским археологам, работающим над материалами степных культур, конечно, бросится в глаза сугубая недостаточность основы членения (в тех и других курганах много общего, различия второстепенны и, видимо, случайны), а главное — неудачный выбор основной единицы классификации. Н. Калиц считает таковою курган как целое. Между тем, опыт нашей археологии показывает, что степной курган — не замкнутый комплекс, в нем часто содержатся погребения разных эпох и культур. Это значит, что основной единицей культурной классификации, с нашей точки зрения, должно служить отдельное погребение, а вся группировка должна строиться на стратиграфии и сравнительной типологии погребений, их ритуала и могильного инвентаря. Расположение погребений в кургане («на одном горизонте», «друг над другом» и т. п.) — это не обязательно особенности структуры однородного памятника, а, видимо, стратиграфические соотношения разновозрастных и даже разнокультурных комплексов. Рассмотрение этих памятников по странам также представляется мне неоправданным — вероятно, можно было бы выделить в Подунавье несколько археологических культур, имеющих различную хронологию и различные территориальные границы, которые скорее всего не совпадают с границами современных государств [6]. Тем не менее сводка Н. Калица — наиболее полная для Северо-Восточной Венгрии — будет полезна для всех исследователей, работающих над той же проблемой.

Столь же общо Н. Калиц рассматривает и курганные древности с территории СССР, объединяя ямные погребения с катакомбными, срубными, усатовскими. Это позволяет ему дать весьма обширный список сходных особенностей наших и дунайских курганов: там и тут размеры различны (от малых до 10—12 *м*), число погребений различно и часто велико, они расположены то на одном горизонте, то друг над другом, различны их положение и поза, есть деревянные конструкции, доски, циновки, рост покойников достигает значительных величин (170—204 *см*), инвентарь скуден, но есть кости домашних животных, встречаются кремлехи, часто — красная окраска, кострища и т. д. Но ведь ясно, что чем более широкие и обобщенные группы комплексов взяты для сопоставления, тем больше между ними окажется сходств в любом случае — и тем меньше цена этим сходствам.

В перечне Н. Калица, мне кажется, смешаны сходства слишком широкие и случайные с конкретными и важными, а среди последних — признаки действительно общие почти для всего степного мира (наличие или использование курганов, при-

---

[5] Ср. Gy. Gazdapusztai. Zur Frage der Verbreitung der sog. «Ockergräberkultur» in Ungarn. A Móra Ferenc Múzeum Evkönyve II (1964—1965). Szeged 1965, стр. 31—38; его же. Chronologische Fragen in der Alföld er Gruppe der Kurgan — Kultur. Там же, (1966—67). Szeged, 1967, стр. 91—100.

[6] Основанная на этих методических принципах группировка, предложенная Д. Газдапустай (Gy. Gazdapusztai. Chronologische Fragen..., стр. 94—95), была гораздо более перспективной, хотя и должна рассматриваться лишь как очень предварительный набросок, как один из первых шагов по верному направлению.

мнение охры, шнуровой орнамент) со сходством частных особенностей отдельных культур (так, у нас воздвижение курганов, ямы с уступом и высокий рост погребенных — особенности ямной культуры, кромлехи наиболее характерны для усатовской, кости коня — в катакомбах и т. д.).

Н. Калиц считает, что со степными скотоводами, которых он связывает по происхождению главным образом с ямной культурой, пришла в Подунавье более резкая социальная дифференциация. Он отмечает, правда, наличие в бодрогкерестурской культуре комплексов с богатыми золотыми украшениями, обилие металла в некоторых погребениях, а в баденской культуре — сопровождение иных погребений животными, медную диадему на черепе покойного и т. п., но ссылается на то, что в целом погребальный ритуал в этих культурах однообразен. Этому он противопоставляет то, что, с его точки зрения, кажется резким раздвоением ритуала в ямной культуре и курганах Венгрии: «погребения небольшого слоя вождей отделены от погребений общины». Правда, все курганные погребения степей очень бедны. Но на возведение курганов требовалось много рабочей силы — это предполагает «всевластие центрального руководства». Кроме того, «в курганах находилось, наряду с главным погребением, несколько других скелетов. Часто можно было доказать, что они были похоронены одновременно с главным погребением (женщины, дети), что связано с обычаями патриархального общественного устройства: члены семьи следовали за повелителем семьи даже в смерти» (стр. 34). Иными словами, Калиц рассматривает степной курган как единый комплекс ямной культуры, основное погребение — как главное, впускные — как подчиненные.

Но большая часть впускных погребений вообще не относится к одной культуре. Н. Калиц разделяет популярное представление о том, что первобытным общинам были недоступны крупные сооружения, требующие огромных затрат труда и, следовательно, значительной концентрации сил, и что для таких предприятий необходимо наличие классов, средств классового господства и принуждения, отделенной от народа власти. Но с этих позиций нельзя было бы объяснить мегалиты, неолитические крепости вроде Иерихона и даже палеолитическую охоту на крупных животных. Мы сейчас отошли от прежней недооценки уровня развития ямной культуры, мы знаем, что в ней были и колесный транспорт, и укрепленные поселки и даже погребения, выделяющиеся ритуалом (с повозками, с инсигниями особого положения в обществе). Но последнее — лишь на позднем этапе и без всяких признаков дифференциации имущества и концентрации богатств. Признаки эти в наших степях появляются лишь с катакомбными культурами, но и в этих комплексах не достигают того уровня, который представлен бодрогкерестурскими погребениями, не говоря уже о курганах Майкопа и Лейбингена: богатые катакомбные погребения отличаются от бедных, как правило, лишь количеством имущества (превосходящим нормальные потребности одного человека), но не его качеством [7]. Калиц (стр. 32), ссылаясь на Гимбутас, принимает предположение, выдвигавшееся при старых раскопках, что человеческие кости, встречающиеся в насыпи кургана, свидетельствуют о человеческих жертвоприношениях (говорилось еще и о расчлененных костяках в могилах и об антропофагии), но в ряде работ советских археологов полностью доказано, что племена наших степных культур (катакомбной, срубной, андроновской) практиковали последовательные прихоронения в одну и ту же могилу и что при этом кости захороненных ранее людей бесцеремонно сдвигались в сторону, перемешивались или выбрасывались из могилы [8]. То же происходило и при ограблении могил. Многие из этих костей оказывались в заполнении входных шахт и в насыпи кургана.

О височных кольцах из серебра, электра и меди или бронзы Калиц пишет, что они, встреченные в Венгрии лишь в четырех комплексах, а в Румынии лишь в нескольких экземплярах, «вероятно, были еще принесены из степей» (стр. 35). Но именно кольца того типа, который чаще встречается в Подунавье (с утолщением посредине и острыми концами) — чрезвычайная редкость в наших степях, а кольца типов, шире представленных у нас,— единичны в Подунавье. Калиц рассматривает курганные погребения Восточной Венгрии, а равно и смежных стран Подунавья, как результат проникновения (может быть, неоднократного) ямной культуры. Естественно было бы ожидать в этих комплексах или хотя бы среди отдельных находок в этих районах ямную керамику. Однако в курганах Восточной Венгрии керамики вообще нет, в курганных группах соседних подунайских стран керамика иная и очень разнообразная (усатовский сосуд, аск, шнуровой кубок с ручкой, амфорка). Из 12 отдельных находок с территории Восточной Венгрии только 2 позволяют судить о типе сосуда, и в одном случае (Буй) это плоскодонный шнуровой кубок с ручкой (отломана) и четко выделенной высокой шейкой, чуждый ямной культуре, но вполне укладывающийся в систему форм центральноевропейской шнуровой керамики, особенно ее волыноподольской разновидности. Второй сосуд (Надьхалас — Кирайхалом) — чаша с утолщенным бортиком, орнаментированная внутри

---

[7] L. S. Klejn. Reiche Katakombengräber. EAZ, 1967, No 4, стр. 226—227.

[8] В. С. Сорокин. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. СА, 1959, 4, стр. 10—18.

шнуровыми линиями вкруговую (часть стенки и ножка отломаны) — также не отражает специфических особенностей ни ямной, ни катакомбной культур, а должна быть причислена к широкому кругу чаш на ножке со шнуровыми линиями по внутренней полости. В этот круг входят Вучедол-Зок, Костолац, Городск, а также Михайловка III, где ямная культура предстает в модифицированном виде и в смеси с катакомбной. Эти чаши более распространены на западе, чем на востоке (катакомбные курильницы представляют собой родственную, далеко отошедшую форму). Обратив внимание на то, что миниатюрные глиняные модели боевых топоров обильно представлены в ряде культур Подунавья и в нескольких комплексах фатьяновской культуры Поволжья, Калиц объясняет это тем, что в оба эти района их доставила экспансия «степной культуры» (стр. 55—56) — для доказательства остается только найти их в самой «степной культуре»... . Необходимо учесть также данные хронологии. Калиц предпочитает все переводить в абсолютные даты по системе короткой хронологии, но так как ему приходится пользоваться и материалами, датированными по длинной хронологии, и не всегда удается это определить (ср. соотношение длинных датировок Н. Я. Мерперта и Е. Ф. Лагодовской с короткими А. А. Иессена и Т. С. Пассек на стр. 51—52), то возникают несоответствия в сравнительной стратиграфии. Очевидно, что, учитывая спорность обеих систем хронологии в настоящее время и разнородность (двухрядность) бытующих датировок, правильнее было бы, какой бы системы ни придерживался автор в своих общих оценках, чтобы избежать эклектики и путаницы, при детальных сопоставлениях культур опираться прежде всего на сравнительную стратиграфию и работать в рамках относительной хронологии, в одной системе.

Калиц помещает ямную культуру в период, предшествующий шнуровой керамике. Между тем стратиграфия степных курганов по некоторым новым данным дает иную картину: ямная культура позже усатовской [9]. А ведь усатовская и городская культуры содержат в себе несомненные вклады поздней шнуровой керамики центральноевропейского типа, той самой, которая представлена отдельными находками в Венгрии. Значит, хоть связи со степными культурами Украины заметно проявились в рассматриваемой культуре Северо-Восточной Венгрии, все же что̀ лежало в основе этих связей (контакты, родство и т. д.) пока неясно. Во всяком случае, суть этих связей нельзя сводить к простому вторжению (или вторжениям) ямного населения из степей Украины.

Второй раздел книги Н. Калица (стр. 62—109) называется «Культура Зок в Северо-Восточной Венгрии», но содержание раздела значительно шире: автор рассматривает всю обширную область распространения вучедол-зокской культур в Венгрии и за ее пределами.

На рубеже прошлого и нынешнего веков М. Гёрнес и М. Вошинский познакомили широкий круг археологов с находками И. Бруншильда и других из Вучедола в Сирмии и ввели понятие вучедольской культуры. Затем В. Гоффилер в 1933 г. посвятил целый том своего Корпуса древних Ваз (Corpus Vasorum Antiquorum) вучедольской керамике, а Р. Шмидт с 1938 г. начал новые раскопки в Вучедоле, результаты которых издал в 1945 г. [10]. В Венгрии первую сводку памятников этой культуры (названную здесь зокской) дал в 1937 г. Ф. Томпа и, хотя тогда было известно всего несколько ее местонахождений и только на юго-западе страны, он оценил важную роль этой культуры в сложении бронзового века Венгрии. П. Патай в обобщающем труде о культурах раннего бронзового века Венгрии (1938 г.) мог учесть лишь 18 местонахождений на юго-западе страны. Через 20 лет в Венгрии было учтено 50 местонахождений, а еще через 10 лет Н. Калиц оперирует внушительным числом — около 380 местонахождений в Венгрии и за рубежом, из которых свыше 200 северовенгерских включены в каталог и являются непосредственной базой исследования. Культура эта оказалась широко распространенной в Венгрии и теперь разделена на несколько локальных вариантов [11]: 1) группу Ньиршег в Северо-Во-

---

[9] N. Harţuchiş i. I. T. Dragomir. Săpăturile de la Brăiliţa Materiale şi cercetări arheologice. III. 1957, стр. 129—147; M. Harţuchi. Săpăturile arheologice de la Brăilita, V, 1959. стр. 221—229; I. T. Dragomir. Necropola tumulara de la Brăiliţa. Там же, стр. 671—693; N. I. Simacheşi. Victor Teodorescu. Săpăturile archeologice de salvare de la Smeieni. Там же, VIII, 1962. стр. 273—282; И. Т. Черняков, Н. М. Шмаглий. Археологические исследования Днестро-Дунайской (новостроечной) экспедиции в 1964 г. Тез. докл. VI объединенной научной сессии ОГАМОГУ, посвященной итогам полевых исследований 1964 г.; В. Г. Збенович, А. М. Лесков. О стратиграфии и классификации погребений Одесского кургана. КСИА, вып. 115, М., 1969. стр. 29—38.

[10] R. R. Schmidt. Die Burg Vučedol. Zagreb. 1945; см. также N. Tasić. Der Badener und Vučedoler Kultur-Komplex in Jugoslavien (Dissertaiones, IV). Beograd-Novi Sad, 1967.

[11] F. Tompa. 25 Jahre Urgeschichtsforschung in Ungarn. 24/25 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission (1934/35). 1937, стр. 60—61; P. Patay. Die Frühbronzeitliche Kulturen in Ungarn (Dissertationes Pannonicae, ser. II, No. 13). Budapest, 1938, стр. 24—28.

сточной Венгрии; 2) группу Мако в долине Средней Тиссы и в Северном Задунавье и 3) группу Вучедол на юго-западе страны (кстати, постоянная перетасовка терминов «вучедол» и «зок» создает неудобства: одни всю культуру именуют вучедольской, а венгерские памятники — зокскими, другие — всю культуру зокской, а одну ее группу — вучедольской; правильнее было бы сохранить за культурой ее название по первому памятнику вучедольской, или вучедол-зокской, а юго-западную группу именовать зокской или, лучше, ввиду сложившейся двузначности этого термина — сарвашской или зок-сарвашской). Такое широкое распространение и данные стратиграфии приводят автора книги к уверенному заключению, что прежние представления о частичной синхронности баденской и вучедол-зокской культур неверны и что вторая везде следует за первой. Трудно возразить против стратиграфии, но что касается картографии, то, кажется, не все обстоит так просто. На юге, в долине Савы, в Словакии и Сирмии — в районах густого расположения вучедольских памятников зокско-сарвашского типа — классическая баденская культура слабо представлена, в основном — отдельными находками на инокультурных памятниках. Кроме того, между собственно баденской и вучедол-зокской культурами стратиграфически вклинивается поздняя разновидность баденской культуры — группа Костолац, а ее распространение не совпадает с общими границами обеих культур: она рассекает их общий ареал узкой полосой с севера на юг по междуречью Тиссы и Дуная и такой же узкой полосой уходит на юго-восток по Мораве [12]. Что существовало в костолацкое время к востоку и к западу от ее границ? На западе, во всяком случае, вероятно, уже Вучедол-Зок.

Занявшись сложным вопросом о происхождении вучедол-зокской культуры, вопросом, по которому существует множество противоположных мнений, Н. Калиц исходит из двух методических принципов: 1) решать вопрос о происхождении каждого из локальных вариантов культуры по отдельности и 2) иметь в виду возможность многокомпонентности каждого из этих вариантов. Но, применяя эти принципы к материалам вучедол-зокской культуры Венгрии, автор книги не предусматривает возможность того, что и в приложении к нашим степным культурам эти принципы правомерны; он привлекает для сопоставления с Венгрией без разделения не только разные катакомбные культуры, но и вообще все степные культуры бронзового века — ямную, усатовскую, катакомбные и другие — как одно целое.

Высокая роль степных культур Украины в сложении вучедол-зокской культуры опять же вызывает сомнение. В качестве главных компонентов, полученных из наших степей, Н. Калиц приводит расчесы на керамике, амфору с выпуклыми плечиками и вогнутыми стенками и курильницу катакомбного типа. Но сам же он указывает, что расчесы появляются раньше всего на сосудах Триполья B_1—B_2 и становятся особенно характерны в период C_1. Ямная же культура, как можно предположить, следует за периодом C_2. К этому можно было бы добавить, что характер этих расчесов в обеих культурах разный (на ямных сосудах — косое заглаживание штампом, на вучедольских — вертикальные и горизонтальные непараллельные линии), как и расположение на сосуде (в ямной культуре они образуют фактуру всей поверхности, в вучедоле — создают орнаментальный эффект, покрывая четко ограниченную часть сосуда). Амфор указанного типа вообще в степных культурах нет. Они есть в Триполье C_1 — и Кукутени B, а также в усатово-городских памятниках. Но, во-первых, Н. Калиц называет и область распространения трипольской культуры степями, а во-вторых, считает, что «вероятно, этот тип амфоры был доставлен на запад волной курганной культуры степного района из культуры Кукутени — Триполье» (стр. 93). Что же касается катакомбных курильниц, то они сходны с вучедол-зокскими (об этом говорят одинаковые размеры, четырехлепестковая ножка, орнаментация на бортике и нередко внутри). Н. Калиц предложил считать степную культуру (надо уточнить: предкавказскую катакомбную) источником для вучедольской. Чем это обосновывается? Исключительно общими соображениями автора книги об «оплодотворяющей» роли степных культур для культур Подунавья. Конкретных доказательств нет [13].

Другие компоненты вучедол-зокской культуры, рассмотренные Н. Калицем в широком объеме, более важны для понимания проблемы, чем представлялось самому автору книги.

Третий раздел (стр. 110—190) называется «Культура Хатван» — это уже культура настоящего бронзового века.

Долгое время хронология этой культуры в бронзовом веке Венгрии определялась неверно. Чайлд и Томпа синхронизировали ее с периодом C в Тосеге, а перед этим периодом оказывались A — Надьрев, B — Перьямош. А так как на севере Венгрии не представлены Надьрев и Перьямош, Вучедол же был там неизвестен, то по-

[12] Cm. V. Němejcova-Pavúkova. Äneolithische Siedlung und Stratigraphie in Uža. «Slovenska Archeologia», XVI—2. 1968, карта, рис. 42.

[13] Ср. противоположную точку зрения в работах: Л. С. Клейн. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры. Вестн. ЛГУ. 1962. 2, стр. 74—87; его же. Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры. Археол. сб. Гос. Эрмитажа, № 8. Л., 1966, стр. 5—17.

лагали, что там долго живет баденская культура, смыкаясь с Хатваном, который начинается там раньше, чем в Тосеге. Новые послевоенные раскопки Можолич в Тосеге показали, что хатванские формы заполняют там слой В (С — это уже культура Фюзешабонь), а группа Ньиршег отделила хатван от бадена, но так как надьревской культуры на севере нет, то И. Бона и Н. Калиц считают, что на севере страны хатван начинается все же раньше и параллелен не только Тосегу В, но и Тосегу А, т. е. культуре Надьрев.

Очень интересны демографические подсчеты Калица. По этим подсчетам, культуру Хатван составляют примерно 500 теллей, густо расположенных на сравнительно небольшой территории. В каждом телле 20—30 домов площадью по 30—60 и даже 120 $м^2$. Такой дом рассчитан на семью, состоящую в среднем из восьми человек. В целом за весь период существования культуры это дает общество, насчитывающее около 100000 человек — огромную силу по масштабам бронзового века.

Сложение культуры Хатван автор книги, в согласии с И. Боной, считает результатом взаимодействия двух компонентов — южного и степного. Первый внес аски, чаши с ручкой, часть типов амфор, подвесные сосуды, крышки, печати и т. д. Второй — планировку поселений, коневодство, текстильный орнамент, топоры восточного типа, гарпуны и др. (в том числе некоторые элементы, представленные уже в вучедольской культуре).

И здесь роль степного вклада представляется сильно преувеличенной. Планировка поселений (имеется в виду выделение цитадели внутри поселка) — следствие определенных социальных сдвигов и может возникать независимо в разных обществах.

Текстильный орнамент «был очень распространен на рубеже II и I тысячелетий в средних и северных районах Советского Союза»..— На это опирается Н. Калиц.

Однако в самих степях текстильный орнамент полностью отсутствует. То же относится и к шишечному орнаменту типа «полимастит». Относительно гарпунов сам же Калиц сообщает, что их прототипы есть и в балканском неолите, но степное происхождение гарпунов бронзового века кажется ему более вероятным «вследствие восточных связей хатванской культуры» (стр. 176). Восточные связи хатванской культуры несомненны, но их характер и интенсивность пока не определены.

Ф. Кёсеги предположил, что венгерские курганы синхронны не только с ямными, но и с катакомбными погребениями наших степей [14], с чем не согласились ни Н. Калиц, ни Д. Газдапустай. В венгерских материалах, однако, можно увидеть и некоторые подтверждения гипотезы Ф. Кёсеги. Мы находим в периферийном хатванском комплексе молоточковидную булавку — вполне степного облика (Сарваш).

В степях мы дважды встречаем также в комплексах типичные хатванские «подвесные сосуды» — биконические амфоры с вертикальной шейкой, вертикально проткнутыми ушками на поясе и узкожелобчатым орнаментом. Оба раза (Каменка, кург. 5, погр. 1 — раскопки В. А. Городцова и Троицкое, кург. 4, погр. 24 — раскопки мои) они оказались в связи с катакомбными комплексами (во втором случае связь по условиям обнаружения не вполне достоверна) [15]. Форма сосудов и техника орнаментации совершенно чужды катакомбным культурам наших степей, но зато не только полностью укладываются в систему хатванской керамики, но и имеют хорошие соответствия в одном ее типе, широко представленном в Венгрии (Сихалом, Тарнамера, Тисатардош, Тисакесь). Прочерченный узкими желобками орнамент, разделенный на вертикальные поля и состоящий частично из заштрихованных треугольников, обычен на хатванских сосудах. Любопытно, что на сосуде из Каменки он соединен с типично катакомбными элементами. Если троицкий сосуд, найденный мною в Приазовье, мог бы рассматриваться как хатванский импорт, то сосуд из Каменки, вероятно, лишь сделан под влиянием чужой керамической традиции. Все это говорит скорее о каких-то контактах, взаимном обмене, чем о генетическом родстве населения, происхождении одной культуры от другой.

Если взглянуть на расположение венгерских групп на карте, то сразу выступят и возможные пути связи и вероятные посредники. Дело в том, что культура Хатван занимает на карте ареал, тесно примыкающий на большом протяжении к ареалу венгерских курганов «степного типа» (в ближайшем соседстве с Сарвашем, где найдена молоточковидная булавка, курганный могильник Кетедьхаза), а от тех тянется длинная цепь родственных групп — через Трансильванию и Румынию — в наши степи.

Большим трудом Н. Калица значительно пополнены и уточнены наши представления о раннем бронзовом веке Венгрии и соседних стран. Благодаря обилию информации, тщательной ее обработке и технически совершенному изданию этот труд станет солидной базой для дальнейших исследований и сослужит хорошую службу многим археологам.

Л. С. Клейн

---

[14] F. Koszegi. Adatok a magyarországi okherkirok eredetinek kérdéséher (Contribution à la question de l'origine des tombes à ochre en Hongrie). «Archeologiai Ertesitö», 92, 1962, стр. 15—21, 21—22.

[15] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде... Тр. XII АС, I, М., 1905, стр. 198, 277, табл. VIII, рис. 2; Л. С. Клейн. Новые данные о хронологических взаимоотношениях ямной и катакомбной культур. Вестн. ЛГУ, 1960, 20, стр. 144—148; рис. 3; его же. Курганы біля с. Троіцького. АП УРСР, VIII, 1960, стр. 162, рис. 119.

Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968, 168 стр., 75 рис. приложения

Книга Е. В. Черненко — первое специальное исследование, в котором с достаточной полнотой рассматриваются все виды оборонительного вооружения (панцири, боевые пояса, шлемы, щиты, поножи), применявшиеся со второй половины VII по III в. до н. э. Содержание книги шире ее названия, так как в ней дается характеристика оборонительного вооружения, которое применялось не только собственно скифами, но и различными нескифскими племенами Прикубанья, Северного Кавказа и лесостепной полосы Восточной Европы. Наличие прекрасной общей работы А. И. Мелюковой «Вооружение скифов», а также статей Б. З. Рабиновича, А. П. Манцевич, Л. К. Галаниной и др., в которых рассматривались отдельные виды оборонительного вооружения, требовало от автора самого полного обобщения всех имеющихся материалов и очень тщательного всестороннего изучения их на достаточно широком историческом фоне. Е. В. Черненко старался в своей книге уделять основное внимание «вопросам изготовления защитного оружия, разработке его типологии, выяснению развития различных типов, проблеме происхождения комплекса защитного вооружения в целом» (стр. 5), и в подавляющем большинстве случаев он со своей задачей справился превосходно. Книга содержит много интересных наблюдений, удачных реконструкций и важных выводов. Вопросы, оставшиеся нерешенными или спорными, связаны, главным образом, с теми случаями, когда мы не располагаем еще достаточным количеством убедительных фактов.

Одним из главных достоинств книги Е. В. Черненко является то, что в ней, в отличие от многих других работ, посвященных защитному вооружению, автор не ограничивается реконструкцией, типологией и историей происхождения того или иного доспеха, но пытается также выяснить технологию изготовления рассматриваемых предметов вооружения (стр. 13, 20, 23—26, 35—36 и др.). Это позволяет ему значительно расширить рамки темы и в заключительной части показать в общих чертах зависимость вооружения от определенного уровня социально-экономического развития скифских и нескифских племен юго Восточной Европы (стр. 156—161).

Встречаются в книге и отдельные положения, с которыми трудно согласиться. Так, Е. В. Черненко высказывает предположение, что для изготовления наиболее простых, чисто кожаных панцирей могла применяться кожа, обработанная «сухим» способом (стр. 13). При этом он ссылается на работу И. М. Лурье «История техники древнего Египта» и на результат одного из моих исследований. Но в указанной работе И. М. Лурье говорится об изготовлении в древнем Египте из «сухой» кожи только щитов, колчанов и передков колесниц, а не панцирей, которые должны быть не только прочными, но и достаточно гибкими. Я в своей неопубликованной пока полностью диссертации действительно говорю об изделии IV в. до н. э. из кожи типа пергамента, т. е. обработанной «сухим» способом. Однако речь идет опять-таки не о панцире, а о коже от колчана, найденного в кург. № 1 у с. Волковцы при раскопках С. А. Мазараки в 1897 г. Таким образом, обе ссылки не подтверждают предположение автора. Нам кажется, что «сухая» кожа не могла применяться для изготовления скифских панцирей, форма которых нам известна по изображениям. Они являлись бы слабой защитой для воина и вместе с тем делали бы его очень неповоротливым, неуклюжим.

Вряд ли следует так категорически, как это делает Е. В. Черненко, утверждать, будто полировка бронзовых пластин панциря породила «ошибочное мнение, что бронзовые наборные панцири, как и ряд других предметов вооружения скифского времени, были позолочены» (стр. 23). В тексте нет фамилий этих заблуждающихся исследователей и конкретных фактов неправильной характеристики полированных пластин панцирей. В то же время сам автор далее (стр. 35) пишет, что «для придания панцирю более нарядного вида применялось также покрытие части набора золотом...» и приводит ряд конкретных примеров частичного или полного золочения пластин панцирей из различных курганов Скифии. Позолоченные изделия, несомненно, были довольно широко распространены в Скифии и встречаются уже в архаических памятниках, например, в Келермесских курганах VI в. до н. э. Однако способ золочения, применявшийся тем или иным мастером, не может быть окончательно установлен без специального анализа. Выяснение технологических приемов, применявшихся местными мастерами, имеет большое значение для глубокого понимания уровня развития производительных сил в Скифии, но требует использования химических, спектральных, металлографических и других методов, которые дают возможность опираться не на догадки, а на точно установленные факты. Отсутствие результатов анализов иногда очень ощущается в рецензируемой работе. Следовало бы, например, привести какие-либо доказательства использования того или иного технического приема при изготовлении металлических частей панцирей, имеющих художественное оформление. Так, автор пишет, что круглая пластина с изображением медузы из 4-го Семибратнего кургана «выбита по матрице с обратной стороны с последующей доработкой деталей» (стр. 48—50), а нагрудник из кургана у станицы Елизаветинской «выкован по модели из листа бронзы с последующей проработкой некоторых деталей» (стр. 51). Нам кажется, что характер металла и следы обработки указывают на применение несколько иной технологии, в которой существенную роль играло литье.

Несмотря на то, что о шлемах скифского времени написано уже немало, автору удалось внести много уточнений в характеристику этих доспехов. На наш взгляд, автор совершенно прав, когда указывает, что мы не имеем пока убедительных доказательств украшения золотыми диадемами шлемов кубанского типа, применявшихся в VI в. до н. э. Очень соблазнительно было бы считать вслед за А. П. Манцевич, что золотой «венец» из Калитвы был сделан в качестве украшения для колоколовидного шлема, но Е. В. Черненко приводит ряд существенных возражений против такой реконструкции, и с этими возражениями нельзя не считаться. Особенно странным для украшения шлема является совершенно ненужная орнаментация внутренней поверхности «венца» золотой веревочкой. Тонкие и прямые пластины из кургана у с. Мастюгино (рис. 53, *1, 2*) очень отличаются друг от друга. Очевидно, это — остатки совершенно различных вещей и вряд ли остатки шлемов.

Рассматривая вопрос о происхождении защитных доспехов, Е. В. Черненко обстоятельно проанализировал предположение И. И. Копылова и Е. Е. Кузьминой о местном среднеазиатском производстве двух шлемов кубанского типа, найденных в Средней Азии. Автор хорошо показал, что даже объективные данные о химическом составе металла следует использовать очень осторожно.

В этом случае ни стилистические особенности изделий, ни химические анализы не могут доказать существования среднеазиатского центра производства шлемов кубанского типа.

Работа Е. В. Черненко, помимо прочего, ценна тем, что тщательное изучение источников позволило ему устранить путаницу в определении места находок и в описании отдельных предметов вооружения (стр. 78, 85, 103 и др.). К сожалению, в нескольких (правда, очень редких) случаях и в данной книге допущены неточности. Так, на стр. 78—79 автор дает описание шлема из Келермесского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским, и делает ссылку на свой рисунок 43, *2*. Однако описанию соответствует совсем другой шлем, изображенный на рисунке 43, *1*. На стр. 158 говорится, что на степном Каменском городище были найдены «некоторые инструменты мастера-оружейника» и дается ссылка на стр. 132 работы Б. Н. Гракова «Каменское городище на Днепре». Но на указанной странице в работе Б. Н. Гракова имеется лишь описание железных и бронзовых чешуек от панциря.

К числу загадок, на которые пока не удалось найти убедительный ответ, относятся небольшие трубочки, которые встречаются у края некоторых щитов и изображены на щите конного воина солохинского золотого гребня. Е. В. Черненко предполагает (стр. 104), что трубки могли применяться для крепления щита на двух крюках, расположенных на боевом поясе или на панцире всадника, чтобы облегчить ему управление конем или действие оружием. Однако нам неизвестны такие крюки на боевых поясах или на панцирях скифских воинов. Кроме того, у всадника, изображенного на гребне из кургана Солоха, мы видим как раз такую ситуацию, когда в левой руке он держит повод, а в правой — копье. Его щит, несомненно, на чем-то подвешен, но при этом четко изображенные трубочки расположены на краю внешней стороны щита, которая непосредственно не соприкасается с панцирем или боевым поясом всадника. Свободные концы трубочек обращены вверх, а не вниз, как следовало бы ожидать, если бы они предназначались для закрепления щита на крюках. Может быть сами трубочки были своеобразными крюками, за которые крепилась какая-то кожаная петля или подвешивались какие-то предметы?

Е. В. Черненко считает, что обработку кожи и изготовление из нее различных предметов, в том числе кожаной основы для панцирей и поясов, не следует относить к числу домашних промыслов, так как этот вид производства превратился у местного населения уже в самостоятельное ремесло. Основание для такого вывода он видит в том, что «обработка кожи и изготовление из нее основы были далеко не таким простым делом, как может показаться на первый взгляд» (стр. 159). Однако мы, к сожалению, не располагаем конкретными фактами, позволяющими сделать такой вывод. Встречающиеся в лесостепной Скифии орудия для обработки кожи археологически зафиксированы в таких комплексах, которые не позволяют относить их к специализированному производству ремесленников. Вообще же обработка кожи — это одно из древнейших занятий человека, и этнографически известны самые различные племена, которые умели превосходно обрабатывать кожу, делали из нее разнообразную и сложную одежду, обувь, жилища, упряжь и детали предметов вооружения, но тем не менее этот вид хозяйственной деятельности не выделился у них еще в самостоятельное ремесло. По-видимому, дело не только в сложности или простоте обработки кожи, а в том общем уровне социально-экономического развития и разделения труда, который сложился в данном обществе. Для всего населения юга Восточной Европы в VII—III вв. до н. э. вопрос о выделении кожевенного ремесла не может быть решен однозначно.

В некоторых случаях кожу, обработанную домашним способом, могли, очевидно, получать и использовать специалисты-оружейники, занимавшиеся изготовлением панцирей, боевых поясов, колчанов и проч. Книга довольно хорошо иллюстрирована, но все же в некоторых случаях рисунков явно не хватает, особенно когда речь идет о спорных предметах. Например, подробное описание деталей щита из Золотого кургана (стр. 105—106) не может заменить отсутствующее изображение остатков же-

лезных пластин, круглых бронзовых бляшек и соединительных проволочек этого своеобразного изделия.

Разумеется, отмеченные выше погрешности не могут изменить общего очень хорошего впечатления о книге Е. В. Черненко, которая является ценным вкладом в разработку одной из важных сторон истории военного дела в Северном Причерноморье.

Б. А. Шрамко

Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968.

До недавнего времени защитное вооружение было одной из наименее изученных групп инвентаря скифской материальной культуры вообще и скифского вооружения в частности. Если мечи, наконечники стрел, топоры и другие категории наступательного оружия давно уже привлекали к себе внимание исследователей и по ним имеются специальные работы, то по защитному оружию таких работ почти нет. Исключением являются статьи А. П. Манцевич о боевых поясах [1]. Б. З. Рабиновича о шлемах [2] и Л. К. Галаниной о поножах скифского времени [3]. Даже в недавно увидевшей свет превосходной работе А. И. Мелюковой о вооружении скифов оборонительному оружию, уделено сравнительно мало внимания.

Очевидно, это объясняется целым рядом причин, в их числе — трудоемкость самой темы, необходимость анализа и синтеза различных видов источников, привлечение аналогий с весьма обширной территории, наконец, разбросанность археологического материала по различным музеям и зачастую даже его разрозненность. Все эти трудности успешно преодолены в работе Е. В. Черненко, которая удачно заполняет пробел в изучении скифского вооружения.

Основное внимание в работе уделено наиболее массовому виду защитного оружия — панцирям. Автор тщательно и кропотливо собрал огромный материал, хранящийся в музеях и архивных собраниях, систематизировал его, привлек памятники изобразительного искусства и данные письменных источников и в результате смог выделить различные типы скифских панцирей и определить хронологические рамки их бытования. Главным достижением этого раздела работы я считаю выяснение многих общих и частных вопросов устройства скифских панцирей. В целом удачно решен и вопрос о времени появления на юге Восточной Европы наборных пластинчатых панцирей (по терминологии Е. В. Черненко) [4].

Вряд ли правильно объяснять бронзовые пластины из группы предметов, найденных у с. Бубуй на территории Молдавии, как части кирасы (стр. 53, 54). Некоторые сомнения вызывает и реконструкция панциря из Семибратнего кургана (стр. 46—50, рис. 26, 27). Несколько преждевременным кажется вывод автора о позднем появлении панцирей на территории Средней Азии (стр. 144). Археологический материал, происходящий оттуда, не настолько велик, чтобы служить надежным критерием.

Боевые пояса автор также подразделяет на определенные типы и при этом устанавливает, что наиболее многочисленные портупейные пояса, покрытые металлическим набором, занимают довольно заметное место в составе скифской паноплии. Автор рассматривает их устройство, выделяет различные типы пластин, использовавшиеся для их изготовления, обоснованно возражает против мнения Б. Е. Дегена об использовании скифами наплечных портупей для ношения оружия. [5] Следует приветствовать широкое использование автором иконографического материала — стел и предметов торевтики.

Особый интерес представляют выделенные Е. В. Черненко пояса нового типа — широкие защитные, до сих пор не привлекавшие внимания скифологов. Сделать это ему удалось, собрав большой архивный материал из забытых раскопок В. В. Хвойко под Щучинкой на Киевщине и восстановив из обломков великолепный экземпляр пояса из собрания Киевского исторического музея (стр. 69—71). Вероятно, автор прав, расширяя рамки бытования боевых наборных поясов на несколько столетий (стр. 71), хотя для окончательного решения вопроса необходимы новые материалы.

Много нового вносит рецензируемая монография для освещения вопроса об использовании населением юга Восточной Европы различных типов шлемов местного и греческого производства. Автор прав, принимая предложенную еще Б. З. Рабиновичем типологию их как сохраняющую свое значение и в наши дни, однако он вносит в нее ряд дополнений и уточнений. Прежде всего это касается шлемов, выделенных Б. З. Рабиновичем как местные, но в действительности являющихся античными, под-

---

[1] А. П. Манцевич. О скифских поясах. СА, VII, 1941.

[2] Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. Тр. ОИПК, I, Л., 1941.

[3] Л. К. Галанина. О греческих поножах Северного Причерноморья. АС, 7, Л., 1965.

[4] К сожалению, общепринятая терминология для обозначения различных видов металлических доспехов, особенно различных типов металлических панцирей, еще не выработана и в различных исследованиях расходится весьма сильно.

[5] Б. Е. Деген. О «загадочных предметах» из скифских погребений. КСИИМК, 7, 1941.

вергшимися переделке (стр. 89—95). Большое значение имеет выделение шлемов, изготовленных местными мастерами из различных металлических деталей. До недавнего времени их находили в погребениях в разрушенном состоянии, и поэтому внешний вид их не восстанавливался. Недавняя находка шлема этого типа, полностью сохранившегося, позволяет реконструировать их как кожаные башлыки, имеющие своеобразные нащечники и назатыльник.

Интересный материал собран для характеристики щитов. Они обычно сохраняются в погребениях очень плохо, так как основная масса их изготовлялась из дерева и кожи. На основании памятников искусства в работе реконструируется их внешний вид, описываются известные находки, сохранившиеся к моменту раскопок. Важно выделение Е. В. Черненко щитов с панцирным покрытием, различные части которых обычно описывались авторами раскопок как части панцирей.

Поножи недавно были специально изучены Л. К. Галаниной, ее материалы и были использованы автором. В сводке Е. В. Черненко приведены некоторые материалы, не привлеченные Л. К. Галаниной, уточнены находки некоторых кнемид. Особенно ценно выделение им своеобразных наборных ножных доспехов, представлявших своеобразную комбинацию набедренников и наголенников. Интересна и трактовка как наборных поножей блоков набора из кургана, раскопанного в середине прошлого века в Нимфее и попавшего в Оксфорд. Жаль, что автор не использовал части набора из Семибратных курганов, скорее всего имевшие то же назначение, но определенные А. П. Манцевич как части панцирного щита [6].

Автор верно уточнил хронологические рамки использования поножей на территории Северного Причерноморья, показал ошибочность мнения В. Д. Блаватского о редком применени поножей воинами юга Восточной Европы.

Глава о происхождени защитного доспеха выходит за рамки работы, но ее появление можно только приветствовать. Для ее написания были использованы материалы, происходящие с огромной территории — от Переднего Востока до Центральной Азии — и охватывающие отрезок времени почти в два тысячелетия. Е. В. Черненко выделяет четыре системы панцирной защиты и подробно их характеризует, основное внимание, естественно, уделяя наборным пластинчатым панцирям. Предложенная типология, особенно панцирей, не во всем убедительна, так же как оценка сравнительных достоинств и недостаков панцирей различных типов, но поскольку эти вопросы подробно освещены мною в находящейся в печати монографии, я сейчас не буду останавливаться на них подробнее [7].

На мой взгляд, автор правильно поступает, не настаивая категорически на определенном центре появления пластинчатых панцирей и отмечая почти синхронное появление их на Переднем Востоке, хотя определенный приоритет, который он, кажется, склонен отдавать Египту (стр. 134), вероятно, тоже преждевременен.

Говоря о распространении панцирей с пластинчатым набором на территории Фракии Е. В. Черненко вслед за болгарским археологом Т. Тотевым описывает как панцирь часть щита с панцирным покрытием из погребения у с. Кёлмен, а также части доспеха из Янково. Исправить эту ошибку позволила публикация частей вооружения из Болгарии в статье А. П. Манцевич [8]. На такую же ошибку в определении еще раньше указывал Е. В. Черненко по отношению к части набора из кургана, раскопанного Цв. Дремсизовой в Болгарии [9].

Большую ценность для любого исследователя скифского вооружения представляют приведенные в приложении сводные таблицы находок панцирей, боевых поясов, шлемов, щитов и поножей. Эти таблицы, безусловно, облегчат любое дальнейшее исследование скифского оружия.

Само же исследование, безусловно, заслуживает очень высокой оценки. Конечно, в нем, как во всякой оригинальной работе, имеются спорные места, конечно, многое со временем, очевидно, придется уточнить или пересмотреть. Но одно представляется несомненным: работа Е. В. Черненко на многие годы станет настольной книгой для любого иследователя оружия Восточной Европы скифского времени.

В заключение хотелось бы подчеркнуть хорошее качество оформления и вообще высокий полиграфический уровень изданной монографии. Что касается ее тиража — 1600 экземпляров, то он, конечно, явно недостаточен.

А. М. Хазанов

Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. Изд-во МГУ, М., 1969

Прошло двадцать лет после выхода в свет книги С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», в которой автор с необычайной широтой и красочностью нарисовал картину жизни сибирских народов, пользуясь при этом источником, до него мало известным и мало ценимым — археологическими материалами.

---

[6] А. П. Манцевич. О щитах скифской эпохи. СА, 1969, 1, стр. 25.

[7] См. А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1970.

[8] А. П. Манцевич. Ук. соч., стр. 27, рис. 6.

[9] Е. В. Черненко. Происхождение пластинчатого панцирного доспеха. КС ОГАМ, Одесса, 1965, стр. 33.

Вполне естественно, что в работе, охватившей историю множества народов, обитавших на необъятных азиатских землях, не все разделы были освещены автором одинаково полно. В те годы многие области не были еще исследованы археологами, а материалы, хранившиеся в фондах сибирских музеев, были недостаточны для исторических обобщений. Одним из таких малоисследованных районов была Тувинская Народная Республика, присоединившаяся к СССР лишь в 1944 г. и ставшая Тувинской автономной областью.

Уже в 1945 г. С. В. Киселев, побывав в Туве, наметил маршруты разведок и будущих археологических работ в этой области. В этой первой Тувинской экспедиции принимал участие и студент второго курса истфака МГУ Л. Р. Кызласов, который затем отдал археологическому изучению Тувы почти 20 лет.

О народах, заселявших Туву в различные периоды средневековья, в общих трудах по истории Сибири до сих пор говорилось лишь вскользь. При этом историки пользовались отрывочными письменными свидетельствами и изредка — данными, полученными при анализе надписей-эпитафий. Л. Р. Кызласов, как и его учитель, ввел и заставил полнозвучно говорить новый источник — археологический. Книга его является образцом исторического исследования, написанного на материалах огромного количества археологических памятников, обследованных, изученных, раскопанных автором в течение многих экспедиционных сезонов.

В книге четыре основных главы, освещающие последовательно сменяющие друг друга периоды в жизни огромного и богатого края на протяжении целого тысячелетия (VI—XV вв. н. э.).

Первый период — период Тюркского каганата — начинается с характеристики погребальных сооружений. Погребальные комплексы VI—VIII вв. разделяются Л. Р. Кызласовым на несколько групп, и каждая из этих групп чрезвычайно убедительно отождествляется с одним из народов, известных нам по письменным источникам и обитавших в то время в Туве. Он подробно и вместе с тем сжато описывает каждую выделенную им группу: форму курганов, погребальные обряды, инвентарь, спокойно и ненавязчиво подводя читателя к выводам о наличии здесь нескольких групп населения.

Даже явно полемическая часть о тюркских поминальных оградках и каменных статуях отличается тем же спокойствием и здравым смыслом. Рассмотрев поминальные оградки, каменные статуи (102 шт.) и стелы, Л. Р. Кызласов показывает полную несостоятельность гипотезы о том, что каменные статуи являются изображениями «главных врагов», побежденных и убитых тюркскими воинами. Гипотеза эта, возникшая в результате неверного толкования некоторых текстов и слов в китайских хрониках, в последнее время очень упорно защищается А. Д. Грачом, который, исследовав всего 58 изваяний, делает ряд поспешных выводов об этнической их принадлежности [1]. В частности, он полагает, что одним из доказательств принадлежности статуй «врагам» является «косатость» изображений, в то время как по китайским сведениям тюрки носили волосы распущенными, а не заплетенными в косы. Однако косы изображены всего на двух из 58 включенных в книгу статуй — это явно недостаточно для тезиса о «косатости». К тому же обе эти статуи, судя по некоторым изменениям в иконографии, принадлежат уже к более позднему — уйгурскому (по Л. Р. Кызласову) периоду.

Л. Р. Кызласов в рецензии на книгу А. Д. Грача (СА, 1964, 1) выразил уже свое отрицательное отношение к системе доказательств, применяемой этим автором, и поэтому в рецензируемой монографии он основное внимание уделяет развернутому изложению собственных доказательств, построенному настолько последовательно, логично и обстоятельно, что, кажется, теперь уже невозможно возвращаться к гипотезе о статуях — «балбалах» — врагах тюрков.

Ссылаясь на известный тезис Маркса о том, что для всех кочевников типично «соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части», автор дает анализ жизни населения Тувы VI—VIII вв. на третьей (самой развитой экономически) стадии кочевания. При этом он широко использует источники, полученные в последние десятилетия: о земледельческих навыках, о ремеслах и горном деле, о торговле, одежде и верованиях народов той эпохи.

Несмотря на безусловный интерес, с которым читается глава в целом, в ней, как во всяком большом труде, встречаются незначительные недочеты, вернее недосказанности. Например, автору следовало бы больше внимания уделить работам С. И. Вайнштейна, особенно в тех случаях, когда его мнение расходится с мнением или наблюдениями этого ученого. Так, на стр. 22 Л. Р. Кызласов пишет о древней традиции скорченных погребений, сохранившейся в Туве вплоть до VIII в., а С. И. Вайнштейн еще в 1966 г. говорил, что в данном случае Л. Р. Кызласов ошибается и скорченников в VI—VIII в. в Туве нет. Мне представляется, что было совершенно необходимо остановиться в книге на этом вопросе и как-то доказать свою правоту. В результате местами стремление автора разгрузить книгу от дискуссий ослабляет его позиции и делает их легко уязвимыми.

Досадным упущением этой главы несомненно является и отсутствие обоснования датировок. На табл. 1 изображены древности Тувы периода Тюркского каганата

[1] А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, М., 1961.

VI—VIII вв. Однако какие факты дают ему право датировать эти древности таким длительным временем? В подавляющем большинстве случаев он ограничивается только подбором аналогий. Как показали исследования А. К. Амброза [2], древности Евразии следует основательно пересмотреть и передатировать именно потому, что исследователи, как правило, ссылаются друг на друга и забывают, что ни у кого из археологов, занимающихся материалами почти всего I тысячелетия н. э., нет достаточно обоснованной относительной хронологии вещей.

Огромную научную ценность представляет, на мой взгляд, следующая глава книги, посвященная периоду уйгурского каганата. Ценность усугубляется тем, что полная история этого мощного кочевнического объединения VIII—IX вв. до сих пор еще не написана. Благодаря полевым исследованиям Л. Р. Кызласова крепости и курганы этого народа были впервые изучены именно на территории Тувы, являвшейся по существу глубокой провинцией уйгурского каганата,

После краткой истории завоевания Тувы уйгурами, написанной по немногочисленным свидетельствам китайских хроник и по уйгурской надписи на каменной стеле, поставленной в честь уйгурского кагана Моюн-чура, следует характеристика пятнадцати городищ VIII—IX вв., обследованных автором. Форма этих городищ, по его мнению, позволяет связывать их с гуннскими. Действительно, гуннская культура, гуннские строительные традиции не умирали в степях Евразии на протяжении тысячелетий. Временами они затухали, но затем вновь вспыхивали то в одной, то в другой части степи.

Четкость изложения и доказательств, характерные для всей книги, позволяют автору и здесь в предельно лаконичной форме дать ясное представление о различных типах погребальных сооружений, свойственных различным группам населения Тувы того времени. Он впервые проследил и выявил характерные черты уйгурской культуры, до сих пор мало и слабо исследованной: строительные приемы, погребальный обряд, керамический комплекс — все основные признаки, по которым памятники уйгурской культуры можно будет выявить и на других территориях.

Еще Л. А. Евтюховой удалось, благодаря анализу изображенных на каменных статуях вещей, выделить в массе сибирских статуй серию более поздних изваяний[3]. В Туве Л. Р. Кызласов связывает их с уйгурами. Однако читателю остается неясным принцип отделения тувинских поздних статуй от всех остальных. Думается, следовало бы указать, какие черты позволяют ему отличить их от синхронных с ними тюркских статуй, обнаруженных на Алтае, в Монголии и пр.

Заключающий эту главу раздел содержит, помимо общего очерка по истории Тувы в уйгурский период, краткую историю всего Уйгурского каганата, в который Тува входила как одна из завоеванных пограничных провинций. Особенное удовольствие доставляет этот наполненный фактическим материалом и вытекающими из него выводами раздел после чтения книги Л. Н. Гумилева, посвященной той же теме, а именно — Уйгурии в VIII—IX вв., вышедшей из печати за два года до монографии Л. Р. Кызласова[4]. Там в пышной форме повествуется о погубившем «Уйгурское ханство» манихействе, которое разложило семью, способствовало вырождению правящей верхушки и откололо ее от народа. Гибель и вырождение аристократической верхушки (вождей народа) привели к гибели и все государство. Эта концепция, к сожалению, игнорируется Л. Р. Кызласовым, как впрочем, и вся книга Л. А. Гумилева в целом. На мой взгляд, было бы крайне поучительно, если бы Л. Р. Кызласов противопоставил свой здравый смысл и уважение к факту наукообразным построениям Л. Н. Гумилева.

Не меньший интерес представляет следующий раздел книги «Тува в древнехакасском государстве». В нем, как пишет Л. Р. Кызласов, «впервые исследуется новый важный этап в развитии древнехакасского государства, охватывающий период от середины IX до начала XIII века». Эта часть книги представляет собой отдельное монографическое исследование, написанное автором с особенной теплотой и увлеченностью. К сожалению, лимитированный объем книги не позволил ему поместить в этой главе результаты всех исследований, которые провел автор, изучая эту темную страницу в истории своего народа. Так, намеренно сократил он раздел о енисейских стелах, поскольку им было опубликовано несколько работ, посвященных специально вопросу о письменности хакасов. Нет в книге и анализа вещевого материала, хотя именно благодаря вещам удалось Л. Р. Кызласову установить хронологические рамки рассмотренных им хакасских древностей и разделить их на два этапа. Обосновать датировку хакасских древностей было тем более важно и необходимо, что по-настоящему это не было сделано и в отдельной статье, вышедшей из печати еще в 1964 г.[5]

Главе недостает также серии исторических карт, которые не только иллюстриро-

---

[2] А. К. Амброз. Проблемы хронологии раннесредневековых древностей Восточной Европы. Доклад прочитан на объединенном заседании скифо-сарматского и славяно-русского секторов 19.II. 1970 г.

[3] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24 1952.

[4] Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967.

[5] Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении). Вестн. МГУ. 1964, 4.

вали бы текст, но и могли быть источником для дополнительных выводов. Надо сказать, что в других главах книги также мало карт, хотя огромный хронологический период, охваченный Л. Р. Кызласовым на слабо изученных до него землях, нередко невозможно воспринять без сопровождающей текст карты.

Заключительная глава посвящена монгольскому периоду в истории Тувы, датированному XIII—XV вв. Она начинается с исторического очерка о монгольском завоевании в Сибири, в результате которого образовалась монгольская империя Юань, объединявшая множество покоренных земель и народов, в том числе и народы, обитавшие в те столетия в Туве. Как и во всех государствах, образованных завоеваниями кочевников, экономической базой монгольской империи стали ремесленно-хлебопашенные поселения и районы, в которых жило в основном покоренное ими население. Л. Р. Кызласову удалось выделить на территории Тувы два таких района и обследовать несколько поселений-городов, относящихся к этому периоду. Анализ немногочисленных раскопанных могильных сооружений позволил автору, как и в предыдущих разделах книги, разобраться в этническом составе населения Тувы той эпохи. Интересно, что и в этот поздний период хакасы продолжали хоронить своих мертвых по обряду трупосожжения, несмотря на широкое распространение в стране мусульманства и буддизма. Впрочем и остальные, прослеженные в предыдущих главах этнические группы, продолжали существовать в Туве и погребать покойников по своим обычаям. Тем не менее, несмотря на то, что не все прежнее население было уничтожено монголами, его культура и государственность были разрушены. Л. Р. Кызласов ярко показывает, что процесс сложения единой народности, начавшийся в недрах Хакасского каганата, был навсегда прерван, и население Саяно-Алтайского нагорья испытало все ужасы, которые обрушили монголы на головы народов Азии и Европы.

Итак, мы вместе с Л. Р. Кызласовым прошли длинный путь по следам одной из бесчисленных «исчезнувших цивилизаций», хорошо знакомых или еще совсем неизвестных исторической науке. Его книга стерла с лица истории еще одно «белое пятно» и прочно легла в фундамент будущих работ по истории этого края и всей Сибири в целом.

С. А. Плетнева

Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. Изд-во МГУ, 1969, стр. 211, рис. 66, тираж 1800

Первые сведения об археологических памятниках Тувы относятся к началу XVII в. В советской период широкий размах исследований позволил разработать для отдельных частей Сибири классификации археологических культур и создать ряд обобщающих исторических работ. В их числе можно отметить труды С. А. Теплоухова, С. В. Киселева, М. П. Грязнова, А. П. Окладникова, но основное внимание в этих исследованиях уделялось эпохе бронзы и раннего железа. Изучение средневековья долгое время отставало. В исследовании этого периода большая заслуга принадлежит автору рецензируемой монографии, проработавшему ряд лет на территории Тувинской республики.

Книга подводит итог большой работы по изучению средневековья. Она важна не только потому, что раскрывает историю населения средневековой Тувы, но и помогает решить ряд общих проблем, связанных с этнической историей тюркоязычных народов. Положительной стороной рецензируемой работы является разбор истории края с привлечением материала всей Южной Сибири. Исследование построено на исчерпывающем анализе археологических, языковедческих и письменных материалов. Изученные автором разновременные памятники дали ему возможность создать хорошо обоснованную классификацию археологического материала.

Хорошее впечатление оставляет первая глава, посвященная истории изучения Тувы, начиная с XVII в. и кончая нашим временем. Обстоятельное критическое отношение к трудам своих предшественников заслуживает положительной оценки. Читатель может определить вклад каждого исследователя в историю изучения Тувы. Первая публикация Г. О. Мессершмидта, работы Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, исследования Д. А. Клеменца, Н. И. Мартьянова, С. А. Теплоухова, А. В. Адрианова — все это звенья огромной работы, подготовившей успехи нашего времени. Правильную оценку получили работы И. Р. Аспелина, который, несмотря на ошибочность его основной концепции о принадлежности надписей финно-угорским народам, собрал значительное число тюркских памятников, в частности установив взаимосвязь ряда изваяний с могилами.

Автор отметил исследования С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой, Э. Р. Рыгдылона, тюрколога С. Г. Малова, М. Х. Маннай-оола, Л. П. Потапова, А. Д. Грача, Я. И. Сунчугашева и раскопки экспедиции МГУ, работавшей в продолжение многих лет, начиная с 1955 г., под руководством автора настоящей монографии. Особый раздел посвящен работам по истории средневековой Тувы, в числе которых отмечена монография Грум-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край», оценка которой не вызывает возражений.

Прежде чем переходить к разбору исторических глав, следует заметить, что большое внимание уделено анализу обряда погребений. Как и значительное число археологов, автор считает, что погребальный обряд, могильные сооружения являются ключом к раскрытию этнического состава населения. Этот анализ касается не общих черт, которые встречаются на огромных пространствах Евразии, а главным образом деталей погребального обряда и могильных сооружений. Автор в своих более ранних работах, разбирая обрядовую сторону могильников, сумел раскрыть племенной состав населения, примером чего может служить его ранняя монография «Таштыкская эпоха» (изд. МГУ, 1960).

В настоящей книге он снова блеснул мастерским, скрупулезным анализом, давшим ему возможность прийти к хорошо обоснованным выводам. Сопоставление с историческими документами подтвердило его археологическую аргументацию. Погребальному обряду автор, естественно, уделил большое внимание, так как вопросы этнической истории в этой книге занимают значительное место. Анализ этих данных потребовал от автора привлечения большого сравнительного материала, упоминание которого мы встретим на многих страницах данной работы.

Глава II посвящена Туве в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). Много внимания уделено археологическим памятникам. Автор делит погребения на две группы: одну связывает с пришлыми алтайскими тюрками и вторую, без коней, погребенных по старой традиции, приписывает аборигенному населению. Сопоставление инвентаря двух групп погребений дало возможность отнести их к одному времени. Тщательный анализ вещевого материала привел автора к справедливому выводу о том, что материальная культура как пришлых алтайских тюрок, так и местных аборигенов сложилась на основе культур предшествующего времени (стр. 69). К первой этнической группе Л. Р. Кызласов относит и поминальные ограды, анализу которых он уделил достаточно внимания.

Этот раздел особо интересен в связи с той дискуссией, которая разгорелась за последние годы по вопросу смыслового содержания и терминологии каменных изваяний. Этот вопрос, поставленный еще Веселовским в 1915 г., привлек внимание ряда исследователей. Позднее его касался Бартольд. Большую роль сыграла работа Л. А. Евтюховой, опубликовавшей большое собрание изваяний и давшей им правильное толкование.

Четкая систематика сооружений, реконструкция поминального обряда, основанная на анализе археологического материала и сведений письменных источников, не оставляет сомнения в принадлежности изваяний умершим. Дата поминальных памятников установлена обычным археологическим методом на основе анализа вещевого материала и изображенных украшений и оружия. Особо выделена группа сложных поминальных сооружений высшей знати, в одном из которых найден сосуд, повторяющий согдийские прототипы. С этим разделом связан и последующий — «Памятники искусства и письменности», в котором, в частности, дан детальный разбор термина «балбал» (стр. 37). Для решения вопроса привлечен исчерпывающий филологический и исторический материал, данные эпиграфики, этнографии, сведения китайских источников. Можно надеяться, что полнота использованного материала, его всесторонний анализ, перекрестное сопоставление источников убедят научных противников автора монографии, и выход ее в научный обиход прекратит затянувшуюся дискуссию.

Обстоятельно написан раздел о хозяйстве, промыслах и быте. Автор правильно отмечает концентрацию земли и скота в руках немногих членов рода, которые становятся эксплуататорами своих сородичей. Отмечено и оседание одной части населения, что соответствует известному положению К. Маркса, приведенному автором (стр. 46). Состояние источников не позволило выявить причины оседания отдельных групп кочевников. Но у ряда других народов этот процесс тесно связан с обеднением одной части населения. Кочевой образ жизни, как показывают этнографические изыскания, возможен только при определенном количестве скота и определенном соотношении видов. Лошадь и мелкий рогатый скот, хорошо приспособленные для тебеневки, количественно должны преобладать над крупным рогатым скотом. Если такое соотношение нарушается, то кочевник должен переходить к оседлому образу жизни. Если учесть, что лошадиное поголовье восстанавливается медленно, то будет ясно, что разорившийся и осевший кочевник с большим трудом вернется в число кочующих. Немало разорившихся хозяев принуждено были идти в услужение к богатым скотоводам. Процесс, отмеченный в монографии, закономерен и, естественно, должен был иметь место в любом кочевом обществе.

Особый раздел посвящен горному делу и ремеслам. Вопрос о городах еще не разрешен окончательно, однако сведения китайцев и терминологический анализ не оставляют сомнения в существовании городов в VII в. (стр. 47). Всестороннюю характеристику получила торговля. Не прошел автор и мимо бытовых черт, в частности одежды и украшений, которые достаточно хорошо реконструируются по изваяниям.

Интересно написан раздел «Тюркский каганат и население Тувы», посвященный племенному составу населения. Сопоставление письменных сведений с данными археологии заставляет признать правильными построения автора.

Раздел «Общественный строй» охватывает и вопросы политической истории.

Положения, высказанные в этой части, хорошо подтверждаются археологическими данными и письменными источниками. Автор прав, утверждая, что возникновение государства отнюдь не является только результатом включения этой страны в тюркский каганат, оно было обусловлено процессом развития местного общества. Во всяком случае, уже в I тысячелетии до н. э. производительные силы достигли высокого уровня, что вызвало изменения в общественных отношениях. Автор привел фольклорные данные, свидетельствующие о том, что ко времени прихода тюркских племен местное население стояло на грани возникновения государства.

Здесь рассматриваются также система землевладения, повинности рядового населения, переход к религии, которая бы соответствовала феодальным отношениям, отношениям господства и подчинения. Жаль, что состояние источников не позволило раскрыть сохранение шаманизма в виде пережитка и обусловленное этим своеобразие буддизма у местного населения.

Высокой оценки заслуживает третья глава — «Тува в составе уйгурского каганата VIII—IX вв.». Автор начинает ее с истории завоевания Тувы уйгурами, основывая свои положения на письменных источниках и эпиграфических данных. Надпись на стеле Моюн-чура датирует это событие 750—751 гг. Обрисована тяжелая война с чиками. Много внимания уделено археологическому материалу, раскрывающему и дополняющему письменные источники.

Раздел «Города» следовало бы, пожалуй, назвать «Крепости» (стр. 59), так как военное их значение выявлено достаточно всесторонне, но на торгово-ремесленном их характере, что и составляет специфику города, автор почти не остановился. Хорошо подчеркнуто значение их как убежищ, куда скрывалось окрестное население в случае опасности. Это хорошо выявлено археологическими исследованиями, обнаружившими остатки легких каркасных построек. Временным жителям-беженцам и могли принадлежать сломанные зернотерки, жернова ручных мельниц, так же как и плуг. Полагаю, что находка обломков глиняных сосудов, часть которых сделана на гончарном круге, еще не дает оснований приписать их местным ремесленникам. О гончарном ремесле могут свидетельствовать или отвалы бракованной посуды, или наличие гончарных горнов. Находки железных шлаков, характеризующих обработку металла, могут встретиться и в убежищах. Вряд ли можно считать это свидетельством превращения поселка в город. Отдельные обломки танского фарфора также могут принадлежать людям, укрывшимся в крепостях. Пока еще мы не располагаем данными, позволяющими считать эти укрепления городами. Но военное их значение выявлено полно. Об этом говорят планы городищ-крепостей, их топография, расположение по одной дугообразной линии, обращечной фронтом к северу, против хакасов. Интересна прослеженная Л. Р. Кызласовым стена, защищающая территорию с севера. Жаль, что в числе интересных иллюстраций отсутствует схема расположения крепостей.

Большое внимание уделено погребальным сооружениям. Автор прав, приписав каменные округлые насыпи (стр. 65) уйгурам. К сожалению, вопрос о происхождении катакомбных захоронений еще не разработан. Их прототипом скорее всего явились могильные памятники гунно-сарматского времени на Алтае и в Семиречье. Археологам предстоит большая задача — систематизировать катакомбные захоронения, известные в Евразии еще с эпохи бронзы.

Подробную характеристику получили и другие типы погребений, характеризующие различные племенные группы. Большое значение имеет выделение каменных изваяний этого времени, хорошо датированных, имеющих черты, отличающие их от изваяний предшествующего времени. Можно отметить детальный анализ керамики, который позволил выявить архаические черты, восходящие к гуннскому времени (стр. 75). Интересны наблюдения автора над уйгурским луком.

Много внимания уделено внешним связям, которые определили некоторое своеобразие культуры Тувы уйгурского времени. Здесь прежде всего правильно отмечены связи со Средней Азией, известные на этой территории от предшествующих эпох, с Китаем и соседними областями.

Особый раздел посвящен социальному устройству. Автор правильно подчеркивает, что необходимость укрепленного рубежа на северных границах наложила отпечаток на феодальную систему и характер землевладения.

Ряд страниц посвящен религии, в которой наряду с буддизмом сохранялись и черты шаманизма. Говорится о распространении манихейства, с чем автор связывает появление западной ориентировки погребенных, не известной ранее.

Всестороннюю характеристику получило ремесло, в частности горное и плавильное дело. Автор отмечает у тюрок наличие кузнецов, резчиков по кости, каменотесов, ювелиров, скульпторов, строителей и даже архитекторов. Все это говорит о высоком уровне развития ремесла.

Интересны данные о торговле, в частности, с Китаем. Важные соображения приведены о самобытности уйгурской культуры. Можно заметить, что письменность, может быть, являлась достоянием не только богатых и знатных, как считает автор (стр. 86), но и некоторых групп ремесленников, в частности резчиков по камню.

Глава IV посвящена Туве в древнехакасском государстве. Подробно разобраны термины «хакас» и «кыргыз», упоминаемые в источниках VI—XII вв. Большой раз-

дел составляет характеристика этнических групп населения по данным археологии. Здесь, как и выше, основным источником являются погребальные сооружения. Могилы хакасов представлены двумя хронологическими группами IX—X вв. (ранний этап) и XI—XII вв. (поздний этап). Не прошел автор и мимо стел с надписями. Всесторонне охарактеризовано хозяйство, ремесла и торговля. Китайские, арабские, персидские источники, богатые собрания наших музеев явились основой хорошо аргументированных положений этой главы. Можно заметить, что при правильной характеристике широкого размаха торговли хакас почти не затронут вопрос торговли с Ираном, которая хорошо прослеживается в формах посуды, мотивах орнамента, в прикладном искусстве. Можно напомнить, что значительно раньше, еще в I тысячелетии до н. э., на Алтай попадали замечательные произведения Ирана, в числе которых можно назвать ковер из пятого Пазырыкского кургана. Несомненно, вещи из Копенского чаатаса несут на себе влияние как Китая, так и Ирана. Орнаментальные узоры на вещах из Шанчиг навеяны искусством Ирана того времени, и поэтому связи с Ираном заслуживают более развернутой характеристики.

В разделе, посвященном общественным отношениям, интересны положения, основанные на анализе эпиграфического материала. Автор раскрыл на ряде источников феодальную иерархию, организацию армии, для истории которой важны наскальные изображения.

Интересен анализ тамг, позволивший установить границы феодальных владений. Автор проследил наличие центробежных сил, усиление мощи отдельных феодалов, что привело к феодальной раздробленности и было одной из причин разгрома хакасского государства монгольскими войсками. Заканчивается эта глава содержательной характеристикой населения и его культуры, которая дала основание и писателям средневековья и автору высоко оценить мощь и культуру древнехакасского государства.

Последняя, V глава посвящена монгольскому периоду в истории Тувы. Она представляет большой интерес для истории тюркоязычных народов этого периода и этнической истории Золотой Орды. Можно думать, что пока не будет использован материал по ранней истории монгольской империи, пока не будет учтен состав тюркоязычных народов, покоренных монголами, правильного представления о племенном составе Золотой Орды мы не получим. В этом отношении работа Л. Р. Кызласова весьма ценна.

Подробно освещена политическая история. Интересен и содержит много нового раздел о монгольских городах, имеющих в культуре некоторые китайские черты. Правильно отмечены старые ремесленные традиции местного населения и появление чугуна, состав которого сейчас хорошо известен. Чугун широко распространился в Евразии, в том числе в Поволжье и на Северном Кавказе, где он известен в Маджарах.

В книге всесторонне раскрыт облик тувинского города этого времени: дома горожан как рядовых, так и зажиточных, общественные здания, архитектурный декор, культовая архитектура. Хорошо обрисовано ремесло. Отмечена черта тувинских городов, которая была свойственна средневековым городам Европы: жители помимо ремесла занимались и сельским хозяйством. Последнее раскрыто во всей совокупности. Отмечены оросительные системы и орудия труда. Автор пишет, что высокий уровень производства не содействовал поднятию материального благополучия населения, так как созданные ценности вывозили монгольские феодалы (стр. 159).

Как и в первых главах, сильной стороной этой главы является анализ погребальных сооружений, позволяющих раскрыть сложный этнический состав населения. Справедливо отмечено, что в XIII—XV вв. была заложена основа современного этнического состава и физического типа тувинцев.

Заключение посвящено вопросу происхождения тувинцев. Сопоставление всех источников позволило прийти к выводу о местном формировании тувинского народа, в состав которого вошли и тюркские народы, и монголоязычные группы, подвергнувшиеся в процессе совместной жизни полному отюречиванию.

Книга Л. Р. Кызласова представляет оригинальный труд, обогативший историю большого края. В монографии использованы и критически проработаны археологические, языковедческие и письменные материалы. Большую ценность представляют материалы, полученные экспедициями автора. Созданные им систематические классификации по отдельным эпохам интересны археологам не только Сибири, но и более далеких областей. Это особенно важно, если учесть, что I тысячелетие характеризуется широкими межплеменными связями, далекими передвижениями племен. В это время появляются одни и те же типы вещей, начиная от Алтая до Паннонии. Классификация материала, предложенная автором настоящей монографии, несомненно сыграет большую роль в изучении общеевропейского материала. Следует отметить большой вклад Л. Р. Кызласова в изучение городов, оборонительных систем, ремесла и сельского хозяйства. Книга заслуживает самой высокой оценки.

А. П. Смирнов

Среднецнинская мордва VII—XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927—1928 годы). Научная обработка и введение А. Е. Алиховой, под общей редакцией А. П. Смирнова. Мордовское книжное издательство, Саранск, 1969, 22 п. л.

В Моршанском районном краеведческом музее Тамбовской области хранятся интереснейшие материалы по раннесредневековым памятникам мордвы. Они собраны многолетними исследованиями бывшего директора музея, крупного краеведа П. П. Иванова. Им детально изучены Крюковско-Кужновский, Пановский, Елизавет-Михайловский могильники, а также ряд селищ и городищ. По всеобщему признанию, П. П. Иванов проводил археологические раскопки на должном научно-методическом уровне. Как отмечает А. П. Смирнов, полученная исследованиями П. П. Иванова «коллекция по документации может считаться одной из лучших в собраниях наших музеев».

Отдельные материалы из раскопок П. П. Иванова введены в научный оборот А. П. Смирновым в его монографии, посвященной древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья [1]. Под его же редакцией изданы в 1952 г. отдельной книгой дневники всех 586 исследованных погребений Крюковско-Кужновского могильника [2]. А. П. Смирновым впервые научно обоснованы хронологические рамки цнинских памятников, определено их место в этногенезе южномордовских племен.

Последние годы изучением цнинских древностей занималась А. Е. Алихова. В основу рецензируемой книги легли обработанные ею материалы Пановского и Елизавет-Михайловского могильников, раскопанных П. П. Ивановым в 1927—1928 гг. Книга, кроме подробнейших дневниковых материалов, содержит более 50 таблиц рисунков вещей и зарисовок погребений.

Как отмечается в предисловии редактора А. П. Смирнова, «при крайней скудости письменных источников ценность публикуемого материала несомненна. Он освещает многие темные стороны средневековой истории мордвы».

Книга открывается вводной статьей А. Е. Алиховой «Среднецнинская мордва». Автор отмечает, что материалы цнинских могильников говорят о зарождении феодальных отношений у мордвы на рубеже I и II тысячелетия н. э. Уже в VI—VII вв. здесь появляется пашенное земледелие. Оно в корне изменило всю систему земледелия и создало возможность для перехода к новым общественным отношениям. «Происшедшие в связи с этим крупные социальные изменения постепенно привели к формированию феодальных отношений, вполне сложившихся в XII в.» (стр. 5).

Этот вывод А. Е. Алихова подтверждает многочисленными фактами из раскопок древнемордовских могильников, в частности цнинских. По материалам могильников прослеживается наличие у мордвы дружинников. Богатые поясные наборы серебряных с позолотой бляшек, пряжек и привесок, большие ожерелья из бус, ткани со сложным рисунком, многие предметы вооружения богатая верхушка мордвы привозила из южных областей в обмен на меха, мед, воск. С влиянием южных племен автор связывает появление у мордвы обряда захоронения женщин в скорченном положении (стр. 5).

А. Е. Алихова подробно анализирует вещевые комплексы могильников, обряд погребения. Большой интерес представляет прослеженная автором эволюция ряда типичных мордовских украшений почти на протяжении всего I тысячелетия н. э. В этом отношении интересна характерная для мордвы височная привеска с грузиком на конце. В зависимости от размеров привески, формы обмотки и грузика можно судить о ее древности. Для наиболее древних форм характерен короткий стержень, обвитый до 30 оборотов более широкой, иногда трехгранного сечения полоской, оканчивающейся бипирамидальным грузиком. Для самых же поздних характерен тонкий длинный стержень, обвитый до 100 и более оборотов тончайшей проволокой, оканчивающейся тонким каплевидным грузиком. «Эти два крайние варианта височной привески в сочетании с другими предметами, например, различного типа накосниками, позволяют выделить различные по времени захоронения» (стр. 8).

Основываясь на материалах фактически всех известных ныне мордовских могильников, многие из которых раскопаны самим автором, А. Е. Алихова делает вывод о том, что одной из главных черт, определяющих племенную принадлежность того или иного памятника мордвы I тысячелетия, является обряд погребения, прежде всего ориентировка захоронений в отношении стран света. Для I тысячелетия на территории расселения мордвы пока не удается проследить какие-либо коренные отличия в наряде, позволяющие говорить об их племенном разделении. Между тем, по мнению А. Е. Алиховой, различия в костюме существовали, но они заключались в деталях костюма, в его покрое, который до нас не дошел.

В статье делается попытка выделить цнинские памятники мордвы в отдельную самостоятельную группу. Для цнинской мордвы, отмечает автор, была характерна

[1] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 115—130.

[2] Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Крюковско-Кужновский могильник. Моршанск, 1952; А. Ф. Дубынин. Рец.: Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. ВИ, 1954, № 3.

восточная и юго-восточная ориентировка покойников. Второй отличительный признак — наличие женских украшений в мужских погребениях при отсутствии насильственного захоронения женщины вместе с умершим мужчиной. Важной особенностью цнинских памятников А. Е. Алихова считает также присутствие в костюме некоторых элементов, характерных для родственного мордве племени муромы, жившего в соседних прокских районах — обмотка ног узким ремешком с нанизанными на него мелкими бронзовыми обоймочками, наличие в одном погребении типичной муромской коромыслообразной привески (стр. 8). «Уже эти беглые замечания, — отмечает А. Е. Алихова, — показывают некоторое своеобразие, прослеживаемое в цнинских могильниках. В целом все это позволяет высказать предположение, что в моршанской части бассейна Цны жила иная племенная группа мордвы, не сохранившая по ряду причин своего племенного названия и растворившаяся позже среди русского населения».

Аргументация в пользу выделения цнинской группы памятников в самостоятельную группу нам представляется пока еще недостаточной. Обряд погребения в цнинских могильниках фактически одинаков с обрядом известных памятников мордвы-мокши более северных районов (могильники Армиевский, Лядинский, у пос. Заря и др.). Здесь и там господствует южная с незначительными отклонениями ориентировка покойников.

Характерным для всей мордвы I тысячелетия н. э. был и обычай класть в могилы мужчин женские вещи. Как видно, например, по могильникам у пос. Заря (мокша)[3] и Волчихинский (эрзя)[4], женские вещи клали в большом количестве в погребения наиболее богатых мужчин-воинов. Подобные факты встречены также в Армиевском (погр. № 57, 58, 62, 72, 114 и др.).[5], Старшем Кужендеевском (погр. № 2), Казбекском (погр. № 1) и других могильниках мордвы[6].

Наличие в цнинских могильниках единичных вещей муромского происхождения также, на наш взгляд, не может быть подтверждением существования особой группы мордвы, так как эти факты вполне объяснимы тесным контактом цнинской мордвы-мокши с муромой. Обмотка ног ремешком с нанизанными бронзовыми спиралями, которую автор считает типично муромской, встречается далеко за пределами муромской земли[7].

Вместе с этим нельзя, конечно, отрицать, что цнинская мордва имела в своей культуре немало особенностей, которые, по нашему мнению, можно объяснить ее оторванностью от основной массы мордвы-мокши, более тесными связями с югом, восточными славянами.

Опубликованные в книге дневники раскопок Пановского и Елизавет-Михайловского могильников содержат самые подробные описания 280 погребений, исследованных П. П. Ивановым в 1927—1928 гг. Для дневников характерна полнота документации, подробность описания обнаруженных при раскопках остатков костяков и расположения погребального инвентаря, других деталей обряда погребения. Большой интерес представляют записи исследователя по реконструкции костюма, головного убора, нагрудных ожерелий (иногда состоящих из четырех-пяти рядов бронзовых пластинчатых, трубчатых подвесок и различных бус — стеклянных, позолоченных, посеребреных, мозаичных и т. д.), а также пояса, украшений ног.

К дневникам приложены таблицы рисунков и фотографий, сопровождаемые описанием, где указаны наименования рисунков, номера погребений по дневнику. Они составлены А. Е. Алиховой так, что дают представление фактически обо всех характерных вещественных комплексах могильников. Однако в приложениях, к сожалению, нет общих планов могильников и отдельных раскопов, которые бы дали возможность судить о форме и размерах погребальных ям, их размещении в пределах могильников. А эти детали очень важны. Как показали, например, раскопки подобного могильника мордвы-мокши у пос. Заря, в размещении погребений в пределах могильника определенно сказались социальные отношения древней мордвы. Все богатые вещами погребения как мужские, так и женские, в основном сконцентрированы в центральной части могильника и имеют по сравнению с основной массой погребений значительно большие размеры могильных ям.

Указанные отдельные замечания не умаляют общего положительного значения этой ценной книги, являющейся новым важным вкладом в изучение истории мордовского народа. Она вводит в научный оборот, в общую сокровищницу исторической науки новые ценные археологические источники. Книга окажет большую помощь и при изучении истории сопредельных древней мордве районов. Мордовские племена во второй половине I тысячелетия были теснейшим образом связаны с южными племе-

---

[3] М. Ф. Жиганов. К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э. СА, 1961, 4, стр. 161, 162.

[4] Раскопки под нашим руководством проведены в 1959—1960 и 1969—1970 гг.

[5] П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930, стр. 61—63, 78.

[6] М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша. СА, 1959, 1, стр. 218; А. Е. Алихова. Могильник у колхоза «Красный Восток». КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 76.

[7] Например, в Волчихинском могильнике (погр. № 5, 10).

нами, восточнославянским миром, о чем свидетельствуют довольно многочисленные привозные вещи, найденные в цнинских могильниках.

Нельзя не отметить тот факт, что в Моршанском краеведческом музее (директор П. В. Кобзева) бережно хранят наследие прошлого своего края. Благодаря заботам работников музея обеспечена хорошая сохранность всех коллекций из раскопок П. П. Иванова, и в первую очередь погребальных комплексов могильников, что позволяет делать на их основе те или иные исторические выводы.

М. Ф. Жиганов

М. И. Рижский. Из глубины веков. Рассказы археолога о древнем Забайкалье. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1965, 172 стр. 39 рис. Тираж 10 000. Цена 26 коп.

Рассматриваемая книга М. И. Рижского посвящена археологическим памятникам древнего Забайкалья. Она написана как научно-популярная книга и рассчитана на широкий круг читателей.

Из главы I «Каменный век Забайкалья» читатели узнают новейшие данные о первоначальных этапах развития человека на территории Центральной и Восточной Азии, включая и южные районы Сибири, сведения о палеогеографии, животном мире, о различных сторонах производственной деятельности местного населения и т. д., начиная с ранних этапов палеолита и кончая неолитическим временем. Рассматриваются наиболее известные забайкальские памятники этого времени: палеолитическая стоянка у дер. Ошурково, мастерская по обработке камня на Титовской сопке и Шилкинская пещера, в которой были найдены остатки неолитической стоянки и погребения. Автор показывает читателю процесс ведения археологических раскопок и, таким образом, рисует перед ним нелегкую и кропотливую работу археологов в полевых условиях (стр. 31—37). Вряд ли, однако, можно согласиться с предположением о наличии у неолитического населения Шилкинской пещеры огородничества (стр. 55). Находка костяной мотыжки скорее всего свидетельствует о собирательстве [1]. Утверждение автора об импорте изделий из забайкальского (?) желтовато-белого нефрита в Приморье и Китай также не может быть доказанным (стр. 61). Впрочем, весьма вероятно, что речь идет о простой опечатке и имеется в виду прибайкальский нефрит, в распространении которого древние забайкальцы играли роль посредников [2].

Во II главе «Бронзовый век Забайкалья» автор рассказывает об особенностях быта древних скотоводов этой территории, о некоторых существенных изменениях в их общественном строе, о значительном развитии бронзолитейного производства, широком росте обмена с населением соседних областей, а также об их замечательном искусстве. Однако вряд ли правильно его предположение о первоначальном открытии выплавки меди из руды в древнем Двуречье или Египте в IV тысячелетии до н. э. (стр. 67). По последним данным, на территории Малой Азии были обнаружены следы выплавки меди, относящиеся еще ко времени около рубежа VII—VI тысячелетия до н. э. Неверны также и используемые автором данные некоторых исследователей от импорте красных сердоликовых бус из Индии и голубых бирюзовых из Средней Азии (стр. 75). Как показали исследования Г. Г. Леммлейна, такие бусы, нередко встречающиеся в плиточных могилах Забайкалья, были изготовлены из китайского сердолика и тибетской бирюзы [3].

III глава «Ранний железный век» помимо небольшого очерка об открытии человеком добычи и обработки железа, на основании дошедших до нас письменных источников и исследованных археологических памятников знакомит читателя с гуннами — народом, жившим в последние века до нашей эры — первые века нашей эры в Центральной Азии, а затем продвинувшегося на запад, вплоть до Центральной Европы. Автор кратко излагает исторические сведения не только о восточных, но и о западных гуннах, об их хозяйстве, быте, общественном строе, отношениях с соседними народами и т. д. Сделав небольшой экскурс в первоначальную историю открытий и исследований гуннских памятников Забайкалья и Монголии, связанных с именами Ю. Д. Талько-Гринцевича и П. К. Козлова, автор приводит наиболее важные и интересные из них. В частности, например, он убедительно фиксирует наличие земледелия у гуннов, о чем в письменных источниках древних авторов имеются противоречивые свидетельства. Основным недостатком этой главы является то, что она, отрицая связь гуннов с предшествующим населением культуры плиточных могил, отражает только одну точку зрения. Объективности ради

---

[1] А. П. Окладников. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура. МИА. 86, 1960, стр. 56.

[2] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 43. 1955, стр. 196.

[3] Л. А. Евтюхова, Н. Н. Терехова. Плиточные могилы Кондуйской долины. Сб. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 248.

следует, хотя бы кратко, информировать читателя и о наиболее известных в науке взглядах других исследователей [4]. Несомненно, что от информаций такого рода, показывающих всю сложность ряда проблем, стоящих перед исследователями, любая научно-популярная работа значительно выиграла бы в глазах читателя.

IV глава «Монгольские древности» посвящена памятникам Забайкалья, относящимся в основном к периоду I — первой половины II тысячелетия н. э. Ее название отражает лишь основное содержание этой главы, так как помимо древнемонгольских памятников здесь приводятся и некоторые справочные данные о других племенах и народах, населявших в это время Забайкалье (иохэ, уйгурах и др.). Знакомя читателя по письменным источникам с жизнью и бытом древних монголов, с основными событиями их древней истории, автор показывает, как советские археологи внесли существенные изменения в прежние представления об особом будто бы стопроцентно кочевом монгольском феодализме. Приведенные результаты раскопок С. В. Киселевым Кондуйского дворца и Хирхиринского городища убеждают читателя в наличии у монголов времени монгольской державы Чингизидов центров оседлости с дворцами и усадьбами феодалов и с торгово-ремесленным населением. Из других забайкальских археологических памятников читатель получает более или менее обстоятельное знакомство с захоронениями так называемого бархотуйского типа, хотя следует отметить, что их принадлежность к древним племенам сяньби, предкам монголов, еще недостаточно обоснована в научной археологической литературе [5]. Не совсем прав автор, указывая, что родина Темучина (Чингис-хана) находится в Восточном Забайкалье, в урочище Делюн-Болдок, на берегу р. Онон (стр. 141). На территории Монгольской Народной Республики, в верховьях этой же реки, чехословацким ученым Пуха также была обнаружена местность аналогичного названия, которая могла быть не менее вероятной родиной Чингис-хана, если опираться на монгольские сказания [6]. К сожалению, в этой главе встречаются отдельные досадные опечатки. Так, при характеристике орнамента бархотуйской керамики говорится о «нарезных» валиках вместо налепных (стр. 132), а при описании одного захоронения у Хирхиринского городища сообщается, что покойника сопровождал «берестяной кинжал со стрелами» (?) вместо берестяного колчана (стр. 150).

В последней V главе, озаглавленной «Тем, кто любит археологию», дается ряд ценных практических советов краеведам-любителям по поискам и фиксации археологических памятников. При этом автор, указывая на ту значительную помощь, которую оказали специалистам-археологам отдельные местные краеведы-любители в открытии очень важных для науки памятников, показывает и противоположные отрицательные примеры деятельности некоторых других «любителей археологии». Эта глава несомненно является хорошей и доступной инструкцией для краеведов-любителей. Следует, однако, выразить сомнение в том, что неолитические захоронения Забайкалья имели каменную кладку (стр. 162). Ведь по литературным данным известны пока лишь единичные памятники этого рода, обнаруженные случайно, к тому же часто в разрушенном состоянии [7]. Более того, учитывая приводившиеся сведения о некоторых из них, можно заключить, что они были грунтовыми, не имеющими каких-либо определенных признаков каменной кладки [8].

Несмотря на отмеченные частные недостатки, рассмотренная книга М. И. Рижского «Из глубины веков», отражающая последнее слово советской археологической науки по Забайкалью, несомненно может быть признана удачной научно-популярной работой. Она к тому же является трудом, где хотя и кратко, но зато впервые собраны, пожалуй, основные сведения из области забайкальской археологии и истории различных эпох от палеолита до монгольского времени включительно. Автор живо и увлекательно знакомит читателей с наиболее известными и важными археологическими памятниками Забайкалья, с историческим прошлым населявших его племен и народов.

Ю. С. Гришин

---

[4] Л. Н. Гумилев. Хунну. М., 1960, стр. 46—48.

[5] А. П. Окладников и М. И. Рижский. Археологические исследования вблизи станции Оловянной. Уч. зап. Читинского ГПИ, IV, Чита, 1959, стр. 110—116.

[6] Ю. С. Гришин. Древние памятники среднего течения р. Онона. Монгольский археологический сборник. М., 1962, стр. 96, 97.

[7] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, 18, 1950, стр. 61; его же, Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура. МИА, 86, 1960, стр. 9, 10.

[8] В. Толмачев. Предметы костяного века из Восточной Сибири. ГАИМК, II, Л., 1929; Л. Н. Иваньев. Неолитическое погребение в Худунской впадине. Краткие сообщения Бурятского научно-исследовательского комплексного ин-та, 1959, стр. 93—96.

К ЧТЕНИЮ НАДПИСИ НА КОТЛЕ МАСТЕРА АБД АЛЬ-АЗИЗА

(письмо в редакцию)

Во втором номере «Советской археологии» за 1969 г. была напечатана статья М. С. Булатова «Шедевр мастера Абдль Азиза (из истории художественного литья в эпоху среднеазиатского Ренессанса)».

Она посвящена подробному рассмотрению приемов, которыми пользовался мастер, проектировавший и изготовивший замечательный памятник — бронзовый котел 801 г. х./1399 г.

Статья вызывает ряд возражений и замечаний, поскольку содержит много неточностей и искажений. Следует уточнить утверждение М. С. Булатова, что «сосудов бронзового художественного литья таких внушительных размеров мировая средневековая техника не знает» (стр. 225). Это не совсем верно: во дворе пятничной мечети в Герате стоит почти аналогичный по форме бронзовый котел (подставка утрачена), изготовленный в 776 г.х./1375 г. мастером Хасаном ибн Али ибн Хасаном ибн Али Исфахани (размеры: диаметр 174,5, высота чаши около 100 *см*). Этот памятник уже давно известен в науке [1] и недавно был подробно исследован в статье А. С. Меликяна Ширвани [2].

Библиография не является полной, ибо пропущена работа Мир-Салиха Бекчурина, который первый опубликовал чтение надписей на котле [3].

Формула подписи мастера

Вызывает некоторые недоумения ссылка 5, стр. 228: «Абул Вафа Буздджани. Книга о том, что необходимо ремесленникам из геометрических построений. Рукопись на арабском языке. Библиотека Айя София, инв. № 2754 (2753), стр. 52 и 60». Обычно все специалисты-рукописники ссылаются на листы рукописей, а не на страницы, как это сделано у М. С. Булатова. Остается неясным, пользовался ли М. С. Булатов той же стамбульской рукописью, что и С. А. Краснова, выполнившая перевод этого трактата Абул-л-Вафа на русский язык [4], или нет, хотя хранилище одно —

[1] Литературу о нем см.: L. A. Mayer. Islamic Metalworkers and their Works. Geneva, 1959, стр. 43, 44. Воспроизведение его есть в книге: Г. А. Пугаченкова. Искусство Афганистана. Три этюда. М., 1963, стр. 236, но датирован он почему-то XV веком!

[2] A. S. Melikian Chirvani. Un bassin iranien de l'an 1375. «Gazette des Beaux Arts», LXXIII, № 1200, 1969, стр. 5—18.

[3] Мир-Салих Бекчурин. Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане. «Военный сборник», 1866, 6, стр. 214; перепечатка в сборнике «Туркестанская область. Заметки статского советника Бекчурина». Казань, 1872, стр. 58; французский перевод — Mir-Salih Bektchourin. Description de la Mosquée de Hazret située dans la ville de Turkestan. «Recueil d'itinéraires et de voyages dans l'Asie Centrale et l'Extrême Orient». Publications de l'école des langues orientales vivantes. VII, Paris, 1878, стр. 252.

[4] Абу-л-Вафа ал-Буздджани. Книга о том, что необходимо ремесленнику из геометрических построений. Перевод с арабского С. А. Красновой. Сб.: «Физико-математические науки в странах Востока». I(IV). М., 1966, стр. 56—140.

Айя София: у М. С. Булатова инв. номер 2754 (2753), у С. А. Красновой — № 2653 [5] или 2753 [6].

Поскольку М. С. Булатов ссылается на рукопись трактата Абу-л-Вафа, он должен хорошо знать арабский язык. Но тогда непонятно, почему он не придерживается принятой транслитерации: имя мастера всюду в статье написано как «Абдль Азиз», а не «Абд-аль-Азиз», также «Абдл Вафа Бузджани», а не «Абу-л-Вафа ал-Бузджани». В тексте, набранном арабским шрифтом, много опечаток.

Главное возражение вызывает чтение лакаба (почетного прозвания) отца мастера, изготовившего котел. Подпись мастера воспроизводится в статье в арабской графике, но русский перевод ее неполон в первой части. Эстампаж второй половины этой подписи помещен на рис. 2 статьи М. С. Булатова.

Примечание № 2 (стр. 226), которое относится к этой надписи, вызывает у специалиста, знакомого с литературой об этом котле, недоумение. Привожу его полностью: «В ранних исследованиях имеет место разночтение. Оно, очевидно, было обусловлено пропуском в имени отца мастера \ بن/ восстановление которого не оставляет сомнения в правильном чтении М. Е. Массона /سرورالد/بن, между тем неправильное чтение „Шарафаддин" вошло в научный обиход» (стр. 226).

Лакаб отца мастера как «Шараф ад-дин» читали такие известные ученые, хорошо знавшие арабский язык, как П. И. Лерх, Н. И. Веселовский, А. А. Семенов, А. Ю. Якубовский, также и М.-С. Бекчурин. Не сомневался в этом чтении и арабист

Формула подписи мастера

Л. А. Майер [7], который мог видеть котел на III международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в 1935 г. в Ленинграде. Даже в плохом, основанном на чужих копиях издании надписей из мавзолея ходжи Ахмада, выполненном П. Н. Ахмеровым, чтение лакаба отца мастера тоже дается как «Шараф ад-дин».

Только М. Е. Массон предложил в конце 20-х годов нашего века читать этот лакаб как «Сарвар ад-дин» [8]. Но в этих своих работах М. Е. Массон не воспроизводил полностью надписи мастера в арабской графике. Это было сделано только у М.-С. Бекчурина, П. И. Лерха, Н. И. Веселовского, П. Н. Ахмерова и А. А. Семенова. Это последнее обстоятельство очень важно, ибо при чтении имени «Шараф ад-дин» никаких знаков в надпись добавлять не нужно, а при чтении «Сарвар ад-дин» приходится восстанавливать два знака («ин»), поскольку их не хватает (эта разница прекрасно видна на рис. 2 в статье М. С. Булатова). Пред-

---

[5] С. А. Краснова. Геометрические преобразования в трудах ученых средневекового Ближнего и Среднего Востока. Сб.: «Физико-математические науки в странах Востока», I(IV), стр. 43.

[6] Абу-Вафа ал-Бузджани, цит. перевод С. А. Красновой, стр. 139, прим. Возможно, в каком-то случае вкралась опечатка.

[7] L. A. Mayer. Ук. соч., стр. 20.

[8] М. Е. Массон. О постройке мавзолея Ходжи Ахмеда в Туркестане. Известия Среднеазиатского географического общества, XIX, Ташкент, 1929, стр. 45; его же. Мавзолей ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930, стр. 6, 16, 22 (перевод надписи).

шественники М. С. Массона и М. С. Булатова абсолютно ничего не опускали в чтении имени отца мастера!

Помимо этого, чтение «Сарвар ад-дин» вызывает сомнение и с других точек зрения: а) слово «сарвар» — «глава, предводитель» — чисто персидское. Сочетание в лакабе персидского слова с арабским «ад-дин» является весьма и весьма необычным, ибо в нем как норма представлены арабские слова; б) арабская графика позволяет прочесть это слово как чисто арабское — «сурур» («радость, веселье»). Однако такой лакаб, видимо, чрезвычайно редок (мне он не встречался), тогда как «Шараф ад-дин» встречается по нескольку раз в любом средневековом историческом источнике. И к тому же приходится добавлять два знака в слове «дин». Все приведенное выше заставляет отвергнуть чтение лакаба отца мастера как «Сарвар ад-дин».

Представляется полезным привести полное чтение формулы подписи мастера и воспроизвести ее (рис. 1, 2), ибо ранее этого полностью нигде не было. Подпись следует читать так:

عـمـل عبد الفقير الى [ا]لله[9] الغنى[10] || استاد عبد العزيز ابن استاد شرف الدين تبريزى

«Сделал бедный раб (нуждающийся) в Аллахе всевладеющем (богатом), мастер Абд ал-Азиз, сын мастера Шариф ад-дина Тебризи».

Отсутствие должного внимания и уважения со стороны М. С. Булатова к работам его предшественников, среди которых были весьма известные и заслуженные востоковеды, привело его к новым ошибкам.

В литературе имеются расхождения относительно размеров котла. Во время обсуждения настоящей заметки на заседании отделения Ближнего Востока и Византии отдела Востока Государственного Эрмитажа старший нучный сотрудник С. С. Сорокин предложил провести измерение котла и составить соответствующий акт, что и было проделано. Обмер был произведен стандартной металлической рулеткой с помощью ватерпаса, отвеса и рейки. При этом оказалось, что высота и диаметр котла несколько иные, чем приведенные в статье М. С. Булатова (стр. 225): высота 158,3 *см* (средняя величина из четырех измерений), а не 162 *см* (разница в основном из-за высоты поддона 50,8, а не 54 *см*); наибольший диаметр по краю венчика 243,4 *см* (тоже средняя величина из четырех измерений), а не 242 *см*. Эти изменения в размерах мало меняют точность расчетов, приводимых в статье М. С. Булатова, но я хочу воспользоваться возможностью привести точные размеры котла.

А. А. Иванов

---

[9] «Алиф» пропущен в надписи на котле (см. рис. 1).

[10] Такой порядок слов наиболее правилен, на что указывал еще А. А. Семенов (А. А. Семенов. Мечеть Ходжи-Ахмада Есевийского в Туркестане. Изв. Комитета для изучения Средней Азии. 1, Ташкент, 1926, стр. 127), хотя П. И. Лерх и Н. И. Веселовский придерживались такого порядка слов, который приведен в статье М. С. Булатова. Однако чтение «Аллах ал-гани» предпочтительнее не только по смыслу; за это говорит и порядок слов в самой надписи на котле (см. рис. 1). Кроме того, «ал-гани» входит в число 99 эпитетов Аллаха, и выражение «Аллах ал-гани» несколько раз встречается в Коране.

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ

29 марта 1970 г. после тяжелой болезни скончался крупнейший специалист по истории, археологии и этнографии угорских народов Валерий Николаевич Чернецов.

В. Н. Чернецов родился в г. Москве в 1905 г. С 1925 по 1930 гг. он принимал участие в этнографических работах по заданию Комитета Севера ВЦИК СССР в Остяцко-Вогульском национальном округе, соединяя эту работу с занятиями на этнографическом отделении ЛГУ.

С 1930 г. он состоял сотрудником Института народов Севера. С 1935 г. был старшим научным сотрудником и зав. отделом Сибири Института этнографии; в 1940 г. перешел на работу в московское отделение ИИМК (ныне Институт археологии АН СССР), где и проработал до конца своей жизни.

Впервые В. Н. Чернецов выступил в печати в 1927 г. с небольшой этнографической статьей, затем долгое время печатался в изданиях Института этнографии, неизменно выступая как исследователь, прекрасно владеющий различными историческими источниками, археологическими и этнографическими, фольклорными и лингвистическими. Все его работы характеризуются не только знанием конкретного исторического материала, но и точной методикой исследования. Он неоднократно выступал по вопросам методики этногенетических исследований — области, в которой считался общепризнанным авторитетом. Для работ В. Н. Чернецова характерна широта привлекаемого материала, который давал ему возможность рассматривать все явления не в узких рамках, а на широком историческом фоне, что, в частности, позволило ему правильно решать вопросы этногенеза. Уже в одной из своих ранних работ «Очерк этногенеза обских угров», опубликованной в 1941 г., разбирая материалы от позднего неолита до средневековья, в том числе важнейшего памятника нашего севера, Усть-Полуя, он пришел к хорошо обоснованным выводам, которые подтвердились всеми последующими работами.

В памятниках раннего железного века им было выявлено сочетание двух культур — арктического севера и южной степной. Он доказал с большой степенью точности происхождение народов манси и хантов, обратив внимание и на их взаимоотношения с самоедами. Большую роль в развитии угроведения сыграла точность его археологических раскопок. Он выработал и применил методику, отвечающую своеобразию поселений севера Евразии. Большой этап в изучении угорских народов был завершен его кандидатской диссертацией «Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X века», в которой были подведены итоги большой работы, основанной на богатом материале, полученном его археологическими и этнографическими экспедициями. Весьма значителен вклад Валерия Николаевича в разработку систематики археологических культур севера Сибири. С этой целью им был проведен ряд экспедиций в Приобье и изучен материал, хранящийся в центральных и местных музеях. Все это позволило ему создать периодизацию памятников Нижнего Приобья, начиная с неолита и кончая XIII в. При анализе археологического материала исследователь все время обращается к этнографическим данным, помогающим ему не только разобраться в назначении вещей, но и воссоздать исторические и этнические процессы.

Много лет своей жизни он отдал изучению интересного и важного для понимания исторического процесса материала — наскальным изображениям Урала. Он подробно остановился на спорном и малоизученном вопросе о датировке этого материала, существующей в науке. Его критический разбор различных точек зрения и предложенная система датировки на основе сопоставления орнаментальных мотивов наскальных изображений с узорами керамики древних поселений позволяет признать высказанные им положения единственно правильными. Интересны его наблюдения над изобразительным искусством манси и хантов, позволяющие приписать угорскому населению наскальные изображения Урала. Страницы, посвященные анализу этнографического материала и сопоставлению его с писаницами, весьма интересны и с методической стороны, и для понимания смысла уральских писаниц. Это капитальное исследование было подготовлено Валерием Николаевичем в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

За последние годы диапазон его научных интересов расширился, выйдя из рамок древней истории одних угорских народов. Им была разработана тема «К вопросу об этническом субстрате в циркуполярной зоне», где он разбирает гипотезу о возможной генетической связи эскоалеутской группы с уральской семьей.

Интересен доклад, прочитанный на II конгрессе финно-угроведов «Обряды и церемонии, связанные с медвежьим культом у обских угров», в котором были использованы новейшие материалы. Заслуживает внимания его блестящий доклад «Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Сибири в эпоху неолита», зачитанный на отчетной сессии во Львове, явившийся лебединой песней Валерия Николаевича. В нем раскрыты методологические положения, помогающие понять этнические процессы, и были выделены три этнокультурных ареала: Урало-Сибирский, Байкальско-Ленский и ареал даурского типа.

Валерий Николаевич принимал активное участие в научно-общественной деятельности, в международных конгрессах. В 1961 г. он был избран заграничным членом Финно-угорского общества в Хельсинки.

Валерий Николаевич скончался в расцвете творческих сил. Ушел от нас крупный ученый с широкими интересами, блестящий знаток археологии, этнографии и древней истории Сибири. В его лице мы потеряли чудесного, доброжелательного человека, отзывчивого товарища, охотно помогавшего всем, кто к нему обращался за помощью.

А. П. Смирнов

ЕВГЕНИЙ ИГНАТЬЕВИЧ КРУПНОВ

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату — 29 сентября 1970 г. скоропостижно скончался крупнейший советский археолог и выдающийся кавказовед, заведующий сектором неолита и бронзы Института археологии АН СССР и член редколлегии журнала «Советская археология», лауреат Ленинской премии, заслуженный деятель науки КБ АССР и ЧИАССР, доктор исторических наук профессор Евгений Игнатьевич Крупнов.

Трудно поверить, что нет в живых Евгения Игнатьевича — человека с кипучей энергией и большой щедрой душой, глубоко преданного любимой науке и отдавшего служению ей более 40 лет своей жизни. С именем Е. И. Крупнова связаны самые славные и яркие страницы в развитии советской археологической науки и нашего кавказоведения, в истории и жизни центрального археологического учреждения страны — Института археологии АН СССР. Он посвятил свою жизнь изучению археологии, древней и средневековой истории и культуры многонационального Кавказа. Своими трудами Е. И. Крупнов внес неоценимый вклад в развитие советской археологии и кавказоведения, а его выдающийся труд «Древняя история Северного Кавказа», удостоенный Ленинской премии, вошел в золотой фонд советской исторической науки.

Е. И. Крупнов родился 16 марта 1904 г. в г. Моздоке (Северо-Осетинская АССР) в семье служащего. Здесь же он окончил среднюю школу. В 1924 г. Е. И. Крупнов поступает на этнологическое отделение Северо-Кавказского педагогического института во Владикавказе (ныне г. Орджоникидзе) и учится там три года. В 1927 г. он перевелся на исторический факультет Московского университета. Здесь под руководством своего учителя — выдающегося русского ученого В. А. Городцова Евгений Игнатьевич начал специализироваться в области археологии, и в частности археологии Кавказа.

С детских лет Е. И. Крупнов был приучен к труду, любил и ценил его. Будучи еще школьником и студентом, он периодически работал землекопом, рабочим на Грозненских нефтепромыслах и т. д.

После окончания университета в 1930 г. Е. И. Крупнов был направлен на научную работу в Государственный исторический музей. Здесь он проработал более 20 лет до 1951 г., сначала в должности младшего, а затем старшего научного сотрудника. Евгений Игнатьевич принимал активное участие в создании новой экспозиции музея, в течение многих лет он возглавлял кавказские экспедиции ГИМа, был членом Ученого совета и проводил большую общественную работу в музее. Будучи сотрудником музея, он создал и опубликовал впервые свои научные труды. Словом в ГИМе начался творческий путь Е. И. Крупнова, как и многих других видных советских археологов, также прошедших школу этого крупнейшего музея нашей страны.

Но большая часть творческой жизни Евгения Игнатьевича связана с Институтом археологии АН СССР. Он начал работать здесь в 1937 г. С тех пор, не считая 1941—

1945 гг., когда он находился в рядах Красной Армии и защищал свою Родину от немецко-фашистских захватчиков, до конца своих дней Евгений Игнатьевич оставался сотрудником Института археологии АН СССР, занимая различные научные и научно-организационные должности. В частности, он работал младшим, а затем старшим научным сотрудником, был ученым секретарем Отдела полевых исследований, с 1951 по 1960 г. являлся заместителем директора института, а последние восемь лет возглавлял наиболее крупный сектор института — сектор неолита и бронзы. Можно уверенно сказать, что нет ни одного значительного события в жизни института за минувшие 20 лет, которое не было хоть в какой-то степени связано с именем Евгения Игнатьевича.

Кипучая деятельность Е. И. Крупнова отличалась многогранностью. Он был крупным ученым и заботливым педагогом, блестящим организатором науки и активным общественным деятелем. Его научные интересы были связаны прежде всего и главным образом с изучением истории и археологии Кавказа.

Первоначально Е. И. Крупнов сконцентрировал свое внимание на изучении древней и средневековой истории Ингушетии. Уже в конце 20-х — начале 30-х годов он начал принимать участие в историко-этнографических экспедициях Ингушского научно-исследовательского института под руководством известного кавказоведа профессора Л. П. Семенова. С середины же 30-х годов экспедиции в Ингушетию и другие области Северного Кавказа, в частности Северную Осетию, возглавил сам Евгений Игнатьевич. Работы его предвоенных экспедиций увенчались великолепными открытиями. В Ингушетии им был исследован широкий круг памятников, начиная от предскифского времени и до позднего средневековья. К ним, в частности, относится Алхастинское поселение, датируемое началом I тыс. до н. э., Нестеровский могильник скифского времени и многие другие. Эти памятники получили глубокое освещение в большой серии работ Е. И. Крупнова и легли в основу его монографического исследования «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII в.». Данная работа, защищенная им в 1941 г. как кандидатская диссертация, представляет первый в науке сводный труд по истории одного из коренных народов Кавказа — ингушей. Забегая вперед, отметим, что в последние годы своей жизни Е. И. Крупнов снова обратился к изучению истории и культуры ингушского народа и создал большой и оригинальный труд «Средневековая Ингушетия», который выпустит в свет издательство «Наука» в 1971 г.

К числу важнейших достижений в области кавказской археологии предвоенных лет относится открытие Е. И. Крупновым впервые на территории Северной Осетии памятников III—II тыс. до н. э. Им был добыт здесь огромный материал, благодаря которому удалось не только углубить на целых два тысячелетия историю этого края, но и убедительно доказать местные истоки знаменитой кобанской культуры. Этот материал был обобщен в широко известном труде Е. И. Крупнова «Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников энеолита и бронзы)».

Около 30 лет своей жизни Евгений Игнатьевич посвятил изучению культуры Северного Кавказа эпохи поздней бронзы и раннего железа, в особенности кобанской культуры. С его именем связаны исследования таких прославленных памятников этой культуры, как кумбултский могильник «Верхняя Рутха» и Змейское поселение в Северной Осетии, Нестеровский и Луговой могильники и Серженьюртовские I и II поселения в Чечено-Ингушетии, Жемталинский клад и другие памятники в Кабардино-Балкарии и т. д. Итогом его многолетних и систематических работ по изучению кобанской культуры явился капитальный монографический труд «Древняя история Северного Кавказа», успешно защищенный им на соискание ученой степени доктора исторических наук. В этом фундаментальном исследовании, изданном в 1960 г., впервые глубоко и всесторонне прослежено культурно-историческое и общественно-экономическое развитие народов Северного Кавказа в конце II—I тысячелетии до н. э. как часть общей истории Кавказа и всей Юго-Восточной Европы. Дав всеобъемлющую характеристику кобанской культуры, Е. И. Крупнов убедительно показал, что рассмотренный им период имеет особое значение для выяснения этногенеза северокавказских народов. В данном труде он разработал и ряд существенных вопросов, касающихся древней истории и археологии Кавказа в целом, киммерийско-скифской проблемы и т. д. Кстати, в историографии пока нет другой работы, в которой так глубоко и в таком широком объеме была бы изучена скифская проблема применительно к Кавказу, как это сделано в данном труде Е. И. Крупнова. Уже одним этим обстоятельством значение его книги «Древняя история Северного Кавказа» далеко выходит за пределы Кавказа. Она стала настольной книгой для всех, кто занимается древней историей нашей Родины. Поэтому вполне понятно, что этот выдающийся труд был удостоен в 1963 г. Ленинской премии.

Научная деятельность Е. И. Крупнова не ограничивалась изучением древней истории и археологии Ингушетии и Северной Осетии. Он постоянно проявлял интерес к другим областям Кавказа и, в частности к Закавказью и Дагестану, о чем свидетельствует ряд его общих и частных работ. Среди них следует особо отметить его работу «Каякентский могильник — памятник древней Албании», опубликованную в

1940 г. Этот памятник, раскопанный в Дагестане еще в конце XIX в., не был изучен до Е. И. Крупнова. Он не только осмыслил его как памятник позднебронзовой культуры Северо-Восточного Кавказа, но и наметил связи последней с Восточным Закавказьем. Именно после публикации им Каякентского могильника, эта культура стала называться в науке каякентско-хорочоевской.

В 1941 г. Е. И. Крупнов, как и многие советские ученые, вынужден был прервать свою научную деятельность. В первые же дни войны он ушел в народное ополчение и до окончания войны служил рядовым в Советской Армии, являясь одновременно лектором политотдела дивизии.

Сразу же после демобилизации из армии в 1945 г. Е. И. Крупнов с новыми силами и огромной энергией приступает к изучению археологии Кавказа. Созданная под его руководством Северокавказская экспедиция Института археологии АН СССР, ГИМ, местных музеев и научных учреждений развертывает большие стационарные и разведочные работы в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Ставропольском крае. Эти работы увенчались поистине крупными открытиями, позволившими по-новому осветить много важных вопросов истории народов Северного Кавказа.

В частности, в 1946—1949 гг. он исследует в Кабардино-Балкарии разновременные памятники, начиная от майкопской культуры и до позднего средневековья. На основании их изучения Е. И. Крупнов написал много важных работ, в том числе монографию «Древняя история и культура Кабарды», вышедшую в свет в 1957 г.

Начало новой страницы в историко-археологическом изучении Кавказа было положено Е. И. Крупновым раскопками в 1948 г. Таркинского могильника в Дагестане. Дело в том, что здесь были открыты комплексы, впервые указавшие на факт проникновения столь далеко на юг — прикаспийский Дагестан — сарматских этнокультурных элементов.

Важное значение имеет и впервые осуществленное в послевоенные годы Е. И. Крупновым изучение большой группы поселений и городищ скифского времени на Северном Кавказе.

Полевые исследования, проводимые Е. И. Крупновым, охватили не только предгорные и горные районы Северного Кавказа, но и совершенно не обследованные степные пространства Восточного Предкавказья. Именно Е. И. Крупнову принадлежит исключительная заслуга в археологическом изучении обширной и ныне полупустынной территории Северо-Западного Прикаспия. Благодаря его исследованиям (1946—1948, 1952, 1956 гг.) удалось не только воссоздать общую картину развития края с древнейших времен до средневековья, но и добыть материалы, свидетельствующие о связях местного населения с носителями ямной, катакомбной и срубной, киммерийской и другими культурами степей Юго-Восточной Европы. Е. И. Крупнову мы обязаны тем, что именно он впервые так широко поставил вопрос о тесных взаимосвязях Предкавказья с культурами Северного Причерноморья и Поволжья в эпоху бронзы и более поздние исторические эпохи.

Но не только сказанным определяется значение проведенных им исследований в Северо-Западном Прикаспии. Чрезвычайно важное значение этих исследований заключается и в постановке Е. И. Крупновым вопроса, имеющего народно-хозяйственное значение, а именно — вопроса об экономическом возрождении районов Северного Прикаспия и превращения их в цветущий очаг сельского хозяйства.

Охарактеризовать все обширные работы, которые провел Е. И. Крупнов, довольно трудно. Но нельзя не указать здесь на осуществленные под его руководством в Северной Осетии в 1957—1962 гг. большие раскопки первого бытового памятника кобанской культуры — Змейского поселения, а также средневековых памятников — Змейского катакомбного могильника и Верхне-Джулатского городища. На основании изучения последних, в частности, Е. И. Крупнову удалось впервые поставить в широком аспекте проблему связей Северного Кавказа с древней Русью.

Особенно же широкие по масштабам работы были проведены его экспедицией в Чечено-Ингушетии, главным образом на территории собственно Чечни. Эта область еще до недавнего времени оставалась белым пятном на археологической карте Кавказа. Начиная с 1957 г. Северокавказская экспедиция в составе нескольких отрядов под постоянным руководством Е. И. Крупнова сосредоточила свои основные работы на этой территории. В результате в плоскостных, предгорных и высокогорных районах Чечни были открыты и исследованы памятники всех исторических эпох, от палеолита до средневековья и этот край сейчас стал одним из наиболее исследованных в археологическом отношении областей Кавказа. Огромная заслуга во всем этом принадлежит главным образом Е. И. Крупнову.

Ему в значительной степени надо быть обязанным за то, что в настоящее время можно уже писать историю Чечено-Ингушетии с древнейших времен. Кстати он является автором «Истории Кабардино-Балкарской АССР» и первых очерков по истории Чечено-Ингушетии.

Для Е. И. Крупнова как ученого и организатора науки были характерны удивительная целеустремленность, стремление к открытию новых памятников и неизвестных страниц истории народов Кавказа, упорство и настойчивость в достижении поставленных задач. И любое дело, за которое он брался или которое ему поручали, он

выполнял с чувством высокой ответственности, не щадя своих сил и здоровья. Он проявлял огромную работоспособность. Просто поразительно, как удалось ему столько создать. Его перу принадлежит около 200 печатных трудов, включая ряд крупных монографических исследований, посвященных не только всем разделам археологии и древней и средневековой истории Кавказа, но и изучению фольклора и декоративного искусства северокавказских народов.

Беспокойный по натуре, Е. И. Крупнов искренне переживал, что на археологической карте Кавказа имеются еще отдельные белые пятна, что некоторые важные вопросы кавказской археологии остаются нерешенными и т. д. Он обращался к исследованию наиболее кардинальных проблем истории Кавказа, таких, как например, вопросы происхождения народов Кавказа. Особо следует отметить, что на основании новейших данных, полученных раскопками в Закавказье и на Северном Кавказе, Е. И. Крупнов впервые в науке поставил вопрос о древнейшей кавказской этнической общности. Выполненная работа в этой области была доложена им участникам сессии Отделения истории АН СССР в 1963 г., а затем на международном конгрессе востоковедов в Дели, и в настоящее время пользуется широкой известностью.

Последние два года Евгений Игнатьевич много внимания уделял работе над капитальным многотомным изданием — «Археология СССР». Будучи редактором второго тома «Бронзовый век на территории СССР» он не только написал для него большой раздел, посвященный культурам бронзового века Кавказа, но отредактировал весь сборник, а за несколько дней до смерти успел написать к нему обширное предисловие.

Деятельность Евгения Игнатьевича никогда не ограничивалась только научной и полевой работой, какой бы огромной она ни была. Он вкладывал всегда много труда и энергии в организацию научной деятельности и воспитания молодых кадров. Достаточно сказать, что ни один из ученых-кавказоведов не имел и не имеет стольких учеников, как Евгений Игнатьевич. И едва ли кто-нибудь из них уделял своим ученикам столько внимания и заботы, сколько Евгений Игнатьевич. Ученый большой научной эрудиции, он щедро дарил своим ученикам и всем, кто к нему обращался за консультацией или помощью, свои богатые знания и бескорыстно предоставлял им добытые самим, часто в тяжелых условиях, различные археологические материалы. Ему принадлежит огромная заслуга в подготовке национальных кадров археологов. Большой отряд его учеников успешно трудится сейчас как в Москве, так и во многих научных центрах союзных и автономных республик Кавказа. Бесспорно, что, создав свою школу в археологии, Е. И. Крупнов тем самым также внес неоценимый вклад в развитие советского кавказоведения.

В Евгении Игнатьевиче удивительно сочетались высокие качества ученого и гражданина. Он являл собой яркий образец беззаветного служения науке и выполнения гражданского долга.

С 1952 г. Е. И. Крупнов состоял членом КПСС. Как истинный коммунист, всегда чрезвычайно требовательный к себе, он постоянно выполнял большую общественную работу. Е. И. Крупнова избирали депутатом Кировского райсовета г. Москвы и научным консультантом издательства «Большая Советская энциклопедия», а также неоднократно членом партбюро Института археологии, в течение многих лет он являлся заместителем председателя экспертной комиссии ВАКа по историческим наукам и активно сотрудничал во Всероссийском обществе по охране памятников истории и культуры. Его многочисленные лекции в различных аудиториях и городах нашей страны об истории края, результатах раскопок каждого сезона, о своих интересных зарубежных поездках — в Ливан, Сирию, Турцию, Ирак, Индию, Югославию — и т. д. неизменно получали высокую оценку.

За свою научную и общественную деятельность Евгений Игнатьевич был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями Советского Союза, а также почетными грамотами Президиума Верховного Совета Дагестанской, Чечено-Ингушской, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР. Ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки ЧИАССР и КБАССР.

Евгений Игнатьевич отличался высокими человеческими качествами — честностью и принципиальностью, добротой и удивительным обаянием, большой отзывчивостью и доступностью. Всегда было приятно смотреть в его приветливое и мужественное лицо. Всего здесь невозможно сказать о Евгении Игнатьевиче, как о человеке, но еще одно его большое качество следует обязательно отметить. Большой патриот своей Родины, Е. И. Крупнов был подлинным интернационалистом. Он с высочайшим уважением и искренней любовью относился к народам Кавказа, изучению истории и культуры которых посвятил свою прекрасную жизнь. Е. И. Крупнов был удостоен премии крупнейшего арабского (ливанского) поэта Саида Акля.

Обаятельный образ Евгения Игнатьевича, все его труды и добрые дела навсегда сохранятся в нашей памяти.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДЖ — М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
АО — Сб. «Археологические открытия»
АП — Археологічні пам'ятки Україн. РСР
ВДИ — «Вестник древней истории»
ВИ — «Вопросы истории»
ВИСДВ — Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока»
ВМГУ — «Вестник Москв. Госуд. университета»
ВОКМ — Волгоградский областной краеведческий музей
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ГПИ — Госуд. педагогический институт
ГЭ — Госуд. Эрмитаж
ДБК — Древности Босфора Киммерийского
ДП — Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья
Зап. ИРГО — Записки императ. Русского Географического общества
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА (ЗРАО) — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Госуд. Академии истории материальной культуры
Изв. ООН — Известия Отделения обществ. наук
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИРТО — Императ. Русское техническое общество
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
КДУ — Київський державний університет
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УРСР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского госуд. археологич. музея
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МДАПВ — Матеріалі і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
МЭ — Материалы по этнографии
НТЕ — Народна творчість та етнографія
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
САГУ — Среднеазиатский госуд. университет
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СМЕЛА — А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., I, II, III—1887—1901.
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СНП — Студентські наукові праці
СЭ — «Советская этнография»
Тр. АИЧПЕ — Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ГМА — Труды Государственного музея Грузии
Тр. ИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
Тр. Киргиз. АЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ОАМГЭ — Труды Отдела античного мира Госуд. Эрмитажа
Тр. ОИАПК ГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Госуд. Эрмитажа
Тр. САРАНИОН — Труды Секции археологии Российской Ассоциации научно-исслед. институтов общественных наук
Тр. СОМК — Труды Саратовского областного музея краеведения
Тр. ТКОПОРГО — Труды Троицкосавско-кяхтинского отдела Приамурского отделения Русского географич. об-ва
Тр. Таш. ГУ — Труды Ташкентского государственного университета

Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции
ФАН СССР — Филиал Академии наук СССР
ЭВ — «Этнография Востока»
A — Archeologia (Warczawa)
AAH — Acta Archaeologia Hungaricae
AAKbh — Acta Archaeologica København
AJA — American Journal of Archaeology (Cambridge)
APAMNH — Anthropological Papers of the American Museum of Natural History
AR — Archeologické rozhledy (Praha)
Arch. Anz — Archäologischer Anzeiger
ARV — J. D. Beazley. Attic Red-Figured Vase Painters. Oxford, 1942
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities
Bull. SPF — Bulletin de la Société Prehistorique Française
EAF — Etnographische-archaeologische Forschungen
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
JDAI (JDI) — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JPEK — Jahrbuch für prähistorische und etnographische Künst
IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
ISMPR — Illinois State Museum. Preliminary Report
JHS — The Journal of Hellenic Studies
MDAFA — Mémoires de la Delegation archeologique française en Afganistan
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society
PW — Pauly — Wissowa — Kroll. Real Encyclopädia der klassischen Altertumswissenschaft
RA — Révue archéologique
RE — Max Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte
SA — Slovenská Archeologia
SPA — A Survey of Persien Art
WZ — Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Lüter-Universitàt. Halle — Wittenberg.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Л. Г. Мацкевой (Ленинград). Опыт типологической классификации микролитических индустрий Крыма (мезолит — неолит) 3
С. А. Семенов, В. Е. Щелинский (Ленинград). Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях 19
Т. Г. Мовша (Киев). О северной группе позднетрипольских памятников . . 31
О. Н. Бадер (Москва). Погребения на Владычинской стоянке и вопрос о фатьяновской бронзе 55
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Культовая символика петроглифических рисунков в культуре ранней бронзы Южной Сибири 73
М. И. Артамонов (Ленинград). Композиция с ландшафтом в скифо-сибирском искусстве 82
А. В. Давыдова (Ленинград). К вопросу о хуннских художественных бронзах 93
А. Х. Халиков (Казань). Маклашеевская всадница 106
Е. Б. Пругер (Ташкент). Бирюза Илака или «Илакский рудник» бирюзы . 118
Н. С. Гражданкина, Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара 127
В. В. Кропоткин, Д. Б. Шелов (Москва). Памяти Бертье-Делагарда 140

Публикации

Б. Н. Аракелян (Ереван). Клад серебряных изделий из Эребуни 143
А. И. Болтунова (Москва). Курганное погребение IV в. до н. э. под Керчью 159
В. В. Филатов (Москва). Рязанская икона «Параскева Пятница» 173

Заметки

А. А. Формозов (Москва). Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье . 191
М. Н. Клапчук (Делятин). Местонахождение галечных орудий Обалысан I в Центральном Казахстане 193
В. Я. Сергин (Балашиха). Об одной гипотезе одомашнения собаки . . . 195
И. И. Корда (Магнитогорск). Следы каменного века в г. Магнитогорске 200
Т. Г. Мовша (Киев). Святилище трипольской культуры 201
С. Есаян (Ереван). Бронзовые модели культовых площадок древней Армении 205
В. И. Мамонтов (Волгоград). Курганный могильник Колпачки 209
З. А. Билимович (Ленинград). Бронзовый кувшин из VI Семибратнего кургана 216
Е. В. Черненко (Киев). Античный шлем с Нижнего Поднепровья 219
В. С. Драчук (Евпатория). Зеркало с загадочными знаками из Ольвии . . 222
Э. А. Сымонович, А. З. Яровой (Москва, Одесса). Могильник в с. Рыбаковка против о. Березани 229
Н. В. Трубникова, М. В. Фехнер (Москва). Памятник дьяковского времени в Верхнем Поволжье 232
М. В. Горбаневский (Москва). Новые находки на дьяковском городище . . 236
В. Г. Миронов (Энгельс). Сосуд с хвалынского городища № 10 238
В. А. Кузнецов (Грозный). Южный Зеленчукский храм 238
М. Н. Федоров (Ташкент). К вопросу о «серебряном кризисе» и некоторых особенностях денежного обращения в государстве «Великих сельджуков» 244
В. Н. Конкин (Волгоград). Сосуд с прорисовкой из погребения позднего кочевника 249
А. Я. Каковкин (Ленинград). Об изображении «заказчика» на мощехранительнице Стефана из Эчмиадзина 250
А. В. Успенская (Москва). Пекуновское селище и курганы 254
О. В. Овсянников (Ленинград). О замках «болгарского типа» 258
Е. А Рыбина (Москва). Из истории южного импорта в Новгород 260
О. В. Круглова (Загорск). Древняя символика в произведениях народного искусства Ярославской обл. 264

Критика и библиография

Н. Д. Праслов (Ленинград). Ценное пособие по терминологии первобытных каменных изделий 270
Л. В. Кольцов (Москва). W. Taute. Die Stielspitzen-Gruppen in nördlichen Mitteleuropa 272

В. И. Сарианиди, С. А. Панарин (Москва). Investigations at Tal-i-Iblis . . . 274
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). А. Я. Щетенко. Древнейшие земледельческие культуры Декана 280
Л. С. Клейн (Ленинград). N. Kalicz. Die Frühbrozezeit in nordost-ungarn 286
Б. А. Шрамко (Харьков). Е. В. Черненко. Скифский доспех 292
А. М. Хазанов (Ленинград). Е. В. Черненко. Скифский доспех 294
С. А. Плетнева (Москва). Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века . . 295
А. П. Смирнов (Москва). Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века . 298
М. Ф. Жиганов (Саранск). Среднецнинская мордва VII—IX вв. 302
Ю. С. Гришин (Москва). М. И. Рижский. Из глубины веков. Рассказы археолога о древнем Забайкалье 304
А. А. Иванов (Ленинград). К чтению надписи на котле мастера Абд аль-Азиза 306
В. Н. Чернецов 309
Е. И. Крупнов 311

SOMMAIRE

Articles

L .G. Matskévoi (Léningrad). L'essai d'une classification typologiques de la Crimée (Mésolithique-Néolithique) 3
S. A. Sémionov, V. E. Chtchélinsky (Léningrad). L'étude micrométrique des traces du travail sur les outils paléolithique 19
T. G. Movcha (Kiev). A propos du problème du groupe septentrional des monuments de Tripolié tardif 31
O. N. Bader (Moscou). Les sépultures de la station de Vladytchino et le problème des bronzes de Tatianovo 55
M. D. Khlobystina (Léningrad). La valeur symbolique cultuelle des dessins pétroglyphiques dans la culture du Bronze ancien de la Siberie du Sud . . 73
M. I. Artamonov (Léningrad). Compositions aux paysages dans l'art scytho-sibérien 82
A. V. Davydova (Léningrad). A propos des bronzes artistiques de la culture des Huns 93
A. Kh. Khalikov (Kazan). La femme-cavalière de Miklachéévo 106
E. B. Prougher (Tachkent). La turquoise et les carrières d'Ilak 118
N. S. Grajdankina, E. V. Rtvéladzé (Tachkent). L'influence du Kharezm sur l'industrie céramique de la ville de Madjur (la Horde d'Or) 127
V. V. Kropotkine, D. B. Chélov (Moscou). En mémoire de A. L. Bertié-Delagarde 140

Publications

B. N. Arakélian (Erévan). Le trésor des objets en argent provenant d'Erébouni . 143
A. I. Boltounova (Moscou). La sépulture de kourgane du IV siècle avant notre ère découverte à la nécropole de Panticapée 159
V. V. Filatov (Moscou). L'icône de «Paraskéva Piatnitsa» provenant de Riazan 173

Notices

A. A. Formosov (Moscou). Les premières fouilles scientifiques dans le cours inférieur de la Volga 191
M. N. Klaptchouk (Déliatin). La place des outils en galet (Obalyssan I) au Kazakhstan central 193
V. Ya. Serghine (Balachikha). A propos d'une hyporhèse concernant la domestication du chien 195
I. I. Korda (Magnitogorsk). Les vestiges de l'Age de la Pierre à Magnitogorsk 200
T. G. Movcha (Kiev). Le sanctuaire de la culture de Tripolié 201
C. Essaian (Erévan). Les modèles en bronze des aires cultuelles de l'Ancienne Arménie 205
V. I. Mamontov (Volgograd). La nécropole de Kourgane «Kolpatchki» . . 209
E. A. Bilimovitch (Léningrad). La cruche en bronze du kourgane Sémibratny VI 216
E. V. Tchernenko (Kiev). Un casque antique provenant du cours inférieur du Dniepr 219
V. S. Dratchouk (Eupatoria). Le miroir aux signes énigmatigues d'Olbia . 222
E. A. Symonovitch, A. Z. Yarovoi (Moscou, Odessa). La nécropole du village Rybakovka vis-à-vis de l'île de Bérézan 229
N. V. Troubnikova, M. V. Fekhner (Moscou). Le monument de l'époque de Diakovo dans les régions situées au cours supérieur de la Volga 232
M. B. Gorbanévsky (Moscou). De nouvelles trouvailles sur la gorodichtché de Diakovo 236
V. G. Mironov (Engels). Les récipients de la gorodichtché de Khvalynsk N 10 238
V. A. Kouznétsov (Grozny). Un temple situé au sud de Zélentchouk 238
M. N. Fiodorov (Tachkent). A propos du problème concernant «la crise d'argent» et certaines particularités de la circulation monétaire à l'Etat des Grands Seldjoukides 244
V. N. Konkine (Volgograd). Un récipient décoré de dessins tracés trouvé dans la sépulture d'un nomade des époques tardives 249
A. Ya. Kakovkine (Léningrad). A propos de l'image d'un client sur la châsse de Stéphan découverte à Etchmiadzine 250
A. V. Ouspénskaïa (Moscou). Le site non fortifié et les kourganes de Pékounovo 254
O. V. Ovsiannikova (Léningrad). A propos d'un cadenas du type bolgare . . 258
E. A. Rybina (Moscou). Tiré de l'histoire des importations du sud à Novgorod 260
O. V. Krouglova (Zagorsk). La valeur symbolique ancienne des objects d'art folklorique de la région de Yaroslavl 264

Critique et bibliographie

N. D. Praslov (Léningrad). Un outil précieux sur la terminologie relative aux objets primitifs 270
L. V. Koltsov (Moscou). W. Taute. 'Die Stielspitzen-Gruppen in nördlichen Mitteleuropa 272
V. I. Sarianidi, S. A. Panarine (Moscou). Investigations at Tal-i-Iblis 274
Yu. A. Zadnéprovsky (Léningrad). A. Ya. Chtchétenko. Les cultures agricoles les plus anciennes au Dekkan 280
L. S. Kléin (Léningrad). N. Kalicz. Die Frübrosezeit in Nordost-Ungran . . 286
B. A. Chramko (Kharkov). E. V. Tchernénko. L'armure scythique 292
A. M. Khazanov (Léningrad). E. V. Tchernénko. L'armure scythique . . . 294
S. A. Plétniova (Moscou). L. R. Kyzlassov. L'histoire du Touva au Moyen Age 295
M. F. Giganov (Saransk). Les Mordvines de la Zna moyenne du VIII—XI siécles 298
Yu. S. Grichine (Moscou). M. I. Rijsky. «De la nuit des temps». Récit d'un archéologue sur la Transbaïkalie ancienne 302
A. A. Ivanov (Léningrad). A propos du déchiffrement d'une inscription sur le chaudron du maître Abd al-Asise 306
V. N. Tchernetzov 309
E. I. Kroupnov 311

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 16/X—1970 г. Т-01338 Подписано к печати 13/I—1971 г. Тираж 2785 экз.
Закъ 1254 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл.-печ. л. 28,0 Бум. л. 10,0 Уч.-изд. л. 31,3

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10